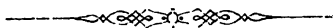

ЗАПИСКИ
ФИЛИПА ФИЛИПОВИЧА
ВИГЕЛЯ.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ.

ИЗДАНИЕ «РУССКАГО АРХИВА».

(ДОПОЛНЕННОЕ СЪ ПОДЛИННОЙ РУКОПИСИ).

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи, Страстной бульваръ.
1893.

1.

Приближался конецъ перваго двадцатипятилѣтія девятнадцатаго вѣка. Всеобщій миръ, устроенный сонмомъ царей на Вѣнскомъ съѣздѣ или, лучше сказать, тѣмъ, кого почитали всѣ ихъ главою, все еще существовалъ. Безпокойный духъ, слѣдствіе революціонной бури, покушался было его нарушить; но его искусствомъ и могущею волею былъ опять восстановленъ. Двойная побѣда его надъ диктаторствомъ Наполеона и надъ раждающимся послѣ того безначаліемъ должна была наполнить душу его справедливою гордостію и довѣренностію къ самому себѣ. Но, нѣтъ, очарованіе исчезло; какъ онъ, такъ и Европа не могли долѣе обманывать себя. Онъ предвидѣлъ новыя безпокойства и Россію посредствомъ военныхъ поселеній намѣревался обратить въ обширный станъ блюститель всемірнаго спокойствія.

Въ продолженіи болѣе полутора года по выѣздѣ моемъ изъ Петербурга, не случилось мнѣ видѣть ни одного пріѣзжаго оттуда, мнѣ хорошо знакомаго человѣка, ни съ кѣмъ не завелъ я тамъ переписки, и, посреди заботъ моего новаго рода служенія въ новомъ краю, сдѣлался я почти чуждъ городу, въ которомъ провелъ большую часть жизни. Однако, хотя изрѣдка, доходили и до меня свѣдѣнія о томъ, что тамъ происходило. Сіи извѣстія мнѣ казались успокоительны. Противодѣйствіе прежнему образу мыслей продолжалось, усилилось, удвоилось. Я не зналъ, что, къ сожалѣнію, самыя плохія, даже вредныя орудія были на то употребляемы.

Аракчеевъ, умнѣйшій изъ всѣхъ дѣйствующихъ тогда лицъ, другъ и блюститель порядка, былъ сильнѣе чѣмъ когда. Жестокій его характеръ былъ однако болѣе вреденъ, чѣмъ полезенъ самодержавію.

Тайная полиція, подъ именемъ Особой Канцеляріи, находилась тогда въ завѣдываніи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Графъ Кочубей какъ бы гнушался этою частію, а преемникъ его, престарѣлый и безпечный Ланской, мало объ ней заботился. Подъ ними этою частію управлялъ статскій совѣтникъ Максимъ Яковлевичъ Фонъ-Фокъ, мнѣ знакомый человѣкъ: ибо отцы наши были друзья, и мы оба образованы были однимъ наставникомъ г. Мутомъ, только онъ лѣтъ шесть попрежде меня.

Онъ былъ Нѣмецкій мечтатель, который свободомысліе почиталъ дѣломъ естественнымъ и законнымъ и скорѣе готовъ былъ вооружаться на противниковъ его. Вообще же онъ никакъ не былъ расположенъ подъ кого-либо подыскиваться.

Рыцарь Милорадовичъ добровольно обратился въ главу шпіоновъ и каждый вечеръ терзалъ Царя цѣлыми тетрадами доносовъ, по большей части ложныхъ. Спасеніемъ угрожаемыхъ было сердце Александра: онъ медлилъ карать и скоро оказывалась безвинность несчастныхъ жертвъ жестокаго легкомыслія Милорадовича. Къ счастью кругъ дѣйствій его былъ не обширенъ: онъ не простирался за предѣлы Петербурга.

Только по части духовной и особенно въ Министерствѣ Просвѣщенія вводимо было нѣчто совершенно инквизиціонное. Министръ Шишковъ былъ не что иное какъ трупъ однимъ злодѣемъ гальванизированный. Я не берусь осуждать людей, которые съ умомъ подъ личиною любезности питають злобу къ каждому человѣку въ особенности: я ихъ не понимаю. Нейстоцимая природа, создавая курицу и гіену, творить часто и людей имъ подобныхъ. По расчетамъ иногда составляютъ они и дружественныя связи; но коль скоро выгоды ихъ того требуютъ, безъ всякаго повода, безъ всякаго сожалѣнія, всегда готовы они отказаться отъ нихъ.

Таковъ былъ Магницкій. Первые годы молодости своей провелъ онъ въ Эпикурейской Вѣнѣ и въ революціонномъ еще Парижѣ; тамъ рано развратилось сердце его. Когда онъ возвратился въ отечество, то сперва вмѣсто трости носилъ Якобинскую дубинку, съ серебряной блухой и съ надписью: *droit de l'homme*. Потомъ онъ былъ самымъ усерднымъ Англоманомъ, а послѣ Тильзитскаго мира отчаяннымъ обожателемъ Наполеона, что, кажется, и было причиной ссылки его въ Вологду. Оттуда назначенъ онъ былъ Воронежскимъ вице-губернаторомъ, а вскорѣ потомъ губернаторомъ въ Симбирскѣ. Въ это время сильно присталъ онъ къ мистицизму и тѣмъ угодилъ министру князю Голицыну, который испросилъ ему мѣсто попечителя Казанскаго Университета, а по званію члена Главнаго Правленія Училищъ, держалъ его при себѣ въ Петербургѣ. Онъ совершенно осѣдлалъ Голицына; но, предвидя скорое его паденіе, способствовалъ оному, войдя въ тайныя сношенія съ его противниками. Вѣзда на Шишковъ показалаъ ему еще гораздо покойнѣе.

Вотъ первый случай, что въ рукахъ его находилась достаточная власть для преслѣдованій: онъ имъ воспользовался. Болѣе всего нападенія его направлены были на Библейское Общество, къ коему онъ принадлежалъ; вообще, нападалъ онъ на все то, что самъ прежде исповѣдывалъ. Горе профессорамъ, которые на каедрѣ дерзнуть выразить

какую-нибудь смѣлую мысль; горе писателямъ, если въ ихъ твореніяхъ ему покажется что-нибудь двухсмысленнымъ; горе ценсорамъ, то пропустившимъ. И еслибъ у него были какія-нибудь убѣжденія! Но онъ никого и ничего не любилъ и ни во что не вѣровалъ.

Подручникомъ себѣ избралъ онъ одного неутомимаго пустомелю Рунича, который въ должности попечителя Петербургскаго Университета занялъ мѣсто умнаго и ученаго Уварова. Этотъ, кажется, былъ чистосердечнѣе, за то уже безсмысленнѣе его ничто не могло быть. Можно себѣ представить, въ какомъ положеніи находилась тогда подрастающая наша словесность.

Знаменитая госпожа Крюденеръ около этого времени испытала также гоненіе правительства. Года три-четыре оставалась она въ Петербургѣ, но ученіе свое мало успѣла въ немъ распространить. Подъ ея предсѣдательствомъ составилось только небольшое общество мечтательницъ. Главнымъ изъ нихъ и ей самой въ 1823 году посовѣтовали выѣхать изъ столицы. Въ числѣ ихъ была и моя любезная, устарѣвшая Александра Петровна Хвостова. Увѣдомляя меня о намѣреніи ихъ избрать мѣстопробываніемъ Южную Россію, она требовала моего совѣта, а я предлагалъ ей Бессарабію. Но какъ она сдѣлалась истинно-набожною, то остановилась въ Кіевѣ, гдѣ и поднесь находится въ живыхъ.

Въ отвѣтъ моему мнѣ вздумалось поэтизировать, въ блестящемъ видѣ представить полуденный берегъ Крыма, который зналъ я только по описаніямъ и наслышкѣ. Письмо мое представила Хвостова на общее сужденіе дамскаго совѣта. Главною распорядительницею въ дѣлѣ переселенія была богатѣйшая изъ сихъ женщинъ, мужественная княгиня Анна Сергѣевна Голицына, урожденная Всеволожская. Описаніе мое, какъ увѣдомляла меня Хвостова, воспламенило ея воображеніе; она начала бредить неприступными горами, стремнинами, шумными водопадами. Какъ всѣхъ на дорогу снабжала она деньгами, то въ капитулѣ имѣла первенствующій голосъ. Какъ леди Стенгопъ на Ливанѣ, избрала она красивое мѣсто надъ моремъ и начала тутъ строить церковь и домъ. Госпожа Крюденеръ съ зятемъ и дочерью, барономъ и баронессой Беркгеймъ, поселилась пока въ маленькомъ городѣ, называемомъ Эски-Крымъ; но вскорѣ потомъ въ 1824 году переселилась въ вѣчность.

За нею скоро послѣдовала привезенная Голицыной одна примѣчательная Француженка. Она никогда не снимала лосиной фуфайки, которую носила на тѣлѣ, и требовала, чтобы въ ней и похоронили ее. Ея не послушались, и оказалось по розыскамъ, что это была жившая долго въ Петербургѣ подъ именемъ графини Гашетъ, свѣчая и клей-

менная Ламоттъ, столь извѣстная до революціи, которая играла главную роль въ позорномъ процессѣ о Королевиномъ ожерельѣ.

Занимая читателя все предметами мнѣ посторонними, медлю говорить ему о себѣ и не знаю, какъ приступить къ тому. Тяжело мнѣ воспоминаніе о мучительномъ, хотя кратковременномъ, губернаторствѣ моемъ.

Всѣ чрезвычайныя обстоятельства, которыя обыкновенно въ губерніяхъ встрѣчаются рѣдко, соединились тутъ, чтобы въ теченіе трехъ мѣсяцевъ задавить меня трудами: дворянскіе выборы, откупа и безпрестанныя заботы о недопущеніи внутрь области распространяющейся заразы. Каждый день обязанъ я былъ находиться по крайней мѣрѣ въ одномъ изъ трехъ присутственныхъ мѣстъ, въ коихъ предсѣдательствовалъ, въ областномъ правительствѣ, въ Казенной Экспедиціи и, наконецъ, въ Верховномъ Совѣтѣ. Изъ первыхъ двухъ дѣлалъ я представленія третьему, который въ присутствіи моемъ могъ ихъ не одобрить, чего однако ни разу не случилось. Въ другихъ губерніяхъ нѣтъ карантинной части, а тамъ, гдѣ она есть, находится подъ управленіемъ градоначальниковъ; тутъ находилась она въ завѣдываніи губернатора. Таможенная и соляная части вездѣ имѣютъ свои особыя управленія, тутъ подчинены были онѣ Казенной Экспедиціи. Если прибавить къ тому довольно обширную заграничную переписку не только съ Буковинскимъ крейсгауптманомъ, но и съ Галиційскимъ генераль-губернаторомъ графомъ Таафе, съ самимъ господаремъ Молдавскимъ и съ Задунайскими Турецкими пашами, то можно расчислить, много ли часовъ въ сутки оставалось мнѣ на отдохновеніе. Счастливы, право, эти господа, которыя управляютъ внутренними губерніями: имъ неизвѣстны мученія пограничныхъ губернаторовъ *).

На первыхъ двухъ дворянскихъ выборахъ, въ 1819 и 1822 годахъ, присутствовали сами намѣстники—Бахметевъ и Инзовъ; сіе было не весьма законно, но, можетъ, необходимо для удержанія незнакомыхъ съ порядкомъ. Были весьма буйныя сцены и, не смотря на ихъ присутствіе, дѣло не разъ доходило до драки. Въ 1825 году не было даже и губернатора, а я, въ противность законовъ, не посмѣлъ бы и заглянуть въ залу выборовъ. И между тѣмъ все на нихъ происходило чинно и благопристойно. Начиная съ областного предводителя Янки Стурдзы, раздраженные бояре не хотѣли вновь принимать занимаемыхъ ими должностей, а предоставляли ихъ мелкимъ, новымъ дворянамъ. Сія не-

*) Екатеринбургскій гражданскій губернаторъ Петръ Нваповичъ Бергъ, согласно желанію своему, былъ въ томъ же званіи переведенъ въ Подольскую губернію. Черезъ шесть мѣсяцевъ подалъ онъ въ отставку, увѣряя, что если еще полгода, то его на свѣтѣ не будетъ.

ожиданность затрудняла послѣднихъ. Не раздѣляя вражды высшихъ противъ меня. нѣкоторые изъ нихъ ежедневно приходили со мною совѣтываться. Я могъ указывать имъ только на немногихъ извѣстныхъ мнѣ людей; другіе же, особенно пріѣзжіе изъ цынутовъ, мнѣ были совсѣмъ незнакомы и уже между собой, безъ всякаго вліянія, безъ всякихъ интригъ и споровъ, могли они избирать достойнѣйшихъ.

Мнѣ самому было смѣшно и нѣсколько совѣстно, когда увидалъ я засѣдающими въ Совѣтъ своихъ новыхъ сослуживцевъ. Ни одной изъ прежнихъ длинныхъ бородъ, которыя присутствіемъ своимъ нѣсколько умножали важность сего Совѣта. На одного изъ новыхъ членовъ, Жигничера Симеона Главче, никогда серіозно не могъ я смотрѣть, а слушать еще менѣе. Его малый ростъ и примѣчательная толщина давали ему видъ шарообразный; казалось, онъ не ходитъ, а всегда катится по полу; сужденія его были столь же странны, какъ и наружность.

Чума продолжала свирѣпствовать, ибо зима стояла теплая, сырая, гнилая. Не въ первый уже разъ сражавшійся съ нею Катакази находился на стражѣ; противъ вторженій ея принималъ онъ самыя строгія мѣры, и за нимъ можно было спать покойно. Но вблизи отъ Дуная находились колоніи; надзоръ чиновниковъ Инзова былъ столь же плохой и слабый, какъ онъ самъ. Съ другой стороны изъ-за Дуная зараза прорвалась и 16 Генваря открылась въ селеніи Бартѣ, между двумя озерами или Дунайскими заливами Ялпухомъ и Кагуломъ. Въ ночи съ 17 на 18 число, въ четыре часа утра, былъ я пробужденъ нарочнымъ, отправленнымъ ко мнѣ отъ Катази. Увѣдомляя меня о семъ несчастіи, какъ говорилъ онъ, ручался только за безопасность мѣстъ, окружающихъ Измаилъ и объявлялъ, что дальнѣйшія мѣры будутъ зависѣть отъ моихъ распоряженій. Вѣсть для меня совсѣмъ незабавная и дѣло совсѣмъ новое. Надобно было немедленно послать приказанія останавливать всѣхъ идущихъ и ѣдущихъ изъ сомнительныхъ мѣстъ и учредить новую карантинную линію. Я не видѣлся съ г. Инзовымъ; тутъ пришлось хотя письменно войти съ нимъ въ сношенія. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что черезъ часъ самъ отправляется на мѣсто. Я тотчасъ послалъ за канцеляріей, и тутъ же у меня съ четырехъ часовъ до десяти утра занимались мы, писали, переписывали и отправляли нарочныхъ.

Когда чума покажется въ какой-либо сторонѣ, то всякой болѣзненной признакъ, котораго въ иное бы время и не замѣтили, производить испугъ: сдѣлается ли сильное головокруженіе или распухнетъ у кого железа. Не одинъ разъ во второй половинѣ Генваря былъ я тревожимъ неосновательными извѣстіями о появленіи заразы. Между прочимъ донесеніе изъ мѣстечка Теленешть разбудило меня часу въ первомъ ночи, когда только что я началъ засыпать; всю ночь долженъ

былъ я съ канцеляріей проработать и только послѣ трехъ сутокъ безпокойствъ и ожиданій узналъ, что это былъ одинъ ложный страхъ. Наконецъ, разъ вечеромъ, часу въ девятомъ, встревоженный полиціймейстеръ пришелъ мнѣ объявить, что едвали въ самомъ Кишиневѣ не оказалась чума. Въ одномъ изъ домовъ нижней части города захворала молодая Цыганка съ признаками сей болѣзни; онъ тотчасъ велѣлъ оцѣпить домъ и призвалъ на совѣтъ Константинопольскаго врача, доктора Фотино, который долго возился съ моровой язвой и въ этомъ дѣлѣ былъ чрезвычайно опытенъ. На открытую галлерею, коими окружена большая часть Кишиневскихъ домовъ, въ нагомъ видѣ вывели больную. Но уже было темно, а Фотино былъ старъ и, при помощи свѣчки и очковъ, ничего не могъ хорошо разглядѣть и рѣшительнаго сказать. Итакъ, дѣло осмотра оставлено до слѣдующаго утра. Не скажу, чтобы эту ночь спалъ я очень покойно. Согласно моему желанію присутствовать при семъ осмотрѣ, рано по утру явился ко мнѣ Радичъ, чтобы сопровождать меня, и я отправился съ любопытствомъ и страхомъ вмѣстѣ. У черномазой не было никакихъ новыхъ припадковъ, и это одно должно было насъ успокоить. Фотино, пристально осмотрѣвъ больную и что-то переговоривъ съ ней по молдавски, радостно засмѣялся и сказалъ, что беспокоиться мнѣ не о чемъ, ибо нарывъ въ лѣвомъ паху этой женщины есть только слѣдствіе ея невоздержной жизни. Съ меня какъ гора съ плечъ свалилась.

Всѣ эти тревоги подали мнѣ мысль карантинной линіей южную степную часть Бессарабіи отдѣлить отъ сѣверной и для большаго удобства сію линію провести вдоль Траянова вала, перепоясывающаго область. Я представилъ о томъ намѣстнику, который однакоже мое намѣреніе не одобрилъ, находя, что опасность не такъ велика и что это будетъ сопряжено съ большими издержками для казны. Почитая меня еще неопытнымъ, онъ, кажется, въ этомъ дѣлѣ мнѣ не слишкомъ довѣрялъ, и я нахожу, что онъ былъ правъ. Впрочемъ, прибавлялъ онъ въ письмѣ своемъ, мы скоро увидимся и можемъ лично о томъ переговорить: я самъ черезъ Кишиневъ намѣренъ ѣхать въ Измаилъ.

Казалось, что у насъ не будетъ зимы, какъ вдругъ 26 Генваря повалилъ ужасный снѣгъ и охолодилъ воздухъ. Сильныхъ морозовъ послѣ того не было, но въ продолженіи почти шести недѣль каждый день падалъ снѣгъ, падалъ и оставался. Такая перемѣна въ атмосферѣ была для насъ весьма благоприятна, ибо съ этого дня чума вездѣ примѣтнымъ образомъ начала слабѣть, между прочимъ и въ Яссахъ, откуда Французскій консулъ Тангоэнъ (ибо нашего тамъ не было) регулярно сообщалъ мнѣ свѣдѣнія объ ней.

Въ это время, 6 Февраля, въ саняхъ прикатилъ къ намъ намѣстникъ. Наканунѣ предупреденный о его прїѣздѣ, въ его квартирѣ, мною обитаемой, я все приготовилъ для его прїема. Онъ пробылъ только два дни. Ни въ обращеніи его со мной, ни въ чувствахъ его ко мнѣ, казалось, ничто не измѣнилось. Онъ отправился въ Измаиль, гдѣ должно было встрѣтиться первое маленькое неудовольствіе его на меня, и оно было началомъ многихъ другихъ непріятностей.

Дивизионный генералъ Ж. . . ., о коемъ уже я говорилъ, старался, что было весьма легко, возбудить во мнѣ челоуѣколюбіе, котораго въ немъ самомъ не было. Онъ представилъ мнѣ жалкое состояніе бѣдныхъ солдатъ его дивизіи, содержащихъ кордонную стражу въ низкихъ и топкихъ мѣстахъ по рѣчкамъ, увѣряя, что они валятся какъ мухи и для того просилъ меня въ мѣстахъ нѣсколько повыше приказать построить для нихъ временныя землянки изъ тростника. Полагая, что это ничего почти не будетъ стоить, и ни съ кѣмъ не посоветовавшись, велѣлъ я сіе сдѣлать изъ суммъ земскихъ повинностей. Въ Измаилѣ явилось къ намѣстнику нѣсколько жителей тѣхъ мѣстъ, на коихъ это взвалили, съ просьбою, объясняющею, сколь сіе для нихъ обременительно, и онъ, переговора о томъ съ корпуснымъ генераломъ Сабанѣвымъ, тутъ находившимся, отмѣнилъ мое приказаніе.

На бѣду случись тутъ одинъ бессмысленный цынутный комиссаръ или засѣдатель, который, затрудняясь, самому графу сказалъ, что неисполненіемъ моей воли онъ боится навлечь на себя мой гнѣвъ. Это было такъ глупо, что должно было размѣшить графа: это похоже на лакея графа Разумовскаго, который потерялъ его шубу и просилъ его не сказывать о томъ управителю. Но нѣтъ, графъ разсердился, и комиссару велѣно сказать, что въ области есть власть повыше моей. Неужели онъ думалъ, что я хочу съ нимъ соперничать? Мнѣ кажется, что, когда чиновникъ подчиненный и покорный, въ короткое время, можетъ приобрѣсть достаточно моральной силы, чтобы заставить себя безусловно повиноваться, то начальникъ, любящій порядокъ, можетъ видѣть въ немъ полезнаго сотрудника. Но, видно, другіе иначе думаютъ.

Когда графъ изъ Измаила воротился въ Кишиневъ, я замѣтилъ въ обращеніи его небольшую переувну. Онъ скоро объяснился со мной и, ничего не упоминая о комиссарѣ, ласково сказалъ: «Что это вы надѣлали? охота же вамъ была послушаться этого мерзавца Ж. вѣдь это настоящая самовольная реквизиція». Я никогда не искалъ оправдываться, когда почиталъ себя виновнымъ даже въ ошибкахъ. Однако я замѣтилъ, что хотѣлъ сохранить воиновъ Царю, но вижу, что всякой долженъ исполнять только долгъ свой, не дѣлая ничего болѣе, ничего менѣе.

Ну, сказалъ я самъ себѣ, пропало мое губернаторство, и скоро самъ графъ подтвердилъ мнѣ это. Въ откровенной будто и тайной бесѣдѣ объявилъ онъ мнѣ сперва, что какъ зараза уменьшается и, вѣроятно, скоро прекратится, намѣрень онъ, не дожидаясь конца, отправиться въ Петербургъ. Потомъ свазалъ по секрету, что какъ ни мастерски Катакази справляется съ чумой, на губернаторскомъ мѣстѣ ему остаться невозможно и что къ нему пишутъ изъ Петербурга, будто Государю угодно на его мѣсто назначить одного статскаго совѣтника Тимковскаго. Я тотчасъ понялъ, что этотъ г. Тимковскій кѣмъ-нибудь ему сильно рекомендованъ, что онъ колебался между нами двумя, но что Измаильская встрѣча заставила его дать предпочтеніе человѣку, котораго онъ вовсе не зналъ.

Не напоминая ему объ обѣщаніи его, сказалъ я, что сія вѣсть мнѣ прискорбна, ибо съ Катакази мы уже свыклись, хорошо знаемъ другъ друга, а съ другимъ, можетъ быть, не поладимъ. «Напрасно вы это думаете, сказалъ онъ: умные люди всегда скоро сойдутся; умъ хорошо, а два лучше, по пословицѣ, и съ вами двумя останусь я совершенно покоенъ на счетъ Бессарабіи». Еслибъ я зналъ Тимковскаго, то приравненіе къ нему совсѣмъ бы мнѣ не показалось лестнымъ.

Что дѣлать? Такъ и быть: мнѣ нельзя еще было помышлять объ оставленіи должности. У меня въ предметъ была важная операція, которую хотѣлось съ честію привести къ концу. Я говорю объ отдачѣ въ откупное содержаніе винной продажи въ Кишиневѣ. Сроки для торговъ уже наступили, но по случаю чумы никто не являлся; графъ обѣщалъ мнѣ кой-кого прислать изъ Одессы и Тирасполя, а у меня въ виду былъ одинъ только человѣкъ. «Какъ вы думаете, спросилъ меня графъ, сотню тысячъ левовъ можетъ намъ дать этотъ откупъ?—Мнѣ кажется, что и сотни тысячъ рублей ассигнаціями будетъ мало.—А сколько же вы полагаете? Да я не помирюсь менѣе какъ на двухъ стахъ пятидесяти тысячахъ рублѣхъ (тогда все считали на ассигнаціи). «Ну полноте, полноте, если вамъ удастся выручить сто тысячъ рублей, я сочту васъ великимъ искусникомъ». Вотъ нашъ послѣдній разговоръ предъ его отъѣздомъ. Расчетъ мой былъ вѣренъ: изъ двадцати шести тысячъ жителей невозможно, казалось мнѣ, чтобы каждый не выпилъ на десять рублей въ годъ. Барышъ основанный на развратѣ мнѣ всегда казался гнуснымъ; но когда вошло въ употребленіе имъ пользоваться, то надобно стараться получить его болѣе.

Официальнымъ предложеніемъ отъ 4 Марта, намѣстникъ увѣдомилъ меня объ отъѣздѣ своемъ въ Петербургъ. Къ нему насчетъ управленія областію приложена была копія съ инструкции губернатору, коею, во время отсутствія его, и я долженъ былъ руководствоваться.

Итакъ, хотя на время, остался я единственнымъ повелителемъ въ Бессарабіи.

Еще въ Февралѣ, въ общемъ присутствіи областного правительства и казенной экспедиціи, начались у меня торги на откупъ. Прикащики одного Одесскаго торговаго дома Ризнича, съ которымъ завелись у меня пріязненные связи, торговались робко, для того только, чтобы надбавить цѣну и, не смотря на мои возбужденія, все опасаясь, чтобы за ними не остался откупъ. Настоящимъ же образомъ торговался одинъ богатый купецъ, Еврей Левинсонъ. Онъ былъ изъ Подольской губерніи, гдѣ помѣщики платили ему долги свои ведрами водки, и ихъ такъ много у него накопилось, что онъ не зналъ куда съ ними дѣваться; мнѣ было это извѣстно, и онъ былъ тайнымъ моимъ упованіемъ. Торги кончились, также переторжка; Одесскіе отказались, и вся сумма не доходила и до двухъ сотъ тысячъ.

Я былъ въ отчаяніи. По законамъ слѣдовало утвердить откупъ за Левинсономъ; ни на чемъ не могъ я основывать дальнѣйшихъ претензій, никакихъ не было давныхъ, ибо дѣло было совсѣмъ новое. Я поступилъ противозаконно, самовластно и назначилъ новые торги. Всѣхъ это изумило, меня сочли сумасшедшимъ, а ко мнѣ явилась неожиданная помощь. Наши Бессарабскіе Жиды ненавидѣли единокровнаго пришельца изъ чужой губерніи, завидуя его состоятельности, богатству, кредиту, даже благородству формъ и дѣйствій. Они составили противъ него заговоръ, набрали кой-гдѣ какія-то недостаточные залого, но съ ними не успѣли выступить на бой. Изъ среды своей избрали они въ семь дѣлъ главою величайшаго мошенника, Фроима Виолина. Я узналъ объ этомъ, призвалъ его, обласкалъ, обнадежилъ, и на новыхъ торгахъ состязался онъ съ Левинсономъ.

Я оказывалъ Виолину явное предпочтеніе, когда говорилъ съ нимъ, всѣ видѣли улыбку добраго съ нимъ согласія и, какъ водится, всѣ стали подозрѣвать меня въ корыстолюбивыхъ съ нимъ связяхъ. Сіе побудило Левинсона просить у меня секретной аудіенціи. «Да скажите мнѣ откровенно, г. вице-губернаторъ, сколько вамъ надобно?» спросилъ онъ. Я, какъ будто не понимая смысла его предложенія, отвѣчалъ: да какъ можно больше.— Я дальше того-то не пойду, сказалъ онъ.— Посмотримъ, отвѣчалъ я. Ничего не понимая, онъ бы отказался, еслибъ ему не было крайней нужды. На торгахъ мой Виолинъ ужасно задорился, къ счастью Левинсонъ пуще его, а я внутренно трепеталъ, чтобы не восторжествовалъ первый, ибо въ послѣдствіи сіе могло бы вовлечь меня въ величайшую отвѣтственность. Наконецъ, о, радость! за триста тысячъ рублей ассигнаціями въ годъ откупъ остался за Левинсономъ.

Я сдѣлалъ о томъ представленіе въ Верховный Совѣтъ, и онъ, то-есть я, утвердилъ оное. Мнѣ хотѣлось, чтобы кромѣ меня никто въ этомъ дѣлѣ не имѣлъ участія и я старался, чтобы до возвращенія Катакази были и контракты подписаны. Ну, право, полководецъ, выигравшій сраженіе, едва-ли могъ радоваться болѣе, чѣмъ я этой побѣдѣ надъ всѣми препятствіями. Я поспѣшилъ также донести о томъ намѣстнику въ Петербургъ и надѣялся удивить его; какой получилъ отъ него отвѣтъ, о томъ говорено будетъ послѣ.

Съ помощію Божіею чума прекратилась въ Измаилѣ и въ другихъ мѣстахъ, и я нетерпѣливо со дня на день ожидалъ возвращенія Катакази, въ надеждѣ, что онъ избавитъ меня отъ глупыхъ хлопотъ, у меня тогда бывшихъ по двумъ частнымъ дѣламъ. Одно изъ нихъ было довольно серіозно, и мнѣ необходимо говорить объ немъ, ибо оно имѣло для меня если не несчастныя, то довольно непріятныя послѣдствія. О другомъ могъ бы я умолчать, но воспоминаніемъ объ немъ хочется развеселить себя, а можетъ быть и читателя.

Пусть вспомнитъ онъ человѣка, о которомъ недавно говорено, Француза барона Риуффа де-Торана, женатаго на сестрѣ Бальша. Она за что-то поссорилась съ нимъ и бѣжала отъ него. Онъ явился ко мнѣ съ требованіемъ велѣть схватить ее и посадить въ какой-нибудь монастырь до тѣхъ поръ, пока она не согласится воротиться къ нему. «Это слишкомъ жестоко, да и не въ моей власти, сказалъ я. Спросите у настоящаго губернатора, когда онъ воротится; вы съ нимъ, кажется, хороши, онъ вамъ дастъ тотъ же отвѣтъ». «Да что вы мнѣ говорите о Катакази, вскрикнулъ онъ, это мокрая курица; а съ вашей энергіей вы сдѣлаете что хотите, ваша воля здѣсь законъ; какъ мнѣ этого не видать?» Могу васъ увѣрить, что еслибъ самъ графъ Воронцовъ захотѣлъ исполнить ваше желаніе, его бы не послушалось духовное начальство, былъ мой отвѣтъ. Никакія убѣжденія мои не дѣйствовали на Француза: у этихъ людей страсти всегда помрачаютъ разсудокъ. Въ надеждѣ склонить меня на жестокой поступокъ, онъ продолжалъ свои посѣщенія. Все жаловался онъ на ея обманъ. «Посудите, говорилъ онъ, она увѣрила меня, что она графиня, тогда какъ у Молдованъ нѣтъ графовъ, увѣряла, что ей двадцать восемь лѣтъ, а ей болѣе сорока пяти; увѣряла, что у нея сорокъ тысячъ левовъ дохода, а едва ли есть и пятнадцать».—Напрасно она это дѣлала, эти прельщенія были не нужны: любя ее, вы и такъ бы женились.—«Я, ее любить, помилуйте; да я женился просто изъ расчета. Да еслибъ вы могли видѣть, какъ она отвратительна, особливо по утру безъ туалета: у нея все фальшивое, и зубы, и волосы, и прочая, и прочая».—Ради Бога перестаньте; когда вы примиритесь, вамъ будетъ жаль, что вы постороннему чело-

вѣку открывали такія супружескія тайны. «Я, примириться съ ней? Ни за что и никогда!»

Узнавъ о частыхъ посѣщеніяхъ мужа и опасаясь Богъ вѣсть чего, г-жа де-Торанъ сама пожаловала ко мнѣ и, входя, бросилась ко мнѣ на шею со словами: «спасите меня». Я ее усадилъ, успокоилъ и началъ выслушивать ея жалобы. Супруга своего называла она разбойникомъ, который неоднократно приступалъ къ ней съ требованіемъ, чтобы она отдала ему ящикъ съ ея брилліантами, и въ послѣдній разъ съ пистолетомъ къ горлу. «Я слабая женщина, будьте моимъ защитникомъ; болѣе того, моимъ отцомъ, говорила она; вы во мнѣ увидите покорность дочери». Какъ всѣ люди не такъ давно, но совершенно вышедшіе изъ молодости, крѣпко за нее хватаются, такъ и я имѣлъ на нее еще нѣкоторыя претензіи: каково же мнѣ было слышать, что старуха предлагаетъ себя мнѣ въ дочери! Тоже что барону говорилъ я и баронессъ: «вы его еще любите, я въ томъ увѣренъ, и непременно помиритесь; для чего же не сдѣлать того скорѣе и избрать кого-нибудь посредникомъ, только не меня?» Въ эту минуту вошелъ слуга доложить, что въ другой комнатѣ дожидается меня г. де-Торанъ. Съ ужасомъ бросилась она вновь ко мнѣ въ объятія и воскликнула: онъ меня убьетъ! «Не опасайтесь ничего: я увѣренъ, что у меня и при мнѣ онъ воздержится отъ всякаго насилія, а я буду имѣть честь проводить васъ до кареты». Сказавъ сіе, взялъ ее за руку и спокойно провелъ ее мимо мужа, который съ бѣшенствомъ смотрѣлъ на насъ. Возвращаясь, пригласилъ я его къ себѣ въ комнату.

«Должность губернаторская весьма пріятна, сказалъ онъ съ злобной улыбкой: можно на единъ принимать жену, а мужа заставлять дожидаться въ передней». — Кажется, вы не долго ждали; а васъ обоихъ вмѣстѣ не могъ я принять. — «Какая мерзавка, продолжалъ онъ самъ съ собою: безъ всякаго стыда посѣщать холостыхъ мужчинъ! И вѣрно (оборотясь ко мнѣ), вы не оставили воспользоваться случаемъ обольстить сію несчастную?» — Вспомните, г. баронъ, все то, что вы мнѣ говорили о прелестяхъ вашей супруги, и послѣ того посудите, могло ли придти мнѣ въ голову, чтобы посягнуть на ея честь? — «Да такъ, изъ тщеславія, и теперь вы будете стоять за нее». — Ни за кого; а если вы непременно того хотите, то должны подать формальное объявленіе о томъ, какія сокровища у васъ похищены и вообще вести дѣло законнымъ порядкомъ. — «Да развѣ въ Россіи есть законы?» — Видно, что есть, когда есть суды.

Насилу могъ я отвязаться отъ этихъ сумасшедшихъ. Черезъ нѣсколько дней пріѣхалъ Катакази, помирилъ ихъ, и они же, встрѣчаясь со мной, отворачивались, какъ будто меня не видятъ. А можетъ быть,

имъ было совѣстно, вспоминая все то, что они другъ про друга мнѣ говорили.

Величественно-уединенно жилъ въ Кишиневѣ Россеть Рознованъ, который былъ богаче, старѣе и надменнѣе всѣхъ другихъ бояръ, прибывшихъ изъ Яссъ. Его высокой станъ, длинная сѣдая борода и шаплевый нарядъ внушали къ нему особое уваженіе. Я мало его зналъ: всего по одному разу посѣтили мы другъ друга и разговаривали посредствомъ переводчика. У него было два сына. Старшій Николай, малый видный, красивый собою, не глупый, женатый и уже разведенный съ женою, завѣдывалъ его дѣлами, хлопоталъ по нимъ и объ успѣхахъ доносилъ ему, дабы отецъ оставался совершенно спокоенъ и ни передъ кѣмъ не унижалъ бы себя просьбами. Другой, Алеко, былъ глупый, праздный, мотоватый молодой человекъ. Онъ задолжалъ двадцать три тысячи червонцевъ одному бояру Георгію Гикѣ, также находившемуся въ Кишиневѣ. Въ Бессарабіи, точно какъ и во всей Молдавіи, не было тогда ни банковъ, ни какихъ другихъ кредитныхъ учрежденій: всякой капиталистъ былъ ростовщикъ и нимало не краснѣлъ отъ того. Вѣроятно молодой Рознованъ наличностію получилъ только четвертую долю требуемой съ него суммы, а между тѣмъ Гика подалъ заемныя письма его ко взысканію. Старикъ взялъ сына подъ защиту, объявивъ его малолѣтнимъ, хотя ему было двадцать шесть лѣтъ отъ роду. Тогда Гика сталъ доказывать, что умершая мать все имѣніе свое отказала меньшому сыну, что отецъ имъ владѣеть, за собою удерживаетъ, и къ нему самому началъ простираť свои претензіи. Дѣло два года пролежало безъ всякаго движенія, и кто бы дерзнулъ чѣмъ-нибудь прогнѣвить всемогущаго Рознована, передъ коимъ сами Катазаки и Крупенской были колѣнопреклоненны? Еслибъ у него было какое-нибудь законное право, то давно бы Гикѣ отказали въ его искѣ. Извѣстно было, что у меня колѣна не гнутся передъ золотомъ: вотъ отъ чего Гика, въ первые дни исправленія мною губернаторской должности, подалъ мнѣ просьбу съ возобновленіемъ своихъ требованій; у меня было такъ много другихъ заботъ, что я не видѣлъ необходимости спѣшить съ этимъ дѣломъ. Узнавъ о томъ, старшій Рознованъ приѣхалъ ко мнѣ; ласками, перемѣшанными съ угрозами, хотѣлъ онъ заставить меня бросить его; вѣрно, репутація моя до него не дошла, или онъ ей плохо вѣрилъ, ибо онъ заговорилъ объ деньгахъ, увѣряя, что когда я буду чувствовать въ нихъ нужду, всегда кошелекъ ихъ для меня будетъ открытъ. Въ такихъ случаяхъ я никогда не сержусь, а улыбаюсь только съ презрѣніемъ. Гика меня лучше зналъ: онъ и не заикнулся даже о денежныхъ пожертвованіяхъ, а только до небесъ возносилъ мое безпристрастіе и безкорыстіе и, долженъ признаться, коснулся тѣмъ слабой струны моей. Впро-

чемъ я ничего лишняго для него не сдѣлалъ, а только что пустилъ дѣло въ ходъ, ибо почиталъ это своею обязанностію, никогда не былъ нѣтъ судьбою, и Рознованамъ не было ни малѣйшаго повода на меня жаловаться.

Они однакоже умѣли изобрѣсти его. Вдругъ получилъ я отъ старика Рознована письмо, коимъ просить меня приказать выдать ему паспортъ за границу, ибо онъ имѣеть намѣреніе отправить въ Молдавію большой обозъ со многими сокровищами. Я велѣлъ исполнить его желаніе, а онъ тайно подослалъ между тѣмъ кого-то къ Гикѣ, чтобы его на этотъ счетъ предупредить. Желая воспрепятствовать сему отправленію и тѣмъ досадить своему противнику, Гика вошелъ ко мнѣ съ прошеніемъ и поставилъ меня въ большое затрудненіе. Я приостановился; тогда Рознованъ прислалъ ко мнѣ какого-то Молдавскаго чиновника со словеснымъ возобновленіемъ своего требованія. Я также словесно объяснилъ ему, что по моему мнѣнію нѣсколько дней ничего не значать и что, оставляя просьбу его безъ отвѣта, разрѣшеніе ея будетъ зависѣть отъ настоящаго губернатора, который на дняхъ непременно долженъ будетъ возвратиться. Послѣ того въ новомъ письмѣ, и довольно грубомъ, Рознованъ требуетъ, чтобы я рѣшительно сказалъ ему да или нѣтъ. Я былъ раздраженъ его неотвязчивостію и сдѣлалъ ему письменный отказъ; однакоже въ немъ сказалъ я, что какъ его нельзя почитать какимъ-нибудь судебнымъ приговоромъ, то губернаторъ по возвращеніи своемъ всегда въ правѣ отмѣнить его, а что касается до меня, то, временно управляя областію, я ничего лишняго не могу взять на свою отвѣтственность. Онъ ничего не думалъ отправлять, а только, говоря простыми словами, ему хотѣлось меня съ Гикой надуть. Онъ выкинулъ сію штуку, говорятъ по совѣту каторжнаго Француза Флѣри, съ тою цѣлію, чтобы, обвиняя меня въ пристрастіи, устранить отъ всякаго участія въ сужденіяхъ по дѣламъ сына своего.

Черезъ два дни послѣ сего отказа 24 Марта пріѣхалъ Катакази и на другой день 25-го, въ день Благосвѣщенія, вступилъ въ должность. Еслибъ у него были наши Русскія суевѣрія, онъ сего бы не сдѣлалъ: въ этотъ день, говорятъ, птица гнѣзда не вьетъ, и никто ни къ какимъ начинаніямъ приступать не долженъ. Наконецъ, я вздохнулъ свободно, и даже сама природа, казалось, торжествуетъ со мною избавленіе мое. Феноменальная въ этомъ краю зима продолжалась почти до половины Марта; тогда только накопившіяся горы рыхлаго снѣга вдругъ стали таять отъ вешняго солнца. Я помню, когда въ городѣ была ужаснѣйшая грязь, мнѣ, живущему въ домѣ Крупенскаго, по сосѣдству съ полемъ, пришла охота прокатиться по немъ въ саняхъ: я взынулъ, я толнулъ въ снѣгу, но изъ числа немногихъ людей, которые могутъ сказать,

что близъ Кишинева развѣзжали въ саняхъ 17 Марта, въ день Алексѣя Божьяго человѣка, съ горь вода, какъ у насъ говорится. Черезъ два дни этого бы я сдѣлать не могъ: не оставалось ни крохи снѣга, а только слѣды его, шумящія ручьи, ревуція потоки; къ концу же Марта сдѣлалось почти лѣто. Сія запоздалая зима была чрезвычайно полезна для края. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ земля немного промерзла, были убиты сѣмяна, осенью пущенныя въ нее саранчей; въ другихъ мѣстахъ вышли они полтора мѣсяца позже обыкновеннаго и оттого, достигнутыя холодомъ, не могли дойти до того возраста, въ которомъ даютъ жизнь другимъ подобнымъ себѣ маленькимъ чудовищамъ.

Благодаря устройству данному казенной экспедиціи почтеннымъ моимъ предмѣстникомъ и усердію честныхъ и трудолюбивыхъ моихъ сотрудниковъ, дѣла шли въ ней какъ нельзя лучше, и заботъ по сей части было у меня весьма мало. Съ Катакази жили мы въ добромъ согласіи, и мало по малу въ Апрѣлѣ утихало сильное волненіе крови моей; но не совсѣмъ и не надолго.

Изъ Петербурга имѣли мы весьма пріятныя извѣстія: Государь принялъ нашего намѣстника какъ нельзя милостивѣе и, въ послѣдній уже разъ отъѣзжая въ Варшаву, пожаловалъ его 5 Апрѣля генераломъ отъ инфантеріи, въ то же время утвердилъ всѣ представленія его о наградахъ. На Бессарабію они были посыпаны. Между прочимъ Катакази получилъ славную аренду въ Хотинскомъ цынутѣ. Но никто изъ пожалованныхъ не былъ такъ обрадованъ, какъ бывшій предсѣдатель гражданскаго суда, новый областной предводитель дворянства, старикъ Башотъ. Когда въ Совѣтѣ вручили ему Аннинскій крестъ второй степени и подъ длинную бороду стали ему подвязывать его, у него слезы навернулись на глазахъ *). Въ этотъ день 5 Апрѣля и я наконецъ произведенъ былъ статскимъ совѣтникомъ.

Не знаю; слѣдовало ли мнѣ много радоваться сему чину. Конечно, я получилъ его безъ университетскаго аттестата, но тогда не такъ строго уже на это смотрѣли. Но когда вспомню, что я могъ бы легко, безъ всякихъ затрудненій, получить его вмѣстѣ съ опредѣленіемъ въ должность вице-губернатора, какъ мнѣ сказывалъ о томъ Бутеневъ и даже со старшинствомъ съ 1818 года (графъ никакъ этого не хотѣлъ), когда вспомню, что сей чинъ слѣдовалъ мнѣ давно и по старшинству, и за выслугу лѣтъ; когда вспомню, что черезъ полтора года

*) Я ошибся, сказавъ, что въ Верховномъ Совѣтѣ не оставалось ни одной бороды: у Башота была преобладающая. Онъ въ Молдавіи былъ спатаремъ: послѣдній изъ первыхъ шести классовъ дающихъ право носить бороду. У насъ въ Россіи съ Молдавскимъ платьемъ всякой могъ бы отпустить ее; но такова была сила обычая и уваженія къ нему, что, исключая имѣющихъ на то право, никто не дозволялъ себѣ того.

толпа прослужившихъ въ чинѣ коллежскаго совѣтника четыре года произведена въ него разомъ, а многіе изъ нея и даромъ; когда вспомню, что это была единственная награда за пятилѣтнее, изнурительное для здоровья моего служеніе въ Новороссійскомъ краю: тогда не вижу великой обязанности много благодарить за то графа Воронцова, и кажется имѣю право вычеркнуть его изъ числа моихъ благодѣтелей.

Въ послѣднихъ числахъ Марта частнымъ письмомъ донесъ я ему объ успѣхѣ торговъ по винному откупъ; слѣдственно оно получено имъ было уже послѣ моего производства. Я ничего не просилъ, ничего не требовалъ, но признаюсь ожидалъ за то особую награду. Когда въ Сенатѣ производятся подобные торги, и они идутъ успѣшно съ приращеніемъ государственныхъ доходовъ, то министрамъ и сенаторамъ на нихъ присутствовавшимъ даются щедрыя награды. Тутъ, хотя въ тѣсномъ кругу, распоряжался одинъ только человекъ и видимо умножилъ казенную пользу, ибо большая сумма въ этотъ разъ полученная за откупъ должна была служить мѣриломъ для будущаго времени. На письмо мое получилъ я высочайшій, милостивый рескриптъ отъ его сіятельства, даже не собственноручный, въ которомъ онъ говоритъ, что отъ усердія и росторопности моей менѣе и ожидать было нельзя.

За одно изъ условій контракта Левинсонъ былъ весьма благодаренъ. У него накопилось множество мѣдной монеты, а ему предоставлено было треть откупной суммы вносить мѣдью. Всѣ чиновники были тѣмъ съ начала весьма недовольны; всѣ, исключая губернатора, но не исключая меня, треть ежемѣсячнаго жалованья должны были получать сею монетою. Это сдѣлано было совсѣмъ не для облегченія Левинсона, но для того, чтобы Русскія мелкія деньги, которыхъ почти не видать было, ввести въ обращеніе, во всеобщее употребленіе и тѣмъ вытѣснить Турецкія пары, сію посребреную шелуху, на которую каждый день курсъ мѣнялся и падалъ, что и спутывало счета. Успѣхъ превзошелъ ожиданія: въ Іюнь на базарѣ все покупалось и продавалось на копѣйки, а къ осени о парахъ уже и слуху не было.

По дѣламъ иногда заходилъ ко мнѣ Левинсонъ. Послѣ графскаго отзыва почувствовалъ я сильную досаду и Еврею-откупщику открылъ важную тайну. Я объяснилъ ему, что совершенно отъ моей воли зависило за сто тысячъ рублей въ годъ отдать ему откупъ и если въ три года заплатить онъ лишнихъ шестьсотъ тысячъ, то это моя вина. Помилуйте, воскликнулъ онъ, какъ вамъ не совѣстно?—Ни мало.—Да скажите, изъ чего же вы такъ бились?—Да такъ, мнѣ хотѣлось умноженія казенныхъ выгодъ, въ чемъ я вижу общую пользу.—Воля ваша, я васъ не понимаю.—Да и не вы одни, мой любезный. Послѣ того я его спросилъ, что еслибъ съ самаго начала открылъ бы я ему истину

и потребовать третью долю того, чего онъ лишается, то есть двѣсти тысячъ рублей, согласился ли бы онъ мнѣ ихъ уступить? «Я на колѣняхъ поднесъ бы вамъ триста», былъ Жидовскій его отвѣтъ. Передъ читателемъ каюсъ въ томъ, что нерѣдко раскаявался въ этомъ, особливо, когда, не смотря на всю мою бережливость, иногда тѣснимъ былъ нуждою. До какихъ постыдныхъ помысловъ не доведетъ несправедливое начальство!

Не изъ Петербурга, а изъ Одессы по секрету увѣдомили меня, что дѣло о Тимковскомъ совсѣмъ полагено, что едва ли уже онъ не назначенъ губернаторомъ и что къ концу Маія навѣрное явится въ Кишиневъ. Тогда рѣшился я изъ него отлучиться; ибо, сколько желалъ я настоящаго губернаторства, столько убѣгалъ временнаго. Никто въ Кишиневъ о сей преднамѣреваемой перемѣнѣ ничего не вѣдалъ; что всего удивительнѣе, самъ Катакази не подозрѣвалъ того.

Мнѣ необходимо было собрать нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ г. Тимковскомъ, о которомъ дотолѣ я не слыхивалъ. Все что узналъ я въ это время и всѣ подробности о немъ дошедшія до меня послѣ, хочу соединить здѣсь, чтобы представить характеристику и біографію сего страннаго человѣка, съ которымъ, къ счастью, судьба никогда не сводила меня по службѣ.

Онъ, кажется, былъ изъ духовнаго званія, какъ многіе у насъ дѣловые люди; съ большимъ успѣхомъ прошелъ семинарское и университетское ученіе и вступилъ въ Иностранную Коллегію. У него были умъ и способности необыкновенныя, онъ былъ незлобивъ и честенъ; чего же кажется лучше для начальника губерніи? Болѣе всего выигрывалъ онъ между людьми чудеснымъ даромъ слова: всѣ слушали его съ пріятнымъ изумленіемъ. Не зная иностранныхъ языковъ, или зная ихъ плохо, онъ за границей употреблень быть не могъ; за то Министерство Иностранныхъ Дѣлъ охотно сужало имъ другія гражданскія вѣдомства. На славу, почти въ видѣ помощника, Стурдзой былъ онъ отправленъ къ Бахметеву въ Бессарабію, гдѣ поручили ему огромное дѣло о претензіяхъ извѣстнаго Армянина Манукъ-бея; имъ однимъ занимался онъ болѣе восьми мѣсяцевъ и составилъ выписку, которая, говорятъ, дѣйствительно могла служить образцомъ ясности слога. На сихъ лаврахъ почилъ онъ и никакихъ другихъ порученій отъ Бахметева принимать не хотѣлъ. Не симъ однимъ вывелъ онъ его изъ терпѣнія, но явнымъ къ нему неуваженіемъ и безпрестанными шутками, на счетъ его распускаемыми. По его настаиваніямъ вызванъ былъ онъ изъ Бессарабіи.

Не знаю, зачѣмъ послали его потомъ въ Оренбургъ. Страна тогда забытая, мало извѣстная и тѣмъ болѣе любопытная; страна ле-

жащая за рубежомъ Азіи, чрезъ которую, рано или поздно, во внутрь сей части свѣта для нашихъ войскъ должна быть устроена обычная дорога. Въ ней послѣ полумертваго князя Григорія Семеновича Волконскаго начальствовалъ тогда слабоумный Петръ Кириловичъ Эссенъ. Тутъ Василій Ѳедоровичъ Тимковскій не хотѣлъ и за перо взяться; а, кажется, было надъ чемъ потрудиться. Все занятіе его, вся забава его состояли въ томъ, чтобы въ глаза трунить надъ бѣднымъ Эссеномъ. Отъ природы острякъ, какъ человѣкъ никогда не жившій въ порядочномъ обществѣ, онъ бывалъ чрезвычайно дерзокъ на языкъ. Какъ-то удалось наконецъ Эссену, недостойному его сотрудничества, освободиться отъ него.

Послѣ того послали его на Ермолова. Онъ отправленъ былъ какъ бы въ качествѣ законодателя и образователя Закавказскаго края. Ермоловъ принялъ его очень хорошо и просилъ заняться дѣломъ. Онъ былъ на то весьма готовъ, но въ продолженіи болѣе полутора года, всякій день собираясь приняться за него, не написалъ ни строчки. Между тѣмъ онъ возненавидѣлъ Ермолова, а за что? Развѣ за его терпѣніе. Скорѣе, мнѣ кажется, за то, что видъ этого человѣка, рожденнаго поведѣвать, и въ немъ смѣльчакѣ производилъ иногда невольное смущеніе, какъ нѣсколько лѣтъ спустя онъ самъ мнѣ въ томъ сознавался. Не только съ нимъ самимъ быть дерзкимъ, ни даже по заочности забавныхъ насмѣшекъ на его счетъ не могъ онъ позволять себѣ: все войско въ Грузіи обожало его, а всѣ жители видѣли въ немъ какой-то могущій духъ. За то послѣ вознаградилъ себя Тимковской. Послѣ доказанной его бесполезности Ермоловъ былъ въ правѣ требовать, чтобы его взяли у него. И тутъ опять, по словамъ его, не постигнули его генія, не умѣли оцѣнить его. Послѣ того жилъ онъ въ Петербургѣ, въ праздности, съ хорошимъ содержаніемъ, и я думаю, цѣлый вѣкъ готовъ бы былъ такъ оставаться.

Трудно объяснить, какъ человѣкъ съ великими способностями, по увѣренію многихъ, могъ принимать на себя важныя обязанности съ намѣреніемъ не исполнять ихъ и думать, что это всегда будетъ сходить ему съ рукъ. Тщеславія въ немъ вовсе не было; съ равными, съ низшими бывалъ онъ даже слишкомъ обходителенъ. Вѣчно веселый студентъ, въ холостомъ обществѣ, онъ скоро дѣлался его душою, и когда инаго и кольнетъ словцомъ, но такъ умно и забавно, что отыметъ возможность разсердиться. За то самолюбіе въ немъ было ужаснѣйшее; мысленно онъ ставилъ себя выше всѣхъ, не питалъ ненависти къ людямъ, но глубочайшее презрѣніе къ нимъ и къ самымъ серьезнымъ, самымъ важнымъ ихъ предпріятіямъ. Онъ думалъ только забавляться ими и, не думая, забавлялъ ихъ. Всякою дожностью онъ

брезгалъ и чувствомъ превосходства своего извинялъ въ себѣ другой порокъ, чрезвычайную лѣность. Родившись въ вѣкъ философізма и либерализма, онъ не вѣровалъ ни въ Бога, ни въ добродѣтель; честь была единственнымъ вѣрованіемъ, которое какъ-то въ немъ уцѣлѣло. Однимъ словомъ, это былъ величайшій эгоистъ, настоящій человѣкъ девятнадцатаго вѣка.

Находясь съ нимъ вмѣстѣ въ Оренбургѣ, трудолюбивый Левшинъ, который въ тоже время написалъ много дѣльнаго и полезнаго о Киргизахъ, плѣнился имъ. Онъ полагалъ, что въ широкомъ объемѣ и съ большою властію послѣдуетъ полное развитіе его высокихъ дарованій. Тихомолкомъ все болѣе входя въ довѣренность графа, онъ часто съ восторгомъ говорилъ ему о чудесномъ Тимковскомъ и указывалъ на него какъ на единственнаго человѣка способнаго устроить Бессарабію. Другаго предстательства за него не было. Вѣроятно, Левшинъ не зналъ еще тогда, что гордыню этого человѣка постигло жестокое наказаніе, самый постыднѣйшій изъ пороковъ: что онъ сдѣлался горькимъ пьяницей.

Какъ легко бы было графу, по пріѣздѣ въ Петербургъ, навести небольшую справку о семь человѣкѣ, котораго другимъ навязывали и котораго самъ онъ искалъ. Да и это было бы не нужно: ъдинъ разъ пьяный пріѣхалъ онъ къ нему обѣдать и за столомъ, еще болѣе напившись, сталъ ко всѣмъ придирается и кому-то наговорилъ большія грубости. Надобно полагать, что графъ расхвалилъ его Государю, а послѣ не хотѣлъ сознаться въ своей ошибкѣ. Да и Тимковскому, зная самого себя, какъ можно было принять такую должность? Не доказываетъ ли это, что онъ совсѣмъ не зналъ трудностей и отвѣтственности съ нею сопряженныхъ, не имѣлъ понятія о нашемъ внутреннемъ управленіи, на которое не обращалъ никакого вниманія, и что практическаго ума въ немъ вовсе не было. Самодержавіе нѣсколько спасаетъ насъ отъ подобныхъ людей; но на Западѣ, тамъ, гдѣ представительныя правленія, они блестятъ на каедрѣ, самыя нелѣпости говорятъ умно и красно, и мнѣніямъ сіи пагубные болтуны даютъ почти всегда ложныя направленія. И вотъ кладъ, съ помощію Левшина открытый Воронцовымъ!

Я взялся говорить правду; безъ того не сталъ бы такъ строго судить своего соперника, тѣмъ болѣе, что послѣ сдѣлался онъ мстителемъ моимъ. Я сказалъ все, что зналъ о немъ, и не такъ скоро придется объ немъ опять говорить.

Мой Одесскій корреспондентъ былъ въ заблужденіи: дѣло о назначеніи новаго губератора не такъ скоро должно было кончиться. Намѣстникъ въ Петербургѣ получилъ сильную глазную болѣзнь, отъ

нея лѣчился и не могъ еще выѣхать; къ тому же дожидался и возвращенія Государя изъ Варшавы. Онъ намѣренъ былъ Катакази, за чуму особенно, выпросить Владимирскую звѣзду (Аннинскую ленту онъ уже имѣлъ). Кажется, при этомъ случаѣ могъ бы онъ и мнѣ за откупъ испросить крестъ того же ордена третьей степени: это было бы ему весьма не трудно; но, видно, онъ не хотѣлъ этого сдѣлать. Для Катакази же все ему казалось мало, и аренда, и звѣзда: онъ непремѣнно хотѣлъ, чтобы съ чиномъ тайнаго совѣтника и со всеѣмъ получаемымъ имъ содержаніемъ былъ онъ опредѣленъ сенаторомъ; однимъ словомъ, хотѣлъ сдѣлать ему золотой мостъ. Все это должно было отдалить назначеніе Тимковскаго.

Я же между тѣмъ, полагая, что въ началѣ Маія полученъ будетъ указъ объ увольненіи Катакази, а въ началѣ слѣдующаго мѣсяца прибудетъ его преемникъ, хотѣлъ потѣшить Курика временнымъ управленіемъ, а себя позабавить путешествіемъ по южной части Бессарабіи, мнѣ еще неизвѣстной. Совѣту донесъ я о намѣреніи моемъ освидѣтельствовать цынутныя казначейства и осмотрѣть на мѣстѣ соляныя озера и таможенныя заставы, а отъ губернатора безъ всякаго затрудненія получилъ подорожную по казенной надобности.

II.

Въ прекрасное Майское утро 6-го числа выѣхалъ я изъ Кишинева. Мнѣ столь знакому Бендерскую дорогу едва я могъ узнать: она показалась мнѣ въ праздничномъ нарядѣ. Съ половины Апрѣля черезъ каждые три дня шли періодическіе дожди и, не затопляя, а увлажняя горячую почву, производили на ней чудесную растительность.

Далѣе за Бендерами начинается степь, и она была еще прекраснѣе. Передо мной разстилался безконечный, роскошный зеленый коверъ, весь усыянный цвѣтами, лиловыми, красными, желтыми, синими. Каждый изъ сихъ полевыхъ цвѣтковъ отдѣльно испускаетъ слабый духъ; но въ совокупности тамъ, гдѣ ихъ бездна, миллиарды ихъ наполняютъ воздухъ такимъ легкимъ, пріятнымъ ароматомъ, что передъ нимъ ничто запахъ нашихъ цвѣтниковъ. Во мнѣ это производило физическое наслажденіе, особенно во время утренней прохлады, которое мнѣ трудно объяснить.

На семь пути до Аккермана встрѣчается одно только мѣсто, сколько-нибудь примѣчанія достойное. Это бѣдное и растянутое селеніе Каушаны. Когда, при Турецкомъ правительствѣ, Татары кочуя занимали весь Буджакъ, то имѣли своего особливаго хана, и тутъ была его столица. Я нашель, что сіи народные владыки не были слишкомъ прихотливы на счетъ великолѣпнаго помѣщенія.

Кажется, по близости, въ сторонѣ, находились двѣ Французско-Швейцарскія колоніи Шабѣ и Драгуль Жители послѣдней были Молдаване, которые тутъ имѣли свои дома, сады и даже православную церковь, на ихъ счетъ построенную. Инзовъ такъ обрадовался Швейцарцамъ, которые не иначе соглашались пріѣхать, какъ на все готовое, что выгналъ прежнихъ жителей, отвелъ имъ другое мѣсто, ихъ недвижимое имущество предоставилъ пришельцамъ и даже церковь обратилъ въ протестантскую. Неимовѣрно, сколько несправедливостей въ отдаленныхъ мѣстахъ начальники иногда позволяютъ себѣ!

На другой день по выѣздѣ изъ Кишинева, пріѣхалъ я въ Аккерманъ, во многихъ отношеніяхъ городокъ примѣчательный. Его знали, имъ владѣли Генуэзцы, подъ именемъ Тираса, которое носилъ тогда Днѣстръ, при устьѣ коего онъ былъ построенъ. Когда Турки завоевали его, то называли Аккерманомъ, Бѣлымъ Городомъ на ихъ языкѣ, и замокъ, построенный Генуэзцами, еще болѣе укрѣпили. Хотя крѣпость сія нынѣ упразднена, но не въ развалинахъ и служить главнымъ украшеніемъ сему мѣсту. Какъ многія изъ рѣкъ, впадающихъ въ Черное море, Днѣстръ образуетъ тутъ лиманъ или заливъ, который имѣетъ девять верстъ ширины между Аккерманомъ и жалкимъ Овидіополемъ. Отъ сего послѣдняго до Одессы всего только 36 верстъ сухимъ путемъ, и слѣдственно городъ, въ которомъ я находился, для Одесскихъ жителей могъ бы служить пріятной прогулкой. Но никто почти изъ нихъ не посѣщалъ его, ибо сообщенія были весьма затруднительны. Нынѣ, говорятъ, когда исправлена дорога въ Овидіополь, по два раза каждый день отправляется изъ него пароходъ, и карантинная линія совсѣмъ снята; это сдѣлалось почти предмѣстіемъ Одессы.

По приглашенію полицеймейстера, обрусѣвшаго Поляка, Антона Кузьмича Бѣликовича остановился я у него. Онъ былъ очень близорукъ и часто разсѣянъ, что не мѣшало ему быть искательнымъ и дальновиднымъ на счетъ выгодъ по службѣ. Жена его, Теофила Осиповна, также Поляка, довольно молодая старалась быть со мною откровенно любезна. Въ обоихъ было старинное гостепрѣимство и не для меня одного, а для всѣхъ; въ маломъ кругу своемъ они были чрезвычайно любимы. Я прожилъ у нихъ болѣе недѣли и знаю, что имъ не былъ въ тягость, ибо просилъ ихъ обо мнѣ много не заботиться, и неимовѣрная дешевизна была тутъ на сѣстныхъ припасы. Въ этомъ благословенномъ мѣстѣ во всемъ было изобиліе. Рѣчной рыбы всегда бездна, а морская наполняетъ лиманъ, когда бываетъ сильный южный вѣтеръ. Владѣльцы земель въ окрестностяхъ никогда не знаютъ неурожая; когда бываетъ дождливое лѣто, пшеницей, кукурузой и сѣномъ могли бы они, кажется, снабдить всю область; жаркое лѣто, даже засуха бываютъ весьма по-

лезны для винограда, которымъ такъ славится Аккерманъ; да и соль въ это время гораздо въ большемъ количествѣ садится на озерахъ: земледѣліе, винодѣліе, соляная промышленность, все тутъ есть!

Я велъ жизнь растительную, пожалуй хотъ назови ее скотскую; старался ни о чемъ не думать, ничего не дѣлать, только ходилъ, шилъ и ѣлъ. Не знаю, для головы послѣ тяжкихъ заботъ не болѣе ли еще нужно отдохновеніе, какъ для тѣла послѣ сильныхъ трудовъ. Въ цынутномъ этомъ городѣ и тогда уже считалось до тринадцати тысячъ жителей разныхъ происхожденій, привлеченныхъ вѣроятно здоровымъ климатомъ и веселыми видами на лиманъ. Отъ того-то, на нѣсколько верстъ весь тянулся онъ неправильнымъ образомъ по берегу его. Тамъ гдѣ кончаются строенія, начинаются сады; ими также усѣянъ былъ этотъ берегъ. Турки безъ большихъ усилій насадили ихъ и бросили потомъ, когда Русскимъ должны были уступить крѣпость въ 1806 году. Они наполнены были преимущественно плодовитыми деревьями, нерегулярно насажденными, что по достиженіи ими высокаго роста симъ садамъ давало видъ натуральныхъ рощей. Съ большимъ удовольствіемъ гулялъ я по нимъ; особенно нравились мнѣ въ нихъ большіе каменные гроты, самую природою образованные, въ которые вода шумно вливалась изъ лимана.

Симъ садамъ не было счету. Ихъ раздавали всѣмъ кто пожелалъ ихъ имѣть. Нѣкоторые (и въ томъ числѣ вдова полковника Арсеньева, бывшаго тутъ комендантомъ, которая изъ нихъ составила себѣ славную дачу) имѣли предосторожность записать на нихъ законными документами. Другіе, и самое большое число, владѣли ими безъ всякихъ письменныхъ актовъ. Симъ воспользовался одинъ чудакъ, Сардинскій графъ Паравичини. До Тильзитскаго мира была мода принимать въ нашу службу Піемонтскихъ офицеровъ; онъ попалъ въ число ихъ и былъ опредѣленъ не менѣе какъ подполковникомъ по арміи. Отсутствіе крестовъ и медалей на груди его показывало, что въ военное время онъ употребленъ не былъ. Потомъ былъ онъ полковникъ; наконецъ, уволенный съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, искалъ мѣста. Графъ сего графа назначилъ областнымъ лѣсничимъ въ Бессарабію, создавъ для него сіе мѣсто, не совсѣмъ соотвѣтствующее его высокому чину. вмѣсто того, чтобы заботиться не столько еще о сохраненіи лѣсовъ, какъ о разведеніи ихъ въ Буджацкой степи, онъ предпочелъ часть садовую и съ дозволенія намѣстника поселился въ Аккерманѣ. Тутъ началъ онъ отбирать всѣ сады, на владѣніе коими не было ясныхъ доказательствъ; давность тутъ ничего не помогала, все обращено въ казенное имущество. Изъ всего составилъ онъ нѣчто цѣлое, обвелъ

его глубокимъ рвомъ и поставилъ высокіе ворота съ надписью Jardin Impérial.

Не надобно забывать, что по должности своей былъ онъ членомъ казенной экспедиціи, являлся въ нее иногда, но будучи старѣе чиномъ, ни за что не хотѣлъ признавать надъ собою начальникомъ покойнаго Петрулина, который за множествомъ хлопотъ не обращалъ на то вниманія. Съ согласія главнаго начальника входилъ Паравичини въ пріемыя съ нимъ сношенія, ему доносилъ обо всемъ, а о распоряженіяхъ своихъ казенной экспедиціи простыми отзывами давалъ знать за извѣстіе. Столь же мало, какъ Петрулинъ, и я гонялся за честию быть его начальникомъ; но, рано или поздно, дѣло сіе должно было объясниться: порядокъ службы того требовалъ. Однимъ словомъ, онъ былъ и не былъ у меня подъ начальствомъ; такія неправильности, чтобы не называть ихъ беззаконіями, часто позволялъ себѣ графъ Воронцовъ. Узнавъ о моемъ пріѣздѣ, Паравичини предоставилъ какому-то чиновнику потчевать меня своимъ садомъ, а самъ куда-то отлучился. Онъ былъ мужичишко невзрачный, малъ, толстовать и глуповать; нельзя было рѣшительно сказать, къ какой націи онъ принадлежалъ: по-французски и по итальянски говорилъ онъ съ Нѣмецкимъ выговоромъ, а по-русски только что выучился подписывать свое имя. Нѣтъ числа бесполезнымъ иностранцамъ, которые пріѣзжаютъ къ намъ покормиться и поумничать; когда же догадаются, увидятъ, что они даромъ хлѣбъ ѣдятъ и отъ нихъ отдѣлаются, то они сдѣлаются врагами Россіи и начнутъ ругать ее. Тоже самое послѣ меня случилось и съ Паравичини.

Немного часовъ мнѣ нужно было, чтобы съ одного мѣста отдохновенія перевалиться на другое, изъ Аккермана переѣхать въ Тузлы на соляныя озера. Управляющаго на нихъ не было, а вмѣсто его принималъ и угощалъ меня помощникъ его, нѣкто г. Фохтсъ (имени и отчества его не помню), Нѣмецъ добродушный и весьма еще не старый, служившій въ Русской службѣ офицеромъ. Съ нимъ была добытая во Франціи жена его, Каролина Ивановна, живая, ласковая, какъ почти всѣ Француженки: мнѣ очень весело было съ нею болтать. Ей вздумалось выучиться нашему языку, и она вообразила себѣ, что усѣла въ томъ, говоря по-французски многіе предметы называла по-русски, какъ, наприимѣръ, л'озеро, ле лошасть, ле камишь, воимъ по безлѣсію топили они. Они жили довольно просторно въ казенной слободкѣ, построенной для управленія у Алибейскаго озера. Я разсматривалъ у Фохтса книги и счеты и все нашелъ въ совершенной исправности. Богъ его знаетъ, какъ черезъ нѣсколько лѣтъ попалъ онъ подъ судъ.

Дни два при благоприятной погодѣ прожилъ я тутъ безъ скуки; зимой это было бы невозможно: видъ на озеро слишкомъ однообразенъ и утомителенъ. Во время жаровъ, говорятъ, какъ льдомъ покрывается оно соляной корой; тутъ видѣлъ я соль только по берегу въ бутахъ; они имѣли видъ огромныхъ кусковъ самаго чистаго, бѣлаго албатра съ лиловыми и пунцовыми отливами и издавали фіалковый запахъ.

Тутъ встрѣтился мнѣ и полюбился цынутный комиссаръ Михаилъ Григорьевичъ Вутковъ, родомъ изъ Харькова. Онъ былъ не совсемъ молодъ и довольно богатъ: одинъ Таганрогской купецъ, умирая, отказалъ ему до двухъ сотъ тысячъ рублей капитала. Я изъяснилъ ему удивленіе мое, какъ съ такимъ состояніемъ могъ онъ принять столь мелкую должность; онъ отвѣчалъ, что охота къ службѣ его къ тому понудила. Разговаривая съ нимъ, нашель я, что онъ весьма въ состояніи занять другую повыше и предложилъ ему мѣсто областного казначея. Его занималъ тогда одинъ Молдаванъ Кацика, человекъ честный, исправный, рачительный и не бѣдный; но здоровье его до того было разстроено, что онъ службу продолжать не могъ, и я съ трудомъ могъ упросить его остаться, пока приищу ему преемника. Дѣло у насъ съ Вутковымъ скоро полагено, и въ эту поѣздку, по крайней мѣрѣ, сдѣлалъ я полезное приобрѣтеніе.

По дорогѣ къ Измаилу, могъ бы я не заѣзжать въ Кицію; но въ исторіи нашихъ войнъ съ Турками такъ часто было упоминаемо объ ней, что возбудило во мнѣ нѣкоторое любопытство ее видѣть. Къ тому же, желая продлить отсутствіе свое изъ Кишинева, я не скупился на время и много тратилъ его по пустому. Крѣпость эта была спрятана между двухъ Дунайскихъ озеръ-заливовъ; чтобы попасть въ нее, надобно было, своротивъ съ большой дороги, сдѣлать пятьдесятъ верстъ, сто лишнихъ назадъ и впередъ. Съ самаго присоединенія сего края къ Россіи, ни одинъ намѣстникъ, ни одинъ губернаторъ не посѣщали ея; появленіе всякаго путешественника почиталось въ ней происшествіемъ, колыми паче приѣздъ по крайней мѣрѣ вице-губернатора.

Кто-то обо мнѣ предувѣдомилъ тамъ. Меня встрѣтилъ полицейскій офицеръ верхомъ; по единственной улицѣ форштата, ведущей къ крѣпости, имѣлъ я торжественный вѣздъ; всѣ жители высыпали изъ домовъ и бѣжали за мной. Меня привезли къ коменданту, подполковнику Чичагову. Запыхавшись встрѣтилъ онъ меня, съ испугомъ увидѣлъ я его: никогда еще столь чудовищной толщины я не видалъ. Вѣроятно при самомъ рожденіи получилъ онъ необычайное расположеніе къ ней, а неподвижная жизнь дала ей ужасное развитіе. Я испросилъ дозволеніе сѣсть, чтобы скорѣе усадить его. Разговоръ у насъ былъ

самый пустой, а не менѣе того, видимо, его тяготилъ; натянутый на него мундиръ и эполеты еще болѣе, и мнѣ показалось даже, что онъ тоскуетъ въ разлукѣ съ халатомъ. Онъ предложилъ мнѣ посмотрѣть на крѣпость, но извиняясь слабостію ногъ, поручилъ офицеру проводить меня. Я взошелъ только на валъ; мнѣ хотѣлось взглянуть на невиданный еще мною Дунай, котораго рукавъ тутъ протекаетъ и называется даже Килийскимъ гирломъ. По возвращеніи нашель я накрытый столъ и приготовленный завтракъ: среди нѣсколькихъ сытныхъ блюдъ возвышалась огромная, жирная кулебяка, вѣрное изображеніе самого хозяина. Тутъ явилась на помощь къ отцу молодая дочь его, довольно красивая лицомъ, но тѣломъ слишкомъ рано начинающая уже походить на родителя. Я спросилъ у нея, иногда прогуливается ли она? Никогда, былъ отвѣтъ.—Это было бы весьма полезно для здоровья, замѣтилъ я.—«Да у меня ничего не болитъ, отвѣчала она, развѣ только иногда зубы». Двухчасовое пребываніе въ Килии мнѣ показалось слишкомъ продолжительнымъ. Это не жизнь, а сонъ. Какъ! Въ пятидесяти верстахъ отъ сихъ людей идетъ большая дорога, и у нихъ подъ глазами плывутъ корабли, и все это проходитъ и проѣзжаетъ мимо ихъ, не обращая на нихъ никакого вниманія! Право это унижительно. Съ тою же процессіей, съ какою пріѣхалъ, выѣхалъ я изъ Килии; также бѣжали за мной жители, которые, какъ мнѣ сказывали, состоя по большей части изъ Русскихъ, живутъ однимъ рыбнымъ промысломъ.

По выѣздѣ изъ сего мѣста долженъ я былъ ночевать я на одной станціи и на другой день пріѣхалъ въ Измаиль. Эта крѣпость была поважнѣе, поизвѣстнѣе и пообширнѣе Килийской. За то комендантъ ея обширностію не смѣлъ равняться съ Килийскимъ. Это былъ старый, длинный, худой, блѣдный генераль-лейтенантъ Θεодоръ Ивановичъ Сандерсъ, прозванный статуей командора, двоюродный братъ мой, котораго, равно какъ и супругу его, Марину Игнатьевну, изобразилъ я въ самомъ началѣ сихъ Записокъ. Прибавлять къ сему описанію мнѣ почти ничего. Ума у брата моего было немного, за то великій вкусъ ко всему изящному. Если замѣтишь бывало, что онъ улыбается при видѣ какой вибудъ женщины, не взглянувъ на нее можно назвать ее красавицей. Въ комендантской квартирѣ его все было изысканно, опрятно и по возможности щеголевато прибрано. Страсть къ цвѣтамъ была также однимъ изъ примѣчательныхъ его достоинствъ; передъ его домомъ разведенъ былъ пребольшой цвѣтникъ, по дорожкамъ коего трудно было проходить отъ множества благоуханныхъ цвѣтовъ.

О пріѣздѣ моемъ супруги предувѣдомлены были письмомъ отъ меня и встрѣтили меня съ непритворнымъ удовольствіемъ. Самолюбію

моему, а не сердцу пріятно было замѣтить, что они какъ будто гордились моимъ родствомъ и оказывали мнѣ болѣе знаковъ уваженія, чѣмъ простой родственной любви. Марина Игнатьевна была женщина хитрая и мастерица льстить, а кому это бываетъ непріятно? Бѣольшую отвращенность нашель я въ Ольгѣ Ѳеодоровнѣ; но кто она была такова, вотъ вопросъ. Всѣ были увѣрены, что она побочная дочь, но чья? Мужа или жены? Супруги выдавали ее за племянницу, за питомицу, а она называла ихъ папенькой и маменькой. Возросшая подъ шатрами, воспитанная посреди походовъ, она манерами скорѣе походила на молодаго флейтчика, чѣмъ на дѣвицу, со всѣми офицерами обходилась свободно и всѣхъ называла ты. Ей было лѣтъ около тридцати, но съ ея живостію и малымъ ростомъ ей казалось менѣе. Для меня была она очень забавна и сопровождала меня въ ежедневныхъ прогулкахъ на двѣнадцативесельномъ катерѣ по Дунаю: единственная такого рода забава, которую имѣлъ я въ городѣ, гдѣ не было не булеvara, ни садовъ.

Въ этомъ мѣстѣ Дунай кажется шире, чѣмъ гдѣ-либо; при близости моей, съ трудомъ могъ я разглядывать противоположный берегъ, хотя иные увѣряли, что видать Турецкую крѣпостцу Исакчу. Глубина его соотвѣтствовала тому и была достаточна для прохода большихъ кораблей. Тутъ находилась Дунайская флотилія подъ начальствомъ контръ-адмирала Михайлова, который умеръ незадолго до моего пріѣзда. И офицеры этой флотиліи, желая быть любезными съ Ольгой Ѳеодоровной и со мной, катали насъ по рѣкѣ.

Столь великой крѣпости, какъ Измаильская, я никогда еще не видалъ. И форштатъ былъ довольно великъ, довольно населенъ и порядочно обстроены. Черезъ четыре года послѣ того, когда число его жителей утроилось Задунайскими переселенцами, Некрасовцами, Пилипонами (отчего Молдаване всѣхъ Русскихъ мужиковъ называютъ Липованами), тогда сдѣлался онъ городомъ Тучковымъ, и учредилось въ немъ градоначальство. Чтѣ дѣлаетъ привычка и какъ у людей скоро забывается горе! О прекратившейся за два мѣсяца передъ тѣмъ чумѣ и помину не было, а объ ужасномъ Измаильскомъ штурмѣ упоминалъ иногда бывшій на немъ комендантъ. И тутъ прожилъ я болѣе недѣли, начиналъ уже скучать праздностію и совершеннымъ отсутствіемъ занимательныхъ разговоровъ и рѣшился пуститься въ обратный путь.

Неподалеку отъ Измаила находится мѣстечко Тобагъ, отданное Болгарамъ подъ населеніе. Но немного подалѣе избрали они другое мѣсто, для нихъ удобнѣе, основали въ немъ главную колонію свою и назвали ее Болградомъ. Черезъ первое проѣхалъ я днемъ, въ послѣднемъ ночевалъ я. Тутъ начальствовалъ со стороны правительства

бывшій адъютантъ Инзова, любимецъ его, подполковникъ Малевинскій; но какъ всѣ Инзовскіе чуждались меня, то и его не имѣлъ я чести видѣть. Другой чиновникъ сего вѣдомства Портицкій пригласилъ меня къ себѣ и доставилъ покойный ночлеги. На мѣстѣ совершенно голомъ, за нѣсколько лѣтъ до того, уже построено было множество домовъ, каменные лавки, составляющія небольшой гостинный дворъ, и приготовлены матеріалы для сооруженія огромнаго соборнаго храма, который могъ бы служить украшеніемъ всякому губернскому городу. И все это на счетъ самихъ жителей.

Что это за славный народъ Болгары! Право, я готовъ назвать его цвѣтомъ Славянскихъ народовъ. Какая дѣятельность въ нихъ, какое трудолюбіе, какой огонь горитъ въ ихъ глазахъ! Какая веселость, смѣлость и добродушіе написаны на смуглыхъ лицахъ ихъ! Въ униженной долѣ, въ которой находятся совершенно, предались они земледѣлю и безъ помощи агрономическихъ сочиненій дошли въ немъ до совершенства. Сверхъ того, какъ Ростовцы въ Москвѣ, такъ и они въ Цареградѣ славятся лучшими огородниками и первые артишокамъ умѣли дать величину капусты. Однако, еслибы случай представился, подобно Цинцинату, отъ сохи быстро перешли бы они къ мечу для защиты родины и собственности. Вотъ чѣмъ отличаются они отъ другихъ южныхъ Славянъ, склонныхъ къ хищничеству, хотя бы напри- мѣръ отъ Сербовъ. Я любовался ими еще въ Кишиневѣ: ихъ тамъ довольно, и кварталъ, ими занимаемый, называется даже Болгаріей.

Они претерпѣвали отъ Турокъ гоненія за преданность къ Россіи, и многіе изъ нихъ еще до Бухарестскаго мира бѣжали въ Бессарабію. Тутъ преимущественно размѣщались они въ селеніяхъ, примыкающихъ къ степи и за убѣжище, данное имъ жителями, раздѣляли ихъ полевая работы. Когда же послѣ 1812 года другіе Болгары, по приглашенію правительства, начали переселяться въ Буджацкую степь, оставленную кочевыми Татарами, то и они стали переходить къ единоземцамъ своимъ. Никто не могъ и не хотѣлъ ихъ удерживать. Одинъ только сумасбродный камергеръ Бальшъ вздумалъ обратить ихъ въ царанъ своихъ (людей впрочемъ тоже свободныхъ) и находя, что съ удаленіемъ ихъ уменьшатся его доходы, ни одного не велѣлъ выпускать. Они рѣшились на побѣгъ; а онъ, узнавъ о томъ, послалъ за ними въ погоню верховыхъ и вооруженныхъ Арнаутовъ своихъ, съ приказаніемъ привести ихъ къ нему *живыми* или *мертвыми*. Догнали немногихъ отсталыхъ, которые стали защищаться, и Арнауты, въ точности исполняя волю своего господина, ихъ головы привезли ему въ торокахъ. Всѣ ужаснулись, начался уголовный судъ. Бальшъ отказался отъ словъ своихъ, а Арнаутовъ наказали кнутомъ и сослали въ Сибирь. И послѣ

того онъ же завелъ тяжбу съ казною за лишеніе его якобы хорошихъ работниковъ и прибыли отъ нихъ ожидаемой! У этихъ людей не было сдѣлано никакихъ условій ни съ нимъ, ни прежнимъ владѣльцемъ селенія, ихъ пріютившимъ, кажется, съ заграничнымъ бояромъ Радуканомъ, у котораго съ нимъ шель также процессъ объ этомъ же имѣніи: ибо, купивъ у него за низкую цѣну, не уплачивалъ ему ни копѣйки. И этотъ дерзкій и безстыдный человѣкъ поселился въ Петербургѣ, гдѣ требовалъ съ казны сотни тысячъ и до того имѣлъ въ немъ успѣхи по дѣламъ своимъ, что по просьбамъ его разсматривались они въ особой комиссіи, для того учрежденной и вытребовывались изъ Бессарабскаго совѣта: однимъ словомъ, въ угожденіе ему сотворили лишнюю инстанцію. Главнымъ его поборникомъ и защитникомъ былъ * .., которому займы давалъ онъ большія деньги и потомъ проигрывалъ ему ихъ на биліардѣ. Чѣмъ и когда кончилось дѣло его о претензіяхъ на казну за Болгаръ, я не вѣдаю; кажется, ему бы и начинаться не слѣдовало.

Изъ Болграда учреждена нынѣ прямая, укороченная дорога въ Кишиневъ, черезъ бывшую степь и разныя колоніи; тогда еще не было на ней ни почтовыхъ лошадей, ни станцій. Жаль мнѣ, что не удалось взглянуть на житъе изъ центра Европы, изъ просвѣщенной Германіи переселившихся сюда Баварцевъ и Виртембергцевъ и сравнить его съ бытомъ варваровъ-Болгаровъ; всѣ мнѣ сказывали, что сіе сравненіе было бы утѣшительно для Славянскаго сердца: ибо даже въ опрятности и въ наружномъ порядкѣ послѣдніе превзошли Нѣмцевъ. Теперь путешественникъ можетъ, проѣхавъ Малый Ярославецъ и Тарутино, побывать тутъ въ Кульмѣ и Лейпцигѣ, посѣтить Бріеннъ, Арсисъ, Феръ-Шампенуазъ и, наконецъ, самый Парижъ: сими именами, напоминающими славу нашего оружія въ послѣднюю войну съ Наполеономъ, названы по окончаніи сей войны возникшія тутъ колоніи. Земли было еще вдоволь! Наконецъ, вздумали мы селить тутъ Русскихъ. Началась о томъ переписка, и къ концу слѣдующаго года должны мы были ожидать прибытія двадцати тысячъ семействъ казенныхъ безземельныхъ крестьянъ изъ Калужской и Курской губерній. Заботы объ ихъ принятіи и устройствѣ возложены были на казенную экспедицію, и для этого дѣла Петрулинь оставилъ мнѣ драгоценнаго человѣка, совѣтника Романа Степановича Жилло. Онъ въ это время развѣзжалъ по полямъ, выбиралъ мѣста и все приготовлялъ для принятія дорогихъ гостей. Въ этомъ пріятномъ для меня, хотя довольно трудномъ, дѣлѣ участвовалъ я только первоначально, но не удалось видѣть пріѣзда сихъ земляковъ и водворенія ихъ.

И такъ я долженъ былъ, слѣдуя почтовому тракту, повернуть на лѣво и приблизиться къ Пруту. Сія рѣка похожа на иныхъ недостаточныхъ людей, которые гоняются за богачами. И она, подражая Дунаю, въ который впадаетъ, изливаетъ воды свои въ сторону и образуетъ заливъ, но это только на малое время и въ маломъ видѣ. Сіе случается тогда только, когда она надувается снѣгами, растаявшими на вершинѣ Карпатскихъ горъ, изъ коихъ она вытекаетъ. Обыкновенно бываетъ сіе въ концѣ Апрѣля, но въ этомъ году отъ запоздалой зимы все запоздало. Отъ того на семь пути долженъ былъ я встрѣтить много препятствій, а въ иныхъ мѣстахъ и опасности. Даже самый воздухъ немного охолодѣлъ по берегу разливагося Прута.

Два мѣста, нѣсколько замѣчательнѣе другихъ, видѣлъ я на семь берегу: Формозу и Леово. Названія сихъ мѣстъ гораздо пріятнѣе для слуха, чѣмъ видъ ихъ для глазъ. Въ Леовѣ были карантинная и таможенные заставы, и я недолго долженъ былъ въ немъ остановиться. Послѣ того нѣсколько времени былъ онъ и цынутнымъ городомъ.

Сдѣлался вдругъ несносный жаръ, когда отъ Прута повернулъ я къ областному городу, такъ что если не ночевать, то по крайней мѣрѣ нѣсколько часовъ отдохнуть принужденъ я былъ въ мѣстечкѣ Гура-Гальбинѣ. Сіе богатое имѣніе принадлежало бѣшеному Бальшу, и отсюда-то направлялъ онъ неистовые набѣги на Болгаръ. Гористое положеніе Гура Сарацики*), послѣдней станціи, гдѣ перемѣнилъ я лошадей, меня поразило вѣроятно отъ того, что нѣсколько времени провель я въ степи. Наконецъ, послѣ болѣе чѣмъ трехнедѣльнаго отсутствія, 30 Маія воротился я въ Кишиневъ.

Ни о Тимковскомъ, ни о другихъ какихъ перемѣнахъ ни малѣйшаго слуха не было, и мой Катакази спокойно царствовалъ. Меня удивила холодность его пріема; я никакъ не могъ постигнуть причины такой внезапной перемѣны. «Чѣмъ тебя я огорчила, ты скажи, любезный мой», старинная пѣсня, которую готовъ я былъ запѣть ему. Сердиться на него я никакъ не могъ: онъ былъ мнѣ смѣшонъ и жалокъ, почти наканунѣ того дня, когда, ничего не вѣдая, безъ всякой вины долженъ былъ онъ лишиться мѣста. Дѣло потомъ скоро объяснилось.

Находясь въ Новоселицахъ, на Австрійской границѣ, узналъ я тамъ управляющаго таможеней, коллежскаго совѣтника Рѣдькина и упомянулъ объ немъ въ сихъ Запискахъ, но ничего не сказалъ о почтенной и пріятной молодой еще женѣ его и о милыхъ его дѣтяхъ. Семейство сіе гораздо болѣе мнѣ полюбилось, чѣмъ глава его. Не совсѣмъ

*) Гура по-молдавски значить устье рѣки или рѣчки.

по доброй волѣ оставилъ онъ потомъ должность свою и поселился въ Кишиневѣ. Онъ былъ довольно богатъ и тароватъ, любилъ угацивать у себя и мнѣ много помогалъ составлять и поддерживать наше Русское общество. Какъ же послѣ того отказать мнѣ ему было въ мѣстѣ совѣтника казенной экспедиціи, о которомъ онъ просилъ? Не знаю, ошибаюсь ли я, но всегда полагалъ, что человѣкъ, обогатившійся на службѣ, менѣ склоненъ къ воровству, чѣмъ тотъ, кому предлежитъ еще наживаться. Къ тому же подъ моимъ надзоромъ и надзоромъ другихъ честныхъ и смышленныхъ совѣтниковъ большой поживы ему быть не могло, что, можетъ быть, не совсѣмъ ему было пріятно.

Въ Апрѣлѣ, послѣ Святой, сталъ онъ проситься въ отпускъ по дѣламъ своимъ въ Хотинской цынуть; я согласился съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ непременно воротился къ 1 Маіа. По прежнимъ моимъ понятіямъ мнѣ казалось какъ то неловко, хотя на время, оставить вице-губернаторское мѣсто титулярному совѣтнику, а выше сего чина, кромѣ его, не имѣлъ ни одинъ изъ совѣтниковъ. Онъ немного просрочилъ, я подсадовалъ, и когда онъ пожелалъ узнать причину нетерпѣнія моего, я не затруднился открыть ему оную, не какъ человѣку, мнѣ преданному, но черезъ меня получившему мѣсто и отъ меня зависящему; однакоже потребовалъ отъ него тайны и не назвалъ Тимковскаго. Во время моего отсутствія по дѣламъ сблизился онъ съ губернаторомъ: видя, что онъ получилъ аренду, узнавъ отъ него, что ему еще обѣщаны звѣзда и чинъ, заключилъ изъ того, что онъ пользуется великимъ кредитомъ у графа. Мѣсто вице-губернаторское ему полюбилось, онъ надѣялся извлечь изъ него большія для себя выгоды и называлъ меня (какъ узналъ я послѣ) собакой, лежащей на снѣгъ безо всякой пользы для себя и для другихъ. Онъ составилъ себѣ планъ: ему хотѣлось поссорить меня съ Катакази, а потомъ съ его помощію и покровительствомъ ссадить меня и засѣсть на моемъ мѣстѣ. Какъ интриганты иногда бываютъ глупы и недальновидны! О губернаторствѣ онъ ему что-то совралъ, и хотя Катакази не совсѣмъ повѣрилъ ему, однакоже нашель, что кромѣ меня некому искать его мѣста. Тогда зачѣмъ бы мнѣ было почти на мѣсяцъ удаляться въ пустыню? Но поди же, у такихъ людей спрашивай толку!

Говоря о семъ совѣтникѣ казенной экспедиціи, не забыть бы мнѣ сказать что нибудь о ея новомъ составѣ. Покойнымъ Петрулинымъ представленъ былъ увеличенный ея штатъ, а при мнѣ былъ утвержденъ. Изъ трехъ совѣтниковъ, которыхъ оставилъ онъ мнѣ, одинъ, Кармазинъ, по старости лѣтъ, вышелъ въ отставку съ пенсіей; на другомъ—Билимѣ, возлежали всѣ трудности дѣлопроизводства; третій—Жилло, исключительно занимался частію по переселенію изъ Россіи крестьянъ.

Старшимъ совѣтникомъ при мнѣ почитался лѣсничій Паравичини, прозванный мною лѣшимъ; но онъ никогда не присутствовалъ. Потомъ былъ Рѣдькинъ, потомъ областной казначей Бутковъ, съ которымъ познакомился я въ Аккерманѣ и который вскорѣ послѣ того опредѣленъ въ должность. Наконецъ, самимъ графомъ былъ избранъ въ Одессѣ и назначенъ областнымъ контролеромъ Александръ Ѳедоровичъ Фурманъ, родной братъ Романа Ѳедоровича, бывшаго послѣ въ родѣ министра финансовъ Царства Польскаго. Сей контролеръ женатъ былъ въ Одессѣ на одной дѣвицѣ Колонтаевой, отиѣнно миловидной и привлекательной, даромъ что кривая. Изъ Русскихъ домовъ въ Кишиневѣ ихъ домъ почитался самымъ веселымъ и пріятнымъ.

Не довольствуясь тѣмъ, что косится на меня, Катакази сталъ уже придираться ко мнѣ. Письменно объявилъ онъ, что выдачу мнѣ денегъ на путевыя издержки почитаетъ незаконною, тѣмъ болѣе, что не спросясь его сдѣлалъ я поѣздку. Я не отвѣчалъ ему, а представилъ Совѣту, во первыхъ, что въ Русскихъ губерніяхъ вице-губернаторы совершенно независимы отъ губернаторовъ, да и въ Бессарабскомъ образованіи о какой-либо подчиненности ихъ ни слова не упомянуто; вовторыхъ, что объяснилъ г. Катакази причину моихъ разѣздовъ, вслѣдствіе чего онъ самъ велѣлъ мнѣ выдать казенную безпошлинную подорожную. Безо всякихъ затрудненій Совѣтъ утвердилъ и разрѣшилъ сію выдачу.

Другимъ образомъ нашелъ онъ средство наказать меня безвиннаго. И ему самому захотѣлось отдохнуть и подышать свободою. Подъ предлогомъ обзорѣнія области, отправился онъ въ мѣстечко Вадулуй-Воды, верстахъ въ сорока отъ Кишинева. Тамъ открылся или, лучше сказать, вымысленъ минеральный ключъ, и были люди, которые ѣздили туда лѣчиться безо всякой пользы. Но мѣстоположеніе было красивое, настроились домики, и многіе посѣщали Вадулуй-Воды для пріятнаго провѣденія времени. Такимъ образомъ злодѣй засадилъ меня и почти весь Іюнь продержалъ на губернаторствѣ.

Но это вторичное управленіе мое не было столь отяготительно для меня. Я уже не рвался исправлять опущенія по областному правительству; въ первый разъ имѣлъ я право думать, что работаю на себя, а тутъ смотрѣлъ я почти равнодушно на медленное теченіе дѣлъ. Одно происшествіе, и то на однѣ только сутки, въ это время нарушило мое спокойствіе. Линейныя войска выступили въ лагерь, и острогъ порученъ былъ слабому храненію внутренней стражи. Пользуясь этимъ, содержащіеся въ немъ арестанты задумали бѣжать изъ него, выломали даже ворота; но одинъ неустрашимый барабанщикъ, не смотря на усилія ихъ душить его, не переставалъ бить тревогу; карауль сбѣжался, но человекъ десять успѣли уже выскочить и убѣжать въ близъ-лежа-

щее поле. Казаки погнались за ними, всѣхъ переловили, но человѣкъ трехъ переранили. Все это, разумѣется, въ городѣ надѣлало большую тревогу.

По возвращеніи Катакази, получилъ онъ, наконецъ, давно ожидаемую Владимирскую звѣзду, но уже въ половинѣ Іюля. Онъ чрезвычайно возгордился, особенно со мной. Мнѣ это ужасно наскучило, и я искалъ случая всепокорнѣйше съ нимъ объясниться. Тутъ только могъ я догадаться объ измѣнѣ Рѣдькина, и оправдать себя мнѣ не трудно было, но захотѣлось наказать Катакази, сбавить съ него спѣси, и я высказалъ всю ему правду о Тимковскомъ. Онъ остолбенѣлъ отъ удивленія, но вскорѣ началъ улыбаться, какъ бы принимая сіе за выдумку мою. Не вижу, почему графу хотѣлось изъ этого дѣлать государственную тайну; но дотолѣ я хранилъ ее. Къ счастью, дни черезъ два или три губернаторъ получилъ, кажется, отъ намѣстника письмо, коего содержанія я не знаю, но, вѣроятно приготовляющее его къ перенесенію удара: ибо вдругъ упалъ онъ духомъ и смотрѣлъ на меня съ нѣжною грустію.

Между тѣмъ вотъ чтò происходило въ Петербургѣ. Графъ продолжалъ страдать глазами, продолжалъ лѣчиться, чтò и удержало его до самаго возвращенія Государя изъ Варшавы. Онъ имѣлъ у него еще докладъ, въ коемъ испросилъ награду Катакази и вмѣстѣ съ тѣмъ представилъ о необходимости удалить его, не потому, чтобы онъ былъ неспособенъ, а потому, что Грекъ, зять Ипсиланти и возбуждаетъ подозрѣніе Турецкаго правительства, съ которымъ, не смотря ни на чтò, усиливались мы ладить. Не дождавшись окончанія дѣла о его сенаторствѣ, графъ оставилъ Петербургъ и, проживъ недѣли двѣ въ Бѣлой Церкви, къ концу Іюля воротился въ Одессу.

Мнѣ необходимо было имѣть съ нимъ окончательное объясненіе, и для того, испросивъ у него отпускъ на недѣлю, 5 Августа отправился я на послѣднее, какъ я думалъ, съ нимъ свиданіе.

Для меня наступило время безпрестанныхъ неожиданностей, которыя должны были окончиться самою прискорбнѣйшею.

Первое, о чемъ узналъ я по пріѣздѣ въ Одессу, было намѣреніе графа отправиться осенью на цѣлый годъ въ Лондонъ къ отцу, на чтò и Государь изъявилъ уже свое согласіе. Вмѣсто его управлять Новороссійскими губерніями долженъ былъ другъ его, начальникъ Черноморскаго флота, вице-адмиралъ Грейгъ.

Черезъ нѣсколько дней, наканунѣ выѣзда моего, получено изъ Петербурга извѣстіе, что по совершенно разстроенному здоровью императрицы Елисаветы Алексѣевны должна она провести зиму въ полуденномъ краю Россіи, что мѣстопробываніемъ ея избранъ Таганрогъ,

и что самъ Государь будетъ сопровождать ее. Сіе извѣстіе заставило графа внезапно перемѣнить свой планъ и поѣздку въ Англію отложить до весны.

Я показаль нѣкоторую твердость въ разговорѣ съ своимъ начальникомъ, котораго, казалось, онъ избѣгалъ и до котораго съ трудомъ я могъ добиться, хотя всякой день ѣздилъ къ нему обѣдать на хуторъ Ренѣ. Я рѣшительно просилъ его избавить меня отъ сослуженія съ Тимковскимъ, прибавляя, что причинъ столь сильнаго желанія я объявить еще не могу, но что опытъ скоро покажетъ всю справедливость его; наконецъ, что не только съ Катакази, со всякимъ другимъ вновь опредѣленнымъ губернаторомъ на нѣкоторое время готовъ бы я былъ остаться. Подумавъ немного, сказалъ онъ мнѣ: «Кажется, есть средство исполнить ваше желаніе. Какъ ни упрямылся министръ финансовъ Канкринъ, но я поставилъ на своемъ, и онъ согласился Таврическаго вице-губернатора Куруту перевести въ другую губернію; коль скоро сіе послѣдуетъ, то вы можете на сіе мѣсто поступить». Я поклонился и поблагодарилъ. Помолчавъ съ минуту, опять сказалъ онъ: «Только я васъ предупреждаю, тамъ губернаторъ родственникъ мой Нарышкинъ, человѣкъ еще молодой и дѣятельный, и его не скоро можно выжить». На это я отвѣчалъ: «Я попросилъ бы ваше сіятельство сказать мнѣ, противъ кого дѣйствовалъ я тайнымъ образомъ, чьего мѣста искалъ я. Смерть любимаго и уважаемаго мною Петрулина открыла мнѣ его мѣсто, которое, какъ вы знаете, я неохотно принялъ. Что же касается до Катакази, то съ самаго пріѣзда нашего сюда мнѣ извѣстно было ваше намѣреніе не оставлять его на губернаторствѣ. И не я съ нимъ, а онъ со мной искалъ иногда ссоры». Не понимаю откуда взялась въ головѣ его мысль о мнимомъ моемъ властолюбіи; онъ полагалъ, что въ губерніи не иначе какъ первымъ мѣстомъ могу я удовольствоваться. Въ Бессарабіи, такъ: съ самаго пріѣзда моего туда, прежде чѣмъ назначенъ вице-губернаторомъ, былъ уже я полугубернаторомъ, многое при мнѣ начато; хотѣлось бы видѣть оконченнымъ и, управляя областію, сіе легче бы для меня было.

Итакъ дѣло рѣшено: я долженъ поселиться въ Крыму и занять тамъ мѣсто привольное, довольно спокойное. Чего же мнѣ лучше? Но дѣло о томъ могло нѣсколько времени продлиться, а мнѣ хотѣлось, если возможно, и не встрѣчаться съ Тимковскимъ; для того сталъ я проситься въ отпускъ на четыре мѣсяца и намѣренъ былъ съѣздить домой въ Пензу и повидаться съ матерью. Графъ сказалъ мнѣ, что безъ Комитета Министровъ сего сдѣлать нельзя, и я подалъ ему формальную о томъ просьбу.

Моего возвращенія съ нетерпѣніемъ дожидался Катакази, чтобы сдать мнѣ должность. Ему также хотѣлось съѣздить на поклоненіе въ Одессу. Не знаю, какіе были у нихъ тамъ переговоры; но черезъ недѣлю воротился онъ, казалось мнѣ, пободрѣе.

Вотъ прошелъ и Августъ, наступилъ Сентябрь. Мы знали, что намѣстникъ поскакалъ въ Таганрогъ, дабы все приготовить для принятія Царя и Царицы; изъ газетъ, приходившихъ къ намъ изъ Петербурга по экстра-почтѣ въ восемь дней, узнали мы, что и Государь 1 Сентября предпринялъ свой предпослѣдній путь; а объ дѣлѣ Тимковско-Катаказіевскомъ еще никакого извѣстія не было. Да ужъ не раздумали ли онъ? пришло мнѣ на мысль. Ни мало. Государь передалъ сіе дѣло Комитету Министровъ, гдѣ Аракчеевъ нашелъ безпримѣрнымъ чтобы одному человѣку въ четыре мѣсяца дано было четыре награды: аренда, орденъ, чинъ и важное мѣсто. О семъ сообщено было графу, который отвѣчалъ: *ну хоть просто отставить*. При свиданіи съ Катакази вѣроятно увѣрилъ онъ его, что сенаторство отъ него не уйдетъ. Онъ и повнѣ еще дожидается! И вотъ причина всѣхъ промедленій.

Когда въ послѣдній разъ праздновали мы день коронаціи императора Александра, 15 Сентября, и среди поля называемаго площадью горѣло нѣсколько плошекъ, играла полковая музыка и гуляющіе толпились вокругъ, захотѣлось и мнѣ на это взглянуть. Ночь была неподобная, теплая, тихая, небо было усѣяно звѣздами, а я чувствовалъ непонятную для меня тоску и съ особою нѣжностію думалъ о виновникѣ торжества въ этотъ день. Вдругъ мнѣ встрѣтился одинъ человѣкъ, который съ коварною улыбкою возвѣстилъ мнѣ, что въ газетахъ сейчасъ полученныхъ напечатанъ указъ отъ 26 Августа объ увольненіи Катакази и о назначеніи на его мѣсто Тимковскаго. И этотъ человѣкъ былъ Рѣдькинъ. «Для васъ это не должно быть новостью, сказалъ я ему: еще въ Маѣ знали вы, что Катакази не оставаться, да и онъ отъ кого-то узналъ о томъ». И потомъ поворотился къ нему спиной.

Другимъ указомъ отъ того же числа за Высочайшимъ подписаніемъ намѣстникъ графъ Воронцовъ уволенъ въ отпускъ на годъ за границу, а должность его поручена Грейгу.

И до полученія указа изъ Сената могъ бы Катакази, еслибъ захотѣлъ, сдать мнѣ должность; но онъ былъ такъ добръ, что сего не сдѣлалъ. Въ это время между тѣмъ произошла большая путаница: вслѣдствіе Высочайшаго указа выше помянутаго всѣ бумаги изъ министерствъ и Сената посылаемы были въ Николаевъ къ Грейгу, а отъ него отправляемы были въ Таганрогъ къ графу, который, пересмотрѣвъ ихъ, пересылалъ для исполненія въ Одессу, гдѣ оставался Казначеевъ. Между Таганрогомъ и Одессой разстояніе было болѣе шестисотъ верстъ,

слѣдственно сколько времени потребно было на всѣ эти разсылки, такъ что указъ объ увольненіи губернатора отъ службы полученъ былъ только въ первыхъ числахъ Октября.

Къ удивленію и къ удовольствію моему онъ и тутъ не хотѣлъ оставить должности, хотя требовали того не только узаконенія, но и приличіе и здравый смыслъ. Въ случаѣ взысканія, не я бы отвѣчалъ за то. Но вскорѣ сіе должно было меня крайне оскорбить: Катакази всѣмъ объявлялъ, что при послѣднемъ съ нимъ свиданіи графъ убѣдительно просилъ его не покидать должности до прибытія Тимковскаго, давая тѣмъ чувствовать, что сіе сдѣлано было вслѣдствіе недовѣрчивости ко мнѣ.

Весь этотъ мрачный Октябрь прошелъ для меня самымъ неприятнымъ образомъ. Разогорченный своею отставкою и возгордившійся будущимъ сенаторствомъ своимъ, Катакази какъ бѣлены обѣлся: никакъ не можно было съ нимъ сладить. Я тоже почти безпрестанно былъ въ раздражительномъ состояніи, и отъ того въ Совѣтъ наши встрѣчи не совсѣмъ были миролюбивы. Отъ него слышалъ я пререканія и съ своей стороны, виновать, позволялъ себѣ иногда колкости. Два чело-вѣка, изъ коихъ одинъ оставилъ службу, а другой готовъ былъ оставить мѣсто, могли бы, кажется, на малое время пробыть безъ ссоры.

Въ этомъ Октябрѣ случилось у насъ одно ужасное происшествіе. Рекомендованный мною, областной архитекторъ Г . , котораго, если припомнать, встрѣтилъ я въ Хотинѣ въ домѣ Лидерсовъ, оказался на опытѣ весьма плохимъ художникомъ; я желалъ замѣнить его другимъ и даже просилъ о томъ графа, при отъѣздѣ его въ Петербургъ. Вдругъ отъ слугъ его поданъ тайный доносъ *исправляющему* должности губернатора Катакази о томъ, что Г . , вдовый, имѣетъ связи съ семнадцатилѣтнею, соблазненною имъ дочерью своею, что одинъ уже младенецъ, ею рожденный и лишенный жизни, похороненъ въ Хотинѣ и что такая же участь ожидаетъ другаго готоваго явиться въ свѣтъ. По сдѣланнымъ въ тайнѣ распоряженіямъ полиція вступила въ его квартиру въ самую рѣшительную минуту, доказательства его злодѣянія были явны; но несчастная дѣвица отъ испуга въ одинъ мигъ умерла. Почитая виновнаго моимъ избраннымъ, любимымъ, Катакази сему дѣлу старался дать всевозможную гласность, съ намѣреніемъ очернить меня и въ глазахъ начальства. Въ день похоронъ, когда преступный отецъ вышелъ, чтобы идти за гробомъ своей жертвы, собравшіяся передъ домомъ, а можетъ быть и собранныя кучи народа стали бросать въ него камнями, и онъ долженъ былъ скрыться. Первый разъ въ Кишиневѣ страдалъ я сильною лихорадкою, когда сіе случилось, и хотя этого человека давно уже и не видѣлъ я, не менѣе того

былъ чрезвычайно тѣмъ встревоженъ. Слѣдствіе, судъ, наказаніе, ссылка, все это происходило послѣ меня.

Молдаване не мѣнялись со мною: давно уже жилъ я съ нимъ въ мирѣ. Со стариками былъ я почтителенъ, ласковъ и вѣжливъ со всѣми другими и старался во всѣхъ случаяхъ показывать совершенное безпристрастіе. Толкуя между собою, они не могли понять, въ опалѣ ли я у начальника или по прежнему пользуюсь его благорасположеніемъ. Они видѣли, какъ щедро Катакази награжденъ и вмѣстѣ съ тѣмъ удаленъ отъ службы. Дѣйствительно, трудно было разобрать, гдѣ гнѣвъ его сіятельства и гдѣ милость.

Дѣла вообще по управленію Новороссійскимъ краемъ посреди бывшей тогда суматохи шли не совсѣмъ исправно: все дѣлалось на бѣгу, на лету. Въ Таганрогѣ графъ подалъ Государю несчастную мысль прогуляться по Крыму и сопровождалъ его въ семь путешествій. Лучи осенняго солнца, потерявъ свою поразительную силу, гораздо лучше, если можно сказать, искуснѣе освѣщаютъ прекрасную картину южнаго берега; природа тамъ послѣ лѣтняго зноя, какъ бы отдыхая, улыбается всѣмъ. Это плѣнило Государя; проявилось задумчивое чело его. Онъ избралъ надъ моремъ большой участокъ земли, велѣлъ купить его и въ то же время случившемуся тутъ архитектору Англичанину Эльсону велѣлъ наскоро начертить планъ не весьма обширнаго царскаго на этомъ мѣстѣ жилища. Разсматривая планъ и довольный исполненіемъ, при многихъ, говорятъ, вымолвилъ онъ: «ну вотъ тутъ-то домкомъ проживемъ мы съ Елисаветой Алексѣвной». Неужели возымѣлъ онъ намѣреніе тутъ поселиться? Выѣзжая изъ Крымскаго полуострова, графъ расстался съ Государемъ и въ концѣ Октября воротился въ Одессу, гдѣ очень пристально принялся за дѣла.

Письменные жалобы бывшаго губернатора на какія-то мнимыя дерзости мои возбудили его вниманіе, удивили его. Какъ, онъ еще тутъ! Въ то же время Казначеевъ показалъ ему письмо мое, въ коемъ, убѣдительно упрасивая о скорѣйшемъ доставленіи мнѣ отпуска, изображаю я всю непріятность ложнаго положенія, въ которое поставленъ я управленіемъ неслужащаго человѣка. Тотъ же часъ графъ написалъ къ Катакази частное письмо, о содержаніи коего сообщилъ мнѣ Казначеевъ. Въ немъ было написано, что вѣроятно г. Катакази нехорошо повялъ то, что ему сказано было, что на словахъ не поручается губернаторская должность и что на сей предметъ существуетъ законный порядокъ. Надобно же было дожидаться этому человѣку, чтобы ему сказали: пошелъ вонъ!

И такъ 2-го Ноября, въ третій или въ четвертый разъ на одномъ году, вступилъ я въ исправленіе губернаторской должности. Это было

и въ послѣдній, но столько же мучительныхъ заботъ ожидало меня какъ и въ первый. По крайней мѣрѣ своенравная природа въ этомъ Ноябрьѣ ясной погодой захотѣла вознаградить насъ за угрюмость, постоянно оказанную ею Бессарабскимъ жителямъ въ предъидущемъ мѣсяцѣ. Никакихъ неприятныхъ происшествій съ начала, слава Богу, тоже не было, и я сколько вибудь ожилъ духомъ.

III.

Находя, что наемъ дому Крупенскаго лишняя трата для казны, намѣстникъ не велѣлъ возобновлять контракта. Нѣтъ худа безъ добра: я лишился квартиры, за то разъѣхался съ Авдотьей Ивановной и ея почтеннымъ супругомъ. Еще лѣтомъ по близости на вспольѣ, нанялъ я, вмѣсто дачки, небольшой, чистенькій домъ съ садикомъ, что представляло мнѣ большія удобства для моихъ полевыхъ прогулокъ. Осенью и къ зимѣ сталъ онъ мнѣ казаться тѣсенъ и былъ холодноватъ, но какъ я почиталъ себя на отлетѣ, то и продолжалъ въ немъ жить.

Памятенъ для меня въ немъ день Субботній, 28 Ноября. Я проснулся и всталъ до восхожденія солнца; когда оно поднялось, сдѣлалось довольно тепло, чтобы я дерзнулъ въ одномъ халатѣ выйти въ палисадникъ передъ моими окнами. Цвѣли еще два-три левкоя, и я срѣзалъ ихъ, дабы когда вибудь на Сѣверѣ, какъ диво, показать сіи Декабрскіе цвѣты. Потомъ принесли бумаги, принесли почту, и я принялся за работу. Дѣла много было въ это утро, и едва въ часъ по полудни могъ я окончить свой трудъ.

Въ послѣднемъ мною распечатанномъ пакетѣ находилось письмо Казначеева, отъ котораго пришелъ я въ восхищеніе. Онъ обстоятельно увѣдомлялъ меня объ особенно милостивомъ, почти дружественномъ обхожденіи Царя съ нашимъ начальникомъ и о возросшемъ вдругъ кредитѣ послѣдняго. Какихъ счастливыхъ отъ того послѣдствій, писалъ онъ, не можемъ ожидать для себя мы, его приближенные! Онъ прибавилъ, что хотя Государь не совсѣмъ далъ слово, но вѣроятно, если здоровье Императрицы дозволить ему отлучиться, то къ Рождеству пріѣдетъ онъ въ Одессу и побываетъ въ Бессарабіи. «Смотрите, говорилъ онъ, не ударьтесь лицомъ въ грязь; особенно совѣтую вамъ содержать дороги въ лучшей исправности». Письмо это было отъ 18 Ноября и слѣдственно, вѣрно, залежалось гдѣ вибудь, въ канцеляріи или на почтѣ.

Голова моя загорѣлась, я не могъ усидѣть спокойно и быстрыми шагами бросился разгуливать по полю. Не было ни холодно, ни жарко; послѣ продолжительныхъ осеннихъ дождей, земля, около мѣсяца согрѣваемая солнцемъ, произвела новую, густую, довольно высокую тра-

ву, весь лугъ зеленѣлся; не было ни вѣтра, ни облака на небѣ. Безъ всякой цѣли, очарованный три часа не бродилъ я, а бѣгалъ по полю. Я совсѣмъ и забылъ, что дѣйствія графа не разъ уже показывали необъясненную на меня досаду его; забылъ, что Тимковскій со дня на день можетъ пріѣхать: я бредилъ только счастіемъ увидѣть въ близи Александра, можетъ быть говорить съ нимъ. Къ четыремъ часамъ воротился я обѣдать; утомленный и утренними занятіями, и сильными послѣ того ощущеніями, скоро я заснулъ и проснулся когда уже смерклось.

Вечеромъ я не велѣлъ безъ нужды никого къ себѣ пускать, развалился на диванѣ и предался пріятнѣйшимъ мечтаніямъ. Вдругъ слышался мнѣ въ передней небольшой шумъ, и мнѣ пришло сказать, что пріѣхавшій изъ Одессы Липранди непремѣнно желаетъ меня видѣть. (), этого подавай сюда, и ну его разспрашивать! Онъ неохотно отвѣчалъ; лице его, всегда довольно мрачное, показалось мнѣ еще мрачнѣе. Послѣ минутнаго молчанія, вотъ короткія слова, которыми обмѣнялись мы: Я привезъ вамъ худыя вѣсти.—Что такое?—Государь опасно боленъ.—Быть не можетъ! И вотъ потомъ нѣкоторыя подробности, которыя услышалъ я отъ него. Болѣзнь, которую почувствовалъ Государь дорогою изъ Крыма, старались въ Таганрогѣ скрывать отъ всѣхъ. Даже градоначальникъ Таганрогскій, генералъ-маіоръ Александръ Ивановичъ Дунаевъ, человѣкъ преданный графу и имъ посаженный на семь мѣстѣ, объ ней ничего не смѣлъ писать къ нему; наконецъ, когда опасность сдѣлалась почти гласною, рѣшился онъ съ нарочнымъ увѣдомить его о томъ. Только 20 числа получено сіе увѣдомленіе, и въ тотъ же вечеръ, неизвѣстно какъ, слухъ разнесся о томъ по городу. Свита намѣстника, 21 рано поутру, съ любопытствомъ и страхомъ собралась передъ его кабинетомъ; но онъ не показался ей, а явился Казначеевъ съ объявленіемъ, что онъ вышелъ другими дверями и уѣхалъ въ Таганрогъ. Садясь въ коляску и прощаясь съ провожавшимъ его генераломъ Сабанѣевымъ, оба заливались слезами, по словамъ одного свидѣтеля. Послѣ того Липранди и съ нимъ Алексѣевъ шесть дней оставались въ Одессѣ въ ожиданіи вѣстей, но неизвѣстность и печальное молчаніе продолжались тамъ.

И такъ сѣверное сіяніе наше, которое разливало свѣтъ свой на полміра, тихо угасало, исчезало на берегу Азовскаго моря, и мы, ничего не подозревали, ничего о томъ не вѣдали. Мнѣ все еще не вѣрилось: не съ большимъ за мѣсяць передъ тѣмъ и во мнѣ вспылала лихорадка, подобная злой горячкѣ, и я въ четыре дни выздоровѣлъ. Сія мысль утѣшала меня, питала во мнѣ надежду; несчастіе, казалось,

мнѣ слишкомъ велико, чтобы я почиталъ его возможнымъ. Укрѣпя себя упованіемъ, могъ я спокойно заснуть.

Въ одну ночь все переишло: 29-го небо покрылось мракомъ, воздухъ чрезвычайно охолодѣлъ и наполнился мелкимъ дождемъ. Между посѣтителями явился ко мнѣ и полиціймейстеръ Радичъ съ утреннимъ рапортомъ и печальнымъ видомъ. Когда всѣ вышли, онъ сказалъ мнѣ, что въ эту ночь воротился Катакази, который Богъ вѣсть зачѣмъ таскался въ Одессу и что сія птица худаго предвѣщанія возвѣстила о кончинѣ Государя. Я былъ пораженъ какъ бы чѣмъ-нибудь неожиданнымъ. Потомъ попросилъ я Радича побывать у г. Катакази и объяснить ему, что съ такими объявленіями торопиться нечего и, кажется, помолчать нетрудно; ну, а если не правда! Мнѣ хотѣлось, чтобы по крайней мѣрѣ не говорили о томъ. Въ продолженіи дня получилъ я другое письмо Казначеева отъ 26-го; слухи прошли, будто Государю лучше, и онъ, голубчикъ, спѣшилъ тѣмъ утѣшить меня. Я было началъ оживать, какъ вечеромъ опять заѣхалъ ко мнѣ Радичъ и сказалъ, что какая-то купчиха сейчасъ пріѣхала изъ Тирасполя, чтобы навѣстить замужнюю дочь, и о царской смерти рассказываетъ, какъ о дѣлѣ извѣстномъ. Заѣдемте къ ней, сказалъ я Радичу. Ее также просилъ я не дѣлать ложныхъ разглашеній; она отвѣчала мнѣ: «Да помилуйте, батюшка, сегодня по утру самъ Иванъ Васильевичъ (Сабанѣевъ) передъ цѣлымъ фрунтомъ изволилъ разговаривать объ томъ».

На другой день всѣ узнали и всѣ молчали, по крайней мѣрѣ со мною. Не получивъ никакого официальнаго извѣщенія, мнѣ и не слѣдовало говорить; а другіе, можетъ быть, щадили мою скорбь. Греки же и Филаллены не скрывали своей радости: они возлагали великія надежды на Константина Павловича, потому что онъ въ молодыхъ лѣтахъ говорилъ по-гречески, имѣлъ при себѣ Куруту и покровительствовалъ иногда единомыслию ихъ, находящихся въ Россіи. Сіи бессмысленные не знали, что никто такъ не вооружался противъ войны съ Турками *). Всѣ они толпились вокругъ вѣстника Катакази и сдѣлались такъ надменны, что встрѣчающимся не хотѣли кланяться.

Молдаване тоже не показывали большой печали и оставались довольно равнодушны; имъ было все равно: не тотъ, такъ другой. Какъ было понять имъ нашу горестъ? Кого могли они боготворить на землѣ? Прикащиковъ ли, на семь лѣтъ надъ ними поставленныхъ для сбора

*) По дошедшимъ послѣ до меня свѣдѣніямъ изъ Константинополя, извѣстіе о смерти государя Александра поразило султана Махмуда. Смуглившись, схватилъ онъ себя за бороду и сказалъ: буй-адамъ, добрый былъ человекъ. А наслѣдника его, котораго одно имя его устрашало, называлъ Асланомъ, то-есть разъяреннымъ львомъ.

податей, или естественнаго врага ихъ вѣры, султана? Добрый царь для Русскихъ есть Божій даръ; и когда сей посланный небесъ отлетаетъ отъ нихъ, они повергаются въ отчаяніе. То, что видѣлъ я въ младенчествѣ послѣ смерти Екатерины, тоже самое повторилось передо мною въ сорокалѣтнемъ возрастѣ. Изъ исторіи мы видимъ, что тоже самое было, когда Россія лишалась Александра Невскаго и добраго Феодора Иоанновича. Въ такихъ случаяхъ, какія чувства оживать будутъ нашихъ потомковъ, того не вѣдаю.

Сама судьба хотѣла послѣдніе дни Александра сдѣлать трогательными въ глазахъ нашихъ. Кто не зналъ, что добраго согласія между нимъ и добродѣтельной супругой его не было, что давно уже почтительный холодъ заступилъ мѣсто первоначальной супружеской нѣжности. Народъ любилъ ее и ропталъ. Вдругъ узнають, что искреннѣйшая дружба, взаимная довѣрчивость вновь соединяють ихъ. Всѣ возрадовались. И когда она оживала сердцемъ, душою, тѣло ея, изнуренное, можетъ быть, тайными горестями, преждевременно начало приходитъ въ разрушеніе. Всѣ дворцы, всѣ блестящія жилища свои покидаетъ онъ, чтобы въ тихомъ уединеніи, въ скромномъ убѣжищѣ заботиться о сохраненіи ея жизни и... умираетъ въ ея объятіяхъ.

Такимъ изумительнымъ образомъ оканчивалось многолѣтнее царствованіе, въ продолженіе коего Россія испытывала превратности счастья. Ей грозила гибель, силы цѣлой Европы разразились надъ нею, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ ту же самую Европу повелъ Александръ на великаго своего соперника. Магіей взгляда, ума и слова примиряя несогласныхъ, создалъ онъ союзъ, который по всей справедливости называлъ Священнымъ и умирая оставилъ Россіи тотъ повелительно-миротворный характеръ, который, дай Богъ, чтобы она навсегда сохранила. Однимъ стихомъ вѣрно изобразилъ его поэтъ:

Мужъ твердый въ бѣдствіяхъ и скромный побѣдитель.

И смѣло можемъ сказать, что подобнаго ему трудно сыскать въ исторіи. Какъ человѣкъ, имѣлъ онъ слабости, дѣлалъ большія ошибки; но сердце его всегда оставалось пучиной любви къ человѣчеству, а величіемъ души своей умѣлъ онъ постигнуть величіе Божіе и, сколько дозволено смертному, отражалъ его на землѣ.

И были люди въ новомъ краю, куда завезенъ я былъ случаемъ, которые удивлялись, а въ тайнѣ и смѣялись моей горести. И подлинно, если все относить лишь собственно къ самому себѣ, то потеря для меня была неважная. При этомъ государѣ какіе были у меня большіе успѣхи по службѣ? Почти все однѣ неудачи, и самое существованіе мое было ему вовсе неизвѣстно. Но, какъ сынъ отечества, оплакивалъ

я, по тогдашнему мнѣнію моему, погибающее его величіе. Къ тому же лучшіе годы жизни моей проведя подъ симъ правленіемъ, мнѣ казалось, что съ нимъ вмѣстѣ оканчивается и нашъ вѣкъ, прошла и наша пора.

Если въ Кишиневѣ встрѣчалъ я немного сочувствія, за то извѣстія и письма изъ Одессы могли меня утѣшить. Обязанный ему своимъ существованіемъ и богатствомъ, городъ сей въ полномъ смыслѣ покрылся трауромъ. Особенно же женщины, коихъ онъ былъ кумиромъ, не осушали глазъ. Гораздо послѣ узналъ я, что тоже самое было и во всѣхъ другихъ Русскихъ городахъ.

Вся Россія находилась тогда въ странномъ положеніи. Обыкновенно преемникъ усопшаго императора манифестомъ возвѣщалъ намъ въ одно время о кончинѣ его и о своемъ воцареніи. Тутъ болѣе тысячи верстъ отдѣляло наследника престола отъ столицы, и въ дали отъ нея, совсѣмъ въ другой сторонѣ послѣдовала кончина его предшественника. Сколько времени нужно было на разъѣзды, на сообщеніе извѣстій; сей промежутокъ времени имѣлъ видъ междуцарствія. Я ожидалъ свѣдѣній и приказаній изъ Таганрога, изъ Петербурга, изъ Варшавы. Наконецъ, 3 Декабря получилъ я первую формальную бумагу съ черной каймой, подписанную намѣстникомъ 25 Ноября, въ день пріѣзда его въ Таганрогъ. Въ ней, извѣщая меня о несчастномъ событіи, онъ предписываетъ, чтобы во всѣхъ актахъ сохраняемо было имя покойнаго, *впредь до новельнїя нынѣ царствующаго Государя Императора Константина Павловича*. Я подчеркнулъ точныя слова его предписанія.

По военному вѣдомству дѣло шло проворнѣе. Вслѣдствіе полученныхъ имъ приказаній, генераль Желтухинъ 6 Декабря, въ Николинъ день, на широкомъ дворѣ митрополіи, послѣ обѣдни приводилъ къ присягѣ новому царю всѣхъ воиновъ, на лицо находящихся въ Кишиневѣ. Духовное начальство также не замедлило получить указъ изъ Святѣйшаго Синода, и архіепископъ Димитрій официальнымъ отзывомъ пригласилъ меня на панихиду 12 Декабря, въ самый день рожденія усопшаго. Однимъ словомъ, я пѣлъ еще за здравіе, когда духовенство и войско пѣли за упокой. Однакоже, вечеромъ того же числа прибылъ ко мнѣ сенатскій курьеръ съ указомъ изъ Сената, и весь этотъ вечеръ просидѣлъ я въ областномъ правленіи, дабы скорѣе привести указъ сей въ исполненіе. Надобно было присяжные листы перевести на Молдаванскій языкъ, печатные указы съ нарочнымъ разослать по цынутамъ и повѣстить всѣхъ гражданскихъ и отставныхъ чиновниковъ объ учиненіи присяги. На другой день, 13 Декабря, сіе совершенно мною въ крестовой церкви архіерейскаго дома.

По совершеіи сего священнаго обряда, казалось, намъ оставалось только спокойно ожидать распоряженій новаго правительства; но нѣтъ, почти мѣсяць прошелъ послѣ того, что скончался Александръ, а Константинъ хранилъ молчаніе. Царствовалъ одинъ только густой мракъ неизвѣстности, подобный тому, который постоянно покрывалъ тогда наше полуденное небо. Въ потьмахъ всѣ предметы кажутся страшнѣе. И въ близи, и въ дали, казалось, грозить намъ опасность. Неизвѣстно откуда взялись слухи, что во второй арміи (изъ коей двѣ дивизіи занимали Бессарабію) готовъ вспыхнуть мятежъ. И дѣйствительно, и солдаты, и офицеры равно не любили цесаревича, почитая его жестоко-сердымъ, Руссоненавистникомъ. Сіи слухи имѣли по крайней мѣрѣ какое-нибудь основаніе, и вѣрнопопдаанный, трусливый генералъ Желтухинъ придавалъ имъ вѣроятность, запершись и нигдѣ не показываясь. Но другіе, самые нелѣпѣйшіе слухи ходили на счетъ Петербурга. Увѣряли, будто Великій Князь Николай Павловичъ, пользуясь смертію одного брата и отсутствіемъ другаго, захотѣлъ возсѣсть на престолъ и былъ засаженъ въ крѣпость; будто у него сильная партія и можетъ послѣдовать междоусобная война. Надобно было жить въ такомъ отдаленіи отъ истины, чтобы повѣрить такому вздору.

На мою бѣду еще въ Ноябрь въ Яссахъ вновь появилась чума, и надобно было заботиться опять усилить кордонъ по Пруту. На этотъ разъ былъ я нѣсколько успокоенъ прозорливствію начальника казакъ полковника Бегидова, славнаго и въ бояхъ. Въ то же время рассказывали у насъ, будто Турецкое войско приблизилось къ Дунаю и въ случаѣ какихъ-либо у насъ неустройствъ готово перейти его. У страха глаза велики: намѣстникъ оставался въ Тагайрогѣ, въ восьми-стахъ верстахъ отъ насъ; правительство, гдѣ оно было? Въ случаѣ тревоги, откуда ожидать мнѣ было наставленій, скорой помощи? Смутное, тяжкое время было для меня. Къ счастью, оно не долго продолжалось. По вечерамъ собирались у меня два-три короткихъ человѣка; мы толковали и повторяли: что съ нами будетъ!...

Экстра-почта въ восемь дней изъ Петербурга приходила къ намъ два раза въ недѣлю. По послѣдне-полученной почтѣ, 23-го Декабря къ вечеру, не было ни бумагъ, ни писемъ. Долго ли это будетъ? подумалъ я. На другой день, часу въ двѣнадцатомъ утра, по окончаніи обычныхъ моихъ занятій, пришелъ ко мнѣ отъ архіепископа Димитрія секретарь консисторіи г. Монастырскій съ важными, по словамъ его, бумагами. Преосвященный получилъ ихъ наканунѣ по почтѣ и, сообщая ихъ мнѣ одному, просилъ о содержаніи ихъ никому не говорить. Тутъ были печатные листы, манифестъ покойнаго государя, отреченіе Константина Павловича и, наконецъ, манифестъ о восшествіи на пре-

столь императора Николая I-го. Симъ, казалось, развязывалась загадка; но во мнѣ, привыкшемъ сомнѣваться, умножилось недоумѣніе. Для объясненій поспѣшилъ я къ архіерею; онъ показалъ мнѣ коротенькое письмо директора почтоваго департамента тайнаго совѣтника Жулковскаго. Препровождая къ нему манифесты, онъ прибавлялъ только: «дай Богъ много лѣтъ здравствовать молодому нашему государю, тяжель былъ для него первый день его царствованія». Выходя отъ архіерея, я зашелъ къ ранней вечернѣ въ его домовую церковь, и какъ это былъ Сочельникъ, то слышалъ возношеніе имени еще Константина, царя Казанскаго, Астраханскаго и прочее, и провозглашеніе всего императорскаго титула его.

Тайна не могла долго укрыться; въ тотъ же вечеръ многіе стали подозрѣвать ее. Въ день Рождества маленькія комнаты мои наполнились множествомъ людей: всѣ приходили поздравить меня будто съ праздникомъ; но на всѣхъ почти лицахъ замѣтилъ я любопытство, которое не спѣшилъ удовлетворить. На другой день, 26-го числа, сдѣлалъ я нѣсколько посѣщеній, а возвратясь домой, нашелъ много бумагъ, полученныхъ съ почты. Ни въ одной особенной важности не было, исключая Петербургскихъ газетъ, въ которыхъ нашелъ я манифесты, читанные мною за два дня до того, и назначеніе множества генераль-адъютантовъ. Въ прибавленіяхъ находилась подробная реляція о происшествіи 14-го Декабря.

Я еще былъ погруженъ въ размышленіе о семъ важномъ происшествіи, когда возвѣстили мнѣ другаго сенатскаго курьера, прибывшаго съ манифестомъ. Мнѣ хотѣлось было разспросить его; но онъ отправленъ былъ до 14-го, и также какъ первый курьеръ, прежде Кишинева, по восьми губернскимъ городамъ долженъ былъ развозить указы, отчего и послѣдовало промедленіе. Надобно было опять собирать областное правительство и на Святкахъ немного потрудиться. На другой день, 27 Декабря, всѣ гражданскіе и отставные чиновники были приведены мною къ присягѣ новому императору.

Симъ начиналось для меня царствованіе, въ продолженіе коего я имѣлъ много усилъховъ, а еще болѣе горя.

Наше Русское общество состояло по большей части изъ людей и женщинъ, совершенно чуждыхъ столицѣ, двору, высшимъ сословіямъ. Они не могли смотрѣть съ особенно живымъ участіемъ на происшедшее въ теченіе послѣдняго мѣсяца. Какъ добрые Русскіе, они искренно оплакивали смерть Александра, а потомъ сказали: не вѣкъ же горевать! Сдѣлались довольно равнодушны и немного напомнили мнѣ въ стихахъ Лагарпа, этого

. . . berger assis au pied d'un hêtre,
Sans songer que l'Asie allait changer de maître.

На Святкахъ совсѣмъ отерли слезы и принялись за свои вечернія собранія. Гадали, пѣли подблюдныя пѣсни, затѣвали святочные игры; когда фанты вынутыя молодымъ, то заставляли ихъ плясать подъ фортепiano. Два старика, статскій совѣтникъ Угрюмовъ, назначенный на мое мѣсто членомъ въ Совѣтъ, и нѣкто Лановъ, членъ Инзовскаго комитета, старинные весельчаки, оживляли сіи забавы. И такъ, не совсѣмъ грустно встрѣтилъ я наступившій 1826 годъ.

Изъ Петербурга извѣстія, между тѣмъ, становились все успокоительнѣе. Новый Императоръ, можно сказать, исшелъ изъ неизвѣстности: его знали только дворъ да гвардія, а не народъ, не государство, въ дѣлахъ коего дотолѣ не принималъ онъ ни малѣйшаго участія. Тѣмъ болѣе съ безпокойнымъ любопытствомъ смотрѣли на первыя дѣйствія его, тѣмъ болѣе съ радостію увидѣли, что они ознаменованы твердостію духа и осторожностію ума. Не менѣе того и въ поступкѣ Константина Павловича увидѣли трогательное самоотверженіе и за него готовы были его благодарить *).

Пока все еще оставался я одинъ, можно сказать, управляющимъ Бессарабіей: ибо начальникъ мой 29 Декабря, выпроводивъ изъ Таганрога тѣло покойнаго Государя, отправился въ Бѣлую Церковь къ женѣ и тещѣ. О Тимковскомъ не было ни слуху, ни духу: по назначеніи своемъ пятый мѣсяцъ безъ дѣла и безъ всякаго предлога проживалъ онъ въ столицѣ. Сей странный человекъ ничѣмъ не дорожилъ и никѣмъ не уважалъ. Можетъ быть, хотѣлось ему протрезвиться передъ выѣздомъ, дабы не совсѣмъ въ пьяномъ видѣ явиться на губернаторство, но, видно, въ этомъ никакъ не успѣвалъ.

Слышно было, что число заговорщиковъ противъ правительства было гораздо значительнѣе числа возмутителей, схваченныхъ въ день мятежа; слышно было, что ихъ отыскиваютъ по губерніямъ и подъ стражей отправляютъ въ Петербургъ. У насъ пока еще ничего подобнаго не было.

И въ самые лучшіе годы моей жизни иногда безъ всякой причины находилъ на меня сплинъ, что въ переводѣ у насъ значитъ хандра. Свѣтъ становился мнѣ не милъ, и все казалось постылымъ. Такой недугъ напалъ на меня въ Воскресный день, 10 Января. Я не велѣлъ никого къ себѣ пускать и, только что смерклось, при слабомъ мерцаніи

*) Мнѣ сказывалъ послѣ Ланжеронъ, что, возвращаясь изъ Парижа (куда ѣздилъ на поклоненіе Карлу X) и находясь проездомъ въ Веймарѣ, узналъ онъ о великодушной борьбѣ двухъ братьевъ. Тогда къ Великой Княгинѣ, сестрѣ двухъ братьевъ, обратилъ онъ слѣдующій Французскій комплиментъ: „Фамилія вашего высочества такъ высоко поднялась въ общемъ мнѣніи, что члены ея какъ будто уже не восходятъ на престолы, а скорѣе спускаются на нихъ“.

одной свѣчки, лежалъ одинъ съ черными думами: вдругъ письмо отъ Липранди. Онъ пишетъ, что, вѣскольکو дней будучи нездоровъ, самъ не можетъ явиться и спрашиваетъ, не слыхалъ ли я чего объ ужасномъ происшествіи, бывшемъ въ окрестностяхъ Бѣлой Церкви? На этомъ самомъ письмѣ написалъ я только сіи слова: «ничего не вѣдаю» и отослалъ къ нему назадъ. Разъ уже веселыя мысли мои разогналъ онъ недоброю вѣстію; тутъ мрачныя разсѣялъ онъ, возбудивъ опасенія на счетъ графа, который находился тогда въ Бѣлой Церкви.

Не прошло часу, какъ возвѣстили мнѣ полицеймейстера Радича и съ нимъ присланнаго отъ графа чиновника. Отказать имъ въ приѣмъ я не могъ, да и не захотѣлъ бы послѣ письма Липранди. Чиновникъ сей былъ девятнадцати или двадцатилѣтній юноша, Степанъ Васильевичъ Сафоновъ, только что въ Августѣ поступившій на службу въ канцелярію графа, бывшій при немъ въ Таганрогъ и въ короткое время сдѣлавшійся его первымъ любимцемъ (въ послѣдствіи времени былъ онъ первымъ его министромъ). Онъ подалъ мнѣ двѣ незначительныя бумаги. «Неужели ничего болѣе?»—спросилъ я. «Да», отвѣчалъ онъ; «я проѣздомъ въ Кишиневъ, имѣю секретное порученіе далѣе и только переночую у Якова Николаевича» (Радича). Все это было такъ странно, что крайне меня удивило. На счетъ происшествія сказалъ онъ, что графъ пріѣхалъ въ Бѣлую Церковь послѣ онаго. Это было возмущеніе Черниговскаго пѣхотнаго полка подъ начальствомъ бывшаго Семеновца, знакомаго мнѣ Сергѣя Муравьева. 2 Генваря происходило небольшое, но настоящее сраженіе; Муравьевъ и братъ его Матвѣй взяты въ плѣнъ, третій братъ убитъ, а нѣкоторые изъ офицеровъ разбѣжались неизвѣстно куда.

На другой день, 11-го числа, рано явились ко мнѣ опять Радичъ съ Сафоновымъ. Они совершили важный подвигъ: арестовали Липранди, опечатали его бумаги, не велѣли никого къ нему допускать, а мнѣ предоставили отправленіе его въ Петербургъ. «Такъ какъ все сдѣлано мимо меня, сказалъ я, такъ какъ по сему дѣлу не имѣю я ни строчки отъ намѣстника: то пусть г. полицеймейстеръ возметъ на себя и сей послѣдній трудъ. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, позволено будетъ его видѣть?» Радичъ отвѣчалъ: помилуйте, вамъ вездѣ открытъ входъ. Мнѣ хотѣлось освободить вчерашнее письмо, и я въ томъ успѣлъ. Липранди напелъ я чрезвычайно упадшаго духомъ, и хотя онъ божился мнѣ, я почиталъ его виновнымъ. Послѣ съ удовольствіемъ узналъ, что я ошибся. На другой день Радичемъ былъ онъ отправленъ съ полицейскимъ офицеромъ.

Какая мысль была у графа устранить меня отъ этого дѣла? Неужели подозрѣвалъ онъ меня въ какомъ-либо соучастіи съ подозрѣ-

ваемыми? Нѣтъ, этого не было; но онъ почиталъ меня большимъ пріятелемъ Липранди и зналъ всю Сербскую вражду Радича противъ него. Вообще, онъ не любилъ церемониться съ губернаторами и часто безъ ихъ вѣдома давалъ свои предписанія исправникамъ и городничимъ. Иные обижались этимъ; въ такомъ случаѣ, что могло быть удобнѣ Катакази, и напрасно онъ удалилъ его. Вездѣ сперва его произволь, а потомъ, пожалуй, и законъ, лишь бы онъ былъ согласенъ съ его видами.

Больно было мнѣ узнать отъ Сафонова, что вновь произведенный надворный совѣтникъ Никаноръ Лонгиновъ, о которомъ уже говорено, Высочайшимъ указомъ назначенъ исправляющимъ должность Таврическаго вице-губернатора на мѣсто Куруты, который переведенъ въ Орловскую губернію. Послѣ того, что оставалось мнѣ дѣлать, если не распространиться навсегда съ Новороссійскимъ краемъ? Завѣса, покрывавшая недостатки человѣка, которому преданъ я душой, вдругъ начала спадать.

Дней черезъ пять послѣ отсылки Липранди, были новыя арестаціи, новыя отправленія. Два бѣжавшихъ офицера Черниговскаго полка находились въ Клишиневѣ подъ чужими именами, и мы того не подозрѣвали. Николаевскій полиціймейстеръ, подполковникъ Павелъ Ивановичъ Ѳедоровъ, человѣкъ тонкій, всевѣдущій, неутомимый *), не Радичу чета, тайно увѣдомилъ насъ о томъ, прибавляя, что одинъ изъ нихъ, подъ новымъ именемъ, ожидаетъ писемъ и денегъ изъ Кременчуга. Посредствомъ мнимой повѣстки съ почты, посредствомъ этой ловушки не трудно было схватить обоихъ. Названій сихъ офицеровъ не помню, да и ихъ самихъ не имѣлъ духу видѣть. Одинъ изъ нихъ былъ раненъ, а согласно предписаніямъ слѣдовало ихъ закованными отправить въ Петербургъ. Сію жестокую операцію предоставилъ я Радичу.

Въ половинѣ Генваря намѣстникъ опять воротился въ столицу свою, Одессу. Обыкновенно три четверти года проводилъ онъ въ разѣздахъ, внѣ ея, не считая уже годовыхъ и двухгодовыхъ отлучекъ за границу. Тогда, по крайней мѣрѣ, заступающій его мѣсто постоянно оставался на немъ, а это путевое, кочевое управленіе, не знаю, приносило ли много пользы краю. При Екатеринѣ генераль-губернаторы жилали болѣе въ Петербургѣ и въ Москвѣ и только по временамъ посѣщали свои губерніи. За то были они только великолѣпными представителями величія царскаго и въ тоже время постоянными сенаторами-ревизорами. Всякая справедливая жалоба на злоупотребленіе

*) Онъ не ожидалъ тогда, что нѣкогда будетъ управлять Новороссійскимъ краемъ.

власти находила въ нихъ защитниковъ. Такимъ образомъ губернаторы, настоящіе хозяева губерній, были подчинены болѣе ихъ надзору, чѣмъ прямому начальству. Время и обычай это измѣнили. Особенно же при графѣ Воронцовѣ въ губерніяхъ Новороссійскихъ, власть губернаторская основывалась не столько на узаконеніяхъ, какъ на его прихоти. Изъ нея бралъ онъ себѣ любое, а все многотрудное оставлялъ губернаторамъ и былъ отмѣнно взыскателемъ.

Въ это время долженъ былъ я неожиданно испытать всю жестокую несправедливость этого человѣка. Чтобы представить дѣло въ настоящемъ видѣ, долженъ я съ рассказомъ моимъ податься недѣль за шесть назадъ.

Оттапливаніе дѣло совсѣмъ не маловажное въ бездѣсномъ краю. Посредствомъ подрядовъ, на счетъ земскихъ повинностей, доставлялось войску топливо: дрова, камышъ, бурьянъ или что другое удобное для доставки. Срокъ двухгодоваго контракта оканчивался 1 Января 1826 года; объявленны были торги, желающіе не являлись, и я находился въ большомъ затрудненіи. Только въ концѣ Ноября неутомимый Левинсонъ, который не пренебрегалъ и небольшими барышами, предложилъ мнѣ цѣну гораздо ниже прошлыхъ; я представилъ о томъ въ Совѣтъ.

Памятно мнѣ засѣданіе его 4 Декабря. Наканунѣ изъ Таганрога получилъ я отъ намѣстника официальное извѣщеніе о кончинѣ Государя. Я зналъ, какъ онъ былъ привязанъ къ покойному, зналъ, что Константинъ Павловичъ весьма не благоволитъ къ нему, и представлялъ себѣ всю горестъ его положенія; откуда ни возмись вся прежняя, глупая моя къ нему нѣжность! Члены Совѣта замѣтили мнѣ, что обыкновенно намѣстники утверждаютъ подобные подряды. «Да, отвѣчалъ я, когда они на лицо или вблизи. Разсудите сами, господа: еслибы мы и съ нарочнымъ послали представленіе наше въ Таганрогъ за восемьсотъ верстъ, то ближе двухъ недѣль не могли бы ожидать отвѣта. Потомъ вспомните, сколько времени нужно будетъ на соблюденіе формальностей, на составленіе и написаніе контрактовъ, и сіе въ самые праздники; это возметъ у насъ еще двѣ недѣли, слѣдственно, черезъ мѣсяцъ и послѣ Нового года можемъ мы окончить сіе дѣло. Вы знаете, что, согласно съ образованіемъ и въ присутствіи намѣстника, единогласіе Совѣта могло бы и безъ его воли утвердить такую сдѣлку, гдѣ выгоды для областныхъ суммъ очевидны. Къ тому же, прибавилъ я со вздохомъ, нашъ бѣдный графъ, до того ли ему теперь?» Всѣ члены со мной согласились.

Какимъ заботамъ, какимъ издержкамъ подвергнута была бы казна, еслибъ принуждена была взяться за сію поставку и еслибъ сутки или

двое пришлось бы солдатамъ забнуть. Въ это время носились ужасные слухи, будто войско готово было придратъся къ первому случаю, чтобы взбунтоваться. Насилу 19 Декабря успѣли мы окончить сидѣло, и Левинсонъ готовъ уже былъ отказаться; ибо и ему нужно было время, чтобы сдѣлать свои распоряженія.

И вотъ что чрезмѣрно прогнѣвило нашего начальника, когда онъ возвратился въ Одессу. Онъ держалъ кормило Новороссійскаго управленія на берегахъ Финскаго залива, равно какъ и на берегахъ Азовскаго моря, и при всякомъ экстренномъ случаѣ надобно было гоняться за нимъ, чтобы испрашивать его разрѣшенія. Онъ опредѣлялъ, не мнѣ одному, а всему Совѣту въ совокупности объявить строжайшее замѣчаніе, подрядъ оставить пока за Левинсономъ, но сдѣлать новые торги къ 1 числу Маія. О семъ грозящемъ намъ ударѣ письмомъ предупредилъ меня добрѣйшій Казначеевъ, какъ бы вызывая отъ меня предупредительное оправданіе. Я написалъ его со всѣми подробностями здѣсь помѣщенными, винилъ себя одного, выгораживалъ членовъ Совѣта. Оно показано было неумолимому, но ничто не помогло. Я не зналъ, что Казначеевъ уже не въ первый разъ отклонялъ отъ меня удары, наносимые мнѣ начальствомъ и былъ громовымъ для меня отводомъ; послѣ, съ горемъ и съ шуткой пополамъ, я прозвалъ его моимъ паръ-а-графомъ. Для самого Воронцова былъ онъ докучливою, но часто весьма спасительною совѣстію, отъ которой мѣсяцевъ черезъ шесть послѣ того захотѣлъ онъ избавиться.

Трудно было понять, за что и для чего такія гоненія. Если хотѣли заставить меня выйти изъ службы, то я самъ не скрывалъ желанія своего ее оставить. Я такъ усталъ отъ бесплодныхъ заботъ по службѣ, отъ лишенія всѣхъ пріятностей образованной жизни и отъ неровностей характера начальника, что въ этомъ видѣлъ спасеніе свое. Я, однако, ошибался: меня совсѣмъ не хотѣли выпускать изъ рукъ. Мало было моей покорности: къ ней примѣшивалась нѣкоторая самостоятельность, и ее-то хотѣлось Воронцову измѣять. Только мнѣ казалось неловко подать въ отставку въ самомъ началѣ новаго царствованія.

Надобно объяснить причину многихъ странностей Воронцова. Сынъ богатаго и знатнаго человѣка, онъ воспитанъ въ Англіи, гдѣ многіе лорды богаче и сильнѣе Нѣмецкихъ владѣтельныхъ князей, и если подобно имъ не имѣютъ подданныхъ, за то множество благородныхъ и просвѣщенныхъ людей идутъ къ нимъ въ кабалу, вмѣстѣ съ нами вступаютъ въ службу и оставляютъ ее: это называется патронеджъ. Нѣчто подобное хотѣлось ему завести для себя и въ Россіи, гдѣ царствуетъ подчиненность начальству, а подданство одному только человѣку. Въ первой молодости, подъ видомъ добраго товарищества, поселилъ онъ

въ отцовскомъ домѣ нѣсколько Преображенскихъ офицеровъ, содержаль ихъ, поилъ, кормилъ и, разумѣется, надо всѣми бралъ верхъ. Какъ главный начальникъ Русскаго войска въ Мобѣжѣ, щедротами на Французскія деньги привязалъ онъ къ себѣ много неимущихъ людей: Богдановскаго, Дунаева, Лонгинова, Казначеева, Франка, Арсеньева, Ягницкаго, вышедшаго въ отставку и управляющаго его имѣніемъ. Въ нихъ видѣлъ онъ свою собственность; въ Новороссійскомъ краѣ нѣкоторыхъ посадилъ на высшія мѣста и началъ дѣлать новый наборъ, въ который по невѣдѣнію и я какъ-то попалъ. Замѣтивъ, однако, что я не совсѣмъ охотно признаю надъ собою крѣпостное его право, началъ онъ преслѣдовать меня. Во время послѣдняго моего съ нимъ свиданія просилъ я его объ удаленіи отъ должности одного явнаго вора и грабителя, Аккерманскаго цынутнаго прокуратора или уѣзднаго страпчаго, нѣкоего Бублейникова, женатаго на сестрѣ любимаго его и уже умершаго адъютанта Русанова. «Да, отвѣчалъ онъ, и до меня доходили невыгодные о немъ слухи; за то вы не знаете, какъ всей душой онъ мнѣ преданъ». Я подивился и замолчалъ. Послѣ понялъ онъ, что въ Россіи одни права начальства даютъ власть надъ людьми, могутъ давать и свиту, и дворъ; оттого такъ крѣпко привязался онъ къ службѣ, безъ которой при его состояніи такъ легко могъ бы онъ обойтись.

Когда грозное его предписаніе получено было членами Совѣта, оно до того изумило ихъ, что они не вдругъ его поняли. «Что мы будемъ дѣлать?» спросили они у меня.—Что хотите, господа, отвѣчалъ я. Между тѣмъ сей самый вопросъ долженъ былъ я и самъ себѣ сдѣлать. Исполнить несправедливое заключеніе намѣстника значило бы признать себя виновнымъ; протестовать въ такое время, гдѣ во всемъ видѣли возмущеніе, было бы идти на явную гибель. Во избѣжаніе сихъ двухъ крайностей, поступою свой, не знаю, какъ назвать, робкимъ ли, или смѣлымъ. Дни три оставивъ безъ исполненія помянутое предписаніе, 6 Февраля сказался я больнымъ и сдалъ должности губернаторскую и вице-губернаторскую. Послѣ того заключился въ совершенномъ уединеніи, нигуда не выходилъ и никого почти къ себѣ не пускалъ.

Въ Одессѣ сначала повѣрили моей мнимой болѣзни; но какъ она становилась продолжительною, а Тимковской изъ Петербурга и не думалъ ѣхать и дѣла шли Богъ знаетъ какъ, то совѣтывали мнѣ выздоравливать. Я писалъ, что сіе зависитъ отъ полученія мною четырехмѣсячнаго отпуска, о которомъ просилъ еще я въ Августѣ мѣсяцѣ. Онъ давно былъ разрѣшенъ мнѣ Комитетомъ Министровъ, давно находился въ канцеляріи намѣстника, но выслать его хотѣли мнѣ только по прибытіи новаго губернатора. Наконецъ, Левшинъ написалъ мнѣ прелюбезное письмо, въ которомъ, по приказанію Воронцова, убѣди-

тельно приглашалъ меня вступить въ должность, тѣмъ болѣе, что, по извѣстіямъ изъ Петербурга, Тимковской совѣмъ на отъѣздѣ. Тутъ была собственноручная приписка графа, гдѣ въ самыхъ ласковыхъ выраженіяхъ повторялъ онъ сіе приглашеніе. То и другое оставилъ я даже безъ отвѣта. Вотъ тутъ-то прогнѣвались на меня и безо всякаго отзыва прислали мнѣ отпускъ, которымъ и не замедлилъ я воспользоваться.

Прежде чѣмъ выѣхать изъ Кишинева, мнѣ необходимо досказать глупую и жалкую исторію о Левинсонѣ и дровахъ. Покорный Совѣтъ, не дозволивъ себѣ ни малѣйшаго, самаго почтительнаго замѣчанія въ оправданіе свое, поспѣшилъ исполнить волю начальника. Но Левинсонъ не убоился отправить сильную жалобу къ управляющему Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ и нашею Бессарабскою частію Ланскому. Изъ устъ сего послѣдняго, самого Василья Сергѣевича, слышалъ я потомъ, что столь противузаконнаго распоряженія не случалось ему видѣть ни во время многолѣтняго управленія его разными губерніями, ни въ бытность его генераль-интендантомъ арміи. «Контрактъ всегда святъ и ненарушимъ, говорилъ онъ; если онъ неправильно совершенъ, то отвѣтственность падаетъ единственно на мѣсто или лицо, его заключившее». Съ Высочайшаго соизволенія дѣло остановлено въ Бессарабіи и передано на разсмотрѣніе Сената. Не ближе какъ въ концѣ Октября послѣдовало справедливое онаго рѣшеніе. Нимало не осуждая дѣйствій графа Воронцова и приписывая ихъ особенной заботливости его объ общественной пользѣ, Сенатъ однакоже совершенно одобрилъ распоряженія Бессарабскаго Совѣта, находя, что они сдѣланы совершенно на законномъ основаніи и съ явною выгодною для областныхъ суммъ.

Кажется, этимъ и должно бы кончиться сіе неважное дѣло; но Воронцовъ, который въ это время былъ на отъѣздѣ въ Англію, чрезвычайно обидѣлся симъ сенатскимъ опредѣленіемъ. Черезъ одного пріятели своего, любимца молодаго Государя, представилъ онъ ему, что рѣшеніе Сената вредно для власти его и унижаетъ ее въ глазахъ жителей. Тогда не успѣли еще хорошенько оглядѣться и въ дѣлахъ не слишкомъ придерживались законности: прежнія распоряженія Воронцова, вопреки мнѣнію Сената, утверждены, а сверхъ того членамъ Совѣта велѣно объявить Высочайшій выговоръ съ занесеніемъ его въ формулярные ихъ списки. И вотъ чистый барышъ, который получилъ я отъ усерднаго служенія моего въ Новороссійскомъ краю!

Получивъ согласное съ желаніемъ своимъ царское повелѣніе, въ исходѣ Декабря Воронцовъ отправился за границу и приказалъ вновь назначить торги къ 1 Маю уже 1827 года. На нихъ никто не явился,

и Левинсонъ исправно и спокойно додержалъ свой подрядъ до окончанія двухгодоваго срока. И стоило ли того, чтобы подымать такую большую тревогу, преслѣдовать и обижать честныхъ, полезныхъ и невинныхъ людей!

IV.

Пробывъ болѣе трехъ недѣль въ добровольномъ тюремномъ заключеніи, какъ сладостно мнѣ было увидѣть спасительную бумагу объ отпускѣ, дарующемъ мнѣ свободу! Совершенная весна наступила уже нѣсколько дней, когда 4 Марта оставилъ я Кишиневъ. Все это вмѣстѣ день выѣзда моего сдѣлало радостнымъ для меня днемъ. Узы, которыя прежде мнѣ казались столь легки и даже пріятны, давили уже меня своею тягостію, и я рвался изъ нихъ. Немного времени было нужно, чтобы спастись изъ Бессарабіи: отъ Кишинева до мѣстечка Крјулянъ на Днѣстрѣ всего сорокъ верстъ. Переправившись черезъ сію рѣку, которая отъ нея, казалось, навсегда меня отдѣлила, я сталъ дышать свободнѣе.

Городокъ Дубоссары до присоединенія Бессарабіи былъ значительнымъ пунктомъ: въ немъ находилась пограничная почтовая контора, черезъ которую проходила вся Русская переписка съ Константинополемъ. Пока линіи таможенная и карантинная не были сняты на Днѣстрѣ, городокъ сей все еще казался оживленнымъ; нынѣ же, будучи заштатнымъ, безуѣзднымъ, говорятъ, приходитъ въ упадокъ. Многіе думали, и я въ томъ числѣ, что эта сторона Новороссійскаго края населена выведенными изъ Украины крестьянами; но нѣтъ: въ двухъ уѣздахъ, Ольвиопольскомъ и Тираспольскомъ, остались первобытные жители, Молдавскіе хлѣбопашцы. Послѣ Яскаго мира, съ 1792 года, частыя сношенія ихъ съ земляками Заднѣстровскими должны были прекратиться, и въ то же время начали они сближаться съ сосѣдями своими, Малороссіянами, съ коими и въ обычаяхъ, и въ одѣяніи, и въ образѣ жизни имѣютъ совершенное сходство. Время нынѣ до того уподобило ихъ Украинцамъ, что они забыли Молдавскій языкъ. Вотъ чтó случилось, какъ утверждаютъ, и въ трехъ сѣверныхъ цинутахъ Бессарабскихъ; вотъ чтó неизбѣжно послѣдуетъ съ цѣлою Молдавией, если она присоединена будетъ къ Россіи, не составляя особаго, отдѣльнаго княжества.

Я сперва намѣревался отправиться въ Пензу; послѣднія происшествія заставили меня переимѣнить сіе намѣреніе. При началѣ новаго царствованія могутъ быть благопріятные случаи для выгодной переимѣны службы, подумалъ я между прочимъ. Но это не было главною причиною поѣздки моей въ Петербургъ. Прошло почти три года какъ

я разстался съ сею мнѣ столь знакомою столицей, и безъ переписки я всегда имѣлъ мало о ней свѣдѣній. Посреди заботъ службы, сіе меня не такъ тревожило; но во время послѣднихъ трехъ недѣль бездѣйствія любопытство мое было возбуждено до крайности. Дай погляжу на то что тамъ творится, а въ Пензѣ пожить всегда еще успѣю. Такимъ образомъ отправился я по совсѣмъ новой для меня дорогѣ.

По выѣздѣ изъ Кишинева на другой день, 5-го числа, рано поутру, проѣхавъ Херсонскую губернію, я былъ уже въ Подольской, которою я такъ любовался издали, но которая въ это время года лишена была большей части своихъ прелестей: сквозь пожелтѣвшую еще траву, мѣстами только проглядывала зелень, за то мѣстами кой-гдѣ разстился еще снѣгъ. Весь населенный Жидами и оживленный ихъ торговою дѣятельностію, городъ Балта, куда я пріѣхалъ, былъ также нѣкогда пограничнымъ. Вольница казацкая въ окрестностяхъ его не разъ рѣзалась съ Турками. При Екатеринѣ онъ причисленъ былъ къ одной изъ трехъ Новороссійскихъ губерній, два года только существовавшей Вознесенской, и названъ былъ Еленскъ, въ честь Елены Павловны, внуки Императрицы. Имена внучатъ своихъ любила Екатерина давать нѣкоторымъ мѣстамъ въ прибрѣтенномъ ею краю и по близости его. Такимъ образомъ небольшое мѣстечко, черезъ которое я проѣхалъ передъ вечеромъ, сдѣлано было уѣзднымъ городомъ Ольгополемъ, въ честь мало пожившей великой княжны Ольги Павловны.

Только рано на другой день, 6-го числа, поспѣлъ я въ Тульчинъ: я рассчитывалъ длину моего путешествія, чрезвычайно усталъ отъ дороги и на сутки остался тутъ отдыхать. День былъ прекрасный, и я попалъ въ довольно чистый, къ удивленію моему, Жидовскій домъ. Хозяинскій сынъ, молодой, проворный Еврей, взялся быть моимъ проводникомъ, но куда? можно спросить. Тульчинъ не городъ, а богатое, обширное мѣстечко, столица Потоцкихъ. Тутъ построены были въ два этажа съ половиной довольно большіе хоромы, которые жители, по обычаю, называли палацомъ или дворцомъ. Жидокъ мой увѣрялъ меня, что тамъ такія чудеса, которымъ подобныхъ въ мірѣ нѣтъ. Я пошелъ съ нимъ и нашелъ большой господскій домъ, какіе внутри Россіи бывають у помѣщиковъ, не совсѣмъ знатныхъ людей. При роскоши, которая и тогда уже царствовала во всѣхъ богатыхъ Петербургскихъ домахъ, на убранство комнатъ Тульчинскаго зámка и смотрѣть было нечего. Во всемъ, что касалось до этой части, Поляки не знали никакого толгу, ни они, ни жены ихъ; мущины тратились на Венгерское вино, на собакъ и лошадей, а женщины на наряды; безвкусіе было общее. Нѣсколько картинъ, совсѣмъ не замѣчательныхъ, изъ тщеславія купленныхъ владѣльцами, нѣсколько мраморныхъ бюстовъ, изобража-

ющихъ, кажется, Потоцкихъ обоюго пола; бронзовые часы и подсвѣчники, какіе нынѣ можно найдти у всякаго начальника отдѣленія, составляли богатую, чудную утварь, которой не менѣе того Польскіе дворяне прїѣзжали дивиться. Слуга, который отворялъ мнѣ дверь и водилъ по комнатамъ, былъ весьма недоволенъ данною мною пятирублевою ассигнаціей, увѣряя, что обыкновенно даютъ ему по червонцу. Смѣшны частные люди, которые даютъ показывать жилища свои, какъ бы великолѣпны они ни были, если въ нихъ нѣтъ ни славной картинной галереи, ни другой какой-нибудь любопытной коллекціи; не менѣе смѣшны и тѣ, которые платятъ за такого рода любопытство. Впрочемъ, врядъ ли найдутся такіе нынѣ, когда одною роскошью никого изумить не можно.

По обѣимъ сторонамъ такъ-называемаго палаца находились большія зданія, втрое длиннѣе его. Въ одномъ помѣщался главнокомандующій второю арміей, графъ Витгенштейнъ, а въ другомъ — главный штабъ арміи. Невозможно было, чтобы кого-нибудь въ главной квартирѣ не имѣлъ бы я знакомыхъ; но я никого не искалъ, только что отдыхалъ, да гулялъ по улицамъ не совсѣмъ уже грязнымъ. Къ сожалѣнію, не могъ я нагуляться въ прекрасномъ саду подлѣ дома: онъ былъ весьма худо содержанъ и только сверху могъ я полюбоваться излучистой рѣчкой, которая, протекая чрезъ него внизу, образовала островки.

Въ слѣдующіе два дни проѣзжалъ я мѣстами, о которыхъ часто и много слышалъ во время малолѣтства моего въ Кіевѣ, ибо они находились уже въ Кіевской губерніи. Надобно упомянуть, вопервыхъ, маленькій городокъ Брацлавъ, который при Польскомъ правительствѣ давалъ свое имя воеводству, а при Екатеринѣ вновь учрежденной ею губерніи: пока собирались его обстраивать, губернскія присутственныя мѣста находились въ городѣ Винницѣ. Съ большимъ любопытствомъ проѣхалъ я Махновку, а еще съ бѣльшимъ мѣстечко Бердичевъ, столь извѣстное своими арманнами.

Дорога въ Мартъ была такъ утомительна, что часто надобно было останавливаться для отдыха. Прибывъ наканунѣ вечеромъ, весь день 9 числа провелъ я въ губернскомъ городѣ Волынской губерніи, Житомирѣ. Онъ былъ весьма некрасивъ, какъ всѣ мѣста нашихъ Западныхъ губерній, Россіей пожалованныя въ званіе городовъ, но не успѣвшія заслужить сей чести.

Въ Житомирѣ находились тогда квартира одного пѣхотнаго корпуса и корпусный начальникъ генераль-лейтенантъ Ротъ, Логинъ Осиповичъ, съ которымъ въ Петербургѣ случалось мнѣ часто встрѣчаться, съ которымъ даже былъ я знакомъ, но не коротко. Родомъ изъ Альзаса, онъ соединялъ въ себѣ всю дореволюціонную изысканную

учтивость Французовъ съ Нѣмецкою жестокостію и педантствомъ. Будучи другомъ порядка и поборникомъ законной власти, онъ, древній дворянинъ, пошелъ простымъ рядовымъ въ корпусъ принца Конде и, неоднократно сражаясь за короля своего, достигнулъ офицерскаго чина. Когда корпусъ сей распустили или, лучше сказать, когда онъ разошелся, Ротъ поступилъ офицеромъ въ Русскую службу. Во время Турецкой войны въ 1809 году началъ онъ выходить изъ неизвѣстности и быстро подвигаться въ чинахъ. Отечественная наша война въ 1812-мъ и въ послѣдующихъ годахъ представила множество случаевъ отличиться; онъ отчаянно сражался и не разъ былъ раненъ, между прочимъ въ ротъ: фамильное имя его рану эту сдѣлало извѣстною всей Россіи. Судьба опредѣлила этому человѣку быть дѣятельнымъ врагомъ мятежниковъ: войско подъ его начальствомъ и подъ его распоряженіемъ усмирило недавно бунтъ Черниговскаго полка, за что молодой Императоръ и наградилъ его Александровской лентой.

Мнѣ никакого слѣда не было посѣтить генерала Рота, но любопытство взяло верхъ надъ чувствомъ приличія. Проѣздомъ чрезъ городъ, гдѣ онъ начальствовалъ, счелъ я будто бы обязанностію явиться къ нему, хотя это было послѣ обѣда, и я былъ во фракѣ. Довольствуясь и симъ изъявленіемъ глубокаго уваженія, онъ пригласилъ меня съ нимъ побесѣдовать. Онъ сдѣлался словоохотенъ, рассказивъ, и на счетъ послѣднихъ происшествій узналъ я отъ него много любопытныхъ подробностей. Между прочимъ сказывалъ онъ мнѣ, какъ Шервудъ, получившій въ награду названіе Вѣрнаго, по ночамъ пріѣзжалъ къ нему изъ Махновки. Никому во второй арміи, къ которой онъ принадлежалъ, не рѣшался Шервудъ представить своихъ тайныхъ извѣтовъ, а по соудству съ одной изъ корпусныхъ квартиръ первой арміи рѣшился доѣхать къ Роту. Отъ сего послѣдняго донесенія отправлены были въ Таганрогъ, и хотя застали Императора въ живыхъ, но при послѣднемъ издыханіи.

Оставивъ Житомиръ 10 Марта, я не совсѣмъ разстался еще съ полуденной природой: все еще напоминало ее, и вѣшнимъ солнцемъ сильно согрѣваемый воздухъ, и деревья, на которыхъ почки готовы были распуститься. Но она постепенно исчезаетъ до Овруча, гдѣ кончается Волынская губернія.

Далѣе въѣзжаешь въ тотъ нѣкогда непроходимый боръ, тотъ вѣками созданный лѣсъ, вѣками сокрушаемый и еще не истребленный, который покрываетъ собою всю Минскую губернію. Онъ былъ обитаемъ Древлянами, а еще болѣе дикими звѣрями, кои витаютъ въ большомъ количествѣ въ немъ и понынѣ; и между прочимъ зубры, которыхъ въ другомъ мѣстѣ нигдѣ уже найдти нельзя. Лѣсъ этотъ, мѣстами

дремучій, можетъ служить и ручательствомъ за безопасность нашего отечества. Имѣя по бокамъ двѣ неприступныя крѣпости (Бобруйскъ и Брестъ-Литовской), онъ наполненъ вязкими болотами, изъ коихъ вытекають двѣ большія рѣки, Припеть и Березина, а черезъ него для неприятельскихъ вторженій ближайшій, почти единственный путь во внутреннія области Россіи.

Я ѣхалъ медленно Волюнью, по грязной, скверной дорогѣ; за то небо и земля улыбались мнѣ въ этой плодоносной странѣ. Когда же я въѣхалъ въ Минскіе лѣса, то воздухъ сдѣлался суровъ, и небо угрюмо. Густая тѣнь деревьевъ сохраняла снѣгъ, а съ нимъ вмѣстѣ и холодъ, отъ чего нарастающая на дорогѣ земля была удобнѣе для вѣды. Этимъ воспользовался я, чтобы ѣхать шибче, даже днемъ и ночью, такъ что 12 числа въ полдень проѣхалъ я весьма незамѣчательный городокъ Мозырь, впрочемъ, единственный, который видѣлъ я въ Минской губерніи. Тутъ также, не безъ опасности, на утломъ, узкомъ паромѣ переправился я черезъ довольно широкую Припеть, за нѣсколько дней передъ тѣмъ покрытую льдомъ. На другой день, 13 числа, близъ станціи Екимовичи, имѣлъ я переправу черезъ другую рѣку, болѣе знаменитую, черезъ Березину, которая, подобно Ватерло, именемъ своимъ будетъ вѣчно напоминать о бѣдствіяхъ Наполеона.

Послѣ того въѣхалъ я въ Бѣлоруссію, мнѣ уже нѣсколько знакомую. Грустно мнѣ подумать, какъ всѣ эти мѣста, отъ самаго Днѣстра, мною проѣханныя, искони Русскія, носили на себѣ тогда и, кажется, носятъ и понынѣ печать Польскаго владычества. Жители почти всѣ остались тверды въ Православіи или выступали изъ него только въ Унію; но гдѣ ихъ было видѣть? Помѣщики богатые и небогатые, шляхтичи, которыхъ, вопреки ихъ притязаніямъ на дворянство, слѣдуетъ почитать мѣщанами, духовенство высшее и низшее, все это были Поляки, были Католики; наконецъ, Евреи, которые въ рукахъ своихъ имѣли всю торговую часть. Всѣ эти слои, какъ бы густою, непроницаемою корою покрывали собою и подавляли чистѣйшую, лучшую часть народонаселенія. Кого путешественникъ могъ встрѣтить въ городскихъ заѣзжихъ домахъ, въ почтовыхъ, на станціяхъ? Съ кѣмъ единственно могъ имѣть онъ дѣло? Съ Ляхами, да съ Жидами.

Туже самую разность, которую внимательный путникъ находитъ между климатами въ областяхъ на Западѣ, возвращенныхъ намъ отъ Польши, встрѣчаетъ онъ и въ наружности, и въ характерѣ ихъ жителей. Въ древней Россіи, въ губерніяхъ Подольской, Волинской, Кіевской, Украинцы, потомки храбрыхъ казаковъ, не смотря на тяготящее надъ ними иго Польскихъ помѣщиковъ, сохраняють видъ крѣпкій, здоровый, веселый, какое-то молодечество, смѣлость въ движеніяхъ и

рѣчахъ; сохраняють также языкъ, которымъ простой народъ говоритъ отъ Харькова до Лемберга. Другое Славянское племя обитало всегда Бѣлую Русь, говоритъ нарѣчьемъ, хотя также Славянскимъ, но менѣе понятнымъ и менѣе пріятнымъ. По крайней мѣрѣ, жители Минской губерніи, имѣя наружность дикую, весьма некрасивую, еще похожи на людей; въ другихъ же губерніяхъ поселяне, живущіе на бесплодной почвѣ и подавленные владѣльцами, начинаютъ сходствовать съ рабочимъ скотомъ, нуждающимся въ пищѣ.

Сіе печальное зрѣлище представилось мнѣ, когда я вѣхалъ въ Могилевскую губернію. Скоро проѣхалъ я незамѣчательные города Рогачевъ и Старой Быховъ, и 14 числа, когда чуть стало свѣтать, пріѣхалъ въ губернской городъ Могилевъ, гдѣ тогда находилась и главная квартира первой арміи.

Самымъ страннымъ образомъ провелъ я въ немъ дѣльные сутки. Чрезвычайно безпокойная дорога не давала мнѣ заснуть передъ тѣмъ двѣ ночи. Въ Жидовскихъ корчмахъ, гдѣ я долженъ былъ остановиться, пища казалась мнѣ столь отвратительною, что едва я касался ея; нечистыя ложа, на которыя отъ усталости иногда спускался я, были наполнены насѣкомыми. Голодный, истомленный, съ волненіемъ въ крови, увидѣлъ я себя съ радостію въ чистой, большой, zaloобразной комнатѣ лучшаго Могилевскаго трактира, поддерживаемаго щедротами многочисленныхъ военныхъ чиновъ. Только что успѣлъ пріѣхать я, напившись чаю, обмылся съ ногъ до головы, перемѣнилъ бѣлье, бросился на постель, чистымъ бѣльемъ покрытую, и въ минуту заснулъ. Меня разбудили къ обѣду, опрятно и вкусно приготовленному, во время котораго въ сосѣднихъ комнатахъ слышался мнѣ звукъ шпоръ и сабель, громкій говоръ и смѣхъ безпрестанно приходившихъ офицеровъ, что не помѣшало мнѣ крѣпко заснуть послѣ обѣда. Въ пять часовъ опять разбудили меня къ чаю, опять заснулъ я. Я проснулся передъ ужиномъ, послѣ котораго залегъ спать на всю ночь. Двадцать четыре часа только и дѣлалъ я, что ѣлъ, да спалъ и, совсѣмъ освѣжившись, 15 числа рано поутру оставилъ Могилевъ.

Уже не первый разъ случилось мнѣ въ немъ быть. Въ началѣ 1800 года съ маленькими товарищами моими Голицыными, когда я самъ былъ почти ребенокъ, проѣзжалъ я черезъ этотъ городъ, который тогда при Павлѣ былъ еще узднымъ. Ни слова не упомянулъ я объ немъ, равно какъ и о предшествовавшемъ ему для меня губернскомъ городѣ Черниговѣ. Я ихъ обоихъ не видалъ: ибо, если припомнить, проѣхалъ ихъ или во снѣ, или отъ жестокой стужи закрытый и закутанный въ кибиткѣ.

Начиная отъ Могилева, я попалъ какъ будто на давно знакомый мнѣ Бѣлорусскій трактъ, но на немъ все было для меня ново. Безпрестанно умножающееся Еврейское населеніе наводило тоску, особливо въ Оршѣ, на распутіи стоящемъ городкѣ, одними Жидами наполненномъ. За то безконечныя, высокія аллеи по дорогѣ, еще при Екаторинѣ генераль-губернаторомъ Пассекомъ насажденныя, развеселяли взоръ, и отраднo было отдыхать на станціяхъ, въ чисто содержимыхъ, просторныхъ трактирахъ.

Два раза проѣзжалъ я черезъ Витебскъ и останавливался въ немъ; послѣдній въ 1807 году, когда сестру мою изъ Москвы провожалъ я къ больному мужу ея, генералу Алексѣеву. Въ третій разъ проскакалъ я только черезъ этотъ городъ прямо на станцію и потребовалъ лошадей. Пока мнѣ ихъ запрягали, подѣхалъ гвардейскаго Павловскаго полку полковникъ Семишинъ. По праву мимоходнаго въ Петербургѣ съ нимъ знакомства, позволилъ я себѣ сдѣлать ему нѣсколько вопросовъ на счетъ бывшаго тамъ важнаго происшествія; онъ отвѣчалъ мнѣ съ замѣшательствомъ. Когда же спросилъ я его объ участи нѣкоторыхъ лицъ, бывшихъ въ возмущеніи и мнѣ лично знакомыхъ, онъ почти отскочилъ отъ меня со словами: «не совѣтовалъ бы вамъ признаваться, что вы этихъ людей знаете». Видно, тамъ крѣпко напуганы, подумалъ я.

Хотя отъ Витебска далеко еще до Петербурга, а мнѣ казалось, что я уже въ окрестностяхъ сей столицы. Недавно разстался я съ Югомъ и съ вешнимъ воздухомъ, и оттого суровость климата поразила меня. Впрочемъ, жители находили, что весна начинается рано: всѣ рѣки прошли, и въ поляхъ оставалось мало снѣга. Я не могу тутъ забыть изумленія и возгласа ѣхавшаго со мною Молдавана при появленіи первой березы: никогда бѣлыхъ деревьевъ, сказалъ онъ, не случалось ему видѣть.

Не доѣзжая до Великихъ Лукъ, съ такою же радостію, съ какою возвращаешься на родину, увидѣлъ я опять Русскія избы и почти все однихъ Русскихъ мужичковъ съ бородами. Я ѣхалъ по этой дорогѣ, если припомнить читатель, въ лихорадкѣ и въ бреду, слѣдственно на окружающіе меня предметы не могъ обращать вниманія. И оттого Порховъ съ остатками каменныхъ укрѣпленій былъ для меня новостію. За Лугой, 20 числа, на станціи Долговѣ, съѣхался я съ однимъ молодымъ Полякомъ, котораго изъ Варшавы везъ фельдъ-егерь, и съ какимъ-то гражданскимъ чиновникомъ изъ Петербурга, отправленнымъ съ важнымъ, по словамъ его, порученіемъ. Напуганный Семишинымъ, едва отвѣчалъ я на слова перваго; отъ послѣдняго узналъ я, что Императоръ наканунѣ, 19 числа, самъ раздавалъ медали въ воспомина-

нѣ взятія Парижа и во славу незабвеннаго брата. Я былъ почти въ Петербургѣ, куда послѣ почти трехлѣтняго отсутствія и пріѣхалъ 21 Марта.

По приглашенію добраго пріятеля моего и прежняго сослуживца Александра Θεодоровича Волкова, недавно женившагося на одной прелюбезной дѣвицѣ, Еленѣ Ивановнѣ Маркеловой, вѣхалъ я прямо къ нему на квартиру въ Большой Милліонной, въ домѣ Гагарина. Никогда Петербургъ не являлся мнѣ въ столь печальномъ, въ столь уныломъ видѣ. Правда, я пріѣхалъ довольно рано, когда на улицахъ бываетъ мало движенія; утро было сырое, холодное, густой снѣгъ такъ и валилъ хлопьями; на Невскомъ Проспектѣ и на Дворцовой площади встрѣтилъ я двѣ или три придворныя, траурныя кареты, совсѣмъ обшитыя чернымъ сукномъ. Все это мнѣ казалось худымъ предвѣщаніемъ.

На другой день поспѣшилъ я посѣтить всѣхъ добрыхъ знакомыхъ моихъ; вѣстей, вѣстей о происходившемъ въ послѣдніе четыре мѣсяца наслушался я до сыта. Сообщать же все слышанное мною тогда нахожу, что здѣсь еще не мѣсто. Этотъ достопамятный 1826 годъ былъ началомъ одного изъ достопамятнѣйшихъ царствованій въ Россіи. Наблюденія въ теченіи его мною сдѣланныя требуютъ особаго описанія. Въ этой главѣ намѣренъ я помѣстить только то что собственно до меня относится.

Какъ находящійся еще на службѣ и занимающій въ провинціи довольно видное мѣсто, долженъ былъ я явиться начальству, то есть къ одному только человѣку, управляющему Министерствомъ Внутреннихъ дѣлъ, Василью Сергѣевичу Ланскому. Мнѣ показался онъ старикомъ умнымъ, любезнымъ, неспѣсивымъ и нефамиллярнымъ, весьма свѣдущимъ въ дѣлахъ, но какъ бы уставшимъ отъ нихъ и сохраняющимъ важный постъ свой единственно по врожденному всѣмъ людямъ небольшому тщеславію. Я уже говорилъ о его мнѣніи на счетъ распоряженій нашего намѣстника по подряду Левинсона.

Немного времени дала мнѣ судьба на удовлетвореніе любопытства моего касательно бывшихъ въ отсутствіе мое важныхъ и мало-важныхъ происшествій, на счетъ литературы, драматической части и особенно политики, которыя во все время пребыванія моего въ южномъ краю оставались мнѣ чуждыми. Недолго дозволила она мнѣ воспользоваться обществомъ многихъ умныхъ и пріятныхъ для меня людей, насладиться, наконецъ, свободною и беззаботною жизнію. Болѣзнь долготѣ мнѣ неизвѣстная внезапно посѣтила меня. Не знаю вслѣдствіе ли постоянно сырой, ненастной погоды во время дороги, ранней весны въ Петербургѣ (черезъ два дни по пріѣздѣ моемъ вскрылась Нева),

холодныхъ испаревій отъ земли и рѣвки, при безпрестанномъ блескѣ: сдѣлалось у меня сильное воспаленіе въ глазахъ.

Это случилось 5 Апрѣля, въ тотъ самый день, въ который отъ Волкова переѣхалъ я на квартиру мною, нанятую въ Малой Садовой между Невскимъ проспектомъ и Семеновскимъ мостомъ. Выборъ, какъ время показало, былъ самый невыгодный для больнаго. Кто-то присовѣтывалъ мнѣ пригласить къ себѣ лейбъ-окулиста Осипа Ивановича Грубій. Я нашелъ въ немъ человѣка хорошо знающаго свое дѣло, роста невысокаго, нрава мягкаго, не слишкомъ словоохотнаго, но весьма бесѣдолюбиваго; разговоръ мой вѣрно ему понравился, ибо и безъ нужды посѣщалъ онъ меня всякій день и просиживалъ долго. Овъ принялся лѣчить меня усердно, къ несчастію, кажется, даже слишкомъ усердно. Послѣ Нижегородской моей горячки, съ 1820 года сталъ я непомѣрно толстѣть; въ Бессарабіи, при умственно дѣятельной, но почти всегда сидячей жизни, толщина эта умножилась. Это обмануло Грубій: онъ полагалъ, что при такомъ твердомъ сложеніи можно безъ опасно употреблять самыя сильныя средства. Въ продолженіи четырехъ недѣль, по два раза въ сутки, за ушми мѣнялись у меня Шпанскія мухи, нерѣдко ставились пиявки, два раза было кровопусканіе, да сверхъ того почти каждый день принималъ я внутрь проносныя лѣкарства. Однимъ словомъ, чтобы спасти глаза мои, губилъ онъ мое тѣло. Едва прошелъ мѣсяць, и я сталъ непохожъ на человѣка. Тѣлесное разстройство было ничто въ сравненіи съ нравственнымъ. Огня мои выходили на улицу и почти на полдень; оттого должно было держать ихъ запертыми и съ опущенными сторонами отъ свѣта, весна была жаркая, какихъ рѣдко бываетъ въ Петербургѣ, а я все находился въ темнотѣ и въ духотѣ. Ничто не могло сравниться съ раздраженіемъ моихъ нервъ; непрерывающійся стукъ колесъ по мостовой съ ранняго утра далеко за полночь умножалъ его: я чувствовалъ адское мученіе.

Не смотря на расслабленіе мое, я все однакоже былъ на ногахъ; погода стояла прекрасная, и я позволялъ себѣ даже пѣшкомъ выходить на улицу, но движенія кареты или дрожекъ я не могъ выносить. Если случится кого навѣстить или захочется погулять, я кое-какъ побреду до перваго моста или канала, и тамъ сяду въ лодку. Глазное лѣченіе кончилось, оставивъ только послѣ себя въ вѣкахъ большую слабость и расположеніе къ раздраженію, отчего не могутъ выносить онѣ долго никакого дыму, чтò къ несчастію сохранилось и до сихъ поръ. Я чувствовалъ почти постоянно ту неизъяснимую тоску безъ всякой причины, которая заставляетъ иногда людей бросаться въ окно и которая знакома развѣ только женщинамъ, подверженнымъ сильнымъ нервическимъ припадкамъ. Исполненіе такого недуга было

труднѣе, чѣмъ первое лѣченіе; его нельзя было совершить безъ помощи времени и болѣе спокойнаго жилища. И въ этомъ случаѣ пришелъ ко мнѣ на помощь мой добрый пріятель Волковъ, который находился тогда въ созданной мною должности правителя канцеляріи Строительнаго Комитета на мѣсто Ранда. Для сего комитета нанята была новая квартира на концѣ Гороховой улицы; Волкову дано было въ ней просторное и удобное помѣщеніе, большею частію выходящее на дворъ. По случаю болѣзни жены, на лѣто отправлялся онъ въ Ревель, а квартиру свою предоставилъ моему распоряженію.

Въ это время (не помню въ концѣ Апрѣля или въ началѣ Маія), прибылъ графъ Воронцовъ для поклоненія новому Императору. Болѣзнь моя была причиной или, лучше сказать, послужила предлогомъ неявки моей къ нему. Съ нимъ были только Левшинъ да новый любимецъ его Сафоновъ. Левшинъ весьма дружелюбно меня посѣщалъ; мнѣ казалось, что ему совѣстно и что онъ раскаивается въ поступкѣ своемъ противъ меня. Рекомендованный имъ губернаторъ Тимковской выѣхалъ, наконецъ, изъ Петербурга за нѣсколько дней до моего пріѣзда; слѣдственно извѣстны уже стали его проказы въ Кишиневѣ, его недѣятельность, пьянство, совершенное пренебреженіе его къ обязанностямъ своей должности.

Точно также какъ въ предыдущемъ году весной, и въ настоящемъ графъ Воронцовъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, началъ страдать главною болѣзнію. *Qui ne sait comrâtir aux maux qu'on souffre!* Вѣроятно изъ состраданія (другой причины я не постигаю) прислалъ онъ ко мнѣ своего медика, лейбъ-окулиста Лерхе, который встрѣтился у меня очень учтиво съ соперникомъ своимъ Груби. Они потолковали о чемъ-то, дали какіе-то общіе совѣты, и Лерхе удаляясь объявилъ, что, отдавая графу отчетъ о состояніи зрѣнія моего, скажетъ, что я въ хорошихъ рукахъ и ему у меня дѣлать нечего. Это было въ началѣ Іюня. Между тѣмъ Лерхе, будучи племянникомъ престарѣлаго Эллизена, упомянутаго мною друга отца моего, рассказалъ ему о моей болѣзни, а тотъ явился ко мнѣ съ гнѣвомъ и упреками, какъ могъ я въ такомъ состояніи не призвать его на помощь. Пріятели мои, впрочемъ согласно съ моимъ желаніемъ, привозили ко мнѣ другихъ врачей и между прочимъ знаменитаго Арендта. Всего вмѣстѣ съ Фабромъ, съ Филиповскимъ, съ Пальчевскимъ, перебивало ихъ у меня семь человѣкъ. Тогда вспомнилъ я пословицу: у семи нянекъ всегда дитя безъ глазу, и ужаснулся. Всѣхъ пережилъ Груби: онъ не переставалъ посѣщать меня дня черезъ три, черезъ четыре, даже тогда какъ главное лѣченіе мое совсѣмъ кончилось, и я съ нимъ совершенно расплатился. Странный былъ онъ человѣкъ: мнѣ не случалось видѣть кого либо ску-

пѣе его, онъ лошадей своихъ иногда оставлялъ безъ корму; а совсѣмъ тѣмъ онъ не былъ алченъ къ прибыли; но что уже попадалось къ нему въ кошелькъ, съ трудомъ изъ него выходило.

Человѣколюбивый поступокъ со мною графа Воронцова требовалъ отъ меня изъявленія благодарности. Къ тому возбуждалъ меня Левшинъ и испросилъ мнѣ дозволеніе, аки больному, явиться въ сюртукъ и съ зонтикомъ на глазахъ. Итакъ я предсталъ предъ его графскія свѣтлыя очи, подобно моимъ тогда, омраченныя и зонтикомъ осѣненные. Сходство въ болѣзненномъ положеніи растрогало меня; можетъ быть, и его. Легко повѣрять, что тутъ наединѣ, съ одной стороны нѣжнѣйшая почтительность, съ другой ласковая благосклонность не допустили въ объясненія наши ни малѣйшаго пререканія. Онъ самъ только заговорилъ о дѣлѣ Левинсона и сказалъ: «можетъ быть я и не правъ; но дѣло въ Сенатѣ, и пусть онъ насъ разсудитъ».

Онъ сознался, что, послѣ всего происходившаго со мною въ Бессарабіи, мнѣ воротиться туда не къ стати. И вдругъ не съ другаго слова предложилъ мнѣ новое мѣсто Керчь-Еникальскаго градоначальника. Я въ изумленіи молчалъ. Онъ представилъ мнѣ всю блестящую сторону сего новаго назначенія, власть почти независимую и почти неограниченную, большое содержаніе, начальство надъ флотиліей и казаками, составляющими таможенную и карантинную стражи, широкое поле для созидательной моей дѣятельности, имя въ исторіи и наконецъ, можетъ быть, статую послѣ смерти. Въ другое время у меня загорѣлось бы въ головѣ, а тутъ я оставался довольно равнодушень. Я не смѣлъ ни отказать отъ предлагаемаго мнѣ мѣста, ни принять его и выпросилъ себѣ недѣлю на размышленіе.

Мнѣ извѣстно было, что Керчь въ Крыму; я довольно хорошо зналъ географію и исторію Россіи; но далѣе свѣдѣнія мои о семъ городѣ не простирались (я даже почиталъ его на Черномъ морѣ). Мимоходомъ слышалъ я въ Одесѣ, что какой-то Итальянской фигляръ, мошенникъ Свасси, подъ покровительствомъ графовъ Нессельроде и Ланжерона и съ помощію ихъ, склонилъ правительство открыть тамъ портъ и учредить градоначальство. Но было ли сіе исполнено, я не вѣдалъ, пова въ концѣ 1823 года одинъ изъ любимцевъ графа, генераль-маіоръ Андрей Васильевичъ Богдановской не былъ назначенъ туда первымъ градоначальникомъ. Памятно мнѣ также было то что я слышалъ въ младенчествѣ: заключить кого въ мрачную темницу называлось засадить его въ Енигуль, ибо городокъ Еникале, смежный съ Керчью, почитался жесточайшимъ заточеніемъ.

Все это мало располагало меня туда отправиться. Но срокъ четырехмѣсячнаго отпуска моего приближался и мнѣ надобно было на

что-нибудь рѣшиться. Я рассчитывалъ, что, получивъ новую должность, могу я, по примѣру Тимковскаго, по крайней мѣрѣ, мѣсяца три или четыре не занимать ея и проживаться въ Петербургѣ, а тамъ что Богъ дастъ. И не это одно входило въ расчеты мои. Самыя черныя думы осаждали тогда мое воображеніе; я все видѣлъ передъ собою грозящую мнѣ, неизбѣжную смерть; мысль о ней иногда ужасала меня, иногда я призывалъ ее и жаждалъ. Это весьма похоже было на сумасшествіе. Зачѣмъ, думалъ я, оскорбить мнѣ графа отказомъ, когда скоро смерть возметъ за меня сіе сдѣлать?

Онъ спѣшилъ тогда въ Одессу, ибо въ Аккерманѣ назначенъ былъ конгрессъ, на который ожидали Турецкихъ полномочныхъ: съ ними долженъ былъ онъ стараться устранять всѣ недоразумѣнія, всѣ неудобствія наши съ Портой. Дни за два до его отъѣзда опять явился я къ нему съ изъясненіемъ согласія; онъ обнялъ меня и, уѣзжая, отправилъ къ Государю всѣ представленія свои.

Въ день рожденія новаго Императора, 25 Іюня, ровно черезъ два года послѣ возстанія на меня въ Кишиневѣ, подписанъ указъ, который разлучалъ меня съ нимъ. На мое мѣсто назначенъ Херсонскій вице-губернаторъ Фирсовъ *).

Не смотря на то, что дворъ вскорѣ потомъ уѣхалъ въ Москву на коронацію, что Петербургъ совсѣмъ опустѣлъ, и что я жилъ въ совершенномъ уединеніи, нервы мои исподволь, хотя очень медленно, начали успокоиваться и мысли мои проясняться. Совершенное облегченіе почувствовалъ я только въ началѣ Сентября. Мнѣ тогда же слѣдовало бы ѣхать, но я выжидалъ возвращенія главныхъ государственныхъ сановниковъ, въ надеждѣ съ ихъ помощію быть уволеннымъ отъ обязанности отправиться въ Керчь. Они возвратились только въ началѣ Октября.

*) Мнѣ его очень хвалили. Цѣлый вѣкъ прослуживъ по казенно-экономической части и ничего не навивъ, онъ очень хорошо зналъ ее, сохранилъ и умножилъ порядоки, заведенный мною и моимъ предшественникомъ. Сверхъ того, другая тягость возлегала на немъ: онъ почти безпрестанно обязанъ былъ исправлять губернаторскую должность. Цѣлый мѣсяцъ Тимковскій ничего не дѣлалъ, недѣли по двѣ не распечатывалъ пакетовъ, потомъ сказывался больнымъ или уѣзжалъ въ область, а Фирсовъ долженъ былъ поправлять сдѣланныя имъ упущенія. И какаѣ была ему за то награда? Въ началѣ 1828 года, передъ Турецкой войной, графъ Воронцовъ, за что, не знаю, прогнѣвленный, написалъ къ нему язвительную бумагу, которою упрекалъ его въ *жидомѣліи*. Несчастный, и безъ того находившійся въ болѣзненномъ состояніи, былъ такъ этимъ тронутъ, что пуше заболѣлъ и вскорѣ умеръ. Кто-бы могъ подумать тогда, что этотъ самый графъ сдѣлается главнымъ покровителемъ Евреевъ, и что подъ его щитомъ въ Новороссійскомъ краѣ они до того сдѣлаются надменны и дерзки, что стануть даже обижать христіанъ?

V.

Это время для меня столь горестное, по расположенію души моей даже убійственное, было, однакоже, обильно всё́мъ тѣмъ, что могло меня утѣшить и даже порадовать. Всѣ дѣйствія императора Николая были согласны съ моими правилами и моими желаніями. Либерализмъ, столь намъ несвойственный, обезоруженъ и придавленъ; слова правосудіе и порядокъ замѣнили сакраментальное дотогѣ слово свобода. Строгость его никто не смѣлъ, да и не хотѣлъ, называть жестокостію: ибо она обезпечивала какъ личную безопасность каждаго, такъ и вообще государственную безопасность. Вездѣ были видны веселыя и довольныя лица, печальными казались только родственники и пріятели мятежниковъ 14 Декабря.

Въ послѣдніе годы царствованія Александра безсильная перонтократія дремала у государственнаго кормила: старики, Татищевъ, Лобановъ, Ланской, Шишковъ казались болѣе призраками министровъ, чѣмъ настоящими министрами; всё́ми дѣлами заправляли ихъ подчиненные, каждый по своей части, безъ всякаго единства. За всё́хъ бодрствовалъ одинъ, всё́мъ ненавистный, Аракчеевъ. По личному ли на него неудовольствію или, соглашаясь съ желаніемъ, съ общимъ мнѣніемъ, его одного Императоръ удалилъ отъ себя. Всѣхъ прочихъ оставилъ на мѣстахъ, стараясь и нѣсколько успѣвая пробудить, оживить сихъ полумертвыхъ.

Прошлогодней весной, отправившійся изъ Одессы за границу, Кочубей, лишившійся тамъ дочери, съ наступленіемъ лѣта воротился въ Петербургъ. Онъ былъ принятъ съ отверзтыми объятіями, и всѣ полагали, что онъ будетъ главою министровъ. Тому бы и слѣдовало быть: въ такомъ необъятномъ государствѣ, какъ Россія, необходимъ первый министръ, который облегчалъ бы Царю тяжкое бремя правленія. Кочубей одаренъ былъ чудеснымъ свойствомъ распознавать людей. Подобно недостаточному, но опытному ювелиру, который съ перваго взгляда можетъ вѣрно оцѣнить каждый изъ коронныхъ алмазовъ, Кочубею, чтобы съ точностію опредѣлить цѣну таланту и способностямъ чело-вѣка, достаточно, было получасоваго съ нимъ разговора. Всѣ выборы его служатъ тому доказательствомъ; а что можетъ быть полезнѣе для государства, какъ умѣнье выбирать людей?

Другой совѣтникъ, Карамзинъ, не занимая даже никакой государственной должности, могъ также быть полезенъ Царю. Болѣе двадцати лѣтъ онъ весь былъ погруженъ въ изученіе и изображеніе протекшихъ временъ Россіи, въ созерцаніе ея настоящихъ судебъ, весь исполненъ

жара любви къ ней; онъ хорошо зналъ характеръ ея народа и понималъ великое ея предназначеніе. Сокровищами его ума и знаній пользовался Александръ и нерѣдко бесѣдовалъ съ нимъ наединѣ. Новый Царь готовъ былъ явить ему еще болѣе любви и довѣренности и ознаменовалъ ихъ безпримѣрною щедростію, назначивъ ему, а послѣ него семейству его, по пятидесяти тысячъ рублей ассигнаціями ежегодно пансіона. Но уже года три какъ здоровье начало примѣтно ему измѣняться; происшествіе 14 Декабря, коего, къ несчастію, онъ былъ свидѣтелемъ, исполнивъ его скорбію, потрясло, можно сказать, до основанія ослабѣвшій составъ его тѣла. Мнѣ не удалось ни разу его видѣть: когда я пріѣхалъ, лежалъ онъ на смертномъ одрѣ въ зданіяхъ Таврическаго дворца, куда для лучшаго воздуха, по волѣ Царя, былъ онъ перемѣщенъ; а въ Маіѣ предалъ онъ Богу чистѣйшую изъ душъ.

Почти въ одно и тоже время получено было въ Петербургѣ извѣстіе о смерти Императрицы Елисаветы Алексѣевны, скончавшейся въ Бѣлевѣ на обратномъ пути изъ Таганрога. Она была примѣромъ всѣхъ скромныхъ добродѣтелей, и всѣ состоянія любили ее и были поражены ея кончиной, даже простой народъ, который по стариннымъ своимъ понятіямъ, пышности и блеску нарядовъ предпочитаетъ въ царицахъ своихъ сіяніе кротости: тогда въ глазахъ его онѣ болѣе сходятся съ Царицей Небесной. И въ здоровомъ состояніи, не безъ прискорбія узналъ бы я о сихъ двухъ кончинахъ, а тутъ, когда воображенію моему все представлялось въ мрачномъ видѣ, сіе умножило отчаянную тоску мою: мнѣ казалось, что все лучшее въ мірѣ готово покинуть его.

По указанію разслабленнаго и встревоженнаго Карамзина, въ самый день мятежа не имѣвшаго силъ владѣть перомъ, Государь въ тотъ же вечеръ призвалъ къ себѣ друга его Блудова. Онъ поручилъ ему изобразить со всею точностію происшествіе, отъ котораго столица находилась въ ужасѣ, и сдѣлать сіе поспѣшно тутъ же, не выходя изъ его кабинета. На другой день сіе извѣстіе, припечатанное въ газетахъ, должно было разойтись по всей Россіи. По внезапности порученія, не знаю, кто бы въ такомъ случаѣ не потерялся? Блудову посчастливилось. Онъ представилъ истину съ такою ясностію, съ такою откровенностію, къ которой мы въ Россіи тогда не привыкли; всегда раскрашенная въ официальныхъ актахъ, она невольно порождаетъ сомнѣнія, а тутъ, напротивъ, должна была поселить совершенную довѣрчивость къ словамъ новаго правительства. Государь былъ совершенно доволенъ и съ этой ночи человѣка, мало ему дотогдѣ извѣстнаго, оставилъ при своей особѣ.

Послѣ того для разсмотрѣнія дѣйствій мятежниковъ учреждена была въ крѣпости, въ которой они находились, слѣдственная коммиссія подѣ предсѣдательствомъ великаго князя Михаила Павловича. Государю угодно было назначить въ нее Блудова производителемъ дѣлъ, что поставило бы его въ необходимость каждый день находиться при допросахъ обвиненныхъ, изъ коихъ нѣкоторые были ему весьма знакомы. Для души его это было бы слишкомъ тягостно, и онъ умолилъ Царя уволить его отъ сей обязанности. За то каждый день лично вручаемы ему были Государемъ протоколы засѣданій коммиссіи, и въ одной изъ сосѣдственныхъ отъ кабинета царскаго комнатъ занимался онъ составленіемъ изъ того общаго дѣла. Часть зимы и всю весну провелъ онъ въ сихъ занятіяхъ и довершилъ трудъ свой извѣстнымъ Донесеніемъ Слѣдственной Коммиссіи за подписаніемъ предсѣдателя и всѣхъ членовъ ея и за его скрѣпою, которое тогда же было напечатано особой книжкой для всеобщаго свѣдѣнія.

Изъ документовъ, находившихся у него въ рукахъ, онъ могъ усмотрѣть, что, исключая Пестеля, Рылѣва и нѣкоторыхъ другихъ, насгоящихъ революціонеровъ, понимающихъ цѣль, къ которой идутъ, всѣ заговорщики, по большой части военные, были молодые люди увлеченные примѣромъ обычая и распространившейся моды и почитающіе свободомысліе лучшимъ выраженіемъ ума и познаній, коихъ не было въ нихъ. Замѣтно было, что зачинщики болѣе всего старались дѣйствовать на неопытныхъ и на недалновидныхъ. Какъ же было не пожалѣть о сихъ несчастныхъ. Излагая ихъ сужденія, Блудовъ умѣлъ умалить ихъ значительность и тѣмъ самымъ вѣроятно надѣялся смягчить надъ ними приговоръ суда. Иногда дѣйствія ихъ были такъ смѣшны, что въ описаніи ихъ проглядывала у него невольная иронія. И были люди, которые это ставили ему въ вину! какъ можно ругаться надъ жертвами готовыми пасть подѣ ударами закона? ихъ слѣдовало бы вѣнчать цвѣтами, представить хотя злодѣями, но великими людьми смѣлыхъ проказниковъ, которымъ хотѣлось только шума и тревоги *) и не помышлявшихъ о послѣдствіяхъ, возбудить не состраданіе къ нимъ, а энтузіазмъ къ ихъ дерзкимъ подвигамъ. Кажется, это не совѣмъ было бы согласно съ видами правительства. Впрочемъ онъ сказалъ одну только правду и всѣ присутствовавшіе въ коммиссіи подтвердили ее своимъ подписомъ.

*) Въ Пензенской губерніи пойманъ былъ въ зажигательствѣ одинъ четырнадцатилѣтній мальчикъ. При допросахъ сознался онъ, что никогда и нигѣмъ не бывъ подучасемъ, не въ первый уже разъ случается ему симъ заниматься, ибо онъ не знаетъ лучшаго удовольствія какъ смотрѣть на горящіе дома. Нѣкоторые изъ сихъ молодыхъ людей не схожи ли были во вкусахъ съ этимъ мальчикомъ?

За тѣмъ учрежденъ Верховный Уголовный Судъ, составленный изъ всѣхъ членовъ Государственнаго совѣта, Синода и Сената, къ коимъ присовокуплено было нѣсколько полныхъ генераловъ. Въ числѣ судящихъ находился Сперанской, въ числѣ подсудимыхъ задушевный другъ его инженерный полковникъ Батенковъ, съ которымъ познакомился онъ въ Сибири (отъ управленія коей онъ давно былъ уволенъ) и котораго удалось ему перевести въ Петербургъ. Тѣсныя связи его съ нимъ ни для кого не были тайной, и въ Слѣдственной Коммиссіи всѣ ожидали, что изъ устъ Батенкова выйдетъ, наконецъ, имя его. Иногда дѣйствительно оно какъ бы скользило по нимъ; но сей скромный и твердый человѣкъ, говорятъ, чрезвычайно умный и ученый, весь преданный ему, до конца не выдалъ друга. Кажется, что сихъ подозрѣній было бы достаточно, чтобы удалить его по крайней мѣрѣ отъ службы; напротивъ, сей хитрецъ, разгаданный и отвергнутый покойнымъ Александромъ, нашелъ средство войти въ милость къ новому государю. Представивъ ему, что въ Россіи недостатокъ въ законахъ, онъ возбудилъ въ немъ весьма похвальную жажду къ славѣ законодателя; по словамъ его, имя Николая въ Россіи должно было стать выше именъ Ярослава и царя Алексѣя Михайловича, а вообще въ потомствѣ наравнѣ съ именами Юстиніана, Θεодосія и Наполеона. Принимая на себя огромный трудъ составленія свода существующихъ узаконеній и изданія потомъ новаго уложенія, онъ увѣрилъ царя, что сей трудъ не можетъ быть довольно успѣшно совершенъ безъ личнаго участія и надзора Его Величества. И потому коммиссія составленія законовъ обращена въ II-е Отдѣленіе Императорской Канцеляріи, а онъ назначенъ онаго главноуправляющимъ. Такимъ образомъ открылъ онъ себѣ свободный доступъ въ кабинетъ царской, каждую недѣлю имѣлъ докладъ, сохранилъ довѣренность Николая до самаго конца жизни своей, но не приобрѣлъ того вліянія, которое надѣялся имѣть вообще на дѣла въ цѣломъ государствѣ.

По высочайшей волѣ, Влудовъ отряженъ былъ въ Верховный Уголовный Судъ для доставленія, въ случаѣ нужды, потребныхъ объясненій по дѣлу о подсудимыхъ. Тутъ встрѣтился онъ и хорошо познакомился со Сперанскимъ; но кажется, что взаимной симпатіи сіи господа не восчувствовали. За всѣ труды Влудовъ былъ награжденъ Аннинской лентой и званіемъ статсъ-секретаря, что какъ будто поставило его на путь, ведущій къ занятію министерскаго мѣста.

Въ первыхъ числахъ Іюля, не помню именно въ какой день (ибо мой умъ находился тогда въ такомъ же разстройствѣ, какъ и тѣло), надъ виновными совершенъ приговоръ суда. Полтораства осужденныхъ выведены на гласисъ передъ крѣпостію, имъ прочтено рѣшеніе суда,

надъ ними переломлены шпаги, сняты съ нихъ мундиры и фраки, они облечены въ крестьянское платье и отправлены въ ссылку. Пять чело-вѣкъ были повѣшаны. Все это происходило вскорѣ по восхожденіи солнца и въ отдаленной части города, слѣдственно зрителей не могло быть много. Не смотря на то, въ этотъ день жители Петербурга исполнились ужаса и печали. Болѣе шестидесяти лѣтъ послѣ Мировича не видѣли они торговой, смертной казни.

Въ тоскливомъ уединеніи моемъ я мало вѣдалъ о томъ, что происходило въ городѣ. Нѣсколько доброжелателей съ намѣреніемъ разве-селить меня, сколько-нибудь разсвѣять грусть мою, назвались ко мнѣ обѣдать и условились на счетъ дня. Я поручилъ кому-то заказать обѣдъ въ трактирѣ и накупить вина. Надобно же было случиться, чтобы это было въ самый печальныйъ день казни. Тутъ былъ Левшинъ, ко-торый пріѣхалъ объявить мнѣ, что указъ 25 Іюня, о назначеніи меня градоначальникомъ, изъ Сената только что полученъ имъ въ канце-ляріи отсутствующаго уже графа Воронцова и меня съ тѣмъ поздра-вить. Докторъ Груби сообщилъ мнѣ извѣстіе о наградахъ, полученныхъ Блудовымъ. Первое принялъ я почти съ огорченіемъ, послѣднее до-вольно равнодушно: печальное все принималъ я къ сердцу, все ра-достное скользило по немъ. Между прочимъ находился у меня одинъ знакомый мнѣ лейбъ-гренадерскій офицеръ Пересѣкинъ, который со взводомъ гренадеръ въ это утро былъ свидѣтелемъ происходившаго пе-редъ крѣпостію; съ прискорбіемъ и большими подробностями описы-валъ онъ сцены, раздирающія душу. И вмѣсто веселія, гости мои умно-жили мою грусть. Они пили за мое здоровье и, зная пріязнь мою къ новому статсъ-секретарю, и за его здоровье. Я тоже попытался было хлебнуть Шампанскаго; оно показалось мнѣ полыньковымъ самымъ горькимъ. Ничего не могло поднять упавшій духъ мой: разслабленная плоть его давила. Не приведи Богъ никому быть въ безотрадномъ со-стояніи души, въ которомъ я тогда находился.

Возвратившійся изъ-за границы Кочубей нашель съ удовольстві-емъ прежняго подчиненнаго своего Блудова; дѣятельно-употребленнымъ мнѣніемъ своимъ онъ еще болѣе утвердилъ Государа въ высокомъ мнѣніи, которое возымѣлъ онъ объ немъ. Дашковъ, управлявшій дотолѣ въ Петербургѣ дѣлами Константинопольской миссіи, мало-по-малу сталъ переходить на другое поприще и также былъ предназначаемъ для высшихъ занятій. Жуковскій по учебной части былъ наставникомъ наслѣдника престола и почти домашнимъ посреди императорской фа-миліи. Полетика, оставившій должность посланника и возвратившійся изъ Америки въ предыдущемъ году, сдѣланъ былъ сенаторомъ. Будучи великимъ княземъ, Николай Павловичъ встрѣтилъ его за границей,

полюбилъ его оригинальный и смѣлый умъ, продолжалъ быть съ нимъ милостивымъ и всѣ были увѣрены, что онъ будетъ очень силенъ у двора. Все друзья, Арзамасцы! Касательно успѣховъ по службѣ, не тотъ, такъ другой, каждый готовъ былъ протянуть мнѣ руку помощи. И кто бы повѣрилъ? Въ это время никакъ не входило мнѣ это въ голову.

Дабы сколько-нибудь изгладить мрачное вліяніе, которое на всѣхъ имѣли продолжительный трауръ, двойные царскіе похороны, мятежи и казни, въ половинѣ Іюля поспѣшили съ выѣздомъ въ Москву. Въ опустѣвшемъ Петербургѣ вокругъ меня все еще болѣе опустѣло; однако душевный и тѣлесный мой недугъ отъ того не умножился: онъ могъ бы увеличиться только совершеннымъ лишеніемъ разсудка. Въ продолженіи лѣта я рѣдко видѣлся съ озабоченнымъ Блудовымъ; тутъ отправился онъ съ Государемъ въ древнюю столицу и не съ тѣмъ, чтобы погулять въ ней, попировать, а съ тѣмъ, чтобы принимать прошенія на высочайшее имя, тамъ подаваемыя. Въ его отсутствіе я немного чаще сталъ посѣщать его семейство, умножившееся двумя дочерьми, Антониной и Лидіей, двумя сыновьями, Андреемъ и Вадимомъ. Всѣмъ казался я несносенъ; одна Анна Андреевна, по неистощимой благодати своей ко мнѣ, принимала меня всегда съ соболѣзнованіемъ, ласкою и участіемъ. Малютки подростали; въ нихъ уже выказывался весь умъ отца вмѣстѣ съ добродушіемъ матери. Не знаю, по примѣру ли имъ данному, или по врожденному, наслѣдственному чувству, не смотря на мою брюзгливость, они любили меня; за то и мнѣ съ ними бывало какъ будто легче, какъ будто возвращалась мнѣ любовь къ жизни. Тутъ долженъ я упомянуть объ одной дѣвицѣ Дютуръ, которую за ихъ добрыя дѣянія самъ Богъ послалъ семейству Блудовыхъ. Въ малолѣтствѣ, родителями своими, принадлежащими къ одной древней и благородной фамиліи во Франціи и бѣжавшими отъ ужасовъ революціи, увезена была она въ Англію. Тамъ она и образовалась, и всю жизнь любезнѣйшихъ изъ Француженовъ умѣла она соединять съ благородіемъ, со строгими правилами благовоспитанныхъ Англичанокъ. Въ Лондонѣ Блудовъ узналъ ее и поручилъ ей воспитаніе дѣтей своихъ обоого пола. По твердому и просвѣщенному уму своему она была весьма способна къ занятію званія гувернера при мальчикахъ; еще болѣе была она въ состояніи воспитывать дѣвицъ. Я здѣсь говорю объ ней, потому что ничего ей подобнаго между иностранными у насъ наставницами я не встрѣчалъ; также и потому, что въ это именно время, ея скромно-веселые разговоры часто уменьшали раздраженно-болѣзненное мое состояніе.

Въ продолженіи Августа оно примѣтнымъ образомъ начало улучшаться. Во время отсутствія двора и гвардіи, Петербургъ становится нѣсколько похожъ на провинцію, дѣлается легковѣренъ до неимовѣрности, начинаются въ немъ нелѣпыя толки, распространяются ложныя извѣстія. Ожидали, что коронація будетъ 1 Августа; слабое здоровье молодой Императрицы заставляло откладывать сей величественный и тяжкій обрядъ; изъ этого выводили заключеніе, что будто бы какая-то личная опасность грозитъ самому Императору: пустословію конца не было. 25 Августа передъ захожденіемъ солнца прогуливался я въ Лѣтнемъ саду; съ самаго Апрѣля погода не мѣнялась, день былъ жаркій, обѣщаль теплую ночь, и я даже чувствовалъ нѣкоторую отраду. Когда я сталъ подходить къ рѣшеткѣ, выходящей на Неву, раздался пушечный выстрѣлъ. Извѣстно, какое жестокое дѣйствіе всякій залпъ, всякій сильный звукъ, потрясающій воздухъ, производитъ на разстроенныя нервы. За мѣсяць до того безъ содраганія не могъ бы я услышать и пистолетный выстрѣлъ; тутъ, напротивъ, почувствовалъ я какое-то удовольствіе, смѣшанное однако съ нѣкоторою болью: вѣрный признакъ перемѣны въ состояніи здоровья. Нескорыми шагами пошелъ я назадъ, изчитывая громовые удары, изъ крѣпости наносимые. У Симіоновскаго моста подлѣ крыльца одного большаго угольнаго дома увидѣлъ я множество экипажей разнаго рода; отъ кучеровъ и лакеевъ узналъ я, что хозяинъ его, генералъ-адъютантъ графъ Комаровскій, привезъ извѣстіе о совершившемся 22-го Августа вѣнчаніи на престолъ и мѣропомазаніи царской четы; тѣмъ опровергались пустыя слухи, недоброжелательствомъ распущенные. Весь Петербургъ истинно, искренно возрадовался и радость свою изъявилъ самымъ блестящимъ образомъ. На другой день 26-го числа и послѣдующіе два дня, 27 и 28, онъ загорѣлся изъ края въ край, ночи были темныя и теплыя, и такой чудной иллюминаціи я никогда еще въ немъ не видывалъ.

Мой братъ находился тогда въ Москвѣ и рассказывалъ мнѣ, что 14-го числа, закупаая въ лавкахъ на Красной площади какія-то вещи для отправленія въ Пензу, купцами и сидѣльцами былъ привѣтствуемъ (равно какъ и другіе покупатели) слѣдующими словами: «Батюшка, слышали вы новость?—Что такое?—Вѣдь онъ пріѣхалъ.—Да кто?—Да Константинъ Павлычъ». Радость была написана у нихъ на лицахъ. Это было подтвержденіемъ сдѣланнаго имъ отреченія отъ престола; въ глазахъ обманутаго народа казалось это примиреніемъ двухъ никогда не ссорившихся братьевъ. Много было добраго въ этомъ цесаревичѣ; невозможно, чтобы безъ сокрушеннаго сердца могъ онъ смотрѣть на корону, по праву ему принадлежащую, на главѣ меньшаго брата и присутствовать при обрядѣ его вѣнчанія въ видѣ перваго его подданнаго.

Но онъ рѣшился на то для общаго спокойствія и на нѣсколько недѣль пожертвовалъ ему собственнымъ. И пусть сыщутъ мнѣ другой народъ въ мѣрѣ, который бы, подобно Русскому, такъ восхищался бы добродѣтелями своихъ царей, съ такимъ восторгомъ смотрѣлъ бы на ихъ славныя дѣянія, а при видѣ ихъ недостатковъ, пороковъ или жестокихъ несправедливостей, съ такимъ горестнымъ молчаніемъ потуплялъ бы глаза.

Сколько Іюль былъ печалень, столько Августъ казался радостень; но это было не передъ добромъ.

Особая канцелярія по секретной части со временъ Балашова существовала сперва при Министерствѣ Полиціи, а по уничтоженіи его, при министрѣ внутреннихъ дѣлъ. Дѣйствія ея были незамѣтны, особенно послѣ взятія Парижа. Всѣ говорили смѣло, даже нескромно, всякой, что хотѣлъ: время самое удобное для распространенія вольнодумства. Съ 1820 года начали показываться нѣкоторыя строгія мѣры, но и онѣ были только вслѣдствіе явно-дерзкихъ поступковъ. Похвалы свободѣ продолжались только по принятому обычаю; но горсть недовольныхъ, замышляющихъ ниспровергнуть образъ правленія, сдѣлалась скромнѣе и отъ мечтаній перешла къ сокровеннымъ дѣйствіямъ. Во всякомъ другомъ народѣ сіе могло бы имѣть самыя зловредныя послѣдствія и приготовить всеобщія возмущенія, но у Русскихъ священная власть царская всегда была главнымъ догматомъ ихъ вѣры. И какъ легко было бы тогда правительству, дознавшись до истины, болѣе виновныхъ удалить отъ службы; для обузданія же ихъ, по ихъ малочисленности, достаточно было бы однихъ угрозъ и строгаго присмотра, а совсѣмъ не наказаній. Но секретною частію, какъ сказалъ я, управлялъ Фонъ-Фокъ, который не имѣлъ съ ними никакихъ связей, а питалъ къ нимъ братскую нѣжность. Происшествіе 14 Декабря и его послѣдствія явно обнаружили, какъ не велико число было людей опасныхъ для государственнаго спокойствія; что значили сотни безпокойныхъ и ничтожныхъ умовъ въ сравненіи съ десятками милліоновъ жителей? Къ тому же виновные всѣ отправлены были въ ссылку, а ужасъ казни долженъ былъ устрашить готовыхъ подражать имъ. Кажется, послѣ того можно бы было, хотя на нѣкоторое время, осгаваться спокойнымъ; но не такъ думалъ г. Фонъ-Фокъ. Онъ часто былъ призываемъ въ Слѣдственную Коммиссію и тамъ познакомился и сблизился съ однимъ изъ членовъ ея, также Нѣмцемъ, генераль-адъютантомъ Бенкендорфомъ, чрезъ котораго надѣялся онъ успѣть въ одномъ важномъ предпріятіи. Первый разъ еще генераль сей является въ моихъ Запискахъ, и потому да позволено мнѣ будетъ въ кратцѣ изобразить его.

Описывая странствованіе мое по Сибири, говорилъ уже я о меньшомъ братѣ его Константинѣ Христофоровичѣ, отлично благородномъ и любезномъ человѣкѣ, котораго съ тѣхъ поръ потерялъ я изъ виду: ибо послѣ того служилъ онъ въ разныхъ посольствахъ, а въ 1812 году поступилъ въ военную службу, сражался въ бояхъ и жилъ внѣ Петербурга. Оба брата, Александръ и Константинъ, въ малолѣтствѣ лишившись матери, которая была другомъ императрицы Маріи Феодоровны, возросли подъ ея покровительствомъ и были воспитаны въ пансіонѣ аббата Николая. Кажется, гдѣ-то сказалъ я, въ чемъ состояло это воспитаніе: свѣтское образованіе было единственною цѣлюю его, а о высшихъ наукахъ тамъ никто не помышлялъ. Для дальнѣйшаго усовершенствованія молоденькаго флигель-адъютанта Александра Бенкендорфа посредствомъ путешествій, подъ разными предлогами и съ разными ничтожными порученіями, сперва безпрестанно разсылали его по всѣмъ концамъ Россіи, потомъ въ чужія государства, также въ Турцію и на Гоническіе острова. Нигдѣ почти долго не останавливаясь, проскакалъ онъ великія пространства, съ невѣжественностію тогдашняго воспитанія, съ вѣтренностію юноши и съ разсѣянностію наслѣдственною въ семействѣ Бенкендорфовъ. Такъ прошли первые годы самой первой молодости его, какъ вдругъ начались Наполеоновскія войны, и десять лѣтъ сряду Россія не могла вложить въ ножны меча своего. Въ сихъ войнахъ онъ вездѣ участвовалъ, былъ отмѣнно храбръ и счастливъ и также, какъ Милорадовичъ, нигдѣ не былъ даже оцарапанъ. Онъ быстро поднялся въ чинахъ; но императоръ Александръ, который такъ хорошо умѣлъ распознавать людей, хотя въ угожденіе матери своей и сдѣлалъ его своимъ генераль-адъютантомъ, но при себѣ никогда не хотѣлъ употреблять, и онъ почти забытый, безвѣстный въ мирные годы командовалъ въ Харьковѣ кавалерійской дивизіей. Тамъ онъ, говорятъ, ничего не читалъ, совершенно презиралъ гражданскую службу и ездѣла, а занятіями военной безпрестанно жертвовалъ своимъ забавамъ и любовнымъ интригамъ.

Кто бы могъ подумать тогда, что скоро участь многихъ, премногихъ умныхъ и честныхъ людей будетъ зависѣть совершенно отъ этого пустоголоваго созданія. Новый Царь, конечно, не обманулъ на счетъ его безпредѣльной къ нему преданности: за него далъ бы онъ себя изрубить въ куски; но не нужно ли было взять въ соображеніе и способности человѣка? Для занятія важной государственной должности никто менѣе его ихъ не имѣлъ. То и надобно было Фонъ Фоку. Онъ видѣлъ старость, безсиліе и приближающееся паденіе начальника своего Ланскаго и задумалъ часть свою поставить гораздо выше, на болѣе прочномъ и обширномъ основаніи. Вѣроятно онъ представилъ Бен-

кендорфу, какъ выгодно будетъ ему въ рукахъ своихъ имѣть большую власть безъ большихъ заботъ и безъ всякой отвѣтственности и въ тоже время чрезъ то находиться въ ежедневныхъ и непрерывныхъ сношеніяхъ съ Государемъ. Онъ предложилъ ему Министерство Полиціи, но уже въ новомъ видѣ и подъ другимъ именемъ и составилъ оному проектъ. Какъ ведено было это дѣло, былъ ли кто призванъ на совѣтъ? Вотъ что, кажется, никому не было извѣстно, ибо вскорѣ послѣ коронаціи сіе новое учрежденіе было для всѣхъ неожиданною новостію.

Особая канцелярія по секретной части переименована въ III Отдѣленіе собственной Его Величества Канцеляріи; Фонъ-Фокъ остался онаго управляющимъ, а Бенкендорфъ назначенъ главноуправляющимъ. Но главное состоитъ въ томъ, что онъ назначенъ вмѣстѣ и шефомъ корпуса жандармовъ, которому порученъ былъ надзоръ за порядкомъ въ цѣломъ государствѣ. Этотъ корпусъ составленъ былъ изъ нѣсколькихъ округовъ; къ каждому изъ нихъ принадлежало нѣсколько губерній. Окружными начальниками назначаемы были генералы, а въ губерніи опредѣляемы были одинъ штабъ и нѣсколько оберъ-офицеровъ, и весь этотъ обсервационный корпусъ сформированъ былъ къ концу года, какъ ни трудно было съ начала склонить нѣсколько порядочныхъ людей войти въ него. Голубой мундиръ, ото всѣхъ другихъ военныхъ своимъ цвѣтомъ отличный, какъ бы одеждою доносчиковъ, производилъ отраженіе даже въ тѣхъ, кои рѣшались его надѣвать.

Учрежденіе сего новаго рода полиціи, кажется, имѣло двоякую цѣль. Жандармы обязаны были отгрызать всякіе дурные умыслы противъ правительства и если гдѣ стануть проявляться смѣлыя, политическія, вольнолюбивыя идеи, препятствовать ихъ распространенію. Это было немного трудно: ибо число зараженныхъ либерализмомъ и нечастныхъ къ дѣлу 14 Декабря было не велико, и они болѣе чѣмъ когда притаились и съ великою осторожностію сообщали свои мнѣнія. Потомъ всякій штабъ-офицеръ сего корпуса долженъ былъ въ губерніи, гдѣ находился, наблюдать за справедливымъ рѣшеніемъ дѣлъ въ судахъ, указывать губернаторамъ на всякіе вообще безпорядки, на лихоимство гражданскихъ чиновниковъ, на жестокое обращеніе помѣщиковъ и доносить о томъ своему начальству. Намѣреніе, конечно, казалось наилучшимъ, но къ исполненію его гдѣ было сыскать людей добросовѣстныхъ, безпристрастныхъ, свѣдущихъ и прозорливыхъ? Развѣ не было губернаторовъ, городскихъ и земскихъ полицій и, наконецъ, прокуроровъ? Которые должны были наблюдать за законнымъ теченіемъ дѣлъ? Неужели дотогѣ не было въ Россіи ни малѣйшаго порядка? Неужели вездѣ въ ней царствовало беззаконіе? А если такъ, могла ли все исправить горсть армейскихъ офицеровъ, кое-какъ набранныхъ?

Даровать такимъ людямъ полную довѣренность значило лишать ея всѣ мѣстныя власти, высшія и низшія. Многимъ изъ штабъ-офицеровъ, поступившихъ въ жандармскую команду, было любо жить въ губерніи, совершенно независимыми, безъ всякаго постоянного, опредѣленнаго занятія и для всѣхъ быть грозою. Отъ самыхъ неблагонамѣренныхъ людей, изгнанныхъ изъ общества, принимали они извѣты и съ своими дополненіями отправляли въ Петербургъ. Если по слѣдствію окажется, что ихъ донесенія были ложны, что за бѣда? Они отъ усердія могли ошибиться и не подлежали никакой за то отвѣтственности. И гдѣ было искать защиты противъ нихъ губернскимъ начальствамъ, а кольми паче частнымъ людямъ, когда и самъ глава ихъ Бенкендорфъ нѣкоторымъ образомъ поставленъ былъ надсмотрщикомъ надъ другими министрами? Вся спокойная, провинціальная, деревенская жизнь была оттого потревожена. Можно себѣ представить какая..... да пропустятъ мнѣ сіе слово..... какая деморализація должна была отъ того произойти!

Въ Сентябрѣ сія черная туча поднялась надъ Россіей и на многіе годы возлегла на ея горизонтѣ. Конечно время ослабило ея дѣйствія и ужасъ, но она не дала вполнѣ насладиться счастьемъ, которымъ бы безъ нея мы пользовались въ первые годы царствованія справедливейшаго изъ государей. Ея появленіе опечалило даже окружавшихъ его приверженцевъ, и я подъ присягой могу сказать, что не встрѣчалъ ни единого человѣка, который бы учрежденіе сіе одобрилъ, который бы говорилъ объ немъ безъ крайняго неудовольствія.

Одинъ только человѣкъ былъ совершенно доволенъ: разумѣется, г. Фонъ-Фокъ. Онъ хотѣлъ, чтобы просвѣщенный по мнѣнію его образъ мыслей не совсѣмъ погибъ въ Россіи и людей имѣющихъ его намѣренъ былъ защищать отъ преслѣдованій. Вообще же, надобно отдать ему сію справедливость, онъ совсѣмъ не былъ золъ и, повторяю, ни чьей не искалъ гибели. Безграмотный его начальникъ почти всегда не читая подписывалъ бумаги и такимъ образомъ иногда слѣпо и неумышленно губилъ людей, и потому Фонъ-Фоку было весьма удобно большую часть ложныхъ доносовъ, не доводя до его свѣдѣнія, бросать въ каминь, тѣмъ болѣе что безпрестанно увеличивающееся число ихъ было не въ соразмѣрности съ числомъ трудящихся въ канцеляріи. Бенкендорфъ тогда только ускользалъ изъ рукъ его, когда находился подъ какимъ нибудь постороннимъ, сильнымъ вліяніемъ.

Что сказать мнѣ еще о семъ послѣднемъ? Всѣ узнали, что воскресъ Милорадовичъ, но только на томъ свѣтѣ въ короткое время выучившійся хорошо говорить по-французки, а впрочемъ все тоже фанфаронство, все то же пустословіе.

Когда дошли до меня вѣсти о жандармеріи, не понимаю, отчего я не обратилъ на то особаго вниманія. Но вскорѣ я приведенъ былъ ею въ ужасъ; первые ея удары должны были пасть на мое семейство. Это требуетъ подробнаго разсказа.

Не разъ приходилось мнѣ говорить о старшемъ сынѣ сестры моей Алексѣевой, Александрѣ Ильичѣ, котораго оставилъ я въ Ельцѣ адъютантомъ при пьяномъ генералѣ графѣ Паленѣ. Изъ особой милости къ отцу, покойный Государь перевелъ потомъ обоихъ сыновей его въ гвардію: старшаго въ конно-егерскій полкъ, а меньшаго въ новый Семёновскій. Хотя гвардейскій конно-егерскій полкъ стоялъ въ Новгородѣ, однако служившій въ немъ уже штабъ-капитаномъ Алексѣевъ подъ разными предлогами жилъ почти безвыѣздно въ Петербургѣ. Чтò онъ въ немъ дѣлалъ? Почти однѣ шалости. Онъ любилъ поплясать, погулять, поиграть, но отнюдь не былъ буйномъ; напротивъ, какая-то врожденная ластительность (*calinerie*) всегда въ отношеніи къ нему склоняла родителей и начальство къ снисходительности, можетъ быть, излишней.

Я самъ былъ обезоруженъ его ласковымъ и услужливымъ характеромъ, какъ вдругъ въ началѣ Октября я узнаю, что онъ схваченъ и подъ карауломъ отправленъ въ Москву. Вотъ чтò случилось. Кто то еще въ Мартѣ далъ ему какіе-то стихи, будто Пушкина, въ честь мятежниковъ 14 Декабря; у него взялъ ихъ молоденькой гвардейской конно-піонерный офицеръ Молчановъ, взялъ и не отдавалъ, а тотъ объ нихъ совсѣмъ позабылъ. Такъ почти всегда водилось между армейскими офицерами: немногіе знали, чтò такое литература; возьмутъ, прочитають стишки выдаваемые за лихіе, отдадутъ другому, другой третьему и такъ далѣе. Тоже самое и съ книгами: тотъ, который имѣлъ неосторожность дать ихъ и кому онѣ принадлежать, никогда ихъ не увидить.

Между тѣмъ лишь только учредилась жандармская часть, нѣкто донесъ ей въ Москвѣ, что у офицера Молчанова находятся возмутительные стихи. Бѣдняжку, который и забылъ объ нихъ, схватили, засадили, допросили, отъ кого онъ ихъ получилъ? Онъ указалъ на Алексѣева. Какъ за нимъ, такъ и за Пушкинымъ, который все еще находился ссыльнымъ во Псковской деревнѣ, отправили гонцевъ.

Это послужило къ пользѣ послѣдняго. Государь пожелалъ самъ видѣть у себя въ кабинетѣ поэта, мнимаго бунтовщика, показалъ ему стихи и спросилъ, кѣмъ они писаны? Тотъ не обинуясь сознался, что онъ. Но они были писаны за пять лѣтъ до преступленія, которое будто бы они восхваляютъ, и даже напечатаны подъ названіемъ Андрей Шенъе. Въ нихъ Пушкинъ нападаетъ на революцію, на террористовъ, кроваваждныхъ безумцевъ, которые погубили геніальнаго человѣка. Небольшую только часть его стихотворенія, впрочемъ, одинаковаго содержанія, не-

извѣстно почему цензура не пропустила, и этотъ непропущенный лоскутокъ, который хорошенько не поняли малограмотные офицерки, послужилъ обвинительнымъ актомъ противъ нихъ. Среди безчисленныхъ заботъ Государь вѣроятно не захотѣлъ взять труда прочитать стихи; безъ того при малѣйшемъ вниманіи увидѣлъ бы онъ, что въ нихъ не было ничего общаго съ предметомъ, на который будто они были написаны. Пушкинъ умѣлъ ему это объяснить, и его умная, откровенная, почтительно-смѣлая рѣчь полюбилась Государю. Ему дозволено жить гдѣ онъ хочетъ и печатать что онъ хочетъ. Государь взялся быть его цензоромъ съ условіемъ, чтобы онъ не употреблялъ во зло дарованную ему совершенную свободу, и до конца жизни своей остался онъ подъ личнымъ покровительствомъ Царя.

Иная участь ожидала бѣдныхъ офицеровъ. По крайней мѣрѣ Молчанову во мзду его признанія дозволено было оставить службу. Но Алексѣевъ, который не хотѣлъ или, лучше сказать, не могъ назвать того, кто далъ ему стихи, по привезеніи въ Москву, гдѣ нѣтъ крѣпости, посаженъ былъ въ острогъ, въ сырую, только что отдѣланную комнату, въ которой скоро разстроилось его здоровье, и онъ едва не терялъ зрѣніе.

И для родителей его въ тоже время были ужасныя сцены. Отецъ мало выѣзжалъ и рѣдко читалъ письма отъ сыновей, а мать всемѣрно старалась скрыть отъ него постигнувшее ихъ несчастіе, предупреждая посѣтителей, чтобы они ничего ему о томъ не говорили. Вдругъ вбѣгаетъ безъ доклада какой-то адъютантъ и, не поклонясь даже генералу, начинается сими словами: «Вашъ сынъ преступникъ, злоумышленникъ противъ Государя». Какъ громовой ударъ были эти слова для престарѣлаго воина, можно сказать, закаленного въ вѣрноподданнической преданности къ престолу. Какъ, что? и пошатнулся. Адъютантъ продолжаетъ: «Извольте же сейчасъ отправиться со мною къ генералу Бенкендорфу, тамъ увидите вы сына вашего и, можетъ быть, склоните его сказать, наконецъ, правду». Послушенъ страшному адъютантскому призыванію, онъ приказалъ заложить карету. «Нѣтъ, сказалъ тотъ, генералу нѣкогда васъ долго дожидаться; извольте со мною ѣхать на моихъ парныхъ дрожкахъ: они васъ довезутъ назадъ». Все это въ присутствіи изумленной, отчаянной сестры моей. Вѣроятно слѣдуя въ подобныхъ случаяхъ примѣру начальника своего, новаго генералъ-инквизитора, вотъ какъ поступалъ офицеръ съ человѣкомъ, котораго имя извѣстно было всей арміи и который не разъ командовалъ корпусомъ. Совсѣмъ растерянный, Алексѣевъ машинально повиновался. Бенкендорфа онъ уже не засталъ, а въ присутствіи дежурнаго генерала Потапова грозилъ сыну проклятіемъ, если не объявитъ истины, а тотъ

глялся Богомъ со всѣми святыми, что рѣшительно не помнить, отъ кого получилъ несчастные стихи. Какъ легко можно было видѣть, что тутъ не было ни упрямства, а еще менѣе благородной твердости въ испуганномъ, вѣтреномъ молодомъ человѣкѣ. Истерзанный отецъ воротился домой и въ тотъ же день почувствовалъ первый легкій ударъ паралича.

Нѣтъ любви сильнѣе материнской, а гдѣ любовь, тутъ нѣтъ разсудка: конечно, его было мало въ предпріятіи моей бѣдной сестры. Она рѣшилась пасть къ ногамъ Императора и просить о помилованіи сына, объяснивъ по возможности его безвинность. Въ Москвѣ этого никакъ сдѣлать было нельзя. Узнавъ, что въ назначенный день Государь съ Императрицею намѣренъ посѣтить Воскресенскій монастырь, Новый Іерусалимъ именуемый, въ 45 верстахъ отъ Москвы, она, собравшись съ силами, отправилась туда въ сопровожденіи одного добраго друга нашего семейства Товарова, о которомъ уже мнѣ случалось говорить: одной ей было бы слишкомъ страшно. При выходѣ изъ келій архимандрита, въ сѣняхъ дождалась она царскую чету. Она сдѣлала шагъ впередъ, но овѣмѣла, не могла вымолвить слова и только что указала на грудь, гдѣ находилась просительная бумага. «Что вамъ надобно? Какъ вы смѣли?» сказалъ ей прогнѣванный Государь. Волѣе не могла она разслышать, ибо дѣйствительно пала къ ногамъ его, только безъ чувствъ. Говорятъ, будто видъ отчаяннаго безумія на лицѣ ея встревожилъ, испугалъ чувствительную Императрицу вмѣсто того, чтобы возбудить въ ней состраданіе. Она очнулась въ какой-то кухнѣ, куда была отнесена; присланный докторъ приводилъ ее въ чувство и старался успокоить, увѣряя, что ея бумага, взятая во время ея безпамятства, находится въ рукахъ у Государя. Она могла опасаться, что ее посадятъ подъ карауль, а такая свисходительность подала ей хотя слабую надежду.

Все было тщетно. Бенкендорфъ не хотѣлъ выпустить изъ рукъ своей жертвы; какъ было ему сознаться, что первое дѣйствіе его было промахомъ? Онъ представилъ обвиняемаго великимъ шалуномъ, что было и правда; но онъ по самомъ себѣ могъ знать большую разницу между либераломъ и libertinъ Меньшой Николай Алексѣевъ попросилъ его о дозволеніи повидаться съ заключеннымъ братомъ и за то, яко подозрѣнію подлежащій, изъ Семеновскаго полка тѣмъ же чиномъ переведенъ былъ въ армейскій, находившійся въ Рязани. Тутъ уже видно явное гоненіе. И такъ злополучіе, во образъ безжалостнаго глушца, вдругъ налегло на все семейство, дотолѣ спокойное и любимое въ Москвѣ.

Чѣмъ же все это кончилось? Обвиняемый былъ отправленъ къ полку въ Новгородъ, гдѣ велѣно содержать его подъ строжайшимъ карауломъ, пока не допытаются отъ него истины. По снисходительности начальства, могли его посѣщать однополчане. Кто-то изъ нихъ назвалъ при немъ одного Леопольдова. Глаза у него засверкали; какъ! что! точно такъ! воскликнулъ онъ: такъ называется человѣкъ, который далъ мнѣ стихи. Этотъ Леопольдовъ, довольно еще молодой, изъ духовнаго званія, былъ учителемъ въ одномъ изъ приходскихъ училищъ Петербурга и въ тоже время преподавалъ Русскій языкъ и Законъ Божій въ частныхъ домахъ, между прочимъ молодому Молчанову. Послѣ того былъ вхожъ въ домъ его родителей, гдѣ мелькомъ видѣлъ его Алексѣевъ. Не знаю, съ чего онъ предложилъ ему стихи Пушкина; тотъ полюбилъ ихъ видѣть, и онъ ему доставилъ ихъ. Потомъ Молчановъ пожелалъ ихъ имѣть, а какъ у Леопольдова не было другаго списка, то онъ сказалъ ему, что можетъ получить отъ Алексѣева, который въ послѣдствіи признавался мнѣ, что ихъ даже не читалъ. Шесть мѣсяцевъ спустя, не знаю какимъ образомъ, Леопольдовъ находился въ Москвѣ, и онъ-то былъ тайнымъ доносителемъ на юношу, котораго семейство ему благодѣтельствовало.

Казалось, этимъ объяснялось все дѣло; не могло оставаться ни тѣни подозрѣнія на счетъ дурнаго умысла Алексѣева; но, видно, по законамъ г. Бенкендорфа для обвиненныхъ не было оправданія, а слѣдовало неизбѣжно наказаніе. Несчастнаго молодого человѣка нельзя же было сослать въ Сибирь. Изъ гвардейскаго тѣмъ же чиномъ перевели его въ армейскій конно-егерскій полкъ, съ лишеніемъ права на производство и съ воспрещеніемъ не только подавать въ отставку, но даже проситься во временный отпускъ. Года черезъ два вымолили ему увольненіе отъ службы. А Леопольдовъ? И его недѣли на двѣ посадили подъ караулъ за неосновательный доносъ, а потомъ мѣсяца черезъ три былъ онъ помѣщенъ въ тайную полицію. Это было началомъ ужасныхъ недѣлностей Бенкендорфовскихъ, которыя быть можетъ еще встрѣтятся подъ перомъ моимъ, какъ ни избѣгать я буду говорить о нихъ.

Если часть семейства моего, живущая въ Москвѣ, много въ это время пострадала, то по крайней мѣрѣ другая, не покидавшая Пензы, продолжала жить въ ней спокойно, согласно, не испытывая горестей. Мнѣ же предстояла если не бѣда, то великая непріятность.

Еще до кончины покойнаго Императора, Сенату дозволено было принимать жалобы на рѣшенія Бессарабскаго Верховнаго Совѣта, не смѣю сказать по настаиваніямъ моимъ у Воронцова, по крайней мѣрѣ согласно съ постоянными моими желаніями. Вотъ почему Молдавской

бояръ Николай Рознованъ, еще при началѣ года, пріѣхаль въ Петербургъ хлопотать по дѣламъ и тяжбамъ отца своего. Я нигдѣ не бываль, слѣдственно не могъ его встрѣтить, а только слышаль, что онъ оспариваетъ долговую претензію бояра Гики на брата его. Такъ какъ въ этомъ дѣлѣ былъ я человекъ посторонній, давъ ему, правда, законный ходъ, но не участвовавшій въ сужденіяхъ по немъ: то и могу сказать, что пропустилъ я это мимо ушей. Въ болѣзненномъ состояніи, въ которомъ я находился, никто не хотѣлъ мнѣ сказать, что и на меня подана отъ него жалоба за то, что я отцу его, если припомнить читатель, отказаль въ выдачѣ паспорта для вывезенія за границу какихъ-то сокровищъ. Онъ былъ здоровъ, богатъ, всюду развѣзжалъ, гдѣ нужно низко кланялся, гдѣ нужно сыпаль золото, а я въ одномъ съ нимъ городѣ про то и не вѣдалъ. Главная для меня бѣда была въ томъ, что онъ нашель доступъ къ министру юстиціи князю Лобанову-Ростовскому, который, Богъ вѣсть за что, ненавидѣлъ графа Воронцова, тогда какъ я, не знаю почему, слылъ его любимцемъ. Разъяренная обезьяна (ибо на сіе животное никто такъ не походилъ, какъ Лобановъ) не устыдилась показать тутъ явное пристрастіе. Поочередно приглашалъ онъ къ себѣ сенаторовъ (какъ узналъ я послѣ) дабы склонить ихъ на вопіющую несправедливость. Одинъ только изъ нихъ Павелъ Львовичъ Батюшковъ показаль нѣкоторое упорство. Исправляющаго же должность оберъ-прокурора, молодаго еще Григорія Петровича Митусова, честиѣйшаго и благороднѣйшаго, угрозою лишить его мѣста принудилъ онъ пропустить рѣшеніе Сената.

Я узналъ о немъ только въ началѣ Ноября. Въ удовлетвореніе за великіе убытки, повнесенные отцомъ Рознованомъ, въ слѣдствіе отказа моего выдать ему паспортъ за границу, и въ обезпеченіе уплаты за то повелѣно первоначально наложить запрещеніе на все мое имущество, а цынутному, т. е. уѣздному суду, разсмотрѣть, до чѣго могутъ простираться эти убытки. Розновану хотѣлось только отомстить мнѣ за пренебреженіе къ его Молдавскому величію; далѣе онъ не думаль простирать претензій своихъ, зная, что съ меня нечего взять. Онъ успѣлъ въ своемъ намѣреніи, ибо въ первую минуту я былъ пораженъ симъ ударомъ. Еслибы онъ направленъ былъ и не на меня, мнѣ все больно было бы видѣть, что первымъ дѣйствіемъ Русскаго Сената въ дѣлахъ Бессарабскихъ, котораго власть такъ усердно я призываль, было принесеніе въ жертву злой прихоти Молдавскаго богача безвиннаго Русскаго чиновника.

Стыдно признаться, а досада, которую восчувствовалъ я, меня оживила. Я совершенно упаль духомъ, ничто меня сильно не тревожило, не печалило, не радовало; тутъ я вдругъ воспрянулъ и, ни съ

тѣмъ не совѣтуясь, самъ написалъ длинную просьбу на Сенать. Въ ней, стараясь доказать, какъ поступилъ онъ противузаконно, изъяснялъ я слѣдующее: 1-е, что Рознованъ отнюдь не торговый человекъ и не товары для продажи могъ онъ имѣть намѣреніе отправить въ Яссы, слѣдственно отъ нахождения пожитковъ его въ томъ или другомъ мѣстѣ не могло послѣдовать для него никакихъ убытковъ; 2-е, что вообще онъ ничего не думалъ отправлять; сіе доказывается тѣмъ, что онъ могъ обратиться къ прибывшему черезъ два дни послѣ отказа моего, пріятелю своему губернатору Катакази, и онъ сего не сдѣлалъ; 3-е, что прежде, чѣмъ утруждать Сенать, слѣдовало бы ему жаловаться намѣстнику; 4-е, что департаментъ судный или апелляціонный разсматриваетъ одни только тяжбы дѣла, а отнюдь не имѣетъ права входить въ сужденія по жалобамъ на несправедливыя дѣйствія губернаторовъ, ибо сіе подлежитъ разсмотрѣнію одного перваго департамента Правительствующаго Сената; 5-е, что по настоящему дѣлу обвиняемый ни разу не былъ даже спрошенъ; 6-е, что Сенату воспрещено не только отдавать подъ судъ начальниковъ губерній или дѣлать какія-либо съ нихъ взысканія, ни даже объявлять имъ выговоры безъ Высочайшаго разрѣшенія и, наконецъ, 7-е, что я, дѣйствовавшій тутъ, не какъ частное лицо, а какъ управляющій областію, нѣкоторымъ образомъ преданъ былъ сужденію уѣзднаго суда, чему дотошъ не видано было примѣровъ.

Мнѣ жаль, что я не сохранилъ списка съ этого прошенія на Высочайшее имя. Сколько припомню, въ немъ были выраженія довольно дерзкія и не совсѣмъ почтительныя къ Сенату. Чтѣ дѣлать? Потухшее воображеніе во мнѣ опять возжглось, остывшая кровь какъ будто закипѣла, и неудивительно, если, не смотря на ясность доводовъ, бумага сія отзывалась какимъ-то бредомъ.

Такого прошенія никакъ принять было нельзя. Къ счастью моему, незадолго передъ тѣмъ назначенъ былъ статсъ-секретаремъ у пріятія прошеній предобрѣвшій Николай Михайловичъ Лонгиновъ, родной братъ соперника моего Никанора. Онъ началъ поприще свое въ Лондонской, сперва духовной, потомъ свѣтской миссіи. Оттуда прямо взять онъ былъ секретаремъ къ императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ и оставался въ семъ званіи до кончины ея. При ней могъ онъ заниматься только по части благотворительной и по части женскихъ патріотическихъ заведеній, а съ дѣлами правительственными и судебными никогда дотошъ не встрѣчался. Но у насъ, какъ говорится, и шило брѣдетъ, и всякій гораздъ на все. Лонгиновъ всѣмъ былъ обязанъ роду Воронцовыхъ, а какъ онъ умѣлъ помнить добро и почиталъ меня великимъ Воронцовистомъ, то и готовъ былъ все для меня сдѣлать. По тогдаш-

ней неопытности своей онъ не могъ замѣтить, сколько было неприличнаго въ прошеніи, которое съ авторскимъ самолюбіемъ я самъ ему прочиталъ. Но канцелярія его ужаснулась и требовала, чтобы я иное вымаралъ, иное совсѣмъ измѣнилъ. Я устоялъ на своемъ, и жалоба моя безо всякой перемѣны вмѣстѣ съ другими скоро представлена была Государю, который повелѣлъ разсмотрѣть ее въ Общемъ Собраніи Сената. Вотъ чѣмъ на этотъ разъ кончилось сіе дѣло.

Тѣлесные недуги мои, какъ уже сказалъ я, совсѣмъ прекратились, но оставили во мнѣ какую-то апатію, умственную лѣнь, которая дѣлала меня ко всему равнодушнымъ и неспособнымъ. Неумышленно Розпованъ оказалъ мнѣ услугу: рѣшеніе Сената, согласно съ желаніемъ его, дало мнѣ толчекъ, который пробудилъ меня. Я началъ развѣзжаться, дѣйствовать, чувствовать жизнь вполне. Все происходившее около меня къ тому способствовало. Приближался конецъ траурнаго года и, какъ увѣряли, молодая царская чета ожидала его съ нетерпѣніемъ, дабы, предаваясь увеселеніямъ, и въ городѣ возбудить охоту къ общественнымъ забавамъ. Въ это время, и именно тогда только, это могло быть даже полезно. Послѣдніе два-три года царствованія Александра Петербургъ, казалось, раздѣлялъ его уныніе, а въ истекающемъ году видѣлъ по большей части однѣ мрачныя картины: нужно было шумомъ веселій нѣсколько заглушить и изгладить воспоминаніе о нихъ.

Нѣсколько словъ о нашихъ вѣдѣвшихъ дѣлахъ. Твердость, оказанная Николаемъ, въ рѣшительную минуту вступленія его на престолъ, изумила и Европу: она позвала, что сильная Имперія не въ слабыхъ рукахъ и что преемникъ Александра не менѣе его будетъ имѣть вліянія на политическія дѣла ея. И оттого всѣ Европейскія государства съ почтительными привѣтствіями отправили къ нему знаменитѣйшихъ людей: отъ Англіи пріѣзжали Веллингтонъ и герцогъ Девонширской, отъ Австріи эрцгерцогъ Фердинандъ д'Эсте, отъ Франціи маршалъ Мармонъ, отъ Пруссіи принцъ Вильгельмъ, родной братъ Императрицы, отъ другихъ по большей части члены ихъ владѣтельныхъ фамилій. Отчего же, когда всѣ великія державы искали дружественнаго союза съ новымъ Царемъ, когда онъ былъ въ добромъ согласіи съ цѣлымъ свѣтомъ, одна Турція, ослабленная, едва отдохнувшая отъ тяжкихъ ударовъ, послѣднею войною съ Россіей ей нанесенныхъ, озабоченная внутренней кровавой борьбой съ возмущившимися Греками, отчего она такъ неохотно подавалась на миролюбивыя и снисходительныя его предложенія? Отчего Персія, также испытавшая силу Русскаго оружія, безо всякаго повода дерзнула ворваться во владѣнія его, не убоясь даже страшнаго на Востокѣ имени Ермолова?

Я не слыхалъ, чтобы кто-нибудь задалъ себѣ этотъ вопросъ. Нынѣ не трудно бы было разрѣшить сію задачу. Одна многочисленная, могущественная нація, окруженная моремъ и защищаемая цѣлыми рядами пловучихъ крѣпостей, гордится своимъ богатствомъ, своею свободою, безопасностію своего положенія, почитаетъ себя первою въ мірѣ и стремится къ преобладанію въ немъ. Ея правительство, не только раздѣляя сіе мнѣніе и сіи надежды, внушаетъ ихъ всѣмъ жителямъ и тѣмъ болѣе утверждаетъ надъ ними свою власть. Одинъ человекъ, которому примѣра не было въ вѣкахъ, хотѣлъ и умѣлъ ставить преграды ея безпрестанно возрастающей силѣ. Онъ палъ, и соперникъ его на твердой землѣ заступилъ его мѣсто. Не знаю, кто былъ ей ненавистнѣе, великій ли Наполеонъ, распространявшій вездѣ войну, или впоследствии времени величественный Александръ, водворявшій повсюду миръ? Превыкнувъ противъ явнаго врага своего нанимать военныя силы Европейскихъ государствъ, трудно ли ей даже на союзника возставлять непросвѣщенные Азіатскія правительства, дѣйствуя на нихъ тайными происками и подкупомъ?

Извѣстіе о вторженіи Аббаса-Мирзы въ наши предѣлы получено было въ Москвѣ за недѣлю до коронаціи. Ермоловъ не дремалъ: онъ зналъ о приготовленіяхъ Персіанъ, объ умноженіи ихъ войскъ на границѣ и требовалъ, чтобы и его корпусъ былъ усиленъ нѣсколькими дивизіями, дабы на первый случай дать имъ отпоръ. По какому несчастію сей человекъ, столь монархически самовластный, былъ ненавистенъ придворнымъ и прослылъ злымъ либераломъ, хитрымъ и непроницаемымъ? Надъ нимъ парили подозрѣнія, какъ говорятъ Французы. Казалось, что происшествіе 14 Декабря и его послѣдствія должны были на счетъ его открыть глаза: ни мало, зная безпредѣльную къ нему любовь войска, полагали, что съ умноженіемъ его, онъ тѣмъ удобнѣе можетъ отложиться отъ Россіи и на Кавказѣ, и за Кавказомъ основать для себя особое государство (кому первому могла придти столь нелѣпая мысль?), и отказали ему въ помощи.

Когда узнали о первыхъ военныхъ дѣйствіяхъ Персіанъ, отправили къ нему не войско, а генераль-лейтенанта Паскевича, въ видѣ помощника, а болѣе въ качествѣ соглядатая, что должно было крайне его оскорбить. Арміи былъ Паскевичъ весьма извѣстенъ, а Россіи со всѣмъ нѣтъ. Онъ отличался необычайнымъ мужествомъ и къ тому имѣлъ страсть читать книги о военномъ искусствѣ; говорили, что онъ проглотилъ всю военную науку. Достаточно ли сего, чтобы быть великимъ полководцемъ? Я полагаю, что достаточно, если присоединится къ тому необыкновенное, постоянное счастье. Я никогда не видалъ Паскевича, а еще до побѣдъ его много слышалъ о немъ. Онъ страдалъ

глазами въ одно время со мной, и насъ лѣчилъ одинъ медикъ. Словоохотный Груби, прѣзжая отъ него иногда прямо ко мнѣ, разсказывалъ подробно объ образѣ его жизни, о его характерѣ, о способахъ, которые употреблялъ онъ къ его излѣченію; особенно послѣднее выслушивалъ я всегда съ величайшимъ вниманіемъ. Обыкновенно мы принимаемъ большое участіе въ людяхъ, даже намъ незнакомыхъ, когда они одержимы одинакими съ нами страданіями. Если вѣрить Груби, тоже самое было и съ Паскевичемъ, который всегда спрашивалъ о состояніи здоровья ему вовсе неизвѣстнаго человѣка. Памятно мнѣ, что, по словамъ Груби, главною кручиною для генерала была невозможность продолжать чтеніе Кесаревыхъ Комментаріевъ.

Объ этой новой войнѣ сначала у насъ какъ-то мало заботились: она казалась въ расширенномъ кругѣ продолженіемъ нескончаемой войны нашей съ горскими народами. Гораздо болѣе всѣхъ занималъ новый образъ жизни въ столицѣ. Въ знатныхъ домахъ загремѣла музыка, зачались пиршества; на эти балы никто сперва не дерзалъ приглашать Царя и царскую фамилію, но изъ снисходительности и для поощренія они сами стали называться на нихъ. Разумеетсяъ, что одинъ дворъ и высшее общество тогда участвовали только въ сихъ увеселеніяхъ; но можно было думать, что и общей массѣ, развѣвающей на то ротъ, становилось веселѣе. Однимъ словомъ, въ соревнованіи со скучнымъ Берлиномъ, одинаковымъ родомъ забавъ, Петербургъ скоро превзошелъ его.

Гдѣ мнѣ было стараться попасть въ сіи шумныя, блестящія собранія. Они бы меня и утомили. Я былъ счастливъ уже и тѣмъ, что могъ опять проводить вечера въ обрѣтенныхъ мною прежнихъ, короткихъ, пріятельскихъ домахъ. Въ числѣ ихъ былъ одинъ, который пріятельскимъ я назвать не могу. Мнѣ бывало довольно весело на холостыхъ вечерахъ у почтъ-директора Константина Булгакова, который весьма ласково пригласилъ меня на нихъ. Обыкновенно не покидалъ я одной гостиной, гдѣ возсѣдала супруга его Марья Константиновна, женщина чрезвычайно веселая, даже черезъ чуръ, съ которой хорошо познакомился я въ Кишеневѣ, когда она прѣзжала навѣстить въ немъ родителя своего Варлаама. Эта комната была для меня единственнымъ убѣжищемъ отъ табаку, которымъ всѣ другіи были накурены. Мнѣ приходило въ голову: что еслибы привести въ этотъ домъ незнакомаго человѣка съ завязанными глазами и посадить его въ бильярдной? Онъ задыхался бы отъ табачнаго дыма, услышалъ бы ступъ ногою иного нетерпѣливаго игрока, который послѣ неудачной били, произносилъ бы слова саперлотъ и сапристи; услышалъ бы громкій хохотъ неизвѣстной ему женщины. Если бы спросить у него,

какъ онъ думаетъ, гдѣ онъ находится? Онъ вѣрно отвѣчалъ бы: въ самомъ простомъ Нѣмецкомъ трактирѣ, и слышу голосъ содержательницы его. Когда спала бы съ него завязка, какъ удивился бы онъ, увидя графа Литту, князя П. М. Волконскаго и другихъ знатныхъ людей, посѣтителей сей аристократической таверны. Примѣтнымъ образомъ мѣнялись нравы; начинали отбрасывать узы пристойности и приличія... Булгаковъ узнавъ, что меня тревожитъ дѣло съ Разнованомъ, предложилъ мнѣ свои услуги, или лучше сказать, свое покровительство; во время отсутствія моего брался онъ записки по сему дѣлу самъ развозить по Сенаторамъ и убѣждать ихъ въ мою пользу. «Да это невозможно, со смѣхомъ отвѣчалъ я ему: на дняхъ узналъ я, что вы тоже самое дѣлали для Рознована, хотя знали, что онъ мой противникъ; какъ уже вамъ дѣйствовать противъ самого себя?» — «Что за важность? Сказалъ онъ. Мнѣ все равно, лишь бы помогать хорошимъ людямъ; положимъ, что я былъ неправъ, то вотъ случай исправить то.» Я его поблагодарилъ и просилъ только объ одномъ: не мѣшаться въ это дѣло...

Я долженъ упомянуть здѣсь еще объ одномъ возобновленномъ въ это время знакомствѣ и вывести на сцену одного человѣка, и прежде того уже сдѣлавшагося извѣстнымъ. Да вспомнить найденнаго мною въ Аккерманѣ цынутнаго комиссара Буткова, по моему представленію опредѣленнаго областнымъ казначеемъ, которому чрезъ графа Воронцова успѣлъ уже я выпросить Аннинской крестъ въ петлицу, не весьма молодаго, хвораго, холостаго, честнаго, хотя и богатаго. У него былъ старшій братъ, Петръ Григорьевичъ, человѣкъ умный, проворный, свѣдущій, не совсѣмъ добродѣтельный. Нѣкогда былъ онъ правителемъ канцеляріи при начальствовавшемъ въ Грузіи генералѣ Кноррингѣ, а въ послѣдствіи находился по аудиторіатской части въ Молдавской арміи. Тутъ составилъ онъ тѣсную связь съ адъютантомъ главнокомандующаго графа Каменскаго, Закревскимъ. Сей послѣдній былъ уже Финляндскимъ генераль-губернаторомъ, а Бутковъ правой его рукой по управленію симъ великимъ княжествомъ; оба жили одинаково въ Петербургѣ. Отъ младшаго Буткова имѣлъ я письмо къ старшему, отцу довольно большаго семейства, что умножало его братскую нѣжность къ хворому холостяку. Я не могъ довольно нахвалиться его приемомъ, и когда мнѣ стало лучше и я посѣщалъ его, сказалъ онъ мнѣ, что генералъ Закревской очень желаетъ меня видѣть, и мы вмѣстѣ къ нему отправились. Все вышесказанное вело къ изображенію сего лица и къ краткой о немъ біографіи.

Сынъ самаго бѣднаго дворянина Тверской губерніи, Закревской воспитанъ былъ въ Кадетскомъ Корпусѣ и выпущенъ изъ него прапорщикомъ въ Архангелогородскій пѣхотный полкъ. Какая участь могъ

ла ожидать офицера малограмотнаго, безъ всякихъ военныхъ познаний и, какъ увѣряють свидѣтели, недареннаго даже отважнымъ, воинственнымъ духомъ? Пробывъ годовъ десятка полтора въ арміи, оканчивалъ бы онъ свое поприще гдѣ нибудь исправникомъ, много что горючимъ. Но есть нѣчто непонятное въ мірѣ, всемогущее, слѣпое счастье, на переکورъ разсудку, всѣмъ вѣроятностямъ, неотвязчивое отъ однихъ, для другихъ всегда недоступное. Шефомъ того полка, куда попалъ сей юноша, былъ графъ Каменской, немного постарѣе его. Онъ имѣлъ страсть къ игрѣ, а счастье тогда уже начинало ласкать неопытную молодость Закревскаго: отъ нужды принялся онъ за карты и почти всегда оставался въ выигрышѣ. Узнавъ о томъ, Каменской обратилъ вниманіе на едва замѣченнаго имъ дотошнѣ офицера, заставилъ его вмѣсто себя метать банкъ, приблизилъ къ себѣ и, наконецъ взялъ къ себѣ адъютантомъ.

Для успѣховъ у Закревскаго было нѣчто гораздо лучше высокаго ума: въ немъ были осторожность, смѣтливость и какая-то искусная вкрадчивость, недопускающая подозрѣнія въ подлости. Для Каменскаго онъ сдѣлался необходимою; однако къ чему бы повела его милость одного изъ младшихъ генераловъ Русской арміи? Но загорѣлась война неугасимая, и молодому герою, начальнику его, открылся широкій путь къ блестящимъ успѣхамъ; и тотъ, который въ концѣ 1805 года командовалъ полкомъ или бригадой, въ началѣ 1810-го предводительствовалъ арміей противъ Турокъ. Среди сраженій находился ли при немъ любимый адъютантъ его, раздѣлялъ ли его опасность? Это не совсѣмъ извѣстно; по крайней мѣрѣ вслѣдъ за нимъ быстро подвигался онъ въ чинахъ и за отличіе получалъ военныя награды. Впрочемъ для военныхъ подвиговъ много молодыхъ людей окружало Каменскаго, а этотъ былъ болѣе комнатный, домашній адъютантъ и занимался преимущественно его собственными, хозяйственными дѣлами.

Я имѣлъ случай познакомиться съ нимъ въ 1809 году, по окончаніи Шведской войны, когда зять мой раненный генералъ Алексѣевъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Его посѣщалъ Каменской, иногда и адъютанты его. Закревской былъ тогда капитаномъ и въ крестахъ. Главнымъ достоинствомъ показалась мнѣ въ немъ скромность его *): онъ лишняго слова даромъ не выпускалъ; въ рѣчахъ его съ малознакомыми была учтивость и пристойность. Отъ того-то мнѣ казалось больно, что Каменской иногда понукаетъ имъ какъ слугой; можетъ быть у армей-

*) У Французовъ для названія скромности есть два слова, *modestie* и *discretion*, коихъ значеніе различно. Закревской былъ *discret*.

скихъ генераловъ такое обращеніе съ любимыми адъютантами было общепринятымъ обычаемъ.

Во время Турецкой кампаніи, игралъ онъ потомъ довольно важную роль правителя военной канцеляріи главнокомандующаго. Тутъ имѣлъ онъ возможность сблизиться съ двумя возникающими знаменитостями, Ермоловымъ и Воронцовымъ. Блудовъ былъ тутъ главнымъ лицомъ по части правительственной и дипломатической; отношенія его къ Каменскому были совсѣмъ иныя, родственныя, почти братскія, чему Закревскій завидовалъ, и отъ того-то между сими господами, кажется, никакой симпатіи никогда не было.

Въ началѣ слѣдующаго года Каменской скончался въ Одессѣ на рукахъ неотлучнаго своего Закревскаго и завѣщалъ ему триста душъ. При составленіи духовной, видно, не были соблюдены всѣ формальности; ибо старшій братъ Каменскаго, графъ Сергій Михайловичъ, который впрочемъ много обязанъ былъ меньшому брату, опровергнувъ ее и не захотѣлъ исполнить его послѣдней воли. Счастіе и тутъ послужило Закревскому. Этотъ Сергій Михайловичъ былъ вообще презираемъ; не деликатность его поступка всѣхъ паче вооружила противъ него, а Закревскаго сдѣлала интереснымъ. Цари въ окружающихъ любятъ находить безпредѣльную преданность и высоко цѣнятъ ее когда она оканчивается и начальству. Самъ Государь велѣлъ военному министру Барклаю, въ утѣшеніе Закревскаго, взять его къ себѣ и, кажется, съ чиномъ подполковника перевести въ гвардію. Нѣтъ сомнѣнія, что безъ того, получивъ имѣніе, онъ оставилъ бы службу и покойно зажилъ бы помѣщикомъ; но судьба влекла его выше. Существованіе его въ Петербургъ было впрочемъ незавидное; я встрѣчалъ его нерѣдко въ домѣ тетки Каменскихъ, вдовы сенатора Поликарпова. Онъ былъ бѣденъ, промышлялъ кое-какъ картишками; какъ говорили, гордиться ему было нечѣмъ, и онъ ни съ кѣмъ не мѣнялся въ обращеніи.

Передъ самымъ открытіемъ отечественной войны 1812 года, великій дѣлецъ при Барклаѣ полковникъ Воейковъ, по подозрѣнію въ связяхъ со Сперанскимъ, былъ удаленъ. Никто на его мѣсто не былъ подготовленъ; на первый случай Барклай приблизилъ къ себѣ Закревскаго и взялъ его съ собою въ армію. Послѣ Бородинскаго сраженія, великія неудовольствія, возникшія между Кутузовымъ и Барклаемъ, заставили сего послѣдняго удалиться. Всѣ находившіеся при немъ захотѣли продолжать принимать участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ; одинъ только Закревскій, можетъ быть оглушенный громомъ сей ужасной битвы, пожелалъ сопровождать начальника своего въ Петербургъ. И это послужило къ его пользѣ. Государь, который особенно любилъ Барклая, увидѣвъ въ этомъ новый опытъ вѣрности и преданности на-

чальству. Послѣдующіе годы находился онъ неотлучно при Барклаѣ и главной квартирѣ; а въ 1815 увидѣли мы его генераль-адъютантомъ, въ лентѣ и покровительственно всѣмъ кланяющагося. Между тѣмъ предался онъ всепреданнѣйшему князю П. М. Волконскому, который доставилъ ему мѣсто дежурнаго генерала главнаго штаба, т. е. директора инспекторскаго департамента. Лучше ничего нельзя было для него придумать. Ничего кромѣ именныхъ и формулярныхъ списковъ тутъ не было; дѣло не головоломное: нужна была только великая точность, а въ этомъ у Закревскаго не было недостатка. Когда въ началѣ 1818 года дворъ находился въ Москвѣ, его вельможескія замашки внушили къ нему почтеніе Москвитянъ и оттого легко было его сосватать на молодой, богатой наслѣдницѣ, единственной дочери графа Федора Андреевича Толстаго, который, если припомнять, былъ начальникомъ Пензенскаго резервнаго ополченія. Всегда вѣрный закону преданности, онъ оставилъ мѣсто свое, коль скоро и послѣдній патронъ его Волконскій, одержимый тяжкими недугами, въ 1823 году принужденъ былъ разстаться съ должностію начальника главнаго штаба и уѣхать за границу. Онъ вѣрно зналъ, что сіе новое пожертвованіе не останется безъ возмездія. Меня не было въ Петербургѣ, когда его сдѣлали Финляндскимъ генераль-губернаторомъ. Какимъ образомъ это случилось, я вовсе не понимаю: жители Финляндіи не знали и не знаютъ поныѣ Русскаго языка, а онъ не зналъ ни одного иностраннаго или, лучше сказать, ничего не зналъ. Но впрочемъ страна сія управлялась особыми законами. Генераль-губернаторъ, какъ конституціонный король, могъ входить въ дѣла только поверхностно. Къ тому же Закревскій, въ видѣ подручника и наперсника, призвалъ къ себѣ на помощь грамотѣя Буткова.

По должности дежурнаго генерала хорошо ознакомился онъ съ молодыми великими князьями Николаемъ и Михаиломъ, бывшими сперва бригадными, потомъ дивизионными начальниками въ гвардіи. По воцареніи перваго, могъ онъ питать честолюбивѣйшія надежды. Предложивъ мнѣ посѣтить его, Бутковъ вѣроятно имѣлъ намѣреніе одолжить меня, и я за то благодаренъ ему; но самъ я никакъ не ожидалъ величія, которое предстоитъ Закревскому. Одинъ со мною въ кабинетѣ разговаривалъ онъ, можно сказать, пріязненно, жалѣлъ о томъ, что я долженъ отправиться въ отдаленное мѣсто, жалѣлъ и о томъ, что въ Финляндіи нельзя ландсгевдингами (губернаторами) никого опредѣлять изъ Русскихъ: безъ того мнѣ первому предложилъ бы такое мѣсто. Потомъ прибавилъ онъ съ улыбкою: «Теперь я ничто; но кто знаетъ, утро вечера мудренѣе, можетъ быть и я на что нибудь могу вамъ пригодиться, тогда смѣло обращайтесь ко мнѣ, я радъ буду, что могу, для васъ

сдѣлать». За столь доброе намѣреніе какъ было его не возблагодарить? Только, подумаль я про себя, мудрено, чтобъ этотъ человекъ могъ подняться еще выше и чтобы я могъ воспользоваться его благотворными обѣщаніями, которыхъ не требоваль. Я отъ того такъ распространился о Закревскомъ, что и онъ въ послѣдствіи имѣлъ нѣкоторое вліяніе на судьбу мою.

Въ продолженіе истекшихъ лѣта и даже осени, куда мнѣ было заниматься тѣмъ, чтò происходило и при дворѣ, и въ обществѣ, и въ политическомъ и въ словесномъ мірѣ? Всему оставался я чуждымъ. Тѣмъ болѣе возбуждено было мое любопытство, когда опять начали приходиться ко мнѣ силы. По случаю траура, почти цѣлый годъ театры были закрыты. А между тѣмъ для драматическаго искусства наступила счастливая эпоха: оно было особенно покровительствуемо новымъ Государемъ, который любилъ зрѣлища. По раздраженному состоянію, въ которомъ еще находились мои вѣки, не дозволено мнѣ было употребить лорнета; по близорукости же моей не могъ я, безъ его помощи, ясно различать предметы на сценѣ, а слушать только чтò говорится. Отъ того, не смотря на сильное желаніе, не смѣлъ я посѣтить театр. Одинъ разъ, и всего только одинъ разъ, не могъ я одолѣть сего желанія. Давали Французскую комедію въ пяти дѣйствіяхъ *l'école des vieillards* (Школа стариковъ), сочиненіе Казимира Делавинья, и въ ней главную роль игралъ нововыписанный, весьма хорошій актеръ Женіесь. Мнѣ показалось, что она отзывается революціоннымъ духомъ; въ ней были изображены гнусные поступки одного знатнаго человека Дюка, а выраженія всѣхъ благородныхъ чувствъ вложены въ уста людей средняго состоянія, которые покрываютъ стыдомъ и срамомъ, преслѣдуютъ убійственными поношеніями порочнаго и терпѣливаго Дюка. Въ своей Бессарабіи, а потомъ въ Крыму, я ничего не читаль, кромѣ дѣловаго и отъ того никакъ не подозрѣваль, что съ нѣкотораго времени, благодаря свободѣ книгопечатанія, всѣ Французскіе романы и драмы наперерывъ старались снабжать всѣми добродѣтелями простонародіе и унижать, топтать въ грязь высшія сословія. Почти вся заграничная литература взяла это направленіе, и немного лѣтъ спустя обнаружались пагубныя ея послѣдствія.*) Въ этой главѣ, и безъ того уже слишкомъ длинной, не мѣсто еще говорить какъ о ней, такъ и о нашей словесности въ особенности.

Всѣ ожидали великихъ перемѣнъ въ министерствѣ, даже цѣлаго возобновленія его. Оно совершилось медленно. Правда, въ этомъ же

*) Въ это время можно было сравнить ее съ началомъ революціи 1789 года, но неизбежно затѣмъ должна была послѣдовать эпоха ея терроризма.

году вновь учреждены два министерства: полиціи или корпусъ жандармовъ, о которомъ уже я говорилъ, и другое министерство императорскаго двора, въ вознагражденіе примѣрной, испытанной вѣрности князя П. М. Волконскаго. Всѣ придворныя части, гофъ-интендантская, конюшенная, театральная и другія, не перемѣняя названій, поступили въ вѣдомство его въ видѣ департаментовъ. Высшіе придворныя чины также какъ бы обратились въ придворныхъ директоровъ, что кажется не возвысило ихъ званія. Изъ прежнихъ министровъ старики сохраняли свои мѣста и не показывали намѣренія оставить ихъ; дабы склонить ихъ къ тому, придумано было средство и, кажется, что графъ Кочубей подалъ о томъ мысль. Давно уже у министровъ не было товарищей; надлежало воскресить сіе званіе. Каждому изъ тѣхъ, коихъ желали удалить, дано было по товарищу, симъ же послѣднимъ въ руководство инструкція, дающая имъ право входить во всѣ дѣла, и нѣкоторымъ контролировать дѣйствія самихъ министровъ. Выборы были довольно счастливы: назначены люди зрѣлыхъ лѣтъ, нѣкоторые съ большою опытностію, другіе съ достаточнымъ умомъ и познаніями, чтобы скорѣе приобрѣсти ее.

Перваго назову я генераль-адъютанта князя Александра Сергѣевича Меншикова, знаменитаго потомка знаменитаго предка, хотя онъ и не получилъ званія товарища, а данъ былъ просто въ помощь морскому министру адмиралу Моллеру. Онъ дотолѣ находился въ военной сухопутной службѣ, но всегда имѣлъ страсть къ морской части. Онъ только что воротился изъ Персіи, куда отправленъ былъ передъ войной съ чрезвычайнымъ порученіемъ и въ удовлетвореніе желанія его былъ переименованъ контръ-адмираломъ. Я скоро буду имѣть пріятный случай говорить пространнѣе о семъ необыкновенномъ человѣкѣ.

Министру юстиціи князю Лобанову нельзя было дать товарища менѣе чѣмъ князя, и отъ того на сіе мѣсто назначенъ былъ сенаторъ князь Алексѣй Алексѣевичъ Долгоруковъ. До полковничьяго чина находился онъ въ военной службѣ; но, познавъ, что рожденъ онъ болѣе мирнымъ, хотя дѣятельнымъ гражданиномъ, чѣмъ воинемъ, перешелъ въ статскую. Онъ былъ гражданскимъ губернаторомъ въ Симбирскѣ, потомъ въ Москвѣ. Даромъ, что князь, онъ былъ небогатъ и для поправленія состоянія два раза женился на купеческихъ дочеряхъ, что влекло его въ связи не совсѣмъ знатныя. Онъ дружился преимущественно съ людьми дѣловыми, и тяжebныя дѣла давали пищу его разговорамъ и помышленіямъ. Когда кто изъ сенаторовъ примется усердно за исполненіе своихъ обязанностей (что бываетъ очень рѣдко), когда онъ начнетъ пристально вникать въ существо дѣлъ, его сужденіямъ подлежащихъ, когда онъ сочленовъ своихъ будетъ избавлять отъ труда

читать и мыслить, и они слѣпо будутъ приставать къ его мнѣніямъ, то онъ прослыветъ величайшимъ дѣльцомъ. Когда же онъ изъ знатнаго рода (что почти никогда не бываетъ), то слава его отъ того еще болѣе умножится. Долгоруковъ совсѣмъ оподъячился, когда его посадили въ Сенатъ, и тогда уже онъ могъ замѣнить лучшаго оберъ-секретаря. Аристократія смотрѣла на него съ почтительнымъ изумленіемъ: ей казалось сверхъестественнымъ, что человѣкъ, изъ среды ея, могъ добровольно и исключительно посвятить себя сухимъ и скучнымъ занятіямъ законовѣдѣнія. Молва о немъ доходила до Государя, и онъ самъ избралъ его почти преемникомъ Лобанову.

Много распространяться о Блудовѣ мнѣ нечего: онъ давно и коротко знакомъ моимъ читателямъ. Говорили, что Государь имѣлъ намѣреніе назначить его товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, но что будто бы князю А. Н. Голицыну, премного оскорбленному преемникомъ его Шишковымъ, казалось забавнымъ къ престарѣлому ребенку приставить довольно молодаго еще дядьку, того самаго, который мальчикомъ писалъ на старика эпиграммы и котораго имени тотъ равнодушно слышать не могъ. Увѣряли, будто Голицынъ представилъ Государю, что часть ввѣренная Шишкову, болѣе согласна съ прежними, любимыми занятіями Блудова, и онъ назначенъ былъ товарищемъ министра народнаго просвѣщенія.

Нѣкоторые изъ директоровъ департаментовъ Минпстерства Внутреннихъ дѣлъ, старѣе въ чинѣ Дашкова, обидѣлись, когда его назначили товарищемъ къ ихъ министру. Но въ этомъ человѣкѣ было нѣчто равняющее его тотчасъ съ мѣстомъ, которое онъ получалъ, какъ бы высоко оно ни было: какая-то нравственная сила, которой скоро и охотно покорялись ему подчиняемые. Онъ также не все безызвѣстенъ моимъ читателямъ. Имъ предоставляю я посудить о чувствахъ, какія возбудили во мнѣ сіи назначенія. Зависти я никогда не зналъ; правда, иногда сильно досадовалъ я, видя быстрое возвышеніе злыхъ глушцовъ, ибо въ этомъ я видѣлъ вредъ для службы и для общества; за то съ какою искреннею, неописанною радостію смотрѣлъ я на успѣхи людей мною любимыхъ и достойно уважаемыхъ!

Нѣчто странное происходило тогда во мнѣ. Разстройство нервъ производитъ душевную, жестокою болѣзнь, которую не испытавшимъ ее трудно, почти не возможно объяснить. Когда эта боль совершенно утихаетъ, остается еще волненіе въ крови, порождающее пріятныя и сильныя ощущенія; они неизвѣстны въ спокойномъ, совсѣмъ здоровомъ состояніи. Два года сряду все болѣе и болѣе прилѣплялся я къ Воронцову, высоко оцѣнивалъ похвальные его свойства, украшалъ его тѣми, коихъ онъ и не имѣлъ. Все что послѣ происходило между нами,

должно было охладить меня къ нему. Горько было для меня разочарованіе и оставило нѣкоторую пустоту въ сердцѣ. Въ первый разъ въ жизни почувствовалъ я въ немъ необходимость новаго обожанія, потребность новаго кумира. Я не искалъ его: онъ самъ собою представился. И это былъ человѣкъ, котораго не болѣе пяти разъ случалось мнѣ издали видѣть, котораго въ этомъ году ни разу я не встрѣчалъ, и это былъ..... Николай Павловичъ. Я отъ всей души любилъ кротость его брата, какъ всякій добрый Русскій гордился его славой и оплакалъ кончину его. Тутъ было совсѣмъ иное: восторженность, энтузіазмъ. Да не подумаютъ однако, что счастливые, всѣмъ сердцемъ моимъ одобряемые его выборы, породили во мнѣ сіи чувства: нѣтъ! Но ясность въ выраженіи желаній, но прямота его дѣйствій, но твердость его воли, но замѣтное его руссолюбіе: вотъ что плѣнило меня, ну, право какъ женщину. Продлилось ли сіе обожаніе? Здѣсь сказать еще не могу. Теперь я вѣрую въ одно Божество, Ему одному въ душевномъ умиленіи поклоняюсь, Тому, Которому молиться учили меня еще съ малолѣтства.

Давно уже наступила пора, прибавить ли? давно уже прошла пора отправиться мнѣ къ должности. Шестъ мѣсяцевъ послѣ моего назначенія я не думалъ еще трогаться съ мѣста. Осуждая Тимковскаго за его медленность, я не предвидѣлъ, что обстоятельства заставятъ меня поступить почти такъ же какъ онъ. Лѣтомъ съ болѣзнію моею мнѣ не было возможности думать объ отъѣздѣ. Въ началѣ осени, когда дворъ воротился изъ Москвы, пытался было я приткнуться къ какому нибудь министерству, чтобы оттуда занять потомъ иное мѣсто; но мнѣ объяснили, что, если не вступая въ должность, къ которой назначенъ, буду проситься объ увольненіи отъ нея, то навсегда долженъ буду разстаться съ службой. Потомъ пугала меня мысль о дальномъ пути, въ глухую осень и со здоровьемъ не совсѣмъ еще исправнымъ. Что же болѣе всего останавливало меня—былъ совершенный недостатокъ въ деньгахъ. Небольшая ихъ сумма отъ жалованья, сбереженная въ Бессарабіи на черные дни въ Петербургѣ, была вся истрачена. Однакоже я началъ собираться въ дорогу на обѣщанные мнѣ взаймы тысячу рублей ассигнаціями.

По службѣ принадлежалъ я тогда къ двумъ министерствамъ, Финансовъ и Внутреннихъ Дѣлъ. вмѣстѣ со званіемъ Керченскаго градоначальника былъ я и начальникомъ таможеннаго округа. Это поставило меня въ необходимость передъ отъѣздомъ явиться къ министру Канкрину. Я зналъ, что онъ не благоволитъ къ Воронцову и вообще къ Новороссійскому краю, и не безъ труда рѣшился на такое предпріятіе; въ исполненіи его не имѣлъ однакожъ причины раскаиваться. Я давно замѣтилъ, что весьма умные люди почти всегда меня любили. «Отчего бы это было?» спросилъ я себя. «Оттого, что, чувствуя свое

превосходство надъ тобою, они не могутъ видѣть въ тебѣ соперника; а между тѣмъ разстояніе, тебя отъ нихъ отдѣляющее, не такъ велико, чтобы языкъ ихъ для тебя остался непонятнымъ и чтобы ты не въ состояніи былъ дать настоящую цѣну ихъ умственнымъ способностямъ; къ тому же въ разговорахъ съ ними ты всегда наслаждаешься, и это у тебя написано на лицѣ». Этимъ отвѣтомъ, самому себѣ даннымъ, остался я доволенъ, хотя онъ и не совсѣмъ польстилъ моему самолюбію. Послѣ обмѣна нѣсколькихъ словъ съ угрюмымъ Канкринымъ, сдѣлался онъ какъ будто ласковѣе и повелъ меня въ свой кабинетъ, гдѣ посадилъ противъ себя подлѣ камина и началъ пускать ужаснѣйшія облака табачнаго дыма. Глаза мои страдали; но я заговорился, заслушался. Я коснулся Бессарабіи, сказавъ ему, что я былъ въ ней единственнымъ въ Россіи вице-губернаторомъ, который не имѣлъ чести находиться подъ его начальствомъ. Онъ съ любопытствомъ сталъ меня спрашивать о семъ краѣ; пользуясь симъ, я старался представить ему, сколь вредно для благосостоянія области положеніе, въ которомъ она находится, будучи стиснута на всемъ протяженіи своемъ двумя таможенными линіями, Прутскою и Днѣстровскою. Съ гнѣвомъ сказалъ онъ мнѣ: «Я вижу, вы хотите лишить насъ большаго таможеннаго сбора; да этому никогда не бывать». Какъ умѣлъ старался я доказать ему, что промышленность и торговля страдаютъ оттого въ Бессарабіи и что когда онъ оживятся, то гораздо болѣе будетъ пользы для казны. Онъ возражалъ съ жаромъ; оставаясь почтительнымъ, я не уступалъ ему. Чѣмъ же кончилось? Онъ изрекъ: «впрочемъ, патушка *), я не сказалъ послѣдняго слова; я этимъ дѣломъ займусь, подумаю и, можетъ быть, ваше желаніе исполнится». Главное желаніе мое состояло въ томъ, чтобы, со снятіемъ таможенной линіи, маленькая Бессарабія удобнѣе могла быть поглощена огромной Россіей. Дуракъ бы разсердился и, можетъ быть, указалъ бы мнѣ двери; но это былъ Канкринъ. Зная сколь всѣ минуты для него дороги и начиная чувствовать боль въ глазахъ, я хотѣлъ было сократить свое посѣщеніе, но онъ меня удерживалъ. Увидѣвъ столь неожиданное для меня благорасположеніе его, я дерзнулъ обратиться къ нему со всепокорнѣйшей просьбой: объяснилъ ему причины удерживавшія меня въ Петербургѣ и просилъ, чтобы жалованье мое (которое простиралось тогда до десяти тысячъ рублей ассигнаціями) за время просрочки не было задержано. Онъ подумалъ и сказалъ: «это не совсѣмъ въ порядкѣ; но такъ и быть, я не забуду и распоряжусь, чтобы вы были удовлетворены». Съ предовольнымъ сердцемъ и съ распухшими вѣками воротился я домой.

*) Это слово всегда употреблялъ онъ, разговаривая по русски.

Дни черезъ два потомъ отправился я къ министру внутреннихъ дѣлъ за приказаніями и наставленіями. Это было не въ первый разъ, кажется въ третій по возвращеніи его изъ Москвы. Старикъ Василій Сергѣевичъ былъ добръ и ласковъ; заставить, бывало, меня подождать съ минуту, позоветъ потомъ къ себѣ и усадить; но лишь только я зайкнусь о чемъ нибудь дѣльномъ, онъ меня перерветъ и найдетъ средство меня учтиво выпроводить. Въ безконечной Россіи, гдѣ со всѣхъ концовъ дѣла стекаются на одинъ пунктъ, при централизаціи нашей, министру необходимы энергія и дѣятельность среднихъ лѣтъ. Опасаясь быть раздавленнымъ, семидесятилѣтній Ланской весьма искусно должность свою обратилъ въ синекюру. Одинъ онъ изъ министровъ не обидѣлся, когда ему дали товарища. Дашковъ еще довольно молодъ и не довольно чиновенъ, чтобы надѣяться скоро занять мое мѣсто, вѣроятно подумалъ онъ Передамъ ему власть, свалю на него всю обузу; пусть какъ хочетъ возится съ директорами, а я спокойнѣе буду возсѣдать на высотѣ. По крайней мѣрѣ дѣйствія его были согласны съ этимъ мнѣніемъ. «Ну что вы?» сказалъ онъ мнѣ.—Да прѣхалъ откланиваться вашему высокопревосходительству.—«Куда же вы спѣшите, поживите еще съ нами».—Я уже и такъ живу здѣсь седьмой мѣсяцъ послѣ назначенія къ должности и боюсь отвѣтственности.—«О, это дѣло другое!» Вотъ нашъ разговоръ. Потомъ заговорили о чемъ-то другомъ.

Не понимаю и не помню какъ рѣчь зашла о Варшавѣ и о живущемъ въ ней, бывшемъ первомъ секретарѣ Китайскаго посольства Байковѣ, котораго лѣтъ двадцать потерялъ я изъ виду. Одно уже имя этого наглаго человѣка сдѣлалось неблагопріистойностью. Министръ съ веселымъ видомъ и весьма вольнымъ слогомъ пустился мнѣ рассказывать о его похожденияхъ, о его любовныхъ подвигахъ съ Польшками. Старый Екатерининской гусарской полковникъ мнѣ весь открылся. Моложе, я бы покраснѣлъ, а тутъ мнѣ даже не стошнилось, и въ свою очередь рассказалъ я два-три анекдота довольно соблазнительныхъ; послѣ того онъ не хотѣлъ меня выпустить. И вотъ человѣкъ, подумалъ я, который извѣстенъ своимъ умомъ и своею опытностію! О старость, старость съ молодыми привычками и желаніями!

О Керчи ни полслова; я зналъ, что все будетъ напрасно. Но за градоначальника ея началъ я ходатайствовать. При опредѣленіи въ должность всѣ губернаторы получаютъ извѣстную сумму на подъемъ и путевыя издержки; о градоначальникахъ на этотъ счетъ ничего положительнаго не было сдѣлано; вѣроятно всѣ были довольно богаты, чтобы не хлопотать о томъ; мнѣ трудно было безъ того обойтись. На просьбу мою отвѣчалъ Ланской: «пришлите мнѣ записку, я представлю ее въ Комитетъ Министровъ; я чай у васъ тамъ есть знако-

мые, да и я самъ васъ поддержу». Въ слѣдствіе того получилъ я пять тысячъ рублей ассигнаціями.

«Да кстати, вдругъ сказалъ онъ, представлялись ли вы Государю?»—Нѣтъ, я не почиталъ себя довольно важной особой, чтобы удостоиться сей чести. «Такъ если не представлялись, то должны по крайней мѣрѣ откланиваться: это необходимо.» Это меня изумило, то есть обрадовало и вмѣстѣ испугало. Съ ребячества, по примѣру Нѣмецкаго учителя моего Мута, зналъ я наизусть генеалогію всѣхъ владѣтельныхъ домовъ въ Европѣ, но судьба не допускала меня находиться вмѣстѣ съ самымъ мелкимъ изъ ихъ многочисленныхъ членовъ. Отъ того высоко стояли они въ глазахъ моихъ: я смотрѣлъ на нихъ почти какъ на историческія лица. И вдругъ долженъ я предстать предъ тѣмъ, который несравненно ихъ выше, передъ державной владыкой своимъ, увидѣть на яву того къмъ я бредилъ!

Повинуясь необходимости, напередъ поѣхалъ я къ оберъ-камергеру графу Литтѣ, который долженъ былъ меня представить. Уже въ старости былъ онъ еще красивымъ геркулесомъ, съ голосомъ стентора, и женатъ на одной изъ племянницъ князя Потемкина, сестрѣ графини Браницкой и княгини Голицыной. Я лично былъ съ нимъ знакомъ, много разъ обѣдалъ у него, но нѣсколько лѣтъ какъ отъ вельможескихъ знакомствъ уклонился. Мнѣ совѣстно было явиться къ нему, однако онъ принялъ меня благосклонно, и вскорѣ потомъ былъ я извѣщенъ о днѣ представленія.

Наступилъ для меня сей великій день, Воскресенье 23 Января 1827 года. Въ назначенный часъ явился я въ Аничковскій дворецъ, въ которомъ по временамъ любилъ жить новый Императоръ, какъ вмѣстѣ напоминающемъ ему молодость его и семейное счастье. Продавъ съ нѣкоторыми другими гражданскими чиновниками первыхъ пяти классовъ болѣе получаса въ какой-то залѣ, насъ позвали въ комнату предъ царскимъ кабинетомъ. Не буду описывать тревожнаго духа, съ какимъ вошелъ я въ нее. Отворилась дверь, и вышелъ человекъ весьма еще молодой, высокаго роста, тоненькій, жиденькій, блѣдный, съ нагнутыми нѣсколько плечами и со взглядомъ совсѣмъ не суровымъ, какимъ ожидалъ я его. Откуда взялись у него черезъ два года спустя, вмѣстѣ съ стройностію тѣла, эти богатырскія формы, эти широкія грудь и плеча, это высокоподъятое величественное чело? Тогда еще ничего этого не было. Надобно было ему обойти напередъ всѣхъ представляющихся, чтобы дойти до меня; ибо я всѣхъ моложе былъ чиномъ: кажется, было мнѣ довольно времени, чтобы ободриться; напротивъ, смятеніе мое все болѣе возрастало. Когда же съ привѣтливою улыбкой онъ обратилъ ко мнѣ нѣсколько привѣтливыхъ словъ,

то въ одну секунду вѣрноподданическій мой страхъ превратился въ неизъяснимую радость. Онъ сказалъ, «что Керчь по положенію своему можетъ сдѣлаться большимъ, богатымъ, торговымъ городомъ, и что онъ ожидаетъ того; ибо городокъ сей отданъ въ хорошія руки, прибавивъ, что много слышавъ обо мнѣ съ самой лучшей стороны.» Не помню, что отвѣчалъ я; но помнится только, что не совсѣмъ глупо. Керчь, ужасная ссылка! Послѣ того я такъ бы и полетѣлъ въ тебя. И что я говорю? Послѣ этого представленія, опять полюбилъ я жизнь и ею радъ бы былъ пожертвовать для него.

Тотчасъ за тѣмъ въ другой залъ послѣдовало другое представленіе, молодой Императрицѣ. Я увидѣлъ женщину стройную, хотя не съ веселымъ, однакоже съ наипрѣятнѣйшимъ лицомъ, премиленькую барыньку или барышню, щеголевато одѣтую по послѣдней модѣ. Тогда былъ трауръ по герцогу Йоркскомъ, и хотя она была въ черномъ платьѣ, однако бархатномъ съ цвѣтными лентами и въ беретѣ, только что вошедшемъ въ употребленіе головномъ уборѣ, который мнѣ показался весьма страннымъ. Не говоря ни слова, пожаловала она мнѣ ручку, которую я поцѣловалъ. У меня что-то въ сердце стѣснилось: по моимъ стариннымъ понятіямъ, Русскую Царицу хотѣлось бы мнѣ видѣть отличною отъ всѣхъ другихъ смертныхъ женъ, какъ бы онѣ красивы ни были. А все таки, смотря на нее, такъ сказать сквозь супруга ея, я благоговѣлъ передъ нею.

Тѣмъ все еще не кончилось; насъ повезли въ зимній дворецъ представляться Маріи Ѳеодоровнѣ. Тутъ увидѣлъ я настоящую Императрицу. Она съ головы до ногъ одѣта была въ черное платье, по случаю кратковременнаго траура, но какъ бы въ обычное одѣяніе послѣ потери обожаемаго сына. Врожденная милость свѣтилась въ очахъ этой твердой жены, красота прежнихъ лѣтъ все еще проглядывала изъ за морщинъ, неумолимымъ временемъ наведенныхъ на лицо ея, величавый голосъ ея не терялъ благозвучія отъ картаваго слегка произношенія словъ, и въ старости ея находилъ я нѣчто еще обворожительное. Она удостоила меня разговоромъ по французски, спрашивала о прежней службѣ моей, спрашивала о Крымѣ, о его климатѣ, о его жителяхъ. Ободренный, восхищенный, я пустился врать о такой странѣ, которой еще не видалъ; сказалъ, что недѣли черезъ три или четыре надѣюсь найдти тамъ розы, а она сказала, что ей пріятно думать о счастіи, коимъ могутъ пользоваться поселяющіеся въ томъ краю. Эти десять минутъ разговора остались самой блестящей точкой въ моихъ воспоминаніяхъ.

Уставши отъ различныхъ сильныхъ ощущеній въ это утро, я какъ не свой воротился къ себѣ и съ того же дня дѣятельно принялся

за сборы къ отъѣзду. Они продолжались около недѣли, и наконецъ, прощаясь съ любезными моему сердцу, я просилъ ихъ не забывать, не оставлять меня, можно сказать въ чужой, дальней сторонѣ.

VI.

Ровно черезъ недѣлю послѣ представленія моего, въ Воскресенье 30 Генваря въ восемь часовъ утра, оставилъ я Петербургъ. Зима стояла въ немъ такая теплая, какой не запомню; только 14 Декабря, въ день годовщины послѣ бунта, Нева покрылась льдомъ, и въ Генварѣ при всякомъ появленіи солнца таяло на мостовой и капало съ крышекъ. Отъ того и мнѣ по шоссе ѣхать было трудно, особливо въ коляскѣ на полозьяхъ. Однако, понадѣясь на возрастающія силы, съ горяча въ первый день сдѣлалъ я 140 верстъ, но въ Чудовѣ принужденъ былъ остановиться и ночевать.

На другой день опять долженъ былъ я остановиться въ Новгородѣ, чтобы отдохнуть, отобѣдать и попытаться увидѣть содержащагося подъ стражей племянника моего Алексѣева; но меня къ нему не пустили, и я поѣхалъ далѣе. За Бронницами прекращалось тогда шоссе, на дорогѣ было гораздо болѣе снѣгу, особенно въ Валдайскихъ горахъ, и отъ того-то могъ бы я ѣхать шибче; но оставшаяся слабость не позволяла мнѣ и ста верстъ сдѣлать въ сутки и каждую ночь заставляла ночевать. Такимъ образомъ по легоньку дотащился я до Москвы, 5 Февраля по утру.

Грустная встрѣча ожидала меня въ ней. Хотя зять мой генералъ Алексѣевъ физически и немного пострадалъ отъ перваго удара паралича, но весь нравъ его измѣнился: постоянная задумчивость замѣнила въ немъ бодрость, шутливость, безпечность, которыя прежде никогда его не покидали; а бѣдная сестра моя, укрѣпясь вѣрою, старалась показывать твердость, но глубокая горестъ ее снѣдавшая, всегда была замѣтна. Надъ ихъ первенцемъ все еще висѣлъ мечъ неправосудія. У нихъ остановился я и сколько было возможно старался ободрить, обнадежить и развеселить ихъ. Люди въ слѣдъ за Фортуной бѣгутъ отъ печали; немногіе только короткіе часто навѣщали ихъ, посѣщенія же другихъ знакомыхъ все болѣе рѣдѣли. И по чувству, и по обязанности большую часть времени проводилъ я съ ними, а нельзя же мнѣ было не пожелать увидѣть нѣсколькихъ пріятныхъ или почтенныхъ знакомыхъ въ Москвѣ.

Въ Аглинскомъ клубѣ встрѣтилъ я Ив. Ив. Дмитріева, и въ этотъ пріѣздъ знакомство мое съ нимъ завязалось покороче. Если бы частыя, утреннія посѣщенія мои ему наскучили, я бы тотчасъ замѣтилъ; но,

кажется, было совсѣмъ противное. Онъ былъ всегда степенно веселъ, пока разговоръ не касался недавно умершаго друга его Карамзина. Одинъ разъ позвалъ онъ меня къ себѣ обѣдать вмѣстѣ съ нѣкоторыми литераторами и полулитераторами, коихъ не вижу нужды называть здѣсь. Замѣчательнъ былъ мнѣ сильный споръ, который послѣ обѣда зашелъ о романтизмѣ и классицизмѣ. Въ Бессарабіи и потомъ въ Петербургскомъ уединеніи моемъ едва подозрѣвалъ я существованіе перваго, а тутъ позналъ, сколько силы онъ уже успѣлъ приобрѣсть.

Еще захотѣлось мнѣ видѣть другаго старика, котораго общество мнѣ было столь же пріятно, хотя въ другомъ родѣ. Швейцарецъ-Французъ Крестинъ помолодѣлъ, сталъ добрѣе съ тѣхъ поръ, какъ патронъ его, графъ д'Артуа, подъ именемъ Карла X, началъ царствовать во Франціи. Душа его рвалась туда, онъ мечталъ о переселеніи; многолѣтнія привычки, удобная, красивая осѣдность, собственный домъ, старость, а паче всего старая вѣдьма, графиня де-Броль, его околдовавшая, приковывали его къ Москвѣ. У него часто бывалъ одинъ прескучный, по моему даже нелѣпый, Французъ Декампъ, который пріѣхалъ съ тѣмъ, чтобы на публичныхъ лекціяхъ преподавать новѣйшую Французскую литературу, и Крестинъ помогалъ ему набирать подписчиковъ и слушателей. Онъ съ глубокимъ презрѣніемъ говорилъ о Расинѣ, о Буало и даже о поэтическомъ талантѣ Волтера, и все называлъ новѣйшихъ писателей, Виктора Гюго и другихъ, которыхъ гениальныя мысли, не стѣсненные узами правилъ Аристота, возьмутъ высокой полетъ и должны удивить міръ своею смѣлостію. «Да вѣдь совершенное безначаліе въ словесности рано или поздно должно повлечь за собою ниспроверженіе законныхъ властей и постановленій», говорилъ я ультра-легитимисту Крестину, и никакъ не могъ того растолковать ему. Французъ, какъ бы уменъ ни былъ, если нѣтъ основательности въ разсудкѣ, всегда будетъ прельщаться всякой новизной.

Нѣсколько лѣтъ уже тогда завелась въ Москвѣ Итальянская труппа; она играла на небольшомъ театрѣ въ домѣ Ст. Ст. Апраксина, у Арбатскихъ воротъ. Но въ эту зиму онъ умеръ; вмѣстѣ съ его жизнію должно было прекратиться и ея существованіе; послѣднія представленія ея были на Масляницѣ. Истинныхъ любителей музыки, какъ и всегда, у насъ было весьма немного; подражаніе нѣсколькимъ знатымъ домамъ, мода—поддерживали сіе частное заведеніе, которое, впрочемъ, обходилось довольно дешево. Но и тутъ говорили, будто тотъ самый Геденовъ, который послѣ управлялъ императорскими театрами, а тогда завѣдывалъ кассой этой труппы, не всегда держалъ ее въ исправности и часто черпалъ изъ нея. Мнѣ хотѣлось испытать, выдержать ли мои нервы громкіе звуки оперы, и я поѣхалъ слушать Ворону-Воровку,

России; къ большому удовольствію, которое я ощутилъ, примѣшалось еще нѣчто похожее на боль. Примадона мадамъ Анти имѣла препріятный голосъ; тенора звали, кажется, Перуцци, а у Този былъ славный басъ. Все вмѣстѣ было прекрасно, все было гораздо выше Одесской посредственности, хотя далеко отъ совершенства, которымъ гораздо позже восхищались мы въ Петербургѣ. Тамъ было ужасно дорого и превосходно, а тутъ дешево и мило; послѣднее, мнѣ кажется, лучше, ибо болѣшему числу людей доставляетъ средства часто наслаждаться.

Тутъ въ креслахъ встрѣтилъ я двухъ Одесскихъ знакомыхъ, Пушкина и Завалевскаго. Увидя перваго, я чуть не вскрикнулъ отъ радости; при видѣ втораго едва не зѣвнулъ. Послѣ ссылки въ Псковской деревнѣ, Москва должна была раемъ показаться Пушкину, который съ малолѣтства въ ней не бывалъ и на неопредѣленное время въ ней остался. Я узналъ отъ него о мѣстѣ его жительства и на другой же день поѣхалъ его отыскивать. Это было почти наканунѣ моего отъѣзда, и оттого не болѣе двухъ разъ могъ я видѣть его; сомнѣваюсь, однако, еслибъ и продлилось мое пребываніе, захотѣлъ ли бы я видѣть его иначе, какъ у себя. Онъ весь еще исполненъ былъ молодой живости и вновь попался на разгульную жизнь: общество его не могло быть моимъ. Особенно не понравился мнѣ хозяинъ его квартиры, нѣкто Соболевскій. Хотя у него не было ни роду, ни племени, однако нельзя было назвать его непомнящимъ родства, ибо недавно умерла мать его, нѣкая богатая вдова, Анна Ивановна Лобкова, оставивъ ему хорошій достатокъ, и незаконный отецъ его, Александръ Николаевичъ Соймоновъ никакъ отъ него не отпирался, хотя и не имѣлъ большихъ причинъ его любить. Такого рода люди, какъ уже гдѣ-то сказалъ я, все берутъ съ бою и наглостью стараются предупредить ожидаемое презрѣніе. Этотъ былъ остроумень, даже уменъ и расчетливъ и не имѣлъ никакихъ видимыхъ пороковъ. Онъ легко могъ бы имѣть большіе успѣхи и по службѣ, и въ снисходительномъ нашемъ обществѣ, но надобно было подчинить себя требованіямъ обоихъ. Это было ему невозможно, самолюбіе его было слишкомъ велико. Оставивъ службу въ самомъ маломъ чинѣ, онъ жилъ всегда посреди такъ называемой холостой компаніи. Слегка уцѣпившись за добродушнаго Жуковскаго, попалъ онъ и на Вяземскаго; безъ увлеченія, безъ упоенія раздѣлялъ онъ шумныя его забавы и сталъ искать связей со всѣми молодыми литературными знаменитостями. Какъ Николай Перовскій лѣзъ на знатность, такъ этотъ карабкался на равенство съ людьми извѣстными по своимъ талантамъ. Находка былъ для него Пушкинъ, который такъ охотно давалъ тогда фамиліарничать съ собою: онъ помѣстилъ его у себя, подчивалъ славными завтраками, смѣшилъ своими холодными шутками и забавлялъ

его всячески. Не имѣя ни къ кому привязанности, человѣкъ этотъ былъ желченъ, завистливъ и за всякое невниманіе лицъ, ему даже вовсе постороннихъ, спѣшилъ мстить довольно забавными эпиграммами въ стихахъ, кои для успѣха приписывалъ Пушкину. Сего не совсѣмъ любезнаго оригинала случится, можетъ быть, встрѣтить на полѣ, нѣсколько болѣе обширномъ.

Прошло около двухъ недѣль. Съ самаго пріѣзда, рассчитывая, что зимній путь долженъ прекратиться для меня въ Харьковѣ, на наемныхъ отправилъ я туда коляску свою, а самъ купилъ дешевую, зимнюю кибитку, дабы легче мнѣ было ѣхать. Послѣ обѣда, 19 Февраля, почти въ сумерки, оставилъ я Москву и ночевалъ въ Подольскѣ. На другой день, сколь возможно сберегая силы свои, опять остановился я ночевать на послѣдней станціи не доѣзжая Тулы, куда и прибылъ я 21 числа рано поутру.

По предложенію, сдѣланному мнѣ въ Петербургѣ Тульскимъ губернаторомъ, Николаемъ Сергѣевичемъ Тухачевскимъ, двоюроднымъ братомъ моимъ, и повторенному въ Москвѣ супругой его Надеждой Александровной, вѣхалъ я прямо въ ихъ губернаторскій домъ, гдѣ и былъ встрѣченъ двумя пожилыми дѣвами, сестрами его, Ольгой и Пелагеей Сергѣевными. Онѣ показали мнѣ письмо, коимъ поручаетъ онъ имъ, въ его отсутствіи, угостить меня какъ нельзя лучше; онѣ и сами готовы были сіе сдѣлать, говорили онѣ, и безъ его предувѣдомленія, по обязанности родства. Ихъ мать, а моя родная тетка, Елисавета Петровна 1821 года скончалась въ домѣ сестры своей, а моей матери, и была похоронена въ нашей Симбуховской сельской церкви. Съ 1815 года не упоминалъ я объ этомъ семействѣ, а теперь пришлось къ слову. Дѣла бѣднаго Тухачевского были не въ лучшемъ положеніи: вслѣдствіе доноса по дѣлу о какихъ-то расхищенныхъ казенныхъ лѣсахъ въ Архангельской губерніи, гдѣ онъ тогда находился вице-губернаторомъ, былъ онъ вызванъ въ Петербургъ. Слѣдствіе началось за нѣсколько дней до моего отъѣзда и не обѣщало хорошаго конца. Жена его въ Москвѣ отъ нервныхъ припадковъ лѣчила дочь, которая совершенно разошлась уже съ мужемъ, Кусовымъ. Состояніе ихъ было плохое; не знаю, исключая жалованья, какія средства представляло имъ губернаторское мѣсто, чтобы жить открыто; я думаю, болѣе всего средство дѣлать долги. Цѣлые сутки продержали меня двоюродныя сестры мои, закармили и не иначе выпустили какъ на слѣдующее утро. Никого у нихъ я не видѣлъ; день былъ будничныи, великопостный, и не скажу, чтобы я весело провелъ его.

Послѣдній день, въ который хорошо могъ я ѣхать на саняхъ, былъ 22 Февраля: подморозило и дорога была гладкая. Необходимо мнѣ было

скорѣе воспользоваться ею, и я рѣшился ѣхать день и ночь: только, пріѣхавъ 23 по утру въ Орель почувствовалъ ужаснѣйшую усталость и долженъ былъ остановиться. На постояломъ дворѣ комната была теплая, стѣны ея такъ же чисты и бѣлы какъ и постель, на которую я опустился. Но пока я поѣлъ, выспался, погода перемѣнилась, сдѣлалась большая оттепель, я опять заторопился и въ тотъ же вечеръ пустился далѣе.

Ну ужъ ночь была! Глубокой снѣгъ растаялъ, лошади и повозка безпрестанно проваливались, везущіе и ѣдущіе совсѣмъ выбились изъ мочи, когда показался пасмурный день. Все таки днемъ было виднѣе, слѣдственно лучше ѣхать. Какъ ни старался я въ этотъ день быть неутомимымъ, однако не могъ доѣхать до Курска: за двѣ станціи до этого города остановился я въ каменномъ, чистенькомъ почтовомъ домикѣ. Отъ часу становилось не легче; 25-го яркое солнце освѣтило полурастаявшія снѣжныя равнины. Видно, я спѣшилъ, что въ Курскѣ, остановясь подлѣ огромной гостиницы богатаго Феодора Марковича Полторацкаго, я не вошелъ въ нее, не выходилъ изъ повозки и что-то далѣе, дабы мнѣ скорѣе привели лошадей. Цѣлые водопады съ шумомъ лились по бокамъ улицъ этого гористаго города. На ночь однако опять я остановился въ такомъ же чистенькомъ казенномъ строеніи.

Знакомаго мнѣ губернатора Кожухова не было уже въ Курскѣ: въ концѣ истекшаго года онъ былъ отставленъ. На его мѣсто назначенъ тоже знакомый мнѣ генераль-маіоръ Степанъ Ивановичъ Лѣсовскій, который полковникомъ во Франціи былъ подъ начальствомъ Алексѣева и командовалъ Кинбургскимъ драгунскимъ полкомъ; но и онъ еще не пріѣзжалъ. Замѣтить должно, что съ самаго начала этого царствованія строго принялись за губернаторовъ и одного послѣ другаго спѣшили удалить, какъ бы съ тѣмъ, чтобы истребить память незабвеннаго брата ихъ опредѣлившаго. Особенно сей участи подверглись всѣ тѣ, кои были покровительствуемы Аракчеевымъ; всѣхъ называть не буду, а укажу только на Жеребцова въ Новгородѣ и на Тухачевскаго въ Тулѣ. Имъ наслѣдовали люди рѣшительно хуже ихъ и долго не оставались на мѣстахъ. Кожуховъ пользовался особою милостію покойнаго Государя, былъ примѣрнымъ начальникомъ губерніи, былъ строгъ въ этой безпокойной сторонѣ и сохранялъ въ ней порядокъ, который никогда уже послѣ того тамъ водворенъ быть не могъ.

Все болѣе подвигаясь на Югъ и 26-го рано поутру проѣхавъ городокъ Обоянъ, потащился я то по снѣгу, то по голой мокрой землѣ и такимъ образомъ дотащился до Бѣлгорода еще засвѣтло. Не по доброй волѣ остановился я въ семъ довольно большомъ уѣздномъ городѣ, нѣкогда губернскомъ, пограничной крѣпости и мѣстопробываніи

епархіального архіерея, носившаго его имя: мнѣ совершенно отказали дать почтовыхъ лошадей подъ зимнюю повозку. Я былъ въ отчаяніи, не зналъ что предпринять; а между тѣмъ остался въ уютной комнатѣ небольшой гостиницы, напротивъ какого-то богатаго женскаго монастыря. Въ продолженіи вечера успѣлъ я надуматься и рѣшился на отважное дѣло: оставалось еще 73 версты до Харькова; ихъ проѣхать въ двухъ перекладныхъ, хотя крытыхъ телѣгахъ согласился я, живаго или мертваго привезуть меня въ сію спасительную пристань, гдѣ ожидалъ я найти свою коляску. Кибитку свою продать мнѣ нельзя было; я отдалъ ее въ уплату за ночлегъ и за кушанье. День былъ пасмурный, сырой, холодный, 27 Февраля, когда рано поутру выѣхалъ я изъ Бѣлгорода. Крохи снѣга не было въ полѣ, за то грязь препорядочная, и я съ какимъ-то остервененіемъ выносилъ получаемые мною толчки. На послѣдней станціи показалось солнце; ему стоило немного усилій и времени, чтобы разогрѣть воздухъ, и совсѣмъ повѣяло весной, когда часу во второмъ по полудни пріѣхалъ я въ Харьковъ.

Спросивъ, гдѣ могу найти я лучшее помѣщеніе, мнѣ сказали, что единственная гостиница находится въ центрѣ города, и что тамъ же и клубъ или зала благороднаго собранія по примѣру другихъ губернскихъ городовъ. Содержателемъ былъ нѣкто Матусковъ, историческое лицо въ лѣтописяхъ Харьковскихъ, котораго значительность возрастала вмѣстѣ съ умноженіемъ народонаселенія и благосостоянія сего города. Сдѣланный Екатериною губернскимъ, онъ все еще походилъ при ней на большую Малороссійскую деревню. При Александрѣ основанъ университетъ его и учреждены въ немъ четыре яманки, отъ чего онъ быстро поднялся. Множество храмовъ, каменныхъ зданій и правильныя улицы украшали его, когда въ первый разъ я его увидѣлъ. Но, о горе! весенней грязью могъ онъ поспорить съ Одессой. Въ первый день я не обратилъ на то большаго вниманія; ибо, довольный отведеннымъ мнѣ номеромъ, послѣ сильнаго потрясенія, я до слѣдующаго утра съ нимъ не разставался. Я не имѣлъ чести увидѣть самаго г. Матускова, или просто Матуска, какъ служители его называли, и въ томъ не было большой нужды: столь былъ отличный, дешевый и прислуга самая исправная.

Первой заботой моею по пріѣздѣ въ Харьковъ было послать по всѣмъ постоялымъ и ямскимъ дворамъ узнать о пріѣздѣ моей коляски; но не было объ ней ни слуху ни духу, что повергло меня въ величайшее смущеніе, особенно когда на другой день узналъ я, что всѣ сообщенія затруднены непроходимую грязью. Итакъ я принужденъ на неопредѣленное время оставаться въ мѣстѣ мнѣ совершенно незнакомомъ, или тягаться, переписываться и добиваться своей собственности, или

за дорогую цѣну кушитъ новый вегикулъ *), оставаться въ уединенной своей комнатѣ, безъ книгъ, безъ развлеченій и безъ возможности малѣйшей прогулки по улицамъ. Какое неожиданное тюремное заключеніе!

Однако на другое утро захотѣлось мнѣ, хотя на малое время, вырваться изъ него, глядя въ окно на ясное небо. Вышедъ на улицу, увидѣлъ я вдали извозчика съ парюю лошадей и сопровождавшему меня трактирному слугѣ сказалъ, чтобы онъ кликнулъ его. Тотъ закричалъ, видно, знакомцу: Бутковъ, сюда! Подъѣхалъ сей, по мнѣнію моему, похититель славнаго дворянскаго имени; я сѣлъ на его дрожки и велѣлъ ѣхать сперва куда нибудь. Въ послѣдствіи по разпросамъ узналъ я, что многочисленнымъ родомъ Бутковыхъ, отъ единаго корня происходящимъ, изобилуетъ Харьковская губернія и частію Екатеринославская и что онъ производитъ въ одно время и воиновъ, и гражданскихъ чиновниковъ, и священниковъ, и церковнослужителей, и ремесленниковъ, и пахарей. Проѣхавъ не безъ труда нѣсколько десятковъ сажень съ моимъ высокоимяннымъ возницею, мнѣ вдругъ пришло въ голову отправиться къ губернатору.

Сію должность занималъ тогда Василій Гавриловичъ Муратовъ, который прежде того долго служилъ по дипломатической части. Я мало зналъ его, хотя нѣсколько разъ мелькомъ встрѣчался съ нимъ въ жизни. Въ Воронежѣ когда-то братъ повезъ меня на балъ, данный по случаю брака его съ дѣвицей Гардениной. Въ первый разъ его увидѣлъ я, когда подавалъ Растопчину просьбу объ опредѣленіи меня въ Иностранную Коллегію; въ послѣдній, когда черезъ него подавалъ канцлеру Воронцову просьбу объ увольненіи меня изъ оной; оба раза показавъ онъ себя учтивымъ и обязательнымъ. И тутъ принялъ меня какъ нельзя лучше, обнадежилъ, что велитъ постараться отыскать экипажъ мой и сказалъ, что самъ ко мнѣ явится съ приглашеніемъ на обѣдъ. Онъ почитался примѣрнымъ губернаторомъ, былъ дѣятеленъ, честенъ, строгъ и справедливъ, но, благодаря особому покровительству Аракчеева, бывалъ иногда нѣсколько самоуправенъ, и я предвидѣлъ, что ему на мѣстѣ нельзя будетъ остаться.

Въ слѣдъ за посѣщеніемъ моимъ засадилъ онъ меня въ карантинъ. Смотря по времени, извозчики брали непомѣрную цѣну за ѣзду; онъ велѣлъ съ 1 Марта положить умѣренную таксу, и ни одинъ изъ нихъ не сталъ являться на улицахъ; пѣшкомъ же ходить не было возможности. Но и тутъ судьба послала мнѣ спасителя, утѣшителя, о коемъ говорить буду ниже. Когда г. Муратовъ посѣтилъ меня, разговоръ нашъ сначала былъ самый пріязненный; но лишь только вымолвилъ

*) Véhicule (по дурпой привычкѣ я часто употребляю Французскіи слова).

я, что наканунѣ отыскалъ и навѣстилъ меня вице-губернаторъ, мой давнишній знакомый, какъ вдругъ обращеніе его перемѣнилось, чело его наморщилося, и онъ поспѣшилъ меня оставить; о новомъ свиданіи и объ обѣдѣ уже слова не было. Гдѣ же мнѣ было знать, что между сими господами величайшая вражда? И вотъ какъ въ провинціи и умные люди становятся мелочны, раздражительны и забываютъ законы приличія.

Утѣшитель, о коемъ сейчасъ упомянулъ, былъ Дмитрій Андреевичъ Донецъ-Захаржевскій, хотя не изъ числа пріятелей, а издавна весьма добрый знакомый. Около года находился онъ тутъ вице-губернаторомъ. Человѣкъ онъ былъ весьма достаточный, не слишкомъ способный къ дѣламъ, и служилъ неохотно, только по мягкосердію своему, изъ угожденія къ родителямъ и роднымъ. По ихъ же настаиванію женился онъ на мужевидной дочери извѣстнаго при Екатеринѣ генераль-прокурора графа Самойлова, Еленѣ Александровнѣ, но скоро долженъ былъ съ ней разстаться, убѣдившись, что она одного почти съ нимъ пола; вообще имѣлъ онъ самыя блистательныя родственныя связи. Онъ рожденъ былъ артистомъ, искусно рисовалъ и прекрасно игралъ на фортепіано; комнаты его всегда были наполнены изрядными картинами, превосходными эстампами и множествомъ рѣдкихъ артистическихъ мелочей, коихъ былъ онъ постояннымъ собирателемъ. Кроткій, уступчивый нравъ его иныхъ обманывалъ; ибо онъ отнюдь не лишенъ былъ самолюбія, которое не допускаетъ даромъ давать себя въ обиду. Онъ былъ довольно дикъ, чуждался общества даже провинціального и въ уединеніи своемъ обрадовался, узнавъ о моемъ пріѣздѣ; а послѣ ему стало меня жаль. Дабы сколько нибудь отогнать отъ меня скуку, предложилъ онъ мнѣ всякой день передъ самымъ обѣдомъ присылать за мной легонькія дрожки, запряженныя лихой тройкой и тѣмъ же образомъ и путемъ каждый вечеръ отвозить меня домой; сверхъ того снабдилъ онъ меня книгами по моему выбору. Такъ провелъ я нѣсколько дней; безъ него не знаю, что бы со мною случилось.

Непонятно, какъ губернаторъ могъ дойти до сильной ссоры съ этимъ человѣкомъ совершенно безъ претензій. Не расчелъ также Муратовъ, что родная сестра Захаржевскаго, Елисавета Андреевна была въ замужествѣ за всемогущимъ тогда Бенкендорфомъ. Онъ не зналъ за собой никакой вины, шелъ прямымъ путемъ и полагалъ, что сего достаточно, чтобы оставаться на мѣстѣ, даже безъ особой поддержки. Черезъ мѣсяцъ послѣ того могъ онъ узнать, сколько ошибался: его безъ просьбы отставили отъ службы.

Наконецъ, 4 Марта пришли мнѣ сказать о прибытіи моей коляски; ее нужно было починить, и это задержало меня еще два дни. Напрасно

думаютъ, что на Югѣ въ Мартѣ все цвѣтетъ: тамъ онъ почитается худшимъ мѣсяцемъ въ году. Зима не жестокая, слабая, дремлющая въ предыдущіе мѣсяцы, вдругъ какъ будто пробуждается и вступаетъ въ нервный, не менѣе того лютой, бой съ весною все болѣе возрастающею. Въ южной Франціи кто не страшится *giboulées de Mars*, отъ которыхъ иногда гибнуть сливы и виноградныя лозы? Нѣчто подобное можно встрѣтить и въ нашей полуденной Россіи. Хуже дня для выѣзда не могъ я выбрать какъ Воскресенье 6 Марта: дотолѣ все хорошо было въ воздухѣ, спокойно, свѣтло, и тепло; вдругъ откуда ни возмись ураганъ, который разыгрался не въ одномъ этомъ мѣстѣ; цѣлыя сучки свирѣпствовали онъ по всей Украйнѣ и въ прилежащихъ къ ней двухъ Новороссійскихъ губерніяхъ, можетъ быть и далѣе, ломалъ деревья, срывалъ крыши и трубы; свистъ и шумъ были оглушительны; холодный дождь шелъ безпрестанно, а порывы бури, иногда удерживая его въ воздухѣ, сильными ручьями ниспровергали его потомъ на землю. Сколько разъ казалось мнѣ, что вѣтеръ готовъ опрокинуть мою коляску; ее качало со стороны на сторону, какъ бы ладью въ морѣ. Мнѣ хотѣлось было середь дня остановиться на первой станціи Мерэфъ: у зрителя была довольно просторная комната; но въ ней помѣщалось все семейство его, крикливыя дѣти и больная, умирающая, вѣчно охающая мать его; прислониться было негдѣ, и я принужденъ былъ пуститься далѣе. Наконецъ, благополучно доѣхалъ я до второй станціи, изряднаго мѣстечка Водолаги, гдѣ находилось тогда шелко-вичное заведеніе и гдѣ нашелъ я изрядный пріютъ. Выѣхавъ когда едва только разсвѣтало и пріѣхавъ когда смерклось, въ борьбѣ съ стихіями, всего сдѣлалъ я только 45 верстъ.

Буря утихала и дождикъ унялся на другой день, но грязь сдѣлалась глубже и вязче. Отъ того и въ этотъ день немного болѣе я отѣхалъ и былъ очень доволенъ, когда вечеромъ могъ остановиться въ уѣздномъ городѣ Константинѣ; градъ у одной старой доброй вдовы, которая комнаты свои за умѣренную цѣну отдавала проѣзжимъ. Они были такъ опрятны и теплы, что послѣ ночевки я не безъ сожалѣнія съ ними расстался. На этомъ пути какъ не замѣтить постепеннаго распространенія Россіи? Бѣлгородъ былъ нѣкогда пограничная крѣпость, около которой поселилась слобода; граница отдалилась, крѣпость упразднена, и слобода, обращенная въ городъ, сдѣлалась мѣстомъ центрального управленія губерніей. Тоже самое было и съ Константиноградомъ: тутъ былъ поселенъ Бѣлевскій пѣхотный полкъ и потому названа Бѣлевская крѣпость, построенная для защиты слободъ Украинскихъ отъ Татарскихъ и Запорожскихъ набѣговъ. Прошло время, и крѣпость, какъ болѣе ненужная, хотя не срыта, но обезоружена и сдѣ-

лалась складочнымъ мѣстомъ для военныхъ припасовъ. Она вмѣстѣ съ преобладающимъ казеннымъ плодовитымъ садомъ, известнымъ во всей сторонѣ, придава значительность сему городку и способствовала къ умноженію въ немъ населенія. Екатерина любила давать городамъ Новороссійскаго края, къ которому и Бѣлевскъ былъ приписанъ, имена своихъ дѣтей и внуковъ; вотъ почему и этотъ въ честь Константина Павловича названъ Константиноградомъ. Теперь онъ уѣзднымъ въ Полтавской губерніи.

Предъ восхожденіемъ солнца, 8 числа, прояснѣло и сдѣлался маленькій морозъ; тоненькій ледокъ покрылъ грязь и лужи; но колеса мои прорѣзывали его, и мнѣ отъ того было нелегче. Ужъ я ѣхалъ, ѣхалъ, а когда совсѣмъ смерклося, все еще не доѣхалъ до мѣста назначеннаго мною для отдохновенія. Въ глубокую ночь спустился я пѣшкомъ по крутой, каменистой горѣ, не доѣзжая Новомосковска и, наконецъ, попалъ въ него. Тутъ также была прежде Московская крѣпость, воздвигнутая почти посреди Запорожскихъ куреней. Ея и слѣдовъ нѣтъ, а вмѣсто нея народонаселеніе, состоящее изъ десяти тысячъ душъ, по большей части, говорятъ, старовѣровъ, покрываетъ собою тутъ пространство болѣе чѣмъ на пять верстъ. У каждаго жителя своя усадьба со дворомъ и съ садомъ; и отъ того нескоро могъ я добраться до убѣжища, которое на эту ночь должно было укрыть меня. Отъ Новомосковска до Екатеринослава оставалось всего тридцать верстъ; я довольно скоро проѣхалъ ихъ 9-го поутру. Тутъ опять предсталъ мнѣ старый другъ мой, Днѣпръ, въ священныя волны котораго столько разъ погружался я отрокомъ. Сердце разыграло во мнѣ, когда проѣзжалъ я по наведенному чрезъ него плывучему мосту.

По выѣздѣ изъ Харькова только въ четвертые сутки пріѣхалъ я въ Екатеринославъ, а всего не съ большимъ двѣсти верстъ. Во всемъ губернскомъ городѣ не было ни одной гостиницы, а какой-то заѣзжий домъ, куда меня привезли, и гдѣ не знаю чѣмъ бы я могъ покориться. Но иногда хорошо имѣть большое знакомство. Не прошло часу, какъ на заѣзжемъ дворѣ явились дрожки парой, и кучеръ съ запиской отъ полковника Пѣейлицера Франка, объ которомъ такъ давно не было помину. Онъ писалъ ко мнѣ, что онъ боленъ, безъ чего самъ бы пріѣхалъ ко мнѣ, что онъ гостить у роднаго, женатаго брата, отставнаго полковника же Франка, губернскаго предводителя, и что они всѣмъ семействомъ приглашаютъ меня обѣдать запросто, хотя бы въ дорожномъ платьѣ. Вотъ что было причиною сего внезапнаго приглашенія: обширный домъ господина Франка находился почти у самаго выѣзда и стоялъ на высотѣ, отъ которой садъ шелъ прямо внизъ ко Днѣпру, и откуда въ близи были видны Заднѣпровье и мостъ. Появленіе, на

немъ путешественника въ коляскѣ на почтовыхъ было тогда происшествіемъ. Весьма еще немногіе посѣщали тогда Крымъ, почти никто по этой дорогѣ, и особенно въ это время года; всѣ отправлялись сперва въ Одессу, единственный Новороссійской городъ извѣстный тогда нашему Сѣверу, а оттуда, если вздумается, то пожалуй и въ Тавриду. Жизнь была самая единообразная, скучная и отъ того возбуждала любопытство къ предметамъ, кои въ иномъ мѣстѣ остались бы безъ замѣчанія. Увидѣвъ на мосту незнакомую коляску, послали тотчасъ узнать, кто пріѣхалъ, гдѣ остановился и поспѣшили убѣдительно звать меня къ себѣ. Для этихъ Франковъ я былъ находкой, а они для меня.

Моего Франка нашелъ я дѣйствительно хворающимъ и искренно обрадованнымъ моему пріѣзду. Его звали Отто Романовичъ, а брата его Антонъ Романовичъ, отъ чего многіе путались въ разговорѣ съ ними. Послѣдній былъ въ отсутствіи, гдѣ-то въ деревнѣ, а супруга его принимала меня вмѣстѣ съ деверемъ. Не знаю, какъ завела судьба Курляндца въ Екатеринославскую губернію, и какъ, будучи не въ первой молодости, умѣлъ онъ плѣнить богатую красавицу, вдову Варвару Димитріевну Гавриленкову; это искусство, которымъ владѣютъ у насъ Нѣмцы. Огромное состояніе скоро дало ему первенство между новымъ и недавно образовавшимся дворянствомъ, и онъ игралъ въ губерніи большую роль. Неравную съ нимъ участь имѣлъ знакомецъ мой, и онъ повѣдалъ мнѣ свои горести. Года за полтора передъ тѣмъ изъ расчетовъ не столько корысти, какъ честолюбія, женился онъ на дѣвѣ, которая его и меня по крайней мѣрѣ десятью годами была старѣе. Пусть вспомнятъ въ Бѣлой Церкви Ергольскую, столь любимую и уважаемую семействомъ Браницкихъ, безъ которой старая графиня жить не могла и которая саму Воронцову называла просто Лизой. Вѣроятно Франкъ полагалъ, что за ней будетъ нивѣсть что приданого и что посредствомъ этого брака онъ поступитъ почти въ родство съ своими покровителями. И какъ онъ ошибся! Графъ и графиня Воронцовы, безъ вѣдома коихъ дѣло было полагено и совершено, не знаю почему, нашли сей поступокъ подлымъ и совершенно къ нему перемѣнились; графинѣ же Браницкой больно бы было разстаться съ своей любимицей, и она умѣла удержать ее при себѣ. Къ тому же, не находя въ супругѣ ожидаемой горячности, и сама Наталья Николаевна скоро къ нему охладѣла; жить имъ вмѣстѣ не оставалось возможности, и онъ женатъ былъ только номинально. Вотъ положеніе! Однако онъ по прежнему оставался въ службѣ; въ началѣ зимы Воронцовъ отправился къ родителю въ Англію, а онъ, пользуясь его отсутствіемъ, пріѣхалъ раздѣлить горе со счастливымъ братомъ. Замѣтивъ, что назначеніемъ въ градоначальники справедливая моя досада не совсѣмъ потушена, сталъ онъ го-

ворить со мною откровеннѣе; боговъ своихъ спустилъ онъ на землю и принялся вычитывать всѣ слабости сихъ смертныхъ.

Между тѣмъ каждый день ожидалъ меня хорошей обѣдъ, самый ласковый пріемъ, и къ услугамъ моимъ при возвратившейся хорошей погодѣ были парныя дрожки. Тутъ у г-жи Франкъ познакомился я съ губернаторомъ Алексѣемъ Ивановичемъ Свѣчиннымъ: новая жертва, обреченная несправедливости Воронцова. Онъ служилъ полковникомъ въ гвардейской артиллеріи и былъ женатъ на какой-то родственницѣ Кочубея; чрезъ его покровительство получилъ онъ мѣста сперва Полтавскаго вице-губернатора, а потомъ и Екатеринославскаго губернатора. Это было уже во время управленія нашего графа, но безъ его спроса и вѣдома; какое преступленіе могло казаться выше самодержавному Воронцову! Гоненія скоро начались, но посреди безпрестанныхъ хлопотъ и развѣздовъ прошлогоднихъ онъ не успѣлъ еще столкнуть его; потомъ уѣхалъ, и до возвращенія его Свѣчинъ могъ еще усидѣть на мѣстѣ. Онъ былъ человекъ кроткій, заботливый, безкорыстный, и въ губерніи всѣ состоянія любили его. За обѣдомъ, на которой онъ позвалъ меня, увидѣлъ я жену и дочерей его, столь же тихихъ, печальныхъ и молчаливыхъ какъ онъ самъ.

За чѣмъ было, казалось, оставаться мнѣ въ городѣ совсѣмъ не веселомъ, почти въ глуши построенномъ? Мнѣ такъ надобѣла дорога, что о продолженіи ея безъ ужаса не могъ я думать; съ часу на часъ, со дня на день откладывая свой выѣздъ, прожилъ я болѣе трехъ дней.

Сорокъ лѣтъ передъ тѣмъ Великая Екатерина въ мѣстѣ почти необитаемомъ лично положила тутъ основаніе города, который Потемкинъ назвалъ ея славою.. Черезъ четыре года онъ умеръ, и съ его смертію прекратились усилія сдѣлать его, если не великолѣпнымъ, то значительнымъ городомъ. Послѣ же смерти Екатерины все устремилось къ потушенію ея славы и къ истребленію, если возможно, воспоминанія объ оной. Павелъ Первый, хотя и оставилъ въ этомъ городѣ главное управленіе краемъ, въ немъ учрежденное, но велѣлъ ему именоваться Новороссійскъ. При Александрѣ сперва Николаевъ, Херсонъ и, наконецъ, Одесса въ дали отъ него нанесли ему смертельные удары: тамъ поселились генераль-губернаторы. Тощее существованіе его продолжалось, и ни разу Императоръ не удостоилъ его своимъ посѣщеніемъ; судьбѣ угодно было, чтобы по крайней мѣрѣ бранныя его остатки единый день въ немъ оставались.

Потемкинъ любилъ все дѣлать на слишкомъ широкую руку; отъ того затѣи его иногда не имѣли успѣха. По плану, имъ утвержденному, широкая площадь въ видѣ улицы и подъ симъ названіемъ спу- скалась съ высокой горы и въ прямомъ направленіи въ визу тяну-

лась черезъ весь городъ; по бокамъ были все низкіе домики. Единственное каменное зданіе во всемъ Екатеринославѣ былъ острогъ; ни одной каменной церкви, всѣ строенія были деревянные. Онѣ обходились дешевлѣ, ибо строевой лѣсъ изъ Малороссіи весьма удобно сплавлялся только до этого мѣста (далѣе же встрѣчались извѣстные пороги). Въ прочихъ же частяхъ каменистой Аравіи, называемой Новая Россія, нигдѣ деревяннаго болѣе найти нельзя. Возили меня также смотрѣть достопримѣчательности города. На вершинѣ горы подъ именемъ площади находится пространное, пустое поле; съ трудомъ могъ я разглядѣть на немъ нѣчто выходящее изъ земли: то были выведенныя три или четыре сажени кирпичныхъ стѣнъ собора, который величиною долженъ былъ равняться почти съ церковию Св. Петра въ Римѣ. Въ разстояніи четверти версты отсюда, по склоненію горы къ рѣкѣ, находился Потемкинскій дворецъ; онъ состоялъ изъ одной залы, которую легко можно было бы обратить въ огромный манежъ, да изъ двухъ комнатъ по бокамъ, изъ которыхъ каждую можно было бы назвать пребольшей залой; мелкихъ комнатъ было немного. Все это было безъ половъ, безъ оконъ, безъ дверей, и дождь капалъ сверху сквозь дырявую деревянную крышу. За то садъ при немъ содержался въ исправности и чистотѣ; онъ шелъ внизъ вплоть до Днѣпра и на немъ захватывалъ нѣсколько островковъ, соединенныхъ между собою полу-согнанными мостиками *).

Мнѣ предстоялъ еще предлинный путь. Пониже пороговъ, Днѣпръ круто поворачиваетъ влѣво и огибааетъ большое пространство земли. Вблизи лѣваго берега его населеніе гуще, и отъ того учрежденъ тамъ почтовый трактъ. Выѣхавъ изъ Екатеринослава, надобно сперва проѣхать неподалеку отъ знаменитаго острова Хортицы, нѣкогда Запорожской Сѣчи, или столицы, откуда казаки распространили свои завоеванія на всю Украину. Часть сего мѣста нынѣ гораздо скромнѣе: тутъ Нѣмецкая колонія, кажется Нейенбургъ; sic transit gloria mundi. Далѣе мѣстечко Канцероволь, гдѣ, если не ошибаюсь, надобно направиться съ праваго на лѣвый берегъ Днѣпра и потомъ кружиться вслѣдъ за нимъ. Добрый губернаторъ, войдя въ мое положеніе, предложилъ мнѣ средство, дабы въ этомъ мѣстѣ на двѣ трети сократить

*) Мнѣ сказывали недавно, что соборъ выстроенъ гораздо, гораздо въ меньшемъ размѣрѣ противъ предполагаемаго, что прежнія стѣны служатъ только оградой широкому мѣсту, среди коего онъ построенъ; что Потемкинскій дворецъ приобрѣтенъ городомъ; что попеченіемъ предводителя барона Франка онъ отдѣланъ хорошо и просто, что онъ служитъ дворянству для его выборовъ и его увеселеній и что, наконецъ, на пьедесталѣ возвышающаяся бронзовая статуя Екатерины Великой теряется въ неизмѣримомъ пространствѣ такъ называемой площади.

мой путь. Прямо черезъ степь верстѣ на девяносто шла особая дорога, такъ сказать поперекъ дуги, какъ тетива въ лукѣ, и упиралась опять въ Днѣпръ. По ней гоняли воловъ и ѣздили одни только солевозы. На всемъ пространствѣ, на самой срединѣ дороги, было одно только селеніе, и въ немъ только можно было перемѣнить лошадей. Г. Свѣчинъ послалъ приказаніе мнѣ заготовить ихъ тамъ.

Я на все рѣшился и выѣхалъ 13 Марта послѣ ранняго обѣда. Съ самаго Петербурга ѣхалъ я почти въ потьмахъ, закрывая со всѣхъ сторонъ коляску и сколь возможно оберегая глаза свои отъ вѣтра, солнца и стужи; тутъ предосторожности сіи мнѣ показались не нужны. День былъ пасмурный, но тихій и теплый, земля успѣла высохнуть, лугъ чудесно зеленѣлся, и мнѣ сперва любо было ѣхать, хотя ѣзда была не шибкая, ибо на однѣхъ лошадяхъ долженъ былъ я сдѣлать болѣе сорока верстѣ. Все было пустынно; очень рѣдко, и то издали высовывались изъ земли хутора, то-есть небольшія землянки, около которыхъ паслись немногія овцы. Стало смеркаться, я началъ торопить ямщика и очутился въ одинокомъ и большомъ селеніи Томаковкѣ. По милости губернатора не однѣ лошади, но и квартира была мнѣ тамъ приготовлена, и я нашелъ ее совсѣмъ не такъ тѣсной и безпокойной какъ ожидалъ. Слѣдующій день, 14 число, былъ свѣтлѣе за то и свѣжѣе; лугъ казался еще красивѣе и, говорятъ, былъ усѣянъ цвѣтами, подъ именемъ полевыхъ тюльпановъ, но я ихъ не видалъ по близорукости ли своей, или отъ того, что они, подобно фіалкамъ, прячутся подъ травой. Лошади, вѣроятно болѣе привычныя къ длиннымъ упряжкамъ, мчали меня живо и часу въ одинадцатомъ примчали въ городокъ Никополь.

Тутъ было прежде Запорожское селеніе Никитинъ Рогъ. Русскіе построили тутъ Никитинскую крѣпость, по упраздненіи ея назвали городокъ Никополемъ; не знаю, почему не Никитополемъ. Я этотъ день не ослѣпился своимъ величіемъ, хотя городничій и встрѣтилъ меня въ мундирѣ, проводилъ къ себѣ и накормилъ завтракомъ или обѣдомъ. Я зналъ, что въ городѣ безуѣздомъ и непроѣздомъ всякій путешественникъ долженъ казаться дивомъ и что отъ губернатора дано было предписаніе на счетъ моего приема. Не знаю, было ли въ инструкціяхъ г. городничаго, чтобы онъ самъ на паромѣ провожалъ меня за Днѣпръ или онъ сдѣлалъ сіе изъ особой ко мнѣ учтивости. На противномъ берегу простился я съ нимъ и вступилъ, наконецъ, если еще не въ Тавриду, то по крайней мѣрѣ въ Таврическую губернію.

Меня везли шибко, не смотря на пески, которые встрѣчались часто по сосѣдству съ большой рѣкой. Вечеромъ пріѣхалъ я въ большое, богатое селеніе Каховку надъ Днѣпромъ, основанное начальствовав-

шимъ тутъ графомъ Каховскимъ, но не принадлежащее уже его потомству. Мартъ вдругъ опять сдѣлался угрюмъ и суровъ; воздухъ охолодѣлъ, тучи нависли, когда рано поутру оставилъ я Каховку. Я спѣшилъ въ Крымъ, надѣясь, что тамъ, наконецъ, согрѣетъ меня вѣсное солнце, и опять ошибся.

Глубокій ровъ, прорытый Татарами поперекъ перешейка, отдѣляющаго полуостровъ отъ твердой земли, при самомъ вѣздѣ въ Турецкой Орѣ-Капи (нашъ Русской Перекопъ) существовалъ еще, и на немъ по прежнему была застава, у которой меня остановили. Пока прописывали въ ней мою подорожную, 15 Марта во второмъ часу пополудни, предстали мнѣ вмѣстѣ Югъ и Сѣверъ: проходилъ небольшой табунъ верблюдовъ и большими хлопьями посыпалъ снѣгъ. Грустно мнѣ стало, и еще болѣе, когда остановился я въ бѣдномъ городѣ, состоящемъ изъ одной улицы широкой и грязной. Ничто не можетъ быть отвратительнѣе дороги изъ Перекопа въ Симферополь: безводная степь, на которой все произрастающее мрачнаго оливковаго цвѣта; зимой въ большую грязь по ней вѣтъ почти проѣзда, немного высыхаетъ она къ концу Февраля, лѣтомъ же въ сухое время, если лошади хороши, пространство сіе обыкновенно пролетаютъ. Вотъ отъ чего въ самомъ жалкомъ состояніи находились станціонные домики, на которыхъ никто не останавливался. Я принужденъ былъ однако сіе сдѣлать на второй станціи Дюрмень; мнѣ сказали, что по всей дорогѣ на ней одной могу я найти теплую комнату съ печью, а на всѣхъ же другихъ всю зиму нечѣмъ топить. Писарь уступилъ мнѣ эту конурку, и я проспалъ въ ней на какомъ-то сундукѣ. Снѣгъ выпавшій наканунѣ скоро исчезъ; 16 числа было свѣтло и холодно; земля не довольно увлажилась, чтобы препятствовать моей вѣздѣ, и одинъ предметъ, обративъ на себя мое вниманіе, постоянно развлекалъ меня: въ видѣ бѣлаго пара, не высоко надъ землею, подымался Чатырь-дагъ, по нашему Палатъ, гора; онъ все болѣе густѣлъ, подымался и образовалъ изъ себя большое облако на краю горизонта; скоро заблисталъ онъ отъ солнечныхъ лучей, которые отражалъ снѣгъ покрывающій его вершину, и мнѣ, никогда не бывшему на Кавказѣ, показался онъ наконецъ Эльбрусомъ, *огромнымъ, величавымъ, воспѣтымъ Пушкинымъ*. Я тогда подвѣзжалъ уже къ Симферополю.

Если Чатырь-дагъ подобно Везувію не изрыгаетъ пламени и не такъ извѣстенъ цѣлому міру, то и Симферополь, близъ подошвы его построенный, весьма далеко не сходствуетъ съ Неаполемъ. Переѣхавъ въ бродъ черезъ Салгиръ, который почиталъ я рѣчкой и въ которомъ нашелъ только быстрый потокъ, увидѣлъ я себя на безконечномъ полѣ, среди коего достроивалась довольно хорошей архитектуры соборъ-

ная церковь; по богамъ же въ довольно дальнемъ отъ нея разстояніи были два двухэтажныя каменные зданія: присутственныя мѣста и страннопримный домъ Таранова - Бѣлозерова. Вотъ весь настоящій Симферополь, или лучше сказать тогдашній. За предѣлами поля находилось Татарское селеніе Акмечеть, подъ Русскимъ управленіемъ обратившееся въ Татарской городокъ. Видъ на него съ наружи былъ довольно пріятенъ; изъ-за красныхъ черепичныхъ кровель подымались пять - шесть минаретовъ, перемѣшанныхъ съ высокими раинами; внутренность же была совсѣмъ не привлекательна: въ немъ были узкія, кривыя, неопрятныя улицы съ домами на дворѣ, съ каменными запачканными стѣнами или съ грязными лавками на лицо. Впрочемъ, хотя гораздо менѣе оставленнаго мною Кишинева, онъ мнѣ болѣе понравился: въ немъ была истинно-Азіатская физіогномія, а въ томъ никакой, какъ на безобразномъ лицѣ безъ всякаго выраженія. Я знаю, что чрезъ нѣсколько лѣтъ поле покрылось правильными улицами и домами, что новый городъ, примкнувъ къ старому, спутался съ нимъ, что имя Акмечети забыто даже между Татарами и что, по мнѣнію нѣкоторыхъ, изъ всего вышла блестящая, новая столица бывшаго Крымскаго ханства, въ чемъ однако я имѣю причины сомнѣваться.

На самомъ рубежѣ предполагаемой Европы и существующей Азіи, стоялъ двухэтажный трактиръ подъ громкимъ названіемъ Одессы; въ немъ я остановился. Мнѣ отвели въ верхнемъ этажѣ цѣлую половину его, которая состояла изъ одной небольшой комнаты и другой преобладающей. О спокойствіи останавливающихся въ ней хозяева, видно, мало заботились: замки были всѣ переломаны, двери плохо притворялись, окна тоже, отовсюду дуло, съ низу сквозъ полъ слышны были голоса, и самыя половицы подъ ногами подымались и опускались какъ клавиши. И въ этой комнатѣ, какъ сказали мнѣ, цѣлую зиму провелъ несчастный Батюшковъ; слѣдственно въ ней осаждали его мрачныя думы, болѣе разстроивались его нервы, усиливалось его сумашествіе, и въ ней посягнулъ онъ разъ на собственную жизнь. Черезъ годъ послѣ него два мѣсяца изнывала въ ней баронесса Крюденеръ, давно безъ обожателей, давно уже и безъ слушателей, въ добровольной ссылкѣ, не менѣе того для нея жестокой; изъ нея съ отчаяніемъ отправилась она умирать въ Старый Крымъ. Я всегда былъ немного суевѣренъ; не имѣя ни извѣстности, ни дарованій сихъ особъ обоего пола, не могъ я и опасаться одинаковой съ ними участи; не смотря на то, исполнился я тоски. Вечеромъ явился ко мнѣ великій плутъ, Итальянецъ Томазини, съ предложеніемъ услугъ, съ большою живостію въ движеніяхъ и съ вѣчно смѣющимся лицомъ, и не могъ развеселить меня. Онъ былъ тутъ въ трактирѣ проѣздомъ въ

Керчь, гдѣ по подряду строилъ карантинъ и таможеню, и отъ того искалъ моего знакомства, чтобы не сказать покровительства.

На другой день, 17-го, сдѣлалось опять тепло. Когда солнце при-
мется тутъ грѣть, въ какое бы то время года ни было, то скоро нач-
нетъ и печь. Меня это нѣсколько развеселило и я имѣлъ въ этотъ
день случай видѣть довольно любопытный феноменъ: пока солнце сия-
ло надъ Симферополемъ, видно было, что на Чатыръ-дагъ идетъ силь-
ный свѣгъ. Пользуясь погодой, отправился я съ посѣщеніемъ къ гу-
бернатору, который за неимѣніемъ казеннаго дома жилъ въ собствен-
номъ имъ самимъ построенномъ, въ четырехъ или пяти верстахъ отъ
города, въ прекрасной долинѣ. Деревья еще не распускались, но ку-
старники тамъ всѣ уже покрыты были листьями.

Мнѣ былъ нѣсколько знакомъ Дмитрій Васильевичъ Нарышкинъ;
мы съ нимъ видѣлись въ Мобѣжѣ и въ Одессѣ. Будучи сыномъ Анны
Ивановны, урожденной гр. Воронцовой, онъ приходился внучатнымъ
братомъ нашему генераль-губернатору, который его отменно любилъ.
Воспитаніе получилъ онъ Французское, аристократическое, служилъ
въ гвардіи, потомъ въ достославную нашу войну три года сряду на-
ходился при родственникѣ своемъ, который ни себя, ни окружающихъ
своихъ въ сраженіяхъ не щадилъ, за то и старался ихъ быстро по-
вышать. При корпусной квартирѣ въ 1818 году видѣлъ я его уже
молоденькимъ полковникомъ; послѣ того получилъ онъ дозволеніе
остаться во Франціи, женился на дочери графа Растопчина и вышелъ
въ отставку. Въ 1823 году, по представленію Воронцова, съ чиномъ
статскаго совѣтника, получилъ онъ мѣсто Таврическаго губернатора.
Вотъ вкратцѣ формуляръ его, и чтò къ тому прибавить? Онъ былъ
чрезвычайно добрый малый: похвала умѣренная для правителя обла-
сти. Но онъ былъ еще довольно молодъ, лѣтъ тридцати пяти, до-
бродушенъ, простъ въ обращеніи, и имѣлъ въ себѣ болѣе военнаго,
чѣмъ дворцоваго; съ дѣлами по возможности старался ознакомиться.
Онъ принялъ меня, я думаю какъ и всякаго, со врожденною благо-
склонностію, и пригласилъ на другой день къ себѣ обѣдать. Все на-
поминало у него лучшій, образованнѣйшій свѣтъ: и умная, любезная,
просвѣщенная хозяйка, Наталья Феодоровна, и домъ, который похо-
дилъ на небольшой царской загородный дворецъ, и отличное убран-
ство комнатъ; все прочее тому соответствовало. Посѣтилъ я также и
вице-губернатора Никанора Лонгинова; онъ тутъ начиналъ уже жить
домкомъ, въ опрятной и хорошей квартирѣ надъ Салгиромъ и раза
два звалъ меня обѣдать.

Какъ было мнѣ не позавидовать имъ! Оба были люди не мудре-
вые, а дѣла у нихъ шли какъ нельзя лучше. Отъ чего же такъ? Или

ихъ было очень мало, или они не имѣли большой важности. Надобно также полагать, что у обоихъ были хорошіе подчиненные помощники.

Здоровье мое, еще разстроенное и слабое, какъ бы Божиимъ чудомъ хранилось среди мученій этого продолжительнаго пути. Но отъ безпрестанныхъ перемѣнъ въ температурѣ оно мнѣ измѣнило, я сильно захворалъ и въ той самой комнатѣ, въ которой видѣлъ я преддверіе того свѣта. Долженъ признаться, что я не на шутку струсилъ. Посѣщали меня съ участіемъ Нарышкинъ и Лонгиновъ, посѣщали и два медика, оба Нѣмцы, родившіеся и воспитанные въ Россіи.

Одинъ изъ нихъ, Θεодоръ Карловичъ Мюльгаузенъ, былъ чело-вѣкъ весьма просвѣщенный, свѣдущій во многихъ наукахъ, ученый ли по медицинской части, не думаю, ибо не имѣлъ даже докторскаго диплома и, какъ врачъ въ «Причудницѣ» Дмитріева, въ Симферополѣ почитался знаменитымъ, потому что долго былъ въ немъ одинъ. Онъ имѣлъ прекрасную дачу въ смежности съ городомъ, на ней построилъ каменный домъ и развелъ обширный плодovitый садъ. Отъ искренняго сердца презиралъ онъ варварскую страну, въ которой родился и нажилъ, никакъ не бралъ труда скрывать это чувство и отъ того казался еще просвѣщеннѣе.

Другой, Андрей Θεодоровичъ Арендтъ, былъ родной братъ извѣстному въ Петербургѣ лейбъ-медику. Вотъ этотъ былъ настоящій Русской чело-вѣкъ, который долголѣтней практикой пріобрѣлъ великое искусство. Его лѣченію обязанъ я скорымъ выздоровленіемъ. Однако вмѣсто двухъ дней, которые намѣренъ былъ я провести въ Крымской столицѣ, я долженъ былъ пребыть въ ней восемь и только 24 Марта послѣ обѣда оставилъ ее.

У самаго выѣзда въ Карасубазаръ приготовлена была мнѣ для ночевки теплая и чистенькая квартира. Поднявшись до свѣта, 25 числа, я не проѣхалъ черезъ этотъ хорошо населенный и издревле торговый городокъ, по причинѣ великой въ немъ грязи; самъ ямщикъ повезъ меня чрезъ сады, по наружной его сторонѣ. Сквозь сумракъ рождающагося дня, между церковей и мечетей, могъ я однако разглядѣть зданіе новой для меня формы: большой Азіатской каравансарай. Оставалось еще шестьдесятъ верстъ до Θεодосіи; я довольно скоро проѣхалъ ихъ, ибо поспѣлъ еще туда до ранняго обѣда.

Я поспѣшилъ къ градоначальнику, Андрею Васильевичу Богдановскому, предмѣстнику моему въ Керчи. Какъ въ столь отдаленныхъ мѣстахъ мало церемонятся, то онъ оставилъ меня обѣдать, а я потомъ оставался у него до поздняго вечера. Со мной была весьма любезна супруга его, Настасья Александровна, дочь главноначальствовавшего надъ Московскимъ Воспитательнымъ Домомъ, Александра Михай-

ловича Лунина, чуть ли не Фрейлина, Московская барышня, зрѣлая и и даже перезрѣлая, когда вышла замужъ. Она мнѣ рассказывала, какъ въ Керчи умирала съ тоски; и неудивительно: она безъ Французскаго языка ступить не могла, а на немъ не съ кѣмъ ей было тамъ разговаривать; она любила играть на фортепiano, а тамъ некому было ее слушать; въ Θεодосiи же нашлось нѣсколько человѣкъ, которые умѣли ее понимать. Совсѣмъ противное являлъ мужъ ея. Изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей цѣлый вѣкъ прослужилъ онъ въ армейскихъ полкахъ и слѣдственно не получилъ никакого образованiя. Мужикъ онъ былъ честный; отъ природы съ умомъ тупымъ, однакоже не безъ смѣтливости и особенно не безъ расчетливости въ денежныхъ дѣлахъ. Съ необычайною бережливостiю, отъ скуднаго жалованья, откладывая копѣчку на копѣчку, нажилъ уже онъ небольшой капиталецъ, когда наслѣдовалъ богатому Воронцову въ начальствованiи Нарвскимъ пѣхотнымъ полкомъ, и при сдачѣ онаго, показалъ себя чрезвычайно умѣреннымъ въ требованiяхъ, за что, говорятъ, былъ щедро имъ вознагражденъ. Проживая мало во Францiи, когда получалъ тамъ огромное содержанiе и присоединяя къ тому жалованья аренды и земли, честнымъ образомъ сдѣлался онъ, наконецъ, почти богатъ. Мягкость характера и учтивыя формы нескоро давали замѣнить въ немъ остатки солдатчины. Генеральское званiе не совсѣмъ еще тогда потеряло свою цѣну, и въ Москвѣ не трудно было ему соединиться съ пожилою дѣвою, также съ хорошимъ достаткомъ. Онъ начиналъ жить спокойно, когда Воронцовымъ вновь увлеченъ былъ на службу, съ пожертвованiемъ, особенно для жены, всѣхъ свѣтскихъ удовольствiй въ жизни. Къ сожалѣнiю, онъ былъ въ числѣ тѣхъ невѣждъ, которые не постигаютъ даже необходимости знанiя дѣлъ въ гражданской службѣ.

И вотъ человѣкъ, который подобно мнѣ избранъ былъ градосоздателемъ! Стало быть, и онъ казался способнымъ къ приведенiю въ исполненiе великихъ предначертанiй Воронцова; стало быть, и онъ удостоенъ былъ высочайшаго довѣрiя. О какое разочарованiе! Сколько въ одинъ день сбыло у меня спѣси и какъ умножилось отвращенiе мое отъ Керчи, отъ которой былъ уже я такъ близко. Волѣ чѣмъ когда убѣдился я въ томъ, что Воронцовъ находитъ умъ и способности только въ тѣхъ людяхъ, кои ему угождаютъ и которыхъ почитаетъ онъ себѣ преданными.

Непростительно бы было, посѣтивъ хотя на минуту нѣкогда великолѣпную, богатую Кафу, умолчать о нынѣшнемъ ея состоянiи. Надъ моремъ, за горой она скрыта отъ глазъ путешественниковъ. Въ верстѣ отъ нея находится почтовая станцiя, съ которой надобно спуститься, чтобы въѣхать въ городъ, такъ что проѣзжающiе, перемѣняя

на ней только лошадей, могутъ его и не увидѣть. Проѣхавъ древнюю башню, мѣстами поврежденную, но еще твердо стоящую, подлѣ которой застава, вѣзжаешь въ улицу не Европейскую, и не Азіатскую, а Новорусскую, широкую, правильную, прямую съ двухъ и трехэтажными домами, совершенно по образцу тѣхъ, кои находишь въ нашихъ Великороссійскихъ губернскихъ городахъ. Съ лѣвой ея стороны сперва тянется на небольшомъ пространствѣ широкой съ сухими деревьями бульваръ, и о него какъ бы разбиваются морскія волны. Съ правой идутъ параллельно еще двѣ регулярныя улицы только съ низкими домами. Все это вмѣстѣ на концѣ упирается въ высокую гору, которая становится поперекъ и съ этой стороны никому не даетъ выѣзда. Въ города нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ прежде бывшихъ строеній; симъ доказывается, что прежняя Каффа съ своими двумя стами тысячъ жителей тѣснилась на томъ самомъ только мѣстѣ, которое занимаетъ нынѣшняя ѳеодосія. Вѣроятно Генуэзцы, ее сооружавшіе, брали въ образецъ свой отческій городъ Геную, гдѣ, какъ говорятъ, улицы такъ тѣсны и гдѣ дома, возвышаясь одинъ надъ другимъ, образуютъ террасы до самаго верха горъ. Такъ можно предполагать, ибо ѳеодосія лежитъ въ одной лощинѣ, покатоности же горъ совершенно пусты, а на вершинѣ виднѣются еще остатки каменныхъ стѣнъ и башенъ, которыя вѣроятно прежнему городу служили границей и защитой. Турки завоевали Кафу, нами послѣ названную именемъ давно несуществующей ѳеодосіи, и разорили ее. Потомъ большіе ея Христіанскіе храмы обратили въ мечети, настроили множество банъ, лавокъ, каравансараевъ, и отъ сочетанія двухъ разныхъ архитектуръ среди разрушенія она долго сохраняла видъ весьма оригинальный. Когда же при Александрѣ въ 1805 году учрежденъ въ ней портовый городъ, то первымъ градоначальникомъ назначенъ былъ прежде бывший, если вспомнить, Кіевскій военный губернаторъ, просвѣщенный Англичанинъ, генералъ отъ инфантеріи Февьшъ: такъ важны еще были мѣста сіи, пока не зависѣли отъ генералъ-губернаторовъ. Онъ ничего лучше не придумалъ для пользы своего города, какъ выпросить у казны огромныя суммы, раздать ихъ заимобразно жителямъ и склонять ихъ къ строенію домовъ. Все старое принялся онъ разрушать, а каменья раздавать даромъ; такую дешезизною матеріаловъ ѳеодосійцы еще болѣе завлечены были къ постройкамъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ городу сему дана, наконецъ, та пошлая фізіогномія, которую нашель я въ немъ.

Конечно, наружное устройство давало видъ благосостоянія городу, который годъ отъ году болѣе бѣднѣлъ. Но того ли единственно хотѣлось правительству? Для того ли оно тратилось? Надобно было подумать напередъ, чѣмъ будетъ торговать ѳеодосія. Одними естественными

Крымскими произведениями? Но въ Анатолиі, въ Архипелагѣ и другихъ полуденныхъ странахъ они находятся гораздо въ большемъ изобиліи. Чтѣ необходимое для жителей можетъ быть привозимо? Азіатскія издѣлія, шелковыя, шерстяныя и бумажныя ткани, къ которымъ Татары такъ привыкли. Но такимъ образомъ значило оставить ихъ вѣчными данниками Восточной промышленности. Оно такъ и было, пока Московскіе фабриканты не догадались выработывать матеріи по Турецкому образцу прочнѣе и лучше и не пустить ихъ тутъ дешевлѣ. Вывоза товаровъ не было, прекратился и привозъ. Какъ никому не пришло въ голову устроить прочную дорогу въ новооткрытый портъ изъ нашихъ внутреннихъ губерній, столь изобильныхъ земными продуктами, даже отягченныхъ ими безъ всякаго сбыта, чтѣ богатило бы ихъ и портовый городъ? Не лучше ли бы великія суммы, пожертвованныя на частныя строенія, обратить было на сей предметъ? А всѣ, наконецъ, стали обвинять бѣдную Феодосію въ бесплодіи и осуждать ее на вѣчное ничтожество. Для нанесенія ей послѣдняго удара учрежденъ былъ, почти въ глазахъ у нея, новый портъ, и мнѣ суждено было стараться возвысить его, дабы совершенно ее уронить. О преимуществахъ одного города передъ другимъ долженъ говорить въ слѣдующей главѣ.

VII.

Отъ Феодосіи до Керчи 96 верстѣ. Я надѣялся потихоньку пріѣхать туда ночью, но меня везли шибко, и 26 Марта еще засвѣтло имѣлъ я торжественный вѣздъ въ свою Баратарію. Также какъ въ Никополѣ, народъ высыпалъ изъ домовъ, только не бѣжалъ за мной; также по болѣзни полиціимейстера, исправляющій должность его частный приставъ встрѣтилъ меня за городомъ верхомъ у колеса и провожалъ меня до самой квартиры моей. Она мнѣ была отведена у одного Кулисича, Славянина-Далмата, который пытался завести тутъ торгъ и построилъ двухэтажный каменный домъ у подошвы Митридатовой горы. Верхнее жильѣ не было отдѣлано, а въ нижнемъ находилась широкая, длинная, но весьма низкая зала, служащая для зимнихъ увеселеній Керченской публики, для баловъ, на которыхъ не знаю кто танцевалъ и подъ какую музыку.

Въ ней черезъ полчаса послѣ пріѣзда моего предстали мнѣ всѣ чиновники, карантинные, таможенныя и нѣкоторые морскіе, также весьма неважныя первостатейныя граждане.

Впереди всѣхъ стоялъ исправляющій мою должность, начальникъ карантинной конторы, отставный гвардейской артиллеріи полковникъ

Александръ Никитичъ Синельниковъ, обвѣшанный крестами. За одинъ присѣсть хочется мнѣ намарать портретъ его. Ему было 38 лѣтъ, какъ онъ сказывалъ, а мнѣ казалось менѣе, онъ былъ не высокъ и не низокъ, не худъ и не толстъ, стройно сложенъ, но лицо имѣлъ обезьянье. Кадетской Корпусъ, въ которомъ былъ онъ воспитанъ, оставилъ на немъ печать свою, и онъ все казался немолодымъ кадетомъ; ухватки его были солдатскія, все тѣлодвиженія быстры, равно какъ и рѣчь, и я все ожидалъ услышать отъ него: здравія желаю или ради стараться. Черезъ Михаила Павловича, который любилъ такія манеры, получилъ онъ у Воронцова мѣстечко, какъ думалъ онъ, покойное. И вотъ какими людьми Петербургская протекція часто надѣляетъ провинціи! По примѣру предмѣстника своего, Фонъ-Дена, онъ болѣе всего заботился о чистотѣ улицъ: чистоплодіе, какъ я слышалъ, осталось и понынѣ лучшимъ удѣломъ Керчи. На первый случай будетъ пока и его одного; о другихъ буду говорить послѣ.

Сколь мало наружностію своею показала мнѣ привлекательною столица моя, не менѣе того я радъ былъ, что въ нее пріѣхалъ: тутъ по крайней мѣрѣ оканчивалось мое путешествіе, и я могъ почитать себя на мѣстѣ. Успокоиваясь духомъ, хотѣлось мнѣ успокоиться нѣсколько и тѣломъ, и для того попросилъ я г. Синельникова дни на два дать мнѣ отдыхъ и продолжать занимать мое мѣсто, что, кажется, не совсѣмъ ему было противно.

По прошествіи девяти мѣсяцевъ послѣ назначенія моего въ должность, наконецъ, вступилъ я въ нее 29 Марта. Первые бумаги мною распечатанныя не могли мнѣ быть весьма пріятными. Определенный градоначальникомъ въ Одессу, тайный совѣтникъ графъ Паленъ, послѣ отъѣзда графа Воронцова, управлявшій Новороссійскими губерніями, по высочайшему повелѣнію объявлялъ мнѣ высочайшій выговоръ за Левинсоновское дѣло. Съ другой стороны я получилъ увѣдомленіе, отзывъ или предписаніе, не знаю какъ назвать, отъ генерала Паскевича, коимъ объявляетъ онъ о вступленіи своемъ на должность главноначальствующаго въ Грузіи на мѣсто генерала Ермолова. Темрюкъ, Тамань и Бугазскій мѣновой дворъ на Кубани по части карантинной и таможенной были подвѣдомственны Керченскому градоначальству, а находились на землѣ Черноморскихъ казаковъ, зависящихъ отъ главнаго Закавказскаго управленія. Отъ того генералъ сей не почиталъ ли и меня своимъ подчиненнымъ?

На другой день послѣ моего пріѣзда былъ у меня почти семидесятилѣтній старецъ, Еникольской комендантъ, генералъ-маіоръ Карлъ Яковлевичъ Бухгольцъ, въ которомъ, казалось, и лѣта, и положеніе его должны были погасить страсти и честолюбіе, Онъ на слѣдующій

день пригласилъ меня къ себѣ обѣдать въ Еникале. Надобно было сдѣлать десять верстъ, то есть двадцать взадъ и впередъ, а мнѣ надобно уже считать версты; дѣлать было нечего: я не хотѣлъ оскорбить его отказомъ. При вѣздѣ моемъ въ старую уже Турецкую крѣпость, хотя называютъ ее Ени-кале, то есть новою, встрѣтилъ онъ меня въ полной формѣ и съ рапортомъ въ рукѣ. Я не принялъ онаго и, отклоняя отъ себя честь сію, сказалъ, что если это соблюдалось при Богдановскомъ, то вѣроятно отъ того, что онъ самъ имѣлъ прежде военный чинъ. По настоящему тому такъ и слѣдовало быть: во всѣхъ мѣстахъ, подвѣдомственныхъ градоначальникамъ, всѣ служащіе, какого бы они чина ни были, военные, сухопутные и морскіе, имъ были подчинены. Мнѣ хотѣлось оказать только учтивость и уваженіе къ лѣтамъ, а въ послѣдствіи это самое было употреблено противъ меня во зло.

По дорогѣ къ Ени-кале, въ четырехъ верстахъ отъ Керчи, достроивался огромный центральный карантинъ. Чиновники жили пока въ городѣ, а нѣкоторые изъ нихъ въ семи верстахъ отъ него, только съ другой стороны, также надъ проливомъ, въ карантинной заставѣ, которую и называли старымъ карантиномъ. Мнѣ необходимо было ее видѣть. Мѣстоположеніе въ самомъ маломъ видѣ совершенно сходствовало съ Ѳедосійскимъ: также надобно было спускаться съ горы, потомъ ѣхать по узкой долинѣ, и гора на концѣ, круто поворачивая къ проливу, также заслоняла дорогу проходящимъ и проѣзжающимъ. Тутъ были кое-гдѣ деревья, нѣсколько виноградниковъ, разбѣянные домики для карантинныхъ служителей и, наконецъ, одинъ побольше другихъ, совершенно въ Татарскомъ вкусѣ, занимаемый директоромъ карантиннаго дома Бородинымъ. Не далѣе какъ въ началѣ Іюня назначено было всѣхъ живущихъ тутъ перевести въ большой карантинъ, и мѣсто сіе должно было опустѣть. Мнѣ пришло въ голову въ день самаго перваго ему посѣщенія моего сей уголокъ, сей пріютъ обратить въ хуторъ или дачу для градоначальника и на все лѣто поселиться въ немъ: и мнѣ удалось послѣ мысль сію осуществить. Въ тотъ же день имѣлъ я случай познать неудобства величія. Лишь только подѣхалъ я къ горѣ, какъ внезапно былъ поднять флагъ, и съ брандвахты, въ близи стоящей, мнѣ въ честь сдѣлано было нѣсколько выстрѣловъ. Лошади испугались, понесли меня внизъ и чуть не сломили мнѣ голову. Тогда я попросилъ на будущее время избавить меня отъ сей чести.

Другая неприятность ожидала меня въ день Свѣтлаго Воскресенья, 3 Апрѣля. Домъ Кулисича, гдѣ я жилъ, былъ во ста шагахъ отъ небольшой каменной крѣпости, тогда еще существовавшей, безъ караульни и безъ часовыхъ. Посреди ея находился соборъ, древній храмъ,

вросшій въ землю, неизвѣстно какимъ-то народомъ построенный. Былъ обычай предоставлять всѣмъ мальчишкамъ въ городѣ право лазить на его колокольню и цѣлый день звонить во всѣ колокола; они безпрестанно мѣнялись, и устали между ими не могло быть: такъ должно было продолжаться всю недѣлю. Съ разстройствомъ нервъ я страдалъ, чувствовалъ муку невыносимую, и молчалъ, уважая обычай. Какъ то однако узнали о претерпѣваемомъ мною, и совсѣмъ не изъ состраданія, а на первыхъ порахъ желая мнѣ всячески угодить, на третій или на четвертый день послѣ праздника жители воспретили звонъ. Я удивился, когда умолкъ голосъ колокола, въ Керчи единственный вѣщатель всеобщей радости. Одинъ только Русской народъ умѣетъ веселиться о Святой; въ эту великую седмицу онъ весь исполняется какимъ-то непонятнымъ для него блаженствомъ. Греки оставались мрачны, какъ и всегда.

Когда я хорошенько началъ заниматься дѣломъ, то увидѣлъ, что покамѣстъ его очень мало. Это давало мнѣ возможность не всякой день имѣть неудовольствіе работать съ найденнымъ мною правителемъ канцеляріи моей Минарскимъ. Откуда взяли этого человѣка? Богдановскій и Сянельниковъ почитали его великимъ дѣльцемъ, а онъ имѣлъ только нѣкоторый навыкъ въ самыхъ обыкновенныхъ дѣлахъ. Наружность его была нестерпима: на безобразномъ, болѣе широкомъ чѣмъ толстомъ туловищѣ подымалась столь же широкая голова, какъ у Шумилова въ посланіи Фонъ-Визина. «Тупѣйшаго ума пространная столица». То, что у другихъ людей по-русски называется лицомъ, у него слѣдовало по-русски же назвать образиной. Съ бессмысленными взглядами оно выражало вмѣстѣ и глупость, и злость, и не было наружно обманчиво. Прибавить ли къ тому изо рту несносной духъ перегорѣлой водки? Онъ былъ какъ боченокъ всегда ею весь налитый и никогда не былъ пьянъ. Въ Керчи казалось тогда поживиться было нечѣмъ, а онъ находилъ какія-то тайныя средства, если не богатѣть, то жить весьма безбѣдно. Къ счастью между канцелярскими были порядочные ребята и когда случится что поважнѣе я призывалъ ихъ, чтобы, щадя глаза свои, заставляя писать ихъ подъ мою диктовку.

И такъ если въ Кишиневѣ осужденъ я былъ на муку, то въ Керчи на скуку. Не знаю, что лучше? Какъ вездѣ, куда я вновь поступалъ на службу, и здѣсь былъ я окруженъ незнакомыми мнѣ лицами, людьми, о коихъ никогда не слыхивалъ. Мнѣ были нужны наблюдательность и осторожность, и долго ни съ кѣмъ не рѣшался я быть довѣрчивымъ. Безъ общества, безъ книгъ, безъ большихъ занятій по службѣ, житье мое было не самое веселое.

Я вспомнилъ первые мѣсяцы пребыванія моего въ Кишиневѣ. Тутъ было у меня еще болѣе свободнаго времени, и одинъ добрый человекъ, котораго назову послѣ, снабдилъ меня книгами, у него хранящимися, имъ некупленными и даже не читанными, въ которыхъ много говорится о Пантикапѣ и бывшемъ Босфорскомъ царствѣ. Представился случай создать мнѣ себѣ довольно большой трудъ, и я воспользовался имъ. Въ видѣ записки началъ я составлять вкратцѣ исторію классическихъ мѣстъ, куда судьбою заведенъ я былъ во дни ихъ запустѣнія. Все болѣе увлекаемый предметомъ моимъ, я довелъ ее до настоящихъ временъ, все это заключилъ и описаніемъ вѣрнѣнаго мнѣ города и его окрестностей и взглядомъ на будущую возможную судьбу его. Сочиненіемъ сей записки занимался я все лѣто и въ началѣ осени; въ ней находится множество подробностей, кои повторять здѣсь было бы напрасно; чтеніемъ ея, если угодно, пополнится все недостающее въ сей главѣ. За вѣрность въ описаніи мѣстъ и происшествій могу я ручаться; только мнѣнія мои насчетъ торговли въ этомъ городѣ должны были измѣниться: время и опытъ показали мнѣ ихъ ошибочность.

Изъ сей записки увидятъ, какъ иностранецъ, начавшій въ Россіи поприще свое съ самаго низкаго ремесла, смѣлостію, дерзостію, предприимчивостію умѣлъ склонить правительство къ открытію новаго порта и надѣялся начальствовать въ немъ изъ видовъ своекорыстія. Имя Скасси должно остаться незабвеннымъ въ Керчи, ибо онъ былъ главнымъ виновникомъ возрожденія сего города. Онъ поселился въ немъ, купилъ небольшой домикъ и по близости построилъ дачу. Назначеніе Богдановскаго только на нѣкоторое время разстроило его планы: онъ увидѣлъ человека, узналъ все отвращеніе жены его отъ сихъ мѣстъ и старанія ея оставить ихъ. Досада и отчаяніе его были велики, когда узналъ онъ о моемъ назначеніи; продолжительное же отсутствіе мое опять воскресило его надежды. А лишь только онъ увидѣлъ въ газетахъ, что я выѣхалъ изъ Петербурга, какъ самъ сталъ собираться туда съ намѣреніемъ вредить мнѣ чрезъ покровителя своего графа Нессельрода. Гдѣ-то мы дорогой разъѣхались, и потомъ нигдѣ не случилось мнѣ съ нимъ встрѣтиться.

По званію попечителя несуществующей торговли съ Абазинцами, пустаго мѣста для него созданнаго, получалъ онъ 35 тысячъ ассигнаціями и имѣлъ при себѣ штатъ, изъ нѣсколькихъ чиновниковъ состоящій. Первымъ изъ нихъ былъ коллежскій ассессоръ Димитрій Ѳеодоровичъ Кудинецъ, преблагородный человекъ, скромный и образованный, который, какъ замѣчалъ я, внутренно стыдился рода службы, въ который нечаянно попалъ. Его общество было для меня утѣшеніемъ,

и онъ-то снабжалъ меня немногими книгами, которыя служили мнѣ развлеченіемъ. Я говорилъ ему откровенно, что въ Керчи надолго никакъ поселиться не могу и что, можетъ быть, не дождусь даже возвращенія Воронцова, чтобы оставить ее, и онъ вѣроятно писалъ о томъ къ Скасси, успокоилъ его и чрезъ то и меня на нѣкоторое время.

Совсѣмъ инаго разряда былъ другой, *) молодой Ашигъ, малый видный собою, вѣчно улыбающійся и полоумный. Его Скасси привезъ съ собою изъ Рагузы, вмѣстѣ съ сестрой и матерью: а послѣдняя, по званію полу-тещи была домоправительницей у его начальника. Еще было два мелкихъ существа при немъ, Грекъ Хартулярій, величайшій изъ плутовъ, который надувалъ самаго Скасси и подъ конецъ продавалъ его, да мальчикъ Французикъ Люилье, сынъ раззорившагося въ Петербургѣ портнаго. Его безжалостно подвергалъ онъ величайшимъ опасностямъ, безпрестанно посылая его къ Черкесамъ, что послужило однако къ пользѣ юноши: онъ выучился ихъ языку, принялъ ихъ обычаи и одежду и довольно вѣрныя извѣстія привозилъ изъ горь.

На какомъ бы маломъ пространствѣ люди ни были собраны, сколь бы ни мало было число ихъ, скоро начнутся несогласія и ссоры между ими. Въ Керчи нашель я двѣ партіи: съ одной стороны были правительство и народъ, съ другой слабая оппозиція. Взабалмошный Синельниковъ конечно не по собственному убѣжденію а по настаиванію Скасси и тайнымъ проискамъ Грековъ, сталъ преслѣдовать Керченскаго полиціймейстера, отставнаго гвардіи Павловскаго полка подполковника Ивана Даниловича Щиржецаго, умнаго Поляка, не столько хитраго, какъ осторожнаго. Онъ преступилъ за границы власти своей, удаливъ его отъ исправленія должности и поручивъ ее частному приставу. Безъ всякой видимой причины предметомъ его гоненій сдѣлался также старшій карантинный врачъ Христіанъ Ивановичъ Кельцъ, Нѣмецъ тупой, болтливый и скучный, притомъ великій добрякъ. Эти два человѣка часто видѣлись между собой, и тогда доставалось Синельникову. Щиржецкій оказался здоровымъ, явился ко мнѣ и я предложилъ ему опять вступить въ должность. Скоро опытъ показалъ мнѣ, что я могу имѣть въ немъ преполезнаго сотрудника, даже по письменнымъ дѣламъ. Въ Кельцѣ видѣлъ я жертву и отъ того былъ съ нимъ ласковъ и утѣшалъ его. А вотъ и готовая мнѣ партія. Но я желалъ водворить миръ и согласіе и успѣвалъ въ томъ, стараясь со всѣми быть вѣжливымъ, не показывая впрочемъ слабости и никому не ока-

*) Первый изъ нихъ, Кодинецъ, былъ въ послѣдствіи повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Тегеранѣ, а втораго Ашига къ удивленію моему сдѣлали начальникомъ Керченскаго музеума.

зывая особаго предпочтенія. Вообще все это лѣто былъ я весьма доволенъ своимъ поведеніемъ.

О другихъ служившихъ въ Керчи важныхъ особахъ, право, не стоило бы говорить, еслибъ не было между ими старшаго члена карантинной конторы, надворнаго совѣтника Антона Павловича Пасхали, Грека, бывшаго прежде въ нашей морской службѣ. Онъ имѣлъ наружность непротивную, былъ довольно полонъ собою, тихъ, молчаливъ и весьма сладкорѣчивъ, когда прерывалъ молчаніе. Изощренное долгими наблюденіями чутье мое съ перваго раза угадало ядъ въ медоточивыхъ рѣчахъ его. Мысли о немъ я никому не сообщалъ, а еще менѣе давалъ замѣтить ему самому, и мы пока оставались въ ладахъ. Преданный Скасси, онъ помыкалъ сумасброднымъ Синельниковымъ, настроивалъ его, какъ хотѣлъ по своему усмотрѣнію и былъ величайшій интригантъ. Интриги! И гдѣ? И для чего? Право, при умѣ у этого чловѣка было мало разсудка.

Въ вѣдомствѣ моемъ было еще миниатюрное адмиралтейство, подъ начальствомъ флота капитана 1-го ранга Владимира Васильевича Бурхановскаго, очень порядочнаго чловѣка, большаго домосѣда, который въ посторонніи дѣла не мѣшался и съ которымъ я рѣдко видѣлся. Подъ его управленіемъ состояла небольшая флотилія, которая лѣтомъ нѣсколько разъ ходила въ Редуть-Кале.

Мѣсто управляющаго таможей оставалось долго празднымъ; за мѣсяцъ до моего пріѣзда назначенъ былъ на него изъ Таганрога нѣкто Василій Θεодоровичъ Гудимъ - Левковичъ, пріѣхавшій только въ Маіѣ. Онъ принадлежалъ къ одной изъ извѣстнѣйшихъ фамилій въ Малороссіи и былъ женатъ на Елисаветѣ Θεодоровнѣ, дочери предсѣдателя Таганрогскаго Коммерческаго Суда Шауфуса: чета добродушная, привѣтливая и гостепріемная, которая съ самаго начала мнѣ полюбилась. По совѣту моему г. Гудимъ старался сблизиться съ Синельниковымъ, нѣсколько разъ посѣщалъ его, а тотъ отказывался даже отъ приглашеній его на обѣды и вечера. Онъ хотѣлъ жить особнякомъ, окруженный одними своими подчиненными. Тутъ узналъ я только, что въ портовыхъ городахъ между карантинномъ и таможей всегда существуетъ какое-то соперничество а иногда большія несогласія. Такимъ образомъ число преданныхъ мнѣ все умножалось.

Гудимъ любилъ жить довольно широко и открыто и потому нанялъ лучшій домъ въ городѣ, принадлежащій гражданину Триполитѣ и занимаемый прежде градоначальникомъ Богдановскимъ, что мнѣ было весьма пріятно. Я жалѣлъ денегъ, имѣя въ виду другія издержки: какъ бы не находя для себя приличнаго помѣщенія, я продолжалъ жить даромъ въ пустомъ нижнемъ этажѣ Кулисича и питаться тѣмъ,

что мнѣ присылали отъ Нѣмца Шварца изъ вновь заведеннаго имъ перваго трактира; тамъ были и двѣ-три комнаты подъ номерами, стоявшія большую часть времени пустыми. Кушанье было дешевое, не весьма вкусное, по крайней мѣрѣ опрятно приготовленное; оно состояло по большей части изъ картофеля и рѣпы, двухъ произведеній недавно появившихся въ сихъ мѣстахъ. Греки не хотѣли знать другихъ овощей кромѣ потлоджанъ, родъ длинныхъ огурцовъ, которые варили и жарили они въ постномъ маслѣ; оттого предмѣстникъ мой Богдановскій вынужденнымъ нашелся выписать Нѣмцевъ, огородниковъ изъ колоній на Млочныхъ Водахъ, и съ тѣхъ поръ за столомъ его появилась, какъ и вездѣ, всякого рода зелень. Благодареніе ему за то: важная конечно, но единственная услуга, оказанная имъ Керчи.

Когда Гудимъ будто перехватилъ у меня домъ Триполитѣ, предложено мнѣ отъ города занять домъ, ему принадлежащій, называемый генеральскимъ. Онъ былъ построенъ или купленъ для пріѣзда генералъ-губернаторовъ и другихъ важныхъ лицъ, посѣщающихъ Керчь, но ни мало не соотвѣтствовалъ своему назначенію: на дворѣ, имѣя два этажа и пять оконъ по фасаду, внутреннія его небольшія комнаты были просто выбѣлены, даже безъ карнизовъ, а мебели были самыя простыя, самыя плохія; при немъ находился небольшой флигель.

На это временное помѣщеніе, равно какъ и на чрезъ мѣру скромное житье мое, Греки смотрѣли съ удовольствіемъ: оно показывало имъ, что я болѣе провѣжій, чѣмъ осѣдлый между ними. Естественнымъ образомъ чувствовали мы взаимную антипатію, хотя я не подавалъ ни малѣйшаго повода къ неудовольствію, и они съ своей стороны оказывали мнѣ всевозможную покорность и почтительность. Это былъ народъ самый негодный, ничтожный и горделивый. Въ семидесятыхъ годахъ графъ Орловъ-Чесменскій съ острововъ Архипелага снялъ, такъ сказать, пѣну ихъ жителей, что было въ нихъ худшаго, и поселилъ ими Керченскіе пустыри, только что нами пріобрѣтенные, когда остальные части Крыма намъ еще не принадлежали. Въ этой глуши, пользуясь важными привиллегіями имъ данными, они составили изъ себя нѣчто въ родѣ республики, которая не процвѣтала ни промышленностію, ни нравственностію, ни знаіемъ.

Явился Скасси. Ему легко было показать себя ихъ другомъ и покровителемъ. Когда Русскія начальства принимали какія-нибудь справедливыя мѣры, несогласныя съ ихъ волею, они кидались къ нему съ жалобою; а онъ, съ сожалѣніемъ пожимая плечами, говорилъ, что онъ безвластенъ имъ помочь, но когда онъ будетъ начальствовать, то дѣло пойдетъ инымъ образомъ. Онъ умѣлъ увѣрить ихъ, что учрежденіе порта, по его настаиваніямъ, сдѣлано единственно для ихъ пользы (а

объ общей государственной никто не думаль), что когда власть будетъ въ его рукахъ, ни одного Русскаго не подпуститъ онъ къ торговлѣ и ея выгодамъ, а привлечетъ другихъ Грековъ изъ Турецкихъ владѣній и что такимъ образомъ составитъ отдѣльное богатое Греческое владѣніе. При всей удивительной хитрости сихъ людей какъ мало было въ нихъ понятливости и дальновидности. Все-таки надобно назвать главнѣйшихъ изъ нихъ: Хамаритѣ, Триполитѣ, Кордѣ, Посполитакѣ, другихъ не помню. Только первый изъ нихъ былъ 3-й гильдіи купцомъ, онъ же и градскимъ главою; всѣ прочіе принадлежали къ мѣщанскому сословію, а Богъ вѣсть, что мечтали о себѣ. Удивительно ли послѣ того, что всякое назначеніе новаго начальника отдавало исполненіе ихъ надеждъ, которыя могъ только осуществить желанный Скасси?

На бѣду, матушкѣ моей, которая полагала, что царствію моему въ Керчи не будетъ конца, угодно было, чтобы я жилъ въ ней по губернаторски; для того отправила она ко мнѣ большой обозъ сухимъ путемъ до Таганрога, а оттуда въ Керчь Азовскимъ моремъ. Въ немъ находились всѣ пожитки мои и книги, за четыре года предъ тѣмъ отправленные мною изъ Петербурга въ Пензу, также множество всякой посуды, столовыхъ приборовъ и бѣлья; при всемъ этомъ были поварь, лакей и кучеръ. Предупредить того я никакъ не могъ, ибо увѣдомленъ былъ послѣ отбытія людей и вещей, и они благополучно привезены въ концѣ Маія.

Другое обстоятельство еще болѣе заставило думать Грековъ, что я намѣренъ засѣсть между ними. Я сказалъ, какъ прельстился я небольшимъ домикомъ въ карантинѣ, который только въ началѣ Іюня долженъ былъ очиститься. Но г. Бородинъ, въ немъ помѣщенный, въ званіи адъютанта Паскевича, получившій нѣкогда Георгіевскій крестъ, пожелалъ опять находиться подъ его начальствомъ, вступилъ въ военную службу и отправился къ нему за Кавказъ въ первой половинѣ Маія; я въ тотъ же самый день принялся за домикъ. Отецъ мой любилъ вѣчно строиться, а у меня всегда была страсть отдѣлывать и убирать комнаты, и случай къ тому представился. Нужны были деньги, а для этихъ небольшихъ затѣй и ихъ было у меня достаточно. Первому градоначальнику въ Одессѣ, всемогущему Ришельё, отпускаемо было ежегодно по пятидесяти тысячъ рублей ассигнаціями, что по нынѣшнему курсу составляетъ 50 тысячъ серебромъ, на употребленіе ихъ по усмотрѣнію его для пользы города, даже безъ всякаго отчета, и можно поручиться, что ни одной копѣйки изъ нихъ не обращалъ онъ въ собственную пользу. Также довѣренность оказана была и Керченскимъ градоначальникамъ на томъ же основаніи, только великая разница была въ суммѣ: выдаваемо было всего по пяти тысячъ ассиг-

націями. Отдѣливъ изъ нихъ нѣкоторую часть, прибавилъ я къ ней собственныхъ полторы тысячи рублей. Денегъ тогда было у меня въ доволъ; жалованья получилъ я болѣе десяти тысячъ ассигнаціями, которыя со дня опредѣленія по день пріѣзда моего были мнѣ выплачены сполна; не говоря о вспомошествованіи, пожалованномъ мнѣ на подъемъ и обзаведеніе. Я ничѣмъ не заводился, дорогу сдѣлалъ въ одной коляскѣ и жилъ съ начала батракомъ; слѣдственно пожертвованіе, сдѣланное мною, не было слишкомъ значительно. Я началъ небольшія передѣлки для препровожденія времени и для удовольствія моихъ преемниковъ, а Греки вздумали, что я хочу устроить себѣ постоянное жилище.

Неужели не позволено мнѣ будетъ съ нѣкоторою подробностію описать гнѣздо мною свитое, одно свѣтлое пятнышко среди мрачныхъ воспоминаній моихъ о Керчи. Домикъ мой стоялъ у самой подошвы горы крутой въ утесѣ и на нѣкоторой высотѣ надъ взморьемъ или проливомъ. По образцу Татарскихъ строеній, широкая и длинная, низкая и сквозная зала дѣлила его на двѣ равныя половины, и въ каждой изъ нихъ было по двѣ комнаты, узкихъ и длинныхъ. Въ залѣ было шесть дверей; одна изъ нихъ выходила на крыльцо, другая прямо напротивъ къ горѣ, отъ которой только полторы сажени отдѣляли ее; остальные четыре вели въ четыре боковыя комнаты. вмѣсто крыльца была площадка, гладкимъ камнемъ выложенная подъ навѣсомъ изъ холста трехъ разныхъ цвѣтовъ. Передъ нею терраса, обращенная въ славный цвѣтникъ старавіями любезнѣйшаго Бородина. Это была величайшая рѣдкость. Удивительно, какъ въ полуденныхъ странахъ пренебрегали цвѣтами; только на Сѣверѣ, въ Англинскихъ паркахъ и на Петербургскихъ дачахъ, а еще болѣе въ Гарлемѣ знаютъ цѣну красоты ихъ. Отъ террасы узкая каменная лѣстница шла внизъ до дорожки, ведущей къ морю. Внутренность домика хотѣлось мнѣ отдѣлать самымъ необыкновеннымъ образомъ, и одинъ чиновникъ таможенный, страстно любящій живописное и рисовальное искусство, въ семь дѣлъ явился мнѣ сильнымъ помощникомъ. Одна комната по его рисунку очень красиво была драпирована синимъ флагтухомъ пополамъ съ бѣлымъ коленкоромъ; другую оклеилъ онъ простой, толстой бумагой и по ней очень искусно и мило нарисовалъ онъ рядъ Турецкихъ желтыхъ шалей, будто развѣшанныхъ съ ихъ пестрыми украшеніями, бордюрами, пальмами. Зала была раскрашена полосами всевозможныхъ цвѣтовъ, остальные двѣ комнаты были просто выкрашены. Нужны были мебели, и въ этомъ случаѣ мнѣ посчастливилось. Вслѣдъ за огородниками прибылъ изъ колоній съ береговъ Азовскаго моря хорошій Нѣмецъ-столяръ, который оставался почти безъ работы. Я заказалъ

ему стулья, столы, шкафы изъ орѣховаго дерева, которымъ нерѣдко въ Крыму топятъ печи, и все по рисункамъ того же чиновника, котораго, увы, прозваніе я позабылъ. За довольно высокую цѣну выписалъ я изъ Θεодосія Турецкія шерстяныя матеріи для покрывки дивановъ и обшивки мебели, также нѣкоторыя Турецкія издѣлія, между прочимъ небольшіе столики съ наклейкой изъ перламутра и черепахи. Все вмѣстѣ съ привезенными изъ Пензы вещицами, картинками, эстампами и прочимъ разставлено было, казалось мнѣ, довольно со вкусомъ. Отъ дверей залы, какъ сказалъ я, было шесть или семь шаговъ до горы, въ которой Бородинымъ былъ вырытъ погребъ, съ каменнымъ сводомъ при входѣ. Погребъ велѣлъ я зарыть, превратилъ впадину въ гротъ, а сводъ украсилъ мохомъ и разноцвѣтными разной величины раковинами, коими изобилуютъ берега Босфора. Также какъ во всѣхъ Керченскихъ домикахъ, потолки тутъ были досчатые съ планочками, выкрашенные темною масляною краскою; великое затрудненіе представилось мнѣ, когда въ двухъ комнатахъ, обращенныхъ на Югъ, надобно было пробивать ихъ и надъ отверстіями въ крышѣ дѣлать фонари, дабы свѣтъ проникалъ только сверху. Всѣ окна въ силъ комнатахъ были совсѣмъ задѣланы, оставлены только въ тѣхъ, кои на Сѣверъ заслонены были высокой горой отъ солнечныхъ лучей. Все это предосторожности противъ жестокостей горящаго свѣтила.

Какъ усладительно мнѣ бывало лежать на диванѣ, въ прохладѣ, подъ защитою толстыхъ каменныхъ стѣнъ отъ палящаго зноя, продолжавшагося во все лѣто. Двѣ комнаты мои весьма похожи были на каюты въ корабляхъ; съ девяти часовъ утра до шести вечера, ежедневно, постоянно дулъ вѣтеръ; онъ не прохладилъ воздуха, а высоко воздымалъ волны, которыя съ шумомъ и ревомъ разбивались о берегъ; внимая имъ, мнѣ казалось иногда, что я въ безопасности посреди моря. Однимъ словомъ, я умѣлъ создать себѣ наслажденія даже въ Керчи. Немало удовольствія чувствовалъ я и въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ Грековъ, которыхъ, равно какъ и Минарскаго, видѣлъ я въ городѣ, по утрамъ три раза въ недѣлю: сего достаточно было для принятія ихъ вздорныхъ просьбъ, для полученія и отправленія бумагъ съ почты и на почту.

Когда вскорѣ по пріѣздѣ моемъ прошли слухи о намѣреніи моемъ воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы ускользнуть изъ Керчи (слухи, кои не опровергалъ я и не подтверждалъ), то и тогда Греки плохо имъ вѣрили. Они разсуждали такъ между собою: «Чего здѣсь нѣтъ у этого человѣка? И нѣсколько сотенъ Донскихъ козаковъ, составляющихъ карантинную и таможенную стражу, изъ коихъ двое всякой день у него на вѣстяхъ, и пребольшой катеръ съ

двѣнадцатью матросами-гребцами, на которомъ сколько ему угодно можетъ онъ разгуливать по проливу (des superbes droits du Seigneur), и сколько почестей, и какая власть! Возможно ли съ такими благами добровольно разстаться? Эти варвары не имѣли понятія объ умственныхъ, о нравственныхъ удовольствіяхъ, коихъ я былъ совершенно лишень. Когда же дошло до нихъ о неимовѣрной, по ихъ мнѣнію, роскоши моего лѣтняго мѣстопробыванія, то они еще болѣе убѣдились въ томъ, что я приковался къ своей должности. О томъ скоро увѣдомленъ былъ Скасси въ Петербургъ, и пошли совѣты о средствахъ положить конецъ сатрапскому житію моему.

О немъ еще нѣсколько словъ. Я хотѣлъ жить въ уединеніи, а не въ совершенномъ отшельничествѣ и для того спѣшилъ населить опустѣвшіе домики. Одинъ изъ нихъ занялъ нанятый мною женатый садовникъ, который подсаживалъ деревцы, ходилъ за виноградомъ и цвѣтами. Ему въ помощь даны были двѣнадцать матросовъ съ катера, которые съ унтеръ-офицеромъ тутъ же были размѣщены и которые работали за умѣренную плату; разумѣется, все это было изъ собственного моего кармана. Прислуга у меня состояла изъ семи чловѣкъ, въ числѣ коихъ было два Татарина въ Азіатскихъ костюмахъ; всѣ они по возможности обязаны были заниматься садоводствомъ. Сверхъ того находилось на моемъ иждивеніи двое канцелярскихъ, которые или писали подъ диктовку, или переписывали мои бумаги. Это конечно не составляло мнѣ общества, по крайней мѣрѣ сколько-нибудь оживляло мою пустыню. Имѣя хорошаго повара и все нужное для угощенія, при неимовѣрной дешевизнѣ припасовъ, нельзя мнѣ было не приглашать къ себѣ погулять и пообѣдать людей мнѣ болѣе пріятныхъ. Дабы не возбудить неудовольствій, принужденъ я былъ звать и другихъ; но почти всѣ отговаривались подъ предлогомъ неимѣнія экипажа (какъ будто таратайки и телѣжки не экипажъ), я не настаивалъ и былъ тѣмъ весьма доволенъ. Въ мирномъ убѣжищѣ моемъ мнѣ не очень хотѣлось видѣть непріязненные лица, и для того я самъ ѣздилъ къ нимъ въ городъ; къ тому же мнѣ казалось смѣшнымъ, принимая тутъ просителей, какъ будто подражать Святому Людовику, когда онъ судилъ и рядилъ подъ Венсенскимъ дубомъ. На горѣ, надо мной, видны были не развалины, а на довольно большомъ протяженіи остатки древнихъ каменныхъ фундаментовъ, чтѣ и служило доказательствомъ существованія тутъ нѣкогда городка Нимфеи. Симъ именемъ хотѣлось мнѣ назвать и хуторъ мой; но на немъ не было ни одной Нимфы, исключая матери семейства, довольно пожилой жены садовника. Всѣ эти мелочи, подробности всякому покажутся ничтожными, для меня же онѣ драгоценны тѣмъ болѣе, что, приводя ихъ себѣ на

память, по мѣстѣ семь творю я поминки: ибо, какъ мнѣ сказывали, не осталось на немъ и слѣдовъ того, что при мнѣ было; оно по частямъ роздано въ наймы городскимъ жителямъ, которые развели свои хозяйства, прежнимъ домикамъ дали развалиться и на другихъ мѣстахъ настроили себѣ новые.

Пользуясь правомъ, осматривая заставы, разѣзжать по берегамъ, я лѣтомъ два раза отлучался изъ Керчи. Первое путешествіе сдѣлалъ я на Азіатской берегъ. въ Тамань, вмѣстѣ съ Синельниковымъ, не весьма пріятнымъ для меня спутникомъ. Рано по утру 29 Іюня, въ Петровъ день, сѣли мы съ нимъ на мой катеръ и отправились черезъ проливъ. Съ Апрѣля мѣсяца не было ни капли дождя, и около полудня, не смотря на свѣжесть морской влаги, начали мы чувствовать жаръ нестерпимый. Болѣе тридцати верстъ должны мы были проѣхать, а едва сдѣлали двадцать, когда на небѣ показались облака, которыя мы радостно привѣтствовали. Не съ такимъ удовольствіемъ увидѣли мы черныя тучи, которыя вскорѣ потомъ начали подниматься съ Запада; не успѣли мы еще доплыть до противоположнаго берега, когда все потемнѣло, какъ въ сумерки. Счастливыми почли мы себя, вошедъ въ приготовленную намъ квартиру, ибо въ эту самую минуту пошелъ проливной дождь и сдѣлалась гроза, какія можно видѣть только въ жаркихъ климатахъ. Громъ заглушалъ рѣчи наши, а съ огненнаго неба ниспадали цѣлыя катаракты.

Хозяинъ, насъ пріютившій, былъ нѣкто г. Арцыбашевъ, дворянинъ старинной фамиліи, очень пріятный и благовоспитанный юноша, съ большимъ состояніемъ, который весьма косвенно принималъ участіе въ дѣлѣ 14 Декабря. За то и не былъ онъ сосланъ въ Сибирь, а изъ кавалергардскаго полка переведенъ тѣмъ же поручичьимъ чиномъ въ Таманскій гарнизонный баталіонъ. Наказаніе немаловажное: онъ велъ тутъ самую томительную жизнь. Онъ нанималъ лучшій домъ, то-есть одинъ только порядочный въ этомъ пригородкѣ, имѣлъ хорошій столъ, и самъ начальникъ его, полковникъ Бобоѣдовъ, почти всякой день приходилъ къ нему обѣдать. Я не вѣрилъ ему, когда онъ утверждалъ, что въ Керчь пріѣзжаетъ какъ бы въ какую столицу; а тутъ имѣлъ я случай убѣдиться въ истинѣ его словъ. Когда прояснѣло, и гроза, продолжавшаяся три или четыре часа, совсѣмъ утихла, пошли мы сперва въ небольшую церковь, соборомъ именуемую, посмотреть на единственную тутъ достопримѣчательность, извѣстный Тмутараканскій камень. Оттуда пошли гулять, а куда?.. въ поле, въ степь. Было почти сухо; алчущая земля съ жадностію поглотила всю дождевую воду, пріятная прохлада смѣнилась зной, а мнѣ стало грустно. Чувствительно было совершенное отсутствіе человѣка; я былъ въ

краю земли давно отжившемъ вѣкъ свой, истощенномъ, отъ котораго давно бѣжали новыя поколѣнія, тогда какъ курганы кругомъ свидѣтельствовали вездѣ о безчисленности племенъ его обитавшихъ. Царствовало угрюмое, могильное молчаніе; не встрѣтишь вспаханнаго куска земли, не услышишь скрипа телѣги, не увидишь вдали появленія всадника: все было пусто и мертво. Не знаю, гдѣ были гарнизонные солдаты, а въ самой Тамани я ихъ почти не видѣлъ. По близости находилась крѣпость Фанагорія; до нея мнѣ не было никакого дѣла, и я не полюбопытствовалъ взглянуть на нее.

Проведя ночь весьма покойно, благодаря доброму нашему хозяину, на другой день рано поутру отправились мы въ коляскѣ, принадлежащей тому же гостепріимному Арцыбашеву, на Бугазскій мѣновой дворъ. Печальная картина вчерашняго вновь представилась намъ и на протяженіи двадцати верстъ: ни хижинки, ни деревца, ни человѣка, ни звѣря не случилось намъ увидѣть. Быстрая ѣзда и утренній холодокъ сколько-нибудь разгоняли неодолимую тоску. Многостоящія карантинныя зданія, куда мы пріѣхали, только что достроенныя, уже разваливались; тутъ нашли мы чиновника Дю-Брикса, сына одного поганнаго Француза въ Керчи живущаго: какъ нарочно объ эту пору ни одного пассажира не было. По крайней мѣрѣ имѣлъ я удовольствіе въ первый и въ послѣдній разъ увидѣть устье знаменитой рѣки Кубани, въ древности Гипаниса. Давъ лошадямъ отдохнуть и выгормиться, поскакали мы обратно въ Тамань, гдѣ опять ожидалъ насъ хорошій обѣдъ. Тотчасъ послѣ него сѣли мы на катеръ и черезъ нѣсколько часовъ прибыли къ Европейскому берегу. Арцыбашевъ былъ совершенно правъ: увидѣвъ Керчь, намъ показалось, что изъ гробовъ мы возвратились къ жизни.

Въ началѣ Іюля другую прогулку сдѣлалъ я въ Теодосію, съ намѣреніемъ внимательнѣе посмотрѣть на сію соперницу моей Керчи. Почти тоже впечатлѣніе, которое произвелъ на меня сей послѣдній городъ по возвращеніи изъ Тамани, почувствовалъ я вѣзжая въ Теодосію, гораздо болѣе оживленную, болѣе образованную. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ все это сдѣлалось наоборотъ. Богдановскій принялъ меня какъ добраго сосѣда; супруга его какъ человѣка, съ которымъ до сыта могла наговориться по-французски. Быстрымъ взглядомъ осмотрѣлъ я мѣстности города и уже описалъ ихъ; о живущихъ не сказалъ ни слова, ибо въ первый пріѣздъ не видалъ ихъ, а въ это трехдневное пребываніе нашелъ между ими три лица довольно примѣчательныхъ.

Въ карантинной конторѣ начальникомъ былъ князь Павелъ Ивановичъ Долгорукій, старшій сынъ поэта, бывшаго Пензенскаго вице-

губернатора. Онъ былъ человекъ добрый, довольно скучный, который безпрестанно игралъ на фортепiano очень хорошо, но слишкомъ громко, отъ того что былъ почти глухъ. Управлялъ таможей Павелъ Васильевичъ Гаевскій, старожилъ Θεодосійскій, умный, весьма чванный, къ тому же великій хлѣбосоль. Третья особа, на которую обращались всѣ взоры, была крещеная Еврейка Марья Семеновна Гейницъ, вдова послѣдняго комманданта, отчего и прозвана старой коммандантшей. Она слыла очень богатою, не имѣла ни дѣтей, ни родныхъ, и всѣ, надѣясь на ея наслѣдство, угождали ей: вотъ почему всегда говорила она утвердительно и повелительно.

Еще примѣчательнѣе былъ одинъ несчастливецъ, не сосланный, а поневолѣ поселившійся въ Θεодосіи, Семень Михайловичъ Броневской, много лѣтъ бывшій въ ней градоначальникомъ, человекъ честнѣйшій и просвѣщеннѣйшій, конечно немного задорный, часто не въ ладахъ съ Новороссійскими генераль-губернаторами, отъ коихъ градоначальства тогда еще не зависѣли. Сіе поколебало довѣренность къ нему правительства; довершили же его паденіе происки Греческой партіи, которая и тутъ находится и которая клеветами своими умѣла очернить его въ глазахъ всѣхъ министровъ. Еще при Александрѣ былъ онъ уволенъ отъ должности безъ просьбы, безъ вины и безъ копѣйки пенсіона, тогда какъ кромѣ одного сада у него ровно ничего не было. Во дни долгаго управленія своего купилъ онъ въ полторѣ верстѣ отъ города восемь или девять десятинъ удобной земли, небольшой участка, на коемъ построилъ онъ домикъ, состоящій изъ четырехъ или пяти комнатъ и который засадилъ онъ любимыми своими миндальными деревьями. Какъ будто изъ благодарности за его попеченія доставляли они ему пропитаніе: около трехъ тысячъ ассигнаціями давали они ему ежегоднаго дохода*). Какое положеніе! Оставаться безъ всякой власти среди враговъ своихъ, которые при встрѣчахъ явно оказывали ему презрѣніе; за то всѣ Русскіе чиновники и всѣ порядочные люди пріязненнымъ и почтительнымъ обхожденіемъ наперерывъ старались утѣшить его. Двѣ трети года проводилъ онъ въ единственномъ своемъ убѣжищѣ; на зиму же, по недостатку въ дровахъ, удалялся къ старому другу своему генералу Бекарюкову, въ имѣніе его, версть за тридцать находящееся. Я посѣтилъ его, выслушалъ жалобную его исторію и нашель, что подобная участь ожидаетъ и меня, если я долго на мѣстѣ оставаться буду.

*) Послѣ смерти Броневского, сія дачка досталась по покункѣ герою Кавказа Котляревскому, который на ней оканчиваетъ славную, болѣзнями и равами отищенную жизнь свою.

Вотъ все, что въ Θεодосіи на этотъ разъ могъ я увидѣть и замѣтить.

Числомъ посѣтителей, хотя и не качествомъ, городъ Керчь въ это лѣто не былъ богатъ. Первый, показавшійся въ Іюль, былъ знакомый нашъ полковникъ баронъ Пфейлицеръ-Франкъ, который находился въ сопровожденіи или, не знаю, сопровождалъ окружнаго жандармскаго начальника, полковника Михаила Петровича Родзянку. Въ первый разъ увидѣлъ я голубой мундиръ, для многихъ тогда еще столь страшный, и въ немъ человѣка благороднаго, самаго обходительнаго. Они провели въ Керчи всего полторы сутки и большую часть у меня на хуторѣ. Ни одной жалобы, ни одного доноса подано не было.

Впрочемъ, Греки могли бы имѣть на меня большое неудовольствіе, еслибъ знали истину. Званіе Керченскаго Грека, точно также какъ и Нѣжинскаго, прежде заключало въ себѣ вѣчто важное. Они составляли особое сословіе, особое общество, въ которое не могли входить жители города другихъ націй. Они одни участвовали въ выборахъ, одни пользовались доходами съ поземельныхъ угодьевъ и распоряжались городскими суммами. Желая навсегда удержать за собою права сіи, они неохотно, и то въ маломъ числѣ, допускали Русскихъ и Татаръ селиться на городской землѣ. Весною сотни двѣ бродягъ шатались въ окрестностяхъ по обѣимъ сторонамъ пролива; всѣ они были бѣглецы изъ Курской, Калужской, кажется, даже изъ Костромской губерній. Имъ вздумалось подать мнѣ просьбу о дозволеніи поселиться въ Керчи. Будучи о томъ предувѣдомленъ, тайно поручилъ я сказать имъ, что велю всѣхъ ихъ схватить, если въ просьбѣ не назовутъ себя Задунайскими переселенцами. Я очень хорошо зналъ, что не имѣю права приписать ихъ къ городу безъ согласія Грековъ и утвержденія Таврической Казенной Палаты; не менѣе того о семъ причисленіи послалъ я къ ней бумагу. Къ счастью, Минарскій не захотѣлъ предостеречь меня: онъ видѣлъ въ этомъ глупость мою и радъ былъ дать мнѣ ее сдѣлать. Въ отвѣтъ своемъ Палата спросила меня, имѣютъ ли сіи люди паспорта, свидѣтельства объ увольненіи отъ обществъ? Тогда частнымъ, секретнымъ, дружескимъ, ласковымъ письмомъ старался я пристыдить Лонгинова, доказывая, какъ недѣло требовать видовъ у людей, спасшихся бѣгствомъ отъ Турецкой сабли, отъ гоненій, даже истязаній, претерпѣваемыхъ тогда Христіанами на Востокѣ. Утвержденіе Палаты не замедлило затѣмъ послѣдовать.

Вотъ тутъ-то Греки, еще прежде Минарскимъ извѣщенные, съ торжествомъ явились ко мнѣ, дабы показать мнѣ (въпрочемъ, въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ) всю противузаконность моего поступка.

Я казался изумленнымъ, смущеннымъ и началъ извиняться невѣдѣніемъ своимъ, происходящимъ отъ новости въ занимаемой мною должности. «Неужели, господа, сказалъ я имъ, захотите вы градоначальника вашего и вице-губернатора уличить въ непростительной опрометчивости? Не лучше ли будетъ, если заднимъ числомъ напишу я вамъ предложеніе, а вы, заднимъ же числомъ, дадите ваше согласіе. Къ тому же, продолжалъ я, что такое эти люди? Они всегда будутъ въ вашей зависимости и умножать только число служителей вашихъ». Сіе послѣднее, кажется, убѣдило ихъ сдѣлать все по моему. Имъ хотѣлось устыдить меня, заставить просить себя, и на первый случай этого было съ нихъ довольно.

Долженъ признаться, я покривилъ тутъ душой, но для собственной ли пользы? Мнѣ хотѣлось какъ можно болѣе на эту почву набросать Русскихъ сѣмянъ, въ надеждѣ (что говорю я? въ увѣренности), что когда добрая трава разрастется, то непременно заглушитъ негодную: *le froment étouffera l'ivraie*.

Въ томъ же Юльѣ навѣстилъ меня прелюбезнѣйшій Александръ Ивановичъ Казначеевъ, который тогда безъ дѣла и безъ должности разгуливалъ по Крыму. Въ предыдущемъ году былъ онъ раздосадованъ тѣмъ, что, вмѣсто ожидаемой Аннинской ленты, получилъ только Владимирской крестъ 3-й степени. Правителю канцеляріи лента! Согласіе между чинами, мѣстами и орденами начинало уже разрушаться и понятія о томъ смѣшиваться. Онъ одинъ имѣлъ право смѣло и чисто-сердечно говорить съ Воронцовымъ и по возвращеніи послѣдняго изъ Петербурга, можетъ быть, слишкомъ рѣзко объяснилъ ему свое неудовольствіе; тотъ вышелъ изъ терпѣнія, и они поссорились. Слѣдствіемъ того было удаленіе его отъ должности и назначеніе на его мѣсто въ три года три чина получившаго Лекса, всегда покорнаго, угодливаго, болѣе хитраго и болѣе свѣдущаго въ дѣлахъ. Со всегдашнимъ безпристрастіемъ моимъ въ этомъ случаѣ я не смѣю винить графа, къ которому охолодѣлъ, а скорѣе много-любимаго мною Казначеева. Онъ прогостилъ у меня дни три, если не болѣе. Какъ всѣ люди, недовольные своимъ положеніемъ, и я желалъ возбудить въ немъ состраданіе; но, судя по одной наружности, онъ нашелъ его довольно пріятнымъ. Жестокій, къ сожалѣнію моему, онъ нимало не пожалѣлъ обо мнѣ!

Кстати о Лексѣ. Я давно потерялъ изъ вида Одессу. Сношенія мои съ нею хотя были рѣдки, но пріятны. Въ отношеніяхъ ко мнѣ исправляющаго должность генераль-губернатора господствовалъ такой скромный и вѣжливый тонъ, къ какому Воронцовъ съ Казначеевымъ не приучали насъ. Замѣтно было, что Новороссійскимъ краемъ, управ-

ляетъ дипломатъ и канцеляріей его человѣкъ, который старается со всѣми ладить.

Скоро долженъ былъ я познакомиться съ временнымъ моимъ начальникомъ. Въ Керчи приготовлялись къ важному событію: къ торжественному открытію порта, причемъ самъ онъ долженъ былъ присутствовать. Прежде еще чѣмъ онъ появится, желательно мнѣ въ кратцѣ изобразить жизнь его и характеръ. Третій сынъ Палена, столь извѣстнаго при Павлѣ и въ началѣ царствованія Александра, графъ Ѳеодоръ Петровичъ почти въ малолѣтствѣ Екатериною пожалованъ былъ конногвардейскимъ офицеромъ. Онъ былъ красивъ собою, любезенъ, уменъ, но, какъ говорятъ, плохой наѣздникъ. Разъ Императоръ, прогуливаясь верхомъ съ отцемъ-Паленомъ, встрѣтилъ его въ полной формѣ, также на конѣ. Замѣтивъ его неловкость, Павелъ по-нѣмецки, съ негодованіемъ, спросилъ у отца, кто онъ таковъ? Это мой сынъ, ваше величество, отвѣчалъ онъ, ein dummer Junge, es wäre besser ihm zum Kammerherren zu machen (глупой мальчикъ, ему бы лучше быть камергеромъ). Вотъ какъ вдругъ попалъ онъ въ четвертый классъ. Вездѣ, гдѣ потомъ находился въ миссіяхъ, отличался онъ и способностями, и приличіемъ поступковъ; былъ попеременно чрезвычайнымъ посланникомъ въ Соединенныхъ Американскихъ Штатахъ, въ Бразиліи и, наконецъ, въ Мюнхенѣ. Кажется, онъ не поладилъ съ Нессельроде и оставилъ службу.

Будучи съ нимъ пріателемъ, Воронцовъ предложилъ ему вакантное мѣсто Одесскаго градоначальника, съ тѣмъ, чтобы при отъѣздѣ передать ему на время управленіе Новороссійскаго края. Онъ никогда по административной части не служилъ; оттого дѣйствовалъ осторожно, осмотрительно, ничего лишняго не затѣвалъ, придерживаясь существующаго порядка, и ввѣрился Лексу, въ чемъ и не имѣлъ причины раскаиваться.

При первой съ нимъ встрѣчѣ, онъ мнѣ чрезвычайно полюбился. Съ малыхъ лѣтъ видѣлъ я лучшее общество, а онъ былъ самымъ пріятнымъ его представителемъ и назывался въ немъ милымъ Фрицомъ. Кипучая кровь, добрѣйшее сердце, благороднѣйшія чувства и правила, живой умъ, веселый нравъ, въ немъ было все то, что приходилось мнѣ по душѣ. Были, конечно, и недостатки, принадлежащіе болѣе вѣку и только въ моихъ глазахъ: республиканизмъ, украшенный какимъ-то древнимъ рыцарскимъ духомъ, и безвѣріе, умѣряемое наружнымъ уваженіемъ ко всѣмъ чужимъ вѣрованіямъ.

Я очистилъ и приготовилъ для него генеральскій домъ, а самъ помѣстился въ одной комнаткѣ флигеля. Онъ пріѣхалъ 4 Августа съ намѣреніемъ на другой же день открыть портъ и тотчасъ потомъ

уѣхать. Тщетно просилъ я его взглянуть на Еникале, на Тамань и посѣтить мой хуторъ. Однако уговорилъ его отложить наше торжество до 6-го числа, до великаго праздника Преображенія Господня. Онъ все отговаривался тѣмъ, что я тутъ полный хозяинъ и что онъ долго въ гостяхъ оставаться не любитъ, опасаясь обременить собою.

Наше празднество не было довольно великолѣпно, чтобы заслуживать большаго описанія; нѣсколько словъ долженъ я, однако, сказать объ немъ. По совершеніи протоіереемъ молебствія съ водоосвященіемъ на берегу взморья, отправились мы въ самый большой изъ карантинныхъ магазиновъ, въ который свѣтъ проходилъ сквозь верхнія окна и гдѣ былъ накрытъ столъ на шестьдесятъ приборовъ. Не знаю откуда набрали столько народу; издержки были большею частію на счетъ городскихъ суммъ, (Греки разщедрились), частію же изъ карантинныхъ. Синельниковъ всѣмъ распоряжался и дѣлалъ приглашенія. Обѣдъ былъ препорядочный, вино лилось съ избыткомъ, и не было конца тостамъ, которые сопровождались выстрѣлами изъ пушекъ. Синельниковъ гдѣ-то досталъ ихъ съ военныхъ судовъ и перевезъ на берегъ. Несчастное приключеніе, бывшее въ продолженіи обѣда, многимъ показалось худымъ предвѣщаніемъ для открывающагося порта. Одинъ молодой человекъ, служившій въ карантинѣ канцелярскимъ, имѣлъ страсть къ артиллерійскому дѣлу и выпросилъ себѣ позволеніе находиться при одной изъ пушекъ. Наканунѣ, говорятъ, обнималъ онъ ее, садился на нее верхомъ, приговаривая: ну, завтра поѣздимъ мы на тебѣ! Тщетно прикладывалъ онъ зажженный фитиль къ орудію, а когда нагнулся къ отверстию пушки, чтобы взглянуть внутрь ея, она выпалила и пыжомъ убила его на повалѣ.

Ни графу Палеву, ни мнѣ ничего не сказали о томъ, дабы не нарушить веселаго расположенія нашего, еще умножившагося къ концу трапезы. Палевъ согласился остаться на нѣкоторое время. Къ семи часамъ вечера начали пріѣзжать дамы; я такъ называю ихъ потому, что ихъ мужья и отцы имѣли чины и что сами онѣ кое-какъ выучились танцовать; вскорѣ явилось нѣсколько морскихъ офицеровъ, и начался балъ, единственный, который видѣлъ я въ Керчи. Онъ происходилъ въ томъ же мѣстѣ, гдѣ мы обѣдали, въ томъ же огромномъ сараѣ, который легко бы можно было обратить въ большую приходскую церковь. Онъ освѣщенъ былъ сотнями свѣчекъ, а не свѣчей, то есть салныхъ, а не восковыхъ, ибо сихъ послѣднихъ трудно было достать. Въ девять часовъ Палевъ сказалъ мнѣ: Кажется, довольно, и предложилъ воротиться домой. Мы еще кое о чемъ потолковали по возвращеніи, и между прочимъ сказалъ онъ мнѣ: «Я исполнилъ высшее предписаніе; а согласитесь, что мнѣ здѣсь нечего было дѣлать; при васъ дѣло обошлось бы

и безъ меня». Я простился съ нимъ, а на другой день, 7-го Августа, я не успѣлъ еще проснуться, когда онъ поспѣшилъ ускакать отъ насъ.

И такъ, три дня провели мы почти съ глазу на глазъ и успѣли хорошо другъ друга разглядѣть. Хозяйство мое все было на хуторѣ, а онъ по-барски возилъ съ собою собственнаго повара: такимъ образомъ хозяину пришлось обѣдать у гостя втроемъ со старшимъ Сафоновымъ, который одинъ сопровождалъ его. Какъ и со всѣми, былъ онъ учтивъ и ласковъ съ Керченскими Греками и спрашивалъ у нихъ разъ, безъ меня, объ ихъ нуждахъ; они отвѣчали, что всѣмъ совершенно довольны, и ни одной жалобы отъ нихъ не было ни подано, ни заявлено, не только на меня, ни даже на полицію. Вообще, Керчи онъ отмѣнно понравился, но она ему не совсѣмъ понравилась. У него вырвалось, что безъ глубокаго сожалѣнія онъ не можетъ подумать объ ужасной скукѣ, которая ожидаетъ меня зимой. Улыбаясь, отвѣчалъ я ему, можетъ быть, умру отъ нея, если онъ не захочетъ спасти меня. Затѣмъ объяснилъ я ему, какъ графъ Воронцовъ подъ предлогомъ дѣлъ службы извлекалъ меня иногда изъ Кишинева въ Одессу, а что тутъ идетъ дѣло о *важныхъ* совѣщаніяхъ по предмету устройства и благосостоянія новаго порта. Онъ поколебался сначала, не будучи очень увѣренъ еще въ правахъ своихъ; наконецъ, былъ мною убѣжденъ и обѣщался по первому отзыву моему доставить мнѣ пригласительную бумагу. Я былъ утѣшенъ сей надеждой и нѣсколько дней послѣ отъѣзда его оставался совершенно спокоенъ.

Вдругъ, 20 Августа, прискакали мнѣ сказать, что къ намъ пожаловали гости еще знаменитѣе Палена, бывшій генераль-губернаторъ графъ Александръ Ѳедоровичъ Ланжеронъ съ супругою, и что онъ остановился въ какомъ-то небольшомъ домикѣ, отказавшись отъ генеральскаго дома. По совѣту обманщика Скасси купилъ онъ негодное имѣніице съ соляными озерами, близъ Кумышь-Буруна, неподалеку отъ Керчи, и пріѣхалъ взглянуть на свое владѣніе. Я поспѣшилъ ихъ увидѣть и, признаюсь, обрадовался имъ: графиня была ко мнѣ всегда очень добра, а онъ былъ любезнѣе, веселѣе, забавнѣе и каламбурнѣе чѣмъ когда либо. Ужъ я ли не возился съ ними, для нихъ цѣлую недѣлю велъ кочевую жизнь, каталъ ихъ по взморью, угощалъ ихъ обѣдами у себя и въ карантинѣ, и въ городскомъ домѣ, и на хуторѣ. Въ день коронаціи, 22 числа, въ мундирѣ пошелъ я къ обѣднѣ; къ молебну явился и графъ Ланжеромъ въ Андреевской лентѣ съ бриліантовой звѣздой. По окончаніи молебствія потребовалъ онъ, чтобы я шелъ передъ нимъ, говоря: *les autorités locales avant tout*. Я церемонился, все ждало; протопопъ былъ въ недоумѣніи, наконецъ, я повиновался, но, подходя къ протоіерею, немного отстранился и глазами

указаль ему на Ланжерона, къ которому самъ поднесъ онъ крестъ. Въ Керчи другой иллюминаціи тогда не знали кромѣ горящихъ смоляныхъ бочекъ, въ большіе торжественные дни ихъ ставили передъ жилищемъ градоначальника; я велѣлъ зажечь ихъ предъ квартирой Ланжерона. Съ обѣихъ сторонъ недѣлю продолжался обмѣнъ ласкъ и привѣтствій.

Вскорѣ послѣ отъѣзда Ланжерона, могъ бы я увидѣть нѣкоторую небольшую, едва замѣтную переимѣну въ обхожденіи со мной Грековъ; но я какъ-то не обратилъ на то вниманія. Между тѣмъ мнѣ захотѣлось потѣшить самого себя, а совсѣмъ не ихъ, и для того затѣялъ я большую вечеринку 10 Сентября у себя на хуторѣ. Я былъ намѣренъ проститься съ нимъ, вслѣдъ за тѣмъ разстаться и съ самой Керчью, не возвращаться въ нее болѣе изъ Одессы, а оттуда послать прошеніе объ увольненіи моемъ, мѣсяца два спустя, дабы не столь кратковременнымъ показалось нахожденіе мое въ должности.

На свою вечеринку позвалъ я всѣхъ первостатейныхъ жителей съ ихъ женами, которыхъ только можно было пригласить, также всевозможныхъ чиновниковъ и чиновницъ, что составило болѣе пятидесяти душъ обоюго пола; всѣ пріѣхали кто на чемъ попало. Чѣмъ было угостить ихъ? Я долженъ былъ нарочно посылать въ Θεодосію за шкаликами и восковыми свѣчами; на мѣстѣ же нашель я достаточное количество плошекъ и всѣми употребляемыхъ бумажныхъ фонарей, которые таможенный художникъ мой разукрасилъ разноцвѣтными красками. Домикъ мой внутри горѣлъ какъ въ огнѣ; снаружи былъ обвѣшанъ длинными фестонами разцвѣченныхъ фонарей, остальное на довольно большомъ протяженіи освѣщено было всѣмъ, что можно зажечь, даже смоляными бочками. Ночь была тихая, теплая, очаровательная, и морская равнина также иллюминирована была сіяніемъ безчисленныхъ звѣздъ. Ни музыки достать, ни плясать—было негдѣ. Въ комнатахъ и безъ того становилось душно, большая часть посѣтителей предпочитала гулять на воздухъ и возвращаться въ нихъ только для отдохновенія. Все заключилось ужиномъ, и всѣхъ, смѣю сказать, накормилъ я на убой и напоилъ на пропалую. Гораздо за полночь всѣ съ видимою благодарностію оставили меня. Одно удивило меня въ этотъ вечеръ: градской голова Хамаритѣ, всегда полусогбенный предо мною, тутъ подошелъ ко мнѣ смѣло и свободно безъ наклоненія головы, взялъ меня за руку и крѣпко пожалъ мнѣ ее; гостепріимство на этотъ разъ не дозволило мнѣ ее быстро отнять у него. Послѣ того оставался я еще три дня въ пріятномъ, совершенномъ уединеніи; наканунѣ же Воздвиженія, 13 числа, вечеромъ совсѣмъ перебрался въ

генеральской домъ и съ нетерпѣніемъ началъ ожидать бумаги отъ Палена.

Вскорѣ потомъ стало мнѣ весьма очевидно, что противъ меня есть замыселъ у Грековъ. Они вдругъ сдѣлались дерзки; низшіе изъ нихъ начали бунить, безпрестанно заводили драки на базарѣ, не слушались полиціи, пренебрегали ею, даже обижали ее, и они же приходили ко мнѣ съ жалобами, грубымъ тономъ изъясненными. На улицѣ встрѣчаясь со мной, снимали, правда, шапки, но съ видомъ угрюмымъ, недовольнымъ. Однимъ словомъ, смѣшно сказать, я увидѣлъ начало настоящаго возмущенія.

Что бы это все значило? спросилъ я у себя. А вотъ что. Зимой графъ Воронцовъ долженъ былъ изъ Лондона воротиться въ Петербургъ, а тогда недавно пожалованный статскій совѣтникъ Скасси долженъ былъ лишиться всякой надежды на полученіе давно желаемаго мѣста. Надобно было предупредить этотъ прїѣздъ, произвести какой-нибудь большой скандалъ, пустить о немъ молву въ преувеличенномъ видѣ; для того нужно было вывести меня изъ терпѣнія, заставить дѣйствовать самоуправно; потомъ, не теряя времени, нанести мнѣ окончательный ударъ. Паленъ самъ собою не рѣшился бы кого нибудь представить на мое мѣсто, а Нессельродъ между тѣмъ Государю предложилъ бы Скасси. Какъ все это хорошо было обдуманно! Объ одномъ не помыслилъ г. Скасси, о томъ, что, бывъ опредѣленъ безъ вѣдома и согласія Воронцова, онъ на мѣстѣ усидѣть бы не могъ. Изъ Петербурга письменно чрезъ Пасхали возбуждалъ онъ жителей Керчи вооружиться на меня. Ланжеронъ, во время недавняго пребыванія своего, лаская меня, лично ободрялъ ихъ и поощрялъ къ тому же. Могло ли прійти мнѣ въ голову, что старый воинъ, изъ знатнаго рода, стоявшій на самой высокой степени, спустится до столь пакостныхъ интригъ и будетъ дѣйствовать столь измѣнническимъ образомъ? Тотъ, который всегда хвалился своимъ рыцарствомъ и, плѣнившись новаго рода славой, съ Вашингтономъ въ Америкѣ сражался за свободу! Если, передъ революціей, *des chevaliers français tel était le caractère*: нѣтъ ничего удивительнаго, что она выпыхнула. Всегда покровительствуя Скасси, Ланжеронъ ненавидѣлъ Воронцова и во мнѣ хотѣлъ мстить ему. Странны было отношенія мои къ послѣднему: я осужденъ былъ страдать отъ него и за него.

Также какъ Паленъ былъ временнымъ генераль-губернаторомъ, и я почиталъ себя временнымъ градоначальникомъ; также какъ онъ, хотѣлъ я миромъ и добрымъ согласіемъ ознаменовать краткое мое управленіе. Отъ того, статья можетъ, бывалъ я иногда слишкомънисходительнымъ и долженъ былъ казаться слабодушнымъ. Видя почести,

оказанныя мною лѣтамъ и высокому чину Ланжерона, потомъ прिवѣтливость, съ которою, какъ всякій учтивый хозяинъ, во время пустаго праздника моего на хуторѣ принималъ я ихъ, Греки возмечтали, что я, все болѣе прилѣпляясь къ своей должности и чуя опасность, хочу ихъ умилостивить. Чего же болѣе для подлыхъ душъ! Чтò дѣлать, пришлось мнѣ осадить ихъ.

Много было злоупотребленій, на которыя долженъ былъ я смотрѣть сквозь пальцы; нѣкоторыя захотѣлось мнѣ исправить. Главнѣйшій изъ нихъ былъ обычай принятый Греками молодыми и среднихъ лѣтъ, послѣ учрежденія градоначальства, вступать въ казенную службу, то-есть числиться по разнымъ канцеляріямъ, не посѣщая ихъ и продолжая торговать по лавкамъ и лавочкамъ: все это для того, чтобы не платить податей и послѣ получить даромъ одинъ или два офицерскихъ чина. Я поручилъ одному человѣку составить ихъ списокъ, потомъ далъ приказаніе всѣмъ вѣдомствамъ исключить ихъ изъ службы, если добровольно ея не оставятъ, или не согласятся заниматься ею, оставя торговлю. Человѣкъ полтора года возвратилъ я такимъ образомъ въ податное состояніе. Изумленные столь строгою и вмѣстѣ справедливою мѣрою они сначала не смѣли даже возропать.

Другой ударъ, имъ нанесенный, былъ для нихъ едва ли еще не чувствительнѣе. Больно было для Русскаго сердца моего слышать о жестокомъ обращеніи простыхъ, ничтожныхъ Грековъ съ Русскими крѣпостными ихъ людьми, какъ скотъ купленными на Коренной ярмангѣ. Ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ права владѣть ими, ибо купчія крѣпости совершены были на чужія имена людей, коихъ права были столь же сомнительны; но никакой жалобы до меня не доходило. Кто-то подбилъ одного изъ сихъ несчастныхъ подать мнѣ просьбу объ освобожденіи его отъ незаконнаго ига; видя, съ какою благосклонностію она была принята, другіе и во множествѣ послѣдовали сему примѣру. Чтобы отклонить отъ себя всякую отвѣтственность, велѣлъ я изъ сихъ просьбъ составить дѣло и отправить его въ Θεодосійской уѣздный судъ. Я зналъ, что какъ въ немъ, такъ и въ Таврической гражданской палатѣ Греки выиграютъ тяжбу; за то по крайней мѣрѣ должны будутъ хлопотать и много тратиться. Зналъ я также, что дѣло тѣмъ не кончится, а пойдетъ въ Московскій апелляціонный департаментъ Сената, гдѣ пріятель мой Жихаревъ находился оберъ-прокуроромъ. Въ слѣдующемъ году писалъ я къ нему и умолялъ, именемъ Россіи, чести и нашей дружбы, склонить сенаторовъ къ справедливому рѣшенію. Я просилъ, чтобы, не довольствуясь освобожденіемъ людей, не имѣющихъ пристанища, Сенатъ предписалъ указомъ водворить ихъ на жительство въ Керчи. Все сдѣлалось послѣ согласно съ моимъ

желаніемъ, и болѣе чѣмъ сотнею душъ умножилось Русское Керченское народонаселеніе.

А покамѣстъ дни тяжко шли для меня за днями, и я начиналъ уже терять надежду на полученіе отъ Палена обѣщаннаго официальнаго приглашенія. Съ какимъ-то внутреннимъ остервененіемъ, я почти рѣшился, если нужно, остаться часть зимы, не подавая просьбы объ отставкѣ и, воздерживаясь отъ малѣйшей запальчивости, хладнокровно продолжать войну свою съ Греками, въ то время когда Европейскія державы начинали вооружаться за нихъ. Наконѣцъ, когда уже переставалъ я думать объ Одессѣ, получилъ бумагу изъ нея и поспѣшно собрался въ дорогу. Сдавъ должность свою Синельникову, въ Воскресенье 10 Октября, безъ прощаній и проводовъ, оставилъ я Керчь.

VIII.

Погода была чудесная; казалось, что наступила новая весна. Въ Θεодосіи остановился я только съ тѣмъ, чтобы отобѣдать у Богдановскаго и переночевать: нечего было уже мнѣ въ ней видѣть и узнавать. Утро, въ которое на другой день рано оставилъ ее, не иначе умѣю назвать какъ радостнымъ; физическое наслажденіе, которое я чувствовалъ, объяснить нельзя; оно заставило меня забыть все житейское.

Я приостановился немного на первой станціи, называемой Кринички, отъ которой влѣво поворачиваетъ дорога въ извѣстную Судакскую долину. Не помню кому тогда принадлежало это имѣніе *), почтовый же домикъ былъ хорошъ и опрятенъ, а за нимъ находился преобширный господскій садъ, хорошо содержанный, и мнѣ захотѣлось по немъ прогуляться. Также былъ тутъ обильный родникъ или криница, давшая названіе сему мѣсту; предупреждали всѣхъ, чтобы не пили изъ нея, утверждая, что часто производитъ она лихорадку; и неудивительно: вода въ ней чрезвычайно студеная, и въ ужасные жары спѣшатъ утолить ею жажду свою. Листья и на половину еще не облетѣли съ деревьевъ, и я упивался не водой, а такимъ бальзамическимъ воздухомъ, какимъ никогда не случалось дышать мнѣ на Сѣверѣ.

Тотъ же день остановился я опять въ Карасу-Базарѣ, который не могъ видѣть въ первый проѣздъ черезъ него. Пока строился и все не достроивался Симферополь, главные военное и губернское начальства въ немъ помѣщались. Любопытенъ мнѣ показался этотъ Азіат-

*) Нынѣ имѣніе сіе сдѣлалось собственностію знаменитаго живописца нашего Айвазовскаго.

ской городокъ, который живетъ собственно своею внутреннею торговлею. Ея душою Караимы еще болѣе чѣмъ Армяне; но что такое первые? Всѣ скажутъ: Жиды. Нынѣ достовѣрно доказано, что они остатокъ древняго, сильнаго Хазарскаго народа, совѣмъ не Іудейскаго происхожденія, хотя и принявшаго Моисеевъ законъ и сокрушеннаго Византійской имперіей въ X вѣкѣ съ помощію нашего Великаго Владимира. Они одѣты одинаково съ Татарами, говорятъ единственно ихъ языкомъ и болѣе чѣмъ другіе чуждаются Евреевъ-Талмудистовъ. Они слывутъ самыми честными людьми; вообще все мнѣ въ нихъ понравилось: и откровенная наружность, и живость взглядовъ, и большая опрятность, отличающая ихъ отъ другихъ жителей Крима. Одинъ изъ нихъ, довольно богатый, предложилъ мнѣ переночевать у него, но я предпочелъ прежнюю квартиру за городомъ.

Когда 12 числа рано поутру пріѣхалъ я въ Симферополь, то не засталъ въ немъ Нарышкина, который только что уѣхалъ въ Петербургъ на встрѣчу къ графу Воронцову, и я обѣдалъ у любезной его супруги. Управлялъ губерніей Лонгиновъ, и по приглашенію его, въ угожденіе маленькому его тещеславію, 14, въ день рожденія вдовствующей Императрицы, хотѣлъ я быть у молебна въ соборѣ, гдѣ онъ долженъ былъ играть первую роль; но не такъ-то случилось. Еще 13-го, прогуливаясь вечеромъ, зашелъ я на принадлежащій дворянскому собранію преобширный дворъ, на которомъ какой-то пріѣзжій эквилибристъ увеселялъ и удивлялъ публику, состоящую по большей части изъ простолюди, своими прыжками по натянутой веревкѣ. Я сидѣлъ въ одномъ куртукѣ, и мнѣ было почти жарко.

Зима, равно какъ и предтеча ея осень, въ Криму всегда является неожиданнымъ несчастіемъ, ибо никогда не знаешь, когда, и все надеешься, что она не скоро придетъ. Весь Октябрь, а иногда весь Ноябрь, стоитъ такая погода, пользуясь которой я тогда не ѣхалъ, не путешествовалъ, а болѣе гулялъ. Вдругъ 14 Октября пошелъ мелкой дождикъ, воздухъ сдѣлался сыръ и небо пасмурно, что и помѣшало мнѣ идти въ церковь. Въ этотъ день обѣдалъ я у одного новаго знакомаго, страннаго человека, о коемъ слѣдуетъ поразсказать.

На окраинѣ площади-поля стояли незамѣтно рядомъ два дома, одинъ довольно большой, другой—премаленькой. Въ послѣднемъ, убѣгая отъ ужаснаго трактира, въ которомъ передъ тѣмъ останавливался, по найму занималъ я двѣ комнатки; другой принадлежалъ отставному поручику, Александру Ивановичу Султану-Керимъ-Гирееву. Судьба его была столь же странна, какъ онъ самъ и сочетаніе имянъ его. Въ Кавказскихъ горахъ, одинъ Англинской миссіонеръ проповѣдывалъ христіанскую вѣру и никого не успѣлъ обратить въ нее, кромѣ одного

молодаго мальчика изъ Черкесовъ. Оттуда едва успѣлъ онъ унести ноги и увезти съ собою юнаго прозелита. Какъ съ трофеемъ явился онъ съ нимъ въ Шотландію и сталъ выдавать его за потомка Гиреевъ, царствовавшихъ въ Тавридѣ; послѣ того женилъ онъ его на милой дѣвочкѣ Нильсенъ, методисткѣ или квакершѣ. Когда Библейское Общество въ Россіи усилилось, то Пинкертонъ, глава его въ Эдинбургѣ, отправилъ молодую чету въ Петербургъ, гдѣ она была принята не только благосклонно, даже милостиво. Мужу данъ прямо чинъ поручика, только отставнаго, а женѣ большой участокъ земли на Южномъ берегу, вспомогательная сумма на обработываніе ея и по шести тысячъ рублей ассигнаціями ежегоднаго пенсіона. Потомъ послали ихъ въ Крымъ для распространенія вѣры ихъ (право, не знаю какой) не только между Татарами, пожалуй, хоть между Русскими. Крещеный Султанъ имѣлъ столь же мало успѣха, какъ и креститель его; впрочемъ, онъ мало о томъ заботился. Александръ Ивановичъ занимался болѣе размноженіемъ своего семейства *) и своего состоянія, когда я познакомился съ нимъ и когда по сосѣдству пришелъ онъ ко мнѣ съ приглашеніемъ на обѣдъ.

Это былъ добрый, честный полудикарь, котораго характеръ ни сектеризмъ, ни кротость жены не могли совершенно смягчить, котораго опасно было сердить и трудно унимать; а она, не лишенная еще прелестей, была образъ первобытной христіанки, смиренно готовой на мученичество. Онъ клялся всегда одной Англійей, которой обязанъ былъ полупросвѣщеніемъ, и чуждался Россіи, которая дала ему пріютъ и состояніе (видно, уже наша доля такая); а она отечествомъ, казалось, почитала небо, а землю временнымъ изъ него изгнаніемъ. За столомъ былъ онъ говорливъ, даже шуменъ, а она молчалива, съ потупленными взорами и пріятной улыбкой, только что отвѣчая на вопросы; въ кушаньѣ также было нѣкоторое смѣшеніе Англинскаго съ Татарскимъ. Всѣ эти противоположности показались мнѣ крайне любопытными.

Погода вновь перемѣнилась по утру 15 числа, когда я опять долженъ былъ пуститься въ дорогу. Дождя не было, за то ужасный, сильный восточный вѣтеръ, еще довольно теплый, который то нагонялъ, то разгонялъ облака; по крайней мѣрѣ, онъ высушилъ землю, и я могъ не свакать, а летѣть по ней до Перекопа и за него. Въ Керчи завелся я легонькой, двумѣстной каретой; я получилъ ее отъ подрядчика Томазини и, право, не даромъ, а въ промѣнъ за почтовую мою коляску, съ прибавкою трехъ сотъ рублей ассигнаціями. На длинномъ пути изъ

*) Старшая дочь его, весьма красивая собою, гораздо послѣ подъ именемъ Султанши, удостоилась чести быть фрейлиной при Высочайшемъ дворѣ и жить во дворцѣ.

Петербурга какъ скучно, какъ грустно мнѣ бывало сидѣть въ темнотѣ закутаннымъ, закрытымъ отъ дождя, а тутъ могъ я хотя сквозь стекла свободно смотрѣть на Божій свѣтъ. Но на что было глядѣть въ этой отвратительной степи? Высохшая, побѣлѣвшая, высокая, густообразная трава ковыль, силою вѣтра оторванная отъ корня, по дуновенію его кубаремъ катилась черезъ поле и попадала иногда подъ ноги лошадей. Быстрота ихъ бѣга, раздвоя воздухъ, производила другой вѣтеръ, разсѣкающій вихорь, и оттого бѣдная каретка моя ужаснымъ образомъ качалась. Дни становились коротки, на ночь я всегда останавливался, и потому, не смотря на скорость ѣзды, въ этотъ день могъ я только сдѣлать 160 верстъ и выѣхать изъ полуострова. На станціи Чаплинкѣ нашель я дурной ночлежь, но и имъ удовольствовался.

Вѣтеръ утихъ 16 числа; сдѣлалось совершенно ясно, но что-то отмѣнно холодно, какъ иные говорятъ, сиверко. Не останавливаясь въ Каховкѣ, гдѣ я передъ тѣмъ ночевалъ, по мосту переѣхалъ я чрезъ мой любезный Днѣпръ и перемѣнилъ лошадей въ незнакомомъ мнѣ еще городѣ Бериславѣ, бывшемъ Кизикирменѣ. Онъ разбросанъ и разсѣянъ на большомъ пространствѣ, и я только кончикъ его могъ увидѣть. Отъ него еще отѣхалъ я двѣ станціи; въ имѣніи, заселенномъ княземъ Потемкинымъ, доставшемся племяннику его Василью Васильевичу Энгельгардту, называемомъ, кажется, Тягивга, остановился я и попросилъ, чтобы меня куда нибудь пустили ночевать. Мнѣ сказали, чтобы я ѣхалъ на дворъ къ управляющему; онъ былъ въ отлучкѣ, а вмѣсто его приняли меня двѣ хозяйки, жена и теща его, и пригласили меня къ себѣ. Тутъ Польское шляхетное семейство занимало весь господскій домъ, довольно просторный, и я могъ подивиться великолѣпію сдѣланнаго мнѣ пріема. Всѣ комнаты освѣтились восковыми свѣчами, и два часа (время едва достаточное для приготовленія славнаго ужина) дамы продержали меня у себя въ гостиной, меня, утомленнаго и голоднаго (ибо два дни я ничего почти не ѣлъ). Со свойственною Полькамъ любезностію старались онѣ меня занимать, а я къ тому почти былъ не чувствителенъ. Послѣ ужина, за которымъ не нужно было меня потчивать, повели меня въ особую комнату, положили на роскошную постель съ батистовыми простыней и наволоками и покрыли розовымъ атласнымъ стеганымъ одѣяломъ. Такое гостепріимство должно приписать скукѣ, которую эти бѣдныя женщины претерпѣваютъ въ уединеніи, а вмѣстѣ съ тѣмъ, показываетъ, какъ велики должны быть доходы съ имѣнія, когда и управитель пользуется толикими пріятностями жизни. Вотъ что подумалъ я, сладостно засыпая.

Я забылъ приказать, чтобы меня поранѣе разбудили; оттого проспалъ я до девятого часа утра; потомъ пошло чайничаніе, что и про-

держало меня еще нѣсколько времени. Первый легоньгій морозъ былъ на зарѣ этого 17 числа, и я увидѣлъ кровли инеемъ покрытыя. Я спѣшилъ въ Херсонъ, до котораго оставалась одна только станція. Мнѣ желательно было въ первый разъ посмотрѣть на городъ, почти мѣсто рожденія моего (ибо черезъ три мѣсяца по оставленіи его родителями моими, явился я въ свѣтъ). Но, о горе! пошелъ ужасный снѣгъ, сдѣлалась просто вьюга, мятель, когда я подвѣзжалъ къ нему: зги было не видать, пока на почтовомъ дворѣ перемѣнялъ я въ немъ только лошадей. «Да это по нашинскому, какъ иные говорятъ, и стоитъ ли жить въ Южномъ краю, чтобы видѣть такіе ужасы», сказалъ я себѣ. Шестидесять верстъ оставалось до Николаева, и весь передрогнувъ остановился я въ немъ, хотя было еще свѣтло. Скорѣе велѣлъ я подать себѣ что-нибудь поѣсть и затопить каминъ, случившійся въ комнатѣ трактира, въ которомъ я остановился. На другой день, 18 Октября, проснулся я до свѣта и, не повидавшись ни съ кѣмъ, уѣхалъ изъ Николаева. Не оставалось и слѣдовъ вчерашняго снѣга, но сдѣлалось холодновато и сыро. Часу въ пятомъ вечера пріѣхалъ я въ Одессу и остановился на Итальянской улицѣ, въ большихъ комнатахъ Отеля де-Сикара, какъ подобало званію моему, при довольно хорошихъ денежныхъ обстоятельствахъ. Впрочемъ, всѣ эти квартиры осенью и зимой становятся гораздо дешевле лѣтняго.

Когда, 19-го, явился я къ Палену, встрѣтилъ онъ меня не холодно, но съ примѣтнымъ замѣшательствомъ. Онъ принужденъ былъ объявить мнѣ, что изъ Керчи получена на меня ужаснѣйшая жалоба. Мы стали объясняться, и мнѣ тотчасъ пришло въ голову, что причиною всему былъ Ланжеронъ. Вы точно угадали, сказалъ онъ. Сколько разъ твердилъ онъ ему: это не губернаторъ, а паша, тиранъ. Да давно ли я самъ былъ тамъ, отвѣчалъ Палень, и не могъ замѣтить и тѣни неудовольствія. Погодите, погодите, возражалъ тотъ, вы все увидите изъ просьбы, которую получите (потомъ нѣсколько разъ вѣтреныи старецъ прибѣгалъ справляться о полученіи ея). Послѣ отъѣзда моего Греки могли надѣяться, что я къ нимъ не ворочусь, тѣмъ болѣе, что и все имущество мое безъ себя велѣлъ я укладывать; изъ чего же они бились? Имъ хотѣлось мести, имъ хотѣлось заставить думать, что они меня выжили. Стараясь имѣть и чиновниковъ на своей сторонѣ, Скасси тайно переписывался съ Синельниковымъ и увѣрялъ его, что хлопочеть о назначеніи его моимъ преемникомъ; этотъ болванъ тому вѣрилъ, а Минарскій съ его согласія и вѣдома писалъ просьбу. Въ хорошихъ рукахъ находился я! Обо всемъ обстоятельно послѣ увѣдомленъ я былъ Щиржецкимъ и Гудимомъ.

При формальномъ отношеніи графъ Паленъ препроводилъ ко мнѣ копію съ помянутаго прошенія. Оно было подписано нѣсколькими сотнями *однми* Грековъ, и въ главѣ подписчиковъ, разумѣется, находилось имя главы городскаго, Хамаритѣ, заправлявшаго маленькимъ имѣніемъ Ланжерона. Исторія этого дѣла можетъ показаться не весьма любопытною; для того постараюсь укоротить ее, представивъ единственно содержаніе просьбы, обвиненія на меня и мои отвѣты. Греки утверждали, во первыхъ, будто я, неизвѣстно по какой враждѣ къ нимъ, всѣхъ людей, принадлежащихъ къ ихъ націи, велѣлъ выгонять изъ службы. Въ доказательство противнаго, ссылаясь на недавнія представленія мои объ опредѣленіи иныхъ Грековъ къ мѣстамъ, о повышеніи другихъ чинами, прибавляя, что сидѣльцамъ и лавочникамъ дѣйствительно воспретилъ я числиться на службѣ. 2-е, будто бы я, подъ предлогомъ выпрямленія улицъ, безжалостно ломаю обывательскіе дома и, между прочимъ, сломалъ домикъ, единственное достояніе и убѣжище бѣдной вдовы. На это отвѣчалъ я, что въ Строительномъ Комитетѣ, который собиралъ я раза два-три, при разсмотрѣніи Высочайше утвержденнаго плана, случилось мнѣ на немъ указывать мѣста, на коихъ, вѣроятно, со временемъ нѣкоторые строенія должны будутъ подвергнуться сломкѣ, но что по моему приказанію ни одной черепицы долотѣ не было снято съ кровли; что же касается до хижины бѣдной вдовы, то она безъ двора и призора стоитъ поперекъ улицы въ самомъ тѣсномъ и проходномъ мѣстѣ, безпрестанно угрожая паденіемъ и давно оставлена самой хозяйкой, изъ опасенія быть раздавленною; что я предлагалъ жителямъ купить ее за 140 рублей ассигн., запрошенныхъ владѣльцей, тогда какъ одни матеріалы стоятъ втрое болѣе, но что Дума не изъявила согласія, и домишко стоитъ еще не тронутымъ. Наконецъ, 3-е, что я бросилъ Керчь, поселился на хуторѣ и туда никого не велѣлъ пускать къ себѣ. Оставаясь на городской землѣ, сказалъ я въ возраженіи моемъ, не покидалъ я города; пріѣздъ ко мнѣ на хуторъ никогда и никому не былъ воспрещенъ, разстояніе такъ близко, что безъ большаго труда можно было туда ѣздить, а что, впрочемъ, и сіе было не нужно, ибо три раза въ недѣлю принималъ я всѣхъ въ городскомъ домѣ. Все была одна подобная сему явная ложь, которую такъ легко мнѣ было опровергнуть. Въ заключеніи своемъ говорятъ Греки, что если я не буду удаленъ отъ должности, они всѣмъ населеніемъ оставятъ Россію, и что подобная сему просьба отправлена отъ нихъ и къ управляющему Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ.

Весь этотъ вздоръ встревожилъ графа Палена гораздо болѣе чѣмъ меня. Ничего въ этомъ родѣ не встрѣчалось во время его управленія, коего постоянная тишина была тѣмъ нарушена. Такая гадкая дерзость

должна была возмутить чистоту души его; негодование свое едва могъ онъ скрыть отъ Ланжерона. Получивъ отъ меня письменныя объясненія, сколько припомню, слѣдующимъ образомъ отвѣчалъ онъ жителямъ Керчи. Они поступили совершенно въ противность законовъ, не избравъ кого либо между себя для принесенія жалобы, а подписавъ ее цѣлымъ міромъ. Обманъ въ ней столь очевиденъ, что нѣтъ никакой надобности дѣлать по ней какое либо изслѣдованіе. Будучи Русскими подданными, они не могутъ оставить Россію безъ Высочайшаго соизволенія; условія въ этомъ случаѣ съ правительствомъ походятъ на угрозу и показываютъ возмутительный духъ. За это должны бы они быть подвергнуты строжайшему наказанію, но какъ градоначальникъ увѣряетъ, что все сдѣлано ими по невѣдѣнію и по наущенію злонамѣренныхъ людей, то во вниманіе къ его ходатайству за нихъ, онъ, Паленъ, сему дѣлу не хочетъ дать дальнѣйшаго хода. Это, конечно, единственная энергическая, грозная бумага, которую подписалъ онъ во время управленія своего. Кошію съ нея отправилъ онъ къ Лаяскому, отъ котораго, то есть подъ именемъ котораго, отъ товарища его Дашкова, мнѣ столь благопріятствующаго, полученъ былъ въ Керчи отзывъ, писанный въ томъ же смыслѣ.

Послѣ того все умолкло, все притихло. Ссаси соумышленниковъ своихъ пересталъ возбуждать къ новымъ подвигамъ; въ Ноябрь со дня на день ожидали въ Петербургъ графа Воронцова.

Итакъ, два раза въ Новороссійскомъ краю восторжествовалъ я надъ несправедливостію моихъ враговъ: въ первый разъ по случаю непріятности у меня съ Молдавскими боярами, мнѣ было это довольно лестно; борьба же съ этою сволочью нѣсколько унижала меня въ собственныхъ глазахъ моихъ.

Но довольно о Керчи; постараюсь на время забыть объ ней, и веселая моя Одесская жизнь поможетъ мнѣ въ томъ.

Прежде всего буду говорить о новыхъ сношеніяхъ моихъ съ Ланжерономъ и желаю, чтобъ и другимъ показались они столь же забавными, какъ и мнѣ самому. Я пошелъ къ нему будто являться; онъ принялъ меня сухо и величаво и вдругъ спросилъ, чтѣ у васъ хорошаго подѣлывается въ Керчи?—Да, кажется, ничего, все идетъ своимъ порядкомъ.—Какъ ничего, возразилъ онъ съ жаромъ, жалоба цѣлаго города на вопіющія притѣсненія начальства, ничего по мнѣнію вашему? Прехладнокровно отвѣчалъ я: «Сущая бездѣлица, о которой, право, не стоить мнѣ много думать; одна ложь и клевета. Паленъ слишкомъ благодаренъ, чтобы не вступить за меня; Воронцовъ, котораго ожидаютъ въ Петербургѣ, сдѣлаетъ тоже, тамъ есть и другіе люди», и я пустился хвастаться предъ нимъ знаменитыми моими связями. Онъ не молвилъ

ни слова, на лицѣ его показалась ужасная досада, и онъ едва поклонился мнѣ, когда я началъ съ нимъ прощаться.

За то Паленъ съ каждымъ днемъ становился со мною любезнѣе. Были у него и нѣкоторые капризы: напримѣръ, онъ ужасно не любилъ, чтобы во время представленія кто-нибудь приходилъ въ его совсѣмъ отдѣльную ложу близъ сцены; всѣ это знали, и онъ всегда сидѣлъ одинъ, дабы безъ развлеченія наслаждаться музыкой, до которой онъ былъ великій охотникъ. Мнѣ сказалъ онъ: Зачѣмъ вамъ понапрасну тратиться? Когда бы вамъ ни вздумалось послушать оперу, приходите ко мнѣ въ ложу; я вамъ даю право живота и смерти въ ней, прибавилъ онъ, улыбаясь. Такой милости никто еще не удостоился, и я спѣшилъ воспользоваться ею. Войдя въ ложу, я только что поклонился ему и сѣлъ близъ него на мѣстѣ своемъ; у насъ не было никакого условія, а во все продолженіе перваго акта я съ нимъ рта не открывалъ, и онъ казался предвоенъ. Началось междодѣйствіе, онъ пошелъ навѣщать другія ложи, и я остался одинъ.

Насупротивъ въ такой же ложѣ сидѣлъ Ланжеронъ съ супругой и также, какъ всѣ, дивился изъявленію столь необычайной пріязни. Я могъ замѣтить, что онъ исчезъ, а минуты черезъ двѣ за мною послышался мнѣ шорохъ. Я обернулся, всталъ и подошелъ къ занавѣскѣ или портьерѣ у дверей; изъ-за угла ея почти въ тѣни показалась голова Ланжерона, который въ полголоса сказалъ мнѣ: «Послушайте, шеръ Вигель, знаете ли вы, что за васъ досталось мнѣ отъ графини? Она не можетъ мнѣ простить, что я не позвалъ ее, когда вы были у меня. Она поручила мнѣ на завтра звать васъ къ себѣ обѣдать. Ко мнѣ бы вы, можетъ быть, не поѣхали; но не будете столь неучтивы, чтобы отказать дамѣ». Я поклонился и сказалъ, что буду. Когда передъ поднятіемъ занавѣсы воротился Паленъ, я успѣлъ рассказать ему о происходившемъ въ его отсутствіе. Возможно ли сердиться на этого челоуѣка? сказалъ онъ засмѣявшись. Но какъ же и уважать его?

Итакъ, въ слѣдующій день пошелъ я обѣдать въ непріятельскій станъ. Хозяйка, неизмѣнная въ чувствахъ своихъ, какъ и всегда приняла меня съ искреннею ласкою; хозяинъ же старался быть любезнымъ, веселымъ, но все какъ-то не клеилось. Онъ имѣлъ на меня особое неудовольствіе, о причинѣ котораго узналъ я вскорѣ. Соль, добываемую на озеркахъ его, близъ Кумышъ-Буруна, Хамарито хотѣлъ продавать на Бугазѣ, а Керченская таможня ея не пропустила. Департаментъ внѣшней торговли строго предписалъ ей Горцамъ, нуждающимся въ соли, не иначе отпускать ее за Кубань, какъ самой лучшей доброты, дабы сохранить ихъ довѣренность; а Ланжероновская соль была самаго худшаго качества, вся перемѣшенная съ иломъ и грязью. Меня, не вѣ-

давшего о томъ, обвинялъ онъ и Французскимъ письмомъ жаловался Палену, которому до того никакого дѣла не было. Въ этомъ письмѣ, которое мнѣ показывали, утверждаетъ онъ, что онъ совершенно знаетъ Русскіе законы и Русскій языкъ, и въ доказательство того выписываетъ по русски законъ на сей предметъ. «Владѣльцовъ земли, указуйтъ Эмператрисъ Экатеринъ, продать своимъ соли по вольнымъ цѣна».

У графини Ланжеронъ была старшая сестра Генриетта Адольфовна, вдова нѣкогда Аргудинскаго, во второмъ замужествѣ за отставнымъ генераль-маіоромъ Павломъ Сергѣевичемъ Пуцинымъ. Съ своими дебелими натурой, была она общительна, весела, гостепріимна, и нерѣдко лучшее Одесское общество собирала у себя на вечерахъ, кои, по ея приглашенію, съ удовольствіемъ я посѣщалъ. Мужъ ея принималъ всѣхъ учтиво и весьма приличнымъ образомъ игралъ роль хозяина. О немъ, какъ о бригадномъ начальникѣ въ дивизіи Орлова, нестати попавшемся въ либералы и за то лишившемся службы, мимоходомъ уже говорилъ я; надобно еще что нибудь къ тому прибавить. Нѣкогда камерпажъ, офицеръ и потомъ полковникъ въ Семеновскомъ полку, онъ, разумѣется, часто бывалъ въ Петербургскихъ обществахъ. Держать въ нихъ себя пристойно, не слишкомъ выставлять себя, говорить недурно по французски достаточно было тогда, чтобы почитаться образованнымъ человѣкомъ; и всѣ сіи условія выполнялъ онъ, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Одессѣ. Никогда, бывало, ничего умнаго не услышишь отъ него; никогда ничего глупаго онъ не скажетъ. Онъ былъ въ числѣ тѣхъ людей, которыхъ иногда называютъ, но о коихъ никогда не говорятъ. Счастливые люди, какъ безмятежно течетъ ихъ жизнь!

Мы однакоже съ нимъ иногда рассуждали кой о чемъ. Не съ досадою, а съ сожалѣніемъ говорилъ я ему о нападеніяхъ на меня свояка его; притомъ объяснилъ, что къ дѣлу о соли я такъ мало причастенъ, что узналъ о немъ только въ Одессѣ. А онъ возьми да и перескажи Ланжерону. Черезъ нѣсколько дней сей послѣдній, встрѣтивъ меня, осыпалъ упреками: да какъ я могъ повѣрить, да какъ я могъ вообразить себѣ? Потомъ поклялся мнѣ *честію*, что въ этомъ вздорномъ дѣлѣ былъ онъ совсѣмъ постороннимъ. Я уже, право, и не зналъ, что о немъ подумать. Видно, тотъ правъ, который сказалъ о нѣкоторыхъ Французяхъ: *criminel sans penchant, vertueux sans dessein*. По крайней мѣрѣ послѣ того мы жили ладно.

Исключая двухъ многореченныхъ графовъ, было тогда еще въ Одессѣ два высокочинныхъ графа. Графа Северина Потоцкаго и графа Витта зналъ я уже за четыре года предъ тѣмъ, изобразилъ ихъ,

но тутъ только съ ними познакомился. Всѣ вмѣстѣ составляли не только сіятельную, но, по мнѣнію моему, въ разныхъ родахъ блестящую четверку. Всѣ ко мнѣ казались отмѣнно благосклонны, только Паленъ и Ланжеронъ съ нѣкоторой стороны не совсѣмъ баловали меня; каждый изъ нихъ по одному только разу удостоилъ меня своимъ посѣщеніемъ. Графъ же Потоцкій, погулявши пѣшкомъ, часто заходилъ ко мнѣ отдохнуть и побесѣдовать. Виттъ дѣлалъ тоже, но только рѣже.

Причиною особаго ко мнѣ благоволенія Витта была незаконная связь его съ одною женщиною и ею мнѣ оказываемая пріязнь. Каролина Адамовна Собаньская, урожденная графиня Ржевуская, разводная жена, составила съ нимъ узы, кои бы легко могли быть извиняемы, если бы хотя немного прикрыты были тайной. Сколько разъ видѣли мы любовниковъ, пренебрегающихъ законами свѣта, которые покидаютъ его и живутъ единственно другъ для друга. Тутъ ничего этого не было. Напротивъ, какъ бы гордясь своими слабостями, чета сія выставляла ихъ на показъ цѣлому міру. Сожитіе двухъ особъ равнаго состоянія предполагаетъ еще взаимность чувствъ: Виттъ былъ богатъ, расточителенъ и располагалъ огромными казенными суммами; Собаньская никакой почти собственности не имѣла, а наряжалась едва ли не лучше всѣхъ и жила чрезвычайно роскошно, слѣдственно не гнушалась названіемъ наемной наложницы, которое иные ей давали. Давно уже извѣстно, что у Полекъ нѣтъ сердца, бываетъ только тщеславный или сребролюбивый расчетъ, да чувственность. Съ помощію перваго, завлекая могучихъ и богатыхъ, пріобрѣтаютъ онѣ средства къ удовлетворенію послѣдней. Никакихъ нѣжныхъ чувствъ онѣ не питаютъ, ни что ихъ не останавливаетъ; сами матери совѣсть, стыдъ истребляютъ въ нихъ съ малолѣтства и научаютъ ихъ только искусству оболъщать.

Такъ сузу я нынѣ, и мнѣ кажется это довольно гадко; но тогда, ослѣпленный привлекательностію Собаньской, я о томъ не помышлялъ. Ей было уже лѣтъ подъ сорокъ, и она имѣла черты лица грубыя; но какая стройность, что за голосъ и что за манеры! Двѣ или три порядочныя женщины ѣздили къ ней и принимали у себя, не включая въ то число графиню Воронцову, которая приглашала ее на свои вечера и балы, единственно для того, чтобы не допустить явной ссоры между мужемъ и Виттомъ; Ольга же Нарышкина-Потоцкая, хотя по матери и родная сестра Витту, не хотѣла имѣть съ ней знакомства; всѣ прочія также чуждались ея. Въ этомъ унизительномъ положеніи какую твердость умѣла она показывать и какъ высоко подыматься даже надъ преслѣдующими ее женщинами! Мнѣ случалось видѣть въ гостиныхъ, какъ, не обращая вниманія на строгіе взгляды и глухо шумящій женскій ропотъ негодованія, съ поднятой головой она бодро шла мимо всѣхъ

прямо не къ послѣднему мѣсту, на которое садилась, ну право, какъ бы королева на тронѣ. Много въ этомъ случаѣ помогали ей необыкновенная смѣлость (нынѣ ее назвалъ бы я наглостію) и высокое свѣтское образованіе.

Она еще дѣвочкой получила его въ Вѣнѣ, у родственницы своей, известной графини Розаліи Ржевуской, дочери той самой княгини Любомирской, которая во время революціи погибла на эшафотѣ за безпредѣльную любовь свою къ Франціи. Салонъ этой Розаліи нѣкогда слылъ первымъ въ Европѣ по уму, любезности и просвѣщенію его посѣтителей. Нашей Каролинѣ захотѣлось нѣчто подобное завести въ Одессѣ, и ей нѣсколько удалось. Паленъ и Потоцкій часто бывали то на утреннихъ, то на вечернихъ ея бесѣдахъ и веселостію ума оживляли на нихъ разговоръ; Витта считать нечего, онъ имѣлъ собственный домъ, а проводилъ тутъ дни и ночи; Ланжерона строгая жена не пускала къ ней. Вообще изъ мужскаго общества собирала она у себя все отборное, прибавляя къ тому много забавнаго, потѣшнаго, между прочимъ одну г-жу Киригѣ и одного г. Спада, о которыхъ говорено будетъ послѣ. Изъ Вознесенска, изъ военныхъ поселеній пріѣзжали къ ней на поклоненіе жены генераловъ и полковниковъ, мужа же ихъ были передъ ней на колѣнахъ. Не смотря на свои аристократическія претензіи, она высватала меньшую сестру свою за одного весьма богатаго, любезнаго и образованнаго негоціанта Ивана Ризнича, который въ угожденіе ей давалъ пышные обѣды, что и составляло ей другой домъ, гдѣ она принимала свое общество. Такое существованіе было довольно пріятно и совсѣмъ не уединенно, и она тѣшилась мыслию, что позорный ея триумфъ производитъ зависть въ женщинахъ, вѣрныхъ своему долгу.

Имѣя отъ Витта обѣщаніе жениться на ней, она заблаговременно хотѣла пользоваться правами супруги; онъ же просилъ о разводѣ съ законной женой, которая тому противилась, и съ ея же согласія тайно старался длить тяжбу по этому дѣлу. У Собаньской было много ума, ловкости, хитрости женской и, повидимому, самый вѣрный расчетъ; но былъ ли въ ней разсудокъ? Вся жизнь ея прежде и послѣ доказывала противное. Блестящая сторона ея поразила мой умъ, но отнюдь не проникла въ сердце; а какъ къ удивленію, которое производятъ въ насъ женщины, всегда примѣшивается нѣсколько нѣжности, то и сочтено это страстію; дамы жалѣли обо мнѣ, а я внутренно тѣмъ забавлялся. Я такъ много распространился объ этой женщинѣ, во первыхъ, потому, что она была существо особаго рода, и потому еще, что въ домѣ ея находилъ большую отраду. Изъ благодарности питалъ я даже къ ней нѣчто похожее на уваженіе; но когда

нѣсколько лѣтъ спустя узналъ я, что Виттъ употреблялъ ее и серьезнымъ образомъ, что она служила секретаремъ сему въ рѣчахъ столь умному, но безграмотному человѣку и писала тайные его доносы; что потомъ изъ барышей поступила она въ число жандармскихъ агентовъ: то почувствовалъ неоторимое отъ нея отвращеніе. О недоказанныхъ преступленіяхъ, въ которыхъ ее подозрѣвали, не буду и говорить. Сколько мерзостей скрывалось подъ щеголеватыми ея формами!

Болѣе двухъ лѣтъ не былъ я въ Одессѣ и долженъ былъ найти нѣкоторыя перемѣны въ ея обществѣ. Изъ безчисленной свиты Воронцова бѣольшая часть оставалась въ ней; нельзя же было ему весь этотъ длинный хвостъ тащить за собою въ Англію, и при немъ находился одинъ только молодой Сафоновъ. Казначеевъ уѣхалъ въ Петербургъ на встрѣчу къ своему графу, а жена его и безъ него даже принимала гостей. Левшинъ на казенный счетъ путешествовалъ за границей. Изъ числа служившихъ при графѣ Воронцовѣ со времени управленія его четверо успѣли жениться. О неудачной, невыгодной женитьбѣ барона Франка уже говорилъ я. Также намекалъ я, кажется, о болѣе счастливомъ супружествѣ Марини съ дѣвицею Фраполи; сія любезная чета жила уже домкомъ и была посѣщаема короткими и пріятелями.

■

Какъ назвать мнѣ насильственный бракъ Брунова? Инженерный генералъ Лѣхнеръ, въ чинѣ полковника находясь въ Стокгольмѣ при Сухтеленѣ, женился на хорошенькой, бѣдной Шведочкѣ, по имени Брюсъ, будто бы происходившей отъ Шотландскихъ королей. Въ Одессѣ всѣ плѣнялись ея личикомъ, фигуркою и особенно танцами. Не понимаю, какъ могъ ей понравиться Бруновъ, когда мужъ ея, конечно, невзрачный и неуклюжій во сто разъ былъ его красивѣе. Всѣмъ была извѣстна эта связь, но въ снисходительной Одессѣ мало говорили о томъ, какъ о дѣлѣ самомъ обыкновенномъ. Когда же секретъ комедіи пересталъ имъ быть для мужа, онъ прогнѣвался. Между протестантами получить разводъ весьма легко; симъ не удовольствовался раздраженный Лѣхнеръ, вызвалъ соблазнителя на дуэль и, такъ сказать, съ пистолетомъ къ горлу, заставилъ его жениться на соблазненной. Жили ли Бруновы потомъ счастливо, сказать не умѣю, только жили уединенно; однако часто, весьма часто посѣщала ихъ Паленъ, что было чрезвычайно пріятно неревнивому новому супругу.

Истинно-счастливымъ супругомъ нашелъ я одного Лекса. Нельзя было искать ему невѣсты въ кругу называемомъ блестящимъ; добрые люди нашли ему подругу въ купеческомъ сословіи. Сирота, оставшаяся послѣ довольно богатаго торговца Кленова, въ малолѣтствѣ лишившаяся матери, а вскорѣ потомъ и единственнаго брата, была такъ

счастлива, что наслѣдство ея полученное попало въ руки добросовѣстныхъ опекуновъ, которые умножили его. Говорили послѣ, что у нея до двадцати пяти тысячъ ассигнаціями доходу съ домовъ, лавокъ, хлѣбныхъ магазиновъ, а что-то о ней и слуху не было, и она, можно сказать, изъ-подъ спуду вышла за Лекса и явилась въ свѣтъ. Премолоденькая, прехорошенькая, премиленькая бабѣночка была эта Варвара Евтѣевна, воспитанная въ Одесскомъ пансіонѣ обращенномъ послѣ въ Институтъ благородныхъ дѣвицъ. Жаль только, что въ немъ плохо учили по-русски, а по-французски она, видно, не успѣла выучиться и отъ того ни на одномъ изъ двухъ языковъ порядочно не умѣла говорить. Однако, вѣрно по привычкѣ, на иностранномъ безпрестанно какъ чечоточка болтала, подобно Богдановской или Лѣнтягиной въ «Чудакахъ» Княжнина, которая прелестнымъ языкомъ любила забавляться. Точно они были счастливы; послѣ двухлѣтняго супружества Лексъ все еще былъ влюбленъ въ жену свою, а она всѣмъ сердцемъ была къ нему привязана. Она была чрезвычайно молода, мало видѣла удовольствій, и ей хотѣлось повеселиться, а онъ не могъ отказать ей въ удовлетвореніи ея безвинныхъ желаній. Они завели у себя небольшіе балы, столь же скромные и веселые какъ они сами, почти единственные этой зимой въ Одессѣ; а какъ онъ игралъ самую важную роль при Паленѣ, то всѣ, начиная съ высокихъ особъ, охотно на нихъ ѣздили. Фортуна совершенно ему улыбалась, и онъ былъ ея достоинъ, никакъ не забываясь, не пьяня отъ ея даровъ.

Никто изъ адъютантовъ Воронцова не находился тогда въ Одессѣ: Шаховской вышелъ въ отставку, Синявинъ по особой протекціи проживалъ въ Петербургѣ, Херхеулидзе въ не знаю гдѣ (я о томъ не спросилъ). Одинъ Варламъ нѣсколько времени состоялъ при генералѣ Ротѣ, временно управляющемъ въ Новороссійскомъ краѣ по военной части, но скоро сошелъ въ могилу: повѣсть о печальной кончинѣ его приходится рассказать.

Самый младшій изъ шести братьевъ Сушковыхъ, Москвитинъ и разнымъ губерніямъ извѣстныхъ смѣлостію своихъ поступковъ, которые нерѣдко имѣли для нихъ весьма непріятныя послѣдствія, Николай Васильевичъ, принялся было сперва за поэзію и довольно успѣшно, но вскорѣ потомъ бросилъ ее, чтобы заняться службой. Весьма молодымъ человѣкомъ былъ онъ совѣтникомъ Таврической казенной палаты и сильно поссорился съ вице-губернаторомъ Курутой. Онъ очень любилъ Воронцову, который въ этомъ дѣлѣ весьма несправедливо держалъ его сторону, за что, кажется, былъ онъ преслѣдуемъ Министерствомъ Финансовъ. Гораздо послѣ отъѣзда моего изъ Кишинева, по представленію покровительствующаго ему Воронцова, назначенъ былъ

онъ членомъ Бессарабскаго Верховнаго Совѣта на мѣсто опредѣленнаго при мнѣ и потомъ умершаго статскаго совѣтника Угрюмова. Варламъ въ то время гостилъ у слѣпаго отца. Причиною раздора его съ Сушковымъ была г-жа Фурманъ, равно къ обѣимъ привѣтливая; подробности же непріятныхъ между ими встрѣчъ мнѣ неизвѣстны. Разъ гдѣ-то, не умѣя отвѣчать на колкости Сушкова, глупый, вздорный и вмѣстѣ съ тѣмъ довольно трусливый, Варламъ въ запальчивости при всѣхъ далъ ему пощечину, и потомъ ну бѣжать, оставивъ шляпу и шинель. Тѣмъ не должно было кончиться; на слѣдующее утро вооруженные враги выѣхали за городъ въ условленное мѣсто, но самимъ Варламомъ предупрежденная полиція была въ засадѣ и не допустила ихъ до драки; начальство же вскорѣ подъ предлогомъ комиссіи разошло ихъ въ противоположныя стороны. Дѣло было серьезное, оно сдѣлалось національнымъ. Молодежь Молдаванская съ самодовольствіемъ твердила: вотъ какъ наши бьютъ Русскихъ! Торжество однако не было на сторонѣ Варлама; никто изъ Русскихъ, особенно изъ военныхъ его сослуживцевъ, не хотѣлъ ни говорить съ нимъ, ни глядѣть на него; Воронцовъ изъ Англіи велѣлъ написать къ нему, чтобы онъ искалъ другаго начальника, а что съ такимъ пятномъ онъ при немъ остаться не можетъ. Приведенный въ отчаяніе, онъ тайно согласился, наконецъ, на возобновленіе поединка. Между тѣмъ все казалось забытымъ, какъ вдругъ узнали, что Сушковъ, проѣзжая чрезъ Тирасполь, въ немъ остановился, что господа сіи стрѣлялись въ полѣ и что Варламъ палъ отъ руки своего противника. Кажется, и тутъ ожидалъ онъ помощи; она опоздала, однако успѣла схватить виновнаго на мѣстѣ преступленія. Нѣсколько мѣсяцевъ содержался онъ въ Тираспольской крѣпости, былъ судимъ, осужденъ, прощенъ, и время заключенія его сочтено ему за наказаніе. Потомъ отправился онъ опять на Сѣверъ и довольно счастливо продолжалъ тамъ службу.

Зная, что Воронцовъ иныхъ людей почитаетъ своею собственностію, иногда караетъ ихъ, но всегда готовъ ихъ миловать, Казначеевъ поѣхалъ къ нему въ Петербургъ. Другіе два опальные, Бруновъ и Франкъ, не рѣшились на то: ихъ женитьба была причиною совершенной къ нимъ немилости. Обѣимъ Курлянцамъ и пріятелямъ житье было у Палена. Почитая и меня недовольнымъ, но только осторожнымъ въ рѣчахъ, и мнѣ оказывали совершенное благорасположеніе. Въ день именинъ моихъ 14 Ноября Бруновъ пріѣзжалъ меня поздравить; мнѣ жаль, что я не успѣлъ предупредить васъ, сказалъ я ему; а онъ отвѣчалъ, что онъ протестантскій Филиппъ и самъ не знаетъ, когда бываетъ именинникъ.

На Франка имѣлъ я небольшую досаду. По его просьбѣ чиновникомъ по особымъ порученіямъ при себѣ съ жалованьемъ, опредѣлилъ я младшаго брата его, отставнаго штабсъ-ротмистра барона Александра Франка, нѣсколько помѣшаннаго, какъ сказали мнѣ послѣ. Онъ явился ко мнѣ передъ самымъ выѣздомъ моимъ изъ Керчи. Когда же безъ меня поднялась тамъ тревога, онъ почелъ меня погибшимъ, сблизился со злѣйшими изъ моихъ непріятелей, сдружился съ ними и сталъ гласно порицать мои поступки. Узнавъ о томъ, я нашелъ, что тутъ болѣе подлости, чѣмъ сумасшествія. Нельзя мнѣ было брата его не упрекнуть за такой подарокъ. Вы напрасно хорошо его приняли, такихъ людей надобно держать въ ежѣвыхъ рукахъ, сказалъ онъ. Я едва видѣлъ его и никогда не брался его воспитывать, отвѣчалъ я.

Жаль мнѣ, что я обѣщалъ читателей моихъ познакомить съ двумя курьезными созданіями, Кирико и Спада; но какъ быть, надо выполнить данное слово. Находившійся долго въ Бухарестѣ генеральнымъ консуломъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Лука Григорьевичъ Кирико, Армяно-Католикъ, былъ просто человекъ необразованный и корыстолюбивый. Жена же его, съ молодости красотка, всегда въ обществѣ, изумляла его совершеннымъ невѣдѣніемъ приличій, какою-то просто-душною, дѣтски-откровенною неблагопристойностію въ рѣчахъ и дѣйствіяхъ. Она мыслила вслухъ, никогда не смѣялась, за то всѣхъ морила со смѣху своими разсказами. Худенькая, живая, огненная, бѣда бывало, если кто ее раздражить; не смотря на то, мистификаціямъ съ ней конца не было. Изъ анекдотовъ объ ней составила бы книжца, но кто бы взялся ее написать и какая цензура пропустила бы ее? Я позволю себѣ привести здѣсь два или три примѣра ея наивнаго безчинства. Описывая счастливую жизнь, которую вела она среди Валахскихъ бояръ, говорила она мнѣ, какъ и многимъ другимъ: «Всѣ онѣ были отъ меня безъ памяти, а какъ эти люди не умѣютъ изъясняться въ любви, иначе какъ подарками, то и засыпали меня жемчугомъ, алмазами, шальями. Какъ же мнѣ было не чувствовать къ нимъ благодарности? Инымъ скрѣпя сердце оказывала ее; съ другими же, которые мнѣ болѣе нравились, признаюсь, предавалась ей съ восторгомъ». Разъ поутру у Собаньской сидѣли мы съ Паленомъ; вдругъ входитъ мадамъ Кирико, объявляетъ, что намѣрена провести тутъ цѣлый день и для того привезла съ собою рукодѣлье. Живость разговора не позволила сперва замѣтить, въ чемъ оно состояло; когда же Собаньская на столѣ увидѣла малиновое бархатное мужское исподнее платье, то почти съ ужасомъ вскрикнула: что это такое, моя милая? «Да такъ, отвѣчала она; вы знаете, какой мерзкой скряга у меня мужъ; съ трудомъ могла у него выпросить эту вещь; хочу ее здѣсь распороть и вы-

кроить изъ нея шпенцеры для дочерей». Съ трудомъ могли ее увѣрить, что это уже слишкомъ безцеремонно. Изъ этого можно посудить о прочихъ поступкахъ сей варядной, даже превосходительной шутихи, которая, впрочемъ, кое-какъ выучилась по французски и давала у себя иногда вечера. Двѣ миленькія, скромныя дочки ея, Констанція и Валерія, перестали уже краснѣть отъ ея словъ, а показывали видъ будто ихъ не слышать. Вообще служила она публичнымъ увеселеніемъ, но Собаньская какъ-то особенно умѣла ея овладѣть.

Тотъ, котораго ставили ей въ пару, былъ совсѣмъ иныхъ свойствъ, чопорный, осторожный, размѣряющій слова свои. Португальскій Жидокъ Спада, мальчикомъ привезенъ былъ во Францію, крещенъ и воспитанъ у Капуциновъ, которые и постригли его монахомъ своего ордена. Во время революціи всѣ монастыри были уничтожены, и онъ явился въ Россію свѣтскимъ человѣкомъ и эмигрантомъ. Онъ одаренъ былъ большою памятью, зналъ числа всѣхъ важныхъ происшествій въ мірѣ, имена всѣхъ владѣтельныхъ государей въ Европѣ, предковъ ихъ и родословную ихъ фамилій; зналъ также наизусть множество стиховъ изъ Французскихъ классическихъ сочиненій. Хронологическія таблицы не суть еще исторія, и вытверженные стихи не доказываютъ еще большихъ познаній въ литературѣ, но и въ тогдашнее время, и особенно въ тогдашнемъ большомъ свѣтѣ, все это принято за ученость. Ему повезло; за высокую цѣну въ знатныхъ домахъ находился онъ то домашнимъ секретаремъ, то чтецомъ, то библіотекаремъ, а болѣе всего собесѣдникомъ. Долѣе всего оставался онъ у князя Бѣлосельскаго, котораго дурные Французскіе стихи онъ переписывалъ и выслушивалъ ихъ съ подобострастіемъ. Раздѣляя мнѣнія Петербургскаго аристократическаго общества, какъ всѣ челядинцы домовъ его составляющихъ, смотрѣлъ онъ съ презрѣніемъ на просвѣщенныхъ, независимыхъ и даже богатыхъ людей, къ тому кругу не принадлежащихъ. По мѣрѣ какъ науки и истинное просвѣщеніе начали проникать и въ высшій кругъ, цѣнность Спады, хотя и не плата ему, стала ниспадать. Подъ конецъ находился онъ при графѣ Кочубеѣ, не знаю въ какомъ качествѣ, и отправился съ нимъ въ Крымъ и въ Одессу. Кажется, наконецъ, надоѣлъ онъ всему семейству, ибо нашли средство благотворнымъ образомъ освободиться отъ него. Для него создали въ Одессѣ мѣсто цензора иностранной литературы, съ довольно хорошимъ содержаніемъ. Тутъ все-таки могъ онъ подышать аристократическимъ воздухомъ: было довольно графовъ и князей съ Европейскимъ образованіемъ. Онъ не чуждался также иностранныхъ негоціантовъ, только самыхъ богатыхъ. Право дурачить его признавалъ онъ единственно въ людяхъ и женщинахъ, имъ знатными признаваемыхъ, и нѣкоторые изъ нихъ поль-

зовались имъ безчеловѣчно. Малаго роста, худенькій, стянутый, всегда опрятно одѣтый фертигъ, онъ могъ бы казаться молодымъ, еслибъ глубокія морщины на лицѣ и лысина во все пространство головы не обнаруживали его лѣтъ; къ тому же и дыханіе его было не весьма свѣжее. А онъ былъ чрезвычайно влюбчивъ и между тѣмъ по этой части довольно хвастливъ. Мнѣ случилось подслушать, какъ онъ Собаньской рассказывалъ сцену свою съ графиней Кочубей. Увлеченный неодолимою страстію, одинъ разъ онъ палъ къ ея ногамъ, когда никого не было въ комнатѣ; вдругъ отворяется дверь, входитъ самъ Кочубей, останавливается, съ хладнокровіемъ государственнаго человѣка говорить: «меня это не удивляетъ, я давно того ожидалъ» и выходитъ вонъ.— «Что ты сдѣлалъ, воскликнула графиня, удались несчастный, ты насъ обоихъ губишь». Если это была и правда, то уже навѣрно напередъ приготовленная фарса. Его взяла съ собой Воронцова, когда верстъ за сорокъ вмѣстѣ съ Ольгой Нарышкиной и Киселевой, сестрой ея, она поѣхала на встрѣчу къ мужу; его посадили въ особую двумѣстную карету, съ весьма некрасивой горничною Ольги. По прибытіи на мѣсто свиданія, въ ожиданіи, остановились они въ довольно тѣсномъ помѣщеніи, куда горничная часто входила съ видомъ смущеннымъ, даже отчаяннымъ. Ее спросили о причинѣ ея горя, а она, указывая на Спаду, сказала: «зачѣмъ вы меня сгубили, зачѣмъ такъ долго оставили на единѣ вотъ съ этимъ извѣстнымъ соблазнителемъ?» Съ нимъ приняли видъ грозный, укоризненный и стали называть человѣкомъ во зло употребляющимъ довѣренность своихъ знакомыхъ. Тщетно клялся онъ и божился, почти плакалъ, увѣряя, что во всю дорогу даже не глядѣлъ на нее. «Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчали ему; она шляхтянка, слѣдовательно дворянка, и васъ будутъ умѣть заставить загладить вашу проступокъ и женитьбой возвратитъ честь вашей жертвѣ». Несчастный вопилъ, что эта мерзавка, конечно, влюбилась въ него, къ тому же хочетъ сдѣлать выгодную партію. Нѣсколько дней потомъ трепеталъ онъ при мысли сего совсѣмъ не аристократическаго союза. Ольга Нарышкина, безжалостная, безсердечная, какъ всѣ Потоцкіе, поступала съ нимъ иногда хуже. Прогуливаясь пѣшкомъ, она попріятельски заходила навѣстить его въ опрятной, съ нѣкоторымъ кокетствомъ убранной его квартиркѣ. Желая будто ближе посмотрѣть на картинки, въ ней развѣшенныя, она съ грязными ногами лазила на канapé, на кресла и какъ бы ненарочно раздирала матеріи, ихъ покрывающія..

Забавные сіи два существа, Кирико и Спада ненавидѣли другъ друга. Онъ съ ужасомъ смотрѣлъ на нее, какъ на дикую женщину, она же видѣла въ немъ подлаго шута, а Собаньская старалась приглашать ихъ въ одно время. Благодаря Палева, находился я въ самомъ

веселомъ расположеніи духа, и оттого сіи каррикатурныя лица доставляли мнѣ иногда минуты блаженства; во дни скорби я увѣренъ, что безъ отвращенія не могъ бы я смотрѣть на нихъ.

Еще два человѣка умножали для меня пріятности тогдашней Одесской жизни, не имѣя, впрочемъ, ничего общаго съ предыдущими. Австрійскаго генеральнаго консула Тома отрекомендовалъ уже я публикѣ въ шестой части сихъ Записокъ. О Бларамбергѣ, директорѣ музеевъ Одесскаго и Керченскаго, не упомянулъ ни слова. Онъ обязанъ былъ каждое лѣто ѣздить въ Керчь, и передъ этимъ въ Іюнь онъ цѣлыя три дня своимъ присутствіемъ освѣжалъ для меня духоту Керченской скуки. Онъ тоже былъ не молодъ лѣтами, имѣя ихъ около шестидесяти, но молодъ былъ онъ пылкимъ умомъ своимъ: при глубокой учености, особенно по археологической части, не было въ немъ и тѣни педанства. Оба имѣли страсть къ каламбурамъ, и когда бывало сойдутся у третьяго, Ланжерона, то начинается между ними настоящій бой. Хотя праздная, но разсѣянная жизнь моя давала мнѣ возможность только урывками посѣщать ихъ.

Изъ двухъ дамъ, о коихъ говорилъ я, описывая первое пребываніе мое въ Одессѣ, упомянулъ я лишь объ одной, объ Ольгѣ Нарышкиной, о графинѣ же Эделингъ не сказалъ ни слова. Ту и другую встрѣчалъ я только на вечерахъ у Пуцциной. Послѣдняя изъ братолюбія почитала обязанностію на меня коситься и мало со мною говорить. Александръ Стурдза продолжалъ ото всей души ненавидѣть меня за Бессарабскія дѣла.

Что касается до мужа Ольги, Льва Нарышкина, то онъ велъ самую странную жизнь, то есть скучалъ ею, никуда не ѣздилъ и двѣ трети дня проводилъ во снѣ. Она также мало показывалась, но дабы не отстать отъ привычки властвовать надъ властями, въ ожиданіи Воронцова, задумала плѣнить Палена и, къ несчастію, въ томъ успѣла. Изъ любви и уваженія къ нему никто не позволялъ себѣ говорить о семъ маленькомъ его сумасбродствѣ.

Владычество Ольги надъ Паленомъ не простиралось такъ далеко, чтобы поссорить его со мною. Я продолжалъ пользоваться правомъ одинъ сидѣть съ нимъ въ ложѣ. Никогда еще не видали въ Одессѣ столь славной Итальянской труппы, какъ въ это время, и никогда послѣ подобной ей не бывало. Примадонна Амѣти была хороша, очень хороша, да и только. Двадцатилѣтняя же Морикони была чудесна, очаровательна и красотой лица, и стройностію тѣла, и искусствомъ играть и пѣть, а паче всего голосомъ контральто, который, я увѣренъ, съ трудомъ бы найти и въ самой Италіи. Мужественная красота Дезирò совершенно отвѣтствовала его голосу, густому басу, вмѣстѣ съ тѣмъ

нѣжному и гибкому. Тенора Молинелли я только слушалъ, а не глядѣлъ на него; какъ можно было сочетать столь прелестный голосъ съ такимъ гадкимъ лицомъ, несносной игрой и подлой фигурой! Все что было для подставки—было также весьма не худо. Россини былъ тогда во всемъ своемъ могуществѣ, соперниковъ у него не было, и казалось, никогда не будетъ: оперы его, переведенныя на всѣ языки, игрались на всѣхъ театрахъ; въ Одессѣ другихъ тогда знать не хотѣли. Изъ безчисленнаго ихъ множества я назову только тѣ, кои болѣе другихъ меня восхищали: Семирамиду, Танкреда, Отелло. Послѣ жестокихъ нервныхъ страданій въ 1826 году, въ продолженіи лѣта 1827-го бралъ я въ Керчи ванны изъ морской воды; тѣмъ много успокоились мои бѣдныя нервы, и оставшееся въ нихъ легкое раздраженіе умножало только мои музыкальныя наслажденія. Можно посудить, какія удовольствія доставлялъ мнѣ тогда Одесскій театръ.

Въ отношеніи къ политическимъ извѣстіямъ и дѣламъ Одесса была также любопытнымъ мѣстомъ. Едва ли мы не первые въ Россіи узнали о Наваринскомъ сраженіи. Оно обрадовало насъ не менѣ Грековъ. Впрочемъ, много гордиться, право, было нечемъ: три сильныя державы неожиданно напали на одну слабую; мы одни были обиженные, а въ этой битвѣ не играли даже главной роли. Въ этомъ однако какъ бы предполагалось намѣреніе раздѣлить Турцію, такъ же, какъ нѣкогда Польшу. Еще въ Керчи извѣстіе о рожденіи порфиророднаго Константина меня восхитило, а отъ чего? Право, самъ бы сказать не умѣлъ; тутъ по крайней мѣрѣ могло оно мнѣ казаться предзнаменованіемъ воздвиженія Креста во градѣ Константиновомъ. Купечество сначала нѣсколько пріуныло, ожидая, что вскорѣ потомъ послѣдуетъ разрывъ, и для иностранныхъ судовъ запрутся Босфоръ и Дарданеллы. Но всеобщему удивленію однакоже всякій день корабли приходили и уходили въ продолженіи почти всего Ноября, въ самое худое время для мореплаванія. Испуганный султанъ показывалъ видъ, будто случившееся почитаетъ слѣдствіемъ какого-то недоразумѣнія. Между тѣмъ и въ войскѣ замѣтно было сильное движеніе: оно подвигалось къ Дунаю и Пруту, дабы при первомъ знакѣ броситься въ Турецкія владѣнія. И съ Петербургомъ также шла дѣятельная переписка какъ частная, такъ и официальная.

Тамъ удерживали нашего графа Воронцова гораздо долѣе, чѣмъ мы ожидали и чѣмъ самъ онъ намѣренъ былъ оставаться. Его присутствіе почитали необходимымъ для совѣщаній по предмету предпринимаемой войны. И дѣйствительно, его указанія и совѣты могли быть весьма полезны: управляя областями сопредѣльными съ театромъ будующихъ военныхъ происшествій, онъ давно и съ мѣстностями его хорошо былъ знакомъ. Дабы на что нибудь рѣшиться, и я сначала

дожидался возвращенія его въ Одессу; но черезъ нѣсколько времени вотъ какъ раздумалъ я самъ съ собою: «Тебѣ извѣстно моральное могущество этого человѣка надъ тобою; нѣтъ сомнѣнія, что онъ будетъ склонять тебя не оставлять должности; ты не устоишь, особливо когда для успокоенія твоего онъ удалитъ нѣсколькихъ чиновниковъ,—и что же? Несчастный, тогда-то совсѣмъ ты будешь осужденъ на Керчь». При сей ужасной мысли волосы мои, тогда еще не сѣдые, стали вздыматься на лбу моемъ. Наконецъ, я предпочелъ написать ему трогательное письмо, въ которомъ изложилъ всѣ мучительныя стороны моего положенія, умоляя его доставить мнѣ нѣсколько приличное содержаніе при временномъ увольненіи отъ службы. На это письмо долго не получалъ я отвѣта.

Сама судьба хотѣла спасти меня. Чтобы болѣе возбудить во мнѣ отвращенія отъ мѣста служенія моего, Одесса въ эту зиму расточала передо мной всѣ увлекательныя удовольствія образованной жизни. Ничего не было въ ней похожаго на то, что я видѣлъ въ началѣ 1824 года: не было взыскательности, предпочтеній, мелочныхъ интригъ маленькихъ Нѣмецкихъ дворовъ; не было той нестерпимой скуки, которую прежде въ ней, какъ и во всѣхъ большихъ торговыхъ городахъ, претерпѣваютъ люди не участвующіе въ торговлѣ; не было безумной роскоши нашей сѣверной столицы, гдѣ удовольствіями называютъ только танцы, карты, многочисленныя собранія въ огромныхъ комнатахъ, ярко освѣщенныхъ; не было разорительнаго и безтолковаго ей подражанія, которымъ отличается не одна Москва, но и большая часть нашихъ губернскихъ городовъ; не было педантства и негостепріимства ученыхъ городовъ Нѣмецкихъ. Я никогда не бывалъ въ Парижѣ зимой, въ другихъ же мѣстахъ, любимыхъ путешественниками, Ниццѣ, Неаполѣ, Флоренціи, и совсѣмъ не бывалъ. По слухамъ и рассказамъ я зналъ, а еще болѣе угадывалъ, удовольствія, коими по зимамъ тамъ пользуются люди просвѣщенные и женщины любезныя. Ихъ салоны суть биржевыя залы, гдѣ вѣрно оцѣниваются умы, гдѣ идетъ безпрестанный промѣнъ идей, гдѣ блестятъ острые слова, не поражая никакой личности, гдѣ и глубокія мысли, чтобы не пугать, являются въ легкой оболочкѣ; гдѣ споры, поражаемые разностію въ мнѣніяхъ, всегда сопровождаются обоюдными уступками, гдѣ вѣрный тактъ не позволяетъ задѣвать чьего либо самолюбія, гдѣ умѣютъ и говорить, умѣютъ и слушать, гдѣ царствуютъ учтивость и приличіе вмѣстѣ со свободой и веселостію, однимъ словомъ, вся общежительность, которая во Франціи пережила всѣ ужасы ея революцій. Счастливый уголокъ въ Россіи, гдѣ бы можно было это встрѣтить, былъ любимую моей мечтою, и на этотъ разъ она почти осуществилась для меня въ Одессѣ.

Какъ нарочно на этотъ разъ исчезло и обыкновенное ея зимнее безобразіе, глубокая грязь. Наступила сильная зима, которую называлъ я Русскою, а которую жители называли Очаковскою. Выпалъ большой снѣгъ 19 Ноября, а на другой день, 20-го, день восшествія на престолъ, въ соборъ къ молебну и оттуда къ Палену на завтракъ, отправились всѣ мы въ саняхъ, и потомъ съ ними не разставались; слѣдственно, и сообщенія сдѣлались совершенно свободны. Многимъ это не понравилось, между прочимъ и мнѣ сначала. Почти вездѣ было худое устройство печей, и я начиналъ очень зябнуть въ своихъ большихъ комнатахъ отеля Сикара, несмотря на усиленное топление. Одинъ Русскій тутъ трактирный служитель вывелъ меня изъ бѣды. Онъ предложилъ мнѣ перейти въ три небольшія комнаты на дворѣ надъ самой кухней, пока онѣ еще не заняты; смиреніе мое было вознаграждено: въ нихъ рѣдко бывало менѣе 17 градусовъ теплоты, и я скоро могъ обогрѣться. Видъ изъ нихъ на море былъ не весьма пріятенъ: въ продолженіи Декабря весь заливъ покрылся льдомъ, и тамъ, куда глазъ едва могъ достигать, легкій паръ показывалъ, что вода еще не замерзала. Иностранное купечество спряталось по норамъ, а для насъ, людей Русскихъ, по большей части выросшихъ и возмужавшихъ на Сѣверѣ, зима сія совсѣмъ не казалась такъ жестокою. Для меня въ особенности время не шло, а летѣло.

Надобно было однако подумать, что житью этому придетъ конецъ. Графу Палену хотѣлось, чтобы во время управленія его никто бы не оставлялъ должности и никто бы отъ нея удаленъ не былъ, чтобы управленіе сіе сдать точно въ томъ видѣ, въ какомъ онъ его принялъ. Жандармская часть весьма справедливо доносила о безпорядочной, безобразно-позорной жизни Бессарабскаго губернатора Тимковскаго. Дѣланы были по сему предмету запросы, но и его Паленъ старался всячески спасать, предоставляя настоящему хозяину Воронцову дѣлать перемѣны между главными начальствами. Вотъ отчего и меня уговаривалъ онъ возвратиться въ Керчь, хотя бы на малое время, дабы тамошняя сволочь не могла подумать, что она заставила меня выйти изъ службы. Я согласился съ условіемъ, чтобы въ день отъѣзда моего вручить ему просьбу объ отставкѣ, которую по усмотрѣнію своему онъ можетъ отправить, и чтобы это оставалось тайной между имъ, мною и Лексомъ.

Шумныхъ удовольствій не было, и потому новый 1828-й годъ начался весьма тихо, можетъ быть, пріятно для тѣхъ, кои встрѣтили его въ кругу семействъ своихъ и друзей; я же всю эту ночь провелъ въ глубокомъ снѣ. Одна Ольга Нарышкина умѣла начать его забавнымъ образомъ. Она созвала къ себѣ на вечеръ все общество свое, состав-

ленное изъ людей ей поклоняющихся или ее забавляющихъ. Всѣ были костюмированы и замаскированы, и между прочимъ, бѣдную Казначееву, толстую и кривобокую, нарядила она Тирольскимъ мальчикомъ. Мужъ, по обыкновенію своему, въ десять часовъ залегъ спать; но по условію между имъ и женою въ полночь вся гурьба съ шумомъ вошла въ его спальню и заставила его встать съ постели. Будто раздосадованный, будто съ просонья, будто никого не узнавая, принялся онъ всѣхъ бранить; болѣе всѣхъ досталось Казначеевой.. На другой день рассказы объ этой продѣлкѣ занимали весь городъ.

Могъ ли я ожидать, что эта знаменитая Ольга будетъ причиною посѣпшнаго моего отъѣзда изъ Одессы? Разговаривая съ Паленомъ, разъ замѣтилъ я ему, что ничего не нахожу въ ней особенно привлекательнаго. «Это отъ того, сказалъ онъ съ жаромъ, что она не удостоиваетъ васъ своего вниманія: займись она вами полчаса — и вы бы были у ногъ ея». Мнѣ бы слѣдовало замолчать, а я спросилъ: да полно, вы не влюблены въ нее, графъ?—«Оно, можетъ быть, и такъ, отвѣчалъ онъ, но только слишкомъ нескромно спрашивать меня о томъ». Онъ повернулся ко мнѣ спиной и вдругъ охолодѣлъ ко мнѣ. Въ цѣлой Одессѣ я одинъ не зналъ о его слабости; ибо никто мнѣ о томъ не говорилъ, и я ихъ вмѣстѣ не видѣлъ. Это было въ первой половинѣ Генваря.

Я не подосадовалъ на него, а отъ всей души пожалѣлъ объ немъ. Надобно было, однако, чтобы тутъ не узнали о перемѣнѣ его ко мнѣ, а еще менѣе въ Керчи, куда я писалъ о намѣреніи моемъ скоро возвратиться туда и тамъ совсѣмъ остаться. Я сдѣлалъ еще болѣе: добрый сотрудникъ мой въ Бессарабіи, Шкляренко, вскорѣ послѣ отъѣзда моего оттуда, оставилъ должность, не знаю по какимъ причинамъ, и жилъ безъ дѣла у себя на хуторѣ Полтавской губерніи, въ Зеньковскомъ уѣздѣ; я выписалъ его оттуда въ Одессу, опредѣлилъ правителемъ моей канцеляріи на мѣсто Минарскаго, съ которымъ, послѣ происходившаго, я вмѣстѣ служить не могъ и, недѣли за двѣ передъ тѣмъ, отправилъ его въ Керчь.

Дни черезъ два послѣ этой пустой размолвки, пошелъ я къ Палену, зная его благородство и скромность и не опасаясь никакой непріятной встрѣчи. Онъ встрѣтилъ меня если не дружески, то вѣжливо, а я объявилъ ему, что, согласно его совѣту, скоро намѣренъ ѣхать въ Керчь. Вмѣстѣ съ тѣмъ вручилъ ему просьбу объ увольненіи, прося его убѣдительно представить ее по усмотрѣнію, такъ, чтобы могъ я удалиться сколько-нибудь выгоднымъ образомъ. Онъ общался сдѣлать все, что можетъ, и мы расстались какъ нельзя лучше.

IX.

Послѣ веселія почти всегда бываетъ горе. Послѣ пріятно разсѣянной жизни, осужденъ я былъ испытать всѣ непріятности ужасной дороги. Не приведи Богъ никого ѣхать зимой изъ Одессы въ Крымъ! Я располагалъ выѣхать 17-го Генваря по утру; но соблюденіе нѣкоторыхъ формальностей для полученія подорожной, о чемъ надлежало бы мнѣ подумать наканунѣ, задержало меня большую часть дня. Потомъ таможня, желая показать точность и исправность свою передъ начальникомъ таможеннаго округа, продержала меня еще нѣсколько времени, такъ что на первую станцію, Аджелигъ или Дофинку, успѣлъ я пріѣхать, когда давно уже смерклось.

Я ѣхалъ въ двухъ экипажахъ: въ открытыхъ саняхъ и въ двумѣстной каретѣ на колесахъ; иначе нельзя было. Сильные вѣтры на степи въ иныхъ мѣстахъ нагоняли большіе сугробы снѣга, въ другихъ сгоняли его съ земли; въ иныхъ мѣстахъ версты двѣ и болѣе можно было ѣхать хорошимъ зимнемъ путемъ, въ другихъ мѣстахъ съ версту и болѣе тащиться по голой замерзшей землѣ. Я предпочиталъ сани и, въ случаѣ только бури, намѣренъ былъ спастись отъ нее въ карету. Зги было не видать и продолжать путь сдѣлалось опасно. Изъ двухъ золь я выбралъ меньшее: остановился ночевать на станціи, въ холодной, всю зиму нетопленной комнатѣ. Нужда, говорятъ, великая мастерица на выдумки: я велѣлъ отыскать пребольшой горшокъ, купить поболѣе водки и, вливъ въ него, зажегъ ее. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько времени, воздухъ сдѣлался теплѣе, и при свѣтѣ пылающаго синеватаго огня, весь окутанный, могъ я довольно спокойно заснуть, приказавъ до свѣту разбудить себя.

Я выѣхалъ 18-го, когда еще совсѣмъ было темно, а карету свою еще ранѣе отправилъ впередъ. Скоро стали показываться море и свѣтъ. Я сдѣлалъ болѣе восемнадцати верстъ, сидя съ слугою своимъ въ саняхъ, къ которымъ изъ предосторожности велѣлъ придѣлать цыновочный верхъ, какъ началъ замѣчать, что ямщикъ мой часто поглядываетъ на море; а самъ увидѣлъ на горизонтѣ, надъ нимъ, узкую багроватаго цвѣта полосу, которая скоро превратилась въ широкую темно-лиловую. «Бѣда, баринъ, сказалъ ямщикъ». — «Что такое?» спросилъ я. — «До станціи почти шесть верстъ; не знаю, успѣемъ ли мы доѣхать; будетъ ужасная буря». — «Да на небѣ все чисто и ясно, и нѣтъ ни малѣйшаго вѣтерка». — «Ну, вы увидите». Не прошло четверти часа, какъ небо стало заволакивать густыми облаками и началъ слегка поѣвать вѣтеръ. Въ это время мы поравнялись съ какой-то корчмой;

ямщикъ умолялъ меня остановиться въ ней, но мнѣ хотѣлось догнать свою карету. Спустия еще четверть часа, появился снѣгъ и сильно загудѣлъ вѣтеръ, начиналась гибельная степная вьюга; ямщикъ гналъ лошадей безъ памяти и остановился у другой корчмы, гораздо болѣе первой, у самаго вѣзда въ селеніе Тилигуль или Коблевку. Войдя въ нее, я увидѣлъ длинную комнату, въ доль на двое разгороженную: въ просторной половинѣ спасалось чье-то большое помѣщичье семейство, а за перегородкой тѣснилось Жидовское во всей обычной нечистотѣ. Мнѣ чуть не стошнило, и я спросилъ: далеко ли до станціоннаго дома? Да съ четверть версты будетъ. Ну такъ скорѣе туда! «Что вы, воскликнули всѣ, да посмотрите что на дворѣ происходитъ». И подлинно казалось, что представленіе свѣта: съ верху валилъ снѣгъ, а вѣтеръ, свирѣпствуя, подымалъ его и съ низу, и все вмѣстѣ мѣшая, съ какою-то яростію крутилъ въ воздухъ. Надобно было видѣть шествіе мое по ужасно широкой улицѣ селенія; я сидѣлъ въ саняхъ, а слуга мой и ямщикъ шли подлѣ лошадей; два проводника, мною нанятыхъ, шли по бокамъ; не смотря на близкое разстояніе, они оставались невидимы и только что перекликались съ нами. Но вотъ я и у пристани, гдѣ нашелъ свою карету, заключавшую въ себѣ нѣсколько съѣстныхъ припасовъ. «Какъ васъ Богъ донесъ?» спросилъ смотритель. — «Да какъ видишь, любезный, и хочу ѣхать далѣе». — «Это невозможно, воскликнулъ онъ, я не могу вамъ дать ни ямщика, ни лошадей; не хочу губить ихъ, да и не смѣю: на этотъ счетъ есть у насъ строгія письменныя предписанія отъ начальства», и въ доказательство пошелъ было ихъ отыскивать. Улыбаясь, я остановилъ его и сказалъ, что за то обязанъ онъ дать мнѣ хорошей пріютъ. Онъ уступилъ мнѣ свою комнату небольшую, но теплую и чистую, и самъ перешелъ въ другую. Буря, мятель цѣлый день не унимались. Каково мнѣ было скучать въ такомъ уединеніи! Но безопасность, тишина, молчаніе внутри, когда снаружи бунтовали стихіи, имѣли также свою пріятность.

До свѣту 19-го разбудилъ меня своимъ пріѣздомъ курьеръ, къ-то посланный и гдѣ-то также принужденный останавливаться. Онъ объявилъ мнѣ, что все утихло и улеглось: для меня это было сигналомъ отъѣзда. Былъ морозъ, совершенно Русская зимняя ѣзда, и самыя бурныя волны Буга были льдомъ окованы. Глаза мои не вынесли двухдневнаго испытанія холода и вѣтра, надобно было ихъ полѣчить, и я принужденъ былъ остановиться въ Николаевѣ. Прямо поѣхалъ я къ полиціймейстеру, Павлу Ивановичу Ѳедорову, всегда готовому на одолженія, о которомъ разъ случилось уже мнѣ говорить. Надежда на его помощь меня не обманула: онъ помѣстилъ меня постоемъ въ домикъ, который почитался самымъ теплымъ въ городѣ.

Рѣдко горе бываетъ безъ утѣшенія, и я нашелъ его въ доброй Малороссіянкѣ, хозяйкѣ моей. Она была вдовой не очень богатаго купца, который оставилъ ей малолѣтнюю дочь, домигъ и небольшой капиталъ. Съ нею вмѣстѣ жила родная сестра ея, также вдова надворнаго совѣтника и прокурора, получающая пенсіонъ; сими средствами жили онѣ не очень скудно. Хоть убей меня, а теперь не буду умѣть назвать ихъ; право, совѣстно: память сердца, видно, была у меня всегда плохая. Я не искалъ въ нихъ просвѣщенія и любезности, а нашелъ лучше того: нѣжное чувство сострадательности, которое такъ понятно однимъ только добрымъ женщинамъ. Комната о трехъ окнахъ, называемая залою, раздѣляла насъ; но и черезъ это небольшое пространство не проходили онѣ, чтобы не потревожить мой покой. А онѣ начиналъ тяготить меня, и только по моему приглашенію онѣ меня посѣтили. Какъ изобразить всю заботливость сихъ сестеръ милосердія о здоровьѣ моемъ, о моей пищѣ? Привыкнувъ знаться съ людьми разныхъ состояній и какъ прилежный наблюдатель нравовъ съ участіемъ выслушивать ихъ рассказы, бесѣды и сихъ простыхъ и уже немолодыхъ женщинъ бывали для меня занимательны.

Выучившись самъ, наконецъ, лѣчить глаза свои и въ запасъ имѣя нѣкоторыя нужныя лѣкарства, я не призывалъ на помощь врача: терпѣніе, діетъ и употребляемыя мною средства скоро помогли; все таки однако цѣлюю недѣлю долженъ былъ я выдержать карантинъ. Раза два навѣстилъ меня Федоровъ, а объ адмиралѣ Грейгѣ не было ни слуху ни духу: всякой Англичанинъ болѣе или менѣе почитаетъ себя лордомъ.

Не смотря на то, будучи съ нимъ знакомъ, я не хотѣлъ оставить Николаевъ, не явившись къ нему, и 26 по утру отправился съ моимъ почтеніемъ на дрожкахъ моей хозяйки. У подъѣзда встрѣтилъ меня слуга, который сказалъ, что адмиралъ на *той* половинѣ и пошелъ провожать меня туда. *Та* половина была на дворѣ длинная пристройка къ главному корпусу строенія. По входѣ въ переднюю, слуга сказалъ мнѣ, что я могу идти далѣе безъ доклада. Не знаю, или часы шли у меня невѣрно или въ приморскихъ городахъ обѣдали тогда гораздо ранѣе даже чѣмъ въ губернскихъ, только въ первой комнатѣ нашелъ уже я накрытый столъ, а въ другой даму и съ полдюжины мужчинъ, все моряковъ. Замѣшательство Грейга было едва ли не сильнѣе того, которое я въ себѣ почувствовалъ. Нахмуясь угрюмо, не сказавъ мнѣ ни слова, онъ обратился къ дамѣ и сквозь зубы называлъ меня по фамильному имени. «Ахъ Боже мой! Ахъ какъ я рада! Какъ много слышана объ васъ, какъ давно хотѣла съ вами познакомиться и, наконецъ, нечаянный случай, кажется, хочетъ насъ сблизить».

Вотъ восклицанія дамы, на которыя едва успѣвалъ я отвѣчать поклонами. Надобно объяснить причины такихъ странностей.

Въ Новороссійскомъ краю всѣ знали, что у Грейга есть любовница Жидовка и что мало по малу, одна за другой, всѣ жены служащихъ въ Черноморскомъ флотѣ начали къ ней ѣздить, какъ бы къ законной супругѣ адмирала. Прѣзжимъ она не показывалась, особенно пряталась отъ Воронцова и людей его окружающихъ, только не по доброй волѣ, а по требованію Грейга. Любопытство на счетъ этой таинственной женщины было возбуждено до крайности, и отъ того узнали въ подробности всѣ происшествія ея прежней жизни. Также какъ Потоцкая, была она сначала служанкой въ Жидовской корчмѣ подъ именемъ Ліи, или подъ простымъ названіемъ Лейки. Она была красива, ловка и умѣніемъ нравиться наживала деньги. Когда прелести стали удаляться и доставляемые ими доходы уменьшаться, имѣла она уже порядочный капиталъ, съ которымъ и нашла себѣ жениха, прежнихъ Польскихъ войскъ капитана Кульчинскаго. Надобно было переимѣнить вѣру; съ принятіемъ св. крещенія, къ прежнему имени Лія прибавила она только литеру *ю* и сдѣлалась Юліей Михайловной. Черезъ нѣсколько времени, слѣдуя Польскому обычаю, она развелась съ нимъ и подъ предлогомъ продажи какого-то строеваго корабельнаго дѣса прѣѣхала въ Николаевъ. Ни съ кѣмъ кромѣ главнаго начальника не хотѣла она имѣть дѣла, добилась до свиданія съ нимъ, потомъ до другаго и до третьяго. Какъ всѣ люди съ чрезмѣрнымъ самолюбіемъ, которые страшатся неудачъ, въ любовныхъ дѣлахъ Грейгъ былъ ужасно застѣнчивъ; она на двѣ трети сократила ему путь къ успѣху. Ей отменно хотѣлось выказать свое торжество; изъ угожденія же гордому адмиралу, который стыдился своей слабости, жила она сначала уединенно и ради скуки принимала у себя мелкихъ чиновницъ; но скоро весь городъ или, лучше сказать, весь флотъ пожелалъ съ нею познакомиться. Она мастерски вела свое дѣло, не давала чувствовать оковъ ею наложенныхъ и осторожно шла къ цѣли своей, законному браку. Говорили даже, что онъ совершился и что у нихъ есть двое дѣтей; тогда не понимаю, зачѣмъ было такъ долго скрывать его.

Оправдываясь въ неумышленной нескромности, я слагалъ вину на слугу, а Юлія Михайловна сказала, что не бранить его, а благодарить должна. Самъ же Алексѣй Самойловичъ, видя мое учтивое, привѣтливое, хотя свободное, съ нею обхожденіе, началъ улыбаться и заставилъ у себя обѣдать. Въ ея наружности ничего не было Еврейскаго; кокетствомъ и смѣлостію она скорѣе походила на мелкопомѣстныхъ Польскихъ паней, такъ же какъ онѣ не знала иностранныхъ языковъ, а съ Польскимъ выговоромъ хорошо и умно выражалась по-русски. За

столомъ сидѣлъ я между нею и адмираломъ. Неожиданно съ симъ послѣднимъ зашелъ у насъ разговоръ довольно серіозный. Рѣчь коснулась до завоевательницы и создательницы Новороссійскаго края, и онъ вспомнилъ, какъ въ послѣдній годъ ея царствованія, будучи только двадцати-двухлѣтнимъ лейтенантомъ, въ память великихъ заслугъ отца его, былъ онъ на все лѣто приглашенъ въ Царское Село, какъ она милостиво со всѣми и съ нимъ обходилась и какъ въ безпрестанномъ созерцаніи земнаго Божества можно было предугадывать и понимать вѣчное блаженство. Мнѣ не забыть разсказа всегда хладнокровнаго, малорѣчиваго Грейга; легкій румянецъ сталъ покрывать его блѣдное лицо; казалось, что камень разогрѣлся, раскалился отъ жара прекраснаго воспоминанія. Какое сладкое могущество эта женщина имѣла надъ людьми! Посидѣвъ еще нѣсколько времени послѣ обѣда, я хотѣлъ раскланяться съ хозяевами; но они не согласились проститься со мною, а требовали слова еще увидѣться; я далъ однако съ намѣреніемъ не сдержатъ его.

На другой день, 27-го, помаленьку я началъ собираться въ дорогу, когда явился ко мнѣ курьеръ съ приглашеніемъ *Алексѣя Самойловича и Юліи Михайловны* пожаловать къ нимъ на вечеръ, балъ и маскарадъ 28-го числа. Мнѣ слѣдовало бы отказаться, впервыхъ, потому что это былъ день кончины отца моего, восторыхъ, что я два лишнихъ дня долженъ былъ потерять въ пути; но мнѣ не хотѣлось невниманіемъ платить за учтивость, да и любопытство увидѣть Николаевское общество во всемъ его блескѣ взяло верхъ надъ долгомъ. Дней за десять передъ тѣмъ видѣлъ я Одесское, но не могъ судить о великой разницѣ между ими, не будучи ни съ кѣмъ знакомъ. Мужчины нѣсколько пожилые и степенные, равно какъ и барыни ихъ, сидѣли чинно въ молчаніи; барышни же и офицериги плясали безъ памяти. Масокъ не было, а только двѣ или три костюмированныя кадрили. Женщины были всѣ одѣты очень хорошо и прилично по модѣ, и госпожа Юлія увѣряла меня, что она всѣхъ выучила одѣваться, а что до нея онѣ казались уродами. Сама она, нарядившись будто Магдебургской мѣщанкой, выступила сначала подъ покрываломъ; ее велъ подъ руку адъютантъ адмирала Вавиловъ, также одѣтый Нѣмецкимъ ремесленникомъ, который очень забавно передражнилъ ихъ и коверкалъ Русскій языкъ. На лицѣ Грейга не было видно ни удовольствія, ни скуки, и онъ прехладнокровно расхаживалъ, мало съ кѣмъ вступая въ разговоры. Сильно возбудилъ во мнѣ удивленіе своимъ присутствіемъ одинъ человекъ въ Капуцинскомъ платьѣ; онъ былъ не наряженный, а настоящій Капуцинъ съ бородой, отецъ Мартинъ, католической капелланъ Черноморскаго флота, который, какъ мнѣ сказывали

послѣ, тайно вѣнчалъ Грейга съ Юліей. Оттого при всѣхъ случаяхъ старалась она выставить его живымъ доказательствомъ ея христіанства и законности ея брака; только странно было видѣть монаха на балѣ. Мнѣ было довольно весело, смотря на большую часть веселящихся, которые казались совершенно счастливыми.

Наконецъ, 29-го по утру, вырвался я изъ Николаева. Послѣ легкаго мороза безъ вѣтра, примѣтно сдѣлалось теплѣе; солнце ярко засіяло; обрадуясь ему, птички вились по воздуху и щебетаньемъ своимъ радовали мое сердце. Я сдѣлался умнѣе, сидѣлъ въ каретѣ, защищая глаза свои отъ частыхъ перемѣнъ погоды. Скоро пріѣхалъ я въ Херсонъ и на этотъ разъ хотѣлъ непременно его осмотрѣть. Просторная комната низенькаго трактира, въ которой я остановился, имѣла для меня большую привлекательность: въ ней былъ воздухъ какимъ не дышалъ я всю эту зиму; она была вытоплена не по-новороссійски, такъ что въ одной рубашкѣ можно было по ней расхаживать. Подали мнѣ препорядочный обѣдъ, послѣ котораго прилежъ я отдохнуть и нечувствительно заснулъ. Когда я проснулся, начинало смеркаться, и пришелъ навѣстить меня бывший мой сотрудникъ въ Бессарабіи, совѣтникъ Кармазинъ, старикъ, котораго Петрулинъ перетащилъ изъ Херсона и который, при мнѣ получивъ отставку съ хорошей пенсіей, возвратился въ него. Мы потолковали кой о чемъ, и я долженъ былъ до слѣдующаго утра отложить прогулку мою по городу. Погода за ночь опять измѣнилась, и сдѣлалось пасмурно и не холодно, хотя безъ оттепели. Улицы Херсона были правильны, а наружность его не красива и даже печальна. Древнія руины, какъ сильные бойцы, послѣ продолжительной борьбы съ людьми и стихіями устоявшіе, хотя лишенные членовъ и покрытые рубцами, а новыя строенія полуразрушенныя подобны трупамъ тощихъ юношей, обезображенныхъ смертію: вотъ чтò являлось тогда въ Херсонѣ. Гораздо пріятнѣе было мнѣ взглянуть на крѣпость, въ верстѣ отъ него находящуюся: тамъ все было сохранено и поддержано. Войдя въ соборъ, мнѣ хотѣлось увидѣть мѣсто, гдѣ положено было тѣло князя Потемкина; но мнѣ отвѣчали, что никто о томъ не знаетъ. Увѣряютъ, что, когда по приказанію Павла Перваго должно было вынуть останки основателя Херсона, тайно вырытъ былъ трупъ протопопа и вмѣсто Потемкина похороненъ гдѣ-то въ полѣ.

Воротившись домой обѣдать, 30 числа, я предпочелъ ѣхать въ Крымъ по другой дорогѣ болѣе короткой. Въ этомъ мѣстѣ мой родимый Днѣпръ не похожъ на самого себя, не широкъ и не узокъ: прежде превращенія своего въ лиманъ, онъ дѣлится на рукава и образуетъ семнадцать острововъ, между коими плаваніе хотя не опасно, но

затруднительно и продолжительно; отъ того лѣтомъ рѣдко кто по этой дорогѣ ѣздитъ. Все было покрыто льдомъ въ эту зиму. Часа черезъ два пріѣхалъ я на противоположную, берегомъ Таврической губерніи, въ городъ Дняпровскъ, бывшее селеніе Алешки, коимъ онъ и понынѣ называется. Была уже ночь, и меня привезли къ одному Татарину, зажиточнѣйшему изъ жителей. Мой пріѣздъ не очень долженъ былъ понравиться женскому полу; его тотчасъ куда-то запрятали. Черезъ полчаса пожаловалъ ко мнѣ городничій (стоило бы объ имени его спросить и его не запомнить) и объявилъ, что онъ счелъ долгомъ навѣстить пріѣзжаго товарища. Я немного удивился и чужъ ли не обидѣлся, когда онъ прибавилъ: «вѣдь вы тамъ у себя, а мы здѣсь у себя градоначальники». Служить въ Новороссійскомъ краѣ и не знать разницы между званіями градоначальника и городничаго, это уже становилось забавно. Очень замѣтно было, что онъ даточный, безграмотный солдатъ, во время войны вышедшій въ офицеры и по праву раненаго получившій мѣсто. Нѣсколько времени потѣшился я необыкновеннымъ его невѣжествомъ, но наконецъ соскучился, безъ церемоніи сказалъ, что хочу спать и попросилъ любезнаго собрата оставить меня.

Хорошо, что я поѣхалъ въ каретѣ; ибо въ слѣдующее утро 31 числа сдѣлалось опять ужасно холодно и вѣтрено. Эта сторона, выходящая клиномъ между Дняпровскимъ лиманомъ и Чернымъ моремъ, весьма богата, какъ увѣряютъ, пастбищными мѣстами, и отъ того многие иностранцы и между прочимъ герцогъ Ангальтъ-Кетенскій владѣютъ ими и содержатъ мериносовъ и электоралей. Мнѣ было не до наблюдений: я не видѣлъ конца своему странствованію и гдѣ было можно скакалъ безъ памяти. Только что разсвѣтало, когда я пріѣхалъ на первую станцію Костогрызово, коей названіе мнѣ не полюбилось; не знаю почему, я видѣлъ въ немъ худое предвѣщаніе. Однако комната въ каменномъ станціонномъ домѣ была очень велика и очень высока, и въ ней по Русскому обычаю находились палаты и огромная Русская печь. Не успѣлъ я оглядѣться, какъ вошелъ молодой морской офицеръ, весь посинѣвшій отъ холода, въ одной холодной шинели, изъ отпуска возвращающійся въ Севастополь. Надобно было видѣть, съ какимъ проворствомъ бѣдняга вскочилъ на печь; оттуда, съ этой высоты, сказалъ онъ мнѣ, что за три дни передъ тѣмъ видѣлъ меня въ Николаевѣ на балѣ у Грейга. Я тамъ былъ пріѣзжій и, разумѣется, въ толпѣ его замѣтить не могъ. Мнѣ стало жаль его тѣмъ болѣе, что ему отказали въ лошадяхъ: по малому числу ихъ на этой малопрѣзжей дорогѣ всѣ были взяты подъ мои двѣ повозки. Я предложилъ ему чемоданъ свой положить въ мои сани, а самому сѣсть

со мною въ карету. Только что хотѣлъ я тоже самое сдѣлать съ однимъ изъ двухъ сопровождавшихъ меня слугъ; въ такихъ случаяхъ тѣснота не бѣда, а умножаетъ только теплоту внутри экипажа. Онъ съ радостію и благодарностію принялъ спасительное мое предложеніе. Бесѣда съ незнакомымъ не могла быть для меня занимательна, но я чувствовалъ какой-то ужасъ среди окружающей меня замершей пустыни, и присутствіе одного лишняго человѣческаго лица уменьшало его. Отъ Двѣпровска до Перекопа дѣсяносто верстъ. Я засвѣтло проѣхалъ сей послѣдній городъ и располагалъ ѣхать всю ночь; но не такъ-то случилось. Нѣсколько верстъ не доѣзжая до первой станціи за Перекопомъ, вѣтеръ завылъ грозящимъ голосомъ; наученный опытомъ, я опустилъ стекла и спросилъ у ямщика, не возвращаетъ ли это бурунь (степной вихорь). Да, отвѣчалъ онъ съ примѣтнымъ испугомъ; кажется, быть бѣдѣ. Я предался волѣ Божіей, и тутъ опять она спасла меня. Жестокая выюга совсѣмъ разъярилась, когда уже я былъ на мѣстѣ. Не весело было мнѣ ночевать точно въ погребѣ, хотя хорошо закутаннымъ, но дышать холоднымъ воздухомъ. Еще хуже меня, вѣроятно, провелъ эту ночь мой сопутникъ въ своей холодной шинели. Я мало заботился о немъ, а онъ бѣдняжка очень ухаживалъ за мною. Въ разстройствѣ духа, въ которомъ я почти два дни находился, забывъ я даже спросить о его имени.

Передъ разсвѣтомъ, 1 Февраля, утихла буря, и я пустился далѣе, только чувствовалъ начало сильной простуды. Часу въ четвертомъ пополудни пріѣхали мы въ Симферополь. Я далъ себя везти куда хотѣли, лишь бы не въ Одесской трактиръ, и попалъ, не знаю, въ какой-то низенькой домикъ съ тремя чистыми выбѣленными комнатами, только всю зиму не топлённый; видно, я былъ безъ памяти, что согласился въ немъ остаться. Офицеръ мой простился со мною и уѣхалъ, спѣша поспѣть къ сроку отпуска; а я безъ всякой помощи, пока затопляли печи, лежалъ уже въ лихорадкѣ. Скоро однако явился спаситель, а читателю явятся два лица, ему еще неизвѣстныя.

Нѣсколько разъ пріѣзжалъ ко мнѣ въ Керчь отставной съ мундиромъ уланской ротмистръ Иванъ Алексѣевичъ Забѣлинъ и мнѣ очень полюбился. Получивъ послѣ отца богатое наслѣдство, онъ женился на красавицѣ и вышелъ въ отставку. Онъ былъ влюбленъ, она была щеголиха, мотовка, и разстройство дѣлъ скоро заставило его опять искать службы. У него было имѣніице близъ Феодосіи, и его выбрали исправникомъ. Дѣятельность его, расторопность обратило на него вниманіе губернскаго начальства, и онъ опредѣленъ былъ полиціймейстеромъ въ Симферополь. Привязанность его къ женѣ, кажется, начинала уменьшаться, но не уменьшились ея требованія; а какъ она

умѣла овладѣть имъ, то для удовлетворенія ихъ, какъ полагать должно, прибѣгалъ онъ къ средствамъ не совсѣмъ позволительнымъ. Онъ не рожденъ былъ для лихоимства, неискусные же въ немъ скоро попадаютъ въ петлю. Лишившись мѣста, отданъ былъ онъ подъ судъ; но какъ его всѣ любили, жалѣли объ немъ, то была надежда, что онъ скоро оправдается. Ему очень хотѣлось быть при мнѣ чиновникомъ по особымъ порученіямъ, и мнѣ также хотѣлось; но я объявилъ ему, что сіе невозможно, пока дѣло его не кончится въ судѣ. Узнавъ о моемъ приѣздѣ, поспѣшилъ опъ ко мнѣ и нашелъ меня, послѣ сильнаго озноба, въ жару, почти въ бреду: холодный воздухъ въ комнатахъ всегда производитъ на меня это дѣйствіе. Онъ сталъ меня упрашивать переѣхать къ нему, и я не имѣлъ силы отказать.

Онъ жилъ даромъ въ домѣ одного изъ богатѣйшихъ Татарскихъ мурзъ, посреди стараго города и его кривыхъ, грязныхъ улицъ. Мегмедъ-мурза-Крымтаевъ былъ въ своемъ родѣ великій чудакъ. Нижнее жилье дома своего, состоящее изъ пяти или шести комнатъ, занималъ онъ самъ. Въ немъ не было половъ, а глиной убитая земля, вся засѣянная табачною золою, заступала ихъ мѣсто; кругомъ были широкіе, низкіе диваны, покрытые изорванной матеріей; вездѣ пыль и паутина, неопрятность и северный духъ. За то въ верхнемъ этажѣ все отдѣлано было по-европейски, стѣны оклеены красивымъ бумажнымъ обоями и всѣ мебели отличныя, выписныя. Тамъ изрѣдка принималъ онъ почетныхъ гостей, никого изъ нихъ не пуская внизъ, а на эту зиму уступилъ онъ сей этажъ четъ Забѣлиныхъ, изъ дружбы къ мужу; злословіе говорило, — изъ любви къ женѣ. Вотъ куда я переселился! Скоро приѣхалъ и докторъ Арндтъ, прописалъ мнѣ что-то; но теплый воздухъ комнатъ, я думаю, мнѣ болѣе помогъ, чѣмъ его лѣкарство.

На другой день, пришедъ немного въ себя, я почувствовалъ, что тутъ мнѣ неловко оставаться и на этотъ счетъ объяснился съ Забѣлинымъ, который просилъ меня не оставлять его по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока въ состояніи буду выѣзжать. Предобрѣйшій малый былъ этотъ Забѣлинъ; услуги свои оказывалъ онъ мнѣ не изъ какихъ либо видовъ: ибо мѣсто, о которомъ просилъ онъ меня, было уже занято Франкомъ. Черезъ часъ послѣ нашего разговора, явился и хозяинъ нашъ мурза въ полной формѣ. На немъ былъ богато изукрашенный серебрянными тесемочками синій кафтанъ, а на шеѣ висѣла жалованная золотая медаль съ брилліантами. Онъ пришелъ просить меня, чтобы я почиталъ себя его гостемъ и не обидѣлъ его, отказываясь отъ предлагаемаго гостепрѣимства; все это было настроено Забѣлинымъ. Многіе смотрѣли на то съ худой стороны и между прочимъ вице-губернаторъ Лонгиновъ, за отсутствіемъ губернатора управлявшій губерніею, кото-

рый велѣлъ мнѣ сказать, что какъ бы ни желалъ меня видѣть, не можетъ рѣшиться навѣстить живущаго у подсудимаго. На то поручилъ я отвѣчать ему, что не только охотно увольняю его отъ посѣщенія, но и своимъ не хочу возмутить его излишнюю деликатность.

Въ этомъ году подвижные праздники были равнѣ обыкновеннаго, и пятница на Масляницѣ припала 3 Февраля, черезъ два дни по прїѣздѣ моемъ. Климатъ и образъ жизни не допускали тутъ никакого сходства съ нашей Русской масляницей; никто не зналъ что такое кататься съ горъ, о блинахъ тогда и помину не было, и не знаю даже, встрѣчались ли пьяные. Однако именно въ этотъ день на всѣхъ лицахъ написано было веселіе. Южное солнце одержало совершенную побѣду надъ бывшими непогодами; оно горѣло, озаряло водопады, образованные внезапно растаявшимъ снѣгомъ, которые быстро и шумно по всѣмъ поватостямъ неслись въ Салгирь. Мнѣ чрезвычайно захотѣлось выѣхать, погулять, и гдѣ то достали коляску: были мѣста, гдѣ черезъ бурные потоки въ самомъ городѣ почти невозможно было проѣхать.

Безпрестанно препятствія. На другой день узнали, что по дорогѣ водой снесено множество мостиковъ и что овраги, ею наполнившись, превратились въ глубокія рѣчки. Поневолѣ надобно было отложить свой выѣздъ.

Принужденъ будучи остановиться, я сдѣлалъ нѣсколько посѣщеній и между прочимъ госпожѣ Нарышкиной, которая пригласила меня обѣдать 5-го числа, въ послѣдній день Масляницы. Въ тотъ же день вечеромъ полюбопытствовалъ я взглянуть на костюмированный балъ въ такъ называемомъ Благородномъ Собраніи. Зала была немного повыше, пошире и подлиннѣе Керченской залы въ домѣ Кулисича. То, что называютъ Таврическимъ дворянствомъ, на двѣ трети состоитъ изъ Татарскихъ мурзъ, и совершенное ихъ отсутствіе на этомъ балѣ меня удивило. Мнѣ сказали, что они никакъ не хотятъ ознакомиться съ обычаями Запада, и не знаю, осуждать ли ихъ за то. Мнѣ показали на танцующую въ Русскомъ сарафанѣ высокую и плотную дочь знаменитаго Палласа, и я смотрѣлъ на нее съ почтеніемъ къ памяти ея отца. Послѣ тутъ же сказали мнѣ, что она только приемышь живущей въ Крыму вдовы знаменитаго Палласа, и что ей не слѣдовало бы присвоивать себѣ его славнаго имени. Я замѣтилъ на сіе, что по росту и дородству ея, по смѣлости приемовъ и взглядовъ, надобно бы, по крайней мѣрѣ, дозволить ей называться Палладой.

Продолжаю мой дневникъ. Въ Понедѣльникъ 6-го числа воротился изъ Петербурга губернаторъ Нарышкинъ, о чемъ узналъ я вечеромъ. На другой день, пока я собирался къ нему, прїѣхалъ онъ самъ ко мнѣ, но можно сказать, только что повернулся. Онъ успѣшилъ меня видѣть,

сказалъ онъ, дабы доказать, что онъ не раздѣляетъ слишкомъ строгихъ правилъ вице-губернатора: видно, они съ нимъ начинали не ладить. На разспросы мои о Петербургѣ не хотѣлъ отвѣчать, увѣряя, что не имѣетъ времени, но готовъ удовлетворить любопытство мое, когда со глашусь на другой день пріѣхать къ нимъ обѣдать.

Погода всѣ эти дни постоянно была теплая, большія воды стекли, дорогу постарались починить, и 9-го числа отправился я изъ Симферополя. Въ Феодосіи на полчаса завернулъ въ Богдановскому, потомъ немного поѣлъ, немного поспалъ и 10-го Февраля въ сумерки пріѣхалъ въ Керчь.

Встрѣчи на этотъ разъ мнѣ не было; доброжелателей своихъ не извѣстилъ я даже о точномъ времени моего пріѣзда. Недѣли за двѣ до выѣзда моего изъ Одессы писалъ я къ полиціймейстеру Щиржецкому, прося его нанять помѣсячно, будто для себя, каменный двухъ-этажный домъ отставнаго генераль-маіора Каламары, который по близости отъ Керчи жилъ у себя на хуторѣ. Онъ построилъ домъ въ надеждѣ, что его будутъ нанимать градоначальники, но совсѣмъ отдѣлалъ его незадолго передъ тѣмъ какъ Богдановскій собирался оставить Керчь; я же не нанялъ его подъ предлогомъ, что онъ долженъ быть сыръ; онъ оставался пустымъ, и хозяинъ за дешевую цѣну уступилъ его. Щиржецкій будто переуступилъ его мнѣ, и въ него были уже перевезены мои люди и вещи. Мнѣ не хотѣлось долѣе жить даромъ и одолжаться Грекамъ; домъ же этотъ имѣлъ для меня особое удобство: онъ находился при самомъ въѣздѣ въ городъ со стороны Феодосіи и даже былъ отдѣленъ небольшимъ пространствомъ отъ первыхъ его застроеній, такъ что я бы могъ, если бы хотѣлъ, и не заглядывать въ Керчь. Онъ былъ довольно просторенъ, исключая флигеля имѣлъ по шести комнатъ въ каждомъ этажѣ, и въ немъ помѣщались канцелярія моя и правитель ея Шляренко. Сей послѣдній первый явился ко мнѣ и разсказалъ, какъ искусно умѣлъ онъ избѣгнуть малѣйшихъ непріятностей съ Синельниковымъ.

На другой день явились ко мнѣ главныя лица. Не показывая никакой ласки, принялъ я ихъ какъ слѣдовало вѣжливымъ образомъ; жителямъ же велѣлъ объявить, чтобы они безъ особой нужды, съ пустяками, подлежащими разбирательству полиціи, впередъ ко мнѣ не ходили. Имъ самимъ не очень хотѣлось встрѣчать всегда угрюмое чело мое.

Потерявъ надежду въ это время сдѣлаться моимъ преемникомъ и ожидая другаго болѣе удобнаго къ тому случая, Скасси изъ Петербурга не подзадоривалъ болѣе Грековъ, и они, склонивъ голову, сдѣлались тихи и послушны. Казенныя строенія приостановлены до наступленія настоящей весны, никакихъ иностранныхъ судовъ въ портъ не пока-

зывалось, и я совсѣмъ почти безъ дѣла началъ вести жизнь покойную, уединенную, но признаюсь весьма скучную. И погода была тогда не весьма благопріятная; правда, еще до прїѣзда моего Босфоръ очистился отъ льда, коимъ покрытъ былъ болѣе трехъ недѣль и въ воздухѣ сдѣлалось тепло, но въ продолженіи Февраля и большей части Марта небо оставалось мрачно и не рѣдко шли холодные дожди.

День Свѣтлаго Воскресенья совпадалъ (да простятъ мнѣ сіе слово, неологами введенное въ общее употребленіе) со днемъ Благовѣщенія 25-го Марта, и въ этотъ-то именно день была настоящая слякоть. Главные чиновники въ мундирахъ и Греки отправились въ соборъ, гдѣ богослуженіе было по-гречески; я же въ скюртукѣ пошелъ во временную церковь, неподалеку отъ меня въ большомъ каменномъ сараѣ устроенную, одними канцелярскими служителями наполненную, изъ коихъ нѣкоторые добровольно составили хоръ пѣвчихъ. Отслушавъ тамъ заутреню и обѣдню, не безъ труда по грязи воротился я домой, а по утру, сказавшись больнымъ, никого не принималъ.

Странное дѣло! Когда я не скрывалъ намѣренія своего оставить должность никто не хотѣлъ мнѣ вѣрить; а тутъ, когда я принужденнымъ нашелся лгать и увѣрять, что хочу всю жизнь посвятить Керчи, всѣ мнѣ повѣрили. И даже когда въ Апрѣлѣ получены были письма извѣщающія о моей будто оставкѣ, никто и слушать не хотѣлъ, называя это Апрѣльскими вѣстями. Между тѣмъ этотъ Апрѣль оживилъ меня, погода сдѣлалась опять чудесная, и родились заботы совсѣмъ новыя для меня въ своемъ родѣ.

Еще середь зимы прїѣхалъ въ Керчь неизвѣстно зачѣмъ любимецъ царскій, флигель-адъютантъ полковникъ Василій Алексѣевичъ Перовскій и по приглашенію, сдѣланному Скасси, остановился въ его домѣ. Когда меня о томъ увѣдомили, меня это немного потревожило; но вскорѣ послѣ получилъ я отъ него въ Одессѣ коротенькое письмо съ препровожденіемъ письма врученнаго ему ко мнѣ отъ Дашкова, который совѣтовалъ мнѣ на счетъ положенія моего откровенно съ нимъ объясниться. Въ отвѣтѣ моемъ къ нему не утерпѣлъ я, чтобы не говорить о предубѣжденіяхъ, которыя знакомство со Скасси должно было дать ему противъ меня. На это между прочимъ отвѣчалъ онъ мнѣ. «Возможно ли, чтобы, имѣя съ вами общихъ пріятелей, Дашкова и Жуковского, захотѣлъ я вредить вамъ? Я желалъ бы по возможности быть вамъ даже полезнымъ». Въ Мартѣ получилъ я наконецъ и письмо отъ графа Воронцова собственноручное, длинное, ласковое въ отвѣтъ на давно мною къ нему писанное. Вотъ что между прочимъ говоритъ онъ въ немъ: «Вы хотите меня оставить, и я долженъ исполнить ваше желаніе; а еслибы вы знали сколько копій принужденъ я былъ ломать

за васъ съ однимъ здѣсь весьма сильнымъ человѣкомъ». Этотъ сильный человѣкъ не могъ быть иной какъ Нессельроде. На счетъ же обезпеченія существованія моего послѣ отставки выражался очень неясно.

Недолго Перовскій оставался въ Керчи: когда я воротился въ этотъ городъ, онъ находился въ Екатеринодарѣ, главномъ городѣ Черноморскихъ казаковъ. Тамъ наказнымъ атаманомъ былъ генераль-лейтенантъ Власовъ, человѣкъ всѣми восхваляемый, но обвиняемый, преслѣдуемый доносами интриганта Скасси. Главною цѣлью путешествія Перовскаго, казалось, было изслѣдованіе поступковъ Власова, и къ счастью оно открыло ему истину съ помощью измѣнника Грека Хартуляри, подчиненнаго Скасси, котораго онъ бралъ съ собой. Въ началѣ Апрѣля Перовскій былъ уже въ Тамани, и у насъ черезъ проливъ началась дѣятельная, собственноручная, ото всѣхъ тайная съ нимъ переписка.

Я узналъ, впрочемъ подозрѣвая то и прежде, что вскорѣ и въ моемъ сосѣдствѣ должны начаться военныя дѣйствія. Собравъ небольшой отрядъ войска, порученный его начальству, Перовскій спряталъ его за камышами Кубани, и для перехода черезъ эту рѣку п нападеныя на Анапу, дожидался только появленія флота, который атаковать долженъ былъ крѣпость со стороны Чернаго моря. Приготовленія къ симъ дѣйствіямъ, доставленіе ему съѣстныхъ припасовъ и мѣры осторожности, дабы не узнали о томъ непріатели, были содержаніемъ нашей секретной переписки. Согласно съ его письмами и по собственному усмотрѣнію, дѣйствовалъ я довольно самовластно. Напримѣръ, двухъ Армянъ, пріѣзжавшихъ изъ Анапы и выдержавшихъ карантинный срокъ, оказавшихся впоследствии лазутчиками, велѣлъ я задержать и не пускать въ обратный путь. У моихъ любезныхъ Татаръ, рыболововъ, называемыхъ тутъ забродчиками, велѣлъ отобрать всѣ лодки, дабы прекратить имъ всякое сообщеніе съ противоположной стороной. Это ихъ чрезвычайно прогнѣвало, и чрезъ то на время остановлена была вся рыбная ловля. Чужа приближеніе грозы, которая впрочемъ не надъ ними должна была разразиться, жители Керчи почитали себя какъ бы въ осадномъ положеніи и безъ ропоту повиновались.

Не знаю, право, изъ чего я мучилъ такъ животь свой, когда частнымъ образомъ былъ увѣдомленъ о назначеніи на мое мѣсто новаго градоначальника. Передъ выѣздомъ изъ Петербурга Воронцова, прибывшаго 28 Марта въ Одессу, было подписано нѣсколько указовъ 12 Марта. Однимъ изъ нихъ графъ Паленъ уволенъ отъ должностей настоящей и временной; о предназначеніи его предсѣдателемъ дивана княжествъ Молдавскаго и Валахскаго, разумѣется, ни слова не сказано. На его мѣсто въ Одессу градоначальникомъ переведенъ изъ Феодосіи

Богдановскій, а на мѣсто послѣдняго назначенъ въ Феодосію Казначеевъ. Были еще нѣкоторыя перемѣщенія: Бессарабскій Тимковскій по всей справедливости безжалостно отставленъ, безо всякаго содержанія, а на его мѣсто назначенъ какой-то Тургеневъ, который никогда къ должности не пріѣзжалъ и, чего-то испугавшись, тотчасъ подалъ въ отставку. На мѣсто новаго знакомаго моего Екатеринославскаго Свѣчина, отставленнаго безъ просьбы и безъ вины, опредѣленъ мой добрый знакомый Харьковскій Донецъ-Захаржевскій. Наконецъ, отъ того же числа Керчь-Еникальскимъ градоначальникомъ сдѣланъ Иванъ Алексѣевичъ Стемковской, о которомъ буду говорить послѣ. А обо мнѣ въ указѣ не упомянуто ни слова, какъ будто бы меня и на свѣтѣ не было.

Тогда въ гражданскихъ дѣлахъ не было такого быстрого исполненія какъ нынѣ. Для соблюденія всѣхъ формальностей Сенату нужно было дней двѣнадцать, а иногда и недѣли двѣ; когда же встрѣтятся большіе праздники, то и болѣе. Экстра-почта изъ Петербурга въ Одессу ходила тогда въ восемь дней, и оттуда уже по разнымъ мѣстамъ разсылались для исполненія Высочайшіе указы: вотъ отчего я такъ поздно получилъ офиціальное извѣщеніе о назначеніи Стемковскаго. А между тѣмъ, вѣроятно, по ошибкѣ изъ Петербурга бумаги приходили на мое имя, и между прочимъ предписаніе министра финансовъ о наложеніи амбарго 25 Апрѣля на всѣ Турецкія суда (а ихъ ни одного не было), ибо въ этотъ день должны начаться военныя дѣйствія.

Такъ какъ въ указѣ я не былъ названъ, то по порученію Воронцова приглашали меня не спѣшить отъѣздомъ и сдачею должности; Стемковской также изъ Одессы писалъ ко мнѣ и упрашивалъ дождаться его пріѣзда. Тутъ, кажется, мѣсто начертать краткую его біографію. Сынъ бѣднаго дворянина и племянникъ жены коменданта генерала Коблѣ, онъ находился при ней въ Одессѣ, когда Ришельё пріѣхалъ начальствовать въ этотъ городъ. Дюку мальчикъ понравился, онъ воспиталъ его, опредѣлилъ въ службу, взялъ къ себѣ въ адъютанты и дѣятельно употреблялъ по службѣ. Можно сказать, что Стемковской выросалъ вмѣстѣ съ Одессой и принималъ участіе въ устройствѣ новаго портоваго города. Свѣтская образованность была въ немъ отличная, а ученость его по археологической части простиралась до того, что онъ былъ избранъ членомъ Французскаго Института. Въ Парижѣ, въ 1818 году, познакомился я съ нимъ: въ чинѣ полковника числился онъ тогда по арміи и изъ особой любви и уваженія Государя къ состоящему также по арміи генералу Ришельё оставленъ былъ при немъ. Умирая, дюкъ завѣщалъ ему все, что имѣлъ въ Россіи, хорошую аренду, городской домъ и хуторъ въ Одессѣ и на Южномъ берегу Крыма дачу Гурзуфъ. Возвратившись въ отечество, онъ нѣсколько

лѣтъ поносилъ еще эполеты, а потомъ перешелъ въ штатскую службу, но не имѣлъ мѣста. Чтò сказать мнѣ еще для изображенія его? Наружность имѣлъ онъ пріятную, а характеръ кроткій и твердый, то есть истинно благородный. Вотъ, наконецъ, выборъ Воронцова, который можно назвать дѣйствительно счастливымъ. Ланжеронъ и Скасси сказали: наша взяла, и какъ они опять ошиблись!

Ничто не останавливало меня въ Керчи. Не то было время, чтобы Греки могли зазнаться передо мной; одинъ только Синельниковъ поднялъ носъ въ нетерпѣннѣи, хотя временно, заступить мое мѣсто. Съ равнымъ нетерпѣніемъ и я ожидалъ 25 Апрѣля. Меня весьма забавляла мысль, что я будто участвую въ военныхъ подвигахъ, и мнѣ хотѣлось ихъ довершить самымъ важнымъ. Въ 45 верстахъ отъ Керчи находится высокая Апухъ-гора, выдвинутая въ море, и съ нея, хотя въ тускломъ отдаленіи, но простыми глазами, можно видѣть Анапу; въ зрительную же трубку можно сосчитать всѣ строенія этой крѣпости. Будучи предувѣдомленъ, что въ вышеозначенное число нашъ флотъ придетъ атаковать ее, мнѣ желательно было воспользоваться единственнымъ случаемъ посмотреть на сраженіе изъ безопаснаго мѣста, какъ бы изъ ложи на театральное зрѣлище. Для того по дорогѣ къ горѣ разставлены были у меня казаки съ приказаніемъ, лишь только завидятъ корабли, прискакать меня о томъ увѣдомить.

Дней двѣнадцать какъ всѣ читали въ газетахъ о назначеніи мнѣ преемника, и болѣе недѣли указъ о томъ находился у меня въ рукахъ; а я все медлилъ объявить его. Никто не могъ понять причины такого упорства, и стали подозрѣвать тутъ великую тайну. Между тѣмъ 25-го Апрѣля прошло, и не было никакихъ извѣстій съ Апухъ-горы; Перовской стоялъ притаившись за Кубанью, а флотъ, на которомъ находились князь Меншиковъ и Грейгъ, былъ удерживаемъ противными вѣтрами.

Долѣе 1-го Маія, мнѣ рѣшительно нельзя было оставаться. Въ этотъ день вечеромъ подписалъ я самъ себѣ подорожную до Θεодосіи, все еще по званію градоначальника, и потомъ бумагу Синельникову, которою, извѣщая его объ отъѣздѣ моемъ, будто въ округъ, поручаю ему исправленіе моей должности, ни словомъ не упомянувъ Стемпковскаго. Для прощанья посѣтили меня въ тотъ же вечеръ два доброхота моихъ, Щиржецкій и Гудимъ-Левковичъ; мы слышали въ это время шумъ множества фузей, пущенныхъ съ Керченскихъ пригорковъ прибывшими сухимъ путемъ морскими офицерами. Они должны были участвовать въ экспедиціи и радостно привѣтствовали приближеніе ея.

Очень рано по утру, 2-го Маія, простился я съ Шляренкой и шель садиться въ карету, какъ вдругъ прискакалъ казакъ съ извѣ-

стіемъ, что флотъ показался. Но увы! уже было поздно, ибо еще наканунѣ отправилъ я бумагу къ Синельникову. На первой станціи узналъ я нѣчто для меня любопытное. Въ околоткѣ всѣ знали о городскихъ несогласіяхъ, и зритель смѣясь объявилъ мнѣ, что еще наканунѣ вечеромъ Скасси пріѣхалъ изъ Петербурга съ важными порученіями; но, узнавъ, что я нахожусь еще въ городѣ, туда не поѣхалъ, а остановился въ двухъ верстахъ отъ него у себя на хуторѣ.

Въ Феодосію пріѣхалъ я къ самому обѣду и вѣхалъ прямо ко вновь прибывшему градоначальнику Казначееву, который убѣдилъ меня на нѣсколько дней остаться у него. Мнѣ и самому хотѣлось, ибо по сдѣланному согласію ожидалъ я вѣстей изъ Керчи, какъ о началіи военныхъ дѣйствій, такъ и о томъ, что происходило въ этомъ городѣ въ первые дни послѣ отъѣзда моего. Гудимъ увѣдомилъ меня, что въ то же утро, 2 Маія, когда узнали объ отъѣздѣ моемъ и о прибытіи Скасси, всѣ въ мундирахъ (и онъ въ томъ числѣ изъ любопытства) отправились къ нему на поклоненіе. Великій мужъ, покровитель Керченской торговли, принялъ ихъ ласково и величаво. Привѣтственную рѣчь произнесъ краснорѣчивый Синельниковъ; она ограничилась ругательствами на меня; Скасси въ молчаніи выслушалъ ее съ одобрительной улыбкой. Потомъ стали умолять его удостоить городъ своимъ пребываніемъ въ немъ, тѣмъ болѣе, что онъ очищенъ отъ моего присутствія; на это послѣдовало милостивое согласіе. Какія были у него порученія и какъ исполнилъ онъ ихъ, увидимъ мы послѣ*).

Мнѣ отставному спѣшить было не къ чему, и я дней пять оставался въ Феодосіи. Куда мнѣ сперва было ѣхать, если не прямо въ Москву. Но Казначеевъ, испытавшій на себѣ незлопамятность Воронцова, убѣдилъ меня, сдѣлавъ небольшой крюкъ, отправиться къ нему въ Одессу, дабы съ его помощію устроить дѣла свои на будущее время. Туда же ожидали Государя съ Императрицей, и онъ могъ имѣть удобный случай доложить обо мнѣ. Я выѣхалъ 7-го, а 9-го, въ Николинъ день, пріѣхалъ въ Симферополь.

*) Такъ какъ мнѣ не придется болѣе говорить о моихъ Керченскихъ друзьяхъ и недрузьяхъ, то здѣсь хочу сказать нѣсколько словъ о ихъ участи. Высокое образованіе не могло сойтись съ самымъ грубымъ варварствомъ; Синельниковъ не могъ ужиться со Стемпковскимъ; если у него былъ недостатокъ въ умѣ и знаніи, за то въ храбрости былъ избытокъ. Онъ вступилъ опять въ военную службу на Кавказѣ, получилъ Георгіевскій крестъ, генераль-майорской чинъ и вскорѣ потомъ убитъ въ сраженіи съ горцами. Гудимъ давно уже управляющимъ Херсонскаго Палагоу Государственныхъ Имуществъ. Щирецкой вскорѣ послѣ меня переведенъ непремѣннымъ членомъ Екатеринославскаго Приказа Общественнаго Призрѣнія, но скоро потомъ умеръ. За Шляренко долго благодарилъ меня Стемпковской въ письмахъ своихъ, называя его драгоценнымъ наслѣдствомъ, мною оставленнымъ. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ какъ онъ находится правителемъ канцеляріи Смоленскаго и Бѣлорусскаго генераль-губернатора и, кажется, управляетъ губерніями.

По предварительному предложенію моего добраго мурзы, Мегметъ-Крымтаева, чрезъ Забѣлина, остановился я опять у него. Помѣщеніе было для меня удобное, но лѣтомъ оно не отличалось благовоніемъ. Мнѣ хотѣлось было взглянуть на Южный берегъ, который я не видалъ и о которомъ такъ много слышалъ; но потребовалось бы на то довольно времени, а я его и такъ уже много истратилъ, и я довольствовался двумя поѣздками по близости къ Симферополю.

Первую дѣлалъ я за 15 верстѣ, по дорогѣ къ Чатырдагу и морю, въ имѣніе моего хозяина мурзы, называемое Магмудъ-Султанъ, гдѣ находится источникъ Салгира. Надобно было сперва карабкаться верхомъ по высокой и крутой горѣ, а съ вершины ея пѣшкомъ спускаться потомъ въ каменную воронку, цѣпляясь за бока ея. На днѣ ея бьетъ съ чрезвычайной быстротой природный водометъ, пробивается севозъ камни и, выходя изъ ущелья, образуетъ рѣчку. Немного тяжела показалась мнѣ эта поѣздка, за то зрѣлище увидѣлъ я любопытное.

Другую поѣздку сдѣлалъ я за 30 верстѣ, въ Бахчисарай, съ которымъ въ цѣлой обширной Россіи всѣхъ познакомили стихи Пушкина. Въ лощинѣ лежитъ городъ, то есть одна улица, длиною болѣе версты; на ней все жарится и варится, все шьется и прядется, но она своей Азіатской физиогноміей не могла меня поразить послѣ Карасу-Базара и старой части Акмечети. На самомъ концѣ улицы, изъ которой нѣтъ выѣзда, находится нѣчто въ видѣ нашихъ древнихъ Московскихъ монастырей; каменная ограда, широкіе ворота, а надъ ними башня и нѣсколько келій, наружу выходящихъ; это знаменитый ханскій дворецъ. Онъ одинъ привлекаетъ сюда вниманіе путешественниковъ и заслуживаетъ его. Благодаря стараніямъ Воронцова, забытый сей дворецъ исправленъ былъ заново; позолота, живопись были подновлены, даже покрыты тканями, нарочно заказанными въ Царьградѣ по образцамъ прежнихъ изорванныхъ кусковъ, и я могу сказать, что нашелъ его въ томъ видѣ, въ которомъ оставили его ханы.

На все это достаточно мнѣ было трехъ дней. Въ Симферополѣ я почти ни съ кѣмъ не видѣлся; лѣтомъ обыкновенно этотъ городъ пустѣетъ: зажиточные жители и нѣкогорая часть изъ служащихъ переселяются въ прекрасныя, садами наполненныя долины Альмы, Качи и Бельбека. Тогда начинали уже жить и на Южномъ берегу, и между прочими тамъ находился губернаторъ Нарышкинъ съ семействомъ.

Вечеромъ, 12 Маія, поскакалъ я опять, но нигдѣ не останавливаясь на сей избигой уже мною дорогъ, ни въ Перекопѣ, ни въ Бериславѣ; по утру 14-го поспѣлъ я въ Херсонъ. Дорога была сухая и гладкая; начинались и жары, однакоже еще весьма сносныя. На одинъ часъ остановился я, чтобы въ дорожномъ платьѣ увидѣть вновь опре-

дѣленнаго и вновь прибывшаго Херсонскаго вице-губернатора, роднаго брата Дашкова, Андрея Васильевича.

Отъ него узналъ я много важныхъ вѣстей, по большому отдаленію до насъ въ Крымъ еще не дошедшихъ. Въ самый день начатія военныхъ дѣйствій и отъѣзда Государя изъ столицы, 25 Апрѣля, послѣдовали великія перемѣны въ министерствахъ: всѣ старики были уволены. Еще въ Сентябрѣ, нетерпѣливый, бѣшенный князь Лобановъ, при товарищѣ находя положеніе свое стѣсненнымъ, бросилъ Министерство Юстиціи; на его мѣсто назначенъ управляющимъ министерствомъ товарищъ его, князь Долгоруковъ. Графа Татищева, кажется, понудили подать въ отставку: на его мѣсто опредѣленъ военнымъ министромъ извѣстный своимъ фанфаронствомъ Чернышовъ; ему же на время отсутствія Дибича въ армію поручено и начальство надъ главнымъ штабомъ. Старцы, Лавской и Шишковъ, изъ коихъ первый былъ еще довольно бодръ, получили тайное приглашеніе также просить объ увольненіи отъ должностей. На мѣсто перваго сдѣланъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, съ сохраненіемъ прежней должности, Финляндской генераль-губернаторъ, генераль-адъютантъ Закревской, о которомъ много говорено въ началѣ сей части Записокъ. На мѣсто послѣдняго, бывший долго въ отставкѣ, генераль-лейтенантъ князь Карлъ Андреевичъ Ливенъ, попечитель Дерптскаго университета. О дѣйствіяхъ сихъ господъ придется, можетъ быть, мнѣ много говорить.

Пріятнымъ образомъ изумило меня и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько смутило назначеніе статсъ-секретаря Блудова въ должность главноуправляющаго духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій, съ оставленіемъ его товарищемъ министра просвѣщенія. Ливенъ былъ протестантъ и самый усердный, а только православный могъ завѣдывать дѣлами иновѣрцевъ, дабы не давать предпочтенія одной религіи передъ другой. Для того эта часть, въ видѣ особаго министерства, опять отдѣлена была отъ Народнаго Просвѣщенія, какъ было то сначала при Голицынахъ. Но зачѣмъ было при этомъ случаѣ не произвестъ Блудова въ тайные совѣтники? Это и сдѣлано нѣсколькими мѣсяцами позже. Когда гдѣ-нибудь установится какой-нибудь порядокъ и нѣсколько поколѣній привыкнуть къ нему, то зачѣмъ безъ всякой нужды нарушать его? Всѣ увидѣли въ томъ совершенное измѣненіе всего существовавшаго со временъ Петра Великаго: разрывъ чиновъ съ мѣстами. И мало ли что послѣ увидѣли! *).

*) Одна Московская дама спросила у одного Англійскаго путешественника, какой чинъ имѣетъ Питтъ? Тотъ никакъ не ужѣлъ отвѣчать ей на это. Тогда генеральство ѣздило цугомъ, а штабъ-офицеры четверней. Ну, сколько лошадей запрягаетъ онъ въ карету? спро-

На нѣсколько часовъ для отдохновенія остановился я въ Николаевѣ, у моихъ добрыхъ сестеръ-хозяевъ, которыя мнѣ обрадовались и меня успокоили. Городъ былъ совершенно пустъ; флотскіе всѣ были на морѣ, а изъ чиновниковъ и жителей, кто только могъ, поскакалъ въ Одессу, чтобы взглянуть на царскую чету. Даже сама Юлія Михайловна и полицеймейстеръ Ѳедоровъ были въ отлучкѣ.

Ни одного человѣческаго лица не встрѣтилъ я на Одесскихъ улицахъ, когда 15 Маія, въ четыре часа по полудни, чрезъ Херсонскую заставу въѣхалъ я въ этотъ городъ. Между тѣмъ вдали слышанъ былъ звонъ колоколовъ и вслѣдъ за тѣмъ пушечная пальба. Все народонаселеніе хлынуло къ противоположной Тираспольской заставѣ, чтобы встрѣтить Государя. Ихъ Величества, проѣхавъ сквозъ шумныя толпы, остановились во вновь богато и прихотливо отдѣланномъ домѣ графа Воронцова, надъ самымъ моремъ. Лишь только Императрица вышла на балконъ, Воронцовъ махнулъ платкомъ, и по этому сигналу началась ужасная трескотня со всѣхъ военныхъ и купеческихъ судовъ, стоящихъ на рейдѣ, равно какъ и съ батарей, окружающихъ карантинъ. Въ сію минуту подѣзжалъ я къ отелю Сигара, въ которомъ взяли съ меня за комнаты не такъ дорого, какъ я ожидалъ; ибо пріѣзжихъ не было столь много, какъ сказывали. Какъ рѣзокъ показался мнѣ переходъ отъ пустоты и молчанія къ шуму и суетѣ народной! Удивительнымъ могло показаться и то, что въ этой части лѣтомъ ужасно пыльной Одессы не было ни пылинки: казалось, что хотѣли исчерпать море, чтобы увлажить улицы, чрезъ кои Царю надлежало проѣзжать:

Только и рѣчей было тогда, что о царскомъ путешествіи да о первыхъ военныхъ дѣйствіяхъ. Неизлишнимъ считаю повторить здѣсь мною слышанное. Государь, какъ сказалъ я выше, выѣхалъ изъ Петербурга 25 Апрѣля и отправился прямо къ арміи въ Бессарабію; въ тотъ же день выѣхала Императрица и путешествовала медленнѣе до Бендеръ, гдѣ могла ожидать новыхъ распоряженій. Тутъ случилось нѣчто забавное. Около этого времени управлялъ областію Бессарабской вице-губернаторъ Фирсовъ, мой преемникъ; но вслѣдствіе не грознаго, а язвительнаго письма отъ Воронцова заболѣлъ и внезапно умеръ. Тогда должность губернаторская перешла въ руки преждерѣченнаго предсѣдателя Уголовнаго Суда Курика, человѣка самолюбиваго, безтолковаго, суетливаго, которому представился случай выказать себя. Онъ узналъ, что Государь намѣренъ изъ Измаила отправиться въ Бен-

сила она. Обыкновенно ѣздитъ парой, отвѣчалъ онъ. «Ну, хороша же великая держава, у которой первый министръ только что капитанъ», замѣтила она. Многіе и понынѣ готовы еще такъ думать.

деры, дабы неожиданнымъ прїездомъ обрадовать Императрицу. Ему изъ усердія захотѣлось предупредить Ея Величество; для того послалъ онъ особаго чиновника курьеромъ съ донесеніемъ о томъ, и когда Царь прибылъ, то нашель, что его уже ожидали. Можно представить себѣ его гнѣвъ, какъ онъ былъ раздраженъ такою глупою смѣлостію! Послѣ этого, разумѣется, Куригъ не могъ долго остаться на мѣстѣ *). Про- бывъ менѣе сутокъ въ Бендерахъ, Государь вмѣстѣ съ супругою 15 Маія имѣлъ въѣздъ въ Одессу.

Извѣстія о малочисленномъ дворѣ, тогда въ Одессѣ находившемся, имѣлъ я почти ежедневно отъ Анны Петровны Юшковой, родственницы и пріятельницы Жуковскаго, вышедшей за Англо-Американца Зонтага, который былъ тогда капитаномъ надъ Одесскимъ портомъ. По рекомендаціи Жуковскаго, Государыня поручила ей преподаваніе иностранныхъ языковъ, равно какъ и Русскаго, маленькой еще дочери своей Маріи Николаевнѣ, ее сопровождавшей. Дитя не очень приневоливали учиться; но г-жа Зонтагъ своею ласкательностію умѣла какъ-то привлекать ее къ ученію, что, кажется, очень понравилось.

Военныя дѣйствія ограничивались пока переходомъ войскъ черезъ Дунай у Сатунова, да по сю сторону Дуная осадой Браилова. Михаилъ Павловичъ тутъ съ гвардіей блистательнымъ образомъ хотѣлъ начать свое военное поприще. Россія дорого заплатила за первый его знаменитый подвигъ. Наскучивъ продолжительной осадой, въ слѣдующемъ мѣсяцѣ взялъ онъ штурмомъ эту крѣпость. Говорятъ, онъ плакалъ при видѣ великаго множества убитыхъ, изувѣченныхъ молодцовъ-гвардейцевъ, какъ ребенокъ, у котораго переломали его игрушки, солдатиновъ его.

Болѣе всего, конечно, занимало меня мое собственное дѣло. Дни три-четыре Воронцовъ былъ неуловимъ для меня: онъ какъ тѣнь слѣдовалъ за Государемъ; наконецъ, мнѣ удалось его найти. Онъ встрѣтилъ меня ласками и проводилъ обѣщаніями, настоящаго же толку я никакъ не могъ добиться.

*) Еще прежде этой продѣлки Курига, Воронцовъ позаботился въ это критическое время о порученіи Бессарабской области вѣрному и надежному человеку. По его избранію управляющимъ на время войны назначенъ приверженецъ его, Таганрогскій градоначальникъ Душаевъ, съ сохраненіемъ прежней должности. Онъ прїѣхалъ въ Одессу въ одно время со мною, и я имѣлъ случай мимоходомъ съ нимъ познакомиться. Онъ мнѣ показался тоже человекомъ армейскимъ, но гораздо болѣе смышленнымъ, чѣмъ Богдановскій. Пребываніе въ Таганрогѣ покойнаго Императора, его болѣзнь, кончина, потомъ пребываніе Императрицы отъ начала осени до весны, поставили его въ необычное тревожное состояніе, отъ котораго едва могъ онъ отдохнуть. Управленіе Бессарабіей довершило разстройство его разсудка; въ концѣ, вѣжета, этого года онъ сошелъ съ ума и вскорѣ потомъ умеръ.

Къ неописанной радости моей, пріѣхаль въ Одессу Дашковъ. Въ званіи статсъ-секретаря сопровождалъ онъ Государя, а по совершенному знанію дѣлъ Востока, во время этой кампаніи, былъ ему чрезвычайно полезенъ своими свѣдѣніями. Въ продолженіи немногихъ дней, что онъ тутъ оставался, каждый день раза по два видѣлся я съ нимъ. Отъ него узналъ я, что Воронцовъ будго по волѣ Государя, препроводилъ просьбу мою въ Комитетъ Министровъ, гдѣ, какъ дѣло неважное, при множествѣ другихъ, оно залежалось. По сдѣланной однако справкѣ наканунѣ отъѣзда его, Комитетъ положилъ причислить меня въ герольдіи, съ производствомъ трехъ тысячъ рублей ассигнаціями ежегоднаго содержанія, впредь до опредѣленія меня къ другой должности; это бы меня совершенно удовлетворило, и болѣе я требовать не могъ. Но, дабы кончить тутъ же скучный рассказъ о дѣлѣ моего увольненія, прибавлю, что положеніе Комитета, отправленное въ армію, въ Іюлѣ мѣсяцѣ получило всемілостивѣйшее утвержденіе, съ тою только разницею, что вмѣсто трехъ тысячъ содержанія велѣно мнѣ выдать ихъ единовременно, въ видѣ пособія. Со мною все дѣлалось не по людски.

Нашелъ я и Стемковского, который, по увѣреніямъ его, дожидался меня. Много бесѣдовали мы съ симъ безпристрастнымъ и благонамѣреннымъ человѣкомъ. Я сообщилъ ему все что зналъ о Керченскихъ дѣлахъ. Они отчасти и ему были извѣстны; хорошо зналъ онъ и Скасси, и очень хорошо понималъ его. Хотя онъ дотогѣ находился съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ, не менѣе того, приготавливаясь къ оборонительной войнѣ, при мнѣ отправился онъ во ввѣренный ему градъ.

Кажется, давно ли оставилъ я Одессу, а какъ много изъ зимнихъ моихъ знакомыхъ не нашелъ я въ ней! Ланжеронъ какъ-то припелся къ арміи, гдѣ и безъ него было такъ много главныхъ начальниковъ и полныхъ генераловъ. Паленъ отправился на предсѣдательство въ Бухарестъ и имѣлъ неосторожность правителемъ дѣлъ взять съ собою алчнаго земляка Брунова, въ чемъ послѣ много долженъ былъ раскаиваться. Передъ отъѣздомъ сдѣлалъ онъ другой промахъ: палъ къ ногамъ Ольги Нарышкиной, умоляя ее развестись съ мужемъ и выдти за него; она расхохоталась и указала ему двери. Собаньская старалась казаться веселою, любезною; но изъ самыхъ насмѣшекъ ея могъ я замѣтить глубокую досаду, видя, что, по праву чина, шутиха ея, дѣйствительная статская совѣтница Кирикó съ дочерьми представлялась Императрицѣ, а ей къ тому и слѣда не было. Вотъ все что на этотъ разъ могу сказать я объ Одессѣ, въ которой самъ не знаю зачѣмъ, безъ всякой для себя пользы, прожилъ я двѣ недѣли.

Разставаясь съ Новороссійскимъ краемъ надолго, можетъ быть навсегда, на прощаньи мнѣ желательно въ послѣдній разъ о выгодахъ

его для Россіи объяснить мнѣніе мое, плодъ пятилѣтнихъ наблюденій, иногда ошибочныхъ, но въ послѣдствіи исправленное болѣе зрѣлыми размышленіями.

Отъ Иртыша и Амура до Китайской стѣны, отъ рѣки Урала до Хивы, Заволжье до Каспійскаго моря, Донскія равнины до Азовскаго моря и Кавказа, все это одна неизмѣримая степь, огромное кочевье, чрезъ кое густыми толпами неоднократно протекалъ человѣческой родъ. Иногда онъ останавливался, живалъ и живетъ и понынѣ; но нельзя сказать, чтобы онъ когда либо населялъ сію пустыню, ибо никогда и нигдѣ прочныхъ жилищъ въ ней не основывалъ. Не одна страсть къ подвижной жизни, а болѣе естественныя причины тому препятствовали. Новороссійскими губерніями до впаденія Прута въ Дунай дополняется и заключается сія цѣпь пустошей. Великое пространство отъ Тихаго океана вплоть до Чернаго моря можно почитать предѣломъ, раздѣляющимъ двѣ части свѣта, долженствующимъ навсегда отдѣлять Россію отъ настоящей Азіи.

Но еще въ отдаленныя отъ насъ времена, приблизясь къ сему рубежу, Русскіе съ оружіемъ въ рукахъ далеко проходили за него, когда въ сей Западной степи властвовали попеременно Печенѣги, Хазары и Половцы. Рано или поздно суждено ей было сдѣлаться ихъ достояніемъ. Гораздо послѣ, по завоеваніи уже Сибири, приблизились они и къ Восточной, болѣе расширенной части степей, но до настоящаго времени вооруженной рукой не пытались въ нее проникнуть.

Неподалеку отъ Украины, за степями, былъ прекрасный уголокъ, очень извѣстный еще древнимъ. Просвѣщенные Греки, послѣ нихъ промышленные Генуэзцы построили въ немъ города, завели въ немъ торговлю, обогатили и украсили его. Геологи полагаютъ, что Крымскія степи вѣкогда были покрыты моремъ; соляныя озера, солончаки и самыя роды растений подкрѣпляютъ сію догадку. Въ слѣдствіе какого нибудь сильнаго переворота на земномъ шарѣ вода вѣроятно утекла въ Азовское море, прорвала цѣпь Кавказскихъ горъ, гдѣ нынѣ Керченскій проливъ, и соединила его съ Чернымъ моремъ. Оторванный отъ Кавказа лоскутъ горъ всей странѣ далъ названіе Тавриды, ибо Тавръ значитъ гора. Сею странюю овладѣли, наконецъ, Татары и превратили ее въ логовище, откуда сіи хищныя звѣри устремлялись на добычу. Екатерина задумала сіе природой облагодетворенное мѣсто вырвать изъ варварскихъ рукъ и подарить имъ Россію; смѣлый искусный, дальновидный Потемкинъ помогъ ей въ томъ. Оба были увѣрены, что прелести южнаго Крыма заманятъ большое населеніе, привлекутъ и большіе капиталы, коихъ сами не щадили. Въ сихъ пріят-

иныхъ мечтахъ умеръ Потемкинъ, а она успѣла еще увидѣть, что ожиданія ея были тщетны.

И неудивительно ли, когда жители Сѣвера, и особенно изъ нихъ просвѣщенный классъ, чувствуютъ столь сильное влеченіе къ Югу? Англичане, когда всеобщій миръ то дозволяетъ, такъ и стремятся въ Италію, Нѣмцы едва ли еще не болѣе ихъ; первые за наслажденіями, другія за наслажденіями и прибылью *in das schöne Land wo die Citroneu blühn*, прибавляя: *dahin, dachin wo die goldenen Münzen glühn*. Въ Италіи искусства вмѣстѣ съ пріятностями жизни и роскошной природой. Вслѣдъ за другими и мы повадились туда ѣздить. А что могли мы найдти во вновь пріобрѣтенномъ нами полуденномъ краѣ? Надобно бы было жертвовать годами, чтобы чѣмъ нибудь тамъ завестись. Между тѣмъ онъ славился у насъ, и самое отдаленіе украшало его въ глазахъ нашихъ.

Были путешественники, въ то время почитавшіе себя туристами, которые предпринимали трудную поѣздку въ сію какъ бы новообрѣтенную землю и описанія свои объ ней отдавали въ печать, какъ на примѣръ Сумароковъ, Измайловъ и Муравьевъ-Апостолъ.

Вскорѣ послѣ присоединенія Западныхъ губерній не стало Екатерины; при ней не успѣли еще хорошо разглядѣться на счетъ ихъ выгодъ. При Александрѣ сильно возчувствовали потребность, необходимость сбыта земныхъ продуктовъ, даромъ въ нихъ пропадающихъ, начали искать мѣста на Черномъ морѣ между Бугомъ и Днѣстромъ,—и родилась Одесса. Вдругъ оживились губерніи Херсонская, Полтавская, Кіевская, Волынская, Подольская (Бессарабія тогда еще намъ не принадлежала). Раздались громкія, весьма заслуженныя похвалы новорожденному городу и основателю его Ришельё.

Послѣ двадцатилѣтнихъ, непрерывныхъ, быстрыхъ, неимовѣрныхъ успѣховъ этого города увидѣлъ я его въ первый разъ. Зачѣмъ повторять здѣсь сказанное мною при описаніи его въ 1823 году? Все показалось мнѣ въ немъ строящимся, недоконченнымъ, недостроеннымъ, хотя въ широкомъ размѣрѣ: абрисъ или эбошъ, какъ угодно, огромной картины. Пять лѣтъ едва прошло, и я нашелъ въ немъ всѣ пріятности общежитія. Приписать ли это присутствію или отсутствію новаго тогда, нынѣ давняго начальника Воронцова? Я по опыту знаю великое мастерство его привлекать людей; онъ употребилъ его для пользы не цѣлаго края, а двухъ мѣстностей, Одессы и Южнаго берега Крыма. На сіи два предмета было постоянно обращено все нѣжное, попечительное его вниманіе. Удачныя предпріятія Воронцова не доказываютъ ли однако, что Русскіе совсѣмъ не чуждаются собственнаго полуденнаго неба, не смотря на ужасное отдаленіе его отъ обѣихъ столицъ, отъ

центра всей Русской жизни и дѣятельности, на всѣ неудобства сообщеній по нескончаемому пути, на всѣ мученія и лишенія, не разъ мною описанныя?

Разсматривая карту Черноморскихъ береговъ, можно подивиться, что отъ Днѣпровскаго лимана до устья Кубани на столь великомъ протяженіи находишь только одинъ извѣстный портовый городъ, тогда какъ берега пролива Ламаншъ ими усѣяны. Конечно есть и Θεодосія; но у нея нѣтъ по сосѣдству большихъ судоходныхъ рѣкъ, каковы Днѣстръ, Бугъ, Ингуль и Днѣпръ, нѣтъ небольшой степи, которую на волахъ въ пять дней можно проѣзжать. Безконечная степь отдѣляетъ ее отъ плодородныхъ внутреннихъ нашихъ областей, которыя для отправки могли бы снабжать ее пшеницей; привозъ изъ Азіи прекратился, благодаря успѣхамъ нашей Русской промышленности, какъ объяснилъ я при описаніи сего города. Отдаленный Таганрогъ былъ всегда ея соперникомъ, а тутъ вдругъ по сосѣдству явилась и Керчь. Увидѣвъ онѣмѣніе, одѣпенѣніе Θεодосіи, я сказалъ ей вѣчную память, а малому муравейнику моему, гдѣ все копошилось, предсказывалъ славную будущность. Это все находится въ запискѣ моей о Керчи, которую въ Одессѣ я представилъ Воронцову. Увы! Не хвастаюсь тѣмъ, а каюсь въ томъ: кажется, она сильно на него подѣйствовала.

Напрасно думаютъ, что Воронцовъ ненавидитъ и преслѣдуетъ Θεодосію; при его умѣ это было бы слишкомъ безразсудно. Но онъ видитъ въ ней нѣчто отставное, слѣдственно бесполезное; поддерживать ее, помогать ей почитаетъ онъ излишнимъ; однимъ словомъ, онъ поступаетъ съ ней точно также какъ со мной поступилъ. Онъ къ ней равнодушенъ, также какъ и къ Таганрогу; изъ портовыхъ городовъ, до него основанныхъ, возлюбилъ онъ только одну Одессу, какъ готовую ему столицу.

Керчь дѣло совсѣмъ иное. Я успѣлъ объяснить ему, что какъ при немъ назначенъ туда первый градоначальникъ, при немъ открытъ въ ней портъ, то она и должна почитаться его созданіемъ. Настоящей торговли въ ней нѣтъ и до сихъ поръ, но благодаря его неуныннымъ стараніямъ она сдѣлалась если не весьма богатымъ, за то красивѣйшимъ городомъ въ Крыму. Многія постороннія причины способствовали первоначальнымъ ея успѣхамъ. Русское населеніе, коему едва положилъ я начало, при Стемковскомъ быстро увеличилось; умноженіе народонаселенія привлекаетъ и ремесленниковъ, а они были подъ рукою въ Нѣмецкихъ колоніяхъ. Азовское море, будучи объявлено практическимъ, всѣ суда въ него идущія должны останавливаться въ Керчи и выдерживать трехнедѣльный карантинный срокъ. Множество судовъ чрезвычайно оживляетъ видъ на ея портъ, но прибыли ей отъ

того мало, все равно что главной заставѣ, чрезъ кою проѣзжаетъ множество экипажей и телѣгъ; изъ привознаго однако кое-что перепадаетъ для ея внутренней торговли. Послѣ удаленія Грейга отъ начальства, князь Меншиковъ выпросилъ повелѣніе изгнать изъ Николаева и Севастополя разбогатѣвшихъ Евреевъ, кои подъ покровительствомъ Юліи захватили тамъ всѣ подряды. Они кинулись въ Симферополь, а еще болѣе въ Керчь, стали селиться, строиться и со врожденною имъ дѣятельностью довольно успѣшно торговать. Сдѣлавшись проѣзжимъ мѣстомъ на установленномъ трактѣ изъ Новороссійскихъ губерній на Кавказъ, Керчь въ тоже время посредствомъ пароходства имѣетъ моремъ еженедѣльное, регулярное сообщеніе съ Феодосіей, Ялтой, Севастополемъ и Одессой. Наконецъ, въ ней мѣстопребываніе двухъ штабовъ, сухопутнаго и морскаго; одинъ генералъ-адъютантъ и одинъ вице-адмиралъ постоянно живутъ въ ней: первый начальствуетъ надъ крѣпостями и войсками, расположенными по Западному берегу Чернаго моря; другой надъ военными судами, вдоль этого берега крейсирующими. Все это я смѣю назвать только искусственною жизнію.

Тамъ гдѣ восчувствуются неодолимыя потребности и представляются способы къ ихъ удовлетворенію, тамъ все совершится простымъ, естественнымъ образомъ. Хлѣбородныя губерніи Курская, Харьковская, Воронежская, Екатеринославская давно искали дешевѣйшаго, кратчайшаго, легчайшаго пути для отвоза своихъ произведеній и отправленія ихъ за море. Ни Таганрогъ, ни Керчь имъ такихъ удобствъ, какія найдены ими на Бердянской косѣ и пристани не представляютъ. Безъ всякой помощи отъ казны, сначала даже безъ всякаго поощренія, сталъ подыматься городъ Бердянскъ, о коемъ въ мое время и помину не было. Я все мечталъ о каботажомъ плаваніи, которое Керчи должно было доставлять продукты нашихъ внутреннихъ губерній; еслибъ могло мнѣ придти на мысль сіе неизвѣстное тогда мѣсто, я бы призадумался, и надежды мои ослабѣли-бъ. Какъ новый памятникъ его управленія, Воронцовъ сильно покровительствуетъ Бердянску, не замѣчая, что онъ будущая гибель его любезной Керчи.

И что съ нею будетъ, когда могучая рука Воронцова отъ нея отодвинется, когда онъ самъ отыдетъ на покой или въ вѣчность? До селѣ единственно была она поддерживаема счастливыми для нея случаями; собственно жизнію, кажется, ей не жить.

Всѣ эти поименованные города, Бердянскъ, Керчь, Феодосія могутъ процвѣтать, не дѣлая ни малѣйшаго подрыва Одессѣ; развѣ только одна Феодосія, если она воокреснетъ, и то не въ торговомъ, а въ общежительномъ отношеніи, можетъ съ нею удачно посоперничать. Жаль, что добратся до нея такъ трудно, впрочемъ, какъ говорить въ

настоящее время о затрудненіяхъ, когда при помощи новыхъ изобрѣтеній такъ много препятствій устраняется, когда дѣйствіе пароходовъ съ моря перенесено на сухіе пути и ихъ сокращаетъ? Носятся слухи, что затѣваютъ желѣзную дорогу изъ Петербурга въ Москву. Увѣрили меня, что Англичане предлагали правительству также на свой счетъ устроить желѣзную дорогу въ Теодосію и что имъ будто бы отказано. Тамъ гдѣ есть выгоды, эти люди ведутъ самый вѣрный расчетъ и на нихъ въ этомъ случаѣ положиться можно.

Лишь только про себя началъ я прилежно разсматривать вопросъ о сей новой дорогѣ, какъ тысячу убѣжденій въ пользу проекта объ ней появилось мнѣ. Если проводить ее чрезъ узенькой Гениченской проливъ и натуральное шоссе Арабатской стрѣлки, то напередъ пройдетъ она чрезъ большую, гладкую степь, на которой не встрѣтитъ она ни горы, которую надлежало бы ей или огибать или прорѣзывать, ни широкой рѣки, чрезъ кою пришлось бы дѣлать мостъ, что чрезвычайно уменьшить расходы на ея построеніе. По ней для отправленія за границу во множествѣ будетъ доставляемо въ Теодосію все то, въ чемъ она для торговли нуждалась. Но чѣмъ же въ замѣнъ будетъ она снабжать Россію? Предметовъ для вывоза такъ много, что вдругъ ихъ изчислить нельзя. Во первыхъ, столовое вино. Отрасль сію насадилъ, возрастилъ и довелъ до возможнаго совершенства Воронцовъ, за что, по всей справедливости, вѣчная ему благодарность. До него не слыхивали о Крымскомъ винѣ, нынѣ во всѣхъ губерніяхъ, до самой Москвы, оно вошло во всеобщее употребленіе; оттого и цѣны на него слишкомъ поднялись, тогда какъ на мѣстѣ отъ соревнованія они чрезвычайно упали; удобное и дешевое сообщеніе установить равновѣсіе между ими. И чѣмъ не богатъ чудный вертоградъ, называемый Южнымъ Крымомъ? Сочными грушами, гораздо лучше всѣхъ Французскихъ, крупными абрикосами, фигами, гранатами, миндалямъ и, наконецъ, сотнею сортовъ душистаго винограда. Жалко видѣть при наступленіи осени высокія груды сихъ садовыхъ и лѣсныхъ произрастеній на базарахъ не раскупленными, хотя отдають ихъ почти задаромъ. Еслибъ (это одно только предположеніе) желѣзная дорога проведена была изъ Петербурга до Теодосіи, тогда эти плоды во всей свѣжести своей черезъ трое сутокъ являлись бы на столахъ первыхъ столичныхъ гастрономовъ. Изъ чего разводить теперь плодovitые сады, развѣ для собственнаго удовольствія; тогда сдѣлавшись источникомъ великихъ доходовъ для владѣльцевъ, они всюду будутъ размножаться. Нужда, наконецъ, научила Крымскихъ жителей дѣлать то, чего они прежде не умѣли, сушить фрукты, готовить изюмъ, инжиръ и шепталу, лакомства любимыя Англичанами и нашимъ среднимъ состояніемъ, которыя доселѣ изъ дальнихъ странъ

привозились на Петербургскую биржу и Макарьевскую ярманку, а мы можем имѣть ихъ дома. Вотъ велика важность, скажутъ иные, фрукты! Да развѣ Мальта и большая часть Португаліи не живутъ апельсинами?

Въ Крыму Русскіе варвары начали сажать туковыя деревья и весьма успѣшно разводять шелководство по примѣру варвара Реброва, который симъ промысломъ на Кавказѣ нажилъ миллионы. Также во множествѣ начали они сѣять табакъ; я въ этомъ дѣлѣ не судья, но любители увѣряютъ, что онъ въ родѣ Турецкаго, если еще не лучше. Самая безобразная часть Крыма—степная, приноситъ великую пользу: она съ овецъ доставляетъ мягкую шерсть и Крымскіе тулупы столь извѣстные. Я не говорю уже о Крымскихъ яблокахъ, о дикихъ каштанахъ, о грецкихъ орѣхахъ, которые тамъ почитаются за ничто, ни объ орѣховомъ деревѣ, которымъ, если оно будетъ вывозимо для мѣбелей, перестанутъ топить печи. Паровозы, кажется, съ порядочнымъ грузомъ могутъ отправляться въ обратный путь.

На самой дорогѣ находятся соляныя озера Геническія и Перекопскія; съ нихъ будетъ увозима соль, предметъ отмѣнно важный. Далѣе дорога идетъ черезъ три уѣзда Екатеринославской губерніи, гдѣ недавно открытъ каменный уголь; говорятъ, его такое обиліе, что развѣ въ тысячу лѣтъ онъ истощится. Какая находка! Паровозство снабжать имъ будетъ все наши безлѣсныя губерніи. И при всѣхъ явныхъ сихъ выгодахъ, одобреніе и исполненіе проекта встрѣтило уже и будетъ встрѣчать величайшія затрудненія. Воронцовъ разъ осудилъ Феодосію на смерть и никогда приговора своего не отмѣнитъ. Завистливые Одессане будутъ всячески интриговать, чтобы никакое мѣсто въ Новороссійскомъ краю не сравнялось съ ихъ великимъ градомъ.

Чего желаетъ Одесса? Чтобы къ ней проведена была желѣзная дорога и чтобы сіе сдѣлано было на казенный счетъ; ни одинъ изъ ея богатыхъ негоціантовъ не будетъ рисковать малѣйшимъ капиталомъ для сего предпріятія. Нынѣ имѣетъ она прямое сообщеніе со всей Европой: пароходы изъ нея, пройдя небольшой уголь Чернаго моря, вступаютъ въ устье Дуная, плывутъ до Галаца и потомъ вверхъ по рѣкѣ поднимаются прямо до Вѣны. Изъ сосѣднихъ губерній получаетъ она въ избыткѣ все то, что требуется для заграничной торговли. Можетъ ли положеніе быть счастливѣе и какія неблагопріятныя обстоятельства могутъ измѣнить его? Но за то какую великую пользу Россія получаетъ отъ нея? Польскіе помѣщики изъ Западныхъ губерній, постоянно ей враждебные, лѣтомъ сами привозятъ пшеницу для продажи, но съ выреченными деньгами рѣдко возвращаются домой: подобно нашимъ инымъ подгороднымъ крестьянамъ, они все на мѣстѣ пропиваютъ и проигры-

вають шулерамъ, во множествѣ собирающимся, по большей части иностраннымъ. Благодатный край, гдѣ эти иновѣрные владѣютъ православными мужиками, ничего не выигрываетъ; ни собственное ихъ благосостояніе, ни благосостояніе жителей не умножается отъ высокихъ цѣнъ на хлѣбъ. Вообще, что сама Одесса можетъ доставить Россіи? И что могутъ производить ея сухія, обгорѣлыя окрестности? Правда, благодаря порто-франко, который не что иное какъ постоянная, хорошо устроенная контрабанда *), изъ нея во множествѣ вывозятся иностранныя ткани и тагъ-называемыя галантерейныя вещи. А что это такое? Все то что выходитъ изъ моды, все то что не сходить съ рукъ, всякую оборощъ, Парижъ для продажи отправляетъ въ Марсель, а тамъ нераспроданное идетъ къ намъ въ Одессу, откуда перескакиваетъ въ наши Юго-западные губерніи. Между тѣмъ, къ сожалѣнію, все свѣжее, лучшее привозится въ Петербургъ, въ Рижской портъ и провозится черезъ всю сухую границу; тамъ по крайней мѣрѣ оплачивается она таможенными пошлинами.

Кто болѣе всѣхъ извлекаетъ пользу изъ Одесской торговли? Во-первыхъ Французы, Рубо и другіе; всѣ они, какъ волки въ лѣсѣ, смотрятъ во Францію; по примѣру многихъ другихъ отбывшихъ своихъ соотечественниковъ, они непременно переведутъ туда огромныя капиталы, у насъ нажитые. Потомъ Греки; у нихъ также есть теперь отечество, куда отплывутъ ихъ богатства. Наконецъ Жиды, которые подъ особеннымъ, даже пристрастнымъ, покровительствомъ главнаго мѣстнаго начальства размножаются и богатѣютъ. Вотъ эти намъ останутся. По дошедшимъ до меня свѣдѣніямъ, они уже и теперь преслѣдуютъ и безнаказанно обижаютъ людей всѣхъ другихъ націй. Говорятъ, имъ будетъ вѣдно нарядиться въ Европейское платье; жаль, право, если это случится. Тогда-то они завеличаются передъ нашими брадатыми мужичками, которые доселѣ съ презрѣніемъ смотрѣли на ихъ ермолки, фесики и черное платье, а тогда увидятъ въ нихъ господъ. Если все такъ продлится, какъ мнѣ сказывали, то безъ сомнѣнія Евреи, наконецъ, выживутъ христіанъ и совершенно овладѣютъ Одессой. Можетъ быть, запрутъ они церкви, или будутъ пускать въ нихъ за деньги, или обратятъ ихъ въ синагоги; кто знаетъ, можетъ быть, они взбунтуются и

*) Увѣряютъ, будто Воронцовъ сказалъ «что дьяволъ изобрѣлъ таможи, а Господь Богъ, во благости Своей, послалъ контрабанду». Можетъ быть, это относится къ Одессѣ, ибо дѣйствительно безъ сей послѣдней она бы много потеряла. Городъ богатѣетъ, но какая отъ того прибыль казнѣ, то-есть государству, то-есть Россіи? Два предмѣстія Перемышль и Молдаванка населены, красиво обстроены контрабандистами и всякаго другаго рода грабителями. Какъ увѣряли меня, недавно къ ихъ операціямъ присоединились честные Нѣмцы колоній Гроссъ-Либенталя и Лустдорфа.

выберутъ себѣ въ короли, кого? Одного ли изъ Ротшильдовъ или... больно для сердца моего вымолвить это имя. И Одесса ожидаетъ еще новыхъ поощреній отъ правительства! О, она твердо полагается на то чего нѣтъ, на его безразсудность!

То ли дѣло Θεодосія! Вотъ это былъ бы Русскій, нашъ собственный портъ. И объ одной ли Θεодосіи идетъ дѣло? О благосостояніи цѣлаго полуострова. Весьма справедливо онъ названъ садомъ Россіи, и для прогулокъ въ него изъ Одессы заведено пароходство. Но зачѣмъ же только гулять въ немъ? Зачѣмъ же не селиться? А возможно ли? И чтò для того сдѣлано? Я помню, какъ покойный начальникъ мой Бетанкуръ, въ 1820 году, послѣ поѣздки своей по всей Россіи, съ досадою говорилъ мнѣ о южномъ Крымскомъ берегѣ. «Все природа, да природа, говорилъ онъ, а нигдѣ не видать слѣдовъ рукъ человѣческихъ». Теперь бы онъ того не сказалъ, когда на каждомъ шагу встрѣчаются дѣйствія трудовъ людскихъ, за то не увидѣлъ бы лица человѣческаго. Воронцовъ съ большими издержками на высотѣ построилъ шоссе, но только по одному направленію. Онъ умѣлъ заманивать туда и царя, и царицу, и многихъ богатыхъ вельможъ, которые настроили тамъ виллы, дворцы, замки и завели прекрасные сады. Но одинъ придворный воздухъ имъ кажется теплымъ и здоровымъ, и едва ли они въ нихъ заглядывали. И подлинно, кому охота какъ дикой козѣ карабкаться со скалы на скалу, особенно женщинамъ, которыя, какъ дамы среднихъ вѣковъ, не иначе какъ на палефруа могутъ посѣщать самыхъ ближнихъ сосѣдокъ? Конечно это можетъ имѣть свои пріятности весной, лѣтомъ и осенью; но зимой, когда прекращаются сообщенія моремъ, а часто и черезъ горы, когда раздувшіеся водопады уносятъ мосты и обнаруживается совершенный недостатокъ въ самыхъ простыхъ мѣстныхъ припасахъ: тогда житье тамъ становится невыносимо. А зимой-то именно Югъ бываетъ пріятенъ, и туда врачи отправляютъ слабыхъ здоровьемъ. Люди, разсѣянные лѣтомъ, обыкновенно на зиму собираются въ одно мѣсто, въ которомъ пріятно могли бы провести время, найти всѣ удобства образованной жизни. Гдѣ такое мѣсто въ Крыму? Его надобно приискать; оно даже и найдено, но находится не въ томъ видѣ и состояніи, въ которомъ надлежало бы ему быть.

Θеодосія представляетъ всевозможныя выгоды для учрежденія въ ней большаго портового и общежительнаго города. Также какъ южный берегъ, коему служить она заключеніемъ, отъ сѣверныхъ вѣтровъ защищается она высокой горой, а къ Керчи идутъ отъ нея цвѣтушіе холмы и долины. Мѣстоположеніе прекрасное и удовлетворяетъ всѣмъ вкусамъ; любители горъ могутъ лазить по нимъ и, пожалуй, созидать на нихъ замки; тѣ которые предпочитаютъ развѣзгаться въ экипажахъ или

спокойно прогуливаться пѣшкомъ могутъ дѣлать сіе безъ всякихъ затрудненій. Когда Керченскій проливъ и Одесскій портъ въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль замерзаютъ, на чудесной Феодосійской рейдѣ не показывается ни одна льдинка. Она имѣетъ форму подковы, коей оконечности близко сходятся, и такъ глубока, что корабли могутъ подходить къ самымъ домамъ, тогда какъ въ Керчи, также какъ и въ Одессѣ, гавань устроена посредствомъ моловъ.

Мы видѣли, какъ люди умные, достаточные, образованные, по службѣ, по необходимости или случайно въ Одессѣ на зиму собравшіеся, умѣли жизнь въ ней сдѣлать пріятною и веселою; въ Одессѣ, гдѣ и зимой такъ печаленъ, такъ грустенъ взглядъ на снѣгомъ не покрытую, тощую, почернѣвшую землю, на деревья, кое-гдѣ торчащіе, полумертвые недоростки, никогда пятнадцати-лѣтняго возраста не достигающіе, гдѣ никогда не знаютъ тѣни. Общество въ ней мѣняется каждую зиму: это волшебный фонарь, въ которомъ то свѣтлѣетъ, то становится мрачно. Изъ людей хорошаго общества кто не посѣщалъ Одессу, и многіе ли изъ нихъ оставались въ ней?

Гораздо южнѣе, Феодосія имѣетъ передъ ней преимущество болѣе теплаго климата и роскошной природы, ее окружающей. Она въ одно время можетъ сдѣлаться нашей Марселью и нашей Ниццою, и сотни тысячъ, нашими земляками тамъ проживаемыя, будутъ въ ней издерживаться и оставаться дома; въ Одессѣ этому никогда не бывать. Тогда и Южный берегъ внезапно оживится, когда изъ Феодосіи на пароходахъ въ пять или въ шесть часовъ можно будетъ поспѣвать въ Ялту, когда менѣ смѣлые будутъ проѣзжать по прекрасной дорогѣ усѣянной дачами и садами, съ одной стороны до Севастополя, съ другой, до Керчи. И на сей послѣдней отразился бы блескъ ея; она жила бы ея жизнію, гораздо вѣрнѣе, чѣмъ собственной своей мнимой торговлей *). Великолѣпныя построенія на Южномъ берегу, которыя нынѣ владѣльцы готовы отдавать задаромъ, возвысятся въ цѣнѣ или, по крайней мѣрѣ, на лѣто будутъ дорого отдаваться въ наймы.

Съ Европой у насъ сообщеній бездна, въ томъ числѣ и Одесса; съ Азіей они болѣе или менѣ затруднительны, и какъ на сей предметъ не обратить вниманія? Когда не было еще пароходства, я помню, какъ въ Керченской пристани менѣ чѣмъ въ двое сутокъ приходили суда изъ Синопа и Трбизонда. Въ послѣднемъ изъ сихъ городовъ находится богатая Англинская контора, тайно снабжающая товарами и нашъ Закавказскій край. Кому неизвѣстно, что Англія совершенно

*) Точно также какъ уѣздный городокъ Аккерманъ, благодаря сосѣдству Одессы, выросъ до шестнадцати-тысячнаго населенія.

убила промышленность въ Малой Азіи, замѣнивъ ея издѣлія собственными, сначала болѣе дешевыми? Удобное и дешевое сообщеніе подало бы, можетъ быть, нашему Московскому предприимчивому и изворотливому купечеству мысль сдѣлать также напередъ пожертвованія, дабы подорвать тамъ Англійское торговое господство; мы видѣли, какъ въ подобномъ случаѣ оно успѣшно дѣйствовало въ Крыму. Еще одно обстоятельство, которое доселѣ осталось незамѣченнымъ: на Черномъ морѣ есть, не знаю, водороты ли или мѣста, подверженныя особенно сильному дуновенію вѣтровъ, которыя мореплаватели на пути изъ Константинополя въ Одессу и обратно стараются избѣгать и для того подвигаются къ самой Феодосіи; меня увѣряли, что несоблюденіе этого объѣзда самаго Государя дней десять на морѣ продержало.

Но довольно. Для кого и для чего я все это пишу? Кто будетъ слушать меня, кто будетъ меня читать? Но пускай никто; по крайней мѣрѣ, довольно съ меня и того, что безкорыстными моими желаніями блага моему отечеству потѣшилъ я свое воображеніе. Громкій, всеобщій голосъ истины по сему предмету непременно когда нибудь услышитъ правительство; дай Богъ, чтобы это было скорѣе!

Х.

Часу въ двѣнадцатомъ по утру 29 Маія оставилъ я Одессу. Я не поѣхалъ, а полетѣлъ изъ нея, ибо, противъ обыкновенія моего, середь ночи перемѣнивъ только лошадей въ Николаевѣ, на другой день, 30-го числа, былъ уже я отъ нея за триста верстъ, въ Елисаветградѣ. Послѣ довольно знойнаго дня наступилъ прохладный, тихій вечеръ; послѣ утомительныхъ для зрѣнія степей увидѣлъ я большіе сады, обширностію своею похожіе на рощи. Ими окруженъ весь городъ, и это расположило меня остановиться на ночь и пріятнымъ образомъ подышать въ немъ.

На слѣдующее утро, 31-го, поѣхалъ я къ военнымъ поселеніямъ принадлежащее, величиной своей примѣчательное мѣстечко Петриковку, которому недавно пожалованъ какой-то новый титулъ. Около обѣденнаго времени, между послѣднимъ Новороссійскимъ городкомъ Крюковымъ и первымъ Малороссійскимъ городомъ Кременчугомъ переехалъ я на паромѣ раздѣляющей ихъ, часто упоминаемый Днѣпръ. На берегу встрѣтилъ я ожидающихъ переправы Башкирѣ, которыхъ изъ Оренбургской губерніи вели въ Турцію на убійство или на убой. Кременчугъ показался мнѣ лучше многихъ губерскихъ городовъ, пользующихся честью сего названія. Когда онъ былъ пограничнымъ го-

родомъ, говорятъ, былъ онъ гораздо многолюднѣе; но онъ снабдилъ первоначальнымъ населеніемъ весь Новороссійскій край. Въ немъ нашелъ я хорошій трактиръ и хорошій обѣдъ. Отъ него проѣзжая Малороссійскими селеніями, не могъ налюбоваться ими. Всѣ они занимаютъ большое пространство, наполненное садами, и имѣютъ видъ роцъ, сквозь деревья коихъ бѣлѣются хаты. Ночевать пріѣхалъ я въ Рѣшетилровку, богатое имѣніе, принадлежавшее Василью Степановичу Попову, и у одного изъ поселянъ нашелъ ночлегъ, который желательно бы было вездѣ находить даже за границей.

Рано по утру, 1-го Іюня, пріѣхалъ я въ Полтаву и пробылъ въ ней цѣлыя сутки. Подѣвжая къ ней, отъ невѣжественнаго ямщика тщетно требовалъ я указанія мѣста, гдѣ происходила наша знаменитая битва. Вѣроятно, славное воспоминаніе о сей побѣдѣ заставило при Александрѣ избрать мѣстомъ главнаго управленія сей малый городъ. Также какъ Симферополь, онъ дѣлится на-двое, на старый и на новый; въ первой я не заглядывалъ, въ послѣднемъ остановился. Широкия въ немъ, правильныя улицы, обставленныя низенькими домиками, съ большими между ими разрывами, ведутъ къ круглому, обширному полю, названному городской площадью; вокругъ него поднимаются высокія, казенныя, каменные строенія, а въ самой серединѣ стоитъ также очень высокій памятникъ Петру Великому. Пустота этой площади, на краю города находящейся, показалась, наконецъ, ужасною, и чтобы наполнить ее, насадили по четыремъ угламъ ея четыре сада или сквера. Городъ этотъ былъ тогда еще весьма небогатъ; въ немъ не было ни одной гостиницы, а низенькій деревянный какой-то заѣзжій домъ, въ которомъ тотъ день кромѣ меня не было ни одного проѣзжающаго. Я занялъ двѣ маленькія выбѣланныя комнаты и долженъ былъ довольствоваться плохой пищей. Послѣ обѣда пошелъ я гулять въ большой, прекрасный садъ, казенный или общественный, который спускается по горѣ до живописной рѣчки Ворсклы. По близости отъ него находились два довольно красивыя строенія, Институтъ Благородныхъ Дѣвицъ и собственный домъ попечительницы его, жены генералъ-губернатора князя Репнина; жаль только, что все это запрято въ уголъ, который изъ путешественниковъ, подобно мнѣ, рѣдко къмъ посѣщается.

Начиная съ Полтавы, я намѣренъ былъ останавливаться во всякомъ губернскомъ городѣ, дабы дать себѣ о немъ нѣкоторое понятіе. Во всѣхъ находившихся у меня по дорогѣ неоднократно бывалъ я, почти не выдавъ ихъ.

Въ первый изъ нихъ, мнѣ уже нѣсколько знакомый Харьковъ, пріѣхалъ я 3-го Іюня. Въ немъ не нашелъ я ни одного изъ моихъ прошлогоднихъ знакомыхъ; не могъ даже остановиться въ знакомой

мнѣ гостиницѣ Матускова, а въ какомъ-то вновь заведенномъ трактирѣ. Пріятно было смотрѣть на Харьковъ, который, видимо, росъ. Прогуливаясь по его улицамъ, тогда уже не грязнымъ, видѣлъ я множество новыхъ каменныхъ домовъ; одни изъ нихъ начинали отдѣлывать, другіе были только что выстроены, а иные еще строились. Съ удовольствіемъ посѣтилъ я университетскій садъ, съ длинными, прямыми, густыми аллеями, который на концѣ Сумской улицы, почти въѣзду въ городъ, служить мѣстомъ общественныхъ прогулокъ. На краю его была открытая бесѣдка, откуда очень хорошей видъ на кварталы и сады, находящіеся за рѣчкой Лопанью.

Останавливаясь въ Бѣлгородѣ и въ Обояни только для прокормленія своего и 6-го числа пріѣхавъ въ Курскъ, присталъ я въ великолѣпной тогда гостиницѣ Полторацкаго. Я не знаю, чтѣ бы сталъ я дѣлать вечеромъ въ Курскѣ, гдѣ у меня тогда не было ни одного знакомаго, еслибъ попеченіями бывшаго губернатора Кожухова, безжалостно отставленнаго, у выѣзда изъ города не былъ насаженъ славный садъ при строеніяхъ, принадлежащихъ Приказу Общественнаго Призрѣнія. Туда я поспѣшилъ и пріятнымъ образомъ нагулялся. Онъ былъ устроенъ въ угожденіе императору Александру, который такъ любилъ природу и который, проѣзжая черезъ губернскіе города, почти въ каждомъ приказывалъ заводить лѣтнія публичныя гульбища, и такимъ образомъ оставлялъ въ нихъ благодѣтельные слѣды своего присутствія.

Тоже самое нашелъ я и въ Орлѣ, куда пріѣхалъ 8-го поутру. По волѣ покойнаго, большое пространство было засажено молодыми деревьями, не успѣвшими еще много подняться на крутомъ берегу, гдѣ Орликъ впадаетъ въ Оку. Теперь, говорятъ, онъ разросся и служитъ большимъ украшеніемъ городу, который послѣ пожаровъ хорошо выстроился.

Во Мценскѣ долженъ былъ я остановиться противъ воли. Въ ресорахъ и колесахъ моей каретки оказалось довольно сильное поврежденіе, починка ихъ замедлила довольно успѣшную дотолѣ ѣзду мою, такъ что я поспѣлъ въ Тулу только 11-го числа въ полдень.

На всемъ пространствѣ, которое проѣхалъ я, начиная отъ самой Одессы, Тула есть первый старинный губернскій городъ, напоминающій времена еще Татарскія, за то и первый, въ которомъ не нашелъ я бульвара или сада для общественныхъ прогулокъ. Я нашелъ въ немъ небольшой, зубчатый кремль, а посреди его древній, довольно просторный соборъ, и поспѣшилъ посѣтить ихъ. Также пожелалъ я видѣть извѣстный оружейный заводъ. Какой-то чиновникъ взялся быть моимъ проводникомъ и безжалостно во всѣхъ подробностяхъ показывалъ

валъ мнѣ производство работъ, отчего утомленный вечеромъ я воротился въ свою гостиницу. Тамъ сказали мнѣ, что семейство бывшего губернатора Тухачевского живетъ въ трехъ верстахъ отъ Тулы, въ селеніи своемъ Архангельскомъ, на большой Московской дорогѣ, и я счелъ пріятною обязанностію на другой день навѣстить его. Къ тому же мнѣ показалось встати памятный день рожденія отца моего 12 Іюня провести въ кругу родственниковъ.

Селеньице Архангельское, изъ 150 душъ состоящее, въ верстѣ отъ большой дороги и въ трехъ отъ Тулы, при большихъ долгахъ было тогда, какъ и прежде, единственнымъ достояніемъ супруговъ Тухачевскихъ. А все въ немъ было на барскую руку: огромный двухъ-этажный домъ съ большими флигелями, довольно богатая по тогдашнему времени отдѣлка его и садъ, идущій внизъ по горѣ до широкаго пруда. Но въ немъ съ двухлѣтняго возраста воспитывался Кирѣевскій, владѣлецъ пяти тысячъ душъ, коего Тухачевскій былъ опекуномъ; слѣдственно на счетъ перваго все это и было сооружаемо. Говорили, что прежде гремѣлъ тутъ оркестръ изъ крѣпостныхъ людей и живало нѣсколько разнаго рода иностранцевъ и шутовъ. Недовольный своимъ опекуномъ, Кирѣевскій однако нѣжно любилъ тетку, жену его. Дабы въ будущемъ обезпечить ея содержаніе, онъ взялъ себѣ Архангельское, требующее издержекъ, а въ замѣнъ принялъ на себя всѣ долги семейства и далъ ей имѣніе въ Орловской губерніи съ равнымъ числомъ душъ, но приносящее большой доходъ. И туда она собиралась уже отправиться.

Одни слуги были на ногахъ, а господа только что вставали съ постели, когда рано поутру пріѣхалъ я въ Архангельское. Меня встрѣтила въ гостиной домашняя шутиха, прозванная Марухой, остатокъ прежняго боярскаго житья; я принялъ ее за путную и началъ было серьезно съ нею разговаривать. Вскорѣ однако явилась сама Надежда Александровна съ радостнымъ восклицаніемъ: ah, mon cousin! Я говорилъ уже о ея слабости, о пристрастіи къ иностранному и въ особенности къ Французскому языку, который она знала довольно плохо. Къ ея несчастію и къ несчастію ея семейства, мамзель Питонъ, низенькая, сухощавая и, какъ мнѣ казалось, ядомъ налитая Француженка вселилась къ ней въ домъ и въ душу. Она давала направленіе всѣмъ ея дѣйствіямъ и воспитанію ея дѣтей, имѣя осторожность не мѣшаться въ дѣла самого хозяина, который имѣлъ своего особаго рода забавы. Онъ былъ стариннаго покроя помѣщикъ и чванный хлѣбосоль, который въ это время, несчастный, все еще находился въ Петербургѣ подъ судомъ. Два сына были въ военной службѣ, а единственная дочь Кусова жила въ Москвѣ. Итакъ, съ моей кузиной были только ея зо-

ловки, Ольга и Пелагея Сергѣевны, пожилыя провинціальныя дѣвы, меня въ прошломъ году угощавшія, совершенный контрастъ съ Питоншей, и въ горѣ и въ радости не отступавшей отъ владѣнія своего г-жей Тухачевской.

Разговоры о всякой всячинѣ, воспоминанія о быломъ дали мнѣ нескучно провести этотъ день. Присутствіе Питонши одно мнѣ не со-всѣмъ было пріятно, хотя она и старалась быть со мной отвлѣнно вѣжлива. Еще одно поразило меня непріятнымъ образомъ. Мать владѣлицы Архангельскаго, Кирѣевская жила тутъ долго съ нею и съ малолѣтнимъ внукомъ и своимъ большимъ состояніемъ умножала ей средства жить роскошно. Сказывали, что она была Русская барыня прежняго вѣка, со старинными навыками въ пищѣ и одеждѣ, едва умѣвшая подписывать свое имя. Она жила, жила и умерла; а какъ другой церкви не было кромѣ домовою въ маленькой комнаткѣ господскаго дома, то ее и похоронили въ саду. Мнѣ показали низенькій надъ нею памятникъ, окруженный цвѣтами съ Французскою надписью. Это я нашелъ слишкомъ противнымъ здравому смыслу и религіи нашей.

Пагубнымъ слѣдствіемъ этой галломаніи была низкая доля, постигшая бѣдную Кусову. Злодѣйка Питоня старалась все болѣе и болѣе умножить въ ней отвращеніе отъ богатаго дома Кусовыхъ и особенно отъ мужа ея. Такъ длилось восемь лѣтъ, пока это отвращеніе не превратилось въ нервическую болѣзнь, отъ которой вылѣчить мать повезла ее въ Москву. Тамъ она мало показывалась въ обществѣ, которому могла бы служить украшеніемъ, а болѣе жила въ кругу модныхъ торговокъ Кузнецкаго моста, куда ввелъ ее злой геній ея семейства. Наконецъ, явился магнетизѣръ Делонѣ, который взялся ее совершенно исцѣлить. Онъ былъ какимъ-то лѣкаремъ, офицеромъ здравія, officier de santé въ Наполеоновой арміи и взятъ военноплѣннымъ въ Москвѣ. Въ ней онъ и остался и хотя не прослылъ знаменитымъ врачомъ, приобрѣлъ однакоже изрядную практику. Я его видѣлъ гораздо позже; мужикъ былъ онъ дюжій, смѣлый, со всѣми грубыми манерами Наполеоновской солдатчины. Магнетизмъ имѣлъ плодотворное вліяніе на Кусову: отъ незаконнаго сожитія ея съ Делонѣ народилось шесть человѣкъ дѣтей обоого пола. Разумеетсяъ, ей нигуда нельзя было показываться въ свѣтъ, а мать принуждена была смотрѣть на то снисходительно, ибо Делонѣ былъ Французъ. Я часто смотрю съ удивленіемъ, видя у насъ такъ много дамъ и дѣвицъ, сохраняющихъ чистоту нравовъ, когда родители берутъ къ нимъ въ гувернантки первую попавшуюся Француженку.

Распростившись съ вечера и вставши на другой день со свѣтомъ, я прибылъ благополучно въ Москву 14 Іюня, часу въ десятомъ утра.

Но въ ней не все нашелъ я благополучнымъ. Домъ зятя и сестры моихъ, гдѣ я остановился, былъ еще гораздо мрачнѣе и печальнѣе чѣмъ тогда, какъ въ предшествующемъ году я его оставилъ. Въ Мартѣ мѣсяцѣ генераль Алексѣевъ вторично получилъ сильный апоплексическій ударъ, отъ котораго лишился онъ почти языка, памяти и не владелъ одной рукой и ногой. Одной улыбкой выразилъ онъ удовольствіе меня видѣть; слова съ трудомъ выходили изъ устъ его, за то обильны были слѣзы, которыя потекли у него изъ глазъ. Ихъ не было у сестры моей; казалось, источникъ ихъ изсякъ, не было ни вздоховъ, ни рыданій; всѣ мученія скрывались въ груди ея; только въ образной облегчала она ихъ молитвами. О вѣра! Ты одна можешь подать такую силу страждущимъ. Для этой бѣдной женщины полна была чаша горестей. Дѣла были въ совершенномъ разстройствѣ, и надлежало скрывать сіе положеніе отъ больного, въ которомъ оставалось довольно памяти, чтобы скоро замѣтить совершенную перемѣну въ образъ жизни. Меньшой сынъ ея, какъ милость, получилъ дозволеніе выйти въ отставку и находился при ней. А старшій, ея любимецъ, находился въ армейскомъ полку, отъ котораго не могъ отлучаться, и неизвѣстно было, чѣмъ и когда кончится его незаслуженное наказаніе. О Бенкендорфъ!

Все еще надѣясь получить приличное содержаніе отъ казны, я рѣшился остаться съ нею, чтобы раздѣлять ея горести и недостатки. О немилостивомъ рѣшеніи, по моей просьбѣ, узналъ я только въ концѣ Іюля, и тогда уже осталось мнѣ единственнымъ средствомъ отправиться въ Пензу и зарыться тамъ въ деревнѣ. Была еще другая причина, остановившая меня тогда въ Москвѣ.

Мнѣ повторяли врачи и въ Петербургѣ, и на Югѣ, что мнѣ необходимо пользоваться Маріенбадскими минеральными водами, и для того посылали за границу; а съ чѣмъ бы я туда отправился? Старый и знаменитый Лодеръ съ помощію молодаго доктора Енихена завелъ первыя въ Россіи искусственныя минеральныя воды. Они только что были открыты надъ Москвою рѣкой, близъ Крымскаго брода, въ переулкѣ, въ обширномъ домѣ съ двумя вновь пристроенными галлереями и садомъ. Какъ же мнѣ было не воспользоваться симъ случаемъ? Всякой день рано по утру ходилъ я пѣшкомъ со Старой Конюшенной на Остоженку. Движеніе, благорастворенный утренній воздухъ, гремящая музыка и веселыя толпы гуляющихъ больныхъ (изъ коихъ на двѣ трети было здоровыхъ), разгоняя мрачныя мысли, нравственно врачевали меня не менѣе чѣмъ Маріенбадская вода, коей я упивался. Знакомствъ, разговоровъ я избѣгалъ и довольствовался бесѣдой любезнаго старика Кристиана, который почти всегда бывалъ здоровъ, а тутъ льчился, кажется, отъ неизлѣчимой болѣзни, отъ старости. Новизна, мода

обыкновенно влекутъ праздное Московское общество, какъ сильное движеніе воздуха все гонить его къ одному предмету. Потому-то сіе новое заведеніе сдѣлалось однимъ изъ его увеселительныхъ мѣстъ.

Было еще и другое, куда также отправлялся я по воскреснымъ днямъ. Мѣсто за тремя горами, принадлежавшее графу Толстому, прозванное Трехгорнымъ, было имъ передано зятю его новому министру внутреннихъ дѣлъ Закревскому, который приказалъ открыть его для публики. Слово загородный домъ состарѣлось для Москвичей, его начало замѣнять слово дача. Вотъ, кажется, отъ чего, дача Закревскаго, во что переименовали Трехгорное, какъ бы волшебствомъ всѣхъ привлекала. Всѣ другія гульбища брошены, опустѣли. Новый владѣлецъ дѣйствительно хорошо изукрасилъ сіе мѣсто. Отъ большихъ воротъ шла прямая, широкая и длинная аллея для экипажей, съ двумя боковыми узкими для пѣшеходцевъ, до главнаго дома надъ самой рѣчкой. Съ обѣихъ сторонъ сихъ аллей было по три острова, четверугольныхъ, равной величины, раздѣленныхъ между собою вновь прокопанными канавами, наполненными тогда еще чистой, проточной водой и соединенныхъ деревянными мостиками. Каждый изъ сихъ острововъ былъ посвященъ памяти одного изъ героевъ, подъ начальствомъ которыхъ Закревской находился: Каменскаго, Барялая, Волконскаго и другихъ. На каждомъ посреди густоты деревьевъ находился или храмикъ или памятникъ сказаннымъ воинамъ: необыкновенная, новаго рода правильность, напоминающая нѣчто фрунтовое. Самая чистота, въ которой все это было содержимо, какъ бы заимствована была у Аракчеевскихъ военныхъ поселеній. Недолго сія дача была въ славѣ у Москвичей. Она продана и нынѣ подъ названіемъ уже Студенецъ принадлежитъ Обществу Садоводства, которое мало заботится о порядкѣ и чистотѣ. А какъ мѣсто низкое, сырое и болотистое, то оно и находится въ отвратительномъ залущеніи.

Разъ случилось мнѣ быть и на дачѣ одного г. Опанина, находившейся не подалеку отъ сгорѣвшаго и вновь еще не исправленнаго Петровскаго дворца, а нынѣ попавшей въ составъ разведеннаго послѣ Петровскаго парка. Изъ нея подымались воздушные шары, только безъ людей, отъ чего стеченіе народа бывало превеликое. Но лучшее общество, и особенно дамы, туда не ѣздило, гнушаясь хозяиномъ, который слылъ презрѣннѣйшимъ негодяемъ.

Обѣ столицы съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе пустѣютъ лѣтомъ. Потребность чистаго воздуха становится все ощутительнѣе, и всѣ разѣзжались по деревнямъ и по дачамъ. Чтобы кого либо увидѣть, съ кѣмъ нибудь встрѣтиться, надобно ѣхать въ Англійской клубъ, учрежденный по примѣру Петербургскаго, кажется, въ 1805 году. Во

время многократныхъ проѣздовъ моихъ черезъ Москву, не болѣе одного или двухъ разъ удалось мнѣ быть въ этомъ клубѣ. Въ этотъ же пріѣздъ я сдѣлался довольно частымъ его посѣтителемъ, благодаря совсѣмъ не заслуженной мною благосклонности нѣкоторыхъ членовъ, которые каждый день записывали меня гостемъ. Можетъ быть, я этимъ обязанъ былъ званію пріѣзжаго, которыхъ такъ охотно заманиваютъ туда, какъ всякую новость.

Московской Англійской клубъ есть мѣсто предлюбопытное для наблюдателя. Онъ есть представитель большой части Московскаго общества, въ кратцѣ вѣрное его изображеніе, его эссенція. Записные игроки суть корень клуба: они даютъ пищу его существованію, прочіе же члены служатъ только для его красоты, для его блеска. Почти всѣ они люди достаточные, старые или молодые помѣщики, живущіе въ независимости, въ безпечности, въ бездѣйствіи; они не терпятъ никакого стѣсненія, не умѣютъ ни къ чему себя приневолить, даже къ соблюденію самыхъ простыхъ, обыкновенныхъ правилъ общечитія. Членъ Московскаго Англійскаго клуба! О это существо совсѣмъ особаго рода, не имѣющее подобнаго ни въ Россіи, ни въ другихъ земляхъ. Главною, отличительною чертою его характера есть увѣренность въ своемъ всевѣдѣніи. Онъ съ важностію будетъ разсуждать о предметахъ вовсе ему чуждыхъ, незнакомыхъ, безъ опасенія выказать все свое невѣжество. Онъ горячо станетъ спорить со врачомъ о медицинѣ, съ артистомъ о музыкѣ, живописи, ваяніи, съ ученымъ о наукѣ, которую тотъ преподаетъ и такъ далѣе. Я почитаю это не столько слѣдствіемъ невѣжества, какъ весьма необдуманнаго самолюбія. Выслушавъ васъ не совсѣмъ терпѣливо, согласиться—съ вами значило бы въ чемъ нибудь да признать передъ собою ваше превосходство. Эти оспариванія сопровождались всегда не весьма вѣжливыми выраженіями. «Нѣтъ, воля ваша, это неправда, это быть не можетъ, ну кто этому повѣритъ?» такъ говорилось съ людьми мало знакомыми, а съ короткими: «ну полно, братецъ, все врешь; скажи просто, что солгалъ.» Удивительно, какъ все это обходилось миролюбиво, безъ всякой взаимной досады. Не нравилось мнѣ, что эти господа трунять другъ надъ другомъ; пусть бы на счетъ преклонности лѣтъ, а то на счетъ наружныхъ, тѣлесныхъ недостатковъ и недостатковъ Фортуны; это казалось мнѣ уже безчеловѣчно. Не доказывается ли тѣмъ, что наше общество было еще въ дѣтствѣ? Дѣти всегда безжалостны, ибо не испытали еще сильной боли; мальчики въ кадетскихъ корпусахъ, въ пенсіонахъ точно также обходятся между собою. Хотя я не достигъ тогда старости, хотя не былъ еще и близокъ къ ней, мнѣ не нравилось также совершенное равенство, которое царствовало въ клубѣ между стариками и молодыми. Но

не то ли же самое мы видимъ въ простонародіи? Такъ обходятся молодые парни съ дядей Θεодотомъ, съ дядей Парфеномъ, говорятъ имъ ты, а слушаются ихъ, и даже съ дѣдушкой Антипомъ, который, когда ему вздумается прикрикнуть, заставить всѣхъ замолчать. Время мало что измѣнило въ разсказанномъ мною, доннынѣ все осталось почти по прежнему. Причиной Европа, у которой такъ стараемся мы все перенимать: она также освобождается отъ всякихъ узъ, какъ въ общественной жизни, такъ и въ словесности, и быстрыми шагами идетъ къ варварству, изъ котораго только что мы стали выступать. Вотъ мы и встрѣтились.

Вѣстовщики, вѣдуны составляли замѣчательнѣйшую, интереснѣйшую часть клубнаго сословія. Первые ежедневно угощали самыми неправдоподобными извѣстіями, и имъ вѣрили, ихъ слушали, тогда какъ истина, все дѣльное, разсудительное отвергалось съ презрѣніемъ. Последніе были законодателями вкуса въ отношеніи къ кушанью и были весьма полезны: образованные ими преемники ихъ превзошли, и столъ въ Англійскомъ клубѣ до днесь остался отличнымъ. Что касается до протчихъ, то право лучше бы было ихъ не слушать. Что за нелѣпости, что за сплетни! Шумимъ, братаецъ, шумимъ, какъ сказано въ комедіи Грибоѣдова. Нѣкоторые берутся толковать о дѣлахъ политики, и имъ весьма удобно почерпнуть объ ней свѣдѣнія: въ газетной комнатѣ лѣжать на столѣ всѣ дозволенные газеты и журналы Русскіе и иностранные; въ нее не часто заглядываютъ, а когда кому вздумается присѣсть да почитать, то обыкновенно военные приказы о производствѣ или объявленія о продажѣ просроченныхъ имѣній. Былъ одинъ такой баринъ-чудакъ, который въ вѣдомостяхъ искалъ одни объявленія объ отдачѣ въ услуги, то есть о продажѣ крѣпостныхъ дѣвокъ, какъ за нимъ подмѣтилъ одинъ любопытствующій. Самый оппозиціонный духъ, который тутъ находимъ, совсѣмъ не опасенъ для правительства: онъ, какъ и все прочее, не что иное какъ совершенный вздоръ. Одинъ изъ нашихъ земляковъ, послѣ весьма долгаго отсутствія, воротился въ Россію совершеннымъ Французомъ *), чѣмъ-то оскорбленный въ одномъ изъ Московскихъ клубовъ, въ послѣдствіи размножившихся, сказалъ о дворянскомъ: *c'est de la canaille proprement dite*, а про Англійской: *c'est de la canaille proprement mise*.

Меня можно спросить: да зачѣмъ же ты часто бывалъ въ такомъ мѣстѣ? Да такъ. Я тогда не былъ еще такимъ брюзгою какъ нынѣ: ничѣмъ не брезгалъ. Какъ голова, такъ и желудокъ мой все

*) Г. Хлюстинъ, который по имени долженъ бы быть совершенно Русскимъ человѣкомъ; сестра, его вышедшая въ Парижѣ за Француза, всегда подписывалась *née de Custine*.

переваривали. Я наслаждался въ разговорѣ съ умнымъ и просвѣщеннымъ человѣкомъ; мнѣ бывало весело съ людьми другаго рода, меня забавляли ихъ глупости, и я тайкомъ любилъ надъ ними смѣяться. За столомъ гастронома, послѣ изысканныхъ кухонныхъ произведеній, готовъ я былъ съ удовольствіемъ хлебнуть щецъ изъ сѣрой капусты. Увы, какъ это время уже далеко! Въ клубѣ никакихъ мнѣній я не предлагалъ, ни чьихъ не оспаривалъ, отъ того со всѣми жилъ въ ладу и даже имѣлъ счастье прослыть добрымъ и простымъ малымъ.

Да не подумаютъ, однакоже, что въ клубѣ не было ни одного человѣка съ примѣчательнымъ умомъ. Напротивъ, ихъ было довольно, но они посѣщали его рѣже и говорили мало. Обыкновенно ихъ можно было находить въ газетной комнатѣ; я назову пока одного Ив. Ив. Дмитріева, не разъ мною упомянутаго, и похвастаюсь тѣмъ, что со мною бывалъ онъ многорѣчивъ. Его холодная, важная наружность придавала еще болѣе цѣны его шутовности и остроумію. Кто бы могъ ожидать? Какъ Аѳинскіе мужики Аристиды, хотѣли было исключить его изъ общества, право не помню за что; но вдругъ опомнились и выбрали его почетнымъ членомъ. Но онъ съ тѣхъ поръ, кажется, не являлся къ нимъ.

Кратковременнымъ тогда пребываніемъ моимъ въ Москвѣ воспользовался я, чтобы случайно сдѣлать одно весьма лестное знакомство. Въ заведеніи минеральныхъ водъ встрѣтилъ я Прасковью Ивановну Мятлеву, которая пріѣхала изъ Петербурга не съ тѣмъ, чтобы полѣчиться, а чтобы погулять. Она обошлась со мной какъ съ давнишнимъ знакомымъ, узнавъ отъ меня о жалкомъ положеніи сестры моей, поспѣшила ее навѣстить, а меня во временную квартиру свою пригласила на чай. Никого почти не нашелъ я у нея кромѣ начальствовавшего въ Москвѣ князя Дмитрія Владимировича Голицына, ея двоюроднаго брата, которому она меня представила. Довольно продолжительный съ нимъ разговоръ меня съ нимъ ознакомилъ, а онъ изъяснилъ сожалѣніе, что сіе сдѣлалось не прежде. Тогда я испросилъ у него дозволенія къ нему явиться, а онъ назначилъ мнѣ часъ, въ который будетъ совершенно свободенъ. Дни черезъ три послѣ того былъ я у него въ кабинетѣ. Мнѣ показалось, что въ продолженіи цѣлаго часа, на единѣ съ нимъ проведеннаго, онъ не почувствовалъ скуки; прощаясь со мной, сказалъ онъ, что, къ сожалѣнію, его княгиня Татьяна Васильевна находится въ подмосковной деревнѣ, Вязѣмахъ, но что по возвращенію ея, онъ хочетъ меня ей представить. Я же былъ почти на отъѣздѣ и отвѣчалъ, что не надѣюсь скоро имѣть сію честь.

Это былъ человѣкъ примѣчательный, хотя не гениальный. Онъ находился съ матерью въ Парижѣ во время начала первой революціи;

какъ покорѣйшій сынъ, онъ былъ упитанъ строгими аристократическими правилами гордой княгини Натальи Петровны, а какъ семнадцатилѣтній юноша увлеченъ новыми идеями, которыя сулили міру блаженство. Сіе образовало весьма необыкновенный характеръ; въ немъ встрѣчалось все то, что было лучшаго въ рыцарствѣ со всѣмъ, что было хвалы достойно въ республиканизмѣ. Болѣе чѣмъ кто былъ онъ преданъ, вѣренъ престолу, но никогда передъ нимъ не пресмыкался, никому изъ приближенныхъ къ нему не льстилъ, никогда не былъ паредворцемъ, большую часть жизни провелъ въ арміи и на поляхъ сраженій добывалъ почести и награды. Отъ того-то и въ обществѣ его была вся прелесть откровенности добраго, Русскаго воина съ любезностію, учтивостію прежнихъ Французовъ лучшаго общества. И это была не одна наружность: подъ нею легко было открыть пучину добродушія. Удивительно ли, что Москва была такъ долго имъ очарована, когда послѣ двухъ свиданій я былъ имъ совершенно плѣненъ?

Къ сожалѣнію, какъ почти всѣ молодые бары его времени, онъ плохо зналъ Русской языкъ, за то очень хорошо постигнулъ онъ Русской духъ. Онъ зналъ, что нѣтъ никакой пользы съ этимъ народомъ капральничать, употреблять излишнюю строгость, дѣйствовать инквизиторіально, вездѣ совать носъ свой, входить во всѣ мелочи, мѣшаться даже въ семейныя, домашнія дѣла, какъ поступалъ одинъ изъ его преемниковъ: бразды правленія держалъ онъ твердою рукою, но нѣсколько опустивши ихъ. Какъ Екатерина, говорилъ онъ: *vivons et laissons vivre*. Онъ не потворствовалъ порокамъ, но и не преслѣдовалъ ихъ; только люди, съ худой стороны замѣченные, какого бы чина и званія они ни были, въ его общество доступа имѣть не могли. Примѣры жестокихъ наказаній у насъ не столько могутъ людей удерживать отъ зла, какъ смѣшеніе угрозъ и ласки. Въ противномъ случаѣ, дворянинъ какъ и мужикъ почувствуетъ въ душѣ какое-то ожесточеніе, скажетъ за семь бѣдъ одинъ отвѣтъ и скоро можетъ дойти до преступленій. Изрѣдка, и то въ чрезвычайныхъ случаяхъ, Голицынъ умѣлъ показывать себя взыскательнымъ начальникомъ, строгимъ исполнителемъ закона. Со всѣми учтивый, даже ласковый, онъ однако умѣлъ безобиднымъ, непримѣтнымъ образомъ давать чувствовать высоту своего сана. Бывало слово: «что-то скажетъ о томъ князь, какъ это князю будетъ досадно» останавливало многихъ.

Надобно замѣтить, что у насъ Москва старое балованное дитя, которому необходимо давать немного проказничать, лишь бы было не совсѣмъ вредно для нравственности общественной. Независимое въ ней житье составляетъ главную ея привлекательность; она опустѣетъ, если

противъ ея жителей будутъ принимаемы стѣснительныя мѣры. А при Голицынѣ она процвѣтала и все болѣе населялась. Когда въ другихъ частяхъ Россіи трепетали при появленіи свѣтло-синихъ мундировъ жандармскихъ, онъ одинъ Московскую губернію, какъ каменной стѣной умѣлъ оградить отъ Бенкендорфа и его жандармеріи. Въ ней жили также привольно, безъ оглядки, какъ бы ихъ не существовало. Онъ пользовался совершенною довѣренностію обоихъ императоровъ Александра и Николая, которые не только что уважали его, но и сердечно любили, и ни одного изъ приближенныхъ къ нимъ любимцевъ онъ не боялся. Удивительное было въ немъ искусство безъ труда повелѣвать людьми, овладѣвъ ихъ сердцами, искусство, коему научала все таже Екатерина и которое нынѣ такъ рѣдко встрѣчается. Увы, ничего нѣтъ въ мірѣ семь прочнаго, долговѣчнаго! съ умноженіемъ лѣтъ снисходительность князя Голицына превратилась въ удивительную слабость, отъ которой происходило множество безпорядковъ въ его управленіи. Это было гораздо послѣ, и лучше бы было здѣсь о томъ и не упоминать.

Война близъ мѣсть, въ которыхъ безъ малаго пять лѣтъ провелъ я, предметъ, который недавно такъ исключительно занималъ меня, началъ я терять изъ виду. Въ дали отъ опасностей, Московское равнодушіе ко всему, что происходитъ на границѣ и за границей, мало по малу стало и мной овладѣвать. И тѣмъ лучше, ибо дѣла наши за Дунаемъ шли довольно плохо. Огромнѣйшія силы были двинуты съ Сѣвера на Югъ, самъ Императоръ, и его братъ, и его гвардія находились при войскахъ; Англія послѣ Наварина отшатнулась отъ насъ, но и не мѣшала намъ; за то Французы намъ помогали, сражаясь въ Моревѣ. Ослабленная Турція, казалось, должна была пасть; но она держалась, защищалась упорно, и мы почти не шли впередъ. Мнѣ случилось въ Англійскомъ клубѣ спросить у кого-то, не помню, о причинѣ сильной пушечной пальбы, которую я слышалъ утромъ. «Да какъ же, развѣ вы не знаете, отвѣчалъ онъ насмѣшливо: совершенно великое дѣло, и мы его празднуемъ, взяли какую-то Исачку». И дѣйствительно, послѣ двухъ послѣднихъ побѣдъ при Лейпцигѣ и Парижѣ, которыя мы торжествовали, этотъ успѣхъ не могъ казаться столь важнымъ. Я вспомнилъ тогда, что въ 1810 году, въ одномъ и томъ же донесеніи графа Каменскаго о первыхъ дѣйствіяхъ Задунайской арміи, было сказано о занятіи малыхъ крѣпостей Исакчи, Тульчи и Бабадага, о взятіи штурмомъ Базарджика и о сдачѣ важной крѣпости Силистріи; и мнѣ стало за нашихъ что-то стыдно. Миновавъ Силистрію и Шумлу, все потянулось къ Варнѣ, которую обложили съ моря и съ твердой земли. Осаднымъ войскомъ начальствовалъ князь Меншиковъ, но ему прострѣлили ногу; тогда на его мѣсто изъ Одессы былъ призванъ

графъ Воронцовъ. Все лѣто провозились съ этой Варной и только въ началѣ Октября успѣли войти въ нее. Тѣмъ и кончилась кампанія.

Неуспѣхи этой кампаніи были для всей Россіи загадкой, которая объяснилась слѣдующею зимою. Главнокомандующій арміей былъ фельд-маршалъ Витгенштейнъ, прославившійся въ 1812 году, а послѣ доказавшій, сколь малы были его военныя способности. За то никто не слушался его. Главнымъ же распорядителемъ былъ начальникъ императорскаго штаба, кипучій генералъ Дибичь, котораго наши солдаты прозвали самоваръ-пашой. Голова его полна была стратегическихъ идей, но какъ отъ того распоряженія его безпрестанно противорѣчили одно другому, то тѣмъ и умножалось неустройство. Подвозъ съѣстныхъ и другихъ припасовъ былъ медленъ и совершенно неисправенъ. Губительныя Молдавскія лихорадки свирѣпствовали въ войскѣ и въ сутки сотнями валили людей. Во многихъ мѣстахъ показалась и чума. При столь неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, всякая другая армія, состоящая не изъ Русскихъ солдатъ и не съ Турками имѣющая дѣло, непременно была бы истреблена.

Вотъ и для меня пришла пора собираться въ походъ, отправляться на всегдашнее жительство въ неизбѣжную Пензу, мѣста печальной родины моей, какъ говорить стихъ Пушкина. Лучше бы, подумалъ я, отправиться мнѣ куда нибудь на вѣчное жилище: тамъ по крайней мѣрѣ, подъ землею, могъ бы я оставаться совершенно спокоенъ. Только къ концу Юля удостовѣрился я, что мнѣ рѣшительно отказано въ щедротяхъ царскихъ, и намѣревался выѣхать тотчасъ послѣ Успеньева дня; но сестра уговорила меня провести съ ней день ея именинъ, 26 Августа, и я только 28-го Августа оставилъ Москву.

XI.

Въ ночи съ 4-го на 5-е Сентября я остановился на станціи Кутлѣ, въ пятидесяти верстахъ отъ Пензы, во вновь построенномъ, весьма помѣстительномъ и порядочно прибранномъ почтовомъ домѣ. Мнѣ стало грустно, когда рано поутру выглянулъ я изъ окна: отъ перваго утренняго мороза побѣлѣли всѣ крыши. Но по мѣрѣ приближенія къ Пензѣ, воздухъ совершенно разогрѣвался, и мнѣ на душѣ стало повеселѣе: я думалъ о моемъ семействѣ и объ удовольствіи, которое пріѣздъ мой принесетъ, между прочими, старшей сестрѣ моей Елисаветѣ, въ тотъ день именинницѣ.

Подымаясь по горѣ Лѣкарскою улицей и приближаясь къ низенькому на ней дому нашему, я вышелъ изъ каретки и пошелъ пѣшкомъ,

У раствореннаго окна увидѣлъ я сидящую мать мою, которая любовалась яркимъ солнцемъ, не обращая вниманія на проходящихъ, и оттого или не узнала меня, или не замѣтила. Черезъ ворота вошелъ я на дворъ и велѣлъ позвать сестру; она бросилась меня обнимать, а потомъ пошла предупредительно обо мнѣ докладывать. Предосторожности напрасны! Какъ радость, такъ и печаль только скользятъ по сердцу старцевъ: ту и другую сильно чувствовать они уже не въ состоянїи. Конечно, мать моя была растрогана моимъ прїѣздомъ, обрадовалась, а во мнѣ умножилась печаль, смотря на признаки разрушенія, обозначенныя на ея лицѣ. Ей былъ семдесятъ седьмой годъ отъ роду, а казалось лѣтъ девяносто.

Въ нравѣ ея послѣдовали также большія измѣненія. Она сохраняла твердость воли, попрежнему оставалась главой своего семейства и дома; но прежде свѣтлый разумокъ ея не допускалъ ни до какихъ излишнихъ, несправедливыхъ требованій, а тутъ лѣтами, болѣзнями и душевными страданіями онъ былъ обезсиленъ, и они породили въ ней своенравіе и прихоти почти дѣтскія, съ коими сообразоваться, кои удовлетворять было весьма трудно.

Старшая сестра съ удивительнымъ самоотверженіемъ посвящала ей все свое существованіе, была при ней безотлучно и жила только ея жизнію. Ей было гораздо за пятьдесятъ, а она все называлась Лизанькой и находилась, какъ говорится, на побѣгушкахъ. Ею распоряжались, ее бранили, какъ дѣвочку. Но иногда старушка-мать, взявъ ее обѣими руками за голову, говорила: «сокровище мое, подпора ты моя, что бы я была безъ тебя въ моей слабости?»

Одною изъ главныхъ причинъ мрачности духа моей матери было разстроенное положеніе ея хозяйственныхъ дѣлъ. Въ 1820 году не было у нея ни одной копѣйки долгу, а тутъ не было ни одной принадлежащей ей крестьянской души, которая не была бы заложена. Какъ это случилось? Брату, когда онъ женился, необходимо было къ приданой жены его деревнѣ прикупить душъ полтора. Денегъ у него не было, онъ заложилъ собственную и уговорилъ родительницу также заложить и часть ея имѣнія. Проценты въ казну выплачивалъ онъ самъ, а долговой капиталъ пока лежалъ на ней. Къ тому же есть слабости весьма извинительныя въ женщинахъ добродѣтельныхъ: ихъ тщеславіе имѣетъ предметомъ не себя, а мужа и дѣтей. Мать наша желала, чтобы фамильное имя вѣчно любимаго, незабвеннаго супруга было прославлено сыномъ и внукомъ, носящими сверхъ того имя его, при крещеніи имъ данное. Для того ничего не щадила она, чтобъ одного поддержать на губернаторствѣ, какъ думала она, а другаго въ званіи офицера гвардіи; то и другое по стариннымъ понятіямъ ея было очень

важно. Между тѣмъ были и неурожайные годы; да и умственные силы ея нѣсколько слабѣли, а она хотѣла сама одна управлять своими дѣлами и принуждена была прибѣгать къ займамъ. И вдругъ, тотъ и другой остановились на поприщѣ: одинъ въ зрѣлыхъ лѣтахъ, другой въ первой молодости.

Я всегда былъ любимымъ ея сыномъ; нѣжность ея ко мнѣ не уменьшилась, за то ея требованія увеличились до чрезмѣрности. Живши съ нею, когда былъ гораздо моложе, я пользовался совершенною свободою въ поступкахъ; тутъ же безъ спроса не смѣлъ я отлучиться со двора. Я могъ посѣщать только тѣхъ, кои были ей угодны. Когда для поддержанія здоровья ходилъ я прогуливаться пѣшкомъ, за мной издали всегда слѣдовалъ слуга, обязанный смотрѣть, чтобы на меня кто-нибудь не наѣхалъ, или чтобы я не зашелъ въ какое-нибудь неприличное мѣсто. Впадая почти въ ребячество, и во мнѣ хотѣла она видѣть мальчика. Можно себѣ представить, какъ мучителенъ былъ для меня такой образъ жизни. Я безропотно покорялся ему и не дѣлалъ никакихъ попытокъ, чтобы отъ него освободиться, зная, что, при ея горестяхъ и хворости, малѣйшее неповиновеніе мое убьетъ ее. Мое поведеніе почти никого не удивляло и казалось самымъ естественнымъ: непреклонность родительской воли и неограниченность дѣтской покорности пока все еще сохранялись въ нравахъ.

Съ приближеніемъ зимы становилось для меня еще тягостнѣе. Остывшая кровь въ жилахъ моей матери требовала большой наружной теплоты: только лѣтнею порой и въ красные дни при началѣ осени открывались ея окна, и она любила грѣться на солнышкѣ. Но коль скоро наступала глухая осень, все закупоривалось, и она никуда не выходила изъ малой горницы, жарко натопленной, гдѣ, лежа на диванѣ, принимала барынь, посѣщавшихъ ее изъ уваженія, можно даже сказать, изъ благоговѣнія. Духота была смертная, невыносимая; а какъ было жаловаться, когда и посторонніе ее переносили? Со мной нерѣдко бывали дурнота и головокруженіе.

Въ началѣ Ноября получено печальное извѣстіе о кончинѣ императрицы Маріи Ѳеодоровны. Государь успѣлъ еще пріѣхать изъ арміи, чтобы закрыть ей глаза. Благотворная дѣятельность сей незабвенной женщины почти ежегодно населяла наши внутреннія области примѣрными супругами и матерями. Воспитанныя подъ ея личнымъ наблюденіемъ дѣвцы, вмѣстѣ съ хорошею образованностію наученныя всему доброму, распространяли добрые нравы въ семействахъ, въ кои возвращались. Страждущее человѣчество было также предметомъ ея неуспяныхъ заботъ. Изъ множества примѣровъ выберу я одинъ на поддержку. Въ Маріинской больницѣ лежалъ одинъ старый бѣдный мѣща-

нинъ. У него антоновъ огонь показался на ногѣ, ее слѣдовало отнять; но онъ не соглашался и хотѣлъ такъ умереть. Императрица подошла къ его постелѣ и, желая спасти его жизнь, стала увѣщевать къ выдержанію страшной операци. «Матушка, кабы при тебѣ: я бы, кажется, выдержалъ». Оборотясь къ доктору, спросила она, когда думаютъ къ тому приступить.—Да завтра поутру; позже будетъ опасно.—«Буду», сказала она и сдержала слово. Страдалецъ и тѣмъ не былъ доволенъ и требовалъ, чтобы, во время мученій его, она дозволила бы ему держать ея руку. Она согласилась и на то. Пусть сыщутъ гдѣ-нибудь примѣръ такого мужественнаго человѣколюбія!

Въ концѣ Ноября изъ Москвы былъ я извѣщенъ, что тамъ, наконецъ, получено предписаніе назначенныя мнѣ въ пособіе три тысячи рублей ассигнаціями выдать изъ Московскаго уѣзднаго казначейства. Это подало мнѣ новыя мысли. Я подумалъ: «малый остатокъ сбереженныхъ мною денегъ отъ Керченскаго жалованья присоединивъ къ этой суммѣ, могу я нѣсколько мѣсяцевъ, даже болѣе полугода, провести пріятнымъ образомъ въ Москвѣ на свободѣ; а тамъ что Богъ дастъ, ворочусь опять въ Пензу, поступлю рѣшительнѣе, зарююсь въ деревнѣ у брата и тамъ, по крайней мѣрѣ, обрѣту покой».

Чтобы получить дозволеніе моей матери, мнѣ непременно нужно было скрыть отъ нея мои намѣренія. Я представилъ ей желанія и надежды, коихъ вовсе не имѣлъ, заговорилъ о вступленіи въ службу и безъ затрудненій получилъ ея благословеніе и согласіе.

Итакъ 9-го Декабря отпустила она меня, а 12-го числа прибылъ я въ Москву.

Не смотря на глубокой трауръ по императрицѣ, въ Москвѣ продолжались собранія и вечеринки; только танцевъ еще не было. Но съ Рождества начались балы и спектакли. Въ Петербургѣ дворъ такъ сильно пристрастился къ симъ увеселеніямъ, что въ лишеніи ихъ видѣлъ для себя жестокою обязанность и въ нѣжномъ состраданіи допускалъ ихъ въ другихъ городахъ. Москву нашелъ я въ прежнемъ видѣ, который, кажется, потому не долго она сохраняла. Все также въ широкихъ размѣрахъ, все тоже хлѣбосолецтво безъ изысканности, все также многочисленная, лѣнивая и неопрятная прислуга, зловоніе также наполняло переднія. Однимъ словомъ, старая столица все еще была безпечна, весела и казалась счастливою. Въ послѣдствіи, частыя посѣщенія двора, облегченіе средствъ къ сообщенію съ Петербургомъ болѣе сблизили ее съ нимъ и измѣнили оригинальность ея характера.

Меня взяло раздумье. Время шло для меня быстро, незамѣтно, среди разбѣянной жизни, отъ которой я начиналъ уже уставать. Кончился 1828 годъ, начался 1829 и наступилъ уже Великій постъ. Я жилъ

почти даромъ, издержекъ у меня было мало, исключая экипажа, что обходилось тогда довольно дешево и, по моимъ разчетамъ, я могъ бы продлить мое пребываніе въ Москвѣ до осени. А тамъ.... подымался передъ мной ужасный призракъ Пензы. Мысль объ обманутыхъ надеждахъ моей матери также меня мучила.

Тутъ вспомнилъ я лестныя предложенія Закревскаго, когда онъ еще не былъ министромъ, и рѣшился писать къ нему. По слухамъ, Нижегородскаго гражданскаго губернатора, Ивана Семеновича Храповицкаго, съ тѣмъ же званіемъ, переводили въ Петербургъ, и я сталъ проситься на его мѣсто. Я недолго дождался отвѣта: министръ въ самыхъ любезныхъ выраженіяхъ предлагалъ мнѣ пріѣхать въ Петербургъ, ибо по заочности будто бы нельзя было ничего сдѣлать. Сестра присовѣтовала мнѣ воспользоваться случаемъ, и я, не задумавшись, ни съ кѣмъ не простясь, 23-го Марта отправился опять искать счастья.

Снѣгъ лежалъ еще на новомъ шоссе, по приказанію Государя быстро устроенномъ до Твери, и я каретку свою долженъ былъ поставить на полозья. Далѣе, до станціи Хотиловской, саннымъ путемъ было еще лучше; но оттуда уже я тащился почти по голой землѣ. Въ Валдаѣ, гдѣ опять начиналось шоссе, совсѣмъ обнаженное отъ снѣга, долженъ былъ я остановиться, чтобы сдѣлать кой-какія починки и бросить полозья. Тогда уже я шибко поѣхалъ до самаго Петербурга, куда и прібылъ 27-го Марта передъ вечеромъ.

XII.

Странное дѣло! Въ который разъ Петербургъ встрѣчалъ меня не удачами?

На другой день по пріѣздѣ постѣпшилъ я въ мундирѣ къ Закревскому и былъ имъ тотчасъ ласково принятъ, но съ перваго слова получилъ отъ него отказъ. Въ Нижнемъ-Новгородѣ, по словамъ его, долженъ быть губернаторомъ богатый человѣкъ, ибо нигдѣ для этого мѣста не требуется болѣе представительности. Къ тому, прибавилъ онъ, самъ Государь на сіе мѣсто выбралъ Бибикова.

«Да развѣ нѣтъ другихъ губерній въ Россіи?» сказалъ онъ мнѣ, «вотъ-таки теперь открывается вакансія въ Екатеринославѣ». — Я бы не желалъ», отвѣчалъ я, «возвращаться въ Новороссійскій край». — «Повимаю, сказалъ онъ, вы не поладили съ Воронцовымъ; ну что за бѣда, не бойтесь, мы васъ отсюда не выдадимъ». Это меня изумило: по послѣднимъ словамъ Воронцова въ Одессѣ, я почиталъ ихъ въ тѣснѣйшей связи. Я объяснилъ ему, что мнѣ желательнѣе начальствовать тамъ, гдѣ нѣтъ генераль-губернатора и находится подъ непосредственнымъ,

милостивымъ его начальствомъ и покровительствомъ. Это ему полюбилось, и онъ сказалъ: «Хорошо, да только въ такомъ случаѣ надобно будетъ немного подождать. А покамѣстъ вы у меня навѣдывайтесь, навѣщайте меня, только съ условіемъ, безъ мундира, а во фракѣ, какъ вы посѣщаете другихъ знакомыхъ вашихъ» Все это казалось довольно ободрительнымъ.

Быль я у Блудова, но не охотно согласился онъ говорить за меня Закревскому. Они оба въ Валахїи и за Дунаемъ служили нѣкогда при графѣ Каменскомъ и играли тамъ важныя роли; и хотя не было между ними несогласій, а еще менѣе вражды, но совершенная разность въ характерѣ и воспитаніи никогда не допускала ихъ сойтись между собою. Изъ уваженія къ памяти перваго благодѣтеля своего, Каменскаго, Закревскій сохранилъ связи съ двоюроднымъ братомъ его, Александромъ Александровичемъ Поликарповымъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и своякомъ Блудова. Его сей послѣдній просилъ объясниться на мой счетъ съ Закревскимъ. Тотъ изъяснилъ удивленіе и сожалѣніе о томъ, что будто бы я его бросилъ, и поручилъ пригласить меня въ слѣдующій день къ себѣ на вечеръ, часовъ въ восемь.

Это было въ Пятницу на Святой недѣлѣ. Мнѣ сказали, что у министра какая-то тайная конференція съ министромъ двора, княземъ Волконскимъ, и пока провели внизъ, гдѣ принимались просители. Прождавъ около часа и слыша, какъ кареты подъѣзжаютъ къ крыльцу и отъѣзжаютъ отъ него, я послалъ опять доложить о себѣ; мнѣ велѣно было на другой день въ двѣнадцать часовъ утра. Это было ужасно обидно и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ странно, что изъ любопытства узнать, чѣмъ это все кончится, принудилъ я себя поѣхать и на другой день. Я вошелъ въ комнату, аудіенцъ-камеру, наполненную просителями всякаго рода и состоянія. Скоро явился и самъ министръ; принимая прошенія и коротко отвѣчая на нихъ, онъ раза два прошелъ мимо меня, будто меня не замѣчая; наконецъ къ послѣднему подошелъ ко мнѣ и спросилъ: что вамъ надобно? Я взглянулъ на него съ удивленіемъ и отвѣчалъ: «Мнѣ? Ничего. Вы приказали мнѣ вчера явиться къ вечеру, потомъ сегодня поутру, и я явился, дабы узнать что вашему высокопревосходительству угодно». Въ примѣтномъ замѣшательствѣ промолвилъ онъ: «Да вѣдь нынѣ еще Святая Недѣля; Христось воскресъ!» «Во истину», отвѣчалъ я, и мы облобызались. Потомъ повелъ онъ меня въ боковую комнату, гдѣ былъ его особый кабинетъ, и тамъ сказалъ мнѣ: «Черезъ нѣсколько дней я ѣду въ отпускъ; а вы пока напишите мнѣ записочку, въ которой скажите, что такой-то желаетъ получить губернаторское мѣсто въ такой-то и въ такой то губерніи; я положу ее въ свой портфель, не забуду ее, и когда откроется вакансія, вы

непремѣнно получите желаемое». Поблагодаривъ его за добрыя намѣренія, я отвѣчалъ, что воспользоваться ими не могу, ибо имѣю въ виду другую должность въ Петербургѣ. «Очень радъ», сказалъ онъ, «желаю вамъ счастья», и мы разстались.

Сдѣлавшись товарищемъ Шишкова, совѣстливый Блудовъ щадилъ его старость, оказывалъ всевозможное уваженіе, старался заставить его забыть прежнія литературныя ссоры, прилежно вникалъ во всѣ дѣла министерства, но, при случаѣ несогласія въ мнѣніяхъ, всегда искусно и осторожно склонялъ его на свою сторону, тогда какъ, въ силу данной ему инструкціи, онъ ежедневно могъ бы раздражать его. Впрочемъ и Шишковъ такъ ослабѣлъ, что при докладываніи ему бумагъ почти всегда засыпалъ крѣпкимъ сномъ.

Никогда почти Шишковъ не видалъ Государя; а Блудовъ, имѣя много и особыхъ порученій, нерѣдко бывалъ у него съ докладомъ.

Однажды, между разговоромъ, Государь мимоходомъ вспомнилъ, съ какимъ неудовольствіемъ видѣлъ онъ Уніатскихъ священниковъ когда онъ начальствовалъ гвардейскою бригадой въ Литвѣ. — «Какъ бы ихъ къ намъ присоединить?» сказалъ онъ. — «Дѣло трудное», отвѣчалъ Блудовъ, «надобно дѣйствовать осторожно во всемъ что касается до совѣсти и вѣры и при нашей общей вѣротерпимости. Если бы можно было открыть между ихъ духовенствомъ людей, которые бы согласились намъ способствовать, тогда бы можно ожидать успѣха». — «Да вѣдь я не тороплю», сказалъ Государь, «скоро не требую, а желаю только, чтобъ это дѣло оставалось у насъ въ виду».

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Государь, призвавъ Блудова, сказалъ ему: «пока ты ищешь людей, а я тебѣ нашелъ человѣка; на, возьми, прочитай», и вручилъ ему бумагу, четко и мелко исписанную. Въ ней изображено было все горестное состояніе Греко-уніатской церкви, ея бѣдность, ея уничиженіе, преслѣдованіе Римскихъ католиковъ и упорство, съ какимъ Уніаты стараются сохранить обряды отцовской вѣры. Пробѣжавъ ее, Блудовъ, изумленный силою слога и ясностію изложенія дѣла, воскликнулъ: «да, это точно находка; позвольте мнѣ, В. В., призвать этого человѣка и переговорить съ нимъ». — Ну дѣлай, какъ хочешь», отвѣчалъ Государь. Сія длинная записка приложена была къ коротенькой докладной запискѣ Шишкова.

Сочинителемъ ея былъ Іосифъ Симашко, Уніатскій каноникъ, сынъ бѣднаго сельскаго священника въ Кіевской губерніи, съ величайшимъ успѣхомъ учившійся въ Виленскомъ университетѣ. Карташевскій, кажется, сначала дѣйствовалъ безъ вѣдома Блудова. Съ его робостію, онъ имѣлъ въ виду только удовольствіе со временемъ нѣсколько ослабить силу Католиковъ. Въ этомъ намѣреніи склонилъ онъ министра

и его товарища поставить преграду дальнѣйшему распространенію Католицизма въ западныхъ губерніяхъ запрещеніемъ строить, подъ именемъ каплицъ (часовенъ), каменные церкви посреди Православнаго населенія. Вотъ что подадо Симашкѣ мысль и возбудило въ немъ смѣлость представить свою записку.

Иновѣрная духовная коллегія состояла изъ двухъ департаментовъ, Римско-католическаго и Греко-униатскаго. Въ каждомъ предсѣдательствовалъ митрополитъ и было по одному члену изъ епископовъ и по нѣскольку канониковъ, депутатовъ изъ епархій, отъ выборовъ на три года; въ числѣ послѣднихъ находился и Симашко. Въ ихъ общихъ собраніяхъ большинство голосовъ было всегда на сторонѣ Католиковъ, которые самовластно господствовали надъ бѣдными Уніатами. Чтобъ ихъ со временемъ присоединить къ Православію, нужно было напередъ разъединить ихъ съ Католиками. Учрежденіемъ особой Греко-униатской коллегіи положено основаніе сему по истинѣ важному предпріятію. Это было въ 1828 году, передъ самымъ отъѣздомъ Государя въ армию.

Въ тоже время отпущенъ на покой Шашковъ, и Блудовъ тогда же попалъ бы на его мѣсто, еслибы по ходатайству вдовствующей императрицы не былъ опредѣленъ министромъ просвѣщенія сынъ сердечнаго друга ся, княгини Ливенъ, человѣкъ извѣстный нравственностію и религиозными чувствами. Но онъ былъ протестантъ, и Главное Управленіе духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, какъ оно было первоначально при основателѣ его, Голицынѣ, передано было въ руки Блудова. Хотя Каргашевскій и находился съ нимъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ, но мысль о подчиненности человѣку равнаго съ нимъ чина ему не нравилась. Къ тому же оставаться директоромъ единственнаго департамента въ министерствѣ подъ главнымъ начальствомъ человѣка просвѣщеннаго, ознакомленнаго со вѣренною ему частію, умнаго, дѣятельнаго, иногда и взыскательнаго, значило бы сдѣлаться его правителемъ канцеляріи. Не прошло года, и онъ сталъ просить объ увольненіи; думали привязать его Аннинскою лентой, но онъ отъ намѣреній своихъ не отказывался.

Трудно было пріискать ему преемника въ дѣлахъ совсѣмъ особаго рода, въ которыхъ многолѣтнимъ служеніемъ пріобрѣлъ онъ великую опытность. Это дало Блудову мысль предложить мнѣ вступить въ его департаментъ пока ученикомъ и быть отданнымъ на выучку къ Каргашевскому. Тутъ не было никакого лицепріятія, желанія сдѣлать мнѣ добро: онъ зналъ, какъ съ давнихъ поръ одержимъ я былъ сильнымъ Православнымъ руссолюбіемъ и видѣлъ, что въ моемъ положеніи мнѣ было не до выбора мѣсть. Мнѣ показалось нѣсколько унизительнымъ, но я долженъ былъ согласиться. Можетъ быть, Блудовъ тогда бы еще

рѣшился представить меня въ должность директора (какого лучшаго руководителя могъ бы я имѣть?); но онъ собирався въ дорогу, опять отправлялся за границу, въ Карлсбадъ. Временно назначили Дашкова на его мѣсто, но онъ не хотѣлъ принять его безъ Карташевскаго, и сей послѣдній согласился остаться еще на нѣкоторое время. При этомъ случаѣ, чтобы пощадить мое самолюбіе, Дашковъ уговорилъ Блудова испросить мнѣ званіе вице-директора департамента съ четырьмя тысячами рублей жалованья изъ экстраординарныхъ суммъ. Конечно, это было идти изъ поповъ во діаконы; но все таки было лучше.

Въ самый день отъѣзда Государя въ Варшаву, 25-го Апрѣля, между прочими подписаны и указы о назначеніи Дашкова временно главноуправляющимъ, о моемъ вице-директорствѣ и о пожалованіи Сямашки викарнымъ Полоцкимъ епископомъ.

Болѣе недѣли послѣ царскаго отъѣзда Блудовъ не пользовался даннымъ ему отпускомъ. Онъ приводилъ къ концу нѣкоторыя дѣла, исподоволь заставлялъ меня трудиться и давалъ мнѣ изустныя наставленія. Пріятно ему было видѣть, какъ я вспыхнулъ отъ радости, когда онъ началъ мнѣ открывать тайныя предположенія на счетъ Уніи: это было такъ согласно съ моими политическими и религіозными мнѣніями. Я всегда полагалъ, что нѣтъ узъ, которыя бы крѣпче связывали между собою разные народы, одному правительству подвластные, какъ единовѣрціе, и не могъ надивиться, какъ сія простая истина не бросалась въ глаза правительственнымъ лицамъ. Даже Поляки понимали ее и, дабы ополячить Украйну, старались ее католицизировать.

Все-таки Блудовъ состоялъ еще товарищемъ министра просвѣщенія и ладилъ съ Ливеномъ, что мнѣ казалось гораздо труднѣе, чѣмъ съ Шишковымъ. Правда, онъ почти исключительно занимался особо вѣренною ему частію и мало входилъ въ дѣла просвѣщенія, но странности Ливена были невыносимы. Передъ отъѣздомъ своимъ онъ повезъ меня къ нему знакомить, дабы въ случаѣ нужды доставить мнѣ его покровительство. Передъ тѣмъ тоже самое сдѣлалъ онъ съ Карташевскимъ и съ начальникомъ отдѣленія Покровскимъ. Въ старцѣ, которому прямой станъ и генеральскіе эполеты давали еще нѣкоторый видъ бодрости, трудно мнѣ было узнать Карла Андреевича, храбраго полковника съ Егорьевскимъ крестомъ, неутомимаго танцовщика, котораго, будучи малолѣтнимъ, часто видѣлъ я въ Кіевѣ у моихъ родителей. На лицѣ его было написано благодушіе, изображающее совершенно спокойное состояніе духа, плодъ истинно-христіанскихъ чувствованій, коими былъ онъ проникнутъ. Онъ принялъ меня очень ласково, звалъ къ себѣ обѣдать когда хочу, хотя бы всякій день, но о Кіевѣ ни полслова, какъ бы избѣгая воспоминанія о прежнихъ по мнѣнію его за-

блужденіяхъ. Онъ принадлежалъ къ сектѣ Гернгутеровъ или Моравскихъ братій, Германскихъ старовѣровъ, которые крѣпко держались Аугсбургскаго исповѣданія, или, лучше сказать, по фанатизму своему и могуществу, былъ ихъ главой. Въ Остзейскихъ губерніяхъ дворянство его ненавидѣло за быстрое распространеніе сей секты между жителями: въ короткое время число сектаторовъ его стараніями отъ трехъ тысячъ возрасло до сорока. Оно могло быть вредно и для государства вообще: между Лютеранами-мужиками Православная вѣра, въ случаѣ ихъ обращенія, встрѣтила бы гораздо менѣе затрудненій, чѣмъ между этимъ отчаяннымъ народомъ. Связанный съ Ливеномъ узами службы, Блудовъ былъ имъ отменно любимъ и терпѣливо переносилъ непріятное сіе положеніе; да и серьезно сердиться на него было невозможно, а ссориться не безопасно. Я же попытался было раза два у него объѣхать; но добровольно, безъ всякой цѣли, осуждать себя на скуку и сухоядѣніе мнѣ показалось безразсуднымъ. Случалось иногда, что присланный откуда-нибудь чиновникъ, съ важнымъ порученіемъ, застанетъ его въ залѣ, громко распѣвающаго псалмы передъ наложкомъ. Онъ обернется къ нему, выслушаетъ его, но, не отвѣчая ему, продолжаетъ свою литургію и уже по окончаніи ея примется за дѣло.

Съ удовольствіемъ вспоминаю я лѣто 1829 года; оно было не холодно и не жарко, не дождливо и не сухо. Дѣла наши съ Турками шли гораздо успѣшнѣе, чѣмъ въ предшествующемъ году: весь политическій горизонтъ въ Европѣ, казался, выяснился. Слѣдствіемъ лѣченія минеральными водами въ Москвѣ было самое удовлетворительное состояніе моего здоровья; всѣ лихія болѣсти меня покинули. Голова моя была полна пріятной мысли, что я могу содѣлаться участникомъ въ полезномъ и святомъ дѣлѣ.

Для служащихъ подъ его начальствомъ Дашковъ былъ сокровищемъ: никто лучше его не умѣлъ сдѣлать службу для нихъ пріятною, особенно для тѣхъ, коихъ онъ любилъ и уважалъ; это испыталъ я тогда на себѣ. Докладовъ не принималъ онъ у себя дома, а каждую недѣлю одинъ разъ пріѣзжалъ въ департаментъ для выслушанія ихъ. По окончаніи занятій всегда проходилъ со мною мимо чиновниковъ рука объ руку, дабы показать нѣкоторое равенство между нами, и потомъ мы уѣзжали вмѣстѣ, въ его каретѣ.

Карташевскій, тоже мой начальникъ, былъ со мною взыскателемъ; но какъ же? Требовалъ, чтобы всякій день бывалъ я въ департаментѣ, а когда случится, что лѣньность мнѣ помѣшаетъ, онъ позволялъ себѣ самые учтивые, самые вѣжныя упреки. Всѣ входящія бумаги прочитывали мы вмѣстѣ. Всѣ важныя, секретныя дѣла прежняго времени для прочтенія давалъ мнѣ на домъ, вводилъ меня во всѣ таин-

ства своей части и поступалъ вмѣстѣ и братски, и учительски. Замѣтно было, что онъ спѣшилъ передать мнѣ свое наслѣдство. Ему было лѣтъ пятьдесятъ, но, будучи сухощавъ и заботливо опрятенъ, онъ казался моложе: нравственная чистота отвѣчала наружной. Главнымъ недостаткомъ его была нерѣзительность. И у меня онъ требовалъ совѣтовъ; когда же я излагалъ мнѣніе, онъ спѣшилъ опровергать его, но лишь только я отъ него отступался, какъ онъ приставалъ къ нему. Онъ былъ сынъ небогатаго дворянина Уфимской губерніи; не знаю гдѣ учился, но хорошо выучился. Женатъ былъ онъ на Надеждѣ Тимофеевнѣ Аксаковой, женщиной весьма любезной, съ которою онъ меня познакомилъ.

Князь Долгоруковъ не былъ настоящимъ министромъ юстиціи, а только управляющимъ министерствомъ, товарищемъ бывшаго министра Лобанова. Дать ему товарища значило почти тоже, что сказать: выходи вонъ. Крайне тѣмъ оскорбленный, Долгорукій не хотѣлъ допустить своего товарища къ занятіямъ по своему министерству, подъ предлогомъ, что онъ управляетъ особою, отдѣльною частію. Дашковъ повиновался, но представилъ о томъ Государю въ Варшаву. Скоро пришелъ отвѣтъ, въ которомъ, вмѣстѣ съ неприятнымъ замѣчаніемъ, объяснено, что одно для Дашкова временное назначеніе, а другое — прямая его обязанность. Чтобы изъяснить свое неудовольствіе, Долгоруковъ сталъ проситься въ отпускъ на 28 дней, получилъ его и сдалъ министерство своему товарищу. Время было каникулярное, вакантное, и у нашего временнаго начальника оставалось его довольно, чтобы часть его удѣлить занятіямъ по нашему департаменту. Но лишь только, по окончаніи срока отпуска, Долгоруковъ объявилъ о намѣреніи вступить опять въ должность, какъ былъ уволенъ отъ нея, съ оставленіемъ членомъ Государственнаго Совѣта, а Дашковъ былъ назначенъ управляющимъ министерствомъ.

Это было въ половинѣ Іюля. Тогда, озабоченный дѣлами важной и новой должности, въ которую вступалъ уже полнымъ хозяиномъ, Дашковъ объявилъ, что нашими дѣлами онъ можетъ заниматься поверхностно. Я видѣлъ его рѣдко въ министерскомъ домѣ, куда онъ переѣхалъ, Карташевскій еще рѣже, а прочіе наши сослуживцы никогда. И это продолжалось также недолго.

Всѣ рекомендаціи Блудова у Ливена имѣли большой вѣсъ. Сямъ пользуясь, Карташевскій умѣлъ понравиться министру просвѣщенія, который представилъ объ учрежденіи новаго учебнаго округа въ Бѣлоруссіи и о назначеніи его попечителемъ онаго. Указъ воспослѣдовалъ о томъ 8-го Августа. Дашковъ не почиталъ себя въ правѣ поручить мнѣ департаментъ, а представилъ о томъ въ Комитетъ Министровъ,

который, съ высочайшаго разрѣшенія, и назначилъ меня исправляющимъ должность директора.

Итакъ, не думавъ, не гадавъ, сдѣлался я почти одинъ главою департамента, который вмѣстѣ съ тѣмъ и составлялъ особое небольшое министерство. Другаго бы на моемъ мѣстѣ обрадовало, а меня испугало: я опасался, чтобы не надѣлать множества глупостей. Дашковъ гораздо болѣе имѣлъ ко мнѣ довѣренности, чѣмъ я самъ къ себѣ. Я сдѣлалъ нѣжное воззваніе къ моимъ сотрудникамъ, обратился къ ихъ опытности, и всѣ они изъявили готовность усердно мнѣ помогать.

Между Протестантскими церквами по обоимъ наименованіямъ, Лютеранскому и Реформатскому, царствовала страшная неурядица, не было единства, каждая консисторія управлялась по своему, ни въ богослуженіи, ни въ нарядѣ пасторовъ не было единообразія, а что важнѣе всего, не было главнаго правительственнаго мѣста, подобно коллегіи у Католиковъ. Для государства вообще тутъ не было никакого вреда, мнѣ кажется, была даже польза; но Ливень и Нѣмцы, которые у насъ такъ сильны, вопіяли и молили объ уставѣ для Евангелическаго исповѣданія. Одинъ видѣлъ въ томъ средство для распространенія своей секты; другіе, напротивъ, надѣялись остановить тѣмъ ея дѣйствія. Блудовъ, уступая общему желанію, испросилъ учрежденіе особаго на сей предметъ комитета, который бы производилъ свои работы подъ наблюдениемъ и руководствомъ департамента духовныхъ дѣлъ. Къ началу осени онъ долженъ былъ собраться и открыть свои засѣданія.

Подъ предсѣдательствомъ сенатора графа Тизенгаузена, комитетъ сей долженъ былъ состоять изъ нѣсколькихъ членовъ свѣтскаго и духовнаго званія. Старшими же членами назначены два епископа: одинъ домашній, единственный С.-Петербургскій епископъ Сигнеусъ, бывшій Абовскій; другой, выписной изъ Пруссіи, Померанскій епископъ Ритцль *). Одни приготовленія къ открытію комитета вовлекли насъ въ большую переписку. Надобно было видѣть, какъ нѣкоторые Протестанты, и въ особенности начальникъ Протестантскаго отдѣленія Фонъ-Поль, засуетились передъ пріѣздомъ Пруссака. Казалось, что ожидаютъ чрезвычайнаго посла отъ какой-нибудь великой державы. Для него отъ казны нанято было прекрасное помѣщеніе съ мебелью, на Англійской набе-

*) Не говоря объ Англии и объ Англиканской вѣрѣ, у Протестантовъ только въ Швеціи и Даніи сохраняется званіе епископовъ. Они тоже, что у насъ генераль-суперинтендентъ, съ равными имъ правами. Нельзя себѣ представить, до такой степени имя епископа ненавистно Лютеранамъ. У насъ всего только былъ одинъ, первый и послѣдній, Сигнеусъ, и тотъ въ семь званій переведенъ изъ Финляндіи, послѣ завоеванія ея. Король Пруссійскій, который такъ любилъ подражать всему тому, что видѣлъ въ Россіи, учредилъ въ своихъ владѣніяхъ два епископства, Бранденбургское и Померанское.

режной. Ко мнѣ приступили, чтобъ я встрѣтилъ его въ сей квартирѣ и самъ вручилъ ему деньги, назначенныя на его издержки. Разумѣется, я не согласился и предоставилъ эту честь г. Фонъ-Полю. Когда, увидѣвшись съ Дашковымъ, со смѣхомъ разсказалъ я ему о томъ, онъ отъ негодованія страшно нахмурилъ брови.

Я дождался перваго посвѣщенія г. епископа въ черномъ фракѣ. Единственнымъ украшеніемъ его былъ наперсный, золотой, совсѣмъ гладкій крестъ на черной лентѣ. Онъ мнѣ показался человѣкомъ весьма хорошимъ и благонамѣреннымъ, только при первой встрѣчѣ разсердился на меня. Я сказалъ ему, что, вѣроятно, въ его паствѣ есть много овецъ, блеющихъ по-славянски. «Охъ, нѣтъ», отвѣчалъ онъ, «въ городахъ вы ничего не услышите, кромѣ Нѣмецкаго языка; только въ деревняхъ, и то въ отдаленныхъ, еще въ употребленіи сей варварскій языкъ». Обязанность гостепріимства заставила меня замолчать.

Наконецъ мы дождались Блудова. Онъ возвратился ко дню именинъ своихъ, 21-го Сентября, и для отдыха пробывъ нѣсколько дней въ Павловскѣ, среди своего семейства, пріѣхалъ въ столицу. Онъ одобрилъ все то, что было сдѣлано во время его отсутствія, и у меня какъ гора съ плечъ свалилась.

XIII.

Полгода прошло съ тѣхъ поръ какъ я пріѣхалъ въ Петербургъ, и въ немъ ничто меня такъ не занимало какъ вступленіе мое въ службу и приспособленіе себя къ новой должности, на которую былъ назначенъ. За ходомъ дѣлъ какъ въ Европѣ, такъ и у насъ, я не слѣдилъ и, можетъ быть, тѣмъ лучше: никогда еще въ столь блестящемъ видѣ не представлялся мнѣ міръ.

И я ли одинъ былъ недалновиденъ? Совершенное спокойствіе въ настоящемъ и самыя льстивыя надежды въ будущемъ многихъ ослѣпляли. Государь съ Императрицей, послѣ коронаціи въ Варшавѣ, нѣсколько времени въ ней оставались, потомъ посѣтили родителя въ Берлинѣ и почти все лѣто провели въ путешествіяхъ.

Конецъ траурнаго срока приближался. Исполненная величія Марія Ѳеодоровна и печальные Александръ и Елисавета лежали въ могилахъ. Царская чета начала удостоивать своими посвѣщеніями частныхъ людей, разумѣется, только знатныхъ или богатыхъ. Обрадованное сею новизной, высшее общество приготавлило празднества, шумныя зимнія увеселенія. Вездѣ заблестала роскошь. Великолѣпныя казенныя зданія подымались со всѣхъ сторонъ, и театръ никогда еще не находился въ столь цвѣтущемъ положеніи. Передъ нами явились всѣ наружныя признаки народнаго благосостоянія.

Дѣла наши съ Турками шли гораздо успѣшнѣе, чѣмъ въ прошедшемъ году. Въ Азіи, перешагнувъ Саганлугъ, наши войска въ первый разъ увидѣли берега Евфрата; въ Европѣ, послѣ великой побѣды при Кулевчѣ, въ первый разъ перешли Балканъ, какъ во времена Олега подступили къ воротамъ Цареграда, и въ Адрианополѣ предписанъ былъ миръ, повидимому, самый выгодный для Россіи. Два полководца, два новые фельдмаршала, Дибичъ-Забалканскій и Паскевичъ-Эриванскій, обезсмертивъ свои имена, покрыли новою славой Русское оружіе.

Не знаю, право, какъ приступить мнѣ къ изображенію достопамятной зимы съ 1829 на 1830 годъ, когда, казалось, миръ и тишина водворились въ цѣлой Европѣ, но когда опытные люди чуяли уже приближеніе нескончаемо-бурныхъ временъ, среди коихъ мы живемъ и понинѣ; одни ожидали ихъ съ тайнымъ удовольствіемъ, другіе съ ужасомъ. Что касается до меня, то сквозь полупрозрачную повязку, покрывавшую мои глаза, мнѣ все представлялось въ радужномъ свѣтѣ: я мечталъ о благоденствіи и могуществѣ моего отечества. Долго, долго длилось сіе ослѣпленіе. Сознаю въ своемъ грѣхѣ: въ ошибочное мнѣніе мое входило много эгоизма. Быстрые успѣхи по службѣ, коихъ дотолѣ я никогда не знавалъ, заставляли меня думать, что у насъ все идетъ какъ нельзя лучше. Я почиталъ себя какъ бы въ ковчегѣ, предназначенномъ для спасенія и возрожденія рода человѣческаго, и хотя съ прискорбіемъ, но безъ страха смотрѣлъ на потопъ, готовившійся поглотить весь Западъ.

Весь политическій горизонтъ казался ясенъ, а барометръ его внимательнымъ умамъ уже показывалъ непогоду. Всегда великимъ народнымъ революціямъ въ мірѣ предшествовали сильные перевороты въ нравахъ, въ мнѣніяхъ и особенно въ словесности, которая служила вѣрнымъ ихъ изображеніемъ...

Совсѣмъ безъ умысла, съ 1823 года я уклонился отъ точныхъ свѣдѣній о томъ, что происходитъ въ Европѣ. Мой міръ заключался весь въ одной Бессарабіи, а потомъ въ Керчи. Но въ 1829 году, находясь болѣе въ сношеніяхъ съ просвѣщеннымъ міромъ, я съ новымъ, особеннымъ любопытствомъ принялся за литературу, какъ иностранную, такъ и нашу. Какимъ удивленіемъ, какимъ ужасомъ я былъ пораженъ! Тѣ, которые не переставали слѣдить за постепеннымъ развитіемъ пагубныхъ системъ, не могли того восчувствовать. Не помню въ какомъ-то журналѣ я нашелъ большіе отрывки и даже цѣлыя сцены изъ трагедіи Гернани. Вѣроятно, никто изъ насъ никогда не читалъ сочиненій Прадона и Шопелена: только ихъ имена, препрославленные въ твореніяхъ Буало, были извѣстны и мнѣ. Вдругъ мнѣ показалось, что знаменитый Викторъ Гюго взялъ ихъ манеру и присвоиваетъ се-

бъ ихъ стихи; но нѣтъ, журналы не на смѣхъ ихъ напечатали и перевозносятся до небесъ. Случилось мнѣ также прочесть двухъ извѣстнѣйшихъ тогда поэтовъ, Казимира де-Лавиня и Ламартина: какая сила въ воображеніи и въ выраженіяхъ! Но замѣтна уже была порча въ стихотворномъ языкѣ, и я нашелъ какое-то отсутствіе благородства. Ссудили меня также романами; героемъ перваго былъ Ганъ Исландскій, болѣе медвѣдь, чѣмъ человекъ. Во второмъ *Les Mauvais Garçons*, коего авторъ скрывалъ себя подъ именемъ Библиофила Жакоба, представлены не ужасы, а всѣ пакости, всѣ мерзости неурядицы, бывшей нѣкогда во Франціи. Въ какомъ отвратительномъ видѣ является тутъ человечество! Все злодѣи или мошенники; первые, разумѣется, въ блистательномъ видѣ. Искусства много, и содержаніе такъ занимательно, что, не смотря на чувствуемую тошноту, я дочиталъ до конца.

Болѣе полутора ста лѣтъ какъ мы живемъ чужимъ умомъ, подражая, передразнивая Европу. До временъ Екаторины всѣ тѣ, кои имѣли притязаніе на просвѣщеніе, говорили и писали по-нѣмецки. При ней показался Французскій языкъ; его произведеніями сперва плѣнилась знать, за нею всѣ молодые благовоспитанные люди. На Парнасѣ тогда господствовалъ Вольтеръ съ собратіей, и объ столицы наши наполнились безбожниками. Послѣ революціи, прибывшіе къ намъ, бѣжавшіе отъ нея маркизы и аббаты начали опредѣляться у насъ наставниками къ дѣтямъ. Наученные опытомъ и несчастіемъ, они обратились къ вѣрѣ и стали воспитанникамъ своимъ проповѣдывать христіанство и монархизмъ. Такъ продолжалось до 1815 года, хотя и въ этотъ промежутокъ времени являлись республиканцы, только въ небольшомъ числѣ, для занятія учительскихъ должностей въ частныхъ домахъ и казенныхъ заведеніяхъ. Съ помянутаго же года Россія начала входить въ болѣе частыя и тѣсныя сношенія съ Западомъ. Галлогерманизмъ съ двойною силой началъ дѣйствовать на читающую у насъ публику, а Нѣмецкія философическія бредни увлекать умы учащихся въ университетахъ.

Отъ театра я почти отвыкъ и рѣдко его посѣщалъ. А никогда еще на него не тратилось такъ много денегъ, никогда еще костюмы, декорации и представленія балетовъ не были такъ великолѣпны, Французская и Русская труппы никогда еще не были такъ многочисленны. Но трагедія и высшая комедія совсѣмъ были брошены; ихъ замѣнили такъ называемыя мѣщанскія драмы и комедіи (*comédies bourgeoises*); особенно же изобиловали мелодрамы и водевили; однимъ словомъ, трогательное или умно-забавное должно было уступить мѣсто ужасному и отвратительному, или непристойно-шутовскому. Это было мнѣ не совсѣмъ по вкусу.....

Уже нѣсколько лѣтъ какъ молодой Каратыгинъ блисталъ на Русской сценѣ въ трагическихъ роляхъ. Природа сама сложила его для нихъ: мужественный голосъ и лицо, высокій и красивый станъ, все дала она ему. Но дала ли она ему способности? Если нѣтъ, то онъ умѣлъ приобрести ихъ прилежнымъ изученіемъ своего искусства и благодаря совѣтамъ умной, образованной и достаточной жены. По ея желанію, съ нею ѣздилъ онъ въ Парижъ, и тамъ, дивясь Тальмъ, какъ переимчивый Русскій, удачно старался подражать ему. Но увы, время классицизма прошло, и онъ могъ только изумлять насъ въ чудовищныхъ роляхъ. Жена его тоже имѣла много таланту въ благородныхъ роляхъ, только картавый выговоръ много вредилъ ей. Старшая Семенова сошла со сцены и вышла за князя Гагарина; меньшая Нимфодора продолжала все еще плѣнять въ маленькихъ операхъ. Сосницкій, хотя уже весьма въ зрѣлыхъ лѣтахъ, игралъ еще молодыхъ людей въ комедіяхъ. Дюръ, славный буфъ, былъ еще молодъ, но вскорѣ потомъ умеръ. Ворониковъ былъ уморителенъ, когда игралъ деревенскихъ дурачковъ и создалъ роли Филатовъ. Прочіе были все прежніе актеры; а изъ новыхъ, право, назвать некого.

Переходя изъ одной крайности въ другую, я охолодѣлъ къ Французскому театру: онъ опротивѣлъ мнѣ, и я никогда почти его не посѣщалъ. И оттого могу только припомнить себѣ и говорить здѣсь о двухъ главныхъ лицахъ тогдашней труппы. Я уже разъ назвалъ Жениеса; мнѣ случалось видѣть его въ обществѣ; это былъ самый несносный Французъ, за то на сценѣ достоинъ бы онъ былъ играть одинаковыя роли съ Тальмою. Мадамъ Виржини Бурбье, красивая собою, также создана была играть Селименъ и Эльмиръ; но все это уже было брошено.

Только одинъ Итальянскій театръ меня тогда еще притягивалъ. Года за два передъ тѣмъ поручено было меломану, знатоку въ музыкѣ и самому артисту, графу Михаилу Вельгорскому на казенный счетъ выписать изъ Италіи пѣвцовъ и пѣвицъ, и онъ сдѣлалъ сіе удачно и дешево. Но такъ какъ это былъ одинъ только высшій капризъ, то первую зиму желаніе угождать, новизна, мода, заставляли лучшее общество посѣщать представленія оперъ плодovitаго и разнообразнаго Россини, который тогда былъ неистощимъ...

ЗАПИСКИ Ф. Ф. ВИГЕЛЯ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

I. Послѣ Наполеона.—Ссылка А. С. Пушкина.—Семеновская исторія.—П. Я. Чаадаевъ.....	3
II. Племянникъ.—Москва въ 1820 году.—Крестинъ.....	21
III. Верченія въ Михайловскомъ замкѣ.—Закрытіе ложъ.—Паденіе Бетанкура.....	34
IV. Герцогъ Александръ.....Исакиевскій соборъ.—Каталанп.—Литература.....	46
V. Женитьба брата.—Е. Ф. Канкринъ.—Дибичъ.—Фотій.—К. Я. Булгаковъ.—Бессарабія (1823).....	57
VI. Липецкъ.—Кіевъ.—Графиня Браницкая.—Новороссія.....	73
VII. Одесскія власти.—Бруновъ.—А. С. Пушкинъ.—У адмирала Грейга.....	89
VIII. На пути въ Кишиневъ.—Кишиневскія власти.—М. Θ. Орловъ.—И. П. Липранди.....	101
IX. Польскіе Атриды.—Графиня Эдлингъ.—Одесскій театръ.—Виттъ.—Северинъ Потоцкій.....	118
X. Бессарабскія дѣла.—Царане.—И. Н. Инзовъ.—Полихронія.....	139
XI. Князь Кантакузинъ.—Поѣздка къ Австрійской границѣ.—Разбой.....	155
XII. Раевскіе.—Вторая ссылка А. С. Пушкина.—Консулъ Томà.....	168
XIII. Озлобленіе Молдаванъ.—Французы въ Кишиневъ.—Графъ Кочубей на Югъ (1824).....	175
XIV. Желтухинъ.—Вице-губернаторство.....	190

ЗАМѢЧАНІЯ НА СОСТОЯНІЕ БЕССАРАБІИ.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ.

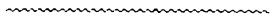
I. Конецъ Александрова царствованія.—Дамская колонія въ Крыму.—Чума.—Торги на откупъ.—Рознаванъ и Гйка.—В. Θ. Тимковскій.....	59
II. Поѣздка по Бессарабіи.—Иностранныя поселенія.—Одесса (Ноябрь 1825).....	57

III. Характеристика Александра Павловича.—Междупарствіе.—Пріемы Воронцовскаго управленія.....	74
IV. Поѣздка въ Петербургъ.—Глазная болѣзнь.—Осень 1826.....	88
V. Н. М. Карамзинъ.—Д. Н. Блудовъ.—Графъ Бенкендорфъ.—Племянникъ Алексѣевъ.—Графъ Закревскій.—Сборы въ Керчь.—Представленіе Николаю Павловичу.....	100
VI. Москва въ 1827 году.—Тухачевскіе.—Харьковъ.—Екатеринославъ.—Симферополь.—Ѳеодосія.....	132
VII. Синельниковъ.—Керченскіе чины.—Жизнь въ Керчи.—Графъ Ѳ. П. Паленъ.....	152
VIII. Одесса въ 1827 году.—Собаньская.—Н. В. Сушковъ.—Спада..	175
IX. Ю. М. Кульчинская.—В. А. Перовскій.—Отставка.—(Весна 1828).—Царская чета въ Одессѣ.—Стемпковскій —Преимущества Ѳеодосіи.....	197
X. Подъ Тулою.—Москва въ 1828 году.—Англійскій клубъ.—Князь Д. В. Голицынъ.....	227
XI. Поѣздка въ Пензу.—Одрыхленіе матери.....	239
XII. Въ Петербургъ.—Новыя власти.—Поступленіе на службу въ Департаментъ Иностранныхъ Исповѣданій....	243
XIII. Передъ Польскимъ мятежемъ.—Театръ въ Петербургъ.....	251

ЗАПИСКА О КЕРЧИ.

РОДОСЛОВНАЯ ВИГЕЛЕЙ И ПАНЧУЛИДЗЕВЫХЪ.

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

К Е Р Ч Ъ.

СОЧИНЕНІЕ

Ф И Л И П А Ф И Л И П О В И Ч А
В И Г Е Л Я.

(1827).

П Р И Л О Ж Е Н І Е

къ седьмой части его Записокъ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи, Страстной бульваръ.

1893.

*

Записка эта въ первый разъ напечатана, безъ имени сочинителя, въ I-й книгъ Читеній Императорскаго Общества Исторіи и Древностей при Московскомъ Университетѣ 1864 года, но по списку невѣрному и неполному. П. Б.

ЗАПИСКА О КЕРЧИ.

I.

Есть мѣсто въ міръ, почти совсѣмъ неизвѣстное, или, лучше сказать, почти совсѣмъ забытое, но не менѣе того примѣчанія достойное. Въ семь мѣстѣ, кажется, какъ будто Европа и Азія хотятъ соединиться и тѣмъ воспрепятствовать соединенію двухъ морей, Чернаго и Азовскаго. Кажется, какъ будто въ семь намѣреніи идутъ пространныя равнины, однѣ отъ подошвы Кавказа, а другія отъ подошвы горъ Таврическихъ, и тамъ, гдѣ бы имъ почти сойтись, онѣ отдѣляются Босфоромъ Киммерійскимъ или просто Босфоромъ (ибо Фракійскій знаютъ гораздо болѣе подъ именемъ Константинопольскаго пролива). Такъ-то образуются два полуострова, Керченскій и Таманскій. Сіи послѣдніе предѣлы двухъ частей свѣта, раздѣленные природою, были нѣкогда соединены подъ однимъ правительствомъ и составляли одно царство, не весьма обширное, но долго существовавшее и въ древнія времена весьма извѣстное по образованности и промышленности его жителей, по торговому и вмѣстѣ по воинственному ихъ духу, который въ нихъ сохранялся и выгодами ихъ положенія между морей, и опасностями онаго, ибо со всѣхъ сторонъ было окружено многочисленными хищными варварами.

Тѣмъ, кои чтеніемъ почтять сію Записку желаемъ мы вкратцѣ пересказать все, что знаемъ объ древней исторіи и географіи сей земли, представить потомъ нынѣшнее положеніе ея и объяснить, наконецъ, надежды наши на будущее ея благосостояніе. О давнопрошедшемъ почерпнули мы свѣдѣнія наши не изъ Страбона, Скилакса, или Перпила, безымяннаго автора, не изъ Де-Боза, Вальяна, Кари, или Рауля-Рашета, которые въ новѣйшія времена объясняли древности Босфора (ихъ творенія не имѣли мы еще ни случая, ни возможности достать), но мы слѣдовали тому, что читали въ сочиненіяхъ новѣйшихъ нашихъ соотечественныхъ авторовъ, которые ссылаются на вышесказанныхъ писателей, и тому, что слышали отъ г. Бларамберга, почтеннаго и любезнаго археолога и нумизмата, который остатокъ дней своихъ посвятилъ ученымъ пзысканіямъ о семь краѣ, и все, что о томъ писано, знаетъ наизусть.

Иные сочтутъ, можетъ быть, бесполезнымъ знать то, что происходило здѣсь въ отдаленнѣйшія эпохи исторіи, тогда какъ прежнее положеніе сей

земли не имѣеть ничего общаго съ настоящимъ, когда протекли вѣка и все перемѣнилось въ мѣрѣ, когда открытіе Америки и новаго пути въ Индію и вообще успѣхи просвѣщенія дали новое направленіе торговлѣ. Сіе замѣчаніе, конечно, будетъ справедливо; но при видѣ обнаженныхъ степей тамъ, гдѣ были храмы и вертограды и безмолвія могилы тамъ, гдѣ были жизнь и движеніе, да позволено намъ будетъ стараться возбудить участіе и вниманіе къ сими опустѣвшимъ, нѣкогда цвѣтущимъ мѣстамъ. Конечно, послѣ сдѣланнаго нами выше сего признанія, не стануть подозрѣвать насъ въ намѣреніи щеголять ученостію, которой не имѣемъ.

Одна Греческая колонія, весьма извѣстная, Милеть, въ Іоніи, была уже за шестьсотъ лѣтъ до Рождества Христова довольно богата, сильна и многочисленна, чтобы самой основывать новыя колоніи. Она послала избытокъ своего населенія на Азіатскій берегъ Босфора, а на Европейскій другихъ поселенцевъ, нѣсколько лѣтъ спустя послѣ того: вотъ начала Фанагоріи въ Азіи и Пантикапеи въ Европѣ. Сіи два сосѣдственные, новорожденные города-близнецы, безъ зависти, безъ междоусобія, съ самаго начала бытія своего, старались превзойти другъ друга въ успѣхахъ мореплаванія, торговли и въ военномъ искусствѣ, дабы защититься отъ окружающихъ ихъ Скивовъ. По примѣру другихъ городовъ праматери своей Греціи, они имѣли народное правленіе и по опредѣленнымъ временамъ избираемыхъ правителей, судей и военачальниковъ, и цѣли въ тишинѣ, или, по крайней мѣрѣ, въ безызвѣстности. Сіе причиною было, что происшествія, ознаменовавшія первые годы ихъ существованія, и самое названіе правителей Пантикапеи, не дошли до свѣдѣнія потомства. Извѣстно только, что Фанагорія управлялась *Археанактидами*; но какія были границы ихъ власти, на сколько времени избирались они, сдѣлались ли ихъ права, наконецъ, наслѣдственными и когда, сего также не знаютъ. Достоверно то, что одинъ изъ сихъ Археанактидовъ, *Спартакъ* или *Спартакосъ*, управляя Фанагоріей десять лѣтъ, распространилъ въ теченіе сего времени власть свою и завоеванія, переплылъ черезъ проливъ, овладѣлъ Пантикапеей, кою и назначилъ быть столицей, украсилъ вѣнцомъ чело свое, объявилъ себя царемъ и былъ основателемъ царства Босфорскаго или Воспорскаго. Вѣроятно, имѣя духъ властолюбивый и предприимчивый, онъ насильственно овладѣлъ Фанагорійцами, своими соотечественниками; но что Пантикапейцы недобровольно ему покорились, сіе доказывается ихъ защитою и его завоеваніемъ. Его царствованіе началось въ 439 году до Рождества Христова и продолжалось 17 лѣтъ: десять въ Фанагоріи и семь въ Пантикапеей. Ему наслѣдовалъ сынъ его *Селевкъ*.

Съ сего времени исторія Веспора дѣлается извѣстнѣе сношенія его съ Греціей становятся чаще и связи тѣснѣе. Діодору Сицилійскому обязаны первые владѣтели Веспора спасеніемъ именъ ихъ и дѣяній отъ забвенія. Нельзя сказать, чтобы владѣтели сіи мелькали только на престолѣ Воспорскомъ, ибо нѣкоторые изъ нихъ царствовали болѣе сорока лѣтъ; но какъ немногіе отличаются особенными чертами характера, и царствованія немногихъ ознамено-

ваны чрезвычайными происшествіямъ. то довольно будетъ сдѣлать пмя, такъ сказать, поименный списокъ, выбравъ потомъ изъ нихъ тѣхъ только, коихъ память дѣйствительно заслуживаетъ быть сохранена.

Послѣ *Селевка*, втораго царя Веспорскаго, былъ 3-й *Спартакъ II-й*, потомъ 4-й *Сатиръ I-й*, 5-й *Левконъ*, 6-й *Спартакъ III-й*, 7-й *Перисадъ*, 8-й *Сатиръ II-й*, 9-й *Пританъ*, 10-й *Эвмилъ*, 11-й *Спартакъ IV-й*. Всѣ сіи цари династіи Спартака I-го. Изъ нихъ пмя *Левкона* останется навсегда извѣстнымъ по Демосѣеновой рѣчи противъ Лентина, гдѣ онъ называетъ его благодѣтельнымъ другомъ Аѳинской республики. Онъ имѣлъ право гражданства въ Аѳинахъ, и увѣряють, что въ Пантикапей былъ воздвигнуть мраморный столбъ, на коемъ былъ начертанъ дружественный союзъ Левкона съ Аѳинянами. Сей царь былъ законодателемъ Веспора и распространилъ его предѣлы, завоевалъ древнюю Θεодосію, которая была верстахъ въ 40 на Западъ отъ нынѣшней. Онъ велъ значительный торгъ хлѣбомъ съ Греціей и, по словамъ Страбона, изъ одной Θεодосіи вывезено въ Аѳины въ царствованіе его милліонъ сто тысячъ медимновъ жита, то-есть 550 т. нашихъ четвертей.

Перисадъ царствовалъ долго, счастливо и мудро и по смерти своей поданными своими былъ сопричтенъ къ сонму боговъ. Онъ оставилъ престолъ тремъ сыновьямъ своимъ, выше сего поименованнымъ, Сатиру II-му, Притану и Эвмилу. Изъ нихъ меньшій былъ честолюбивый властелинъ, искусный воинъ и тиранъ кровожадный. Онъ съ помощію варваровъ воевалъ противъ братьевъ своихъ, кои, одинъ послѣ другаго, пали въ битвахъ, овладѣлъ престоломъ и, не довольствуясь смертію ихъ, обагрился кровію ихъ женъ, дѣтей и приверженцевъ. Но онъ царствовалъ искусно, славно и мечталъ о покореніи всѣхъ береговъ Чернаго моря, когда испуганные кони опрокинули его изъ колесницы и убили его. *Эвмилу* наслѣдовалъ сынъ его *Спартакъ IV-й*, послѣ коего исторія Веспора дѣлается неизвѣстною на 160 лѣтъ отъ потерянныхъ мѣствъ въ Діодорѣ. Послѣдній царь Спартакова рода, другой *Перисадъ*, со всѣхъ сторонъ тѣснимый варварами, добровольно уступилъ престолъ свой великому Митридату, царю Понтскому, который, къ наслѣдственнымъ владѣніямъ присоединивъ многія земли вдоль по восточному берегу Чернаго моря, сдѣлался близкимъ сосѣдомъ Веспора.

Царствованіе Митридата дѣлитъ на двое исторію сего края. До него государство сіе хотя и не было обширное, но пользовалось политическою независимостію, которую послѣ него утратило при его преемникѣ и хоти долго еще называлось царствомъ, но дѣйствительно было ни что иное, какъ Римская провинція.

Митридатъ-Евпаторъ, шестой въ Понтѣ и первый по имени въ Веспорѣ, былъ, какъ извѣстно всѣмъ, кто знаетъ исторію, мощный и лютый врагъ Рима. Послѣ сорокалѣтней съ нимъ борьбы, побѣжденъ будучи Пом-

пеемъ въ Малой Азіи, онъ бѣжалъ въ Веспорскую свою столицу, съ новыми замыслами противъ ненавистнаго ему народа. Отсюда хотѣлъ онъ предпринять походъ черезъ Скиѣю и Паннонію, побѣждая или увлекая съ собою всѣ встрѣчающіяся ему дикія племена и уже мысленно грозилъ истребленіемъ державному, вѣчному граду; но здѣсь судьба положила предѣлъ его жизни и славы. Счастіе, подданные и дѣти, все ему измѣнило; первая Фанагорія возстала противъ побѣжденнаго героя, за нею Херсонъ, Θεодосія, Нимфея отложились отъ него; наконецъ, въ Пантикапеемъ однимъ утромъ, при восхожденіи солнца, увидѣлъ онъ съ горы, доселѣ носящей его имя и гдѣ стояли чертоги его, въ нижней части города, мятежное войско свое подъ предводительствомъ Фарнака, своего сына. Тогда рука одного любимца изъ состраданія избавила его отъ жизни.

Сіе происшествіе, прославившее то мѣсто, на которомъ теперь живемъ и сіе пишемъ, случилось въ 65-мъ году до Рождества Христова.

Тѣло Митридата, посланное отцеубійцею Фарнакомъ въ даръ Помпею, было съ честію предано землѣ въ Синопѣ, Понтской его столицѣ, а *Фарнакъ* утверждень Помпеемъ на престолѣ Веспорскомъ. Но, пользуясь возникшими потомъ междоусобіями въ Римѣ, онъ овладѣлъ и Понтомъ; вскорѣ же потомъ Юлій Кесарь, явившись послѣ Фарсальской битвы въ Малой Азіи, заставилъ бѣжать его въ Пантикапею, гдѣ оставленный имъ намѣстникомъ *Асандръ* встрѣтилъ его кинжаломъ и вмѣсто его воцарился.

Владычество *Асандрово* было продолжительно, съ начала подъ названіемъ этнарха, а потомъ царя, всего 34 года, отъ 40-го до 6-го года до Рождества Христова. Но оно съ начала было потревожено *Митридатомъ II-мъ* Пергамскимъ, коего Юлій Кесарь, наименовавъ царемъ Веспорскимъ, послалъ противъ Асандра, а сей побѣдилъ его. Послѣ же того, умѣвъ угодить Августу, Асандръ былъ утверждень имъ въ царскомъ достоинствѣ. Наконецъ, узнавъ, что Скрибоній посланъ Августомъ начальствовать надъ войсками въ Веспорѣ, лишилъ себя жизни голодомъ, какъ утверждаютъ, но вѣроятнѣе умеръ отъ старости (ибо ему было за 90 лѣтъ).

Прибывъ въ Веспоръ, *Скрибоній* женился на Динамисѣ, вдовѣ Асандра и дочери Фарнака, и объявилъ себя царемъ. Агриппа, бывший тогда въ Малой Азіи, послалъ противъ него *Полемона*, царя части Понта и Малой Арменіи и сына ритора Зенона. Скрибоній былъ умерщвленъ прежде прибытія Полемона, а сей послѣдній встрѣтилъ сопротивление въ народѣ и долженъ былъ побѣдить его.

По смерти Полемона, шестаго Веспорскаго царя по Митридатѣ (если считать Митридата II-го и Скрибонія) были слѣдующіе цари, извѣстные только по оставшимся медалямъ: 7-й *Савроматъ I-й*, 8-й *Гепатирисъ*, супруга предшествующаго, 9-й *Рискупоръ I-й*, 10-й *Полемонъ II-й*. Сей послѣдній, возведенный на престолъ Калигулою, долженъ былъ, по повелѣнію Клавдія, усту-

пять его 11-му *Митридату III-му*, потомку Великаго, который, прибывъ въ Воспоръ, нашелъ тронъ свой уже занятымъ 12-мъ *Котисомъ I-мъ*, братомъ своимъ.

Вотъ продолженіе списка сихъ царей:

13-й *Рискупоръ II-й*, при Домиціанѣ, въ 83-мъ году по Р. Х.

14-й *Савроматъ II-й*, при Адрианѣ.

15-й *Котисъ II-й*, тоже при Адрианѣ, который, изъ особеннаго къ нему благоволенія, подчинилъ ему Херсонъ и другія мѣста въ Тавридѣ.

16-й *Римиталкъ*, тоже при Адрианѣ, въ 132 году по Р. Х. По смерти сего императора онъ былъ изгнанъ

17-й *Эпаторомъ*, Антониномъ на царствѣ утвержденный.

18-й *Савноматъ III-й* и }
19-й *Рискупоръ III-й* } при Коммодѣ.

20-й *Котисъ III-й* при Каракаллѣ и Гетѣ.

21-й *Котисъ IV-й*.

22-й *Иминтимій*, при Александрѣ-Северѣ.

23-й *Рискупоръ IV-й*, при Гордіанѣ, Филиппѣ и до Галіана.

24-й *Тиранъ*, при Пробѣ.

25-й *Тоторсъ*, при Діоклитіанѣ, слѣдственно, уже въ концѣ третьяго столѣтія по Р. Х.

Всѣхъ сихъ владѣтелей Воспора, вышепоименованныхъ и послѣдующихъ, можно почитать болѣе губернаторами, чѣмъ царями. Царствованіе большой части изъ нихъ извѣстно только по медалямъ, въ великомъ множествѣ отрываемымъ близъ мѣстъ, коими они управляли. На одной сторонѣ видно изображеніе современнаго императора, а на другой владѣльца Воспорскаго, съ надписью: иногда *архонтосъ*, иногда *василевсъ* то есть, старѣйшина или царь. Въ самыхъ посланіяхъ своихъ императоры Римскіе называли ихъ *regulus*, уменьшительное *rex*, то есть, корольками. Однимъ словомъ, ихъ можно примѣнить къ ханамъ Биргизъ-Кайсацкихъ ордъ, утверждаемыхъ нашимъ Государемъ, и кои въ Омскѣ, или Оренбургѣ, украшаются богатымъ одѣяніемъ, шапкою и саблею, отъ нашего двора имъ даруемыми; или къ малозначущимъ князьямъ, коихъ чрезъ каждыя семь лѣтъ Порты посылаетъ управлять малозначущими народами, Молдавскимъ и Валашскимъ, и коимъ, при отправленіи, вручаются отъ Султана шубы, кука и тогузы.

Кажется, въ продолженіи сего времени городъ Пантикапея утратилъ имя свое. Пролить, царство. на немъ стоявшее, и столица его, все получило общее названіе Воспора. Фанагорія превратилась въ Таматархію, уже позже, при Византійскихъ императорахъ.

Около того же времени началось страшное явленіе въ мірѣ, вооруженное переселеніе дикихъ народовъ съ Сѣвера и Востока на Югъ и Западъ. Еще въ началѣ втораго столѣтія по Р. Х. Аланы являются на сѣверной сторонѣ Кавказа и покоряютъ Воспоръ и Таврію, но скоро потомъ вытѣсняются Го-

тами, около половины сего столѣтія. Какъ Воспоръ былъ въ числѣ крайнихъ предѣловъ великой имперіи съ сей стороны, то первый онъ долженъ былъ принимать удары, ей наносимые варварами. Но какъ первыя сіи вторженія можно почитать одними набѣгами, какъ побѣдители столь же быстро удалялись, какъ и приходили, и нигдѣ власти своей прочно не основывали: то земли сіи совершенно не разорялись, и царьки могли опять, подъ щитомъ Рима, продолжать свое владычество. Весьма жаль, что подробности сихъ нашествій въ исторіи не сохранились.

Но возвратимся къ Воспорскимъ царямъ и окончимъ списокъ ихъ.

26-й *Савроматъ IV-й*, при Діоклитіанѣ, имѣлъ духъ завоевательный и, побѣдивъ Лазовъ въ Колхидѣ, дошелъ до границъ царства Лидійскаго, гдѣ былъ встрѣченъ кесаремъ Констансомъ - Хлоромъ, который не могъ побѣдить его, а довольствовался обороною. Между тѣмъ протевонъ города Херсона, Христосъ, по повелѣнію Діоклитіана, собравъ войско, пошелъ къ Воспору, завоевалъ оный и не прежде оставилъ, какъ по отступленіи Савромата и заключеніи мира его съ имперією.

27-й *Савроматъ V-й*, внукъ предыдущаго, желалъ отомстить Херсонцамъ за дѣда, но былъ разбитъ ими при урочищѣ Каффа, вѣроятно, тамъ, гдѣ нынѣшняя Θεодосія.

28-й *Рискупоръ V-й* извѣстенъ по медалямъ съ изображеніемъ Константина Великаго.

29-й *Савроматъ VI-й* велъ войну съ Херсонцами и предложилъ протевону ихъ, Фарнаку, единоборство, который, согласясь, употребилъ хитрость, чтобы убить его. Послѣ того побѣдитель отпустилъ побѣжденныхъ Меотійцевъ - Сарматовъ по домамъ, а Воспорянь заключилъ въ узы, и границу, прежде бывшую въ Каффѣ, отдалилъ до какого-то Киверника, то есть, верстъ на сорокъ.

Съ симъ Савроматомъ, кажется, кончается Воспорское царство. Еще открываются по медалямъ нѣсколько царей, Рискупоровъ, человека два-три, Ареавзесъ и наконецъ Радамеадъ, коего самое существованіе возрождаетъ споры между учеными археологами. Главное—знать участь Воспора: имъ въ концѣ четвертаго столѣтія овладѣли Гунны и совершенно его разорили.

Черезъ полтора ста лѣтъ, побѣды полководцевъ императора Юстиніана возвратили Тавриду и Воспоръ Восточной имперіи; возвратилась и къ нимъ тѣнь благоустроеннаго правленія. Юстиніанъ возобновилъ укрѣпленіе городовъ и сдѣлалъ новыя крѣпости: Горзовиту (нынѣшній Гурзуфъ), Алустонъ (нынѣшнюю Алушту) и Лампасъ (нынѣшній Кучюкъ-Лампадъ). Все сіе не надолго: одни варвары смѣнялись другими и довершали разореніе сей благословенной и несчастной страны. Воспоръ исчезнулъ навсегда, и чрезъ

нѣсколько вѣковъ онъ долженъ былъ опять возродиться, но только уже подъ другимъ названіемъ. воскрешенный неизвѣстнымъ до того еще народомъ Русскимъ.

*

Окончивъ, такимъ образомъ, краткое историческое изображеніе древняго Веспора, слѣдуетъ, кажется, приступить и къ географическому его описанію, столько, сколько свѣдѣній нашихъ на то достанетъ.

Полуостровъ Керченскій должно считать отъ перешейка (впрочемъ, не очень узкаго, ибо имѣетъ 30 верстъ ширины), который идетъ отъ Каффы, нынѣшней Феодосіи, до Арабата, гдѣ начинается коса или стрѣлка сего пмения. Сіе мѣсто было, кажется, постоянною границею Веспорскаго царства на Западъ, и Асандръ укрѣпилъ его стѣною, коей остатки и по нынѣ видны. Отсюда полуостровъ идетъ до пролива безъ малаго верстъ на сто, ширины же имѣетъ во многихъ мѣстахъ болѣе шестидесяти. Въ семь-то заключается Европейско-Веспорское владѣніе; нѣкоторые изъ царей владѣли и Феодосіей, также Милетинцами основанной колоніей, и отъ нынѣшней Феодосіи на Западъ лежавшей; иные же простирали свои завоеванія до рѣки Тапсиса, нынѣшняго Салгира, но не далѣе (все это не болѣе, какъ верстъ на двѣсти во внутрь земли отъ Пантикапеи).

Азіятскія владѣнія Веспора были пространнѣе и занимали почти всѣ земли между Палюсомъ Меотійскимъ, нынѣ Азовскимъ моремъ, и Кубанью, тогда называвшеюся Гипанисомъ, то есть всю нынѣшнюю землю Черноморскихъ козаковъ. Говорятъ, что Веспору принадлежали на Азовскомъ морѣ также Греками населенные города: Гермонаса и Диоскурія, но сіе не достовѣрно; Тана же или нынѣшній Азовъ никогда въ его владѣніи не былъ.

Древнѣйшіе обитатели сихъ странъ были Киммеріане, одно и то же съ Цимбрами, Климбрами или Кимврами, извѣстными во времена Римской республики. По мнѣнію г. Муравьева-Апостола, Кимвровъ назвали Греки Киммеріанами, портя или поправляя пріятнѣйшими для ихъ слуха звуками названія чуждыхъ имъ народовъ, городовъ и людей. Изъ того онъ выводитъ заключеніе, что и Крымъ, или Кримъ, есть ни что иное какъ Татарями испорченное слово Кимвръ или Кимръ. Дѣйствительно, нельзя названію Крыма сыскать другаго происхожденія.

Киммеріане были отсюда въ седьмомъ вѣкѣ до Р. Х. изгнаны Тавроскиѳами или горными Скиѳами, которые потому и дали имя Тавриды всему полуострову Крымскому. Знающіе же древніе восточные языки утверждаютъ, что и понынѣ въ Азіи Тавромъ называютъ всякую цѣпь огромныхъ горъ, и что гора по-ассирійски называлась Тоира, по-халдейски Тиру и по-сирійски Туро.

Сии варвары, съ коими поселившимися посреди ихъ Грекамъ часто приходилось сражаться, не были однакоже кочующими и совершенно чуждыми искусству зодчества.

Основанные ими города, коими послѣ Греки овладѣли, удивляли огромностію своихъ зданій. Днынѣ еще видны основанія ихъ; они составлены изъ камней ужасной величины, такъ что можно сомнѣваться, чтобъ сіе было не твореніе природы, а рукъ человѣческихъ, если бъ они не были правильно положены и обтесаны. Г. Бларамбергъ называетъ сіе циклопскою или гигантскою работою, совершенно отличною отъ произведеній позднѣйшихъ временъ архитектуры, коихъ здѣсь также много находится остатковъ. Все Греческое прельщаетъ легкостію, красотою, вкусомъ, всѣ же творенія глубокой древности изумляютъ огромностію массъ.

Весь Керченскій полуостровъ есть плоская равнина; не доѣзжая Керчи только верстъ за двадцать, начинается цѣпь маленькихъ холмовъ, постепенно возвышающихся къ проливу и оканчивается Митридатовой горой, величайшей изъ сихъ холмовъ и выходящей мысомъ въ самый проливъ. Полуостровъ сей былъ весь населенъ, какъ думать должно; но нѣтъ ни одного извѣстнаго мѣста, ни внутри онаго, ни по берегамъ Чернаго и Азовскаго морей: всѣ города тѣснились около пролива. Причиной сему полагать должно то, что Греки первоначально здѣсь основали свои жилища и потомъ распространили свои владѣнія; другая причина, что мѣсто сіе издревле изобильно было лѣсомъ и родниками лучшей воды, въ чемъ далѣе чувствуютъ недостатокъ.

Вотъ названія примѣчательнѣйшихъ мѣстъ, о коихъ говорятъ Геродотъ, Скилаксъ и Страбонъ весьма подробно, означая даже разстояніе одно отъ другаго:

1-е *Циття* или *Скиеоя*, на самомъ Черномъ морѣ, близъ теперешней Апухъ-горы, въ 45-ти верстахъ отъ Керчи. Сей городъ былъ построенъ Скиеями, какъ имя его показываетъ. Есть теперь остатки фундамента сего города и въ горѣ пространныя пещеры, гдѣ были гробницы его жителей.

2-е *Киммеріонъ* по-гречески, *Киммеріумъ* по-латыни, въ 17-ти верстахъ отъ Керчи, на проливѣ, близъ теперешняго селенія Камышь-Бурунъ, построенный Киммеріянами; остатки его, равно какъ и Скиеи, суть громады скаль, какъ бы волшебною силою порядкомъ положенныя. Планы сихъ городовъ сняты и начертаны г. Бларамбергомъ.

3-е *Нимфея*, любимое мѣсто Митридата, но въ которомъ онъ не окончилъ жизни, какъ тѣ, кои читали Расинову трагедію, его имя носящую, подумать могутъ. Остатки, то есть основанія сего города, видны въ 7-ми верстахъ только на полдень отъ Керчи, на горѣ, надъ старымъ карантиномъ, изъ коего, въ началѣ сего 1827 года, переведенъ карантинъ въ новое строеніе.

4-е *Пантимакея*, нынѣшняя Керчь. О семъ городѣ будемъ говорить подробнѣе при описаніи теперешняго его состоянія.

5-е. *Мирмикіонъ*, то есть Муравейникъ, въ 4 верстахъ отъ Керчи на Сѣверъ. Это было самое промышленное мѣстечко въ Воспорѣ: тутъ были всѣ ихъ фабрики, мануфактуры, и по трудолюбію жителей оно названо Муравейникомъ. Нынѣ построены на семъ мѣстѣ новый карантинъ.

6-е. *Геракліонъ* или *Иракліонъ*. Тутъ не былъ настоящій городъ, а только храмъ Геркулесовъ и около него священная ограда (*enceinte sacrée*), внутри коей и внѣ ея были жилища; полагать должно, что сіе было посадъ, какъ нынѣ въ Сергіевой Лаврѣ и въ другихъ монастыряхъ сіе встрѣчается. Воспоряне, будучи въ необходимости часто сражаться, изъ всѣхъ боговъ язычества поклонялись болѣе двумъ героямъ-полубогамъ, Геркулесу и Ахиллу, ихъ имя призывали на помощь въ бояхъ и ихъ заступленію приписывали побѣды надъ врагами.

7-е. *Портеміонъ* или врата Меотійскія, городокъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Еникале, въ 10-ти верстахъ отъ Керчи и въ 6-ти отъ новаго карантана. Тутъ вѣвзаютъ въ Азовское море и тутъ самое узкое мѣсто Босфора.

Древніе историки и географы съ такою точностію означили мѣста, гдѣ существовали города сіи, что съ Страбономъ въ рукахъ и считая по пяти стадій на версту или по ступе сажень, вѣсьма легко отыскать ихъ остатки. Только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ по ихъ описанію должны быть заливы и бухты, воды отъ береговъ удалились, и нынѣ остались соляныя озера.

На Азіатской сторонѣ извѣстны два слѣдующіе города:

8-е. *Фанагорія*, о коей часто упоминается въ сей Запискѣ; нынѣ нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ ея существованія, и ея мѣсто занялъ городъ Тамань. Въ двухъ верстахъ же отъ него построена Суворовымъ крѣпость, которой, изъ уваженія къ древности, дано имя Фанагорійской.

9-е. *Ахиллея*, маленькій городъ при устьѣ или лиманѣ Гипаниса, на томъ мѣстѣ, или близъ мѣста, гдѣ нынѣ Бугазскій мѣнновой дворъ съ Черкесами. Городъ сей по набожности Воспорянъ къ Ахиллу, о коей мы выше упомянули, былъ названъ его именемъ.

Въ числѣ народовъ, поработившихъ описываемую нами страну, одинъ народъ мужественный, многочисленный, сильный, на нѣсколько вѣковъ утвердилъ въ ней свое владычество. Хозары или Козары, соплеменные съ Турками, уже гораздо прежде того извѣстные своими походами въ Арменію, Иверію, Мидію, въ началѣ седьмаго столѣтія, пройдя Кавказъ, быстро распространили свои завоеванія отъ устья Волги до Днѣстра, отъ Каспійскаго до Чернаго моря, и основали, подъ управленіемъ своихъ кагановъ, могущественное, знаменитое царство, въ составъ коего вошла и Таврида. Все сіе пространство земли, и въ особенности Крымъ, получили названіе Хозаріи. Сосѣдственныхъ же съ ними Славянъ Хозары обложили данью.

Черезъ триста лѣтъ послѣ того, около 965 года по Рождествѣ Христовѣ, сіи самые данники, Славяне, подъ названіемъ уже Русскихъ и подъ предво-

дательствомъ князя своего *Святослава*, героя древнѣйшихъ временъ Россіи, побѣдили Хозаровъ, взяли столицу ихъ Саркель или Бѣлую Вѣжу на Дону разбили потомъ Ясовъ и Касоговъ, какъ полагаютъ, Осетинцовъ и Черкесовъ, и покорили всѣ владѣнія Хозарскія на восточныхъ берегахъ Азовскаго моря, въ томъ числѣ и Таматархію, древнюю Фанагорію.

Владимиръ великій и святой, сынъ Святослава, прінялъ христіанскую вѣру и былъ крещенъ близъ сихъ мѣстъ, въ древнемъ Херсонѣ, все еще остававшемся подвластнымъ восточнымъ императорамъ. Получивъ Таматархію съ лежащими окрестъ ея землями въ наслѣдство отъ отца, онъ передъ смертію, при раздѣленіи своихъ владѣній между двѣнадцатю сыновьями, отдалъ ее въ удѣлъ храбрѣйшему изъ нихъ, Мстиславу.

Мстиславъ Владимировичъ, прозванный Храбрымъ и Удалимъ, былъ первымъ княземъ Таматарскимъ или (какъ Русскіе по своему переименовали) Тмутараканскимъ. Имя сего витязя славно въ нашихъ лѣтописяхъ: онъ помогъ Греческому императору, въ 1016 году, отнять у Хозаровъ Тавриду и тѣмъ сокрушить и уничтожить навсегда ихъ царство. Потомъ воевалъ онъ съ Касогами, въ единоборствѣ побѣдилъ князя ихъ, Редеду, спльнаго великана, и овладѣлъ его землями. Наконецъ, недовольный малостію своего удѣла, или, можетъ быть, скучая праздностію, собралъ подвластныхъ ему Хозаровъ, Грековъ, Черкесовъ и Касоговъ и пошелъ войною на старшаго брата своего, великаго князя Ярослава, тогда всей Россіей владѣвшаго. Покоривъ Черниговъ и одержавъ послѣ того побѣду надъ братомъ у города Листвена, заключилъ съ нимъ миръ, по коему они раздѣлили государство пополамъ, и Днѣпръ служилъ границею ихъ владѣній. Проживъ потомъ въ мирѣ и согласіи съ братомъ еще 10 лѣтъ, онъ умеръ въ 1030 году бездѣтенъ.

Послѣ кончины Ярослава (въ 1054 году), Тмутаракань и Воспоръ достались въ удѣлъ одному изъ сыновей его, *Святославу*, князю Черниговскому. По отдаленности, поручилъ онъ управленіе сей области сыну своему, Глѣбу Святославичу.

Но въ 1064 году молодой *Ростиславъ* Владимировичъ, сынъ Владимира, умершаго прежде отца своего, великаго князя Ярослава, и не получившій никакого удѣла, рѣшился вооруженной рукою пріобрѣсти оный и безъ большаго сопротивленія овладѣлъ Тмутараканью. Его отважность и побѣды надъ горскими народами устрашили коварныхъ Грековъ, съ помощію же Русскаго князя, незадолго предъ тѣмъ Тавридою овладѣвшихъ: одинъ изъ нихъ, по имени Котопанъ, вкравшись въ его довѣренность, отравилъ его ядомъ. Исторія описываетъ сего юношу красивымъ, храбрымъ и добродушнымъ, и его безвременная кончина была несчастіемъ для Россіи.

Призванный потомъ опять жителями Тмутараканской области сынъ Черниговскаго князя, *Глѣбъ* Святославичъ, прежде ея управлявшій, содѣлался ея отдѣльнымъ княземъ.

Получивъ потомъ княжество Новгородское, *Глѣбъ*, въ 1077 году, уступилъ Тмутаракань другому брату своему, *Роману* Святославичу

Въ половинѣ сего одинадцатаго столѣтія вышелъ изъ Азіи одинъ народъ, коего имя дотоѣ было неизвѣстно, но останется долго памятнымъ въ нашей исторіи, по бѣдствіямъ, имъ Россіи причиненнымъ. Половцы или Куманы, по мнѣнію покойнаго Карамзина единоплеменные съ нынѣшними Кургизами и другихъ варваровъ превосходившіе жестокостію, вѣроломствомъ и безобразіемъ, заняли берега Чернаго моря. Сихъ варваровъ нанялъ вышеименованный князь Романъ Святославичъ, чтобы идти войной противъ дяди своего, великаго князя Всеволода; они заключили миръ со Всеволодомъ и на обратномъ пути умертвили Романа. Тогда великій князь прислалъ управлять Тмутараканью намѣстника своего, Ратибора.

Вскорѣ потомъ два молодыхъ князя, *Давидъ* Игоревичъ и *Володаръ* Ростиславичъ, изъ коихъ первый былъ внукъ великаго Ярослава, а послѣдній правнукъ (будучи сыномъ князя Тмутараканскаго, Ростислава Владимировича, Греками отравленнаго ядомъ) пришли завоевать сію область и овладѣли ею.

Ихъ княженіе также было непродолжительное. Третій изъ Святославичей, *Олегъ*, долго находившійся въ плѣну у Грековъ на островѣ Родосѣ, съ помощію ихъ, возвратился въ Тмутаракань, изгналъ князей Давида и Володаря, отмстилъ за смерть брата своего, Романа и получилъ область сію по наследственному праву. Всѣ сіи происшествія были отъ 1078 до 1084 года.

Черезъ десять лѣтъ послѣ того, *Олегъ* Святославичъ, коего гордость и властолюбіе столь извѣстны въ Русской исторіи, взявъ въ помощь Половцевъ, пошелъ съ ними противъ двоюроднаго брата своего, Владиміра Всеволодовича Мономаха, который княжилъ тогда въ Черниговѣ. Сей миролюбивый герой, дабы избавить отечество отъ междоусобія и ужасовъ войны съ Половцами, добровольно уступилъ ему Черниговъ, а самъ перѣхалъ въ Переяславль. Съ тѣхъ поръ *Олегъ* какъ будто забылъ Тмутараканское свое княжество, вмѣстѣ съ другими Русскими князьями велъ кровопролитныя войны противъ Половцевъ, и когда въ 1111 году одержана Русскими надъ ними знаменитая побѣда, то ничего уже о Тмутаракани болѣе не упоминается; самое имя ея исчезаетъ въ Русской исторіи. Кажется, еще прежде того городъ сей уже сдѣлался добычей Половцевъ.

Итакъ, безъ малаго полтора ста лѣтъ князья Русскаго племени владѣли сею странюю. Ихъ было всего шесть поколѣній: 1-й Святославъ, 2-й Св. Владиміръ, 3-й Мстиславъ и Ярославъ Владимировичи, 4-й Святославъ Ярославичъ, 5-й Ростиславъ Владимировичъ, Давидъ Игоревичъ, Глѣбъ, Романъ и Олегъ Святославичи, всѣ пятеро внуки Ярослава, и 6-й Володаръ Ростиславичъ, правнукъ его.

Прошли вѣка, имя Тмутаракани и дѣянія ея князей сохранились въ исторіи нашего отечества; но долго, очень долго, не знали у насъ даже мѣста,

гдѣ существовали городъ и княжество сего имени. Писатели наши терялись въ догадкахъ; наконецъ, весьма недавно одинъ нечаянный случай рѣшилъ сію историческую задачу. Мраморная плита необыкновенной длины лежала въ Тамани у дверей казармы Черноморскихъ казаковъ и служила ступенью для входа въ нее; никто не обращалъ вниманія на выстѣченную на ребрѣ ея надпись. Одинъ любопытный взоръ открылъ Русскія литеры, началъ разсматривать прилежнѣе и нашелъ то, чего тщетно дотогдѣ искали. Надпись все объяснила; она нижеслѣдующая:

Въ лето з. ф. ѿ. Інд. г. Глѣбъ Князь мѣрилъ мѣ по леду ѿ Тмутарокана до Кърчевѣа л н д. сажѣ.

Слѣдственно, въ 6586 году отъ сотворенія міра и въ 1068 отъ Рождества Христова. И разстояніе отъ Тамани до Керчи точно то, чтѣ оно и по нынѣ, ровно 30 верстѣ. Сія надпись подаютъ поводъ думать, что городъ Кърчевъ построенъ предками нашими на развалинахъ или изъ развалинъ упавшей и забытой Пантимапей. Самое названіе его имѣеть что-то Русское и похоже на Кърчеву въ Тверской губерніи.

Столь счастливо найденная плита разсмотрѣна многими учеными, признана законною и положена съ честію въ Таманской соборной церкви *). Не оставалось и тѣни сомнѣнія о мѣстѣ, гдѣ была Тмутаракань, и даже симъ именемъ названъ городъ Тамань на многихъ иностранныхъ картахъ, съ тѣхъ поръ изданныхъ. Впрочемъ, удивительно только одно то, какъ сіе прежде не могло войти никому въ голову, какъ можно было полагать Тмутаракань на Окѣ, когда цѣлый рядъ ея князей всегда дѣлалъ союзы или воевалъ съ народами, обитавшими, какъ достовѣрно извѣстно, на Кавказѣ и на берегахъ Днѣпра, Дона и Азовскаго моря.

Кажется, послѣ всего вышеписаннаго, есть ли какая возможность сомнѣваться въ томъ, чтобы Воспорское царство и княжество Тмутараканское не были одно и тоже, и чтобъ найденный камень не былъ дѣйствительно драгоценный остатокъ нашихъ древнихъ временъ? Утверждаютъ, однакоже, что одинъ извѣстный нашъ писатель, г. Свиньинъ, извѣстный по разнообразнымъ твореніямъ своимъ на отечественномъ и иностранныхъ языкахъ, по многократнымъ путешествіямъ, по мореплаваніямъ, дипломатическимъ миссіямъ, журналамъ, рисункамъ, картинамъ, по изданіямъ своихъ и чужихъ сочиненій, по всеобщимъ своимъ познаніямъ, что сей ученый мужъ, художникъ, воинъ и законодатель, отвергаетъ сію истину, и что гдѣ-то сказалъ онъ, написалъ, или напечаталъ, что Тмутараканскій камень есть подложный.

Всѣ тѣ, кои, подобно намъ, видѣли сей камень и его надпись, могутъ утвердительно сказать, что онъ имѣеть всѣ признаки древности. А между

*) Нынѣ въ Керченскомъ музеѣ. См. «Исслѣдованіе Тмутараканскаго камня съ Русскою надписью, Григорія Спасскаго». Спб. 1844 г. II. Б.

тѣмъ опасаться должно, что мнѣніе г. Свинына, такъ давно и такъ справедливо заслужившаго довѣренность читающей публики, вовлечетъ всѣхъ въ заблужденіе, въ которомъ самъ онъ находится, что совсѣмъ объясненная историческая истина опять сдѣлается загадкой, и мы опять пошли съ гг. Татищевымъ и Свинынымъ искать Тмутаракани около Муромъ и Рязани.

Со всѣмъ уваженіемъ, которое имѣемъ къ познаніямъ г. Свинына, не столь глубокимъ, сколь многоразличнымъ, осмѣлимся ему замѣтить, что всякій обманъ долженъ быть сдѣланъ съ какимъ-нибудь намѣреніемъ; а какое тутъ можно видѣть намѣреніе? Нѣтъ, мы не дошли еще до такой тонкости, чтобы составлять каменные фальшивые документы, и для того единственно, чтобы доказать древнее право наше на владѣніе уголкою земли, котораго у насъ никто не оспариваетъ, о которомъ большая часть нашихъ соотечественниковъ даже и не знаетъ, и тогда, какъ вездѣ лучшія права наши суть могущество Россіи и сила ея оружія

Но, оспаривая г. Свинына, мы бросили Тмутаракань въ рукахъ у нечестивыхъ Половцевъ; возвратимся же къ нимъ. Не надолго и сямъ гнуснымъ варварамъ досталось терзать сію прекрасную землю: участь всей нынѣшней Югозападной Россіи была безпрестанно переходить изъ рукъ въ руки.

Страшная гроза собралась на Востокъ, оттуда прошла она на Западъ съ ужасною быстротою, разрушая многія древнія Азіатскія царства; здѣсь разразилась она и чрезъ нѣсколько лѣтъ распространила опустошенія свои по всему нашему отечеству. Славный завоеватель, Чингизъ-ханъ, основалъ сильное Монголо-Татарское царство; сынъ и преемникъ его, Огтай, слѣдуя его примѣру, послалъ племянника своего, Батю, искать новыхъ побѣдъ на Сѣверъ и Западъ Каспійскаго моря. Тутъ встрѣтилъ сей послѣдній всегдашнихъ враговъ нашихъ, Половцевъ. Несмѣтное число воиновъ Батю ихъ утратило, и они сообщили свой ужасъ сосѣдственнымъ князьямъ южной Россіи. Соединя силы свои съ Половцами, сіи Русскіе князья пошли искать Татаръ, встрѣтили ихъ неподалеку отъ сихъ мѣстъ, и знаменитая съ ними битва при рѣчкѣ Калкѣ (въ нынѣшнемъ Мелитопольскомъ уѣздѣ, немного на Западъ отъ Маріуполя), въ 1224 году, истребила самое имя Половцевъ и была для Россіи первымъ изъ тѣхъ жестокихъ ударовъ, которые въ послѣдствіи времени едва ея не сокрушили.

Свирѣпый Батый, тогда удалившійся, спустя нѣсколько лѣтъ воротился опять, и въ 1239 году покорилъ всю Россію, предавъ ее огню и мечу. Основавъ Кипчакскую или Золотую Орду на берегахъ Волги, въ степяхъ Саратовской губерніи, онъ былъ первымъ ея ханомъ, но подвластнымъ великому хану Большой Орды, и владычество Татаръ простиралось тогда почти до Карпатскихъ горъ. Всѣ остатки народовъ не-Славянскаго племени, и между прочимъ Половцы, смѣшались съ ними.

Послѣ смерти Батя, въ 1256 году, начались въ Кипчакской ордѣ, имѣ основанной, несогласія, которыя, однакоже, тогда еще ея не ослабили. Но уже вскорѣ послѣ того, около 1260 года, одинъ смѣлый воевода ханскій, по имени *Ногай*, не только сдѣлался независимымъ владѣтелемъ описываемыхъ нами мѣстъ, но повелѣвалъ въ самой ордѣ и мѣнялъ хановъ по произволу. Онъ заключилъ союзъ съ Греческимъ императоромъ, Михаиломъ Палеологомъ, женился на побочной дочери его, основалъ свои кочевья или улусы вокругъ всего Азовскаго или, какъ оно тогда уже называлось, Суражскаго моря, въ бывшемъ Воспорѣ и во всей Тавридѣ, властвовалъ болѣе тридцати лѣтъ и по смерти оставилъ Татарамъ, внѣ Крымскаго полуострова живущимъ, имя свое, которое они и донынѣ сохраняютъ.

При жизни сего Ногая, торговля съ плодами тогдашняго просвѣщенія и промышленности проникнула опять въ сіи мѣста, въ которыхъ они нѣкогда процвѣтали, но гдѣ варварство давно уже истребило и слѣды ихъ. Двѣ знаменитыя Итальянскія республики, Венеція и Генуя, спорили тогда о владычествѣ на моряхъ. Крестовые походы, въ которыхъ онѣ участвовали, познакомили ихъ съ Востокомъ. Венеціане первые на Суражскомъ морѣ основали колонію Азовъ; вслѣдъ за ними явились и Генуезцы на берегахъ Тавриды, сдѣлали выгодныя предложенія владѣвшимъ тогда ею Монголо-Татарамъ и выпросили у нихъ уголокъ земли, гдѣ бы учредить свою контору и складочное мѣсто для товаровъ. Имъ отвели пустое урочище, именуемое Каффа, о коемъ мы выше сего уже говорили: весьма не пространная, узкая долина, какъ бы спрятанная между моремъ и высокими горами, въ которую одинъ только вѣздъ съ Востока; они и тѣмъ остались довольны. Имѣя много золота, большую дѣятельность, искусныхъ зодчихъ, Генуезцы усердно приступили къ строенію домовъ: скоро возникъ новый, прекрасный городъ, своимъ великолѣпіемъ изумилъ Татаръ и возбудилъ ихъ опасенія и зависть. Дошло до ссоры и войны. Генуезцы подняли съ горной стороны высогія каменные стѣны съ башнями и пзъ-за нихъ смѣялись усиліямъ Татаръ. Нѣсколько разъ потомъ въ продолженіи времени воевали они, примирились, но не упускали ни единого случая, чтобъ не дѣлать новыхъ пріобрѣтеній и не распространять свою власть и торговлю. Въ численіи городовъ и мѣстъ, коими республика владѣла тогда въ Тавридѣ, находимъ мы Балаклаву, Судагъ и наконецъ *Cerchio, picciol luogo*, какъ говоритъ Одерико. И такъ Греческая Пантикалея, Русскій Кръчевъ, сдѣлалась Итальянскою Черкіо, какъ послѣ обратилась въ Татарскую Керчь.

Здѣсь мѣсто упомянуть о знаменитомъ ханѣ *Узбекѣ*, въ Кипчакской ордѣ царствовавшемъ съ 1312 по 1341 годъ и возстановившемъ прежнюю силу ея. Его имя кровавыми буквами начертано въ исторіи нашей: онъ князей безпрестанно призывалъ въ орду на судъ и на казнь, и семерыхъ, въ томъ числѣ Михаила Тверскаго и двухъ сыновей его, Димитрія и Александра, предалъ смерти. Онъ любилъ сіи мѣста и по нѣскольку мѣсяцевъ забавлялся

звѣриною ловлею на великомъ пространствѣ отъ Тавриды до Терека. Первый изъ хановъ принялъ онъ магометанскую вѣру, ввелъ ее между своими подданными, и при немъ начала она имѣть поклонниковъ въ Крыму. Изъ любви и уваженія къ его памяти, многіе Татары приняли имя Узбековъ, коими и до нынѣ называются въ Хивѣ.

Со смертію Узбека началось постепенное паденіе Золотой Орды. Въ Сарай, главною городѣ ея, одинъ ханъ смѣнялъ и убивалъ другаго, иногда три хана съ многочисленнымъ войскомъ спорили между собою о владычествѣ, возникали новыя царства, Татары рѣзались, и все возвышалось близкій конецъ чудовищнаго ихъ могущества. Посреди сихъ неурядицъ и междоусобій возсталъ одинъ смѣлый воинъ Темникъ *Мамай*, который, не принимая титула ханскаго, повелѣвалъ ими и который могъ бы замедлить паденіе орды; но въ 1380 году разбитый Дмитріемъ Донскимъ на Буликовомъ полѣ, онъ бѣжалъ къ Азовскому морю, въ сосѣдство древняго Воспора, и на томъ самомъ мѣстѣ, близъ нынѣшняго Маріуполя, гдѣ въ 1224 году была Калковская битва, побѣжденъ вооружившимся противъ него ханомъ *Тахтамышемъ*, потомкомъ Чингисъ-хана. Онъ скрылся въ Каффѣ, но тамъ Генуезцы коварно умертвили его въ угожденіе Тахтамышу.

Въ сіе время явился на Востокѣ *Тамерланъ*, новый ужасъ человѣчества. Подобно Чингисъ-хану возникъ онъ почти изъ ничтожества до степени владыка міра, но, кажется, еще превзошелъ его геніемъ, блестящими качествами и лютостію, владѣнія же свои распространилъ до Египта. Онъ сначала покровительствовалъ Тахтамышу, но чрезъ нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1395 году, озлобленный его неблагодарностію, пошелъ истребить его, достигъ между Терекомъ и Кубанью, разбилъ на голову, обратилъ въ бѣгство и въ слѣдъ за нимъ, съ безчисленнымъ войскомъ ворвавшись въ Россію, дошелъ до самаго Ельца. Бытіе нашего отечества, можно сказать, висѣло на волоскѣ, все было въ ужасѣ... но Провидѣніе, предназначившее великія судьбы сему народу, избавило его, какъ и въ слѣдующія времена неоднократно чудеснымъ образомъ спасало оно его. Тамерланъ удалился тѣмъ же путемъ, мимоходомъ разрушивъ Сарай, Астрахань и наконецъ сравнялъ съ землею богатый Венеціанскій Азовъ, предавъ, какъ онъ сказалъ, державу Батыеву губительному вѣтру истребленія.

Но оставимъ Кипчакскую орду, безпрестанно въ междоусобныхъ браняхъ идущую къ разрушенію своему. Одинъ Татарскій наѣздникъ и смѣльчакъ, старый князь *Едигей*, долго въ сихъ войнахъ участвовавшій, повелѣвавшій судьбами самихъ хановъ, при концѣ дней своихъ составилъ для себя особое государство изъ Черноморскихъ и Азовскихъ улусовъ, то-есть изъ нынѣшней Таврической и частію Кавказской губерній. Послѣ смерти его, многочисленные его сыновья раздѣлили его владѣнія и вскорѣ потомъ погибли въ междоусобіи; тогда Черноморскіе Татары избрали ханомъ осмнадцатилѣтняго юношу, славившагося происхожденіемъ отъ Чингисъ-хана, который къ

имени своему Ази прибавилъ, изъ благодарности къ воспитавшему его земледѣльцу Гирею, названіе сего послѣдняго. Съ симъ *Ази-Гиреемъ* началась около половины пятнадцатаго столѣтія особенная Крымская орда, разбойничье гнѣздо, которое, отдѣляемо будучи отъ Россіи пространными степями, его ограждавшими въ теченіи двухъ съ половиною вѣковъ, утомляло ее почти періодическими набѣгами.

Около того же времени случилось горестное происшествіе въ мірѣ: Турки въ 1453 году взяли Константинополь. Черезъ двадцать два года послѣ того Магометъ II-й послалъ свой флотъ въ Черное море, подъ предводительствомъ капитана-паши, который завоевалъ Каффу и всѣ Генуезскія владѣнія въ Крымскомъ полуостровѣ. Такимъ образомъ заключилось въ 1475 году блестящее, но краткое существованіе сего торговаго города, Кучукъ-Стамбула или Маленькаго Царьграда, какъ Турки сами его называли. Крымскіе ханы вскорѣ покорились султану и признали надъ собою его владычество. Таврида и Воспоръ, хотя и остались особливѣмъ ханствомъ, но вошли въ составъ владѣній Оттоманской Порты, въ зависимости коей были триста лѣтъ, безъ всякой надежды когда-либо опять озариться свѣтомъ вѣры и наукъ.

И въ сію-то эпоху, когда магометанизмъ торжествовалъ на Югѣ, одинъ сѣверный народъ, долго подъ игомъ его стенавшій, раздробленный, униженный, изнуренный, едва не исчезнувшій въ мірѣ, началъ оживать, соединяться и испытывать силы свои противъ мучителей. Любезное отечество наше воскресало. Не вдругъ установились въ немъ порядокъ и спокойствіе: Русскому народу надлежало еще пройти сѣвось рядъ бѣдствій, коими Небу угодно было искутить его твердость; но, не смотря на вновь наносимые ему удары, онъ болѣе и болѣе утверждалъ свою независимость, одолевалъ враговъ и безпрестанно шелъ къ невидимой высокой цѣли, какъ будто внимая тайному голосу, зовущему его къ чему-то необыкновенно-великому. Едва прошло сто лѣтъ, и уже при Грозномъ Иванѣ Васильевичѣ всѣ Татарскія царства, порожденныя издыхающею Кипчацкой ордой, одно за другимъ предъ нимъ пали; только прелестный Крымъ остался тогда непокореннымъ: судьба хотѣла позже симъ цвѣткомъ украсить побѣдный вѣнецъ одной безсмертной, долго надъ Русскими царствовавшей.

Мы выше сего сказали, что Крымъ сдѣлался вертепомъ разбойниковъ; почти ежегодно толпы хищниковъ выходили изъ него и бросались на Литву, Польшу и Россію, не для славы и завоеваній, а для грабежа. Атаманы ихъ, именующіе себя ханами, данники Порты и ея покровительствуемые и всѣ изъ роду Гиреевъ, подражали султанамъ въ грубой роскоши; вся исторія ихъ состоитъ изъ вѣроломства, братоубійствъ и дѣяній звѣрскаго мужества. Имя одного только *Менгли-Гирея*, сына Ази-Гирея, должны мы произносить съ почтеніемъ и благодарностію; онъ былъ современникъ великаго князя Ивана Васильевича, царствовалъ, какъ и онъ, сорокъ лѣтъ, всегда былъ постояннымъ другомъ его и Россіи и оказалъ безчисленныя имъ услуги.

Все сіе пространство, между Великороссійскими владѣніями и Крымомъ, бывъ открыто для внезапныхъ вторженій Татарскихъ, наполнилось еще многочисленными вооруженными шайками бѣглецовъ изъ Россіи и Польши, которые, видя въ Черкесахъ (иначе все еще по старому Косогами или Козаками называющихся) удалыхъ наѣздниковъ и подражая ихъ молодечеству, приняли, по мѣтнію своему почетное имя ихъ, Козаковъ. Тогда мирные жители древней Россіи, Литовцами завоеванной и уже называемой тогда Малою Россією и Украиной, должны были, для защиты семействъ своихъ, собственности и жизни, сдѣлаться вмѣстѣ хлѣбопашцами и воинами, составить родъ военныхъ поселеній и, по примѣру другихъ, также назвали себя козаками. Часть всѣхъ козаковъ сихъ основала жилища свои на Дону, другіе же по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, изъ коихъ нѣкоторыя, ниже пороговъ его поселившіеся, получили названіе Запорожцевъ. Сіи послѣдніе, то союзники, то враги Крымцевъ внутри полуострова, и Ногайцевъ, въ онаго живущихъ, имѣли почти одинаковыя съ ними нравы.

Въ такомъ положеніи оставались дѣла сего края до тѣхъ поръ, пока возрастающее безпрестанно могущество Россіи и ея завоеванія къ нему не приблизились.

Еще Россія и Турція только по однимъ слухамъ знали другъ друга; скоро начались однакоже у нихъ нѣкоторыя торговыя сношенія, посреди коихъ были уже замѣтны признаки будущей непримиримой вражды между сими народами. Войны не было, а козаки и Татары, какъ бы передовое войско двухъ державъ, почти никогда не прекращали непріязненныхъ дѣйствій: одни при всякомъ случаѣ нападали и грабили сосѣдственныя имъ мѣста и города, подвластные Туркамъ; другіе продолжали набѣги свои въ Россію. Взаимныя жалобы царя и султана оставались безъ удовлетворенія; всегда одинъ отвѣтъ, одно извиненіе, что, по отдаленности, самовольства сихъ людей укротить не можно.

А между тѣмъ сіи войны, съ гордостью и удалствомъ именующіе себя *вольными* козаками, свободно избирающіе своихъ атамановъ, едва признающіе надъ собою владычество царей и великихъ князей, сіи дивіе рыцари, сіи преступныя, непокорныя и отпадшіе сыны Россіи, всѣ оставались привязанными къ матери своей прелестью воспоминаній, узами и крови, и языка, и вѣры. Въ сраженіяхъ они призывали на помощь святыню Московскую и Кіевскую, изображали ее на знаменахъ своихъ, усердно молились угодникамъ, почивающимъ въ сихъ древнихъ столицахъ, которыя называли святыми мѣстами и почитали наравнѣ съ Іерусалимомъ и Аѳонскою горой. Сама Россія была для нихъ какъ нѣкое божество, которому они издали поклонялись: имени ея ради, во славу и честь ея, творили чудеса и всякое значительное завоеваніе ей, одной ей, приносили въ даръ, какъ бы славою и побѣдами желая купить ея прощеніе.

Такимъ образомъ, когда изнуренный злобою и развратомъ, утопающій въ крови подданныхъ, давно забывшій и добродѣтель и честь, неистовый Иванъ Васильевичъ приближался ко гробу и равнодушно смотрѣлъ на по-срамленіе войскъ своихъ, отважный Ермакъ Тимофѣевичъ, съ горстію своихъ козаковъ, проходилъ неизмѣримое пространство, открывалъ, такъ сказать, новую часть свѣта, покорялъ Сибирское царство, указывалъ Россіи путь до Китая, обремененный добычею падалъ съ нею къ стопамъ недостойнаго государя и блескомъ завоеваній своихъ освѣщаль мракъ послѣднихъ дней тирана. Такимъ образомъ Донскіе козаки изъ одного удалства въ 1637 году, въ царствованіе воинственнаго Амурата, взяли приступомъ Азовъ (Турками разоренный, но потомъ ими же укрѣпленный городъ), пять лѣтъ держались въ немъ и отсиживались, осаждаемы будучи стотысячною Турецкою арміею и многочисленнымъ флотомъ, изумляли непріятелей почти сверхъестественнымъ мужествомъ и упорствомъ, безпрестанно умоляли Россійскаго государя взять Азовъ за себя, представляя всѣ выгоды сего завоеванія, коимъ удержаны бы были Крымцы и Ногайцы отъ набѣговъ и, наконецъ, не видя никакой помощи, бросили уже удаляющимся Туркамъ однѣ развалины Азова. Добродушный, но слабый Михаилъ Ѳеодоровичъ, первый царь изъ дома Романовыхъ, отецъ великаго человѣка и дѣдъ исполина, не имѣлъ чудеснаго ихъ генія, ихъ предприимчивости, ихъ дальновидности, съ удовольствіемъ смотрѣлъ на подвиги козаковъ, милостиво принималъ ихъ посланныхъ, ласкалъ ихъ, дарилъ, но ни на что отважное не могъ рѣшиться.

Но уже наступали времена славы и величія Россіи: царствованіе мудраго Алексѣя Михайловича и правленіе умной и честолюбивой дочери его Софіи Алексѣевны приготовляли чудеса Петра Великаго. Уже первому изъ нихъ знаменитый гетманъ козаковъ Малороссійскихъ Богданъ Хмельницкій, устыдясь повиноваться Польшѣ, условіями, заключенными 6-го Января 1654 года въ Переяславлѣ, отдалъ себя, воинственный народъ, имъ предводимый и всѣ земли и города, симъ послѣднимъ занимаемые. Тогда-то и Кіевъ, древній, прекрасный, златоверхій Кіевъ, послѣ долгой разлуки, возвратился ко вздымавшейся по немъ пѣлыя столѣтія и нѣкогда крещеной имъ Россіи, возвратился къ ней во всей чистотѣ православія Русскаго; какъ мученикъ святой, неоднократно опаленный, онъ претерпѣлъ всѣ гоненія господствовавшихъ надъ нимъ язычниковъ Литовскихъ и Татарскихъ и всѣ истязанія еще лютейшихъ изувѣровъ, Римскихъ католиковъ, и ни на часъ не поколебался въ вѣрѣ отцовъ своихъ. Казалось, съ возвращеніемъ его благодать небесная сошла на Россію. Уже во дни правительницы Софіи, въ 1686 году, союзнымъ трактатомъ противъ Турокъ, Польша отказалась въ пользу Россіи отъ мнимыхъ правъ своихъ на покровительство Малороссійскихъ козаковъ и Украины; при сей же правительницѣ, въ первый разъ Русскія войска начали дѣйствовать наступательно противъ Крыма, и любимецъ ея, князь Василій Голицынъ въ 1687 году подступалъ уже къ Перекопу.

Наконецъ Петръ Великій взомель надъ Россіей, и все приняло въ ней новый видъ. Въ дивныя времена его Русское оружіе не проникало еще до мѣстъ, нами описываемыхъ, но кругомъ вездѣ оно уже гремѣло. Одною изъ первыхъ мыслей сего предприимчиваго и творческаго генія была война съ Турками; первый опытъ, который хотѣлъ онъ сдѣлать изъ созданнаго имъ регулярнаго войска и устроивающагося въ Воронежѣ перваго флота, было употребленіе ихъ противъ враговъ просвѣщенія, котораго онъ алкалъ. Онъ началъ первую войну свою и, можно сказать, первую войну Россіи съ Турціей, въ 1695 году, на двадцать третьемъ году своего возраста, походомъ къ устью Дона. Сей походъ былъ не совсѣмъ удаченъ: Петръ Великій еще учился побѣждать; но на слѣдующій 1696 годъ Турки вездѣ разбиты, и взяты приступомъ Азовъ, съ помощію тогда вѣрнаго, но послѣ славнаго измѣною своею, гетмана Мазепы. Въ 1698 году городъ сей, вслѣдствіе перемирія, заключеннаго съ Турками на два года и потомъ обращеннаго въ тридцатилѣтній миръ, уступленъ Россіи со всѣмъ кругомъ.

Сіе приобрѣтеніе было отиѣнно важно, хотя заключалось въ весьма небольшомъ пространствѣ. Оно доказываетъ, что Петръ Великій искалъ еще болѣе пользу своего народа, чѣмъ славу его, и тѣмъ въ потомствѣ умножилъ собственную. Это было единственное отверстіе, черезъ которое торговлѣ Россійской открывался тогда морской путь въ отдаленнѣйшія страны. Дабы упрочить и ополезить сіе новое приобрѣтеніе, Петръ Великій поспѣшилъ умножить укрѣпленія Азова и на сѣверной сторонѣ моря сего имени построилъ новый портовый городъ, Таганрогъ, недавно прославленный кончиною одного изъ его преемниковъ.

Основанный полубогомъ, который населялъ и животворилъ прибрѣтаемая имъ безлюдныя степи Юга, равно какъ и непроходимыя лѣса и болота Сѣвера, и вездѣ, гдѣ ни ступалъ, оставлялъ слѣды величія своего, юный Таганрогъ началъ быстро процвѣтать. Торговля для политическихъ тѣлъ столь же необходима, какъ воздухъ для человѣческихъ; безъ нея душно народу, она все живить, свѣжить, и движеть, и обращается туда, гдѣ представляется ей какая нибудь возможность сообщаться. И потому нимало не удивительно, при взглядѣ на нынѣшній Таганрогскій портъ, что изъ средины Россіи, со всѣхъ сторонъ заслоненной тогда отъ морей, потекли товары къ сей единственной точкѣ, гдѣ могли они выгодно сбываться.

Здѣсь не мѣсто говорить о всѣхъ неудобствахъ сего, такъ называемаго, порта; далѣе постараемся мы объяснить ихъ. Еслибъ Петръ Великій, владѣя Крымомъ и всѣмъ тѣмъ, чѣмъ нынѣ Россія владѣетъ, избралъ Таганрогъ для учрежденія тутъ порта, то со всѣмъ благоговѣніемъ къ священной памяти величайшаго изъ Русскихъ должны бы мы были сказать, что онъ сдѣлалъ ошибку. Но онъ не избиралъ и не предпочиталъ, а основалъ тутъ торговый городъ, какъ Генуезцы въ Кафѣ, не имѣя ничего лучшаго и изъ малаго умѣя извлекать пользу. Въ запискахъ одного Англійскаго морскаго офицера,

во многихъ походахъ его сопровождавшаго, найдено, говорятъ, недавно, что Государь самъ ему въ томъ сознавался и изъявлялъ сожалѣніе, что не имѣеть въ рукахъ своихъ Керчи и Босфорскаго пролива.

Съ безпокойнымъ духомъ смотрѣли Турки на растущіе Азовъ и Таганрогъ. Недальновидное ихъ правительство, если не умѣло предвидѣть, то, по крайней мѣрѣ, кажется, предчувствовало, куда нѣкогда могутъ довести сіи первые шаги Московъ-гяуровъ, коихъ имя, дотогѣ съ презрѣніемъ, но тогда уже съ досадою и ужасомъ, они произносить начинали. Болѣе десяти лѣтъ не держали они воевать противъ Россіи; но когда изложенный подъ Полтавою, бѣшеный Карлъ XII спасся въ Бендеры, когда всегдашній недругъ нашъ, Крымскій ханъ, Девлетъ-Гирей, началъ имѣть сноски съ приближающимися войсками нашими, то, возбуждаема будучи ими, Порта рѣшилась, въ концѣ 1710 года, объявить войну.

Достопамятный и неудачный походъ 1711 года въ Молдавію есть событіе неприятое для самолюбія народнаго; но оно доказываетъ, какое уваженіе и страхъ Петръ Великій успѣлъ уже поселить во врагахъ своихъ. Стѣсненный между неприятельской арміею и Прутомъ, обложенный со всѣхъ сторонъ, какъ сѣтями, сей левъ казался имъ еще ужаснѣе. Первое слово о мирѣ принято съ удовольствіемъ: не смѣя коснуться его, съ радостію смотрѣли они на его удаленіе. Но миръ, заключившій сію вторую войну съ Турками, лишилъ Россію плодовъ, прибрѣтенныхъ первою: Азовъ уступленъ имъ обратно, и разрушенъ недавно построенный молъ въ Таганрогѣ.

Двадцать пять лѣтъ продолжался миръ сей. Между тѣмъ Петра Великаго не стало; но преобразованная имъ Россія, по направленію, имъ данному, быстрыми шагами пошла къ просвѣщенію. Воцарилась суровая Анна Ивановна, или, лучше сказать, временщикъ ея, Биронъ; при немъ, въ государственномъ управленіи и въ войскѣ первыя мѣста заняли иноземцы. Одни, считая себя наставниками, призванными образовывать младенствующій народъ, съ гордымъ презрѣніемъ смотрѣли на грубые нравы его и, думая исправлять ихъ строгостію, безжалостно Россію терзали; другіе, вводя дисциплину въ войскѣ, начали ломать Русскія кости, чтобы дать имъ Нѣмецкую прямыню. Все безмолвно покорствовало въ вѣрности къ престолу и къ священной крови Романовыхъ, въ жилахъ Императрицы текущей. Только одинъ Минихъ изъ всѣхъ чужестранцевъ сихъ думалъ о славѣ, и то о собственной: ему хотѣлось войны съ Турками. Походъ Крымскаго хана, Капланъ-Гирея, къ Кубани, чрезъ земли, Россіи принадлежащія, нарушеніе тѣмъ послѣдняго трактата, разбитіе хана нашими войсками, посланными препятствовать ему, и неудовлетворительные отвѣты султана, все это подало поводъ къ войнѣ, которой противился канцлеръ Остерманъ; но мнѣніе Миниха превозмогло.

Въ первый разъ послѣ пта Татарскаго, Русскія войска, въ 1736 году, вошли въ Крымъ подъ предводительствомъ искуснаго, къ сожалѣнію, не-Рус-

скаго полководца Миниха. Упорство и неустрашимость стодесятитысячной Турецко-Татарской арміи, защищавшей хорошо укрѣпленныя линіи Перекопа, не могли остановить ихъ; они видѣли предъ собою неприступное убѣжище скрывающее толпы злодѣевъ, со столь давняго времени и такъ часто опустошавшихъ предѣлы Россіи, разбили армію, пробились сквозъ укрѣпленія и кипя местію, кинулись во внутрь полуострова. Ужасовъ сей истребительной войны нельзя представить; казалось, что время нимало не изгладило изъ памяти бѣдствій, нѣкогда Татарами нашимъ предкамъ нанесенныхъ; казалось, что душа безчеловѣчнаго Бирона, тогда въ Россіи повелѣвавшаго, перешла въ каждаго изъ ея воиновъ; цвѣтущій Крымъ они залили кровію. Погибли тогда въ огнѣ и великолѣпіе Бахчисарая, и богатства Козлова: сады, мечети, бани, равно какъ и беззащитные жители, все предавалось разрушенію или смерти. Надѣлавъ много шума, проливъ много крови, Минихъ къ осени долженъ былъ опять тою же дорогою выйти изъ Крыма.

Въ слѣдующемъ 1737 году Минихъ пошелъ къ Очакову; а другой, также иностранный генераль, Ласси вступилъ въ Крымъ другою дорогою, идя вдоль Азовскаго моря чрезъ узкой Ениченской проливъ и Арабатскую косу или стрѣлку, пока ханъ стоялъ и ожидалъ его у Перекопа. Арабатская коса идетъ между Азовскимъ моремъ и Гнилымъ или Сивашскимъ; она имѣетъ болѣе ста верстъ длины, а ширины отъ двухъ до четверти верстъ, или и менѣе, и на концѣ ея построена, для защиты Крыма, крѣпость Арабатъ, которая даетъ ей свое имя. Ничего не могло быть отважнѣе сего предпріятія; вѣрно, Ласси зналъ, что онъ ведетъ людей, которымъ стоитъ показать опасности и приказать ихъ преодолѣть, чтобы быть увѣрену въ ихъ повиновеніи. Цѣль нимало не соответствовала дерзости предпріятія, ибо удержаться въ Крыму намѣренія не было; повторены только ужасы предыдущаго похода: восемь сотъ селеній и многолюдный торговый Карасу-Базаръ сдѣлались жертвою пламени.

Въ 1738 году Русскіе вошли въ Крымъ въ третій и въ послѣдній разъ, опять черезъ Перекопъ, съ тѣмъ же самимъ генераломъ Ласси; но едва сдѣлали три перехода впередъ, какъ должны были воротиться, чувствуя всякаго рода недостатки въ краю, ими же самими разоренномъ. Минихъ симъ временемъ обратился совсѣмъ въ другую сторону: взявши Очаковъ, онъ занялъ Хотинъ и Яссы, и потомъ осаждалъ Бендеры. Одинъ Керченской полуостровъ, уголокъ забытый, не участвовалъ тогда въ бѣдствіяхъ, весь Крымъ постигшихъ.

Въ концѣ слѣдующаго 1739 года приступила Россія къ миру, между Австріей и Турціей заключенному; все, что взято, отдано опять назадъ. Тѣмъ и кончилась сія безчеловѣчная, бесполезная и безславная война, достойная временъ людоѣда Бирона. Не будемъ слишкомъ строго судить воиновъ нашихъ; вспомнимъ, что въ то время почти всѣ народы такъ воевали. Скорѣе должно обвинить всѣхъ генераловъ, сихъ мнимыхъ нашихъ просвѣтителей и

побѣдодавцевъ, всѣхъ этихъ Штокмановъ, Штофельновъ, Шпигилей, Левендалей, Брендалей, Кайзерлинговъ и Ферморовъ, коихъ имена являются въ тогдашнихъ реляціяхъ и среди коихъ замѣтно одно только Русское имя, Аракчеева! Устрашая Русскихъ солдатъ болѣе, чѣмъ непріатели, имъ легко бы было удержать ихъ отъ жестокостей, но, можетъ быть, не безъ удовольствія смотрѣли они на остервенѣніе ихъ и тѣпились отчаянной борьбой двухъ храбрыхъ народовъ, какъ медвѣжьей травлей. Кого въ семь случаевъ варварами назвать можно?

Мы приблизились къ эпохѣ блистательнѣйшей въ исторіи нашего Отечества. Божество, во образѣ женщины, возсіяло въ 1762 году на Россійскомъ престолѣ, и потомъ, въ продолженіи тридцати пяти лѣтъ, лило на народъ, ему поклоняющійся, просвѣщеніе, счастье и славу. Въ золотой вѣкъ Екатерины Второй Русскіе рѣшительно взяли верхъ надъ Турками.

Первая война съ ними началась въ 1768 году; предлогомъ къ оной служило имъ преслѣдованіе нашими войсками Польскихъ конфедератовъ до Балты, города, Турціи принадлежащаго. Мы слишкомъ удалились бы отъ предмета своего, еслибъ позволили себѣ, хотя вкратцѣ, описывать походы Румянцова въ Молдавію и за Дунай. Скажемъ только, что кампанія 1770 года открыта была блестящимъ образомъ: побѣдою его, 21-го Іюля, при Кагулѣ, морскою побѣдою Орлова, 24-го Іюня, при Чесмѣ, и взятіемъ неприступной тогда крѣпости Бендеръ Панинымъ.

Въ 1771 году другая армія, подъ предводительствомъ князя Василя Михайловича Долгорукаго, названнаго за то Крымскимъ, заняла полуостровъ сего имени. Она вошла двумя отдѣленіями: первое, не встрѣтя сопротивленія, переправилось чрезъ Ениченской проливъ и прошло Арабатскую косу, а второе должно было опять пробиваться чрезъ линіи Перекопа.

Съ удивленіемъ увидѣли жители Крыма посреди себя мирными гостями тѣхъ самыхъ воиновъ, которые съ небольшимъ тридцать лѣтъ предъ тѣмъ, казалось, хотѣли оставить въ цвѣтушемъ ихъ краѣ однѣ могилы и развалины. Такъ времена и люди перемѣнились. Такое поведеніе имѣло послѣдствія самыя выгодныя для Россіи. Татарь легко убѣдили сбросить съ себя иго Оттоманской Порты, признать надъ собою покровительство Россіи и свободно пользоваться правомъ самимъ избирать своихъ хановъ, изъ семейства, триста лѣтъ ими владѣющаго. При радостныхъ восклицаніяхъ и съ большимъ торжествомъ выбрали они и посадили на престолъ молодаго Сагинъ-Гирея, котораго судьба назначила быть послѣднимъ ханомъ Крымскимъ.

Въ семь самомъ 1771 году древній Воспоръ или Тмутараканское княжество коего, имена уже давно были забыты въ мѣстахъ, ихъ носившихъ, увидѣли опять, послѣ шести съ половиною вѣковъ, прежнихъ властителей своихъ, Русскихъ. Отрядъ ихъ, подъ начальствомъ генераль-маіора Николая

Владимировича Борзова, приблизился къ Киммерійскому проливу и занялъ на берегу его двѣ крѣпостцы весьма не важныя, въ десяти верстахъ одна отъ другой отстоящія, Керчь, старую, и Еникале, новую крѣпость, какъ имя сіе по-турецки означаетъ. Подлѣ каждой изъ нихъ форштатъ, изъ шести или семи Татарскихъ хижинъ состоящій, и вокругъ—безчисленное множество могилъ и кургановъ. Вотъ въ какомъ видѣ предстала имъ тѣнь Восторскаго царства.

Между тѣмъ безпрестанные успѣхи Румянцова нѣсколько лѣтъ съ ряду, совсѣмъ въ другой сторонѣ, утомили Турецкое правительство и заставили поваго султана, Абдуль-Гамида, приказать верховному визирю своему заключить миръ, во что бы ни стало. Миръ сей подписанъ 10-го Іюля 1774 года побѣдоносною рукою Румянцова въ палаткѣ сего великаго полководца, въ лагерѣ при деревнѣ Кучюкъ-Кайнарджи. Условія его были умѣреннѣе, чѣмъ Турки ожидать могли. Возвращеніе совсѣмъ уже разореннаго и почти не существующаго Азова, признаніе независимости Крымскихъ хановъ, присоединеніе къ Россіи Керчи, Еникале и Кинбурна ¹⁾, вотъ главныя статьи.

Почему Императрица довольствовалась тогда пріобрѣтеніемъ сихъ незначительныхъ мѣстъ, мы того сказать не можемъ; была ли она, подобно Петру Великому, убѣждена выгодами положенія Керчи для торговли? Видѣла ли она въ Восторѣ древнюю собственность Россіи, которую возвратитъ надлежало? Или, что всего вѣроятнѣе и что въ послѣдствіи времени опыты показали, она тогда уже имѣла намѣреніе, чтобы, схвативъ съ обоихъ концовъ послѣдній обломокъ огромнаго, нѣкогда наше Отечество подавлявшаго и давно уже погибшаго, Балыева царства и отдѣливъ его отъ Турокъ, послѣ, при первомъ удобномъ случаѣ, безъ усилій, приставить его къ Россіи?

Промежутокъ времени между первою и послѣднею Турецкою войною при императрицѣ Екатеринѣ миромъ назвать невозможно. Едва прошелъ годъ послѣ заключенія Кайнарджійскаго трактата, какъ уже верховный визирь началъ съ негодованіемъ говорить Русскому послу, князю Репнину, объ уступкѣ, сдѣланной Турціей, и изъявлять надежду на непродолжительность мира. Съ тѣхъ поръ были непрерывныя покушенія Турецкаго правительства, чтобы возстановить власть свою въ Крыму; тайно имъ подосланные старались взбунтовать Татаръ. Селимъ-Гирей, родственникъ хана, явился въ Бакчисараѣ и, по бѣгствѣ сего послѣдняго въ Каффу, сѣлъ на его престолъ, поддержанный возмущившимся народомъ. Гарнизоны, оставленные въ Кинбурнѣ и Керчи, и другія войска, вблизи находившіяся, заняли полуостровъ, и все пришло въ прежній порядокъ. Показался Турецкій флотъ, начались

¹⁾ Кинбурнъ или Киль-Бурунъ и Акиль-Бурунъ, то есть, Ахилловъ носъ или мысъ, есть крѣпость, построенная Турками на остроконечности Таврической губерніи, гдѣ кончается лиманъ Днѣпра и начинается Черное море, противъ Очакова и подлѣ длиннаго острова, Тондры, гдѣ, равно какъ и на мысу семь, было Ахиллово ристалище и праздновались игры въ честь сего полубога.

и непріязненные дѣйствія, былъ уже явный разрывъ; но стараніемъ Французскаго посланника, Сень-При, въ 1779-мъ году, кое-какъ поладили, и новый договоръ подтвердилъ всѣ прежніе.

Еще за годъ до того явно обнаружилось намѣреніе Екатерины овладѣть Крымомъ и всѣмъ пространствомъ, между имъ и Россіей находящимся. Посреди голой степи, на землѣ, еще трактатами намъ неуступленной, въ виду Ногайцевъ и все еще не совсѣмъ покорной Запорожской Сѣчи, во сто верстахъ отъ Перекопа и вѣзда въ полуостровъ, при Днѣпровскомъ лиманѣ, ея повелѣніемъ родился въ 1778 году и вскорѣ выросъ, новый городъ съ большою крѣпостію, адмиралтействомъ и верфью ¹⁾. Онъ названъ древнимъ именемъ *Херсона*, въ память ли прежняго Херсона, въ которомъ крестился Св. Владимиръ и коего развалины видны близъ Севастополя, или, можетъ быть въ предзнаменованіе владычества Россіи надъ Таврическимъ Херсонисомъ.

Часть сей, наконецъ, наступилъ. Русскія войска почти не выходили изъ Крыма; въ началѣ 1783 года князь Потемкинъ отправился туда самъ, и волею, или неволею, убѣжденіями, или угрозами, склонилъ Сагинъ-Гирея ²⁾ отказать отъ ханскаго своего престола въ пользу Россійской Императрицы, которой именемъ Потемкинъ и вступилъ во владѣніе полуострова. Порта замолчала тогда, но началъ приготовляться въ войнѣ.

Поспѣвшимъ окончить первую часть сей исторической Записки, въ коей часто поневолѣ должны мы были касаться до происшествій, не прямо къ Керчи относящихся, но которыя, однакоже, на судьбу сего мѣста имѣли великое вліяніе. Чтò остается сказать намъ? Крымъ присоединенъ навсегда къ Россіи, ему возвращено классическое названіе Тавриды, долго потерянное имъ во времена варварства; грубыя Татарскія имена городовъ его, Козлова, Акмечети, Ахтиара и Каффы, замѣнены Греческими, для слуха пріятными, названіями: Евпаторіи, Симферополя, Севастополя и Феодосіи. Онъ обращенъ въ губернію, въ коей введенъ гражданскій порядокъ, основанный на общихъ законахъ, въ государствѣ существующихъ; разнороднымъ жителямъ его поданы способы къ просвѣщенію и обогащенію, и если до сихъ поръ они не умѣли тѣмъ воспользоваться, то не вина правительства; по крайней мѣрѣ, нетревожимые въ дѣлахъ вѣроисповѣданія своего, необременные налогами, ведутъ они спокойную и лѣнливую жизнь, подъ сѣнію кроткой державы, еще болѣе милосердой къ покореннымъ народамъ, чѣмъ къ насльдственнымъ.

¹⁾ Строить города на непріятельской землѣ и посреди войны есть древній обычай у Русскихъ царей. Еще до Петра Великаго и Петербурга выстроены Иваномъ Васильевичемъ Свѣяжскъ, въ 30 верстахъ отъ Казани, во время осады сего города.

²⁾ Сей несчастный ханъ согласился ѣхать на житье въ Воронежъ съ 800 тысячъ рубл. жалованья. Недовольный чѣмъ-то онъ послѣ изъявилъ желаніе отправиться въ Константинополь; согласились на то, желая отъ него отдѣлаться, а его въ Турецкой столицѣ ожидала честь быть удушеннымъ шелковой веревкой.

Здѣсь нельзя преити молчаніемъ достопамятнѣй для Крыма 1787 годъ, въ которомъ осчастливленъ былъ онъ посѣщеніемъ новой своей Владычицы. Много было тогда говорено и писано о семъ путешествіи, напоминающемъ времена баснословныя; здѣсь, до сихъ поръ, оно служить эпохой: такой-то, говорятъ, родился, такой-то женился послѣ, а такой-то до появленія здѣсь Сѣверной Царицы. Старики и повнѣ съ восторгомъ разсказываютъ дѣтямъ и внукамъ, какъ они видѣли свѣтозарную женщину, окруженную царями и вельможами, величественно плывущую по Днѣпру въ позлащенной яхтѣ, какъ народы изъ дальнихъ мѣстъ бѣжали къ ней на встрѣчу и на поклоненіе, какъ города и села съ жителями минутно являлись на ея пути, чтобы, среди пустыни, развеселить ея взоры, какъ все устроено было для изумленія. Далѣе Θεодосіи она не поѣхала, и во всемъ Крыму одна только Керчь осталась во мракѣ, Керчь, хотя не важное, но самое первое ея завоеваніе и ключъ, открывшій ей Тавриду!

Сей 1787 годъ памятенъ въ Новороссійскомъ краю еще по двумъ происшествіямъ. Въ теченіи его прекратилось существованіе Запорожской Сѣчи и уничтожилось самое имя Запорожцевъ. Сіе противонатурное общество даетъ понятіе, чтѣ такое была Спарта въ древности, въ которой любителямъ ея все кажется прекраснымъ: оно не могло быть терпимо, когда окрестъ его вездѣ начиналось устройство. Съ начала отобрания у него всѣхъ селеній, лежащихъ вправо отъ Елисаветграда, пониже Кременчуга, по Днѣпру, куда отсылались тѣ изъ Запорожцевъ, которымъ позволялось жениться, и одно изъ сихъ селеній, *Половица*, сдѣлано губернскимъ городомъ и названо Славою Екатерины; потомъ построено нѣсколько укрѣпленій, которыя, удерживая буйныхъ и мало по малу стѣсняя, лишали ихъ всей отважности. Наконецъ, изречено повелѣніе. жениться симъ, добровольно безбрачнымъ, и идти спокойно населять землю Кубанскую, между рѣкою сего имени и Азовскимъ моремъ, или Азіятскій Воспоръ, который, вмѣстѣ съ Крымомъ, въ 1783 году, поступилъ во владѣніе Русское и по удаленіи Ногайцевъ совершенно опустѣлъ. Противиться было невозможно: они съ видомъ благодарности должны были принять дарованныя имъ земли, лѣса, соляныя озера, рыболовли, однимъ словомъ, всѣ угоды изобильной страны, которыя, конечно, не могли замѣнить въ глазахъ ихъ потерянной прежней вольности. Иные изъ нихъ поудачѣ, вспомнивъ, какъ нѣкогда предшественники ихъ, спускаясь въ непрочныхъ ладьяхъ по Днѣпру и чрезъ бурныя волны всего Чернаго моря, отваживались брать приступомъ Синоцъ, рѣшились убѣжать къ Туркамъ чрезъ всѣ опасности, и тамъ, за Дунаемъ, поселиться близъ невѣрныхъ. Оттуда по одиночкѣ, или малыми партіями, выходятъ они въ Валахію и Молдавію и безнаказанно грабятъ и убиваютъ жителей сихъ несчастныхъ вняжествъ, не имѣющихъ ни войска, ни полиціи, и подъ словомъ Запорожецъ разумѣютъ тамъ нынѣ всякаго разбойника. На Кубани это названіе забыто, и Запорожцы переименованы въ войско Черноморскихъ козаковъ, весьма неправильно, намъ кажется: ибо земли ихъ только въ одномъ мѣстѣ привле-

гають къ Черному морю, и то на пространствѣ 25 верстѣ. Въ награду за услуги и мужество, оказанныя ими и кошевымъ ихъ атаманомъ, Четѣгою, при взятіи укрѣпленнаго острова Березани, противъ Очакова, присоединено къ ихъ нынѣшнему имени Черноморскихъ козаковъ названіе *отрныкъ*, котораго, кажется, они стараются быть достойными.

Послѣднее важное происшествіе сего 1787 года было внезапное нападеніе Турокъ на Кинбурнъ, пораженіе, претерпѣнное ими отъ Суворова и, слѣдственно, начало войны. Продолженіе ея и конецъ суть предметы, совсѣмъ посторонніе Керчи: довольно будетъ, если скажемъ, что для Русскихъ побѣда слѣдовала за побѣдой, крѣпость падала за крѣпостью, и что Ясскій миръ, въ 1791 году, съ той стороны еще болѣе распространилъ владѣнія наши.

Недолго послѣ того жила Благодѣтельница Россіи. Годы бѣгутъ за годами, и много прошло уже времени со дня ея кончины. Съ тѣхъ поръ Россія имѣла новые чрезвычайные успѣхи во всѣхъ родахъ: ея войны съ побѣдою входили въ столицы Италіи, Германіи и Франціи, много было шуму, много славы, много происшествій. Все это между современниками изглаживаетъ память о Еватеринѣ; свидѣтели и участники ея великихъ дѣяній одинъ за другимъ уходятъ въ землю; тѣхъ, коихъ смерть еще пощадила, слушаютъ новыя поколѣнія съ равнодушіемъ или презрѣніемъ, полагая, что видѣнное ими превосходитъ рассказываемое, и чтобы съ участіемъ слушать и вѣщать о ней, скоро останемся только мы, любезные ровесники, мы, у которыхъ конецъ ея необыкновенно - благополучнаго царствованія и первоначальные, блаженные дни младенчества нашего, сливаясь вмѣстѣ, остались въ памяти, какъ прелестный сонъ, котораго изъяснить невозможно.

Такъ, въ насъ, по крайней мѣрѣ, неблагодарность къ ней будетъ непростительна; особенно же здѣсь, посреди этого обширнаго пространства земли, какъ бы отъ вѣка обреченнаго запустѣнію и варварству, гдѣ дотолѣ бродили одни дикія племена Скиѣскія, кочевали попеременно Печенѣги, Козары, Половцы, Монголы и Татары, гдѣ торговля и просвѣщеніе не во многихъ мѣстахъ иногда могли прислоняться, и вскорѣ потомъ были изгоняемы, въ этой Новой Россіи, гдѣ все говорить объ ней и объ ея мудрому правленіи, въ краю, завоеванномъ мечемъ ея Румянцовыхъ, Суворовыхъ, Каменскихъ и Кутузовыхъ, населенномъ, обстроеномъ своенравно, но сильною волею ея Потемкина, кто изъ насъ можетъ здѣсь вспомнать объ ней безъ умиленія и восторга, и кто осмѣлится осудить или осмѣять ихъ? Существо чудесное! Великій мужъ и женщина чувствительная, она умѣла соединять всю силу, всю твердость ума, отличающихъ одинъ полъ, съ слабостями, которыя мы любимъ находить въ другомъ, и которыя, по воплощеніи своемъ, сія неземная осуждена была приносить въ дань міру сему, въ который она, для счастья людей, была ниспослана.

Если наши пламенные желанія насъ не обманываютъ, то великій духъ ея не оставлялъ ни ея семейства, ни страну и народъ, ею облагодѣренный, и перешелъ весь во младенца, предъ самою смертію ея, отъ ея сына рожденнаго. Онъ явился въ міръ, когда она его покидала; послѣдніе лучи сего заходящаго свѣтила озаряли колыбель его, и она нарекала его именемъ, любезнымъ для Русскихъ воиновъ, и морскихъ, и сухопутныхъ. Теперь онъ царствуетъ надъ нами. Будемъ же молить Всевышняго, чтобы онъ слѣдовалъ по стопамъ ея въ государственномъ правленіи, не искалъ для себя иныхъ образцовъ, чтобы изъ созданнаго ею сохранилъ все уцѣлѣвшее и возстановилъ все разрушенное, чтобы, подобно ей, всегда любилъ народъ Русскій и, подобно ей, былъ всегда имъ обожаемъ, и какъ она, царствовалъ долго, счастливо и славно!

II.

Желая представить положеніе, въ которомъ нашли мы маленькій городъ Керчь, необходимо нужно будетъ намъ означить напередъ перемѣны, послѣдовавшія съ нимъ съ того времени, какъ онъ вновь поступилъ во владѣніе Россіи.

Когда сіе мѣсто въ 1771 году заняли Русскія войска, и потомъ оно въ 1774 году, по Кайнарджійскому миру, намъ совсѣмъ было уступлено: то, какъ первое завоеваніе, оно много претягало на себя вниманіе правительства. Не принадлежали тогда Россіи ни Крымъ, ни нынѣшній Мелитопольскій уѣздъ (тогда жилище кочующихъ Ногайцевъ), ни даже Тамань, почти въ виду Керчи стоящая; другаго сообщенія съ Россіей сіе новое владѣніе тогда не имѣло какъ чрезъ Таганрогъ и Азовское море. Находившійся въ то время съ флотомъ въ Архипелагѣ, графъ Орловъ-Чесменскій, предложилъ поселить тутъ болѣе тысячи семействъ Грековъ-островитянъ, которые, боясь ужасовъ Турецкаго мщенія, молили его принять ихъ подъ свое покровительство и увести съ собою. Такое предложеніе не могло быть отвергнуто: спасти отъ сабли Магометанской несчастныхъ единовѣрцевъ, населить ими отдаленный и отдѣленный отъ насъ край,—и польза и справедливость того требовали; къ тому же воскресеніе Греціи было всегда любимой мечтою Императрицы, какъ оно и донынѣ еще есть заблужденіе умовъ самыхъ просвѣщенныхъ.

Щедрою рукою посыпались милости на сихъ пришельцевъ: двадцать тысячъ десятинъ удобной земли, соляныя озера, многочисленныя привилегіи и права и тридцатилѣтняя льгота, и все это только въ пользу людей одной Греческой націи, должны были ихъ утѣшить въ новомъ отечествѣ за потерю оставленной ими родины. Соземцы ихъ, въ Крыму живущіе, Татарами какъ Жиды Христіанами, пренебрегаемые, и также, какъ Жиды Христіанъ Татаръ обманывающіе, толпами изъ всѣхъ концовъ полуострова потекли въ сіе убѣжище, въ сію новую Элладу. Въ самое короткое время народонаселеніе въ Керчи и Еникале возрасло до шестнадцати тысячъ душъ,

сильный гарнизонъ умножалъ многолюдство, и сіи двѣ Греческія колоніи представляли видъ дѣятельный и веселый. До сихъ поръ довольно свѣжія ямы, гдѣ видны остатки камней, служившихъ основаніемъ домовъ, показываютъ, какъ далеко простиралось заселеніе двухъ городовъ.

Сіе цвѣтущее состояніе не было продолжительно. Какъ скоро Крымъ рѣшительно присоединенъ къ Россіи, то Греческіе выходцы изъ разныхъ городовъ и селеній его поспѣшили обратно на прежнія свои пепелища: тамъ представлялось имъ гораздо болѣе удобствъ обманывать и грабить Татаръ съ безопасностію. Керчь и Еникале не опустѣли еще, но почти на половину уменьшилось число ихъ жителей.

Сильнѣйшій ударъ благосостоянію сихъ городовъ былъ нанесенъ двадцать лѣтъ позже. Прежде нежели дойдемъ мы до того, должно объяснить начало величайшаго, богатѣйшаго, торговѣйшаго изъ городовъ Новороссійскихъ, почти столицы всего края, Одессы. Контръ-адмиралу Рибасу, искусному моряку, тонкому и пронырливому Итальянцу, удалось съ гребнымъ флотомъ, которымъ онъ начальствовалъ, взять въ 1790 году Турецкую крепость Гаджибей. Это было не что иное, какъ съ небольшимъ числомъ разбросанныхъ вокругъ его землянокъ маленькій шанецъ въ степи, надъ крутымъ берегомъ Чернаго моря, на половинѣ дороги между Бугскимъ и Днѣстровскимъ лиманами. Кажется, завоеваніе это было единственный трофей Рибаса; но какъ иностранцы всегда у насъ мастера выставлять въ большомъ видѣ содѣянное ими и украшать истину, то подвигъ г. Рибаса почтенъ чудеснымъ.

Незадолго передъ симъ чудеснымъ подвигомъ начали строить еще новый городъ. Когда послѣ долговременной осады взять былъ приступомъ Очаковъ 6 Декабря 1788 года, и разрушенныя огнемъ и ядрами стѣны его потонули въ крови жителей, то побѣдитель его князь Потемкинъ захотѣлъ въ память этого великаго дня и въ честь святаго чудотворца Николая, покровителя Русскихъ солдатъ, въ праздникъ коего они Очаковъ штурмовали, поставить новый городъ, не на дымящихся развалинахъ прежняго, а въ нѣкоторомъ отъ него разстояніи. Основателемъ взялся быть Фалѣевъ, простой гражданинъ, подъ покровительствомъ Потемкина разбогатѣвшій въ подрядахъ: онъ на постройку Николаева истощилъ всю собственную казну свою и за то похороненъ въ соборной церкви сего города.

Князь Потемкинъ не могъ предвидѣть, что возникающій городокъ Николаевъ, въ 60 верстахъ отъ любимаго его Херсона (въ которомъ уже сдѣланы были купеческій и военный порты и которому въ обширныхъ замыслахъ своихъ назначилъ онъ быть столицею Южной Россіи) скоро затмить его блескъ и будетъ первою виною его паденія. Но какъ мѣсто, гдѣ находится Николаевъ, при устьѣ судоходной рѣки Ингула и соединенія лимановъ Днѣпровскаго и Бугскаго, гораздо удобнѣе для строенія и храненія ко-

раблей, то тотчас послѣ смерти Потемкина и переведено туда главное управленіе Черноморскаго флота.

Главнымъ начальникомъ Черноморскихъ портовъ и флота назначень былъ доблестный Мордвиновъ, честь имени Русскаго, который прежде дѣлами, нынѣ же совѣтами съ пользою ревностно служить государству. Онъ сдѣлался вторымъ или, лучше сказать, настоящимъ основателемъ Николаева: въ рукахъ такого человѣка не могъ сей городъ не увеличиться, не усилиться, не украситься. Между адмиралами Русскимъ и Неаполитанцемъ было какое-то соперничество, какія-то несогласія. Дѣло странное! Иностранцы въ Россіи не любятъ, когда Русскіе имѣютъ какіе-нибудь блестящіе успѣхи. Рибасу стало завидно: онъ началъ выдумывать, какъ ему помрачить Мордвинова и, наконецъ, затѣялъ третій большой городъ.

Верстахъ въ осмидесяти отъ Николаева и съ небольшимъ въ сорока отъ теперешней Одессы, на пересохшемъ нынѣ заливѣ Тилигулѣ и рѣчкѣ сего имени, въ древности былъ маленькій Греческій городъ Ордиссосъ или Одиссосъ, построенный въ честь Одиссея-Улисса, въ долгихъ странствованіяхъ своихъ будто бы и сіи мѣста посѣтившаго. Сего было достаточно, чтобы плѣнить, даже въ старости, еще пылкое и цвѣтущее воображеніе Императрицы; Рибасъ зналъ это и поспѣшилъ предложить основаніе Одессы на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ шанецъ Гаджибей и которое было свидѣтелемъ его славы*).

Въ 1794 году указомъ велѣно заложить уѣздный городъ Одессу и позволено иностраннымъ купеческимъ кораблямъ приходить къ его порту съ товарами. Такими портами усѣяны всѣ берега Чернаго моря: гдѣ ни при-ткнись, вездѣ можно сдѣлать ему подобный, открытый со всѣхъ сторонъ и для всѣхъ вѣтровъ. Какая мысль была у Рибаса, Богъ знаетъ; неужели одно удовольствіе обманывать? Между тѣмъ инженерному генералу Де-Волану, строившему по новой границѣ на Днѣстрѣ новую линію крѣпостей, приказано построить также крѣпость и въ Одессѣ, хотя городъ сей въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Днѣстра находился. Со всѣми средствами, которыя были дозволены Рибасу, со всѣми его усиліями, въ два года едва могло накопиться жителей тысячи полторы, и все почти однихъ бродягъ; впрочемъ, Римъ и Венеція такъ начинались.

При наслѣдникѣ Екатерины Второй Новороссійскій край былъ совсѣмъ почти заброшень: изъ трехъ намѣстничествъ, Екатеринославскаго, Таврическаго и Вознесенскаго, его составлявшихъ, сдѣлана одна Новороссійская губернія, коею нѣсколько времени управлялъ военный губернаторъ Бердяевъ. Онъ дѣлалъ представленіе между прочимъ о томъ, чтобы всѣ казенныя зданія

*) Въ 36-ти верстахъ оттуда построенъ былъ въ тоже время Овидіополь въ честь Овидію, который изъ ссылки своей въ древней Мизіи не только за Дунай, но и за Днѣстръ будто бы иногда перебирался. Весьма неравною участію пользуются города Овидія и Улисса.

въ Одессѣ и даже землю, на которой городокъ сей былъ расположенъ, продать съ публичнаго торга, и о томъ въ Совѣтѣ было разсуждаемо. Впрочемъ, предложеніе сіе не столь безразсудно, какъ иные думаютъ.

Съ восшествіемъ на престолъ покойнаго государя Александра Павловича, въ 1801 году, просіяло небо для Великой и Малой, для Старой и Новой Россіи. Время блаженное, радостное утро столь бурнаго дня и столь пасмурнаго вечера! Нѣтъ, подобнаго тебѣ намъ никогда не видать! Молодые министры молодаго царя вмѣстѣ съ нимъ вскипѣли почти невиданнымъ дотогѣ желаніемъ блага Отечеству и благородный жаръ свой сообщили всѣмъ сословіямъ народнымъ. Но если молодость есть время успѣховъ и счастья, то она же есть и время заблужденій.

Между сими министрами обширными свѣдѣніями, благородными правилами, острою памятью, рѣдкимъ патріотизмомъ и трудолюбіемъ отличался графъ Кочубей, въ такіа лѣта, въ какия немногимъ позволено стать на высокую степень. Онъ въ самой первой молодости былъ посланникомъ въ Константинополь, зналъ хорошо Турцію, и когда управленію его вручено Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, то онъ обратилъ особое вниманіе на провинціи, сопредѣльныя съ областями, Турціи принадлежащими. Его рано созрѣвшій умъ постигнулъ выгоды, какия цѣлое государство получать можетъ отъ Черноморской торговли и вообще какое вліяніе на будущую участь Россіи имѣть должны образованіе и благосостояніе края сего. Онъ умѣлъ объяснить все это Императору, и положено довершить начатое Петромъ и Екаториной.

Къ сожалѣнію, кажется, ошиблись тогда въ средствахъ къ достиженію предположенной цѣли. Учрежденіе трехъ главныхъ портовъ на Черномъ и Азовскомъ моряхъ, Одессы въ 1803, Феодосіи и Таганрога въ 1804 годахъ, назначеніе въ нихъ чиновныхъ и довѣренныхъ градоначальниковъ, хотя и увѣнчаны были быстрыми успѣхами, но сіе служить только доказательствомъ взаимной потребности народовъ обмѣнивать произведенія земли своей, и какъ торговля умѣетъ преодолевать препятствія, поставляемыя ей природою: ибо мы смѣло можемъ сказать, выборъ мѣстъ былъ весьма ошибоченъ.

Природа сама указывала тогда на Очаковъ и Керчь. Очаковъ близко отъ Одессы, въ равномъ съ нею находится разстояніи какъ отъ западныхъ и южныхъ губерній Россійскихъ, такъ и отъ Константинополя, но имѣетъ предъ нею преимущество быть на широкомъ устьѣ Днѣпра и Буга вмѣстѣ: когда каналомъ будутъ обходить пороги первой изъ сихъ рѣкъ, то даже изъ Смоленской губерніи могутъ приходять къ нему суда, которыя далѣе къ Одессѣ по Черному морю идти не могутъ. Черезъ лиманъ имѣетъ Очаковъ прямое, близкое и безопасное сообщеніе съ Таврическою губерніею, а уже о преимуществахъ его рейда предъ Одесскимъ и говорить нечего.

Одесса, какъ мы выше сказали, стоитъ на открытомъ морѣ; искусственный портъ ея, съ чрезвычайными издержками сдѣланные два мола, существуютъ только съ небольшимъ двадцать лѣтъ, а уже пространство между молами и вокругъ ихъ заносится пескомъ и иломъ и съ каждымъ годомъ мѣлѣетъ. Время покажетъ необходимость бросить Одессу или употребить миліоны на продолженіе моловъ.

Первымъ градоначальникомъ Одессы былъ дюкъ - де - Ришелье. Этого человѣка можно назвать цвѣтомъ и перломъ Французскихъ эмигрантовъ: онъ былъ гораздо просвѣщеннѣе другихъ знатныхъ земляковъ своихъ, душа его пылала какимъ-то необыкновеннымъ чистымъ огнемъ, онъ былъ способенъ чувствовать энтузіазмъ, искренно привязался ко второму отечеству своему, Россіи, и умѣлъ привязывать къ себѣ Русскихъ. Безъ семьи, безъ родства, онъ полюбилъ маленькій новый городокъ, порученный ему управленію, какъ нѣжное дитя, которое надлежало ему дѣлать, растить и воспитывать. Способы даны ему были чрезвычайные, для умноженія народонаселенія дозволены ему всѣ средства, сотни тысячъ рублей могъ онъ употреблять, не давая никакого отчета; однимъ словомъ, довѣренность къ нему даже самаго царя была неограниченная, и, къ чести его сказать должно, что онъ никогда ея во зло не употреблялъ.

Отверстіе, сдѣланное произведеніямъ природы и раждающейся промышленности, которыя дотолѣ накоплялись, пропадали и не имѣли, куда вытекать, оживило всю югозападную Россію. Помѣщики ея и крестьяне трудолюбивѣе принялись за хлѣбопашество, вида, какъ часто изъ погорѣлыхъ отъ солнечнаго зноя мѣстъ требовалась пшеница. Все способствовало увеличенію и обогащенію Одессы. Любезный, снисходительный характеръ ея градоначальника, этотъ привольный родъ жизни, который умѣлъ онъ завести, совершенное отсутствіе этикета, неумѣстнаго въ торговомъ городѣ, среди степи раждающемся, все привлекало не только иностранцевъ, но и многихъ нашихъ и Польскихъ богачей. Надобно сказать правду: свой своему по неволѣ другъ, и Французы въ Одессѣ пользовались особеннымъ покровительствомъ и чрезвычайно тамъ поддерживались. Тысячи мелочей, предметы роскоши и потребности прихотей украсили едва построенныя лавочки; вездѣ Французскія вывѣски, Французскія моды, и посреди ихъ полудикіе жители, Азіатскіе наряды и обряды, противоположностію своею еще болѣе поражали. У насъ явились Бордо и Марсель; кто не знаетъ, какое у насъ пристрастіе ко всему Французскому, даже послѣ всего, чтó было съ нами, и потому-то Одесса вошла въ большую моду.

Такіе необычайные успѣхи и въ столь короткое время заставляли ожидать еще важнѣйшихъ. Надобно было не однимъ городомъ ограничить счастливое управленіе дюка - де - Ришелье, а распространить его на весь край, и онъ сдѣланъ генераль-губернаторомъ Новороссійскихъ губерній. Но Одесса

осталась навсегда исключительнымъ предметомъ его неусыпныхъ попеченій; а остальное какъ будто для нея только существовало.

Другія два градоначальства, Теодосійское и Таганрогское, остались не-зависимыми. Между Таганрогомъ, находящимся близъ Великороссійскихъ губерній и отдаленной отъ него Одессой, соперничества быть не могло: одинъ портъ не могъ сдѣлать подрыва другому, а только невольно рождалась зависть въ жителяхъ Таганрога при видѣ быстрыхъ успѣховъ Одессы. Одна только Теодосія, отовсюду удаленная и не имѣющая ничего, кромѣ произведеній Крыма на обмѣнъ привозимыхъ къ ней товаровъ, страдала отъ совмѣстничества съ другими портами. Вообще же между градоначальниками, не зависящими ни другъ отъ друга, ни отъ генераль-губернатора, было соревнованіе, которое имѣло весьма полезное вліяніе на участь вѣрренныхъ имъ городовъ.

Каждое изъ сихъ градоначальствъ имѣло въ вѣдѣніи своемъ не одинъ только портовый городъ, но и большую еще дистанцію вдоль морскаго берега или литтораль, гдѣ устроены были карантинныя, таможенныя заставы и кордоны карантинной и таможенной стражи. Въ дистанцію Теодосійскаго градоначальства вошли сначала маленькіе города Керчь и Еникале и оставались до 1812 года, когда Таганрогскій градоначальникъ, Папковъ, какъ попечитель торговли по Азовскому морю, убѣдилъ правительство, чтобы, по положенію ихъ при входѣ сего моря, они въ его управленіе поступили.

Учрежденіе градоначальствъ и трехъ портовъ было пагубно для Керчи. Прежде того жители его поддерживались нѣсколько заграничной торговлей и была въ немъ нѣкоторая промышленность. Генераль Феньшъ, первый Теодосійскій градоначальникъ, вѣроятно, большой нелюбитель древности, разрушилъ стѣны и башни Теодосіи, еще Генуезцами построенныя, которыя время и варвары пощадили, и потомъ ополчился и противъ Керчи. Онъ выпросилъ указъ, чтобы запретили тамъ всякую выгрузку товаровъ и совершенно уничтожили карантинъ и таможену, тамъ существующіе. Видя разореніе города своего, бѣдшая, лучшая часть жителей, рѣшилась его оставить; немногіе перешли во враждебную, сосѣдственную Теодосію, откуда ударъ имъ былъ нанесенъ, а почти всѣ, имѣющіе капиталы и опытность въ торговыхъ оборотахъ, переселились въ Таганрогъ и Маріуполь, гдѣ и донинѣ находятся. Все, что осталось, можно назвать оборышью: люди бѣдные, грубые, числомъ въ обоихъ городахъ не болѣе полуторы тысячи, живущіе одной только рыбной ловлей въ проливѣ, пересушиваніемъ ея въ балыки, развозомъ ихъ по всѣмъ ярмаркамъ Южной Россіи и отдачей въ наймы пожалованной земли, изъ коей бѣдшая часть остается не обработанною.

Возгорѣвшаяся въ 1806 году война съ Турками должна остаться памятна для Керчи. Здѣсь снарядилась и отсюда отправилась морская экспедиція къ Анатолійскимъ берегамъ, противъ Требизонда. Вслѣдъ за тѣмъ прибылъ сюда, въ 1807 году, генераль-губернаторъ Ришелье съ отрядомъ

войскъ, переправился чрезъ Босфоръ и подступилъ къ Турецкой крѣпости Анапѣ, за Кубанью, у подошвы Кавказскихъ горъ лежащей. Но онъ нашелъ ее уже занятою взявшимъ ее за нѣсколько дней до того со стороны моря начальникомъ Черноморскаго флота, маркизомъ де-Траверсе, и потому вступилъ въ нее безпрепятственно. Лавры, похищенные маркизомъ у дюка, должны были охолодить сихъ господъ Франгузовъ другъ къ другу; но душа послѣдняго была превыше зависти. Онъ желалъ быть полезень, и обзорѣніе Керченской бухты подало ему самыя счастливыя мысли. Походъ его къ Анапѣ имѣлъ для Керчи важныя послѣдствія, какъ мы ниже сего увидимъ.

Достовѣрно мы не могли дознаться, когда построена Анапа. Она изъ четырехъ Турецкихъ крѣпостей, лежащихъ вдоль восточнаго берега Чернаго моря, есть крайняя и ближайшая къ Русскимъ владѣніямъ. Зачѣмъ онъ тутъ? Какъ онъ тутъ? Богъ знаетъ. Правительство наше мало на нихъ обращало вниманія; около нихъ Турецкаго ничего нѣтъ; они на землѣ мнимыхъ данниковъ и явныхъ и тайныхъ враговъ нашихъ, горскихъ народовъ, которымъ чрезъ нихъ Турки подвозятъ орудія и всякаго рода товары и припасы. Въ 1791 году бралъ уже Анапу графъ Гудовичъ, и въ тотъ же годъ, по трактату, отдалъ ее обратно; въ 1807 году опять овладѣлъ ею маркизъ де-Траверсе, какъ мы выше сказали, потомъ приказалъ взорвать ея укрѣпленія, бросилъ ее и удалился. Въ 1809 году безъ сопротивленія занялъ ее генералъ Панчулидзевъ, а дюкъ де-Ришелье ходилъ далѣе и взялъ другую крѣпость, Суджукъ-Кале. Въ 1812 году, при заключеніи Бухарестскаго мира, повторена прежняя оплошность, и онъ возвращены Турціи. При нынѣшнихъ обстоятельствахъ чувствуютъ сдѣланную ошибку. Впрочемъ, крѣпости сіи вредны въ мирное время, а въ военное совсѣмъ не опасны: генералы наши ходятъ брать ихъ шутя.

Теперь намъ предстоитъ дѣло весьма затруднительное. Чтобы объяснить причины возрожденія Керчи, надобно напередъ рассказать повѣсть о двухъ любовникахъ. Герой и героиня сего романа суть лица столь необыкновенныя, что мы не знаемъ, достанетъ ли искусства нашего для изображенія ихъ. Сіе однакоже неизбѣжно. И такъ мы начнемъ съ героя.

Одинъ молодой Генуезецъ, по имени Скасси, за какія-то мерзкія шалости, говорятъ иные, за воровство, былъ выгнанъ изъ дому старшаго брата своего, искуснаго врача. Нѣсколько времени шатался онъ въ Марсели, въ Ливорнѣ и другихъ портовыхъ городахъ Средиземнаго моря и исправлялъ тамъ самыя низкія должности. Но онъ былъ смѣтливъ, проворенъ, весьма не глупъ, успѣлъ узнать всѣ состоянія людей и наблюдательно смотрѣлъ на слабости человѣческія; въ послѣдствіи времени все это много къ успѣхамъ его послужило. Вдругъ узналъ онъ, что въ какомъ-то Русскомъ, новостроющемся приморскомъ городѣ Одессѣ охотно принимаются всякіе бродяги; въ предприимчивой головѣ его родились тысячи замысловъ, тысячи надеждъ, часть коихъ, къ сожалѣнію, время оправдало. Онъ захотѣлъ испытать счастья и

посмотрѣть, нельзя ли будетъ, преставъ слыть плутомъ, не престававъ обманывать людей и самому попасть въ люди. Съ первымъ отплывавшимъ кораблемъ онъ пожаловалъ въ Одессу; тамъ, сначала, въ какомъ-то трактирѣ вступилъ онъ въ скромную должность маркѣра (это всѣ жители Одессы помнятъ) и печально началъ считать били, въ упованіи, что со временемъ будетъ считать сотни тысячъ собственныхъ рублей. Но Фортуна скоро ему улыбулась; онъ возвысился въ достоинствѣ и поступилъ счетчикомъ въ контору торговаго дома Ренд. Отсюда ему уже повезло; далѣе и болѣе, наконецъ узналъ его самъ градоначальникъ Ришелье, одѣнилъ его достоинства и началъ употреблять для тайныхъ порученій. Въ управленіи люди всякаго рода бываютъ нужны.

Какъ бы ни обширны были намѣренія господина Скасси, могъ ли онъ тогда думать, что онъ самъ попадетъ въ создатели градовъ? Чего на Руси не творится! Когда въ 1809 году Ришелье ходилъ къ Суджукъ-Кале, то взялъ его съ собою. Тутъ замѣтилъ онъ рождающуюся взаимную нѣжность между Генуезцемъ и одной дѣвой горъ, бывшей тогда уже женою Русскаго коменданта въ Анапѣ. Желая завести съ Абазинцами сношенія благопріятныя для Россіи, ласковымъ обхожденіемъ привлечь ихъ на нашу сторону и въ Керчи открыть новый источникъ богатства, онъ полагалъ, что можно страсть сихъ молодыхъ людей употребить, какъ полезное къ тому орудіе. Любовь должна была завязать узелъ, который бы въ послѣдствіи времени соединилъ просвѣщеніе съ варварствомъ, образованные народы съ дикими. Мысль прекрасная, достойная рыцаря и Француза. Исполненіе ея не замедлилось; но, прежде нежели о томъ будемъ говорить, должно на время оставить Скасси и обратиться къ его красавицѣ.

Молодая Черкешенка, взятая въ плѣнъ, привезена была, почти въ дѣтствѣ, къ первому губернатору Тавриды, В. В. Каховскому, богатому, старому и холостому. Она была рѣдкой красоты, коей остатки и донинѣ, въ немолодыхъ ея лѣтахъ, еще видны. Прекрасное дитя природы, она усладила, она очаровала старость губернатора; онъ окрестилъ ее и посвятилъ въ свои наложницы: дѣло не совсѣмъ христіанское; но любовь заставляетъ все забывать, и стариковъ еще болѣе, чѣмъ молодыхъ. Въ упоеніи ею, Каховскій прожилъ нѣсколько лѣтъ и, изнуренный ея восторгами, умеръ въ объятіяхъ своей возлюбленной, оставя ей большую часть всего своего имущества.

Привыкнувъ къ Европейскому образу жизни, сія женщина не забывала, однакоже, родину, младенческія свои забавы, пріюты горъ, дикую и величественную природу Кавказа. Сдѣлавшись свободною, поспѣшила она туда. Радость ожидала ее въ кругу ближнихъ; она хотѣла навсегда тамъ остаться, но новыя привычки манили ее обратно въ Крымъ. Сосѣдство мѣстъ доставляло ей удобность часто удовлетворять потребностямъ, такъ сказать, двойной своей натуры.

Такая жизнь сдѣлала изъ нея существо совсѣмъ необыкновенное и оригинальное. Ея высокій, стройный станъ, какъ уголь черные глаза, смѣлыя ухватки, странныя выраженія, показываютъ въ ней горскую породу. Все это, однакоже, умѣряется благопристойностію, вѣжливостію, свѣтскимъ навыкомъ: она любитъ наряжаться по послѣдней модѣ, являться въ токахъ, въ перьяхъ. Но вдругъ все это бросаетъ ей становится душно, она одѣвается Черкесомъ, накидываетъ на себя бурку, вооружается пистолетами, садится на коня, скачетъ по полямъ и взбирается смѣло на крутизны. Говорятъ, что въ прежнія времена никто не обгонялъ ее на бѣгу, никто не умѣлъ такъ искусно плавать, ни такъ мѣтко стрѣлять изъ лука.

По преданіямъ древности, близъ сихъ мѣстъ жили Амазонки. Она во всемъ на нихъ похожа но разнится тѣмъ только, что, подобно имъ, не выжигала сосцовъ своихъ и никогда не лишала себя возможности быть супругою и матерью. Напротивъ того, ей слишкомъ знакома любовь; но не это романическое, платоническое чувство, которое въ большихъ городахъ питается вздохами, надеждами, воспоминаніями: ея ретивому сердцу нужно все положительное, совершенно вещественное, ея любовь есть пламенная, своевольная, даже бѣшенная и неразборчивая иногда въ выборѣ предметовъ.

Сія мужественная жена давно уже извѣстна всему Крыму. Замѣтивъ, что титулы крещеной Черкешенки и вдовствующей любовницы губернатора Каховскаго не даютъ въ немъ большихъ правъ на уваженіе, она задумала приличнымъ супружествомъ и новымъ званіемъ получить ихъ. Дѣло было не трудное: съ достаткомъ и остатками красоты ей легко было сыскать сѣдое и неимущее превосходительство. Она соединилась бракомъ съ генераломъ Бухольцемъ, который былъ послѣ назначенъ комендантомъ въ Анапу, былъ тамъ съ нею во время похода Ришелье къ Суджукъ-Кале, и тутъ-то въ первый разъ встрѣтилась она съ г. Скасси.

Связи Итальянца съ Черкешенкой не могли остаться тайной. Ришелье посредствомъ сихъ связей захотѣлъ положить основаніе другимъ прочнѣйшимъ и полезнѣйшимъ, какъ мы выше сказали. Онъ предложилъ госпожѣ Бухольцъ путешествіе въ горы вмѣстѣ съ Скасси, а ему поручилъ развѣдать о народонаселеніи, о способахъ и о расположеніи къ намъ Нагухайцевъ и Шапсуховъ, тѣхъ изъ Кавказцевъ, которые живутъ ближе къ Черному морю и, зная его сладкорѣчіе, его искусство убѣждать, велѣлъ ему представить имъ въ самомъ лучшемъ видѣ торговыя сношенія съ Россіей. Перспектива путешествія на родину вмѣстѣ съ возлюбленнымъ восхитила огненную Черкешенку; но опасности, съ тѣмъ сопряженныя, были не по вкусу робкаго любовника. Отказаться было стыдно: онъ дрожащею ногою вступилъ въ стремя и пустился за нею.

Новая Ариадна, она не довольствовалась тѣмъ, чтобы дать только одну нить Тезею-Скасси: она съ радостію сама хотѣла предшествовать ему въ ла-

виринае Кавказскихъ горъ, среди безчисленныхъ Кентавровъ-Абазинцевъ, отклоняя отъ него или раздѣляя съ нимъ всѣ опасности и готовясь, если нужно, погибнуть съ нимъ вмѣстѣ, être perdue ou retrouvée.

Живы и цѣлы возвратились наши любовники чрезъ двѣ или три недѣли. Скасси побывалъ въ странѣ, куда далеко никто не заѣзжалъ, въ странѣ чудесъ; было что ему поразсказать; славные бубны привезъ онъ изъ-за горъ. Въ Европѣ есть нація, самая любезная, самая умная, храбрая и блистательная, но люди сей націи, даже самые степенные, всѣ болѣе или менѣе подвержены легкомыслію и легковѣрію. Между ними одна только грубая ложь почитается ложью, а почти всякая другая—приятною выдумкой, украшеніемъ истины и дополненіемъ, которое воображеніе дѣлаетъ къ тому, что дѣйствительно существуетъ. Ришелье былъ Французъ, съ нетерпѣливымъ удовольствіемъ слушалъ Скасси, вѣрилъ ему, а онъ... онъ вралъ безщадно. Въ двѣ недѣли онъ все увидѣлъ, все распозналъ, со всѣми подружился, началъ выдумывать какія-то мудренныя названія мѣстъ и рѣкъ, тяжелыя для слуха и трудныя для выговора. Какъ водится между иностранцами, бранилъ и порицалъ Русскихъ, сихъ варваровъ, которые не умѣютъ взяться за этотъ прекрасный народъ. Онъ брался менѣе чѣмъ въ годъ завести съ нимъ самыя тѣсныя сношенія, даже отчасти образовать его и такъ, ничѣмъ, однимъ ласковыми рѣчами и обманомъ покорить подъ ноги Русскаго царя сихъ враговъ и супостатовъ. Онъ и поднесъ еще обманываетъ, но только не ихъ.

Воротившись въ Одессу, дюкъ де-Ришелье не переставалъ думать о новыхъ планахъ своихъ: учреженіе въ Керчи порта и градоначальства, единственно съ цѣлью привлечь туда Черкесовъ, познакомить ихъ съ нашими обычаями, сотворить имъ новыя потребности, однимъ словомъ, сдѣлать первый шагъ къ образованію и поработченію ихъ, было постоянно его мыслию. Времена къ тому не благоприятствовали: не только приводить въ исполненіе, но и предлагать ничего новаго, полезнаго тогда было невозможно. Грозно близился 1812-й годъ; онъ наступилъ, и Россія любовью къ вѣрѣ, храбростію воиновъ, искусствомъ стараго полководца, непоколебимостію царя, единодушными усиліями, неожиданнымъ патріотизмомъ, пожарами и морозами побѣдила всю Европу, подъ предводительствомъ Наполеона на нее нахлынувшую. Сей 1812-й годъ былъ также бѣдственъ и для Новороссійскихъ губерній: жестокая зима, какой сторожили не запомнить, и моровая язва ихъ опустошали; особенно отъ чумы пострадали Одесса, Феодосія и Керченскій полуостровъ.

Но пока все это происходило, пока Наполеонъ побѣждалъ и былъ побѣждаемъ, что дѣлалъ Скасси? Переходъ не великъ отъ Корсики къ Генуѣ. Скасси попеременно жилъ то въ Одессѣ, то въ Анапѣ, собиралъ какія-то свѣдѣнія посредствомъ госпожи Бухольцъ въ Кавказскихъ горахъ (но самъ туда болѣе не дерзалъ, даже и съ нею) и привозилъ свѣдѣнія сіи потомъ къ дюку. Когда же Бухарестскимъ миромъ въ 1812 году отдана Анапа Туркамъ

обратно, и Бухольцъ сдѣланъ комендантомъ въ Фанагоріи, то Скасси перевелъ главную квартиру свою въ Керчь. Босфоръ раздѣлялъ тогда постоянныхъ любовниковъ; какъ часто разсѣкали они волны его, спѣша на свиданіе! Случалось иногда, что Черкешенка, горя нетерпѣніемъ, бросалась вплавь съ сѣверной косы къ Еникале (разстояніе болѣе шести верстъ), и Тезей съ Ариадной обратились совершенно въ Геро и Леандра.

Буря въ Европѣ начинала утихать. Дюкъ де-Ришелье прежде вторичнаго занятія Парижа, заплативъ болѣе, нежели кто изъ иностранцевъ долгъ благодарности усыновившей его гостепріимной Россіи, успѣшилъ исполнить первыя свои обязанности и служить отечеству и законному королю своему. Всѣмъ извѣстно, какая блестящая участь ожидала во Франціи сего достойнаго человѣка. На хвостѣ орла сего хотѣлъ взлетѣть и паукъ Скасси. Но Парижъ не степи Новороссійскія: много тамъ есть людей, подобныхъ Скасси и поудалѣе его.

Прежде нежели онъ туда пріѣхалъ, посѣтилъ онъ отчизну свою, Геную. Тотъ, кто служилъ ему вмѣсто отца, съ нѣжностію въ объятія свои принималъ блуднаго брата и велѣлъ готовить пиръ; блудный же братъ былъ ни нагъ, ни босъ: онъ одѣтъ былъ франтовски и гремѣлъ тяжелымъ кошелькомъ съ деньгами, разными средствами добытыми. Съ обыкновеннымъ искусствомъ своимъ представилъ онъ Новую Россію, Тавриду и Кавказъ, какъ обѣтованныя земли, гдѣ текутъ медь и млеко, гдѣ богатая жатва ожидаетъ руки искусныхъ и просвѣщенныхъ людей; увѣрилъ, что онъ тамъ изъ числа почетнѣйшихъ, и что ему предназначено сдѣлать тамъ славное себѣ имя. Но для великихъ предпріятій потребны капиталы; онъ обѣщался удесятить ихъ, когда они ему даны будутъ. Словомъ, онъ успѣлъ совершенно ослѣпить доктора, расшевелить его честолюбіе и вкратъ въ его довѣренность, и когда сей бѣднякъ проливалъ слезы радости, слушая его, гордился имъ, злодѣй! онъ замышлялъ его ограбить. Онъ выманилъ у него довѣренное письмо къ бацкирамъ на неопредѣленную сумму и успѣшилъ съ нимъ въ Парижъ.

Тамъ нашелъ онъ покровителя своего Ришелье, который однакоже во Франціи ничего въ пользу его сдѣлать не могъ. Скасси же самъ успѣлъ тамъ сдѣлать слѣдующее: захватить на имя брата 50 тыс. франковъ *), вымучить у дюка разные проекты, имъ составленные, о Керчи и Черкеской торговлѣ, и рекомендательное письмо къ графу Нессельроде.

Съ проектами, съ рекомендаціями и съ деньгами явился онъ въ сѣверной столицѣ въ концѣ 1816 г. Россія такъ богата вновь пріобрѣтенными

*) Достоверно знаютъ въ Одессѣ, что изъ сей суммы выплачено старшему брату Скасси только шесть тысячъ франковъ, остальное за нимъ пропадаетъ. Докторъ пишетъ во всѣмъ, жадуется, называетъ своего единоутробнаго мощенникомъ, разбойникомъ, а тотъ тому только смѣется.

землями, Русскіе такъ много доселѣ заботились о чинахъ и такъ мало о сдѣланіи себѣ имени; иностранцы такъ у насъ во всемъ предпочитаютъ, что всякій сорванецъ, лишь бы былъ чужеземный, можетъ смѣло выдавать себя за великаго человѣка, предлагать разныя перемѣны въ управленіи частей, ему вовсе незнакомыхъ, браться за все, и министерство, если не всегда будетъ съ нимъ соглашаться, то со вниманіемъ будетъ его выслушивать. Имѣя даръ слова и мѣстныя познанія о Керченскомъ полуостровѣ, Черноморіи и Кубани, Скасси началъ толковать объ нихъ въ гостиныхъ, куда онъ втерся, и ему дивились, какъ человѣку, открывшему совсѣмъ неизвѣстныя земли. На уворованныя у брата деньги онъ угощалъ, давалъ обѣды случайнымъ людямъ и прослылъ богачемъ, который изъ Италіи привезъ большія суммы для важныхъ заведеній въ Южной Россіи.

Надобно было такое усердіе вознаградить. Менѣе нельзя было сдѣлать, какъ пожаловать его прямо въ надворные совѣтники, причислить къ Иностранной Коллегіи, назначить его какимъ-то комиссаромъ какой-то несуществующей еще торговли съ Абазинцами, дать ему хорошее жалованье и мѣстопробываніемъ избрать Керчь, съ правомъ уѣзжать оттуда какъ и когда ему угодно, по его усмотрѣнію. Такимъ образомъ вступилъ онъ въ службу въ 1817 году.

Ему было нужно сдѣлать первый шагъ: онъ на немъ не долженъ былъ остановиться. Послѣ долгаго отсутствія воротился онъ, наконецъ, въ Керчь и нашелъ тамъ госпожу Бухольцъ, уже довольно состарѣвшуюся, а мужа ея комендантомъ въ Еникале. Онъ предложилъ ей дружбу въ замѣнъ любви, уже невозвратно въ обоихъ погаснувшей. Она была неспособна чувствовать и то и другое, а онъ лишь только употреблялъ ихъ для своихъ видовъ. Послушная велѣніямъ дружбы, какъ нѣкогда готовая всемімъ жертвовать для любви, она неоднократно, не щадя покоя своего, въ угожденіе ему ѣздила въ самую глубь Кавказа. Старанія тщетныя! Препятствія остались непреодолимы: они въ обычаяхъ сихъ уединенныхъ, храбрыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣроломныхъ народовъ.

Такия препятствія разохотили бы всякаго другаго, но Скасси они утратить не могли. Недостатокъ въ настоящихъ успѣхахъ началъ онъ замѣнять вымышленными, удвоилъ, утроилъ въ себѣ безстыдство и болѣе нежели когда пустился лгать. Ни разу не ступалъ онъ ногою за Кубань, а въ донесеніяхъ своихъ министерству онъ успѣлъ уже въ какомъ-то Пшадѣ, котораго отъ роду не бывало, заключить торговый договоръ съ Абазинцами, и господинъ Теть-Бу-де-Мариньи, Французскій вице-консулъ въ Θεодосіи и пріятель его, въ четырехъ литографированныхъ рисункахъ успѣлъ уже передать потомству знаменитые его подвиги: появленіе его между горами, совѣщанія съ старѣйшинами, заключеніе этого Пшадскаго трактата и, наконецъ, первую мѣну товаровъ.

Хотя мы много совѣсти и не полагаемъ въ г. Скасси, но вѣрно иногда ему было совѣстно и смѣшно, видя, какъ легко ему дурачить Русскихъ. Его смѣлость, его наглость возрастали съ легковѣріемъ министерства. Впрочемъ и мудрено было дознаться до правды. Кто могъ изболчивать его? Кому бы пришла охота ѣхать во внутрь Кавказа съ тѣмъ только единственно, чтобы допросить, знаютъ ли тамъ еще Скасси? Завѣса горъ, пропастей и дебрей и поднесъ еще скрываетъ истину.

Можно было только судить по однимъ послѣдствіямъ. Его спросили, на конецъ: да гдѣ же эта торговля, эта общанная прибыль, эта довѣренность Черкесовъ, эти связи? Тогда онъ началъ пзвиняться недостаткомъ способовъ, ему данныхъ, обвинять слишкомъ строгія мѣры, принимаемыя командующимъ въ Грузіи генераломъ Ермоловымъ противъ горскихъ народовъ, и самое удаление большихъ городовъ, въ которыхъ торговля, роскошь и всѣ наслажденія образованной жизни могли бы прельщать и привлекать сихъ дикарей. И на сей конецъ рѣшился онъ предложить учрежденіе новаго порта въ Керчи.

Онъ вспомнилъ, что землякъ его Рибасъ былъ отцемъ Одессы и что только перемѣна царствованія и обстоятельствъ не допустила его собрать плоды его стараній. Разгорѣлись въ немъ честолюбіе и жадность къ интересу. Милліоны во снѣ ему начали сниться: онъ видѣлъ, какъ они уже отдаются въ его распоряженіе; онъ видѣлъ себя первымъ градоначальникомъ по предложенію его созидаемаго города. Съ тѣхъ поръ интриги его. проски имѣли уже постоянную цѣль.

Къ достиженію ея ему нужно было орудіе. Въ Новороссійскихъ губерніяхъ начальствовалъ тогда графъ Ланжеронъ, землякъ, родственникъ дюка-де-Ришелье, пріятель его и товарищъ въ счастіи и несчастіи. По всѣмъ симъ уваженіямъ избранъ онъ былъ его пріемникомъ; но не въ одну форму природа вылила сихъ людей. Съ тѣхъ поръ, какъ свѣтъ стоитъ, неосновательнѣе графа Ланжерона еще ничего видно не было. Добрый и честный человекъ, храбрый на войнѣ, пріятный въ обществѣ, любезный балагуръ, Французъ по превосходству, онъ созданъ былъ для того, чтобы находиться посланникомъ при какомъ нибудь маленькомъ Нѣмецкомъ или Итальянскомъ дворѣ, или управлять гдѣ нибудь придворнымъ театромъ. Революціонною бурей выброшенный изъ своего отечества, онъ беззаботно и весело прожилъ вѣкъ въ чужой землѣ и дослужился у насъ до высокаго чина и голубой ленты. Доживъ почти до семидесяти лѣтъ, онъ все сохранилъ легкой тонъ Версальскаго царедворца, остался двадцатилѣтнимъ Французскимъ полковникомъ и пишетъ куплеты, и говоритъ каламбуры. Нашли, что онъ не годится командовать корпусомъ и дали ему въ управленіе край, который обширностію своею можетъ почитаться цѣлымъ королевствомъ. Такой человекъ былъ находка для Скасси.

Вопервыхъ, будучи твореніемъ дюка-де-Ришелье, онъ имѣлъ наследственное право на покровительство и пріязнь графа Ланжерона. Симъ поль-

зуюсь, безъ церемоніи предложилъ онъ ему способствовать учрежденію въ Керчи центрального порта, и себя градоначальникомъ. Чтобы болѣе интересовать его въ семь дѣлъ, купилъ онъ для него за бездѣнокъ, въ 25 верстахъ отъ Керчи, маленькую осѣдлость, небольшое помѣстье Тибичикъ, съ небольшимъ при немъ солянымъ озеромъ, и виноградный садъ подлѣ Еникале, расписалъ самими блестящими красками будущую торговлю съ Черкесами посредствомъ новаго Керченскаго порта, и наконецъ убѣдилъ его тѣмъ, что учрежденіе порта будетъ дѣлаться подъ руководствомъ и распоряженіями его, графа Ланжерона, что вся честь и слава отъ того къ нему отнесется, а въ удѣлъ Скасси останутся труды, и что, имѣя уже въ своемъ завѣдываніи Одессу, потомъ Керчь, это послужитъ поводомъ къ подчиненію ему остальныхъ двухъ Новороссійскихъ портовыхъ городовъ. „Ma foi, c'est charmant, mon cher Scassi“! воскликнулъ Ланжеронъ, и началъ дѣйствовать.

Въ Петербургѣ его не очень слушались, особенно же сіе дѣло встрѣтило большія затрудненія. Всѣ министры, исключая графа Нессельроде, упорно тому противились, болѣе же всѣхъ скупой и вмѣстѣ съ тѣмъ неразсчетливый министръ финансовъ Гурьевъ. Къ тому же, пользуясь тишиной, въ Европѣ воцарившейся, и путешествуя въ продолженіе послѣднихъ годовъ по отдаленнѣйшимъ сторонамъ своей имперіи, покойный Государь, равно какъ и великіе князья, братья его, удостоили и Керчь своимъ посѣщеніемъ. Взглядъ на сей городъ не имѣетъ ничего привлекательнаго: народонаселенія вокругъ его мало, все представляетъ развалины, могилы и запустѣніе, и онъ имъ откровенно не понравился. Жители Θεодосіи и Таганрога, провѣдавъ объ умыслахъ Скасси и ожидая отъ нихъ для себя самыхъ вредныхъ послѣдствій послали своихъ депутатовъ и, своей стороны, всѣми мѣрами старались отвратить правительство отъ предлагаемыхъ перемѣнъ. Препятствія со всѣхъ сторонъ возрастали.

Вотъ тутъ-то надобно было Скасси явить себя достойнымъ роли, которую онъ на себя принялъ, и по всей справедливости должно сказать, что онъ превзошелъ себя. Слѣдовать за нимъ во всѣ непрерывныя путешествія его изъ Керчи въ Петербургъ, Москву и Одессу, посреди всѣхъ многосложныхъ и хитросплетенныхъ его интригъ, было бы дѣло невозможное и напрасное. Довольно будетъ сказать, что онъ нашелъ дорогу въ переднія всѣхъ министровъ и въ кабинеты нѣкоторыхъ изъ нихъ, что онъ вошелъ въ милость къ знатымъ дамамъ, старался угадывать и предупреждать ихъ желанія, кланялся, просилъ, убѣждалъ директоровъ канцелярій, дружился съ канцелярскими, знакомился съ любовницами и камердинерами, употреблялъ искательства и ласкательства, а гдѣ нужно, то и нахальство, словомъ, приводилъ въ движеніе всѣ пружины и, наконецъ, добился дожелаемаго. Въ Октябрѣ мѣсяцѣ 1821 года изданъ указъ объ учрежденіи въ Керчи порта и градоначальства, и утверждены штаты его.

Покойный Государь неохотно согласился на то: онъ лучше министровъ видѣлъ невозможность этой Черкесской торговли, и хотѣлъ, чтобы сдѣлана

была только проба. Одинъ графъ Нессельроде за это дѣло чрезвычайно горячо принялся. Отчего Керчь и Скасси такъ постоянно пользуются его высокимъ покровительствомъ? Это осталось загадкой для всѣхъ и тайной между имъ и г. Скасси. Будучи зятемъ министра финансовъ, Гурьева, онъ и его склонилъ на свою сторону; другіе же министры и члены Государственнаго Совѣта дали свое согласіе довольно равнодушно и, вѣроятно, съ тѣмъ, чтобы отвязаться отъ Скасси.

Не совсѣмъ, однакоже, исполнились его желанія: градоначальникомъ его не сдѣлали. Но нѣтъ худа безъ добра: въ Россіи очень часто малый чинъ препятствуетъ достойному человѣку получить мѣсто, которое бы онъ съ пользою для службы могъ занять; но за-то иногда случается, что ни какая протекція помочь не можетъ какому нибудь иностранному шуту къ полученію мѣста повыше, если онъ заблаговременно не подумалъ запастись чинами. Сіе самое случилось съ Скасси. Онъ полагалъ, что всегда можетъ онъ перескакивать черезъ чины, и не зналъ, что у насъ, попавши разъ на дорогу, постепенно надобно по ней идти. Чтобы его утѣшить и не лишить надежды, оставили мѣсто Керченскаго градоначальника вакантнымъ, а его подвинули, произвели въ слѣдующій чинъ, составили для него штатъ, назвали его попечителемъ Керченской торговли съ Абазинцами и Черкесами, дали ему на канцелярію и расходы по 35 т. рублей ежегодно, до 200 тысячъ заимообразно безъ процентовъ (и, вѣроятно, безъ отдачи) на разныя коммерческія заведенія. Сверхъ того, велѣно ему безпошлинно отпускать нѣсколько тысячъ пудъ Крымской соли, для продажи ея горцамъ за самую умѣренную цѣну.

Вотъ какимъ образомъ человѣкъ, родившійся далеко отъ Россіи, завлеченный въ нее слѣдствіями развратной молодости, состоянія низкаго, безъ правилъ, безъ познаній, вооруженный только мѣднымъ лбомъ, пронырствомъ своимъ успѣлъ захватить довѣренность правительства, получить чины и большія суммы, и слыветъ человѣкомъ нужнымъ. Теперь уже онъ статскій совѣтникъ и кавалеръ двухъ Россійскихъ орденовъ; въ отечествѣ своемъ также досталъ онъ нынѣ дешевою цѣною почетные титулы: онъ членъ Академіи Аркадовъ въ Римѣ и кавалеръ ордена, которымъ былъ украшенъ искусный Пинетти, ордена Золотой Шпоры. Приличіе всего бы называться ему кавалеромъ Промышленности, въ томъ смыслѣ, какъ слово сіе во Франціи принимается.

Такіе люди, каковъ этотъ кавалеръ де-Скасси, въ старину бывали нерѣдки. Иные изъ нихъ владѣли секретомъ дѣлать золото, иные имѣли сообщенія съ духами и съ невидимымъ міромъ и предсказывали будущее; а иные, среди площадей, взгромоздившись на доски, въ пестрыхъ нарядахъ, непонятнымъ языкомъ, продавали лекарства отъ всѣхъ болѣзней. Волхвы и чародѣи, алхимисты, астрологи и шарлатаны, всѣ обманывали народъ. Въ особенности же Италія, которая нѣкогда давала законы міру, въ порабощеніи и

бесилии своемъ, изобиловала такими людьми; ея сыны, уже не оружіемъ, а хитростію старались овладѣть другими. Съ умноженіемъ просвѣщенія число такого рода людей уменьшается. Въ новѣйшія времена перемѣнились совѣмъ ихъ завятія и самое имя; ихъ зовутъ нынѣ во Франціи *aventuriers*, а въ Россіи еще для нихъ названія не прискано; ибо природныхъ въ ней было очень мало или, лучше сказать, до таинственнаго Старинкевича и ни одного въ ней не было.

Не будемъ къ нимъ слишкомъ строги; сознаемся, что для поддержанія себя въ опасномъ положеніи, которое они избрали, имъ потребны умъ, смѣлость и дѣятельность чрезвычайная. Завидовать ихъ успѣхамъ также не должно: какъ дорого они за нихъ платятъ! Они не знаютъ ни покоя, ни дружбы, ни довѣренности, живутъ всегда одни съ собою, всего страшатся, во всякомъ пронипательномъ взглядѣ видятъ обвиненіе, всѣмъ жертвуютъ своею нравною богинѣ, Фортунѣ; вотъ какъ течетъ ихъ несчастная жизнь, и почти всегда какой ужасный конецъ ихъ ожидаетъ! Вспомнимъ жребій двухъ славнѣйшихъ изъ сихъ людей въ прошедшемъ вѣкѣ, Феодора Нейгофа, который нѣсколько времени былъ королемъ Корсиканскимъ, и Иосифа Балзами, который, подъ именемъ графа Каліостро, морочилъ всю просвѣщенную Европу. Одинъ изъ нихъ умеръ на соломѣ въ Лондонской тюрьмѣ, куда былъ посаженъ за долги, а другой окончилъ жизнь въ Римѣ, въ тюрьмахъ инквизиціи. Сохрани Боже нашего героя отъ подобной участи! Мы зла ему не желаемъ, а желаемъ ему даже успѣховъ, но только, чтобъ они были не столь позорны и не столь накладны для Россіи.

Мы забыли сказать, что съ утвержденіемъ порта въ Керчи, въ 1821 году, подчинивъ всѣ градоначальства Новороссійскому генералъ-губернатору: все равно, еслибъ ихъ уничтожили. Градоначальникъ нуженъ тамъ, гдѣ еще ничего нѣтъ, или гдѣ мало что сдѣлано: это не есть постоянная должность, это коммиссія, это довѣренный постъ. Тамъ, гдѣ уже все приведено въ устройство, гдѣ дѣла текутъ своимъ порядкомъ, гдѣ торговыя сношенія совѣмъ установились, такіе портовые города должны быть вмѣстѣ съ тѣмъ и губернскими, какъ Архангельскъ, Ревель, Рига и Астрахань, или должны быть подчинены мѣстному губернскому начальству, какъ Либава и Нарва. Первые градоначальники назначались послѣ строгаго выбора; за то они облечены были довѣренностію почти неограниченною, имѣли большую власть и могли съ способностями и усердіемъ быть весьма полезны. Нынѣ же Одесскій градоначальникъ есть оберъ-полицеймейстеръ, а прочіе немного повыше обыкновенныхъ городничихъ. Въ другихъ портахъ пусть бы такъ, благосостояніе ихъ отнынѣ будетъ зависѣть отъ политическихъ обстоятельствъ; но въ рождающейся Керчи не знаемъ, хорошо ли это?

Съ исполненіемъ указа объ учрежденіи Керченскаго порта все шло отменно медленно, исподоволь и какъ будто нехотя. Насилу къ концу 1822 года открыты въ немъ портовая карантинная контора и первоклассная портовая

таможня. Инспекторомъ карантиннымъ присланъ армейскій полковникъ фонъ-Денъ, и ему же покаместъ велѣно было исправлять должность градоначальника. Этотъ полковникъ былъ воспитанъ въ одномъ изъ кадетскихъ корпусовъ, зналъ очень хорошо фрунтъ, любилъ порядокъ, чистоту, особенно же эту наружную чистоту, которая съ нѣкотораго времени въ Россіи такъ тщательно соблюдалась. Впрочемъ, онъ былъ весельчакъ, любилъ играть въ карты, попить, поѣсть и погулять, въ книги никогда не заглядывалъ, терпѣть не могъ ничего печатнаго и читалъ одни только приказы въ Инвалидѣ. Усердствуя, какъ умѣлъ, устройству вѣрренныхъ ему городовъ, онъ тотчасъ приказалъ по дорогамъ и улицамъ срывать и ровнять всѣ бугорки, засыпать ихъ камешками, посыпать песочкомъ и по бокамъ прорывать канавки. Около крѣпостей надолбы и перила началъ тотчасъ красить казенною краской и, съ негодованіемъ видя древнюю церковь, изъ дикаго камня построенную, почернѣвшую отъ столѣтій, мимо ея пролетѣвшихъ, скорѣе велѣлъ ее бѣлить. Словомъ, Керчь и Еникале сдѣлались какъ на показъ: пріѣхавши въ нихъ, можно было почестъ себя въ военныхъ поселеніяхъ.

Легко можно представить себѣ отчаяніе Грековъ, неопратнѣйшихъ изъ людей. Незадолго передъ тѣмъ воротился Скасси, давно уже покровитель двухъ городовъ и провидѣніе ихъ жителей. На пространномъ полѣ интриги заставляеть Бомарше говорить Альмавиву: „Надобно все обрабатывать, даже тщеславіе глупца“. Слѣдуя сему правилу, Скасси всегда ласкаетъ Керченскую чернь и питаетъ спѣсь въ сихъ грубыхъ невѣждахъ. Они бросились къ нему съ жалобами; онъ пожималъ плечами и давалъ надѣяться, что при немъ такъ не будетъ.

Все это недолго продолжалось. Чрезвычайная перемѣна скоро послѣдовала во всемъ краѣ; захотѣли, наконецъ, чтобы Новая Россія обрусѣла, и въ 1823 году прислали управлять ею Русскаго барина и Русскаго война. Слишкомъ много хвалить графа Воронцова намъ не позволено: съ нѣкоторою основательностію будутъ подозрѣвать насъ въ пристрастіи. Оставляя все, что онъ сдѣлалъ полезнаго вообще, скажемъ только, что онъ такое былъ въ отношеніи къ Керчи. Въ Августѣ мѣсяцѣ 1823 года посѣтилъ онъ сей городъ; какъ Кесарь, онъ пришелъ, увидѣлъ и... въ мигъ распозналъ истину съ ложью. Химера Черкесской торговли передъ нимъ исчезла и, кажется, онъ первый умѣлъ понять дѣйствительную пользу, настоящія выгоды, которыя государство со временемъ получать можетъ отъ Керченскаго порта.

Съ внутреннимъ убѣжденіемъ посѣщилъ онъ ходатайствовать у покойнаго Государя за Керчь, и чрезъ два мѣсяца, именно въ Октябрѣ 1823 года, въ городѣ Вознесенскѣ, по докладу его, назначенъ первымъ Керчь-Еникальскимъ градоначальникомъ генералъ Богдановскій, давнишній его сослуживецъ и котораго похвальныя свойства ему коротко были извѣстны.

Какой неожиданный ударъ для надменнаго Скасси! Всѣ его замыслы, какъ дымъ, должны были исчезнуть. Отъ досады онъ не лопнулъ, но глубоко

скрылъ ее въ коварномъ Итальянскомъ сердцѣ своемъ. Привыкнувъ всегда носить личину, онъ ласкался къ графу Воронцову, улыбался Богдановскому и страдалъ безсильнымъ желаніемъ вредить столь благонамѣреннымъ людямъ.

Со всею приверженностію къ графу Воронцову, со всѣмъ уваженіемъ къ Богдановскому и, прибавимъ еще, съ изряднымъ таки самолюбіемъ, скажемъ правду: какъ первый сей выборъ для Керчи, такъ и послѣдующіе были неудачны. По неволѣ людей посылать не должно: генераль Богдановскій, равно какъ и преемникъ его, много въ своей жизни обязаны графу Воронцову, не могли противиться его желаніямъ и пожертвовали пріятностями жизни его полезнымъ намѣреніямъ. Умный и осторожный Богдановскій есть рабъ своего слова и рабъ всѣхъ обязанностей своихъ: онъ чрезвычайно аккуратенъ, мѣтѣ чѣмъ должно онъ никакъ не сдѣлаетъ, но и болѣе также никогда. Онъ слишкомъ два года терпѣливо перенесъ Керченскую жизнь, какъ птица на вѣткѣ во время непогоды, выжидая лучшаго времени и никакъ не думая вить гнѣзда; онъ ничего тамъ не захотѣлъ завести. Онъ дѣлалъ все, что отъ него зависѣло, чтобъ все держать въ порядкѣ, почиталъ себя болѣе исполнителемъ распоряженій высшаго начальства, былъ правдивъ, никакихъ личностей себѣ не позволялъ. Съ Скарси подъ конецъ былъ онъ въ явномъ несогласіи, но всѣ ядовитыя стрѣлы Итальянца скользили только о непоколебимое его хладнокровіе. Керчь была для него, какъ уродливая жена, которой, давши слово въ вѣрности, онъ, какъ честный человѣкъ, не могъ измѣнить и которой, кромѣ любви, онъ ни въ чемъ не отказывалъ. Настоящая жена его та, съ которой онъ соединенъ передъ самымъ сюда прибытіемъ, была единственною его отрадой въ сей пустынь. Воспитанная въ столицѣ, она любила если не шумныя веселости, то пріятности общежитія, а здѣсь ихъ совсѣмъ была лишена. Ея таланты, любезность и скромность еще болѣе были замѣтны въ кругу этихъ глупыхъ и злыхъ чиновницъ, бывшихъ прачекъ.

Во время управленія г. Богдановскаго, ничто не дѣлалось въ Керчи иначе какъ подъ наблюденіемъ его, но по распоряженіямъ и проектамъ, утверждаемымъ самимъ генераль-губернаторомъ. Въ началѣ 1826 года, согласно съ сильнымъ его желаніемъ, оставилъ онъ здѣшнее мѣсто и переведенъ градоначальникомъ въ Θεодосію. Тогда-то Керчь осталась на жертву Лигурійцу Скарси и одному Вандалу Синельникову, карантинному инспектору, которому поручено было временно градоначальствовать.

Намъ теперъ болѣе ничего не остается, какъ описать городъ сей, въ который мы прибыли въ началѣ нынѣшняго 1827 года.

Надобно почти въѣхать въ него, чтобы его увидѣть. Дорога изъ Θεодосіи съ послѣдней станціи идетъ все на изволокъ, переломъ дѣлается верстахъ въ двухъ съ половиною отъ Керчи подлѣ такъ называемаго Золотаго Кургана. Этотъ курганъ можно почесть горой, онъ изъ земли и каменьевъ сложенъ, а Золотымъ названъ потому, что, когда роются въ немъ, почти

Всегда въ гробницахъ находятъ золотыя вещи. Суевѣрные рассказываютъ, что подъ нимъ засажена какая-то дѣвица, сотворившая страшное преступленіе, за то проклятая и осужденная сидѣть цѣлыя столѣтія въ подземельѣ, пока не сыщется добрый человѣкъ, который согласится благословить ее. Говорятъ, что по временамъ она является, ночью, печально бродить вокругъ кургана, завидя всякаго проходящаго спѣшитъ къ нему съ мольбою; а онъ, не думая давать благословенія, съ ужасомъ отъ нея удаляется.

Отъ этого волшебнаго кургана начинаешь непримѣтно спускаться. Скоро открывается множество разбросанныхъ каменныхъ избушекъ, построенныхъ Русскими поселенцами, и которыя со временемъ, по утвержденному плану, должны составить новые кварталы города. Наконецъ вѣзжаешь и въ Керчь, то есть въ главную и почти единственную улицу сего города, которая отъ первыхъ прочныхъ застроевъ до крѣпости имѣетъ длины болѣе версты. Она идетъ по кособогу довольно высокыхъ холмовъ и Митридатовой горы; дойдя же до нея, между ею и крѣпостью, у подошвы ея лежащей, поворачиваетъ направо и ее обходитъ: можно сказать, весь городъ лежитъ у ногъ Митридата *) По обѣимъ сторонамъ этой главной улицы идутъ еще двѣ другія, не столь длинныя и не столь обстроенныя и соединяющіяся съ нею переулками. Параллельныхъ улицъ болѣе дѣлать невозможно: справа гора, а съ лѣва болото, низменное мѣсто, куда стекаются ручьи изо всѣхъ фонтановъ и которое, при сильныхъ вѣтрахъ съ моря, затопляется. Первая половина большой улицы довольно широка, идетъ по прямой линіи и отстроилась только съ учрежденія градоначальства; другая же, составлявшая старый городъ, и крива, и коса, и грязна. Пять или шесть вновь построенныхъ каменныхъ двухъ-этажныхъ домовъ даютъ Керчи видъ города.

Народонаселеніе все еще простирается не болѣе какъ до 2,500 душъ въ обоихъ городахъ; если все такъ пойдетъ, какъ шло донинѣ, то трудно ожидать, чтобы оно умножилось. Таврическая Казенная Палата, обязанная отчетностію Министерству Финансовъ, очень строго поступаетъ при перечисленіи жителей изъ другихъ губерній; общества, при увольненіи людей, желающихъ переселиться въ Керчь, неохотно даютъ свое согласіе, а для пріятія ихъ здѣсь встрѣчается еще болѣе затрудненій.

Сначала Керчь была многочисленная Греческая колонія; девять-десятихъ изъ ея населенія разошлись, но остальное удержало за собой всѣ привилегіи, права и выгоды, которыя имъ императрицею Еватериною пожалованы. Какая за то отъ нихъ польза государству? Никакой. Всякая Нѣмецкая, или другая какая, колонія съ столь давняго времени и при столь выгодномъ мѣстоположеніи сдѣлалась бы знаменитою. А между тѣмъ сіи Керченскіе Греки воображаютъ, что ихъ однихъ правительство имѣло въ виду, учреждая

*) Народъ называетъ эту гору просто Митридатъ. Говорятъ: „я былъ на Митридатѣ, я пойдю на Митридата“.

здѣсь портъ. Скаси ихъ въ томъ увѣрилъ. На смѣхъ, обѣщався онъ имъ хлопотать въ Петербургѣ, чтобы даво имъ было муниципальное правленіе, п чтобы всѣ полицейскія власти и даже градоначальникъ были ими и изъ среды ихъ избираемы; онъ тронулъ слабую сторону ихъ, тщеславіе. Эти люди, столь хитрые въ мелочныхъ обманахъ, но которые въ глубокомъ невѣжествѣ своемъ далѣе носа своего ничего не видятъ, охотно вѣрятъ ему. При такомъ расположеніи умовъ, какъ трудно всякому иностранному капиталисту, а колымъ паче Русскому, которыхъ также они называютъ иностранцами, да еще п худшими, рѣшиться что нибудь завести и войти въ ихъ сословіе; Они сами всячески тому противятся, а безъ ихъ согласія нельзя быть Керченскимъ жителемъ; когда же они согласятся, то въ какой жестокой надобно быть отъ нихъ зависимости! Ибо какъ они одни избиратели и избираемые, то всегда имъ надобно кланяться.

Русскихъ простолюдиновъ они охотно принимаютъ, зная ихъ проворство и трудолюбіе. Они ихъ за дешевую цѣну нанимають, а высокой тѣ отъ нихъ просить не смѣютъ. Но если кто изъ нихъ порасторгнется, поразжигается п начнетъ состояніемъ равняться съ Греками, то надобно видѣть, какъ начнутъ всѣ на него нападать, привязываться къ нему, мѣшать ему во всемъ, и всѣ усилія градоначальника едва могутъ его спасти. Этимъ Крымскимъ Грекамъ или Татаро-Грекамъ (ибо они не только исторіи Греціи, или же ученаго Еллинскаго языка, но и того, который нынѣ Греками говорится, не знаютъ, а говорятъ всѣ только по-татарски), этимъ варварамъ сказалъ кто-то, что въ древности былъ какой-то городъ Лакедемонъ, коего жители, Спартанцы, пользовались совершенною свободою п имѣли у себя Илотовъ, съ которыми могли, какъ съ собаками, обходиться. Ихъ увѣрили, что они происходятъ отъ этихъ Спартанцевъ, и что, по примѣру предковъ, должны имѣть своихъ Илотовъ И эта сволочь, эти люди, изъ коихъ нѣтъ ни одного, который бы могъ попасть въ купцы 3-й гильдіи, между коими тотъ почитается богачемъ, кто до 30 тысячъ рублей имѣетъ въ оборотѣ и на нихъ крохоборствуетъ, каждый изъ нихъ имѣетъ по одной или по двѣ семьи Илотовъ Каждый годъ ѣздить они на ярмарки: Роменскую, Харьковскую и Коренную, и разводятъ балыки; купцы, которые у нихъ покупають, получаютъ отъ мотоватыхъ помѣщиковъ, вмѣсто должныхъ денегъ, живыхъ людей, и ими платятъ Грекамъ за копченую рыбу. Разумѣется, что купчія совершаются на чужое имя. О стыдъ имени Русскаго! Сердце раздирается, когда услышишь вопли сихъ несчастныхъ единоземцевъ, терзаемыхъ самыми презрѣнными изъ пришлецовъ *). Бывшій градоначальникъ, Богдановскій, не могъ

*) Въ Армянскомъ городѣ Нахичеванѣ, подлѣ Таганрога, житье еще хуже этимъ невольникамъ. Какъ городъ сей многолюднѣе, богаче Керчи и весь населенъ Армянами, то зашпигать Русскихъ крѣпостныхъ людей совершенно некому. Послѣдній мясникъ имѣетъ собственныхъ слугъ и обращается съ ними, какъ Европейцы съ Неграми. Жребій ихъ облегчается, когда они принимаютъ Армянскую вѣру.

остаться равнодушнымъ къ неистовствамъ Грековъ: пользуясь указомъ 1823 года, онъ полпейскою властію, безъ церемоніи, началъ отобрать людей у тѣхъ, кои не имѣли права ими владѣть: многихъ избавилъ онъ такимъ образомъ отъ оковъ; но что же вышло? Все его возненавидѣло, и Скасеп обрадовался случаю, началъ подстрекать Грековъ; они послали прошенія въ Сенатъ, оттуда потребовались объясненія, и начались дѣла. Чѣмъ они кончатся, неизвѣстно; а извѣстно только то, что старый вѣтреникъ. Ланжеронъ, у сенаторовъ, а Скасеп у оберъ-секретарей хлопочуть за жителей de leur bonne ville de Kertsch.

Началомъ всѣхъ непріятностей и потомъ несчастій для Θεодосійскаго градоначальника Броневскаго было его состраданіе. Двѣ дѣвки, пзмученныя Грекомъ Качони, у котораго онъ были крѣпостными, не видя никакого спасенія, съ отчаянія бросились въ море; съ тѣхъ поръ Броневскій началъ принимать строгія мѣры къ обузданію Спартапцевъ. Все соединилось противъ него, ябеды, доносы посыпались, самыя невинныя его дѣянія перетолковывались, все, что ни предпринималъ онъ полезнаго для города, назвалось притѣсненіемъ, всякое оказанное имъ снисхожденіе названо слабостію, а малѣйшая строгость злоупотребленіемъ власти. И онъ погибъ! Лишеніе добраго имени и способностей для того, кто имѣлъ ихъ, есть нравственная смерть. въ сравненіи съ которой физическая ничто. Будучи въ крайней нищетѣ и не имѣя способствъ оставить мѣсто казни, онъ бродитъ, какъ тѣнь среди убійцъ своихъ и учитъ осторожности градоначальниковъ, которые могли бы быть увлечены опаснымъ человѣколюбіемъ.

И эти Греки во всемъ подобны другимъ соотчичамъ своимъ, разсѣяннымъ по Россіи. И эти Греки, минусъ просвѣщеніе, напоминаютъ предковъ своихъ, коихъ характеръ исторія сохранила! И эти Греки возбуждаютъ нынѣ живѣйшее участіе во всей Европѣ! Они коварны, злобны, мстительны, непостоянны, надменны, корыстолюбивы болѣе Жидовъ. Отличительная же ихъ черта есть неблагодарность. Кто ихъ хорошо не знаетъ, тому неизвѣстно, сколько ея вмѣщаться можетъ въ человѣческомъ сердцѣ. Пусть вспомнятъ мужика, который изъ Аѳинъ выгонялъ Аристиду только за то, что онъ слылъ правдивѣйшимъ изъ мужей республики; пусть прочитаютъ записки западныхъ воиновъ, этихъ Крестоносцевъ, которые отъ невѣрныхъ шли освободить гробъ Господень: они дышатъ откровенностію людей непросвѣщенныхъ и выставляютъ всю черноту Грековъ въ среднемъ вѣкѣ. Можно смѣло сказать, что изъ ста спорныхъ дѣлъ, производящихся въ портовыхъ коммерческихъ судахъ, 99 по жалобамъ Грековъ или на Грековъ; никакой вѣры къ симъ людямъ имѣть невозможно; вездѣ какой-то безпокойный духъ, вездѣ гнусныя обманы. Если гдѣ составится пріятельское общество изъ 15 или 16 человѣкъ и замѣшается между ними одинъ Грекъ, то прощай веселіе: тотчасъ рождаются раздоръ и вражда. Ихъ много служитъ въ Черноморскомъ флотѣ и морскіе офицеры другихъ націй такъ хорошо это знаютъ, что формально ихъ чуждаются и другихъ сношеній, какъ по службѣ, съ ними не имѣютъ

Конечно, Греція была нѣкогда посреди всеобщаго мрака блестящей точкой, которая, увеличиваясь, сдѣлалась источникомъ свѣта, разливагося по всему земному шару. Всякая нація имѣла свой славный періодъ, и эти самые Греки заимствовали у другихъ народовъ и потомъ усовершенствовали искусства, науки и изощрили этотъ вкусъ изящнаго, которому мы болѣе всего дивимся. За блистательною, хотя и порочною жизнію послѣдовало продолжительное тѣніе; воскресенія никогда не будетъ. Еще такого примѣра не было, и Персіяне Фетъ-Али-шаха совсѣмъ не Кировы Персы, и Египтяне Махмедъ Али-паши не построятъ пирамидъ. Магометанское варварство, какъ хладъ, все мертвитъ. Какъ отъ сильнаго мороза притупляется ядъ всѣхъ зло-вредныхъ насѣкомыхъ и растений, такъ и отъ него Греки околѣбли; но пусть они отойдутъ, пусть, согрѣтые свободою, соединятся въ политическое тѣло: тогда мы увидимъ! Развѣ дунетъ хорошій вѣтеръ съ Невы или изъ Альбіона, разгонитъ и заглушитъ этотъ смрадъ.

Что намъ толкуютъ безпрестанно о Гомерѣ и Еврипидѣ, о Сократѣ и Платонѣ, о Демосѣенѣ и Есхилѣ, о Солонѣ и Ликургѣ, о Фемистоклѣ и Эпаминондѣ? Зачѣмъ указываютъ на другихъ славныхъ Грековъ, которые позднѣе явились, на этихъ святителейъ, благочестивыхъ, краснорѣчивыхъ и златоустыхъ отцовъ Восточной церкви? А развѣ цари-пророки не были Іудеи, и самъ Богочеловѣкъ развѣ погнушался родиться между ними? А что такое потомство этихъ Іудеевъ? Нѣтъ, что бы ни говорили господа Филеллины, какъ бы ни призывали тѣни великихъ мужей древней Греціи, лучи ихъ безсмертія съвозъ тьму временъ не отражаются на этой вонючей грязи.

Люди, которые любятъ находить сходства, говорятъ, будто Греки характеромъ похожи на Французовъ, а другіе будто на Нѣмцевъ; тѣхъ, кои знаютъ многихъ Грековъ, спрашиваемъ мы: видѣли ли они хотя одного изъ нихъ веселонравнаго? Они всѣ угрюмы, мрачны и улыбаются только содѣланному ими злу. Правда, вмѣстѣ съ тѣмъ они болтливы и легкомысленны; но сей послѣдній недостатокъ производитъ въ Французахъ самыя любезныя качества: обходительность, незлобіе, иногда, такъ сказать, неумышленные одолженія, и въ самомъ простомъ Французѣ нерѣдко встрѣчаются порывы великодушія, о которомъ Греки и понятія не имѣютъ. Какъ Нѣмцы, любятъ они умствовать; но все ихъ многорѣчіе для того только, чтобъ скрыть истину, тогда какъ всякій Нѣмецъ отъ чистаго сердца ищетъ находить истину и готовъ показать ее цѣлому свѣту. Народы просвѣщенные, вы, которые такъ усердно вступаете за тѣхъ, коихъ не знаете, вы со временемъ будете обижаться всякимъ съ ними сравненіемъ. А вы, Молдаване и Волохи, которые болѣе двухъ вѣковъ отъ нихъ страдаете, потомки Славянъ и Римлянъ вмѣстѣ, вы, въ которыхъ недавно мы осуждали неосторожно привитые пороки, вы можете всей Европѣ дать отвѣтъ. Самая ненависть ваша къ грабителямъ и развратителямъ вашимъ уже показываетъ въ васъ зародышъ всего добраго.

На такомъ маломъ пространствѣ и съ горстью такихъ людей, подъ вліяніемъ Скасси. всякій градоначальникъ долженъ имѣть болѣе заботъ, чѣмъ при управленіи многолюдной губерніи. Будетъ ли тутъ время ему думать о какомъ-нибудь полезномъ устройствѣ, особливо тогда, какъ въ 700 верстахъ отъ Одессы онъ о всякой бездѣлицѣ долженъ спрашиваться у генералъ-губернатора? Къ тому должно еще прибавить, что по отдаленности Керчи порядочные чиновники неохотно туда ѣдутъ (почти всѣ, которые тамъ служатъ, суть люди выгнанные и которыхъ въ другія мѣста не принимаютъ); всѣ они опредѣлены были господиномъ Скасси при началѣ учрежденія градоначальства и ему преданы. Кто же захочетъ остаться тамъ долго градоначальникомъ? Какъ же быть? Назначить самого Скасси? Онъ надѣлаетъ много добра.

Слѣдуетъ вопросъ: если въ Керчи учрежденъ портъ для Черкесской торговли и есть попечитель этой торговли, то зачѣмъ тутъ градоначальникъ? Если назначенъ градоначальникъ, то какого же другаго попечителя надобно? Въ такой карманной городокъ опредѣлить двухъ начальниковъ, почти равныхъ властію, значить тоже, что засадить двухъ вороновъ въ канареечную клетку. Они будутъ драться: другой пользы не будетъ.

Вотъ что есть примѣчательнаго въ этой клеткѣ и вокругъ нея.

1. *Митридатова гора*. На ней былъ Акрополисъ или верхняя часть города Пантикапеи и стояли царскіе чертоги, какъ мы въ началѣ сей записки сказали. Вѣроятно, многія обрушенные великолѣпныя зданія время на ней покрыло землею и ее возвысило; по крайней мѣрѣ, гдѣ ни копнись, вездѣ обломки колоннъ, капителей и мраморныхъ барельефовъ. Жители Керчи въ невѣдѣніи своемъ и не знаютъ, что это такое за Митридатъ; большая часть изъ нихъ полагаетъ, что онъ былъ гигантъ, превращенный въ каменную гору и засыпанный землею. Прошло близъ двухъ тысячъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ одинъ великій человекъ погибъ на сей горѣ; она все называется его именемъ и вѣками сохранить его. Все великое исчезаетъ въ мірѣ, но долго, долго остается память объ немъ. Сію гору въ нѣкоторомъ отношеніи можно уподобить одной скалѣ, брошенной среди океана, темницѣ и могилѣ чудеснаго гения, который въ наши дни волновалъ, мучилъ и восхищалъ вселенную; она назовется его именемъ и въ теченіе многихъ вѣковъ будетъ имъ славиться.

Митридатова гора въ утесъ стоитъ надъ проливомъ, и въ низу подлѣ него самый узкій проѣздъ. На вершинѣ горы стоятъ кресла Митридадовы, на которыхъ, вѣроятно, онъ никогда не сидѣлъ; это нѣсколько довольно-большихъ камней, случаемъ или руками сложенныхъ, между коими есть впадина, въ которую можно сѣсть; видъ съ этого мѣста во всѣ стороны далеко простирается. Одинъ бокъ горы, который къ Керчи, довольно отлогъ, такъ что на немъ поселилась цѣлая матроская слобода, и когда въ хижинахъ вечеромъ зажгутся огни, то съ низу взглядъ на нихъ очень пріятенъ.

По неволѣ должно теперь сдѣлать отступленіе и сказать, какая это слобода. Въ Русскій портъ Редуть-Кале, въ Мингреліи, ежегодно привозился пѣз Керчи въ значительномъ количествѣ провіантъ, частію для войскъ, тамъ расположенныхъ, частію для всего отдѣльнаго Грузинскаго корпуса, и сіе дѣлалось посредствомъ найма каботажныхъ судовъ, которыя только подлѣ береговъ могутъ плавать, а въ самое море не идутъ. Это было сопряжено съ большими издержками для казны, и Скасси чрезъ Ланжерона предложилъ весьма полезное дѣло по первому взгляду. Согласившись съ симъ предложеніемъ, правительство приказало купить одиннадцать купеческихъ судовъ, оснастить ихъ, снарядить и вооружить, а для управленія ими даны флотскіе офицеры и матросы. Вся эта операція поручена Скасси; а онъ покупалъ суда, по какой цѣнѣ и какой величины хотѣлъ; ему подчинили эту флотилію и онъ попалъ въ адмиралы. Кажется, все это было въ началѣ 1821 года, но отчетовъ онъ до сихъ поръ не отдалъ. Контроль ихъ отъ него требуетъ, а онъ всячески отъ того уклоняется; поживился онъ тутъ, кажется, порядочно, но не соблюлъ никакого форменнаго порядка. Всѣ эти суда онъ перекрестилъ; одному далъ свое имя, другое назвалъ Ланжерономъ. Перевозка провіанта на сихъ транспортныхъ судахъ обходилась казнѣ дѣйствительно гораздо дешевле прежняго; матросы цѣлаго экипажа, по большей части семейные, обзавелись, построили домики, составили слободку, умножилось тѣмъ народонаселеніе Керчи, и съ умноженіемъ потребностей болѣе денегъ пустилось въ оборотъ. Флотилію эту послѣ отдали въ вѣдѣніе градоначальника. Все это до сихъ поръ прекрасно, но вотъ что худо.

Суда были старыя и весьма непрочныя и въ шесть лѣтъ совершенно обветпали, такъ что теперь ихъ надобно бросить. По соглашенію графа Воронцова съ адмираломъ Грейгомъ къ концу нынѣшняго года должно будетъ ихъ перевести въ Севастополь и они тамъ будутъ догнивать. Строеніе каботажныхъ судовъ прежнимъ наймомъ чрезвычайно было поощряемо; оно ежегодно умножалось и по той пропорціи перевозка годъ отъ году становилась бы дешевле. Нынѣ, не взирая на помощь, которую даетъ казна, число каботажныхъ лодокъ въ шесть лѣтъ много уменьшилось; каботаждъ есть жизнь Керчи, какъ мы далѣе покажемъ. Теперь опять надобно будетъ нанимать ихъ по прежнему, но уже гораздо дороже прежняго; гдѣ же прибыль? Истрачено много денегъ на покупку судовъ, которыя чрезъ нѣсколько лѣтъ никуда не годились, и разорены бѣдные морскіе солдаты, которые теперь за безцѣнокъ начинаютъ домишки свои продавать. Вотъ какъ надобно быть недовѣрчиву къ обширнымъ планамъ этихъ смѣлыхъ иностранныхъ прожектеровъ, которые всегда одну свою только пользу имѣютъ въ виду.

2. *Куртость*, построенная Турками, вѣроятно, для обороны со стороны пролива, ибо съ Митридатовой горы весь гарнизонъ можно забросать камнями. Въ ней примѣчательнаго есть одна древняя башня, говорятъ, еще Генуезская и церковь, коей времени основанія никто хорошенько не знаетъ. Она должна быть очень древняя, ибо часть ея вошла въ землю, но остальное

довольно высоко подымается. Куполъ ея поддерживается четырьмя мраморными столбами, а помостъ составленъ весь изъ мраморныхъ плитъ разной величины, на коихъ высѣчены разныя фигуры, кои служили совсѣмъ для другаго употребленія. Эта-то церковь была убѣлена г. фонъ-Деномъ. При Туркахъ она была мечетью: у входа ея стоитъ высокій минаретъ, который нынѣ служить колокольной.

3. *Музеумъ*. Онъ открытъ только въ 1823 году подъ управленіемъ Бларамберга и покаместъ помѣщается въ домѣ одного Француза Шевалье дю-Брюкса. Собраніе древностей дѣлается съ успѣхомъ: теперь находится уже въ музеумѣ большое количество Воспорскихъ медалей, золотыхъ, серебряныхъ и бронзовыхъ, урны съ пепломъ умершихъ, большія амфоры, въ которыхъ древніе хранили вино и деревянное масло, лакриматоріи разныхъ составовъ, формъ и величины, глиняные сосуды и маленькія статуи, очень хорошо сохранившіяся. Пять или шесть колоссальныхъ мраморныхъ торсовъ и множество обломковъ архитектуры и скульптуры, въ которыхъ знатоки находятъ искусство и прекрасную отдѣлку, дѣлаютъ сіе собраніе весьма любопытнымъ. Есть также много очень хорошихъ золотыхъ вещей, вѣнецъ изъ золотыхъ листьевъ, открытый въ могилѣ какой-то царицы, пропасть золотыхъ перстней съ рѣзными камнями, браслеты и проч. и проч.

Директоръ сего музея, г. Бларамбергъ, живетъ въ Одессѣ, рѣдко и на короткое время прѣзжаетъ въ Керчь, и отъ того-то медленно умножается сія коллекція. За ея храненіемъ имѣетъ присмотръ мѣстное начальство.

Конечно, для любителя древности нигдѣ почти нѣтъ столь богатой жатвы, какъ въ окрестностяхъ Керчи. До сихъ поръ насчитали 1,200 кургановъ; но и половины, кажется, не сосчитали: немногіе изъ нихъ взрыты и всѣ почти не понапрасну, остальное можно почитать неисчерпаемымъ источникомъ. Когда откроютъ курганъ и найдутъ въ немъ разные предметы въ Греческомъ вкусѣ, то надобно рыться еще глубже въ землю: тамъ находишь другія гробницы народовъ, нынѣ уже неизвѣстныхъ. Эти подземелья весьма пространны; обыкновенно въ пещѣ или впадинѣ находишь человѣческія кости, близъ которыхъ, на каменномъ столѣ, почти всегда каменная чаша и желѣзные орудія, копья и стрѣлы, а жемного поодаль, на каменномъ канапе, скелетъ лошади.

Когда приведутся въ исполненіе намѣренія графа Воронцова построить особое зданіе для музеума, опредѣлить къ тому особливаго чиновника, который бы имѣлъ постоянное пребываніе въ Керчи, и начать систематически, по порядку, разрывать курганы, то собраніе Керченскихъ древностей будетъ одно изъ достопримѣчательнѣйшихъ въ свѣтѣ. Феодосія имѣетъ также свой музеумъ, но только по одному названію; онъ находится подъ надзоромъ доктора Граперона, который столь же мало смыслить въ археологіи, какъ и въ медицинѣ, а, какъ Французъ, беретъ за все, и сей музеумъ только бо-

гать вещами, похищенными у Керчи, когда сей городъ былъ подвластнымъ Θεодосіа. Большіе споры идутъ о томъ между гг. Бларамбергомъ и Граперономъ, особливо же за одного грфона *), высѣченнаго на камнѣ. Этотъ грфонъ былъ эмблемою Пантикалеи, украшалъ долго ворота Керченской крѣпости, и насильственно завладѣла имъ Θεодосіа.

4. *Старый карантинъ* находится въ семи верстахъ отъ Керчи, немного повыше того мѣста, гдѣ въ старину была Нимфея, а лѣтъ двадцать тому назадъ большая прекрасная и густая роща фруктовыхъ деревьевъ, на горѣ, по горѣ и подъ горою. Это самое заставило выбрать сіе мѣсто, посреди обнаженной степи для учрежденія на немъ карантинной заставы, хотя тутъ стояніе для судовъ самое невыгодное, по близости къ Черному морю: стремленіе вѣтровъ при истокѣ пролива бываетъ ужасное, и нерѣдко гибли корабли.

Небреженіемъ и варварствомъ каторжныхъ чиновниковъ, которые въ карантинную заставу опредѣлялись, роща совсѣмъ истребилась: чтобы не покупать дровъ, они рубили деревья и ими топили печи. Теперь всего осталось деревьевъ съ тридцать, грушевыхъ и миндальныхъ, и нѣсколько кустовъ очень хорошаго винограда. Попеченіемъ послѣдняго директора карантиннаго дому, Бородина, который, какъ Цинцинать, оставилъ мечъ для мирныхъ занятій и обрабатыванія земли, и опять взялся за него и сражается теперь съ Персіянами, разведенъ довольно большой разсадникъ молодыхъ деревьевъ и посажена бездна цвѣтовъ. Строенія сего карантина нынѣшнимъ лѣтомъ опустѣли, одинъ только домикъ прибранъ и передѣланъ для жительства градоначальника. Мѣстоположеніе прекрасное, и если сдѣлать тутъ хуторъ или дачу, и попадется оно къ рукамъ, то сдѣлается украшеніемъ для Керчи и весьма пріятной прогулкой.

5. *Новый карантинъ*, построенный по проекту инженернаго генерала Потье и оконченный въ нынѣшнемъ году, находится въ четырехъ верстахъ отъ Керчи, къ Сѣверу, и слѣдственно почти на половинѣ дороги къ Еникале.

Множество большихъ строеній и магазиновъ чрезвычайной величины, на великомъ пространствѣ, окруженномъ двойною каменною стѣною, и хорошо укрѣпленная пристань дѣлають сей карантинъ первѣйшимъ въ Россіи и не послѣднимъ въ Европѣ. Допросныя, окурныя, маркитантскія, пассажирскія комнаты, парлаторіи, чумный кварталъ, все выстроено и отдѣлано прекрасно и на такомъ мѣстѣ, гдѣ суда, какъ на дворѣ, безопасно стоять могутъ. Десять тысячъ погонныхъ сажень или пять верстъ каменной высокой

*) Господня Бларамбергъ, столь страстно любящій древность, имѣетъ еще другую страсть: говорить каламбуры и играть словами. Въ нетерпѣннн своемъ опъ говорить: «Il faut absolument que je mette la griffe sur ce grifphon», на что ему кто-то отвѣчалъ: «Cela vera difficile, parceque m r Graperon a mis le grappin dessus».

стѣны, не считая кровель, окончинъ, печей, половъ и дверей, и все это стоило 347 тыс. рублей! Такое чудо дано было сдѣлать графу Воронцову; подъ его личнымъ распоряженіемъ, и его стараніями сдѣланы въ Одессѣ торги и подряды. Хвала ему! Какъ искусному генералу, ему случилось съ малымъ числомъ войскъ бить непріятелей; какъ искусный правитель, онъ умѣетъ съ малыми средствами дѣлать великое. Сей человѣкъ, столь щедрый на собственные деньги, бываетъ всегда расчетливъ, бережливъ и почти скупъ, когда дѣло идетъ о казенномъ или общественномъ интересѣ.

6. *Бугазскій мѣновой дворъ.* Впадая въ Черное море, рѣка Кубань образуетъ обширный заливъ, губу, лиманъ или бугазъ. Отъ Анапы идетъ на сорокъ верстъ узкая коса, которая, отдѣляя сей бугазъ отъ моря, оставляетъ пространство менѣе версты, для соединенія ихъ. На самой сей переправѣ построенъ Мѣновой Дворъ, говорятъ, будто съ Черкесами. Спрашивается, зачѣмъ онъ тутъ? Съ Кавказскихъ горъ развѣ только птицы могутъ летать къ этому мѣсту, минуя Анапу. Абазины пойдутъ ли промѣнивать свои товары сорокъ верстъ далѣе и за границу, когда все потребное могутъ они найти подъ руками, въ Анапѣ? И неужели Турки такъ глупы, что они станутъ способствовать этой мѣнѣ? Они никого и ничего не пропустятъ.

Такъ угодно было Скасси. Мѣновой Дворъ уже нѣсколько лѣтъ существуетъ, хотя въ маломъ видѣ. Никакихъ товаровъ въ немъ нѣтъ, ни одинъ Черкесъ не является, и пассажировъ, кромѣ Грузинъ и Армянъ, захваченныхъ горцами и убѣжавшихъ отъ неволи, тамъ не бываетъ. Доходу съ этого двора получаетъ казна ежегодно отъ 16 до 18 рублей, а что стоитъ его содержаніе? Этого мало. Надобно было быть Скасси, чтобы построить большое зданіе, но для дешевизны, изъ битой земли съ глиной и на топкомъ мѣстѣ. Это зданіе въ одно время и строилось, и разваливалось; чрезъ годъ, или два, все обрушится, а стоить оно казнь 95 тысячъ рублей. Предвидя сіе, градоначальникъ Богдановскій, хлопоталъ чтобы, на первый случай, сдѣлать для пробы строеніе тысячъ въ пять; Скасси возопилъ противъ того и умѣлъ убѣдить даже самого графа Воронцова, который согласился все строеніе начать въ одно время.

Участіе, которое принимаетъ Скасси въ существованіи Бугазскаго Мѣноваго Двора, объясняется слѣдующимъ: чрезъ него онъ имѣетъ сношенія съ Анапскими пашей, разумѣется, не клонящіяся ко вреду государства, не для измѣны, а только для своей корысти. Получаемую имъ соль, безданны, безпошлинно, онъ отправляетъ не къ Черкесамъ, а дорогою цѣною продаетъ Туркамъ, а тѣ еще дороже перепродаютъ ее горцамъ: вотъ весь барышъ этого Мѣноваго Двора.

7. *Темрюкъ,* селеніе Черноморскихъ козаковъ, близъ Азовскаго моря, находится въ 90 верстахъ отъ Керчи и входитъ въ округъ Керченскаго

градоначальства. Окрестности его, болѣе нежели гдѣ, усыпаны курганами; утверждаютъ, что тутъ было удѣльное помѣстье Воспорскихъ царицъ; и дѣйствительно, во множествѣ находимыя тутъ медали и памятники какой-то славной царицы Комосаріи подкрѣпляютъ сіе мнѣніе.

8 *Еникале*. Крѣпость и городокъ въ Азіатскомъ вкусѣ, идутъ terra samп съ горы и до самаго моря, съ коего видъ на нихъ живописенъ. Внутренность города весьма неопытна; но строенія, хотя не весьма прочныя, больше чѣмъ въ Керчи, и странностію формъ, равно какъ и цвѣтовъ, коими испещрены, привлекаютъ на себя любопытный взоръ путешественниковъ. Около Еникале болѣе всего ловится рыбы и его можно назвать отечествомъ балыковъ.

9. *Маякъ*, построенный въ трехъ съ половиною верстахъ на Сѣверъ отъ Еникале, у самаго входа въ Азовское море, на счетъ Таганрогскаго купечества: довольно высокая башня, около которой нѣтъ никакого жилья. Ничего не можетъ быть печальнѣе ея окрестности. Маякъ сей освѣщается только въ мрачныя осеннія ночи; онъ зависѣлъ отъ Таганрогскаго градоначальства, но скоро долженъ поступить въ вѣдѣніе Керченскаго.

Ширина Керченскаго пролива или Босфора не во всѣхъ мѣстахъ равная: одинъ Таманскій заливъ входитъ болѣе чѣмъ на тридцать верстъ внутрь земли. Керченская бухта идетъ полумѣсяцемъ отъ Павловской батареи до безымяннаго мыса и имѣетъ въ окружности болѣе двѣнадцати верстъ. Двѣ косы: одна, сѣверная, къ Еникале, а другая южная, къ Павловской батарее, съ противоположнаго берега, подходятъ на разстояніе шести верстъ, а фарватеръ болѣе версты нигдѣ ширины не имѣетъ, такъ что мимо двухъ укрѣпленій ни одно судно прокрасться не можетъ: оно всегда отъ нихъ будетъ на пушечный выстрѣлъ.

Въ сихъ мѣстахъ томлюсь я уже нѣсколько мѣсяцевъ, скитаюсь по берегамъ этого Босфора, не встрѣчаю ни одного давно знакомаго лица, не слышу занимательныхъ разговоровъ, не имѣю съ кѣмъ бы обмѣнять одной мысли. Все вокругъ меня пусто, печально, погорѣло. Не знаю, когда наступитъ минута избавленія моего и не утѣшаюсь даже возможностью быть полезнымъ. Говорятъ, будто я здѣсь начальствую; но люди, съ которыми осужденъ я жить, соединяя варварство съ хитрою злобою и невѣжество ума съ развратомъ сердца, хотя и низко мнѣ кланяются, но къ прямодушію моему питаютъ сильную ненависть. Положиться ни на кого и ни на что не могу. Я не похщалъ небеснаго огня, а какъ Прометей, котораго баснословіе приковало къ Кавказу, я пригвожденъ къ мѣстамъ, ему сосѣдственнымъ, и пуще ястреба съѣдаетъ меня грусть.

Мысленно переносусь я иногда въ счастливыя мѣста и времена, когда я былъ молодъ, здоровъ и веселъ, когда безопасно текла жизнь моя или въ

кругу родной семьи, или въ кругу друзей и пріятелей, мнѣ Небомъ дарованныхъ. Въ поднебесную возносятся меня сіи воспоминанія; но за то, какъ тяжело упадаю я опять потомъ въ сію пропасть, въ сію Керчь!

Когда тѣлесныя мои страданія дадутъ мнѣ отдыхъ, когда больное, слабое зрѣніе мое немного прояснѣетъ, то скорѣе берусь я за перо: оно здѣсь мое единственное утѣшеніе. Безъ всякаго плана, а только для разсѣянія своего принялся я описывать все видѣнное, слышанное и читанное мною о мѣстѣ пребыванія моего и даже о всемъ краѣ. Богъ вѣсть, какъ составила, наконецъ, толстая тетрадь. Кто будетъ читать ее? По крайней мѣрѣ, я постараюсь скрыть ее отъ всѣхъ глазъ, и развѣ самымъ пскреннимъ, самымъ снисходительнымъ знакомымъ рѣшусь когда нибудь ее показать.

О вы, почтенные друзья мои, которые служили мнѣ образцами въ молодости, были опорой и утѣшеніемъ всей жизни моей, и теперь, когда дряхлость меня пришибла, когда въ безлюдномъ, безотрадномъ заточеніи кончается неудачное мое служеніе, остались моимъ послѣднимъ упованіемъ, можетъ быть, дойдетъ до васъ когда нибудь сія записка! Если вы загляните въ нее, то вы не будете слишкомъ строги: вы вспомните, что мнѣ и на мысль никогда не приходило быть авторомъ. Какъ узникъ, для развлеченія, мараетъ углемъ стѣны темницы своей, такъ я симъ нескладнымъ описаніемъ облегчалъ иногда непонятную тоску моего сердца.

III.

Въ сей запискѣ вездѣ хвалили мы намѣренія правительства учредить въ Керчи портъ, указывали на сіе мѣсто, какъ на самое выгодное для торговли, и въ тоже время не совсемъ выгодно отзывались о г. Скасси, который подалъ объ этомъ мысль и всѣми силами поддерживаетъ ее. Чтобы не быть обвиняемымъ въ противорѣчій должно объясниться.

Во первыхъ, мысль сія принадлежитъ не Скасси, а доку де-Ришельё. Онъ гораздо послѣ ее себя присвоилъ и тогда только, когда увидѣлъ совершенную неудачу свою съ Черкесами. Но и тутъ ему только хотѣлось своротить вниманіе правительства и направить его на другой предметъ, гдѣ бы еще нѣсколько лѣтъ ему можно было обманывать.

Надобно напередъ спросить: какая торговля можетъ быть съ Кавказскими народами и въ чемъ она состоитъ? Вотъ отвѣты:

Можно дѣлать условія съ дикими, которые близки еще къ первородному состоянію человека: они умѣютъ еще хранить святость слова. Но какой трактатъ, какія клятвы могутъ связать людей, между коими отцы и матери малыхъ дѣтей учатъ воровать: между коими тотъ пользуется уваженіемъ, кто

отличился обманомъ, внезапнымъ нападеніемъ на сосѣда и пріятеля и похищеніемъ его стадъ и рабовъ, людей, у которыхъ нѣтъ никакой вѣры, а какое-то, перемѣшанное изъ христіанства и магометанства, суевѣріе заступаетъ ея мѣсто?

Взаимныя потребности дѣлають между народами торговлю необходимою. Въ главномъ городѣ Черноморскихъ казаковъ, Екатеринодарѣ, и въ устьѣ Лабинской крѣпости уже давно учреждены мѣновыя дворы съ Черкесами. Чтò туда привозится и чтò обмѣнивается? Казаки отпускають имъ одну только соль съ своихъ озеръ, въ которой они имѣють нужду, и получаютъ отъ нихъ оления рога, въ маломъ количествѣ шкуры волчьи и шакаловы, да лѣсъ, и то не строевой, а только для топлива. Вотъ чѣмъ все ограничивается, и безъ совершенной перемѣны въ положеніи сихъ народовъ никакъ умножиться не можетъ. Надобно еще замѣтить, что въ Екатеринодарѣ и Усть-Лабинской крѣпости одна только Кубань отдѣляетъ горцевъ отъ Россіи, и что въ Керчь имъ надобно гораздо далѣе идти.

Всѣ нужды свои могутъ горцы удовлетворять дома: изъ шерсти, которую даютъ имъ стада, ихъ жены ткуть очень порядочное сукно, онѣ же плетутъ такъ искусно серебряныя тесьмы, которыми Черкесы украшаютъ свои наряды. Они сами научились дѣлать обыкновенныя оружія, Турки доставляють имъ стволы ружейныя и сабельныя клинки, а они уже ихъ отдѣлываютъ и натачивають. Какъ быть съ ними? Они въ насъ никакой нужды не имѣють. Одни говорятъ, что надобно напередъ просвѣтить ихъ и познакомить съ нашими обычаями, чтобы послѣ поработить; а другіе, что прежде должно ихъ покорить, а потомъ думать о ихъ образованіи. Намъ кажется, что и то и другое есть дѣло весьма трудное, но возможное, и что оба вмѣстѣ надо начать, искусно и усердно за то принявшись.

Прежде всего должно Туркамъ заградить путь, отнять Анапу, Суджукъ-Кале и другія укрѣпленія по восточному берегу Чернаго моря и поставить, если нужно, эскадру, которая бы круглый годъ крейсировала и никому не дала бы приставать къ берегамъ. Раздѣлены будучи ущельемъ, по которому вытекаетъ Терекъ, гдѣ учреждена военная дорога и построена Владикавказская крѣпость, отдѣлены будучи съ Юга отъ Азіятскихъ народовъ вновь пріобрѣтенными Закавказскими провинціями, съ Востока Каспійскимъ моремъ, съ Запада отъ Турокъ Чернымъ и съ Сѣвера имѣя границей Кубань, Куму и Терекъ, надобно, чтобы, куда бы они ни сунулись, вездѣ встрѣтили Россію, карающую, сильную и вмѣстѣ съ тѣмъ милосердную и правосудную къ покореннымъ.

Кажется, это была мысль генерала Ермолова. Его корпусъ былъ малочисленъ, а велико было пространство земель, ему ввѣренныхъ. Присылаемые рекруты нескоро могли быть годными для службы; потребно было время, чтобы пріучить солдатъ къ климату, къ опасностямъ, трудностямъ и образу

тамошней жизни; за то берегъ онъ ихъ, какъ зѣнцу своего ока. Сія недостатки долженъ былъ онъ замѣнять этимъ страхомъ, который разсѣвалъ онъ вокругъ себя между злодѣями, его окружающими. Его грозное имя въ горахъ съ ужасомъ прозносилось, маленькихъ дѣтей имъ матери пугали, и онъ положилъ уже начало покоренія горцевъ.

Заслужить любовь вѣрныхъ слугъ государевыхъ и заставить трепетать враговъ его, кажется, вина еще не столь великая. Но Скасси считалъ это преступленіемъ, не возлюбилъ генерала Ермолова доносить, что онъ тиранствомъ своимъ мѣшаетъ ему въ исполненіи возложеннаго на него дѣла. Этотъ плюгавый червь думалъ состязаться со львомъ, и, можетъ быть, подточилъ славную молву объ немъ.

Ермоловъ имѣеть всѣ пороки и всѣ блестящія качества Русскихъ: онъ гордъ, властолюбивъ, хитеръ, а иногда жестокъ и неумолимъ, какъ они; но, какъ они, онъ храбръ, уменъ и искусенъ. Его можно назвать Русскимъ народомъ вкратцѣ. Онъ никогда не начальствовалъ ни арміей, ни даже корпусомъ во время войны, отличался, какъ и другіе, и самъ ни одной побѣды падъ непріятелемъ не одержалъ, а любимъ какъ Суворовъ. Не побѣды и добродѣтели въ немъ любятъ, а сходство и надежды.

Кажется, надобно бы, подобно Ермолову, на нѣсколько времени отказаться отъ филантропій, вести войну съ этими народами подъ малѣйшимъ предлогомъ и всѣхъ плѣнныхъ отсылать внутрь Россіи, а мужчинъ распредѣлять даже по кавалерійскимъ полкамъ; по прошествіи же нѣсколькихъ лѣтъ возвращать имъ свободу и отпускать домой. Еще есть другое средство. Эти народы почти безпрестанно ведутъ междоусобную войну, стараются захватить семейства своихъ противниковъ и продаютъ ихъ потомъ. Въ Редутъ-Кале можно всегда имѣть пару мальчиковъ или дѣвочекъ за 70 карбованцевъ или серебряныхъ рублей. Пусть правительство воспрещаетъ, по прежнему, частнымъ людямъ дѣлать такую покупку, но пусть возьметъ ее на себя. Дѣло будетъ неразорительное; но надобно стараться покупать плѣнниковъ такого возраста, въ которомъ бы имъ невозможно было забыть родину и нетрудно бы было сдѣлать новыя привычки. Учить ихъ Закону Божию, Русской грамотѣ, какому нибудь ремеслу, женить ихъ даже между собою и лѣтъ чрезъ десять позволять имъ возвратиться въ горы. Невозможно, чтобы потомъ, мало по малу, все тамъ не перемѣнилось. Но филантропіей съ такими людьми ничего не возмешь: они ей и не поймутъ и ей не повѣрятъ.

Впрочемъ, мы ошибаемся, можетъ быть, какъ и г. Скасси, который теперь уже вѣрно не ошибается, но только не сознается.

Какъ часто обманъ и ложь наводятъ на истину, особенно въ Россіи, и успѣхи Скасси въ разсужденіи Керчи могутъ служить тому примѣромъ. Онъ вѣрно серьезно не думалъ, чтобы посредствомъ мнимой Черкеской торговли могъ бы сей городъ сдѣлаться знаменитымъ портомъ: ему хотѣлось только, поль-

зуюсь легковѣрїемъ министерства, имѣтъ большія суммы въ своемъ распоряженіи, строятся, пачальствовать, хвастаться, пожить и повеселиться. Онъ былъ подлѣ истины, а на нее не попалъ; видно, онъ не имѣлъ съ нею ничего общаго.

Главная и первая польза отъ учрежденія Керченскаго порта есть безопасность отъ внесенія чумной заразы. За исключеніемъ Одесскаго градоначальства и его округа, надобно, чтобы въ Керчи былъ единственный центральный карантинъ для всей южной Россіи: если чума заберется въ карантинъ, то тамъ и надобно ее задушить; если она прорвется изъ-за стѣнъ его, тогда оцѣпить Керчь; когда и тутъ ея не удержатъ, то весьма легко будетъ запретить Керченскій полуостровъ, проведя линію только на 30 верстъ ниже Феодосіи и до Арабата; когда она пойдетъ далѣе, то необходимо будетъ отдать ей въ жертву весь Крымъ и поставитъ стражу на узкомъ перешейкѣ Перекопа и узкомъ же Ениченскомъ проливѣ, а Россія все таки спасена, и на каждомъ шагѣ легкія средства могутъ остановить распространеніе зла. Но когда она пойдетъ за Перекопъ, то надобно уже быть большому несчастію. Крымъ можно почитать обсерваціоннымъ корпусомъ, Керченскій полуостровъ авангардомъ, а Керчь съ карантинномъ аванпостами противъ моровой язвы, сего ужаснаго врага.

Въ Таганрогѣ и по всему Азовскому морю должно бы карантинныя соевѣмъ уничтожить: они стѣютъ большихъ денегъ, а на какую они потребу? Положимъ, что Константинополь и всѣ берега Чернаго моря принадлежали бы Россіи, теперь содержаніе портовыхъ карантинновъ и ихъ линій и стражи стѣитъ казнь до полутора милліона: во что бы тогда ихъ содержаніе обошлось? Не лучше ли бы во сто разъ было учредить одинъ карантинъ въ Цареградѣ, укрѣпить сей единственный пунктъ, обратить на него все вниманіе, соблюдать въ немъ всю строгость и, по выдержаніи карантиннаго термина, пускать корабли гулять по Черному морю и приставать, гдѣ имъ угодно. Все это было бы и легче, и безопаснѣе. Отъ большаго къ малому: Керчь, въ отношеніи къ Азовскому морю, точно тоже, что Константинополь къ Черному; сама природа поставила тутъ заставу, и суда ходили бы въ Азовское море только на практику.

Какъ трудно на большомъ протяженіи береговъ не просмотрѣтъ иногда тайно пристающую лодку; какъ трудно положиться на казаковъ, которые обыкновенно содержатъ кордонъ, на сихъ хищныхъ и храбрыхъ людей, которые любятъ деньги и столь же мало боятся чумы, какъ и сабельныхъ ударовъ, чтобы они иногда за рубль всякую всячину не пропустили! Въ Таганрогѣ, можно сказать, одна только мнимая предосторожность отъ чумы: брандтвахта стоитъ далеко отъ города, а еще далѣе отъ нея могутъ стоять корабли, и она видитъ только верхи ихъ мачтъ. Пассажиры, сколько хотятъ, могутъ сообщаться между собою и съ кѣмъ хотятъ.

Вотъ какой ходъ имѣла доселѣ торговля съ Таганрогомъ. Корабли, пройдя Черное море, останавливались въ Керчи, выдерживали шестидневный обсерваціонный только терминъ; тутъ отдѣлялись товары, сомнѣнію не подверженные, и отправлялись въ Таганрогъ, гдѣ людямъ и судамъ все-таки полный карантинъ выдерживать надлежало; товары же, приѣмлющіе заразу, посылались въ Феодосію моремъ, слишкомъ сто верстъ назадъ и, по выдержаніи карантина, или по очищеніи ихъ посредствомъ газа, могли быть отвезены въ Таганрогъ. Изъ Керчи давались по два гвардіона изъ отставныхъ солдатъ на каждое судно, идущее въ Таганрогъ, дабы они наблюдали, чтобъ не было сообщенія между судами и не было бы на нихъ тайно провозимыхъ товаровъ. Эти гвардіоны на самомъ небольшомъ окладѣ, и потому за бездѣлицу готовы сказать и позволить дѣлать, что шкиперу угодно. Еще случается, что, во время бури на Азовскомъ морѣ, суда требуютъ помощи и получаютъ ее отъ береговыхъ жителей, которые потомъ никакъ не объявляютъ о томъ, что имѣли сообщеніе, и кому то видѣть и доказывать? Какія ужасныя затрудненія для торговли, и все по пустому: опасность таже. Одинъ Богъ спасалъ доселѣ Россію: ибо если чума въ Таганрогѣ, то ничто ея не остановитъ, и она въ Москвѣ.

Теперь будетъ иначе: съ открытіемъ порта въ Керчи, могутъ суда выдерживать здѣсь весь карантинный терминъ и очищать товары, не дѣлая въ Феодосію понапрасну взадъ и впередъ двѣсти верстъ. Когда прежде были въ Керчи одна карантинная и таможенная заставы, то представить себѣ нельзя, какіе служили тутъ люди! Немного получше тѣхъ, которыхъ посылаютъ работать въ рудники; и по сю пору есть еще изъ нихъ оставшіеся. Въмѣсто шестидневнаго обсерваціоннаго термина, и шести часовъ суда не останавливались; товары, безъ соблюденія малѣйшей предосторожности, безъ пошлины и самыя запрещенныя, были впускаемы: это была открытая дверь для контррабанды. По бѣдности края, къ счастью, немного ея требовалось. Керченскіе Греки получали отъ того большую пользу; они вопіютъ теперь противъ строгихъ мѣръ, принимаемыхъ градоначальниками, и говорятъ, что закрыли, а не открыли Керченскій портъ. И здѣсь также Провидѣніе берегло Крымъ.

Еще разъ должно повторить: по всему Азовскому морю и въ Таганрогѣ ничего карантиннаго не нужно; это одна лишняя издержка. Лучше и проще будетъ всѣ предосторожности сосредоточить въ Керчи, назначить въ ней карантинъ опытныхъ и надежныхъ чиновниковъ, а потомъ уже возложить на градоначальника самую строгую отвѣтственность. По выдержаніи здѣсь карантина, пускай корабли всякой величины идутъ себѣ въ Азовское море, если хозяевамъ ихъ будетъ охота. Тогда только можно будетъ ручаться за безопасность Россіи.

Азовское море, по увѣренію Дюро-де-Ламая, со временъ Геродотовыхъ, уменьшилось на дѣлую треть. Съ каждымъ годомъ упадаютъ его воды пріимѣтнымъ образомъ; низкіе берега его, большіе заливы и великое число озеръ,

въ близкомъ разстояніи отъ него находящихся, показываютъ, какъ далеко оно прежде простиралось. Теперь его почитать должно болѣе Донскимъ лиманомъ, чѣмъ моремъ; всѣ морскія карты, которыя съ него снимались, невѣрны, ибо каждый годъ переносятся его мели: гдѣ была прошлаго года подводная песчаная коса, тамъ нынѣ стало глубоко, а гдѣ была глубина, тамъ обмелѣло. Суда, которыя берутъ болѣе двѣнадцати футовъ воды, по немъ ходить не могутъ; бури бывають на немъ сильнѣе, чѣмъ въ самыхъ большихъ моряхъ, пристать почти негдѣ, а болѣе пяти сотъ верстъ должно симъ моремъ идти.

Одна крайняя необходимость заставляетъ бѣдныхъ мореплавателей и купцовъ ежегодно подвергать себя на немъ чрезвычайнымъ опасностямъ. Учрежденіе порта въ Керчи всѣхъ ихъ радуетъ: они надѣются, что торговля вся изъ Таганрога перейдетъ сюда, и что всѣ нужные имъ предметы будутъ доставляться къ нимъ отсюда посредствомъ каботажныхъ судовъ. Намъ случалось чрезъ переводчика толковать о томъ съ шкиперами; на вопросъ, не будетъ ли имъ дороже обходиться покупка Русскихъ товаровъ, когда продавцы ихъ должны будутъ дѣлать новыя издержки, платя за транспортъ ихъ отъ Таганрога въ Керчь, и сами они по той пропорціи не будутъ ли возвышать цѣну товаровъ, ими привозимыхъ? Они отвѣчаютъ, что, если счесть опасности, съ плаваніемъ по Азовскому морю сопряженныя, всѣ ихъ риски, большіе проценты, которые должны они платить, застраховывая товары и суда, и болѣе всего время, которое они теряютъ: то теперь-то должны они товары свои гораздо дороже продавать, чтобы получить какой нибудь барышъ. Дѣйствительно, вмѣсто одного рейса, который могутъ они сдѣлать каждый годъ въ Таганрогъ, три раза могутъ они прійти и уйти изъ Керчи: противные вѣтры въ Азовскомъ морѣ, льды, которые долго покрываютъ устье Дона, и ранняя зима мѣшаютъ тому въ Таганрогѣ.

Надобно знать, что это такое Таганрогскій портъ. Когда постоянно дуютъ сѣверовосточные вѣтры, то вода на двадцать верстъ отъ него уходитъ, иногда приближается къ нему, но рѣдко посѣщаетъ его берега. Приходятъ корабли въ Таганрогъ. Говорятъ, пришли въ него тѣ, которые никогда не бывали, спрашиваютъ, гдѣ же портъ, гдѣ же городъ? Имъ указываютъ, и они, съ помощію зрительной трубки едва могутъ ихъ открыть. Многочисленное сухопутное войско могло бы эту гавань обратить въ поле битвы. Царское Село можно также назвать портовымъ городомъ, какъ и Таганрогъ. Хотѣли рыть въ немъ новую гавань, исправить и продлить молы; восемь милліоновъ исчислено на то по смѣтѣ, ихъ будетъ недостаточно, и все будетъ по пустому.

Умершій уже нынѣ государственный контролеръ, баронъ Кампенгаузенъ, бывший долго Таганрогскимъ градоначальникомъ, человекъ чрезвычайно умный, ученый и благонамѣренный, былъ ослѣпленъ на счетъ Таганрога, какъ мать, которая не видитъ пороковъ дѣтей своихъ. Онъ такъ сильно былъ убѣжденъ въ выгодахъ Таганрогской торговли, такъ искусно умѣлъ изображать ихъ, что, имѣя доступъ къ покойному Государю, и его заставилъ любить сей городъ, съ именемъ котораго теперь неразлучны самыя горестныя воспоминанія

Когда съ такимъ портомъ, изъ котораго товары везутся верстъ пять или шесть на тѣлегахъ, грузятся потомъ на маленькія лодки, на нихъ подвозятся къ кораблямъ и тамъ уже окончательно перегружаются, когда со всѣми неудобствами плаванія по Азовскому морю, торговля идетъ довольно хорошо, то чего не можно ожидать, когда умножится число каботажныхъ судовъ и товары на нихъ будутъ привозиться къ безопасному порту, къ которому отовсюду подходить будетъ близко и легко? Теперь немногіе смѣльчаки дерзаютъ пускаться къ Таганрогу; тогда число купцовъ и требованій на пшеницу, коровье масло, икру, сало, желѣзо и прочее и прочее утроится. Выгоды, которыя получаютъ отъ него внутреннія Россійскія губернія, неисчислимы. Если даже каналомъ и не соединять Волгу съ Дономъ, но только чтобъ хорошенько населилось это шестидесятверстное пространство между Дубовской и Голубинской станицами, и взята бы была привычка возить этимъ волокомъ: то изъ Сибири потекутъ товары въ Черное море и далѣе.

Каботажъ! Каботажъ! На размноженіе его должно быть устремлено все вниманіе мѣстнаго начальства, онъ будетъ новой отраслю народной промышленности. У насъ очень мало купеческихъ кораблей: онъ будетъ основаніемъ купческаго флота, изъ прибрежныхъ жителей, особливо же изъ Черноморскихъ казаковъ; онъ образуетъ хорошихъ матросовъ для сего флота, а уже о прибыли, которую получаютъ хозяева каботажныхъ судовъ, и говорить нечего. Теперь, говорятъ, таковыхъ судовъ есть до трехъ сотъ; правительство помогаетъ всякому, кто хочетъ строить новыя, ссудою въ 4 т. рублей, число ихъ умножится; но какъ бы ни увеличилась торговля, восьми сотъ будетъ достаточно для всѣхъ торговыхъ операцій по Азовскому морю.

Большую взаимную помощь могутъ ожидать другъ отъ друга Керчь и Мелитопольскій уѣздъ, который заключается между Днѣпромъ и Азовскимъ моремъ. По берегамъ его, лѣтъ съ двадцать тому, поселились Менонисты и составили Нѣмецкія колоніи; трудолюбіе произвело чудеса: колоніи эти похожи на прекрасныя сады, между коими разбросаны опрятныя домины; хлѣбопашество, пчеловодство, садоводство, все въ лучшемъ состояніи, всякія ремесла производятся съ успѣхомъ. Такой примѣръ не могъ остаться безъ подражателей, онъ имѣлъ чрезвычайно полезное вліяніе на сосѣдственныя Русскія селенія весьма зажиточныхъ раскольниковъ, въ великомъ числѣ за наказаніе туда сосланныхъ. Одинъ Французскій эмигрантъ, графъ Мезонъ, изъ малаго числа иностранцевъ, кои принесли Россіи существенную пользу, поселился между кочующими вокругъ Ногайцамъ, принялъ ихъ образъ жизни, получилъ ихъ совершенную довѣренность и, безпрестанно показывая имъ на счастливую жизнь трудолюбивыхъ Нѣмцевъ, старался и ихъ склонить къ домоводству. Одинъ Богъ знаетъ, какихъ трудовъ ему это стоило; онъ лишился здоровья, и въ одной изъ дракъ между сими бѣшенными, иногда возмущенными протпвъ своего наставника и благодѣтеля, ему переломили ногу. Но съ постоянною непреклонною волею онъ достигнулъ желаемаго: Ногайцы

бросили кочевать, начали строить дома и пахать хлѣбъ. Уже построены и городъ Ногайскъ, а графъ Мезонъ живетъ въ Симферополѣ, въ отставкѣ и бѣдности!

Вся эта сторона, которая примыкаетъ къ Екатеринославской губерніи и Мариуполу, а съ другаго бока къ Ениченскому проливу, населена чудеснымъ образомъ; все цвѣтетъ... но цвѣтетъ въ пустынѣ. Жителямъ сихъ мѣстъ возить свои издѣлія въ Таганрогъ далеко, дорого, и они не сбудутъ ихъ; подвозъ изъ другихъ мѣстъ слишкомъ великъ, а въ Керчь хотя и близко, но не за чѣмъ: тамъ еще ничего нѣтъ. Сообщенія съ другими частями Россіи они имѣютъ мало; все употребляется, все издерживается на мѣстѣ. Однакоже, въ одномъ большомъ селеніи, Молочныхъ Водахъ, завелась ежегодная ярмарка, куда всѣ эти Мелитопольскіе жители съѣзжаются, годъ отъ году она становится богаче, разнообразіе и пестрота нарядовъ чрезвычайно на ней занимательны, и четырнадцатью разными языками говорятъ тамъ торгующіе. Замѣчанія достойны также въ семь уѣздъ: Бердянская коса, весьма населенная и принадлежащая графу Орлову-Денкину, и Обиточная пристань, самая лучшая по всему Азовскому морю. Когда покойный Государь проѣзжалъ черезъ сіи мѣста, то не могъ ими налюбоваться и до глубины сердца былъ тронутъ непритворнымъ усердіемъ жителей; это было за нѣсколько дней до его кончины.

Многіе думаютъ, что съ возвышеніемъ Керчи упадутъ Θεодосія и Таганрогъ, жалѣютъ о бѣдныхъ жителяхъ, которые отъ того разорятся, жалѣютъ и о потерѣ суммъ, которыя казна уже на строеніе и поддержаніе сихъ городовъ употребила. Если Керчь мѣсто неудобное для торговли, то чего бояться Таганрогу и Θεодосіи? Этотъ новый портъ ихъ не подорветъ. А если выгоды отъ учрежденія сего порта очевидны, то зачѣмъ же упрямиться, и для того, что уже разъ сдѣлана ошибка, не думать ее исправлять? Θεодосія не упадетъ, ибо уже она давно упала и никогда высоко не подымалась; Таганрогъ не упадетъ, а перестанетъ только быть приморскимъ городомъ (чѣмъ онъ, впрочемъ, и никогда не бывалъ) и останется весьма значительнымъ пунктомъ для торговли, складочнымъ мѣстомъ и богатою рѣчною пристанью, какъ Гжатскъ, Моршанскъ и Рыбинскъ.

Возьмемъ географическую карту, взглянемъ на мѣсто, гдѣ находится Керчь, и внимательно разсмотримъ удивительное положеніе сего города. Вообразимъ себѣ, что уже онъ отстроены, богатъ, и что торговля его въ полномъ дѣйствиіи. На Сѣверозападѣ видимъ мы Донъ, которымъ произведенія природы и искусствъ текутъ изъ самыхъ нѣдръ Россіи въ Нахичевань, Ростовъ и Таганрогъ, а оттуда каботажемъ по Азовскому морю, при попутномъ вѣтрѣ, въ полторы сутки привозятся въ Керчь; прямо на Сѣверъ видимъ мы этотъ Мелитопольскій уѣздъ, которому сосѣдство Керчи даетъ новую жизнь и который безпрестанно съ нею сообщается черезъ Обиточную пристань, откуда моремъ въ Босфоръ обыкновенно ѣзды бываетъ десять часовъ; Нѣмецкіе ремесленники, всякаго рода мастеровые, приходятъ оттуда и находятъ въ Керчи занятіе и

хлѣбъ. На Востокѣ, въ виду Керчи, на противоположномъ Азіатскомъ берегу, встрѣчаемъ мы Черноморскихъ козаковъ, между Русскими болѣе другихъ въ грубыхъ нравахъ затвердѣвшихъ людей; для нихъ вблизи свѣтитъ новый свѣтъ; долго отворачиваются они отъ него, но, наконецъ, привыкаютъ къ нему, получаютъ навыки къ людкости и чувствуютъ потомъ потребность знанія. Немного подалѣе, верстахъ во ста, Турецкая крѣпость Анапа; она взята (или непремѣнно будетъ взята, все равно) и сдѣлалась однимъ изъ рынковъ Керчи. По старой привычкѣ приходятъ въ нее горскіе народы, но приходятъ уже все новое, мало по малу осмѣливаются идти далѣе, и въ Керчи узнаютъ, наконецъ, что такое Европейское образованіе. Къ Югозападу сообщеніе съ Редуть-Кале и Мингреліей бываетъ съ небольшимъ въ сутки, а если будетъ чрезъ горы и лѣса учреждена отсюда дорога къ Араксу, то можно легко будетъ получать товары изъ Персіи; въ два, три-дня поспѣваютъ корабли къ Керчи отъ Анатольскихъ береговъ, изъ Синопа и Трѣбизонда, и доставляютъ отсюда все потребное для Азіатской роскоши. Къ Западу весь Крымъ, который, участвуя въ успѣхахъ Керчи, будетъ ей обязанъ улучшеніемъ своего состоянія. Или вся Черноморская торговля одна только мечта для Россіи, или Керчь есть важнѣйшій ея пунктъ.

Но когда все это будетъ? Вотъ чего никто угадать не можетъ. При такомъ положеніи дѣлъ, какъ нынѣ, скоро сего ожидать нельзя. Генераль-губернаторъ живетъ за семь сотъ верстъ и такъ пристально заняться одной Керчью не можетъ, а всякій градоначальникъ скоро почувствуетъ всю неприятность своего положенія. Лишенный всѣхъ удовольствій жизни, въ сомнительной надеждѣ со временемъ сдѣлать себѣ имя, онъ будетъ за все отвѣчать, со всѣхъ сторонъ будетъ связанъ, никакой почти не будетъ имѣть власти, ничего полезнаго, по мнѣнію своему, онъ предпринять будетъ не въ состояніи, и тѣмъ только будетъ озабоченъ, чтобы обороняться отъ Скасси и безпокойныхъ Грековъ. Скоро все надоѣстъ ему, другой заступитъ его мѣсто и также долго не останется. Въ сихъ частыхъ перемѣнахъ безо всякой пользы будутъ проходить годы.

Если бы кто нибудь изъ военныхъ генераловъ съ достаточными свѣдѣніями, лично извѣстный Государю и пользуясь его Монаршей милостію, согласился принять сіе мѣсто, и хотя остался бы въ зависимости генераль-губернатора, но ему дано бы было болѣе простора, и если бы Скасси ему подчинили, а что еще лучше и того, и совсѣмъ бы удалили: то дѣло пошло бы тогда иначе. Еще бы того лучше, если бы Феодосійское градоначальство вовсе уничтожили, весь округъ его присоединили къ Керченскому и, по примѣру Таганрога, назвали бы градоначальника Керчь-Еникальскимъ и Феодосійскимъ *).

*) Таганрогскій градоначальникъ называется также Ростовскимъ, Нахичеванскимъ и Мариупольскимъ.

На первый случай позволили бы мы себѣ предложить правительству нижеслѣдующее.

Прежде всего, внушить Грекамъ, что Керчь перестала быть Греческой колоніей съ тѣхъ поръ, какъ она объявлена Русскимъ портовымъ городомъ, что люди всѣхъ націй могутъ въ немъ селиться и имѣютъ съ Греками равныя права на владѣніе землей, озерами и прочимъ, съ чего нынѣ Греки собираютъ доходъ и дѣлятъ между собою, а другіе имъ за то платятъ. Новыми привилегіями должны уничтожиться тѣ, которыя дарованы въ 1775 году. Послѣ того сыщется много охотниковъ переходить сюда, отъ времени до времени чрезвычайно будетъ умножаться число жителей, и, наконецъ, во всей массѣ поглотится Греческая нечистота.

Потомъ надобно, чтобы правительство озаботилось прискаты хотя одного капиталиста, который бы взялся построить домъ, магазины и учредить контору въ Керчи, заблаговременно скупилъ бы въ Таганрогѣ большое количество пшеницы и, при наступленіи навигаціи, нанялъ бы каботажныя суда, чтобы перевезти ее, и здѣсь остановилъ бы корабли и предложилъ имъ продажу: они съ благодарностію согласятся. Отъ этого перваго шага все будетъ зависеть: обѣдѣвшіе негоціанты Θεодосійскіе и такъ уже помышляютъ сюда перейти и дожидаются только, чтобы имъ поданъ былъ примѣръ; Таганрогскіе пришлютъ сюда повѣренныхъ, вотъ и начнется торговля. Большой необходимости нѣтъ, чтобы капиталистъ сей былъ купецъ, онъ можетъ быть дворянинъ и помѣщикъ; на примѣръ, одинъ Русскій богачъ, именно Николай Никитичъ Демидовъ, давно уже живетъ и веселится въ чужихъ краяхъ, но не забываетъ и любить отечество и на всякое общепольное въ немъ дѣло готовъ. Если бъ кто захотѣлъ возбудить его самолюбіе и патріотизмъ, то онъ бы пожертвовалъ на сіе предпріятіе большія суммы; онъ отъ того бы не розорился а напротивъ чрезъ то увеличилъ бы его золотыя горы; его бы, по всей справедливости, можно было назвать основателемъ Керчи, и онъ оставилъ бы по себѣ славную память. Стоить ему только прислать прикащика и деньги,—и Керчь будетъ настоящій портовый городъ.

Надобно будетъ подумать также о томъ, чтобы сократить и облегчить сообщенія Керчи съ близлежащими мѣстами. Для того надобно съ начала устроить хорошій мостъ чрезъ Ениченскій проливъ, который имѣетъ ширины только шестьдесятъ сажень; теперь на немъ самая дурная переправа, которая отнимаетъ охоту обозамъ идти гужемъ чрезъ Арабатскую стрѣлку; но, не смотря на то, болѣе шестидесяти тысячъ телѣгъ ежегодно чрезъ нее проходятъ. Назначивъ самую умѣренную пошлину съ каждой телѣги, можно быть увѣрену, что въ три мѣсяца окупится мостъ, а потомъ казна будетъ получать съ него порядочный доходъ.

Всего нужнѣе будетъ для здѣшнихъ мѣстъ купить пароходъ, который бы два раза въ недѣлю ходилъ изъ Керчи въ Тамань и обратно и перевоз-

зиль бы почту и проѣзжающихъ Керчь стоитъ до сихъ поръ въ совершенномъ уединеніи, никто чрезъ сей городъ не ѣздитъ, до него есть почтовые станціи, опять начинаются они отъ Тамани, но между сими городами сообщеніе прерывается иногда на нѣсколько дней, а иногда болѣе чѣмъ на недѣлю. Потому-то никто не ѣздитъ чрезъ Керчь на Кавказъ, хотя бы сей дорогой, по которой вездѣ есть почтовые станціи, можно ѣдущимъ изъ Киевской, Волынской, Подольской и Херсонской губерній на Кавказъ и въ Грузію, выбросить до шестисотъ верстъ. Катера и рыбацкія лодки могутъ идти на греблѣхъ и противъ вѣтра, но должны употребить очень много времени, никакого экипажа и ничего тяжелаго съ собой взять не могутъ, и при малѣйшей бурѣ подвержены большей опасности; одни казенные лансоны могутъ перевозить тяжести, но они должны идти при благопріятной погодѣ, а частными людьми употреблены быть не могутъ. Теперь если изъ Керчи кто вздумаетъ писать въ Тамань и письмо отдастъ на почту, то оно обойдетъ все Азовское море, сдѣлаетъ чрезъ Симферополь, Орѣховъ, Таганрогъ, Черкасскъ, Ставрополь и Екатеринодаръ болѣе 1600 верстъ, и придетъ чрезъ три недѣли, а Тамань въ глазахъ. Пароходъ соединилъ бы столь близкія и въ тоже время столь отдаленныя мѣста.

На покупку парохода и доставку его нужно будетъ, по крайней мѣрѣ, сто тысячъ рублей. Гдѣ ихъ взять бѣднымъ жителямъ Керчи? Надобно, чтобы казна дала ихъ взаймы и съ обыкновенными процентами. Остальные пять дней въ недѣли будетъ пароходъ сей расхаживать по Босфору и проводить суда. Надобно знать, что хотя Керченская бухта и чудесная, но входъ въ нее опасенъ: фарватеръ глубокъ, но весьма не широкъ, вездѣ есть подводныя косы, часто суда по неосторожности попадаютъ на мель и даютъ сто, двѣсти и пятьсотъ рублей, чтобы ихъ стащили. Также и выходъ изъ Керченскаго порта, а особливо изъ Босфора, затруднителенъ: изъ тридцати двухъ вѣтровъ только подъ четырьмя можно выбраться въ Азовское море, и надобно выжидать ихъ: хозяева судовъ даютъ Богъ знаетъ что, дабы ихъ выпроводили, и они могли выиграть время, отъ котораго въ торговлѣ очень много зависитъ. Пока иностранные корабли продолжаютъ ходить въ Таганрогъ, да и послѣ круглый годъ, пароходъ бы дѣйствовалъ и въ два года навѣрно выработалъ бы сумму, достаточную, чтобы расплатиться съ казною. Послѣ того остался бы онъ для города Керчи главнѣйшимъ источникомъ его доходовъ.

Сколько еще полезнаго можно предложить, сколько есть еще предметовъ, коихъ усовершенствованіе, не обременяя казны, могло бы быть благодѣніемъ для рождающагося города! Но кто будетъ слушать наши предложенія? Кто повѣритъ ихъ пользѣ? Искусства Сканси мы не имѣемъ. Намъ не суждено видѣть счастливые дни Керчи, до нихъ еще далеко; въ ожиданіи ихъ будутъ для насъ проходить годы въ одиночествѣ, вдали отъ всего привычнаго, знакомаго, роднаго и милаго, и въ безпрестанной борьбѣ съ злобою и коварствомъ людей; такая убійственная жизнь продлиться не можетъ. Пусть же

другіе, здоровіе, терпѣливѣе и счастливѣе насъ, предпринимаютъ и дѣйствуютъ; пусть они увидятъ то, чего намъ желать только позволено. Намъ же ничего болѣе не остается дѣлать, какъ окончить сію записку, положить перо и, можетъ быть... скоро проститься съ Керчью. Дай Богъ не видать сего города, пока онъ совершенно не преобразится!

Едва сія записка была окончена, какъ громъ Наваринской побѣды огласилъ Новороссійскій край, и въ то же время, съ другаго конца, прилетѣло извѣстіе о покореніи Эривани и Тавриса. Какое удивительное вліяніе сіи происшествія будутъ имѣть на участь здѣшнихъ мѣстъ! Послѣ долгаго, безпокойнаго сна какое счастливое пробужденіе! Какая новая эпоха открывается, и какой рядъ новыхъ побѣдъ сіи первыя побѣды обѣщаютъ! Поклонники Лжепророка опять вездѣ блѣднѣютъ передъ Русскими. О Русскій Богъ и Богъ вселенной, не даромъ Тебя соотечественники мои себѣ присвоили, и сами себя, другъ друга и весь животъ свой Тебѣ предали! Всегда и вездѣ дьявляешь Ты себя покровомъ избраннаго Тобою народа. О Русскій Богъ, храни же всегда Русскаго царя и Русское царство и лишеннаго всѣхъ радостей земныхъ утѣшай хотя благоденствіемъ и славю Отечества его!

Р О Д О С Л О В І Е В И Г Е Л Е Й .

№

№ отпов-
свій.

I.

1. Вольдемаръ Вигель (Вигеліусъ), владѣлецъ мызь Иллукъ и Куртна въ Эстлянді, въ Везенбергскомъ округѣ.

II.

2. Лаврентій Владимировичъ, р. 1689, ум. 1764, драбантскій капитанъ въ службѣ Карла XII; ж. Гертруда *Бриммеръ*. 1

III.

3. Лаврентій, Прусскій генер.-маіоръ и комендантъ въ Торнѣ; ж. N N *Глазнапъ*.
 4. Оттонъ
 5. Фридрихъ
 6. Вальдемаръ
- } Прусскіе офицеры, убитые въ Семилѣтнюю войну.
7. Иванъ Лаврентьевичъ, премьеръ - маіоръ и комендантъ Орской крѣпости; ж. N N Семенова.
 8. Яковъ Лаврентьевичъ, ум. 1802, Спбургскій судья въ Надворномъ Судѣ; женатъ былъ восемь разъ (на нянькахъ и кухаркахъ) при живыхъ женахъ. 2
 9. Филиппъ Лаврентьевичъ, р. 12 Іюня 1740, ум. Янв. 1812; генер.-маіоръ и комендантъ Кіевскій, потомъ тайн. сов. и Пензенскій губернаторъ. Женатъ былъ 2 раза: 1 ж. Пелагея Андр. *Симбухина*, 2 ж. Мавра Петровна *Лебедева*, р. 1752, вышла замужъ 1773. ум. послѣ 1829 г.
1. Софія Лаврентьевна, зам. за Иваномъ Сандерсомъ.

IV.

10. Андрей Филипповичъ (отъ 1-го брака, умеръ черезъ недѣлю послѣ рожденія).
2. Елисавета Филипповна, р. 1774, дожила до глубокой старости.
3. Наталья Филипповна, р. 1775, замуж. за генер.-лейтен. Ильею Иванов. *Алексеевичъ* (р. 1773, ум. 1830). 9

11. Александръ Филипповичъ, р. 1776, ум. въ молодости.
12. Павелъ Филипповичъ, р. 1777, полков., ж. Марѳа Ефимовна *Чемесова*.
13. Николай Филипповичъ, р. 1778, супр. Варвара Ивановна *Тулинова*.
4. Екатерина Филипповна	}	умерли въ дѣтствѣ.	9
5. Мавра Филипповна			
6. Анна Филипповна			
14. Филиппъ Филипповичъ, р. 12 Ноября 1786, ум. 20 Марта 1856. Тайн. сов., директ. департ. иностр. исповѣд. Авторъ этихъ Записокъ.
7. Александра Филипповна, р. 1791, зам. за *Юматовымъ*.

V.

8. Наталья Павловна, р. 19 Янв. 1825, зам. за Пензенск. уѣзд. предв. двор. Алексѣемъ Алексѣев. *Панчулидзевымъ*. р. 1816, ум. 1880.
9. Софія	}	Павловны, умерли дѣвцами въ молодыхъ годахъ	12
10. Анна			
15. Филиппъ Николаевичъ, ж. Анна Александровна *Охотникова*. 13

VI.

16. Александръ Филипповичъ, ум. 1875 холостымъ. За его смертью родъ пресѣкъся. 15

Родословная роспись дворянъ Панчулидзевыхъ.

I.

1. Имеретинскій дворянинъ Давидъ Матвѣевичъ Панчулидзе переселился изъ Имеретіи въ Россію въ царствованіе императрицы Анны Ивановны; въ 1764 въ чинѣ кол. ассессора находился въ г. Мценскѣ Бѣлгородской губерніи воеводою; въ 1776 воеводскимъ товарищемъ въ Великому Устюгъ; въ 1780 председателемъ Великоустюжской Верхней Расправы; въ 1782 совѣтникомъ Саратовской гражданской палаты; Жена Марія Гавриловна? 1818.

II.

2. Иванъ Давидовичъ, ген.-лейт., р. 1760, ум. 1817; жена Марія Андреевна *Баратынская*, тетка поэта р. 1781, ум. 1845.
3. Алексѣй Давидовичъ, д. с. с. Саратовскій губернаторъ, р. 1762, ум. 1834; былъ женатъ 3 раза; 1-я жена Марія Александровна } 1

Гладкова (р. 1770, ум. 1799, 2 сына и 2 дочери); 2-я жена Анна Сергѣевна *Мисмеріани* (ум. 1802, 1 дочь); 3-я жена Екатерина Петровна *Демидова* (дочь Петра Евдокимов. Демидова, р. 1782, ум. 1847, 1 сынъ и 3 дочери).

4. Семенъ Давидовичъ, ген.-маіоръ, р. 1770, ум. 1819, жена Александра Ивановна *Ступишина* (ум. 1841).

1. Анна Давидовна, р. 1774, за *Кликинымъ*.

III.

2. Екатерина Ивановна, ум. дѣвицею.

3. Анна Ивановна, за ген.-маіор. Геркенъ.

4. Елисавета Ивановна, р. 1810, въ 1-мъ бракѣ за княземъ *Кугушевымъ*, во 2-мъ за Тамбовск. помѣщикомъ *Недобровымъ*.

5. Марія Алексѣевна, р. 1785, ум. 1845, за Александромъ *Михайловичемъ Устиновымъ*.

5. Александръ Алексѣевичъ, р. 1790, ум. 7 Янв. 1867, тайн. сов., Пензенскій губернаторъ (съ 1831 по 1859 г.), женатъ былъ два раза: 1-я жена Софія Николаевна *Сушкова* (р. 1800, ум. 1843, 4 сына); 2-я жена Варвара Николаевна *Загоскина* (по 1-му мужу *Ахлебинина*, 1 сынъ).

6. Анна Алексѣевна, р. 1793, ум. 1815, за Львомъ *Яковлевичемъ Рославлевымъ*.

6. Дмитрій Алексѣевичъ, р. 1798, ум. 1822.

7. Ольга Алексѣевна, р. 1802, ум. 1842, за генер.-маіор. Егоромъ *Ивановичемъ Пашковымъ*.

8. Варвара Алексѣевна, р. 1806, ум. 1836, за Парменомъ *Ивансичемъ Владыкинымъ*.

9. Людмила Алексѣевна, дѣвица, р. 9 Мая 1812.

7. Алексѣй Алексѣевичъ, р. 16 Мая 1816, ум. 12 Мая 1880. отст. гвардіи поручикъ, Пензенскій уѣздный предвод. дворянства; жена Наталія Павловна *Вителъ*, р. 19 Янв. 1825.

10. Софія Алексѣевна, дѣвица, р. 27 Мая 1817.

8. Иванъ Семеновичъ, р. 1814, ум. 1843 (сумасшедш.).

11. Агнія Семеновна, р. 1816, за генер.-лейт. *Доббышевымъ*.

Примѣчаніе. Изъ всѣхъ лицъ 3-го колѣна въ живыхъ находится только Людмила и Софія Алексѣевны, которыя проживаютъ на своей виллѣ въ мѣст. Траункирхенъ, на берегу Гмундскаго (или Траунскаго) озера, въ Верхней Австріи.

IV.

9. Алексѣй Александровичъ, р. 1819, ум. 1888; д. с. с., Черниговскій губернаторъ; женатъ былъ два раза: 1-я ж. Зинаида Евгениевна *Телешева*, р. 1829, ум. 1871; 2-я ж. Марія Владимировна *Сѣбо*.

10. Александръ Александровичъ, отст. гв. полковникъ, р. 1823, ум. 1890, ж. Ольга Дмитріевна *Бухвостова*.
11. Самуиль Александровичъ, кам.-юнк., род. 1825, ж. Екатерина Николаевна *Васильчикова*.
12. Михайль Александровичъ, род. 1827, ум. 1847.
13. Давидъ Александровичъ, род. 1850, земскій нач. въ Пензенск. губ., ж. Наталія Петровна *Юматова*, р. 1859.
14. Павелъ Алексѣевичъ, р. 14 Марта 1847, кам.-юнк., консулъ въ Любекѣ; 3 Декаб. 1880 Высочайше разрѣшено ему присоединить къ его фамилии фамилію *Вигель*, пользоваться гербомъ сего рода и именоваться впредь „Вигель-Панчулидзевъ“, съ тѣмъ чтобы въ нисходящемъ его потомствѣ фамилія Вигель переходила бы только къ одному старшему въ родѣ.; ж. Марія Карловна *Шнейдеръ*, род. 5 Янв. 1862 г.
15. Владимиръ Алексѣевичъ, р. 24 Февр. 1848, ум. 5 Янв. 1890 г., ж. Наталія Александровна *Коромкова* р. 20 Апр. 1854.
12. Екатерина Алексѣевна, р. 27 Авг. 1849, за кол. регистр. Ѳедоромъ Михайл. Обуховымъ, ум. 30 Іюня 1882.
13. Марія Алексѣевна, р. 18 Іюня 1851, за мир. судьею Городищенскаго уѣзда Вас. Васильев. Сабуровымъ, р. 1847.
16. Викторъ Алексѣевичъ } близнецы, р. 25 Дек. 1852 { ум 1 Апр. 1854.
17. Левъ Алексѣевичъ } { ум. 2 Апр. 1854.
18. Сергѣй Алексѣевичъ, р. 7 Нояб. 1885, ж. Надежда Борисовна Полторацкая, р. 16 Марта 1861.
19. Николай Алексѣевичъ, р. 8 Дек. 1856, отст. гв полков., ж. Анастасія Михайл. Кирьякова, р. 80 Нояб. 1862.
14. Варвара Алексѣевна, р. 8 Іюля 1860.
20. Александръ Алексѣевичъ, р. 30 Авг. 1866, ум. 8 Іюня 1890.

5

7

V.

Отъ 1-го брака:

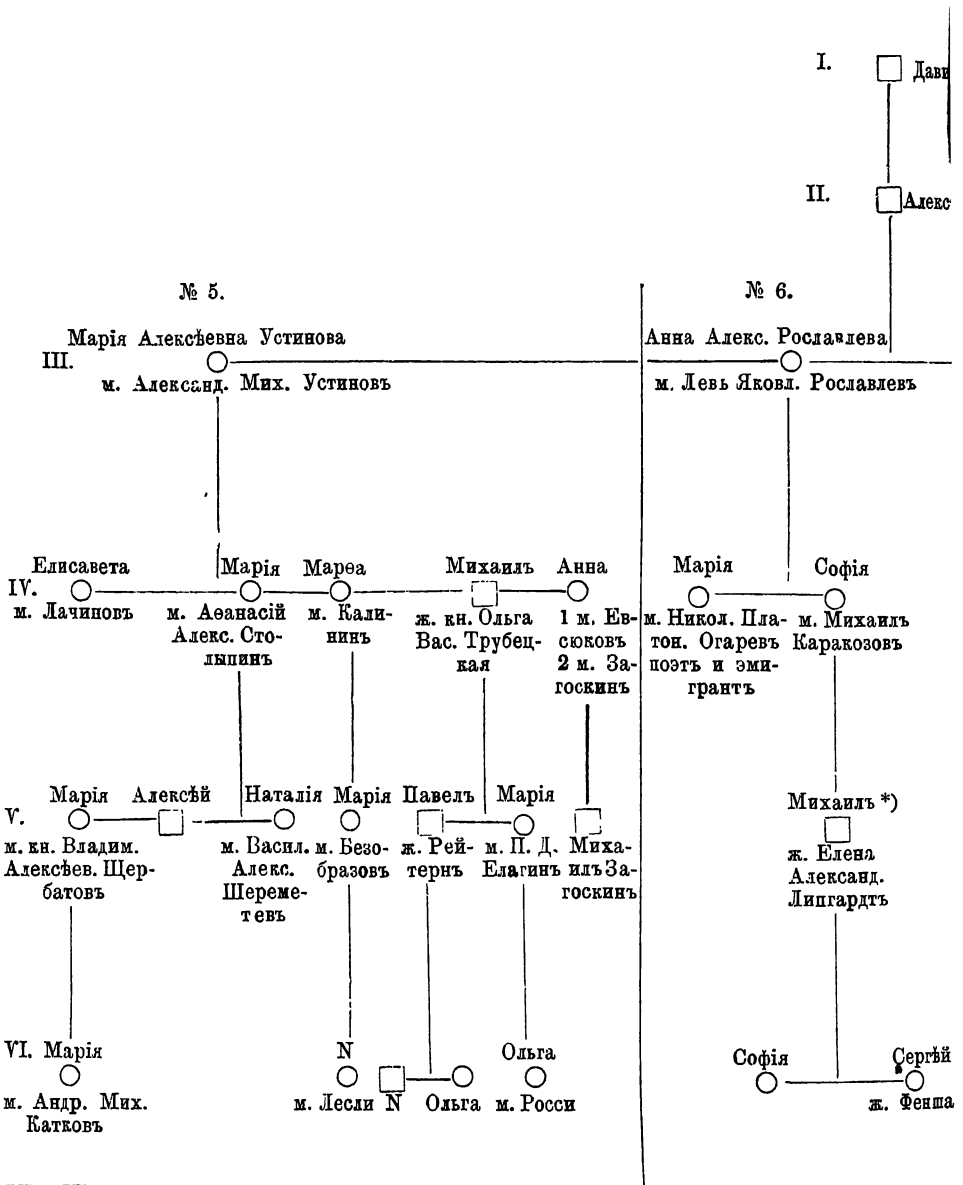
15. Софія Алексѣевна, р. 1846, ум. 1871, за Викторомъ Франц. Бѣлявскимъ.
21. Александръ Алексѣевичъ, р. 1847, ж. Екат. Семенов. Смирнова. ум. 30 Дек. 1881.
16. Ольга Алексѣевна, р. 1848, ум. 1867, за Петромъ Лукичемъ Соколовскимъ.
17. Зинаида Алексѣевна, р. 1851, ум. 1892, за Борисомъ Александров. Араповымъ.
22. Алексѣй Алексѣевичъ, р. 1852, ж. на *Сабо*.
23. Евгенийъ Алексѣевичъ, р. 1853.

9

Отъ 2-го брака:

24. Владимиръ Алексѣвичъ, р. 1872.	}	9
18. Марія Алексѣевна, р. 1874.		
19. Ольга Алексѣевна, р. 1879.		
20. Вѣра Алексѣевна, р. 1881.		
21. Марія Александровна, р. 1862, въ 1-мъ бракѣ за Gallia,
во 2-мъ за Никол. Александров. Кормилицынымъ.		
22. Софія Самуиловна, р. 1855, ум. 1874, за Евген. Егор. Колокольцовымъ.	}	11
23. Екатерина Самуиловна, р. 1857, ум. 1892.		
24. Елисавета Самуиловна, р. 1859.		
25. Анастасія Давидовна, р. 1878.		
26. Нина Давидовна, р. 1880.	}	13
27. Анна Давидовна, р. 1881, ум. 1888.		
25. Александръ Давидовичъ, р. 1883.		
26. Алексѣй Давидовичъ, р. 1887.	}	15
27. Николай Давидовичъ, р. 1890.		
28. Наталья Владимировна, р. 27 Юля 1874.		
28. Алексѣй Владимировичъ, р. 11 Юля 1875, ум. 20 Нояб. 1877.		
29. Надежда Владимировна, р. 10 Сент. 1877.	}	16
30. Анна Сергѣевна, р. 4 Февр. 1884, ум. 4 Авг. 1885.		
29. Сергѣй Сергѣевичъ, р. 28 Мая 1886.		
30. Юрій Сергѣевичъ, р. 20 Декабря 1887.	}	19
31. Татьяна Сергѣевна, р. 28 Ноября 1891.		
31. Алексѣй Николаевичъ, р. 4 Апр. 1884.	}	21
32. Дмитрій Николаевичъ, р. 8 Ноября 1889, ум. 14 Юля 1890.		
33. Алексѣй Александровичъ. 11 Окт. 1874.		
34. Семенъ Александровичъ. 17 Нояб. 1876.	}	21
35. Александръ Александровичъ. 10 Авг. 1878.		
32. Анна Александровна. 8 Юня 1880.		

Потомство дочерей Алексѣ

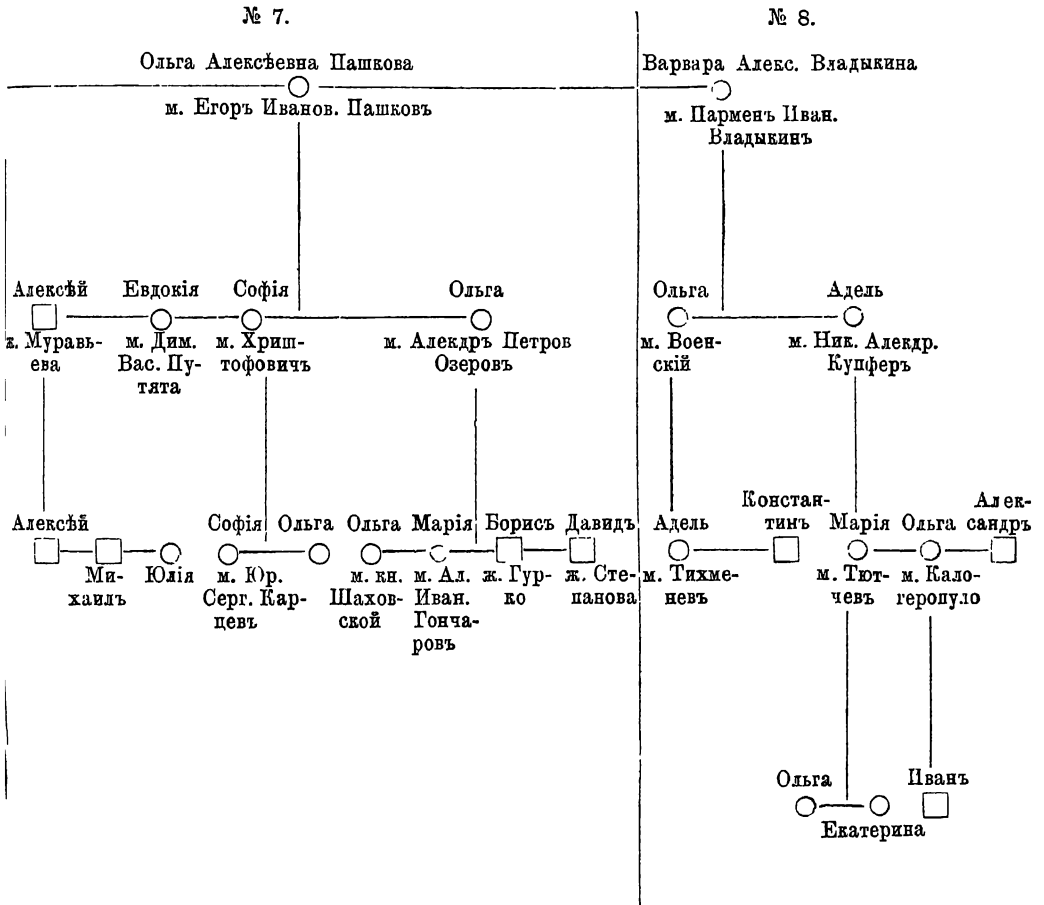

*) Мих. Мих. Каракозовъ въ 1867 г. получилъ разрѣшеніе принять и носить орд.

Д а в и д о в и ч а П а н ч у л и д з е в а .

Матвѣевичъ

Давидовичъ

фамилію своей матери и переименовался въ Рославлева.

УКАЗАТЕЛЬ КЪ ЗАПИСКАМЪ Ф. Ф. ВИГЕЛЯ. *)

- Абафи Мнх. VI, 108.
Аббасъ-Мирза VII, 118.
Абдуль-Гамидъ К, 23.
Августъ принцъ V, 91.
Аверинъ Пав. Ив. V, 84.
Адамовичъ V, 31, 154.
Адамсъ проф., II, 118.
Азмидовъ VI, 144; VII, 27, 28.
Айвазовскій Ив. Конст. VII, 175.
Аксакова Над. Тимое. VII, 249.
Александра монахиня I, 54.
Александра Павловна в. княжна III, 9.
Александра Теодоровна имп. IV, 183;
V, 69, 70, 159; VII, 131, 215—217, 251.
Александровъ II, 116.
Александръ Михайловичъ князь К, 16.
Александръ Невскій V, 84.
Александръ I, I, 28, 41, 107, 177, 180,
183, 190, 208, 215; II, 5—8, 13, 14, 16,
18, 19, 31, 32, 41, 43, 48, 50, 53, 54,
58, 63, 65, 78, 101, 122, 130, 177, 188,
195, 204, 206, 211, 212, 219, 231—233,
238; III, 3, 4, 9—15, 17—30, 40—83, 89,
90, 102, 108, 109, 112, 113, 117, 118,
120, 125, 134, 156, 160, 179, 180—184;
IV 9—11, 24, 33—49, 53, 54, 61, 64, 65,
69, 77, 80—84, 87, 89, 96, 98, 99, 114,
115, 121, 126—129, 132, 133, 137, 139,
140, 145, 149—156, 162—166, 170, 176—
181; V, 6, 8—14, 16, 19, 21, 26, 31, 32,
35, 36, 49, 50, 58—62, 64—67, 70—72,
79, 93, 100, 111—113, 139, 141—143, 154—
160, 170, 175, 177, 198, 201; VI, 4, 5,
9, 11—13, 15, 16, 18, 20, 34, 35, 37,
39—47, 50, 52, 56, 60, 63, 65, 66, 69,
70, 72, 80, 101, 105, 136, 143—145, 147,
158, 161, 172, 188; VII, 5, 16, 25, 34,
35, 40, 52, 70—79, 100, 101, 108—111,
117, 118, 137, 143, 151, 210, 216, 219,
228, 229, 238, 251; К, 30, 42, 62, 64, 65.
Александръ герцогъ Виртембергскій V,
121; VI, 42, 44, 45, 57.
Алексева Нат. Фил. I, 139, 181, 195.
204; II, 222; III, 39, 47, 55, 74; IV, 64,
103, 104, 110, 118; V, 109, 159; VII,
111, 113.
Алексевъ Ал-ъ Ильичъ I, 139, V, 155,
156; VI, 22, 29, 78; VII, 111—114, 132.
Алексевъ Илья Ив. I, 94, 95, 111,
158, 167, 170, 220; II, 64, 65, 112, 128,
204, 217; III, 17, 19, 40—44, 51, 52, 60—
64, 114, 176; IV, 36, 64, 81, 103, 104,
117, 163, 164; V, 54, 109—111, 120, 124,
141—144, 155, 183; VI, 21, 29, 57, 152,
175, 176; VII, 94, 112, 121, 132, 136, 232.
Алексевъ Никол. Ильичъ V, 155, 156;
VI, 22, 73; VII, 113.
Алексевъ Ник. Ст. VI, 114—116.
Алексевы I, 13; III, 94, 96, 155, 181,
187; VI, 74.
Алексѣй Михайловичъ царь III, 173;
IV, 22, 30, 58; К, 19.
Алмазова Варв. Петр. IV, 67.
Алопеусъ V, 89.
Альбрехтъ Бранденбургскій V, 84.
Алферовъ Сем. Никиф. I, 56.
Амалия принцесса Баденская III, 103.
Амати пѣвица VII, 192.
Амбанъ мандаринъ II, 178.
Амвросій митр. VI, 36.
Ананьевскій Ив. Серг. I, 26.
Анастасевичъ III, 149, 154.

*) Римская цифра означаетъ часть, Арабская—страницу, буква К.—записку о Керчи.

- Анастасія** царица IV, 22.
Ангальтъ графъ V, 37.
Ангальтъ-Кётенскій герцогъ VII, 203.
Англенскій герцогъ I, 96.
Ангулемская герцогиня V, 131, 133, 134.
Андре V, 35; VI, 52;
Андріё актр. II, 49; III, 121, 131.
Анна Иоанновна I, 93; II, 7, 31, 105; III, 87, 180; IV, 16, 23, 29, 90; К, 21.
Анна Павловна великая княжна III, 74; IV, 183.
Анна Фодоровна великая княгиня IV, 68.
Анненкова Анѳ. Никол. II, 84.
Ансельмъ-де-Жибори III, 52, 53, 61, 62, 106.
Анстеты IV, 134.
Анти пѣвица VII, 134.
Антоанъ III, 6, 7.
Антоній архимандр. V, 186.
Аполлосъ архим. II, 119.
Апостоль Даниль гетманъ, VI, 14.
Апраксинъ Ст. Ст. III, 101, 102; IV, 169; V, 88; VII, 133.
Апрѣлевы VI, 62.
Аракчеевъ графъ А. А. III, 13—15, 21, 40—46, 50, 60—63, 71, 74, 75, 79, 80, 89, 115, 156; IV, 31, 93, 131, 132, 181, V, 58—60, 65—67; VI, 16, 37, 38, 40, 60, 62, 65, 136; VII, 39, 71, 100, 136, 138.
Аракчеевъ П. Андр. VI, 83.
Арапова Ольга А-др. II, 232; IV, 76, 77, 79.
Араповъ VI, 39.
Араповъ Н. Андр. II, 94, 232; IV, 76, 77, 78.
Араповъ Пимевъ Никол. IV, 77.
Арбенева Марѳа Ив. II, 36, 37.
Арбенева III, 159.
Арбенева Иосафъ Ивел. II, 36, 37.
Арендтъ Андр. Фодор. VII, 149.
Арендтъ Н-й Фодор. VII, 97.
Аркиенъ дѣвица I, 86.
Аркудинская Генр. Адольф. VII, 183.
Ардтъ IV, 80.
Арсеньева Ав. И. VI, 177, 192; VII, 59, 74.
Арсеньева Анна Александр. V, 79, 80.
Арсеньевъ Д. В. VI, 176.
Арсеньевъ Н. В. VI, 176, 177, 183, 189, 191.
Арсеньевъ Н. Ив. V, 79.
Арсеньевы VII, 86.
Артуа (д') графъ IV, 139; V, 5, 133, 134; VI, 30, 32.
Арфаловъ II, 90, 91; IV, 15; V, 67, 68.
Арцыбашевъ (въ Таминты) VII, 164, 165.
Аткинсонъ IV, 177.
Ашикъ археол. VII, 157.
Аѳанасій еписк. IV, 2.
Аѳанасій преосвящ. IV, 55.
Аѳанасьева Ив. Ефим. IV, 57.

*

Бабѣ-Пажель VI, 21.
Багратіонъ II, 187, 204, 218; III, 41, 50, 51, 62, 88, 89, 170; III, 43, 45, 53.
Баденская маркграфиня V, 21, 100.
Баженова архип. II, 41.
Байкова II, 57.
Байковъ Левъ VII, 129.
Байковъ Левъ Серг. II, 107, 111, 112, 119—121, 128, 142, 158, 166, 167, 173, 174, 176, 178, 180, 210—212.
Базень Петръ Петр. V, 19, 20, 22, 27, 115, 116; VI, 24, 138.
Баккаревичъ II, 59.
Банулина II, 152.
Бакулинъ II, 166; IV, 172.
Баланеско Россетъ VII, 12—13, 20, 22, 24.
Балачанъ IV, 28.
Балашовъ Ал-дръ Дм. III, 114; IV, 7, 127, VII, 107.
Бальзами Иосифъ (Калиостро) К. 44.
Бальши IV 28; VII, 4, 12.
Бальшъ VI, 160, 180, 182; VII, 10, 12, 84, 64, 66.
Бантышъ-Каменскій Дм. Нпк. I, 164.
Бантышъ-Каменскій Н. Н. I, 159, 161—163, 167, 175, 177, 184, 195, 222, 223; II, 16, 124.
Бантышъ Конст. I, 161.
Баранова Праск. Никол. I, 155.
Барановъ губ. II, 65.
Баратаева А-ра Сем. II, 202.

- Баратаева** Ел. Сем. II, 202.
Баратаевъ Сем. Мих. II, 134.
Баратынский Абр. Андр. I, 91.
Барбишь II, 170.
Барклай-де-Толли гр. I, 93; III, 50, 51, 60, 80, 89, 98; IV, 4, 39, 43, 45, 49, 50, 53; V, 62, 79, 81—83, 85; VI, 60; VII, 122, 123, 233.
Барковъ III, 82.
Бароци VI, 185.
Баррасъ V, 135.
Барятинскій князь Ив. Серг. IV, 79.
Батенковъ Гавр. Степ. VII, 103.
Батори Ст. VI, 108.
Батый К. 15, 16.
Батюшковъ К. Н. IV, 141—144, 164, 177; V, 45; VI, 55; VII, 147.
Батюшковъ Пав. Льв. VII, 115.
Баусъ V, 179—181.
Бахметева Вият. Стан. V, 186; VI, 114, 020, 144.
Бахметевъ А. Н. VI, 70, 96, 110, 119, 414, 115, 150, 179, 180; VII, 4—8, 13, 11, 21, 25, 42, 54.
Башиловъ об. прок. I, 50, 55.
Башмакова В. Арк. VI, 188.
Башмаковъ Д. Евл. VI, 188.
Башотъ VI, 191; VII, 23, 30, 52.
Беберъ V, 56.
Беверлей врачъ III, 3.
Бегидовъ полк. VII, 79.
Безбородно князь А. А. I, 32; II, 4; III, 12; VI, 47.
Безобразовъ Ал-ъ Мих. II, 58.
Безроднова I, 53.
Безсонова А. О. VI, 28.
Безсонова Ек. О. VI, 28.
Бейзаде VI, 113.
Бейсъ Китаецъ II, 178—180.
Бекорюковъ генер. VII, 166.
Бекетова Анна Матв. IV, 90, 99.
Бекетова Пр. П. I, 218; II, 77; III, 115.
Бекетовъ Ал-ый Матв. IV, 99.
Бекетовъ Ап. Никол. II, 76, 77; IV, 99.
Бекетовъ прокур. II, 88, 230.
Беклемишевъ Ан. Н. VI, 79.
Беклемишевы III, 176; VI, 79.
Беклешовъ Ал-ъ Андр. I, 117, 118, 141, 142, 180, 192, 209; II, 3, 8, 11, 63, 65, 123, 218.
Беклешовъ Серг. Андр. I, 141.
Бенигсонъ II, 224, 225, 228; IV, 73, 81.
Бенкендорфъ А-ъ Хр. II, 109, VII, 107—110, 112—114, 139.
Бенкендорфъ К. Хр. II, 161, 173, 174, 177; VII, 108.
Бенкендорфы II, 109, 110; III, 123; VI, 71; VII, 108, 232, 233.
Бергъ Петръ Ив. VII, 42.
Бердъ V, 161—163.
Бердяевъ К. 30.
Бережецкая Настасья I, 53.
Берилова I, 155.
Беркгеймъ VII, 41.
Бернадотъ III, 6, IV, 53, 64, 102, 133, 136; V, 49.
Бернаденъ-де-Сенъ-Пьеръ III, 59.
Беррійская герцогиня V, 133—135.
Бертень III, 121.
Бертъе VI, 63.
Бестужевъ А. А. VI, 57.
Бестужевъ губ. II, 136, 137, 139.
Бестужевъ-Рюминъ Петр. Дм. II, 130, 131.
Бестужевы VI, 42, 46.
Бетанкуръ г-жа VI, 26.
Бетанкуръ Авг. Авг. V, 11—23, 28—32, 72, 115, 117, 142, 154, 156, 164—174, 178—194, 199—207; VI, 24, 26, 27, 38—49, 57, 59, 64, 66, 67, 92; VII, 225.
Бетанкуръ Альфонсъ V, 162, 182.
Бетанкуръ Анна Ив. V, 15.
Бетанкуръ Карол. Авг. V, 15, 180.
Бетанкуръ Матильда Август. V, 15.
Бетманъ V, 103.
Бибиновъ Ал-дръ Ильичъ III, 102, 103.
Бибиновъ Нижегород. губ. VII, 243.
Билимъ VI, 192; VII, 67.
Биронъ герцогъ Эрнестъ-Иоганъ II, 7; 105, 109; III, 114, 180; IV, 16, 23, 29; V, 79; VII, 21, 22.
Биронъ Луиза IV, 160.
Бланасъ графъ II, 213.
Бланкъ Бор. Карл. III, 138, 143.
Бларамбергъ археол. VII, 192; К. 3, 10, 53, 54.

- Блудова** графиня Анна Андр. III, 90, 91; IV, 20, 136, 137, 149, 153, 165; V, 73, 86, 98, 99, 102, 105, 109, 130; VII, 015.
- Блудова** гр. Ант. Дм. VII, 105.
- Блудова** Лидія Дм. VII, 105.
- Блудовъ** гр. Андр. Дм. VII, 105.
- Блудовъ** гр. Вадимъ Дм. VII, 105.
- Блудовъ** гр. Д. Н. I, 67, 165, 166, 222; II, 45, 47, 48, 53—56, 216; III, 3, 40, 89, 91, 106, 127, 149, 150, 169, 171, 175, 177; IV, 20, 136, 137, 141, 142, 144, 150—153, 159, 165, 169, 171—176; V, 38, 52, 72—74, 79, 81—83, 89, 96—99, 102—104, 107—109, 171; VI, 55, 69, 71—73, 97, 105, 107, 142, 187; VII, 101—105, 122, 126, 214, 244—251.
- Блюхеръ** IV, 103, 162.
- Бобешъ** путь V, 112.
- Боборыкинъ** Петръ Ив. I, 70.
- Бобоѣдовъ** польс. VII, 164.
- Бобринскій** графъ III, 156.
- Богаченко** VI, 165.
- Богдановичъ** II, 119; III, 75, 76.
- Богдановская** Наст. Александр. VII, 149, 187.
- Богдановскій** Андр. В. V, 140; VII, 86, 98, 149, 154—159, 165, 175, 207, 210, 216; К. 45, 46, 48, 55.
- Богданъ** г-жа VI, 194.
- Боде** баронъ Андр. Карл. V, 179, 182, 195.
- Боде** баронъ Левъ Карл. I, 220; V, 179.
- Бодеско** К. Ом. VI, 157, 166.
- Боieldьe** III, 130.
- Болина** III, 131, 132.
- Болотникова** Елисавет. Християн. III, 156, 158; IV, 135.
- Болотниковъ** А. У. III, 155, 156, 158, 161, 167—169; IV, 135; V, 177.
- Болтинъ** IV, 25.
- Большаковы** I, 165.
- Бонне** III, 122.
- Бора** (де) Екатерина V, 101.
- Боргондіо** VI, 54, 55.
- Борейшъ** П. Ваниф. VI, 45.
- Борзовъ** Никол. Владимір. К. 23.
- Борисовъ** III, 156.
- Бородинъ** VII, 154, 160—162; К. 54.
- Борстель** V, 87.
- Боскампъ** VI, 124.
- Бофремонъ** V, 4—6.
- Бошнякъ-Ага** III, 106.
- Брадке** Анна Фeдор. III, 165.
- Брамбургъ** III, 164.
- Браницкая** граф. А. В. I, 43—45, 112, 118, 119; III, 103; IV, 118; VII, 130.
- Браницкая** графиня Елисавет. Ксав. V, 143; VI, 83, 85, 86, 126, 170.
- Браницкіе** IV, 30; VII, 142.
- Браницкій** Владисл. I, 45; VI, 125.
- Браншю** г-жа II, 200.
- Брасъ** VI, 52.
- Бреверны** I, 8.
- Брегеть** V, 28, 117;
- Брейтигамъ** V, 39.
- Брендаль** К. 22.
- Бреннъ** III, 178; V, 24.
- Бриммеръ** фонъ, Гергтруда I, 8.
- Бриммеръ** Е. Ад. VI, 128.
- Бробекъ** г-нъ I, 119.
- Бровцына** I, 212.
- Брогліо** гр-я А. П. II, 33; VI, 30.
- Брокгаузенъ** I, 42.
- Брокеръ** Ад. Фом. IV, 61.
- Броль** гр-я VII, 133.
- Броневскій** Сем. Мих. VII, 166; К. 49.
- Бруновъ** Ф. И. VI, 95, 97, 99, 104, 123, 124, 186; VII, 34, 186, 188, 217.
- Брунь** г-жа IV, 148.
- Брунь** I, 7.
- Брызгаловъ** чудаеъ I, 178.
- Брюкль** пѣвица II, 51; III, 124; VI, 54.
- Брюксъ** VII, 165.
- Брюловъ** V, 31.
- Брюсъ** VII, 186.
- Брянскій** V, 34.
- Бублейниковъ** VII, 86.
- Будбергъ** баронъ Андр. Як. III, 9—11, 16.
- Бунксевденъ** гр. II, 234, 236; III, 12, 20, 44, 50; IV, 180; VI, 36.
- Бунксевдены** I, 8.
- Булганова** М. К. VI, 68; VII, 119.
- Булганова** Нат. Вас. I, 52.
- Булганова** Ал-ъ Як. I, 164.

Булгаковъ Конст. Як. I, 164; VI, 27, 67—69, 71—73; VII, 65, 119, 120.

Булгаковъ Як. Ив. I, 164; VI, 67.

Булгаковы I, 52; VI, 68.

Булгаринъ Оад. Вевед. VI, 56, 57.

Буле III, 143.

Булыгинъ Дм. Алекс. IV, 89, 95, 96.

Бунге аптекаръ I, 42.

Бунина Ек. Ао. V, 43.

Бунины въ Бѣлевѣ II, 54.

Бурбье Виржини, актриса VII, 254.

Бургоэнь III, 120.

Бурнашевъ Курск. губ. II, 90.

Бурхановскій Влад. Вас. VII, 158.

Бутеневъ Апол. II. VI, 187; VII, 52.

Бутновъ Мих. Гр. VII, 61.

Бутновъ П. Гр. VII, 120.

Бутковы VII, 68, 120, 123, 138.

Буть V, 39.

Бухгольцъ г-жа К. 38, 40.

Бухгольцъ Карль Як. VII, 153; К, 37, 39.

Буше II, 40.

Бушенъ (фонъ) Елпсав. Христ. III, 156.

Бушенъ Софья Никол. III, 158; IV, 135.

Быковъ дядька I, 95.

Быховецъ V, 181; VI, 27.

Бѣгичевъ генер. I, 143—145.

Бѣликовичъ Апт. Кузм. VII, 58.

Бѣликовичъ Теофила Ос. VII, 58.

Бѣлоклоковъ Ив. Никит. III, 33, 37.

Бѣлосельская княгиня Анна Грпг. IV, 153, 159, 160.

Бѣлосельскій князь Ал-ъ Мих. II, 227; IV, 159; VII, 190.

Бѣлуга-Ноханская Гумьяна Конст. I, 197.

Бѣляковъ III, 12, 29; IV, 130.

*

Вавиловъ адм. VII, 201.

Вадновскій Оедоръ Ив. II, 86;

Валберхова V, 33, 34.

Валдовскій VI, 52, 185.

Валуа Генрихъ I, 96.

Валуевъ Петръ Степ. III, 22.

Вальвиль актриса I, 154, 185.

Вальховскій V, 51.

Ванъ мапдаринъ II, 178.

Варенцовъ Петръ Алексѣев. V, 162, 171, 172; VI, 45.

Варламъ К. К. VI, 121; VII, 119, 187, 188.

Варукъ V, 63.

Варѳоломей VI, 104, 140—143, 166.

Василій Дмитріевичъ вел. князь IV, 15.

Васильевъ II, 116.

Васильевъ гр. II, 12, 34, 35, 63; III, 9, 84; V, 171.

Васильчиковъ Лар. Вас. VI, 18, 34.

Васильчиковъ Ил. В. II, 109.

Васильчиковъ А-й Вас. II, 109, 111.

Васильчиковъ II, 161, 173, 179, 182—185, 187.

Васильцовскій I, 163.

Вашингтонъ V, 20.

Вахмейстеръ графъ III, 63.

Вегелинъ VI, 96.

Веллингтонъ IV, 162, 164; V, 141, 142; VI, 7, 71; VII, 117.

Величинъ VI, 51.

Вельяминовъ-Зерновъ II, 59.

Вельяшевъ II, 93, 94; IV, 6.

Вельяшевъ А. П. V, 158; VI, 39—41.

Вельяшевъ Кирплъ А-др. II, 93.

Вельяшевъ П. Ард. VI 39.

Веселицкая Юліана Конст. I, 197, 200; VI, 82.

Вестерманъ пасторъ III, 114.

Вестманъ Илья Карл. II, 16.

Вейсманъ ген. I, 93.

Вейдемейеръ Ив. Андр. III, 78; IV, 133.

Вигеліусъ Валдемаръ I, 7.

Вигель Фил. Лавр. II, 63; IV, 2, 3.

Вигель Яковъ Лавр. I, 10, 152.

Вигель Фил. Н. VI, 23, 34, 57.

Вигель Пелагея Анд. I, 24.

Вигель Мавра Петр. III, 174, 175.

Вигель Ал-дра Фил. I, 32, 71; III, 37; V, 68.

Вигель Варв. Ив. III, 46.

Вигель Ек. Фил. III, 46.

Вигель Елисавета Ф. I, 25, 32, 66, 196; II, 65; V, 68.

Вигель Иванъ I, 10.

Вигель Нат. Ф. I, 32, 66, 94.

Вигель Ник. Ф. I, 32, 68, 202; II, 62, 121, 205, 221, 229; III, 18, 20; V, 174.

Вигель Пав. Фил. I, 32, 68, 204, 224; II, 121, 205; III, 20, 44; IV, 4, 39, 117, 164; V, 108, 128, 155, 174, 194; VI, 21, 24.
Виклѣфъ V, 97.
Виландъ V, 99.
Вилліе врачъ IV, 181.
Вильгельмъ принцъ Пруссек. (вп. императоръ) V, 70, VII, 117.
Виноградовъ Никол. Оедор. V, 170.
Винклеръ II, 175.
Винтерфельдъ V, 90.
Вирсть II, 30.
Виртембергскій кровнъ-принцъ IV, 183.
Витали VI, 132.
Витгенштейнъ графъ IV, 45, 64, 81. 101; VI 105, 127; VII, 90, 239.
Витикиндъ V, 148.
Витовтъ V, 84.
Висковатовъ III, 129, 148.
Витты I, 49.
Виттъ графиня VI, 125.
Виттъ графъ И. О. VI, 125, 126, 136, 137; VII, 183—186.
Вишневская Ульяна Степ. I, 62.
Вишневской Ив. Гавр. I, 62.
Віадо V, 180.
Віельгорскій графъ М. Юр. IV, 154, 155, 160; V, 55, 161; VII, 254.
Виолинъ Фромъ VII, 47.
Владимиръ Всеволодовичъ кн. К. 13.
Владимиръ Святославичъ кн. К. 12, 25.
Владыкинъ II, 114.
Воеводская II, 37.
Воейкова VI, 30.
Воейковъ полк. VII, 122.
Воейковъ А. О. V, 43, 44, 76; VI, 67; VII, 95—97.
Воланы I, 49.
Волконскіе кн. IV, 24.
Волконская княжна VI, 121, 131.
Волконскій князь Д. П. IV, 180.
Волконская княгиня Ек. Алексѣевна IV, 180.
Волконскій князь П. М. IV, 180, 181, V, 64; VI, 61 — 63; VII, 120, 123, 125; 233, 244,
Волконскій князь Григ. Сем. IV, 144, VII, 55.

Володаръ Ростиславичъ кн. К. 13.
Вольтеръ III, 53.
Волховскіе IV, 21.
Вонифатьевъ Петръ Дм. II, 175—177. 179, 182, 210.
Ворожейкинъ VI, 78.
Воронихинъ тракт. II. 41, 42; III, 178; V, 24.
Воробьевъ акт. II, 53; III, 130.
Воронцовы VI, 138, 168.
Воронцовъ гр. Р. Лар. II, 53.
Воронцовъ гр. А-лъ Ром. II, 11, 16; VII, 138; II, 4, 11.
Воронцовъ графъ С. Р. II, 4,
Воронцова княгиня Елпсав. Ксав. V, 143; VI, 84, 124, 127 — 129, 132, 134, 138, 170, 171, 187, 189; VII, 142, 184, 191.
Воронцовъ князь М. С. I, 76; IV, 87, 164; V, 110, 111, 120, 122, 136, 138—144; VI, 27, 71, 72, 76, 85, 89 — 107. 110—124, 134—154, 159. 166—169, 172, 173, 176—179, 183—191; VII, 45, 46, 48, 54, 56, 59, 60, 69—71, 82, 84—87, 97—99, 104, 114 — 116, 120, 122, 126, 127, 142, 143, 148, 150, 153, 157, 168, 169, 171, 173, 178, 181, 186—188, 193, 195, 200, 208—211, 214—225, 239, 243; К, 45, 46, 52, 53, 55.
Воротниковъ акт. VII, 254.
Ворцель I, 200.
Востоковъ Ал-дръ Христофор. III, 153.
Войцеховичъ г-жа I, 211.
Войцеховичъ Ив. Андр. I, 210.
Всеволожская Анна Серг, VII, 41.
Всеволожскіе IV, 21.
Всеволожскій воевода I, 27.
Всеволожскій Андр. Алексѣев. I, 23; II, 223.
Всеволожскій А-й Андр. II, 233.
Вяземскіе князья I, 56; IV, 21.
Вяземскій князь Андр. Ив. III, 141.
Вяземскій князь А. А. II, 34; IV, 135.
Вяземская княгиня Елена Никитишна II, 35; III, 5.
Вяземскій князь П. А. I, 50; III, 141—143; IV, 123—126, 164; V, 36, 40—42, 45, 67; VI, 55; VII, 134.

Вяземская княгиня В. О. IV, 123—125; VI, 29.

Вязимиръ князь V, 87.

Вязмитиновъ Серг. Кузм. II, 11, 63, 203; III, 13, 16; IV, 127; V, 31, 154, 198, 201.

Высоцкій Н. П. VI, 86.

Вышковскій IV, 138.

*

Габлицъ Карлъ Иван. II, 29; III, 75, 77, 116.

Габоръ-Бетлемъ VI, 108.

Гавриленова Варв. Дм. VII, 142.

Гавриловъ Матв. Гавр. III, 134, 135.

Гавріиль митроп. II, 8; VI, 144; VII, 21, 25.

Гагарины князья IV, 24, 99.

Гагаринъ кн. VII, 4.

Гагаринъ князь I, 150.

Гагаринъ князь VII, 254,

Гагарина княгиня Праск. Юрьевна IV, 70.

Гагаринъ князь Ив. Алексѣев. III, 132.

Гагаринъ князь Никол. Серг. IV, 46.

Гагаринъ князь Оедоръ Серг. IV, 70,

Гагарина княг. I, 150; III, 102.

Гагарина княжна I, 202; IV, 59.

Гаевскій Пав. Вас. VII, 166.

Гагеръ I, 37, 69.

Гальяни тракт. II, 102.

Ганаускій графъ V, 101.

Ганнибалъ Ив. Абр. I, 29; VI, 10.

Гарданнъ врачъ V, 108, 135.

Гарденины II, 62.

Гарденина дѣвица VII, 138.

Гарри докт. II, 116, 128.

Гартингъ И. Марк. VI, 70, 154, 160. VII, 4, 7, 14.

Гартунгъ Елисавет. Петр. III, 35.

Гашеть гр-ня VII, 41.

Гваренги II, 41, 42; III, 100; V, 24; VI, 50.

Гедеминъ IV, 15, 22.

Гедеоновъ А-ъ Михаил. VII, 133.

Гедеонъ митр. Кіевск. (князь Четвертинскій) IV, 68.

Гейницъ Марья Сем. VII, 166.

Геймъ апт. II, 112.

Гельмеръ архит. I, 42.

Гельмъ II, 139, 158, 163.

Генрихъ IV-й V, 132, 133.

Генриетта герцогиня Виртембергская V, 103.

Георгій принцъ Ольденбургскій III, 49, 73, 111; V, 16, 157, 158, 177.

Герановы II, 56.

Герановъ Гавр. III, 147.

Гердеръ V, 99.

Геркенъ Оедоръ Оедор. II, 139.

Герль V, 111.

Германъ Ел. Гав. II, 200, 201.

Германъ Ив. Фил. II, 199.

Германъ О-ръ Ив. II, 201.

Гермесъ Богд. Андр. II, 195, 196.

Гернгроссъ Анна Оедор. III, 165; IV, 63.

Гернгроссъ Родіонъ Оедор. III, 165.

Гернгросъ О. О. V, 54, 57.

Гернетъ г-жа IV, 148.

Гессенъ-Дармштатскія принцессы V, 92.

Гёте V, 99.

Гизо V, 44.

Гики IV, 28.

Гика Георгій, VI, 160; VII, 50, 51, 115.

Гильфердингъ учит. I, 111; V, 158.

Гладковъ И. Вас. II, 69.

Гладковъ Гр. Вас. II, 69, 71.

Глазенапъ I, 9.

Глейхенъ графъ IV, 3.

Глинка Серг. Никол. III, 140; IV, 123.

Глѣбъ Святославичъ кн. К. 12, 13.

Гнѣдичъ Н. И. III, 129, 146, 154; IV, 143, 144, 168, 171, 177; V, 34.

Гогенекъ графъ VI, 162.

Гогенлое-Кирхбергъ пр. Ек. Ив. II, 36.

Годой V, 13.

Годуновы IV, 22.

Годуновъ Борисъ III, 114.

Голенищевъ-Кутузовъ И. Логин. II, 11,

Голенищевъ-Кутузовъ Пав. Ив. III, 133, 141, 143.

Голиковъ II, 27.

Голицыны князья III, 74, 86, 116, 179; IV, 10, 15—18, 62, 63, 104, 105, 130, 181; V, 48, VII, 93.

Голицына княжна Анна Петр. III, 32,

- Голицына** княг. I, 112, 119, 120, 124, 125, 142; IV, 8, 111, 130.
- Голицына** Анна Серг. VII, 41.
- Голицына** княгиня Варв. Петр. IV, 105, 106; V, 67.
- Голицына** княжна Елксав. Петр. III, 32.
- Голыцына** княгиня Ек. Ив. рожд. Сол-логубъ, II, 76; IV, 11.
- Голицына** книг. Нат. Петр. I, 138; II, 17; IV, 17; VII, 237.
- Голицына** княжна М. В. I, 132.
- Голицына** княг. Т. Вас. VII, 236.
- Голицынъ** князь Ал-дръ Никол. III, 117, 118; IV, 82, 181; V, 64, 65, 198, VI, 64, 65, 150, VII, 40, 126, 214, 246.
- Голицынъ** князь А. И. V, 35, 36.
- Голицынъ** князь А-ъ Мих. I, 175; IV, 16.
- Голицынъ** кн. А. С. I, 127, 128, 142; II, 75.
- Голицынъ** кн. Вас. С. I, 128; II, 75; IV, 8, 41, 107, 108, 111, 113; VI, 77.
- Голицынъ** князь Вас. Вас. IV, 16; К, 19.
- Голицынъ** кн. Гр. С. I, 121, 125; II, 75; IV, 8—15, 18, 40—42, 76, 79, 91—97, 107, 108; V, 68, 175, 177, 178.
- Голицынъ** кн. Дм. М. II, 109; IV, 16.
- Голицынъ** Дм. Вл. VI, 29, 35—37; VII, 236—238.
- Голицынъ** кн. Д. Н. II, 109.
- Голицынъ** кн. М. С. I, 121, 127, 132, 140; II, 75.
- Голицынъ** кн. Пав. С. I, 127, 142; II, 75; IV, 8, 106—108, 110, 113, 118.
- Голицынъ** князь Петръ Алексѣев. IV, 169.
- Голицынъ** князь С. М. IV, 18.
- Голицынъ** кн. С. С. II, 75, 204.
- Голицынъ** князь Серг. Ѳеодор. I, 120—123, 127, 132, 134, 136; II, 204, 223; III, 57, 58; IV, 8, 10, 16, 17, 108.
- Голицынъ** князь Ѳед. Серг. I, 120, 126, 127; II, 19, 72—76, III, 103, 104; IV, 24, 104—106, 112, 116, 118.
- Голицынъ** II, 173.
- Голицынъ** II. VI, 58.
- Головина** Нат. Ив. IV, 169.
- Головина** Дарья Ив. IV, 169.
- Головинъ** Ив. IV, 169.
- Головинъ** графъ Н. Н. VI, 47.
- Головкина** графиня I, 150.
- Головкина** Н. Ю. II, 208.
- Головкина** Ек. Льв. II, 208.
- Головкинъ** графъ III, 11, 124.
- Головкинъ** графъ Гавр. Ив. II, 106.
- Головкинъ** гр. Ю. А. II, 104—108, 111, 112, 117, 119, 120, 121, 128, 158, 160, 164, 166, 167, 171—176, 178—180, 182, 186, 195, 210—212.
- Голубцова** М. Богд. II, 34, 35.
- Голубцовъ** Ив. Александр. II, 34.
- Голубцовъ** Ѳ. Александр. II, 33, 121; III, 9, 76—78, 84, 91.
- Голубцовы** II, 35, 36.
- Гонтаръ** V, 61.
- Гонтары** V, 103.
- Гонзагъ-де-Неверъ** Марія I, 86.
- Гончаровы** V, 171.
- Гоппе** III, 104.
- Горденинъ** фабрик. I, 203.
- Гордѣевъ** VI, 159.
- Горемыкинъ** III, 164.
- Горихвостовъ** Петръ Абросим. I, 212; II, 68, 69.
- Горнь** V, 8.
- Гортензія-Бонапарте** VI, 32.
- Горчакова** княгиня Варв. Юр. IV, 130.
- Горчакова** княжна III, 144; IV, 50; VI, 157.
- Горчаковъ** князь Ал-ѣй Ив. IV, 50, 130, 131, 179.
- Горчаковъ** кн. Вас. Никол. II, 188, 189.
- Готманъ** Андр. Данил. V, 27, 30.
- Готманъ** Петръ Данил. V, 180.
- Гоферъ** III, 58.
- Гофманъ** VII, 27.
- Гофъ** г-жа IV, 100, 101.
- Граль** пасторъ I, 42.
- Грамадинъ** III, 150, 153.
- Граммонъ** V, 4.
- Граперонъ** врачъ К, 53, 54.
- Графоръ** проф. I, 140, 141.
- Грегори** V, 83.
- Грегуаръ** V, 50, VI, 6.
- Грейгъ** адмир. А. С. VI, 99, 100, 136; VII, 199—203, 211, 221; К, 52.
- Гречъ** III, 152; IV, 80, 173; VI, 56.

Грибовской VI, 181.
Грибоѣдовъ VI, 55.
Григорій архиеп. VI, 114, 116.
Гриммъ баронъ V, 30.
Гросслупъ IV, 147.
Грохольскій гр. I, 84.
Груби Ос. Ив. окул. VII, 96, 97, 104, 119.
Груберъ патеръ II, 105, 173.
Грузиновъ акт. II, 71.
Грузинскій царевичъ князь Егоръ Александр. V, 186, 189.
Губаревъ I, 222.
Гудины I, 198.
Гудимъ-Левновичъ Вас. Ѳеодор. VII, 158, 159, 179, 211, 212.
Гудовичъ гр. И. В. I, 101; IV, 35, К, 35.
Гудовичъ графъ Мих. Вас. IV, 35, 92.
Гуляновъ IV, 52.
Гуляевъ I, 27.
Гундуrowъ кн. II, 189.
Гуржеевъ И. Иль. VI, 96.
Гурковская I, 82.
Гурьева Авд. Петр. V, 144; VI, 127, 129.
Гурьевъ графъ А. Д. II, 13, VI, 60, 61, 90, 127, 185.
Гурьевъ Д. А. II, 109, 110, 161—163, 173, 207; III, 84—87, 91, 92, 99, 101, 104, 105, 116; V, 28, 61, 143, 198.
Гурьевы К, 42, 43.
Гурьева Марья Дм. V, 62.
Гурьева Праск. Никол. II, 208.
Густавъ Адольфъ III, 65, V, 97.
Густавъ Ваза III, 65, V, 103.
Густавъ IV, I, 179; III, 19, 51; VI, 31.
Гусъ Ив. V, 97.
Гуфландъ VI, 129.
Гюго Викт. III, 108.
Гюсъ актриса VI, 31.
 *
Давидъ Игоревичъ кн. К, 13.
Давыдовъ Д. В. IV, 75; V, 45.
Далмась актрерь V, 55.
Дамась II, 33; III, 7.
Данжевиль-Виндербергъ VI, 52, 185.
Данжо маркизь V, 118.
Данилевскій директ. гимн. I, 211.
Данилевскій-Михайловскій IV, 87.
Данилова III, 121.

Дантонъ V, 20.
Дараганъ Евва Як. I, 43.
Дашновъ Андр. Вас. VII, 214, 217.
Дашновъ Д. В. III, 150, 153; IV, 141, 142, 169, 171—176; V, 38—40, 66; VI, 55; VII, 104, 126, 129, 181, 208, 247—251.
Дашновъ князь Пав. Мих. I, 56, 61, 75, 101, 102, 117.
Дашковы князья I, 56.
Двурѣченцовъ VI, 175.
Деболи VI, 124.
Девель I, 37, 69.
Девлетъ-Гирей ханъ К, 21.
Девлеткильдѣевы I, 206.
Деволанъ Францъ Павл. V, 17, 156, 157; VI, 43, 45; К, 30.
Девонширскій герц. VII, 117.
Дезирб пѣв. VII, 192.
Деказъ VI, 8.
Денампъ VII, 133.
Делиль III, 59.
Делонэ докт. VII, 231.
Дельвигъ баронъ V, 51.
Демейсъ живопис. I, 44.
Демидова Ев. Алексѣевна I, 149.
Демидовъ Никол. Никит. II, 148; IV, 46; V, 117, 127, 136; К, 66.
Демидовъ Петр. Гр. I, 149.
Демидовы II, 32, 236; III, 182; V, 171.
День VII, 153; К, 45, 53.
Державинъ Гавр. Ром. II, 12, 63; III, 81, 82, 119, 151, 180; IV, 165, 172; V, 37, 48; VI, 55.
Дестремъ V, 19, 20.
Дибичи VI, 62.
Дибичъ И. И. II, 229; IV, 103; VI, 62, 63; VII, 214, 239, 252.
Дивовъ Пав. Гавр. IV, 133; V, 60, 62.
Дидло I, 155; II, 50; III, 121; V, 35.
Диль I, 42.
Димитрій Іоанновичъ великій князь IV, 26.
Дмитревскій акт. II, 52; VI, 51.
Дмитріевъ Ив. Дм. IV, 88.
Дмитріевъ Ив. Ив. I, 187; II, 76; III, 80—83, 133—139, 143, 150, 152, 157;

IV, 134, 135, 141; V, 39, 40, 42, 45, 108; VII, 132.

Дмитрій архіеп. VI, 150; VII, 33, 78, 79.

Димитрій Михайловичъ князь К, 16.

Добровольскіе III, 32.

Доброславскій Андр. Михаил. II, 108, 112, 120, 158.

Довре Феодоръ Филип. II, 118, 128, 130—132, 157, 158, 173.

Докторова Варв. Феодор. II, 85.

Докторовъ Ае. Ае. II, 85.

Долгорукова княжна Варв. Юр. IV, 131.

Долгорукова княг. Ек. Вас. I, 99; II, 70, 71; IV, 41.

Долгорукова княг. Нат. Ив. II, 69.

Долгоруковъ князь Ал-й Алексѣев. VII, 125, 126, 214, 249.

Долгоруковъ князь Вас. Мих. К, 23.

Долгоруковъ князь Вас. Серг. II, 69, 218.

Долгоруковъ князь Ив. Мих. III, 135; IV, 77, 78.

Долгоруковъ князь Мих. Петр. III, 42—44.

Долгоруковъ князь Никол. Вас. V, 127.

Долгорукий князь Пав. Ив. VII, 165.

Долгоруковъ князь Петръ Петр. III, 42—44.

Долгоруковъ кн. Серг. Никол. I, 177.

Долгорукий кн. Юрій Владим. I, 175; II, 223.

Доливо-Добровольскій Флоръ Осип. III, 32.

Дольсть баронъ III, 100.

Донецъ-Захарьевскій Дм. Андр. VII, 139, 210.

Доници VII, 4.

Доничъ VI, 144; VII, 8.

Дориньи г-жа и г-нъ I, 119.

Дофинé VI, 88.

Дохтуровъ IV, 87.

Древиць полк. I, 28.

Дринскій Владим. Егор. II, 87, 88.

Дружининъ III, 92; IV, 177.

Дрындинъ IV, 55.

Дубенская Анна Егор. II, 90.

Дубенская Елисаб. Петр. III, 35.

Дубенскій Гр. Льв. II, 90.

Дубенскій Ксеноф. Гаврил. III, 35.

Дубенскій Никол. Порф. III, 35.

Дубенскій Порфпр. Гаврил. III, 35.

Дубинъ V, 145.

Дудышкинъ купецъ I, 181.

Дульскій гр. I, 84.

Дунаевъ А. И. V, 140; VII, 75, 86.

Дурасова Варв. Яе. II, 194.

Дурасова Ек. Никол. III, 45.

Дурасова Степ. Алексѣевна IV, 90.

Дурасовъ Н-й Н-ев. II, 193, 195.

Дюбарри г-жа I, 106; V, 119.

Дюбуа м-ль I, 106—108, 112.

Дюмушель пѣвецъ III, 122.

Дюпоръ III, 120, 121; V, 35.

Дюпре-де-Сень-Моръ VI, 27.

Дюронъ I, 188; III, 119.

Дюроръ Альбертъ V, 96.

Дюровъ VI, 51.

Дюро-де-Ламаль К, 61.

Дюръ VII, 254.

Дютакъ II, 50.

Дютуръ Карол. Ант. VII, 105.

Дягилевъ II, 147.

*

Евреиновъ А-ъ Мих. II, 230, III, 95.

Евреиновъ Вас. Вас. II, 127.

Евреиновъ И. В. II, 129.

Евреиновы I, 163, 164; II, 131, 135; III, 32; IV, 95.

Евсюновъ городнич. III, 38.

Ежова Ек. Ив. V, 33, 36; VI, 51.

Екатерина I-я III, 85, 179.

Екатерина II-я I, 22, 24, 29, 31, 33, 58, 72, 89, 90, 93, 138, 152, 179, 180, 215, 219; II, 7, 13, 27, 89, 94, 105, 106, 166, 215, 219, 226, 236; III, 9, 13, 16, 20—23, 26, 35, 41, 50, 59, 66, 67, 84—86, 94, 99, 102, 110, 116, 117, 124, 134, 144, 156, 161, 180, 181; IV, 17, 23, 24, 29, 36, 37, 46, 54, 58, 135, 142, 145, 154, 159, 169, 179; V, 10, 16, 24, 48, 53, 54, 61, 174—176, 181, 184; VI, 31, 32, 64, 101; VII, 83, 89, 90, 141, 143, 218, 219, 237, 238, 253; К, 23—30, 47.

Екатерина Медвцисъ VI, 5.

Екатерина Павловна великая княгиня

III, 49, 57, 73, 74, 92, 147, 150, 156; IV, 34, 38, 183; V, 155, 156, 164, 177.

Елагинъ Дм. Владим. II, 88, 89.

Елена Павловна в. княжна VII, 89.

Елеціе IV, 21.

Елисавета Алексѣвна имп. II, 18, 76, 219, 221; III, 90; IV, 11, 105, 129, 176; V, 35, 64, 90, 100, 155; VI, 129; VII, 69, 73, 101, 116, 251.

Елисавета Петровна имп. I, 93; II, 7; III, 87, 124, 173, 177, 180; IV, 16, 23, 58, 105, 145, 152; V 85, 175; VI, 87.

Елисавета принцесса VI, 30.

Ельчанинова Над. Карп. III, 159.

Енихенъ докт. VII, 232.

Ергольская Нат. Егор. I, 63.

Ергольская И. И. VI, 85; VII, 142.

Ергольскій Ние. Ив. I, 63; VI, 85.

Ермакъ Тимоѣевичъ К, 19.

Ермолаевъ Ал-дръ Ив. III, 154.

Ермоловъ А. П. I, 76; IV, 87; V, 66, 127; VI, 102; VII, 55, 117, 118, 122, 153; К, 41, 58, 59.

Ермолаевъ Никол. Степ. IV, 97.

Еропкинь П. Д. I, 174.

Еропкины IV, 21.

Есипова I, 212.

Есиповъ Петръ Вас. II, 136, 137. 139.

Ефимовичъ I, 166; II, 16.

*

Ж... С. О. VI, 190, 191, 193.

Ждановъ VII 35.

Жданова V, 187.

Ждановскій I, 163.

Жеваховъ князь I, 220.

Жедринскій Владим. Егор. IV, 55, 56.

Жедринскій Ег. Мих. I, 131; II, 86—88.

Желтухина Ан. Никол. II, 133.

Желтухинъ Ал-й Ѳеодор. II, 91, 132.

Желтухинъ Петръ Ѳеодор. II, 133.

Желтухинъ Сер. Ѳеодор. II, 133, 203.

Желтухинъ Ѳеодоръ Ѳеодор. II, 132, 133.

Желтухинъ VII, 45, 78.

Женіесъ акт. VII, 124, 254.

Жено VI, 52.

Жерве II, 26.

Жеребцова Ев. Алекс. I, 149.

Жеребцовъ А. А. V, 54; VII, 136.

Жигничеръ Симеонъ Глав. VII, 43.

Жилло Ром. Ст. VII, 65, 67.

Жихаревъ Ст. Пет. II, 217; III, 129, 152; IV, 171, 175—177; VI, 55; VII, 174.

Жишка Ив. V, 97.

Жозефъ-Бонапарте королева Испанская III, 49; V, 103; VI, 32.

Жозефъ VI, 193.

Жорданъ Анна Ив. V, 15.

Жоржъ III, 119, 120, 123; IV, 166; V, 35.

Жоффренъ г-жа I, 108.

Жуновскій В. А. I, 115, 141, 190; II, 54, 55, 237; III, 40, 136, 137, 139, 143; IV, 87, 112, 164—171, 174, 176, 177, V, 36, 40—47, 51, 71, 76; VI, 55, 97, 169; VII, 104, 134, 208, 216.

Жулковскій тайн. с. VII, 80.

*

Забѣлинъ Ив. Алексѣев. VII, 204, 205, 213.

Забѣлины VII, 205.

Завадовскій гр. П. В. II, 13; III, 79, 152,

Завалѣевскій Н. Степ. VI, 120—122; VII, 134.

Загоскина Нат. М. II, 98—101; V, 189.

Загоскинъ М. Н. II, 121; III, 138; IV, 167, 173; VI, 55.

Загоскинъ Н. М. II, 100, 103.

Загряжская Нат. Кир. II, 111.

Загурскій I, 131.

Закревскій графъ А. А. IV, 91; VII, 120—124, 214, 233, 243, 244.

Залуцкій графъ IV, 142.

Залѣсскія I, 82.

Замфорани братья VI, 184.

Зандъ V, 97.

Занфтлебенъ V, 39,

Запольскій Янъ VI, 108.

Захаржевская Елис. Андр. VII, 139.

Захаровъ архит. II, 41; V, 24.

Звенигородскіе IV, 21.

Зейдлициъ V, 90.

Зеленковъ V, 39,

Зеленой Ив. Вас. II, 193.

Зертысъ Наменскій Амвросій I, 161.

Злобинъ В. Алексѣев. II, 21—23, 101, 102, 121, 127; III, 55.

- Зловъ** V, 35.
Золотарева Ек. Алексѣевна IV, 100.
Золотаревъ А. М. VI, 122, 138.
Золотаревъ Дм. Вас. IV, 100.
Зонтагъ Анна П. VII, 216.
Зубова О. А. I, 150; II, 150.
Зубовъ Вас. Никол. II, 89.
Зубовъ князь III, 159, 160; V, 183; VI, 101.
Зуевъ П. Хар. VI, 82.
- *
- Иваненки** I, 198.
Ивановъ I, 163; II, 119.
Ивашкинъ полицм. I, 189.
Ивеличева П, 510.
Игумновъ II, 114.
Ижоринъ I, 166.
Измайловъ Ал-дръ Ефим. III, 153;
Измайловъ Владим. Вас. III, 139, 143,
Измайловъ Левъ Дм. V, 186,
Иконина III, 121.
Ильинъ II, 51; VI, 27.
Илья лейбъ-вучеръ IV, 181.
Инзовъ И. Н. VI, 90, 96, 102, 110,
 112—114, 123, 141, 145, 147, 148, 150—
 152, 179; VII, 5, 8, 12—14, 18, 20, 21,
 24, 25, 32, 42, 43, 58, 64.
Иннокентій III, 73.
Ипсиланти князь V, 123; VI, 112, 115,
 162, 163; VII, 69.
Ириной архпм. VI, 149, 150; VII, 33.
Исленьевъ Петръ Алексѣев. III, 25, 26.
Истомина V, 35.
- *
- Иеронимъ** Бонапарте II, 49.
Іоаннъ III-й IV, 21.
Іоаннъ Васильевичъ Грозный III, 114;
 IV, 21, 27; K, 17—19, 24.
Іоаннъ Антоновичъ царь V, 164.
Іосифъ Бонапарте III, 6, 7.
- *
- Кавелинъ** Дм. Александр. II, 27; V, 43;
 VI, 65.
Каверинъ Павелъ Нижит. I, 177.
Казасси II, 50.
Казимиръ IV-й V, 84; VII, 8.
Казначеева В. Д. VI, 131; VII, 196.
Казначеевъ А. И. V, 140; VI, 91—97,
 103, 104, 120, 122—124, 131, 141, 166,
 172, 178, 183, 190; VII, 85, 86, 168, 186,
 188, 210, 212.
Калакуцкой VI, 149.
Каламара ген.-м. VII, 207.
Калипсо VI, 152, 154.
Калиархи V, 123, 124, 126, 133.
Калиастро графъ K, 44.
Калло-Дербоа VI, 5.
Калоннъ VI, 30.
Каменная гр. А. II. I, 99, 161; II, 221.
 III, 90, 91.
Каменскій VI, 68.
Каменскій графъ М. Оед. II. 221, 224;
 K, 27.
Каменскій графъ Н. М. III, 41, 44—50,
 62—64, 75, 169, 171; VII, 120—122, 233,
 238, 244.
Каменскій графъ Серг. Мпх. III, 89,
 105, 106; VII, 122.
Каменскій фельдм. I, 174.
Камеронъ II, 42; V, 24.
Каппенгаузенъ II, 29; III, 115, 116;
 VI, 64.
Кандалицовъ III, 55.
Канкринусъ раввинъ VI, 60.
Канкринъ Ег. Фр. VI, 60, 61, 187; VII,
 70, 127, 128.
Канкринъ Фр. Люд. VI, 60.
Каннингъ VI, 71.
Кантакузина княг. VI, 157.
Кантакузинъ Георг. Матв. VI, 157—159,
 163.
Кантемиръ князь I, 161.
Кантъ V, 85.
Капланъ-Гирей K, 21.
Капнисть В. В. II, 27; III, 146.
Каподистрія графъ Ив. Ант. V, 62—
 67, 72, 124; VI, 11, 69—71, 112, 128—
 130, 150, 180; VII, 34.
Карайкина III, 132.
Карамзина Ек. Андр. IV, 125.
Карамзинъ Н. М. I, 185, 187; II, 48,
 53, 54, 56, 228; III, 82, 83, 126, 133—
 135, 138—143, 150, 152, 184; IV, 25, 86,
 125, 139, 171; V, 36, 37, 40, 42, 45, 71,
 114; VI, 9, 11, 19, 56, 192; VII, 100, 101,
 133; K, 13.

- Каратыгина актр. II, 51, 52; V, 34.
 Каратыгинъ акт. VI, 50, VII, 254.
 Карауловъ Ал-ѣй Гавр. IV, 57, 93, 94,
 97.
 Карауловъ Пав. Петр. II, 110, 173.
 Карбоньеръ V, 158, 199; VI, 40, 41.
 Каріонъ-де-Низась V, 135.
 Карлъ Великій V, 104, 145, 147.
 Карлъ III-й V, 13, 14.
 Карлъ IV-й V, 13.
 Карлъ X-й VII, 81, 133.
 Карлъ XII-й III, 19, 65; V, 78, 96; K, 21.
 Карлъ XIII-й III, 51; VI, 31.
 Кармазинъ VII, 67, 202.
 Карнѣвъ II, 112, 120, 128.
 Карнѣвъ Зах. Як. V, 176.
 Каролина королева VI, 94.
 Карташевская Над. Тимоо. VII, 249.
 Карташевскій Гр. Ив. VII, 245—249.
 Кастелли ген. II, 134.
 Кастелли Н-ѣ Ст. II, 202.
 Кастелли Софья Вас. II, 134.
 Катакази г-жа VI, 154.
 Катакази К. Ан. VI, 104, 111—113,
 116, 144, 155, 166, 173, 178, 189—193;
 VII, 15, 43, 46, 48—57, 66—73, 76, 83,
 116.
 Каталани г-жа I, 108; V, 145; VI, 53,
 133.
 Катаржи VI, 156; VII, 4, 8.
 Катенинъ VI, 16.
 Катенинъ П. А. III, 129, 148.
 Наховская II, 132.
 Наховскій графъ VII, 146.
 Наховскій В. В. K, 36, 37.
 Кацикъ VII, 61.
 Каченовскій Мих. Троф. III, 141, 143.
 Качони К, 49.
 Качьна Елисавета Гавр. II, 199.
 Кашинцова VI, 159.
 Кашкаровъ Никол. Степ. IV, 56, 91, 92.
 Квадри VI, 48.
 Кейзерлингъ К, 22.
 Кекъ Степ. Андр. I, 211.
 Кельць Христ. Ив. VII, 157.
 Кемпенъ Акулина Бор. I, 180.
 Кенсонá I, 130.
 Керлерó I, 131, 140.
 Кеттлеръ Готардъ V, 79, 84.
 Кешкулясы VI, 106.
 Никина Анна Дав. II, 129.
 Кильдюшевскій П. П. II, 60.
 Кинскіе IV, 30.
 Кипріанъ архим. VI, 81.
 Кирибó г-жа VII, 185, 189, 191, 217.
 Кирибó Лука Гр. VII, 189.
 Кириченко-Астромовъ I, 115.
 Кирѣвская Надежда Александр. IV,
 155; VII, 231.
 Кирѣвскій VII, 230.
 Киселева Софья Стап. VII, 191.
 Киселевскій VI, 83.
 Киселевъ Дм. Ив. VI, 114.
 Киселевъ П. Д. VI, 110, 114, 116, 127.
 Киселевы II, 83.
 Кишенская IV, 47.
 Кишенскій Никол. Ѳеодор. IV, 46, 48, 89.
 Клапротъ II, 118, 179, 182, 187.
 Клеймихели VI, 62.
 Клементъ II, 120, 139, 142, 143, 158,
 179, 182, 183.
 Кленовъ VII, 186.
 Климовскій V, 34; VI, 50.
 Кноррингъ II, 229.
 Кноррингъ генер. VII, 120.
 Кнорингъ Богд. Ѳеодор. III, 50, 51, 54.
 Княжнинъ III, 69, 82, 124, 127; IV, 115.
 Кoble Генриета Александр. II, 12; III,
 114; IV, 52; VI, 88; VII, 120.
 Кобургскій принцъ III, 121.
 Ковалевъ И. Г. VI, 83.
 Когари III, 49.
 Кодинець Дм. Ѳеодор. VII, 156, 157.
 Кожина Еж. Вас. IV, 41—33.
 Кожинъ В. Ив. II, 69—71.
 Кожины II, 71.
 Кожухова А. П. VI, 80.
 Кожуховъ А. Ст. VI, 79, 80; VII, 136,
 229.
 Козицкая IV, 90.
 Козицкіе IV, 159.
 Козицынъ Петръ Вас. IV, 57, 93—95,
 97.
 Козловскіе IV, 21.
 Козловскій князь Петръ Бор. I, 175,
 176, 184; II, 14, 15, 19.

Козловскій тайн. сов. I, 198.
Козодавлева Анна Петр. III, 31, 32, 35—38.
Козодавлевъ V, 7, 198.
Козодавлевъ Ос. Петр. 30 39, 54, 77, 88, 112, 113, 154.
Козодавлевы IV, 24.
Коленкуръ III, 8, 48, 49, 52; V, 26.
Колесовъ V, 184.
Колинетъ Роза I, '55.
Коловраты IV, 30.
Кологривова Праск. Юр. IV. 69. 71. 123; VI, 30.
Кологривовъ Петръ Александр. IV, 71, 74. •
Кологривовы IV, 99.
Колокольцова I, 218.
Колокольцова Алек. Богд. III, 27.
Колокольцова Елпсав. Грнг. III, 25, 26.
Колокольцовъ II, 197.
Колокольцовъ Апол. Никиф. III, 25, 26.
Колокольцовъ Дм. Апол. III. 27; IV, 56, 91, 96, 97.
Колокольцовъ О. М. IV, 140.
Колѣмби V, 179.
Колонтаева дѣвица VII, 68.
Колосова III, 121; VI, 51.
Колтовская II, 150.
Колунченковы I, 206.
Колычовъ Ст. Ал-сѣв. I, 166, 188; II, 16.
Кокориновъ архит. II, 41.
Кокошкина II, 150.
Комаровскій гр. Евгр. Оедот. VII, 106.
Комбурлей Мих. Ив. IV. 49.
Коммаріе г-жа V, 117, 136.
Конде принцъ I, 96; II, 188; VII, 91.
Кондоиди III, 158.
Коновницына III, 115.
Коновницынъ графъ V, 64.
Коновницынъ П. П. IV, 179.
Константинова VI, 169.
Константинъ Николаевичъ в. кн. (его рожденіе), VII, 193.
Константинъ Павловичъ вел. кн. II. 45, 107, 219; III, 17, 19, 48, 101; IV, 49, 68, 138, 180; V, 10, 70, 111, 113; VI, 15, 79, 154; VII, 76, 79, 81, 84, 106, 141.

Константинъ Палеологъ IV, 21.
Констанъ Бенжамень IV, 161; V, 114; VI, 6.
Копіева Ал-дра Данил. IV, 12.
Копіева Над. Карп. III, 159.
Копіевъ Ал-дръ Данил. IV, 12, 13, 125, 148.
Копіевъ Ал-ѣй Данил. III, 159—163, 182.
Копіевъ Дан. Самойл. III. 159.
Корбе И. М. с. судья I, 63.
Корде Шарл. V, 17.
Корди VII, 160.
Кореневъ подполк. II, 199.
Корецкіе IV, 15.
Корибутъ Воронежская княжна I, 83.
Корнилова А-ра Ефр. II, 166.
Корниловъ А-ѣ Мих. губ. II, 164, 166, 187, 196.
Корнѣевъ II, 179, 182.
Корнѣевъ Ег. Вас. III, 75, 76.
Коробчиха купч. II, 66.
Коробьинъ Кіевскій губерн. I. 198.
Королькова Дарья Ив. I, 111, 113; II, 229.
Корфъ баронъ V, 51.
Коссаковскіе IV, 30.
Костровъ Ермиль Ив. I, 114.
Котляревскій герой Кавк. VII, 166.
Котляревскій Петръ Степ. IV, 182.
Коттень г-жа IV, 13.
Коцебу V, 97.
Кочубей Марья Вас. V, 176; VII, 191.
Кочубей III, 11, 12, 16, 84, 87, 111; IV, 130.
Кочубей графъ В. П. II, 4, 5, 12, 61—64, 83, 103, 104, 206, 229, 230; V, 177, 198; VI, 10, 37, 63, 71, 73, 94, 147, 187, 189; VII, 39, 100, 104, 1'5, 143, 190; К, 30.
Кошелева О. О. I, 202.
Кошелевъ А-тъ Ив. I, 203.
Кошкарлова Ольга Вас. III, 38.
Кошкарровъ Ив. Оедор. III, 37, 38.
Краснокутскій Грнг. Ив. I, I, 64.
Красномилашевичъ Вас. Иван. I, 58.
Кребильонъ II, 33.
Крейдеманъ V, 74.
Крейцбергъ V, 76.

Кривская ур. вл. Мещерская I, 14.
 Кривская Марья Григ. III, 174.
 Криницкій Н. Андр. VI, 96, 112; VII, 4, 6, 7, 22, 31,
 Крестинъ Ферд. VI, 30—32; VII, 133, 232.
 Крогеръ Петръ IV, 107, 108, 110.
 Крогеръ Теофила Петр. IV, 108, 111, 113; VI, 58.
 Кроль V, 39.
 Круа герцогъ V, 78.
 Крузенштернъ II, 105, 143.
 Крупенскіе VII, 4, 12, 13, 15, 17, 18, 24, 50, 51, 74.
 Крупенскій М. Е. VI, 104, 110, 141, 144, 166, 175, 177, 192.
 Кручковъ V, 158, 200.
 Кршижановскіе III, 32.
 Крыжановская Марья Конст. III, 56.
 Крыжановскій IV, 7—9, 15; VI, 36.
 Крыжановскій Ал-дръ Ѳеодор. III, 56, 57, 94—96.
 Крыловъ И. А. I, 134—136; II, 51; III, 112, 118, 125, 130, 144, 152—154; IV, 81, 143—145, 164—172, 177; V, 7.
 Крюднеръ баронесса V, 11; VII, 41.
 Крюкова Над. Александр. V, 182.
 Крюковскій III, 129.
 Крюковъ Ал-дръ Сем. V, 181, 182.
 Ксавье актеръ III, 120.
 Куденговень грѣфиня IV, 101.
 Кулисичъ VII, 152, 154, 158, 206.
 Кульневъ III, 51.
 Кульчинская Юл. Мих. VI, 99; VII, 200—202, 215.
 Куракина княгиня Нат. Ив. IV, 169.
 Куракинъ князь II, 3, 8, 14—16, 19.
 Куракинъ А. Б. князь I, 119, 181, 192—195, 222; II, 15, 63, 74; III, 16, 87, 88, 111, 112; V, 98.
 Куракинъ князь А-й Бор. II, 8; III, 12, 13, 87, 88, 111, 112; IV, 169.
 Куракины князья I, 175; II, 8; III, 12, 18, 30, 31, 39, 54, 55, 77; IV, 15, 130.
 Курбатовы I, 163.
 Курикъ П. В. VI, 104, 111, 116, 143, 191, 192, 195; VII, 6, 7, 19—22, 24, 26—28, 32, 57, 215, 216.

Курнанъ VI, 23, 24, 34.
 Курута VI, 187; VII, 70, 83, 187.
 Кусова Елис. Ник. IV, 160; VII, 135, 230, 231.
 Кусовъ Ив. Вас. IV, 155, 156.
 Кусовъ Никол. Ив. IV, 155, 156.
 Кусовникова V, 172.
 Кусовниковъ III, 55.
 Кутайсовъ I, 153, 159, 180.
 Кутайсовъ гр. А-ъ Ив. II, 236, 237; V, 24.
 Кутанъ VI, 5.
 Кутузова Ек. Ильин. III, 103.
 Кутузовъ II, 221, 228.
 Кутузовъ князь Мих. Лэр. III, 101, 170, 171; IV, 39, 44, 54, 73, 75, 76, 84, 87, 101, 164, 180; VI, 63; VII, 122; К, 27.
 Кутузовъ Пав. Ив. IV, 172.
 Кюхельбекеръ V, 51.

*

Лабать-де-Вивансъ I, 146; II, 32, VI, 35.
 Лабать дѣвицы VI, 36.
 Лабаты II, 37.
 Лабзинъ Ал-дръ Ѳеодор. III, 154 IV, 83.
 Лабордъ I, 110, 111.
 Лагардъ II, 33; III, 7.
 Лагарпъ I, 80; II, 7, 14; III, 53, 183; IV, 139; V, 6.
 Ладыжинская А-ра Ѳед. II, 78.
 Ламановъ II, 76.
 Ламанскіе III, 105.
 Ламбаль принцесса III, 122.
 Ламбертъ гр. II, 107, 158, 167, 171—173; IV, 178; V, 11, 23, 47.
 Ламбровичъ Леонтій митр. VI, 150.
 Ламоттъ II, 33; VII, 42.
 Лампи I, 44.
 Ланжеронъ графиня VI, 128, 129, 138.
 Ланжеронъ графъ VI, 90, 96, 102, 128, 133, 135, 138, 151, 174, 185, 186, 189; VII, 81, 98, 171—174, 179—185, 192, 211, 217; К, 41, 42, 49, 52.
 Лановъ VII, 81.
 Ланской IV, 130.
 Ланской В. С. VI, 64, 147; VII, 39, 87, 95, 100, 129, 181, 214.
 Ланской Серг. Ст. V, 55.

- Ларошфуко IV, 35; V, 4.
 Ларошъ III, 119.
 Ласси К, 22.
 Ласси-де генер. I, 120.
 Латухинъ V, 167.
 Лафайетъ V, 20.
 Лафонтенъ V, 106.
 Лафонъ г-жа II, 71.
 Лебедева I, 25; III, 132.
 Лебедева Елисавет. Петр. III, 174, 175.
 Лебедева Мавра Петр. III, 174.
 Лебедевъ ген.-л. II, 164.
 Лебедевъ Евгр. Алексѣев. III, 173;
 Лебедевъ И. И. I, 14; III, 173.
 Лебедевъ И. Кондр. I, 14; III, 173.
 Лебедевъ Илья Петр. III, 174.
 Лебедевъ П. И. I, 13; III, 173.
 Лебланъ пѣвецъ III, 122.
 Леванда протоіерей I, 65.
 Левашова VI, 30.
 Леве III, 124.
 Левендаль К, 22.
 Левинсонъ VII, 47, 53, 84, 85, 87, 88,
 95, 98.
 Левинъ Ѡ. И. IV, 92, 93, 94, 97, 89.
 Левицкая V, 130.
 Левицкій ген. I, 64.
 Левшинъ А. Ир. VI, 91, 97, 135; VII,
 56, 86, 97, 98, 104.
 Левшинъ Дм. Ир. VII, 186.
 Легранъ г-жа II, 200.
 Легуе V, 111.
 Ледрю г-жа VI, 73.
 Лекенъ V, 34.
 Лексъ Варв. Евт. VII, 187.
 Лексъ М. И. VI, 96, 97, 99, 104, 123,
 139, 166, 174, 179, 183, 189, 190; VII,
 168, 169, 186, 187, 195.
 Ле-Лорнь III, 6.
 Леманъ Елисавет. Христіан. III, 156.
 Лемонте V, 118.
 Леонтьева III, 97, 98.
 Леонтьева Елисавет. Петр. II, 79—83; IV,
 106; VI, 58, 76.
 Леопольдовъ VII, 114.
 Лепикъ V, 24.
 Лермонтовъ VI, 4.
 Леруа актриса I, 153.
 Лерхе окул. VII 97.
 Лехнеръ генер. VII, 186.
 Либгардъ инженеръ-маіоръ I, 22.
 Либошицъ врачъ V, 191.
 Либштейнъ V, 128, 129.
 Ливень графиня Д. Хр. VI, 71.
 Ливень гр. III. К. I, 80, II, 11; III, 156.
 Ливень графъ III, 13, 15; VI, 71, 95.
 Ливень княг. III. К. I, 80; VII, 246.
 Ливень князь Карлъ Андр. VII, 214,
 247—250.
 Лидерсъ VI, 158.
 Лидерсы VI, 159; VII, 72.
 Линденеръ I, 91.
 Линденштейнъ II, 51; III, 124.
 Липранди III, 63.
 Липранди Ив. Петр. V, 120, 121; VI,
 102, 107, 115, 117, 176; VII, 75, 82, 83.
 Липранди П. П. VI, 103.
 Лисянскій II, 105.
 Литльтонъ г-жа V, 130—132.
 Литта графъ VII, 120, 130.
 Личъ Джонъ I, 132, 137, 142.
 Лобановъ князь Дм. Ив. II, 232; III, 16;
 V, 34, 66; VI, 47; VII, 100, 115, 125, 126,
 214, 249.
 Лобановъ Мик. Евстаф. IV, 168.
 Лобановы князья III, 12, 115.
 Лобнова Ан. Ив. VII, 134.
 Лобновичи IV, 30.
 Лобо V, 89.
 Логвиновъ И. А. VI, 176.
 Лодеръ докт. III, 18; VII, 232.
 Ложечникова I, 110.
 Ломоносовъ М. В. III, 82; IV, 25; VI,
 169.
 Лонгиновъ Никан. М. VI, 92, 97; VII,
 83, 86, 116, 148, 149, 167, 178, 205.
 Лонгиновъ Никол. М. VI, 92, 174; VII,
 116.
 Ланчновскій протоіер. VII, 33.
 Лопотевъ III, 164.
 Лопухина III, 12.
 Лопухина А. П. I, 108.
 Лопухина Д. П. VI, 86.
 Лопухина княжна I, 150.
 Лопухинъ II, 63.
 Лунинъ А-ъ Михаил. VII, 149.

- Лопухинъ** И. Вл. II, 215.
Лопухинъ князь III, 54, 79.
Лопухинъ кн. П. В. I, 119; II, 8, V, 56, 60, 121.
Лопухинъ князь П. П. V. 56.
Лопухины III, 12.
Лоранъ г-ль I, 103.
Лоранъ г-жь I, 100.
Лораны I, 103.
Лористонъ III, 8, IV, 40.
Лошкаревъ III, 76.
Лубяновская Ал-дра Як. V, 177.
Лубяновскій Петръ (протоіерей) V, 176.
Лубяновскій О. Петр. II, 25, 27, 29; III, 73; V, 157, 176—178; VI, 59, 77, 78.
Луиза герцогиня V, 99.
Луиза королева (ей стихи) II, 177; V, 91, 92.
Лунинъ V, 56, 114.
Лупа герцогъ Гасконскій III, 6.
Лупандинъ VI, 45.
Лутовиновъ I, 108.
Львовъ I, 208, 218.
Львовъ Пав. Юр. III, 149
Львовы II, 56.
Лѣсовскій Ст. Ив. г. м. VII, 136.
Лѣсогоровъ танцоръ V, 33.
Любомирская княгиня VII, 185.
Любомирская княжна Клементина Ксав. IV, 107.
Любомирскій князь Ксав. IV, 107.
Людвикъ король Голандскій III, 90.
Людвикъ XI-й IV, 47.
Людвикъ XIV-й IV, 11; V, 105, 118, 130.
Людвикъ XV-й I, 105, V, 92, 125.
Людвикъ XVI-й V, 8, 20, 105, 128; VI, 5, 7.
Людвикъ XVIII й IV, 150; V, 4, 20, 80, 124, 135, 140, VI, 5, 8.
Людвикъ Святой V, 4.
Люилье V, 28; VII, 157.
Люстихъ V. 35.
Лютеръ IV, 82; V, 94, 97, 101.

*

- Мавроени** VI, 160.
Мавронордато Кост. VI, 113; VII 31.
Магіё IV, 50, 62.
Магіёръ IV, 113, 139, 140; V, 50.
Магницій II, 25, 27, 59, 107; V, 43, 67; VI, 65; VII. 40.
Маджіорлетти пѣв. I, 156.
Мазепа IV, 30; К, 20.
Майковъ III, 82.
Макаровъ Мих. Никол. I, 176; III. 137, 138, 140, 143, 188.
Макаровъ Петръ Ив. III, 137.
Макдональдъ IV, 81.
Малевинскій VII, 64.
Маленина Ал-ра Вас. II, 89.
Маленинъ И. Андр. II, 89.
Малинелли пѣвецъ VII, 193.
Малиновскій А-ль Феодор. I, 163, 167; II, 16; IV, 30.
Мальцекъ баронъ VI, 162.
Мальцовы V, 171.
Малютинъ полк. I, 91, 92.
Маматказина княг. II, 147.
Маматказины I, 206.
Мамлѣвы I, 206.
Мамоновъ графъ IV, 46, 59.
Мандини Павелъ пѣвецъ I, 156.
Маничаровъ Петръ Макар. V, 18, 19, 162, 167, 172, 190, 192; VI, 46, 71, 72.
Мансонъ г-жа V, 112.
Мансурова г-жа II, 202.
Мансуровъ Бор. Александр. II, 131, 134, 139, 140, 146, 202.
Мансыревы I, 206.
Манукъ-бей VII, 54.
Манюэль VI, 6.
Мара III, 122.
Маразли VI, 127.
Марать V, 17.
Марини VI, 94, 104, 124, 138; VII, 186.
Маринъ С. Н. III, 129, 147, 172.
Марія Антуанета III, 122; V, 8, 125, 130.
Марія-Каролина королева III, 7.
Марія-Луиза эрцгерцогиня III, 88; V, 131.
Марія Николаевна вел. княжна VII, 216.
Марія Павловна вел. княгиня IV, 39; V, 80, 98, 99.

- Марія Теодоровна** имп. II, 18, 110; III, 12, 36, 92, 93, 176; IV, 68, 149, 176; V, 38, 45, 71, 98, 155; VI, 15; VII, 108, 131, 241, 242, 251.
- Маркелова** Елена Ив. VII, 95.
- Маркетти** III, 122.
- Марковъ** III, 131.
- Марковъ** гр. Арк. Ив. II, 107; VI, 31, 32.
- Марлинскій** VI, 57.
- Мармонъ** парикм. I, 146.
- Марсъ** актриса III, 119.
- Мартинъ** Павелъ VII, 201.
- Мартынова** Дарья Мих. V, 189.
- Мартынова** Елисавет. Петр. IV, 119.
- Мартынова** Нат. Мих. V, 189.
- Мартыновъ** II, 171, 173.
- Мартыновъ** Анд. Еф. II, 115.
- Мартыновъ** Андр. Серг. II, 90; IV, 5, 7, 8, 57.
- Мартыновъ** Дм. Мих. IV, 119.
- Мартыновъ** Мпх. Ильичъ I, 23; II, 98; IV, 55.
- Мартыновъ** Савва Мпх. IV, 55, 56, 88.
- Мартыновъ** Федоръ Мпх. II, 98, 99; IV, 119; V, 189.
- Мартыновы** I, 13.
- Марченко** полк. I, 84.
- Масальскій** князь III, 22.
- Массъ** VI, 83.
- Масюковы** I, 198.
- Матусковъ** (въ Харьковѣ) VII, 137, 229.
- Матюшкина** графиня Анна Алексѣевна IV, 154.
- Маусъ** VI, 59.
- Махмудъ** султанъ VII, 76.
- Машнова** Елисавет. Александр. IV, 76, 77.
- Машнова** Нат. Павл. IV, 79.
- Машнова** Ольга Александр. IV, 76.
- Мегметъ-мурза-Крымтаевъ** VII, 205, 213.
- Мегюль** III, 130.
- Медоксъ** I, 172.
- Мезиеры** VI, 52.
- Мезонфоръ** (де-ла) маркизь V, 119.
- Мезонъ** графъ К, 63, 64.
- Мейеръ** VI, 96.
- Мекленбургская** принц. VI, 31.
- Меланхтонъ** V, 94.
- Мелиссино** П. И. IV, 137.
- Меллеръ-Закомельскій** баронъ П. И. V, 64; VI, 59.
- Мельвиль** вконт. I, 131; II, 88.
- Мельгунова** Анна Никол. II, 132.
- Мельгунова** Ек. Алексѣевна IV, 180.
- Мельгуновъ** V, 171.
- Меншиковъ** князь А. С. I, 202; III, 15, 67; VII, 125, 211, 221, 238.
- Мерзляковъ** III, 135, 136, 153.
- Мерзляковъ** А-й Оед. II, 54.
- Мерлина** Алдра V, 177.
- Мерлинъ** Як. Данил. V, 178.
- Мессъ** пѣвецъ III, 122.
- Местръ** графъ Иосифъ II, 227; IV, 161.
- Местръ** графъ Ксаверій II, 227.
- Метлеркамфъ** VI, 184.
- Меттернихъ** VI, 18.
- Мехмедъ-Али** К, 50.
- Меццофанти** VI, 130.
- Мещерская** княгиня Ек. Ив. V, 99.
- Мещерская** княжна I, 14.
- Мещерскій** князь П. С. V, 65.
- Миклашевскій** I, 208.
- Милашевичъ** I, 74.
- Миленинъ** III, 96.
- Миллеръ** IV, 27.
- Миллеръ** метрдотель IV, 181.
- Мило** VI, 116.
- Милоновъ** III, 150, 153.
- Милорадовичъ** III, 41; IV, 87.
- Милорадовичъ** графъ М. А. (его управление въ Петербургѣ). V, 122, 154, 201, 202; VI, 10, 39, 51, 52, 55, 126; VII, 40, 108, 110.
- Минарскій** VII, 155, 162, 167, 179, 196.
- Минихъ** гр. К, 21, 22.
- Мирабо** VII, 13.
- Мировичъ** VII, 104.
- Мистивой** князь V, 87.
- Митусовъ** Гр. Петр. VII, 115.
- Михаилъ** арх. черн. VI, 37.
- Михаилъ Павловичъ** вел. князь VI, 15, 16, 122; VII, 102, 123, 153, 216.
- Михаилъ Палеологъ** царь К, 16.
- Михаилъ** князь Тверской К, 16.
- Михаилъ Теодоровичъ** царь V, 173; К, 19.

- Михайловъ П, 112.
 Михайловъ Андр. Алексѣев. V, 25, 31.
 Михайловъ контръ-адмир. VII, 63.
 Михельсонъ III, 88.
 Михневичъ VI, 143.
 Моберли VI, 127.
 Модерахъ Карлъ Ѳеодор. II, 145—148, 151, 196, 201.
 Модюи Ант. V, 25, 27, 29; VI, 50.
 Моисей архіерей V, 188.
 Мойеръ Марья Андр. V, 76, 77.
 Моле Іаковъ V, 53.
 Моллеръ адмир. VII, 125.
 Моллеръ Ант. Вас. VI, 60.
 Молостовы Порфирій и Христофоръ Львовичи II, 131.
 Молчановъ VII, 111, 112, 114.
 Молчановъ Петръ Степ. III, 12; IV, 130, 131, 179.
 Монари VI, 133.
 Монастырскій VII, 79.
 Монготье III, 121; VI, 52.
 Монморанси V, 4.
 Монпансье герцогиня V, 8.
 Монруа VI, 51.
 Монтеверде VI, 99.
 Монтескиу-Фезенсанъ III, 6, 7.
 Монферранъ I, 127; III, 178; V, 28, 30—33, 177; VI, 47, 48.
 Монфоконъ II, 32.
 Мордвинова Вѣра Никол. IV, 96.
 Мордвинова Генр. Алекс. IV, 52.
 Мордвиновъ VI, 99, 100; К, 29.
 Мордвиновъ Н. С. I, 180; II, 11—14; III, 79, 152; IV, 51—53, 62, 63, 105.
 Морелли де Розетти II, 37.
 Морель V, 79.
 Моренгеймъ баронъ V, 179, 195.
 Морино г-нъ I, 103.
 Моро III, 52; IV, 102.
 Морозовъ VI, 41.
 Морикони пѣв. VII, 192.
 Москотиньевъ предс. палаты I, 62.
 Мотерби V, 84.
 Мошинскій II, 119.
 Мошковская I, 199.
 Мстиславскій князь IV, 16.
 Мстиславъ Владимировичъ К, 12, 13.
 Муравьева Ек. Ѳ. IV, 139, 141; V, 50.
 Муравьевъ-Апостоль Ив. Матв. V, 14; К, 9.
 Муравьевы-Апостолы V, 56.
 Муравьевъ И. М. VI, 14.
 Муравьевъ М. Никит. II, 13; IV, 139; VI, 44; VII, 82.
 Муравьевъ Никита Мих. IV, 140; V, 50, VI, 56.
 Муравьевъ Н. Н. III, 140.
 Муравьевъ Серг. Ив. VI, 14, 17, VII, 82.
 Муравьевы VI, 14.
 Муратовъ I, 203.
 Муратовъ Вас. Гавр. VII, 138, 139.
 Мурузи VI, 113, 130.
 Мусинъ-Пушкинъ - Брюсъ графъ Вас. Валентин. III, 132; V, 56.
 Мусинъ-Пушкинъ М. Никол. II, 202.
 Муть Христіанъ Ив. I, 37, 39, 41, 42, 95, 129; V, 95; VII, 39, 130.
 Мыльниковъ куп. II, 158.
 Мыльниковы II, 165.
 Мюльгаузенъ Ѳеодоръ Карл. VII, 149.
 Мюрать IV, 73.
 Мятлева Праск. Ив. I, 170, 183, 185; IV, 157, 158; VII, 236.
 Мятлевъ Петръ Вас. IV, 157.
 *
 Навроцкій С. Ѳ. VI, 162, 163.
 Наполеонъ 1-й I, 188; II, 33, 38, 60, 219—222, 224, 232, 234; III, 4—8, 10, 16—21, 40—52, 57—60, 68, 71, 74, 88—90, 111, 112, 120, 123, 125, 128, 184; IV, 8, 34—49, 53—56, 64, 65, 72—87, 91, 95, 101, 102, 112—115, 126, 127, 133—136, 149—151, 160—164, 183, 184; V, 4, 6, 7, 9, 10, 14, 19, 20, 26, 35, 38, 50, 62, 66, 85, 88, 93, 95, 100, 126, 127, 131, 133, 135, 137, 138, 140, 150, 175, 176; VI, 5, 7, 8, 12, 53, 62, 63, 66; VII, 92, 118; К, 38.
 Нартовъ Андр. Андр. III, 151.
 Нарышкина I, 50.
 Нарышкина Анна Никитишна III, 10.
 Нарышкина Ек. Льв. II, 104.
 Нарышкина Марья Алексѣевна II, 104; V, 10, 54; VI, 124, 188.

Нарышкина Марья Антон. IV, 10, 69, 137—139.

Нарышкина Нат. О. VII, 148.

Нарышкина Ольга Степ. VI, 188; VII, 184, 191, 192, 195, 217.

Нарышкинъ II, 158, 173.

Нарышкинъ А-ъ Льв. I, 146; II, 48, 49, 92, 104, 208; III, 10, 11, 74, 126, 129, 147, 155; V, 35.

Нарышкинъ Дм. Вас. VII, 70, 148, 149, 178.

Нарышкинъ Дм. Льв. IV, 10, 69, 137—139; V, 54, 140.

Нарышкинъ Л. Ал. II, 92, 106, 109, 110; V, 111, VI, 125; VII, 192, 206, 213.

Нарышкинъ Петръ Александр. V, 183.

Нарышкины II, 76, 92, 175; IV, 138; V, 103, 188.

Нассау-Зигенъ принцъ V, 145.

Наталья Алексѣевна великая княгиня V, 92, 99.

Негри VI, 112.

Нейгофъ Федоръ К, 44.

Нейничъ IV, 12.

Нелединскій-Мелецкій Юр. Ал. V, 42.

Нелидова Ек. Ив. III, 12.

Нелидовъ кам.-юнк. II, 139, 142, 143, 146, 156—158, 160, 173, 182.

Нелидовъ Арх. Ив. II, 109, 110, 128.

Нелубова Софья Вас. II, 134.

Нелубовъ Вас. Вас. II, 134.

Нессельроде графиня М. Д. V, 62.

Нессельроде графъ IV, 114, 133, 134.

Нессельроде графъ К. В. V, 60—62, 64, 66, 103; VI, 71, 172; VII, 98, 156, 169, 173, 209; К, 42, 43.

Нессельроде-Эресговенъ графъ Вилг. V, 61.

Нефедьевъ III, 29.

Нечаевъ Анд. Анд. II, 131, 139.

Никитинъ Алекс. I, 40.

Николай I-й III, 179; IV, 183; V, 69, 70, 155; VI, 42; VII, 79—81, 87, 91, 97, 99, 100—106, 108, 109, 111—113, 117, 119, 122, 123, 126, 127, 131, 212, 214—217, 227, 238, 241, 243, 245—251.

Николь аббатъ I, 69, 139; II, 75, 110, V, 48; VI, 23; VII, 108.

Нилусть генер. I, 41, 53, 61, 201.

Нильсенъ VII, 177.

Ноальи V, 4.

Новикова Дарья Мих. (ппочиня Доро-оая) V, 189, 192,

Новиковъ Н-й Ив. II, 215; III, 133, 154; VI, 150.

Новосильцова Кат. Александр. II, 36.

Новосильцовъ II, 217; III, 16, 84, 117; IV, 170.

Новосильцовъ Нпк. Ппк. II, 6, 12.

Новосильцовъ П. И. I, 26; II, 36.

Новосильцовы I, 13.

Ногай К, 16.

Ноденъ Никол. Як. V, 29, 30, 73, 153, 154; VI, 24, 66.

Оболонская I, 59.

Оболонскій Дем. Дем. I, 59.

Обольяниновъ Петръ Хрис. I, 180; II, 8.

Обрѣзнова Пр. В. I, 12, 52.

Обрѣзовъ Мих. Алексѣев. II, 95.

Огареза Ал-дра Богд. III, 27.

Огарева Варв. Ив. II, 233.

Огаревъ Бог. Ильичъ I, 26; II, 34, 233; III, 27.

Огаревъ Ив. Ил. II, 233.

Огаревъ Плат. Богд. II, 34; IV, 118.

Огаревы II, 34.

Огюстъ I, 156; V, 24; VI, 185.

Оде-де-Сіонъ V, 54, 55.

Одинцовы IV, 20.

Одоевская княг. I, 107.

Одоевскій кн. Петръ Ив. I, 104—107.

Одоевскіе IV, 21.

Оже Ипподитъ V, 113, 114, 135.

Озеровъ Владисл. Александр. III, 127, 128.

Озеровъ Сем. Никол. III, 77, 91, 101, 104.

Окенъ V, 97.

Оксенштіернъ III, 65.

Олеъ Святославичъ кн. К, 13.

Оленина Елисавет. Марк. IV, 143—145, 168, 177.

Оленинъ Ал-ѣй Никол. III, 153; IV, 142, 144, 168, 177; V, 52.

Олизаръ гр. I, 84.
Олисовъ Гавр. II, 125.
Оловянникова VI, 73.
Олсуфьева Марья Адам. II, 109;
Олсуфьевъ III, 158.
Олсуфьевъ Серг. Адам. IV, 118.
Ольга Павловна в. княжна VII, 89.
Ольденбургскій принцъ III, 171; VI, 43.
Опочинина А-ра Ѳ. I, 218; II, 78.
Опочининъ III, 100, 101, 103, 104.
Опочининъ Петръ Мнх. II, 77.
Опперманъ VI, 42.
Оранскій принцъ IV, 184; V, 102.
Орлеанскій герцогъ V, 5, 135.
Орлова гр. Анна Ив. I, 157.
Орлова-Денисова Ек. В. VI, 78.
Орлова-Чесменская граф. VI, 65.
Орловъ М. Ѳ. V, 51, 52, VI, 55, 115, 116, 170; VII, 183.
Орловъ графъ Ал-ѣй Гр. V, 48, 49; VII, 159; К, 23, 28.
Орловъ графъ Вл. Гр. I, 182.
Орловъ графъ Мнх. Гр. V, 48, 49.
Орловъ графъ Ѳеодоръ Грпг. V, 48.
Орловъ-Денисовъ гр. К, 64.
Орловъ-Чесменскій графъ II, 223.
Орловъ князь I, 22, 25.
Орловъ князь Ал-ѣй Ѳеодор. V, 49.
Орловъ князь Гр. Гр. V, 48.
Осиповъ II, 112, 128, 145.
Остафьевъ А. Ф. VI, 156, 193.
Остерманъ гр. И. А. I, 174; III, 74; IV, 45; К, 21.
Оттонъ VI, 91, 102, 122.
Офренъ актеръ I, 154.
Офросимова Насг. Дм. IV, 38.
Охлебининъ Сем. Авдѣев. I, 214.
Охотниковъ VI, 115.
Ошанинъ игрокъ I, 214; VII, 233.

*

Павель I-й I, 21, 89—92, 97, 102, 107, 113, 119, 121, 122, 125, 130, 138, 141, 153, 162, 168, 169, 176, 177, 179—181, 190, 193, 194, 208, 215; II, 7, 11, 13, 17, 18, 28, 37, 40, 43, 53, 130; III, 4, 9, 12, 14, 15, 22, 23, 26, 54, 55, 59, 67, 81, 82, 86, 102, 117, 133, 134, 156, 160,

177, 180, 181; IV, 23, 36, 71, 170, 179, 180; V, 24, 35, 61, 62, 66, 79, 92, 163, 164, 175; VI, 101; VII, 143, 169, 202.

Павлинъ іеромон. VI, 81.

Павловы I, 13,

Пагани VI, 159.

Палень графъ Петръ Алекс. I, 176, 180, 181; II, 8; III, 78, 123, 160; VII, 111, 169.

Палень графъ П. П. VI, 78, 79.

Палень графъ Ѳ Петр. VII, 153, 169—173, 175, 179—192, 195, 196, 209, 217.

Пали IV, 24.

Палладіе II, 4.

Палласъ г-жа VII, 206.

Пальчевскій VII, 97.

Панина граф. Соф. Влад. I, 182.

Панинъ гр. Нлк. Ив. I, 193.

Панинъ графъ П. И. К, 23.

Панкратьевъ I, 208.

Панснеръ проф. II, 118.

Панчулидзе Давыдъ III, 28.

Панчулидзева Анна Дав. II, 129.

Панчулидзева А. И. VI, 76.

Панчулидзева К, 35.

Панчулидзева Ал-ѣй Давыд. III, 28—31.

Панчулидзева Сем. Давыд. III, 97.

Папковъ К, 32.

Паравичини графъ VII, 59, 60, 68.

Паскевичъ гр. Ив. Ѳ. VII, 118, 119, 160, 252.

Пассеки Вас. Вас. III, 198; VII, 94.

Пассекъ Петръ Богд. III, 59.

Пасхали Ант. Павл. VII, 158, 173.

Паулуччи маркизь V, 79.

Пашкова IV, 90.

Перевощиковъ V, 31, 154.

Перекусихина М. Сав. II, 36; III, 117.

Перестѣкинъ VII, 104.

Перетцъ III, 12.

Пермяковъ II, 149.

Перовскіе III, 84.

Перовскій II, 161, 173, 174.

Перовскій Вас. Ал. VII, 208, 209, 211.

Перовскій Л. А. II, 188.

Перовскій Н-й Ив. II, 111, 120; VII, 134.

Перро V, 25.

Перуцци пѣвецъ VII, 134.

- Пестель** Ив. Бор. II, 195.
Пестель Пав. Ив. V, 67; VII, 102.
Петерсонъ III, 94
Петрово-Солово Оед. Нлк. I, 202.
Петрулинъ В. В. VI, 110, 139, 149, 176, 189, 192; VII, 60, 65, 67, 70, 202.
Петръ I-й I, 80; II, 7, 31, 150, 181; III, 66, 78, 114, 179; IV, 13, 16, 22, 25, 27—32, 68, 82, 90, 184; V, 13, 46, 103, 168; VI, 107; VII, 228; К, 19—21, 24, 30.
Петръ II-й IV, 23; V, 8.
Петръ III-й I, 9, 20, 21, 75, 90, 93; II, 7; IV, 29.
Пещуровъ Никита Иван. I, 146, 147; III, 98, 99.
Пикулинъ Лука Егор. V, 144—153; VI, 61, 62.
Пилецкій Мартынъ VI, 36.
Пинетти К, 43.
Пинкертонъ IV, 83; VII, 177.
Писемскій Петръ Як. V, 171.
Питонъ VII, 230, 231.
Питтъ VII, 214.
Пиччини III, 121.
Піонъ IV, 113, 115.
Плавальщиковъ акт. I, 172.
Плагіано VI, 113.
Платовъ IV, 45, 87; V, 122.
Плещеева Агна Ив. V, 44, 45.
Плещеевъ А. А. V, 44, 45.
Плуталовъ Григ. Вас. V, 163.
Побѣдоносцевъ В. П. III, 143.
Повало-Швейновская IV, 63.
Повало-Швуйковскій Кіевскій ген.-губ. I, 199.
Подгурскій VI, 143.
Пожарскій князь IV, 16, 22.
Позняковъ III, 188.
Познякъ II, 27.
Покровскій Гав. Сем. II, 59.
Полевой II, 165, 186, 187.
Полетика П. И. V, 37, 38, 40, 72—74, 127; VII, 104.
Поликарпова Елнс. Павл. VII, 122.
Поликарповъ А-ъ А-др. VII, 244.
Политковскій III, 107.
Политковскій Гавр. Герас. V, 171.
Полихронія VI, 152, 154.
Полтева А-ра Ник. I, 104.
Полторацкій Конст. Марк. II, 189; IV, 145.
Полторацкій Маркъ Оедор. IV, 145.
Полторацкій О. Марк. VII, 136, 229.
Поль-фонъ VII, 250, 251.
Полуктова Л. VI, 29.
Померанцевъ акт. I, 172.
Понинскіе гр. I, 83.
Пономаревъ акт. II, 53.
Понятовскій Стан. I, 83, 113.
Понятовскій князь Юсифъ V, 96.
Поповъ VI, 36, 65.
Поповъ В. М. V, 65.
Поповъ Вас. Ст. I, 32; III, 56, 57, 95; VII, 228.
Поповъ Гавр. Степ. III, 34.
Поповъ Ив. Дм. V, 163, 164.
Портицкій VII, 64.
Посполитани VII, 160.
Потаповъ II, 112.
Потемкина III, 103.
Потемкинъ графъ Серг. Павл. III, 129, 148.
Потемкинъ князь Гр. Ал. I, 29—33, 43, 44, 119, 124, 139, 219; III, 56, 59, 86, 159, 170; IV, 11, 169; VI, 101, 109, 125, 144, 165; VII, 143, 178, 202, 218, 219; К, 25, 27, 29.
Потемкинъ Як. Ал. VI, 13, 16, 34.
Потѣ танцм. I, 52, 53, 61; II, 50; V, 24.
Потоцкая гр. Констанція II, 117.
Потоцкая граф. О. Ст. VI, 114, 124, 126, 127, 134, 136, 138.
Потоцкая гр. Софья VII, 200.
Потоцкіе гр. IV, 30; VI, 132, 137; VII, 89, 90, 185, 191.
Потоцкій Ал. VI, 188.
Потоцкій графъ Ив. Оспп. II, 116, 118, 119, 128; VI, 125, 137.
Потоцкій графъ Сев. Осип. II, 116; VI, 137; VII, 183.
Потоцкій графъ Ст.-Фел. VI, 125.
Потоцкій гр. Феликсъ II, 117.
Потье V, 19, 20; VI, 53, 138, 146; К, 54.
Поццо-ди-Борго III, 184; V, 126, 127.

Пражезская Татьяна Екпм. I, 63.
 Пражевской Прокоф. Оедор. I, 63.
 Прево-де-Люмианъ Ив. Ив. V, 54, 55
 Прелеста VI, 59.
 Приклонскій IV, 179.
 Прованскій графъ V, 4.
 Прозоровская княжна IV, 24.
 Прозоровскій VI, 176.
 Прозоровскій А. А. II, 223.
 Прозоровскій вк. III, 58, 88, 170; IV, 10, 106.
 Пронопій V, 97.
 Прокоповичъ Теофанъ IV, 82.
 Прони V, 118.
 Протасова Анна Степ. IV, 36.
 Протасова Ек. Ао. V, 43, 76.
 Протасовы V, 76.
 Прудниковъ V, 30.
 Прункуль IV, 28.
 Прункуль И. К. VI, 111, 143, 157; VII, 8, 9, 12, 13, 20, 32.
 Пугачевъ III, 163.
 Пукалова В. П. IV, 131.
 Пукаловъ Ив. Ант. IV, 131.
 Пупертова I, 82.
 Пушкина Ел. Гр. VI, 30.
 Пушкинъ Ал. Мпх. VI, 29.
 Пушкинъ А. С. III, 181; IV, 86, 99, 137, 165; V, 51, 82; VI, 9—11, 19, 55, 97, 98, 116, 119—124, 132, 150, 153, 169, 171—174; VII, 111, 112, 114, 134, 135.
 Пушкинъ Ал-ѣй Мпх. IV, 125.
 Пушкинъ Вас. Льв. I, 187, 188; II, 70; III, 136, 181; IV, 125; V, 36, 40—42, 45, 108, 111.
 Пущина VII, 192.
 Пущинъ П. С. VI, 115, 116; VII, 183.
 Пшеничный Григ. Григ. III, 18.
 Пѣвцова Софья Карл. II, 146, 147, 198, 200, 201.
 Пѣвцовъ Ал. Степ. II, 146, 151, 198.
 *
 Рагоцскій VI, 108.
 Рагузинскій Сав. Влад. II, 105.
 Радичъ Л. П. VI, 103, 104, 105, 116, 191; VII, 44, 76, 82, 83. *
 Радуканъ болръ VII, 65.
 Радюльфъ IV, 50, 62, 113.

Раевская Ел. Н. VI, 85, 115.
 Раевскій А. VI, 115, 116, 169, 171, 172, 188.
 Раевскій Н. Н. IV, 87; VI, 83, 169, 170.
 Разумовская графиня IV, 170; V, 176.
 Разумовскіе I, 59; IV, 134.
 Разумовскій гр. Ал-ѣй Григ. IV, 153.
 Разумовскій гр. А. К. II, 111; III, 83, 84; IV, 170.
 Разумовскій графъ Григ. Кпр. III, 83.
 Разумовскій гр. К. Г. I, 82; III, 83; IV, 153.
 Разумовскіе графы III, 67, 152; V, 64, 65.
 Рале-Самфираки VI, 184; VII, 12, 13.
 Рамазановъ V, 33; VI, 50.
 Рандъ О. Як. V, 157, 158, 162, 166, 167, 172, 178, 179, 190—192, 199—202; VI, 27, 38—41, 43, 45, 46, 49, 66, 67; VII, 97.
 Ранцовъ И. Ром. II, 58.
 Ранцовы II, 58; IV, 6, 59.
 Растиньякъ II, 33; III, 7.
 Раупахъ V, 6.
 Раутенштернь II, 86, 87.
 Раухъ V, 91.
 Рахманова актр. II, 53, 98; V, 33.
 Ребровъ шелков. VII, 223.
 Редедя князь К, 12.
 Резимонъ V, 20.
 Рейфъ, V162, 166, 167, 172.
 Рейхардтъ V, 57.
 Ренне VI, 176, 181.
 Ренд VI, 89, 91, 101, 119, 127, 168; VII, 70; К, 36.
 Репнинъ князь Н. Гр. V, 176, VI, 150; VII, 228.
 Ржевуская граф. Розалія VII, 184, 185.
 Ржевускій гр. I, 84.
 Ребиндеръ Бор. Борис. IV, 148.
 Ребиндеръ Бор. Владим. IV, 147, 148.
 Ребиндеръ графъ III, 186.
 Ребиндеры I, 7.
 Редовскій проф. II, 118.
 Реймерсъ II, 67.
 Реманъ II, 116, 121, 158.
 Рёмерь Нпкол. Оедор. III, 34.
 Репнинская Ел. Вас. II, 134,

- Репнинъ князь II, 5; IV, 117.
 Ржевскіе IV, 21.
 Рибась VI, 186; К, 28, 29.
 Рибопьеръ гр. Ал-дръ И. III, 102; IV, 116, 130, 178.
 Рибопьеръ И. С. III, 101—105, 109.
 Ризничъ Ив. VI, 127; VII, 47, 185.
 Римскій-Корсаковъ Андр. Петр. III, 33.
 Римскій-Корсаковъ Петръ Воин. III, 33.
 Рингъ III, 158.
 Ритшль еписк. VII, 250.
 Ришаръ III, 59.
 Ришелье герцогъ VI, 5, 89, 90, 110, 132, 134, 135, 174, 181, 186; VII, 160, 210; К, 31, 32, 34—39, 41, 57.
 Ріуфъ-де-Торанъ баронъ VI, 182; VII, 48, 49.
 Робеспьеръ V, 20; VI, 5.
 Роганъ V, 4.
 Роде III, 38.
 Родзянко Мих. Петр. VII, 167.
 Родіоновъ Илья III, 165.
 Розенбергъ ген. I, 96, 101; II, 63.
 Розенбергъ часовщ. II, 136, 201.
 Розенкранцъ II, 35.
 Розень баронъ Гр. Вл. VI, 34.
 Розены I, 8.
 Рокосовскій Ал-ѣй Ив. V, 181.
 Рокосовскій Платонъ Ив. V, 181.
 Рокуръ VI, 99, 100.
 Роланъ г-жа IV, 135.
 Ролленъ-де-Бельвилль I, 129, 140, 218, 219.
 Романовскій II, 203.
 Романіусъ генер.-поруч. I, 28.
 Романъ Святославичъ кн. К, 13.
 Ромодановскій князь I, 202, 203.
 Россетъ Алеко VII, 50.
 Россетъ Разнованъ VII, 50, 51, 115—117, 120.
 Россеты IV, 28; VII, 4, 23, 51.
 Росси актриса V, 24.
 Росси жпвоп. VII, 27.
 Росси Карлъ Ив. V, 24, 25, 27.
 Ростиславъ Владимировичъ кн. К, 12, 13.
 Ростопчина граф. Н. О. VI, 148.
 Ростопчинъ Вас. Федор. IV, 36.
 Ростопчинъ графъ С. О. V, 54.
 Ростопчинъ графъ О. В. I, 150—152, 158, 176; IV, 35—38, 44, 45, 61, 91, 134; V, 54, 124—127; VII, 138.
 Росцишевская I, 82.
 Ротшильдъ VII, 225.
 Ротшильды V, 103.
 Ротъ Логпнъ Осип. VII, 90, 91, 187.
 Ртищевъ II. О. IV, 182.
 Рубо VII, 224.
 Рубцовъ Пикандръ Самоил. III, 105.
 Рувье дѣвица VI, 138.
 Рудневъ V, 187.
 Румянцовъ В. И. VI, 100.
 Румянцовъ графъ Н. П. I, 76, 192; II, 12, 63, 175; III, 10, 11, 40, 64, 73, 78, 79, 87, 89, 90; IV, 133; V, 159, 160.
 Румянцовъ гр. П. А. I, 72, 75, 77, 78; II, 13; III, 170; IV, 70; V, 61—64; К, 23, 24, 27, 30.
 Румянцовъ гр. С. П. I, 76.
 Руничъ I, 208; VI, 65; VII, 41.
 Руновскій I, 208.
 Русановъ IV, 73; V, 140; VII, 86.
 Руско V, 24.
 Руссель II, 125.
 Руссо Жанъ-Жакъ III, 59, 60.
 Руссовъ VII, 8.
 Рылѣевъ К. О. VI, 57; VII, 102.
 Рышкано VII, 4, 12.
 Рыщевская графиня IV, 49, 51, 62, 68, 72, 76, 99—101, 113.
 Рювиль I, 54, 55.
 Рѣдькинъ И. О. VI, 160; VII, 66, 68, 69, 71.
 Рябининъ Андр. Млх. IV, 67.
 Рязановъ II, 105, 143.
 *
 Сабанѣевъ И. В. VI, 103, 116, 136, 190, 191; VII, 45, 75, 76.
 Саблуновъ Ал-дръ Александр. V, 158, 162, 167, 168, 172, 199.
 Сабурова Анна Вас. I, 106.
 Сабурова Елисавет. Петр. IV, 119.
 Сабуровы I, 13.
 Савари III, 5, 7, 8, 52.
 Савковъ Ив. Кирил. II, 200.
 Сагинъ-Гирей К, 23, 25.

- Сакенъ** IV, 114; VI, 34.
Сальватори IV, 35.
Салли V, 54,
Салтыкова гр. Д. П. I, 99—101, 158, 159, 183, 184; II, 64, 207.
Салтыкова графиня Праск. Ник. III, 86.
Салтыковъ Ал-дръ Вас. IV, 46.
Салтыковъ князь А. П. II, 209; III, 11; IV, 133; V, 42.
Салтыковъ гр. Ив. П. I, 78, 82, 93—96, 99, 100, 111, 103, 117, 118, 138; II, 65, 124.
Салтыковъ Мих. Александр. III, 59, 60; V, 42.
Салтыковъ кн. Н-й Ив. II, 11; IV, 130, 131, 133, 157, 180; III, 11.
Салтыковъ гр. П. С. I, 182.
Салтыковъ гр. С. А. I, 182.
Салтыковъ Серг. Вас. III, 85, 89, 90.
Салтыковы князья I, 118, 151, 157, 157, 158, 168, 170, 174, 177, 184, 220; II, 218; IV, 46, 98; V, 60, 88, 130.
Самбурскій IV, 179.
Самойлова Елена Александр. VII, 139.
Самойловъ III, 131; VI, 50.
Саморъ князь V, 87.
Самуиль Кіевскій митроп. I, 64.
Сандерсъ Марина Игн. VII, 62, 63.
Сандерсъ Ольга Θεодор. VII, 63.
Сандерсъ Θεод. Ив. I, 11, 12.
Сандулаки Θεодосіу VII, 13, 62.
Сандунова V, 34.
Сандуновъ акт. I, 171.
Сандуновы I, 171.
Сангленъ (де) Яковъ III, 115.
Саражиновичъ П. Г. VI, 96.
Сафоновъ Ст. Вас. VII, 82, 83, 97, 171, 186.
Сахарова актр. I, 172.
Сахновская Татьяна Екпм. I, 63.
Свань квакеръ II, 186.
Сведенборгъ V, 176.
Свининъ Пав. Петр. К. 14, 15.
Свѣчинъ Ал-й Ив. VII, 143, 145, 210.
Святославъ в. кн. К. 12.
Святославъ Ярославовичъ кн. К. 13
Себастиани III, 170.
Севастьяновъ V, 20.
Северинъ Д. П. V, 39, 40, 42, 145.
Северинъ П. И. V, 39, 40.
Сеидъ V, 97.
Селеховъ VI, 96.
Селимъ-Гирей К. 24.
Селифонтова А-ра Еф. II, 187.
Селифонтовъ Ив. Осип. II, 164—166, 187, 195.
Семенова Нимфодора III, 132; IV, 166; V, 34; VI, 50; VII, 254.
Семеновъ I, 10; II, 171, 173, 177, 182.
Семишинъ полк. VII, 94.
Сенваль III, 122, 123.
Сенноверъ Ст. Игн. V, 17, 18, 119; VI, 24.
Сенноверъ Стефанія V, 18.
Сень-Жюстъ VI, 5.
Сень-При II, 33; К. 24.
Сень-Феликсъ VI, 53.
Синявинъ адмир. III, 52.
Серафимъ митр. VI, 37, 65.
Сердобинъ II, 15.
Серебряковъ Дм. Сем. II, 57, 59; V, 157, 178, 200.
Серра-Напріола дюжъ II, 35.
Сеславинъ IV, 75.
Сесси VII, 53.
Сестренцевичъ IV, 83.
Сибилева дѣвица I, 113.
Сибиряковы II, 165.
Сиверсъ графъ V, 16.
Сигаревичъ протоіер. I, 41.
Сигизмундъ Августъ V, 84.
Сигнеусъ еписк. VII, 250.
Сизовъ куп. II, 182.
Сикстъ V-й IV, 7.
Симашко Іосифъ VII, 245, 246.
Симбухинъ Андр. Петр. I, 24.
Синельниковъ Ал-ъ Никит. VII, 153, 155, 157, 158, 164, 170, 175, 179, 207, 211, 212; К. 46.
Синявская актр. I, 172.
Синявинъ И. Г. VI, 121, 124, 188; VII, 187.
Сипягинъ Никол. Мартемьян. V, 170.
Сиракъ VI, 89, 127.
Сієсъ II, 220; V, 50.
Снаворонскіе графы VI, 78.

- Скавронскій** графъ Пав. Март. III, 85, 86.
Скарронъ V, 17.
Скасси VII, 98, 156—160, 163, 171, 173, 179, 181, 207—212, 217; К. 35, 37—43, 45, 46, 49, 51, 52, 55, 57, 59, 65, 67.
Скина VI, 113.
Скляренко Вл. Моис. VI, 142, 143, 166, 173, 175.
Скоробогатовъ VI, 166.
Скрипкинъ штыкъ-копцерь I, 41.
Скуратовъ Малюта I, 92.
Скюдери врачъ IV, 67.
Славичъ VI, 165.
Словцовъ II, 26.
Смирновъ Владимиръ Савичъ V, 182, 194.
Смирновъ Никол. Вас. I, 218, 219.
Смирновы V, 130, 132; VI, 154.
Смиттенъ г-жа III, 80.
Сабаньская Карол. Адам. VII, 184, 185, 189, 190, 191, 217.
Соболевскій Серг. Александр. VII, 134.
Собѣскій Иоаннъ I, 86.
Соймоновъ Ал-ъ Никол. VII, 134.
Соковнина Софья Вас. I, 52.
Соколовскій I, 162.
Соколовъ лакей I, 55.
Соколовъ V, 66.
Солнцева Авна Матв. IV, 99.
Солнцева Матв. Мих. IV, 99.
Сологубъ гр. Ев. Ив. II, 76; IV, 11.
Сологубъ гр. Наталья Льв. II, 76.
Сологубъ граф. VI, 157.
Сосницкій V, 33, VI, 50; VII, 254.
Сосновскій II, 35.
Софія Алексѣевна царица IV, 16, К. 19.
Софія Ѳомишишна царица IV, 21.
Сохацкій III, 143;
Спада VII, 185, 189, 190, 191.
Спасскій II, 159.
Сперанская-Багрѣева Е. М. II, 10.
Сперанскій графъ М. М. II, 7—10, 13, 23—25, 27, 29, 30, 34, 57, 59—61, 63, 103, 206, 223; III, 16, 18, 19, 40, 54, 67—88, 99, 107, 109—116, 183, 184; IV, 33—35, 38, 52, 92, 95, 96, 143, 178; V, 43, 67, 68, 175—177; VII, 103, 122.
Спренгпортень I, 188.
Стакѣльберги IV, 134.
Сталь г-жа IV, 136; VI, 32, 33.
Сталь фонъ-Голстейнъ II, 189.
Стамати братья VI, 184.
Станевичъ Евстаф. III, 149.
Станиславъ V, 96.
Стариневичъ Никол. Александр. V, 121, 122, 124—126; К. 44.
Старовъ П. 41; V, 24.
Стасовъ Вас. Петр. V, 25, 27, 29.
Стемпковскій Ив. Алексѣев. VII, 210—212, 217, 220.
Стенгопъ VII, 41.
Степанова V, 34.
Степанъ свящ. I, 35, 36; VI, 82.
Стефанъ воевода Молдавскій VI, 21.
Стивенсъ г-жа II, 23.
Стивенсъ дѣвица II, 10, 22.
Столыпина Вѣра Никол. IV, 96.
Столыпинъ А. А. I, 208—215, 216; II, 24, 61, 63, 76, 230; IV, 91—97, 105, 109.
Столыпинъ А. Д. I, 172.
Столыпины V, 67.
Стриттеръ I, 162.
Строганова баронесса Нат. Мих. IV, 157—159, 161; V, 117, 118.
Строгановъ баронъ Ал-дръ Серг. IV, 158—161.
Строгановъ графъ А-ъ Серг. II, 5, 6, 41, 49; III, 177, 179.
Строгановъ Грлг. Александр. IV, 160.
Строгановъ р. Пав. А-др. II, 5, 12; III, 16.
Строгановы графы III, 106, 117, 124; IV, 142, 153, 181.
Струве Хр. Андр. II, 114, 171—173, 174; V, 99.
Студилловская IV, 138.
Ступишина Агнія Дм. II, 75, 79; VI, 58, 76.
Ступишина Ал-дра Ив. II, 80, 81.
Ступишинъ И. Алексѣев. I, 213; II, 79; III, 97, 159;
Ступишины II, 79; IV, 106; VI, 76.
Стурдза А. Ск. 123, 129, 130; VI, 158, 159, 161, 186; VII, 24, 192.

Стурдза Гр. Д. VI, 160, 162.
Стурдза Дм. VII, 8.
Стурдза И. М. VI, 104, 112, 116, 117.
Стурдза М. Гр. VI, 160.
Стурдза Рокс. Скорлат. V, 64, VI, 128, 129, 156—160.
Стурдза Скарл. Д. VI, 70, 71, 129, 130, 144, 150, 180; VII, 4, 12, 14, 34.
Стурдза Яшко VI, 155; VII, 8, 42, 54.
Стурдзы IV, 28; VII, 4, 12, 23, 24.
Суворовъ князь А. В. I, 76, 77, 96, 179; II, 4, 228; III, 26, 41, 144, 145, 170; IV, 67, 70, 84, 130; K, 26, 27, 59.
Сулима Пр. Акм. I, 211.
Султанъ-Керимъ-Гиреевъ Ал. Ив. VII, 176, 177.
Сумарокова М. П. I, 133.
Сумароковъ Пав. Ив. I, 132, 133.
Сумароковъ Пашкраг. III, 82, 127, 143.
Сумароковъ С. П. I, 133.
Сухтеленъ Марья Петр. II, 44.
Сухтеленъ Пав. Петр. II, 45.
Сухтеленъ Петръ Корп. II, 43, 44.
Сухтеленъ гр. Руфь Корп. II, 113, 114, 119, 139—142, 146, 147, 152, 157, 158, 160, 161, 163, 173; III, 41; IV, 136, 143, 177.
Сухтелены I, 49; II, 63.
Суццо гр. VI, 113.
Суццо Н. VI, 113.
Сушковъ Ник. Вас. VII, 187, 188.
Сушковы VII, 187.
Сѣдлниціе IV, 30.
Сѣнной Ив. Алексѣев. II, 170, 171.
 *
Таафе гр. VII, 42.
Тавастъ III, 164.
Талейранъ III, 87; IV, 150, VI, 172.
Талуэтъ III, 6.
Тальма актръ IV, 161.
Талызина А. И. I, 104; II, 95.
Таманскій кап. I, 137, 142.
Тамара I, 62.
Танкознь Фр. консуль VII, 44.
Танской VII, 35.
Танѣва Ек. Никол. III, 45, 46, VI, 62.
Танѣвъ Серг. Мпх. III, 45.
Танѣвы II, 37.

Тарановъ-Бѣлозеровъ VII, 147.
Тарашкевичъ VI, 166.
Тардифъ VI, 105, 106.
Тарховъ I, 163.
Татаринова VI, 36.
Татищевъ А. И. VI, 59.
Татищевъ графъ II, 223; VII, 100, 214.
Татищевы IV, 21, 25.
Твердышевъ IV, 90, 159.
Тезиковъ II, 230.
Теннеръ II, 119.
Тепловъ сенаторъ II, 111, 120, 171, 173, 174; III, 132.
Теребенева IV, 79.
Терпигоревъ III, 102.
Теслевъ кап. II, 119.
Тизенгаузенъ графъ сенат. VII, 250.
Тимковскій Вас. Ѳеодор. VII, 46, 54, 56, 57, 66, 67, 69—72, 75, 81, 86, 87, 97, 99, 195.
Тимофѣевъ II, 190.
Тинькова Анф. Никан. II, 84, 87.
Тиньковъ Серг. Як. II, 84, 85, 230.
Титова II, 150.
Титовъ П. Я. V, 55.
Тихомировъ Никол. Спир. II, 59.
Товаровъ Ал-дръ Гряг. III, 188; IV, 122; V, 196; VII, 113.
Товаровы III, 188.
Този пѣвецъ VII, 134.
Толстая гр. Аграѳ. Ѳеодор. VII, 123.
Толстая графиня Анна Ег. V, 186.
Толстая графиня Стѣп. Алексѣевна IV, 90, 91.
Толстой графъ Андр. Ив. IV, 90.
Толстой графъ Ив. Петр. IV, 90.
Толстой графъ Петръ Алексѣев. II, 203; III, 7, 8; IV, 44, 53, 56, 89—91, 93, 95, 97; V, 143.
Толстой графъ Петръ Петр. IV, 90.
Толстой гр. Ст. Ѳеодор. II, 85.
Толстой графъ Ѳеодоръ Андр. IV, 89, 90; VII, 123, 233.
Толстой графъ Ѳ. Ив. американаецъ II, 143; III, 43, 74, 75.
Толстые графы I, 210; V, 127, 186.
Толь III, 114.
Томазини VII, 147, 177.

- Томонъ II, 41, 42, 48; V, 24, 27.
 Томъ VI, 173, 174; VII, 192.
 Тонъ V, 31.
 Топорновъ д. с. с. II, 16.
 Топорнина Ал-дра Степ. IV, 12.
 Торанъ-(де) г-жа VII, 49.
 Тормасовъ Ал-дръ II, III, 58; IV, 43, 134;
 VI, 29.
 Торнау фонъ, баронесса VI, 63.
 Торси IV, 153.
 Торстенсонъ III, 65.
 Торсуновъ Ард. Александр. II, 36.
 Траверсе (де) маркизъ IV, 148; VI, 59;
 VII, 35.
 Треборнъ почтъ-д. II, 66.
 Трегубовъ Н. Я. VI, 90, 93.
 Тредьяковский V, 41.
 Трескина Над. Ив. I, 14; III, 174, 175.
 Трескинъ Ив. Львов. III, 174, 175.
 Трескинъ Петръ Ив. III, 174, 175.
 Третеръ Вас. Карл. V, 21, 22, 26, 29,
 200.
 Триполито VII, 158, 159, 160.
 Трифилій іеромон. VI, 81.
 Трощинскій Дм. Прок. I, 180; II, 63;
 III, 84; IV, 134; V, 65.
 Трубецкая княжна Праск. Юр. IV, 70;
 VI, 80.
 Трубецкіе кн. II, 215, 226; III, 106,
 140; IV, 15, 22, 24; VI, 150.
 Трубецкой ввязъ Гр. II. VI, 30, 79,
 Тугутъ графъ III, 60.
 Тулинова Анна Сем. II, 66.
 Тулинова Вар. И. II, 62.
 Тулиновъ А-й Ив. II, 205.
 Тулиновъ И. И. II, 62, 66.
 Тулиновы II, 62, 65, 205, 223; III, 46
 V, 174; VI, 10, 23; VII, 210.
 Туманскій В. И. VI, 119, 132.
 Туманскій Ив. Гр. I, 63.
 Тургеневъ Ал-дръ И. I, 165, 177; II,
 213—217 (его характеристика); III, 33,
 34, 118, 133, 150, 181; V, 45—47, 65,
 121, 140; VI, 55, 65.
 Тургеневъ Андрей Ив. I, 165.
 Тургеневъ Ив. Петр. II, 214.
 Тургеневъ Нпкол. И. V, 45—48, 56,
 140, 158; VI, 10, 12, 56.
 Тургеневъ Серг. И. V, 140.
 Турнь-Таксійская княгиня V, 145.
 Турчанинова Фелицата дѣвица, I, 113—
 116, 118, 196; II, 150.
 Турчаниновъ А-ъ А-ндр. I, 113.
 Туссенъ-Мезьеръ III, 119.
 Тутолминъ Тимоф. Ив. II, 218, 223.
 Тухачевская Елис. Петр. III, 174, 175;
 IV, 155; V, 113, VII, 135.
 Тухачевская Над. Александр. IV, 155;
 VII, 135, 231.
 Тухачевскій Н. А. Тульск. губ. V, 120;
 VII, 230.
 Тухачевскій Нпкол. Серг. IV, 155; VII,
 135, 136.
 Тухачевскій Серг. Сем. III, 174; IV, 155.
 Тухачевскія VII, 135.
 Тучковъ Нпкол. Алексѣев. III, 40, 41, 43
 Тютчева Над. Ив. III, 174, 175.
 Тютчевъ III, 176; VI, 131.
 Тюфякина княг. II, 38.
 Тюфякинъ князь П. И. III, 22; V, 35,
 36; VI, 50, 51.
 Уварова Дарья Ив. IV, 169.
 Уваровъ С. С. графъ II, 15, 216; III, 106;
 IV, 169, 173—176; V, 8, 40, 41, 51; VII, 41.
 Уваровъ Сем. Ѳеодор. IV, 169.
 Уваровъ Ѳеодоръ Петр. IV, 170; VI, 34.
 Уваровъ Ѳеодоръ Семен. IV, 169.
 Угрюмовъ ст. с. VII, 81, 188.
 Улыбышева Агаея Ив. IV, 78.
 Улыбышева Ел. Александр. IV, 77—79.
 Улыбышевъ Ив. IV, 76—78.
 Унгернъ-Штернбергъ баронъ I, 20.
 Урсулъ VI, 164, 165, 166.
 Урусова княжна Ек. Серг. I, 114; II, 228.
 Урусовы княжны VI, 29.
 Успенскій IV, 25—27.
 Устиновы V, 171.
 Ухтомскій князь VI, 78.
 Ушаковы I, 13.
 Фабръ V, 19, 20; VII, 97.
 Фалѣевъ К. 29.
 Фантацци III, 122.
 Фанъ-деръ-Флитъ А-а Ефр. II, 166.

Феньшъ Кіевск. г. губ. I, 198—201; VII, 151; К, 32.

Фердинандъ принцъ Кобургскій III. 49.

Фердинандъ VII-й V, 179; VI, 7.

Фердинандъ д' Эсте VII, 117.

Фердинандъ эрцгерцогъ III, 58.

Ферзенъ гр. I, 92.

Ферморъ гр. I, 75; К, 22.

Фетъ-Али-шахъ К, 50.

Фигнеръ IV, 75.

Филаретъ М. М. III, 73; IV, 82.

Филиповскій VII, 97.

Филисъ актр. II, 48, 49; III, 39, 121, 122, 131, 132; IV, 166; VI, 52.

Фирихъ VI, 159, 162.

Фирсовъ в. губ. VII, 99, 215.

Фитингофъ г-жа V, 11.

Фіорованти III, 130.

Флёри VI, 180, 181.

Фодоасъ III, 6.

Фодоръ-Менвиль III, 132.

Фоксъ II, 6.

Фокъ Переясл. коменд. I, 39, 42, 43.

Фонъ Макс. Як. I, 39,

Фокъ Петръ Як. I, 43.

Фонвизинъ Д. III, 35, 124.

Фонтанъ V, III.

Фанъ-Фокъ Макс. Як. VII, 39, 107—110.

Форсеваль г-жа I, 107—110, 113, 118.

Форсеваль госп. I, 108, 129; III, 22.

Фотинъ врачъ VII, 44.

Фотій архимандр. VI, 65.

Фохтсъ Каролина Ив. VII, 60.

Франкони V, 112.

Франкъ баронъ V, 140.

Франкъ Ант. Ром. VII, 142.

Франкъ VII, 144, 188, 189, 205.

Франкъ г-жа VII, 143.

Франкъ-Пфейлицеръ От. Ром. баронъ VI, 90, 91, 95, 122, 124, 172; VII, 86, 141, 142, 167.

Францовъ IV, 73.

Францъ II, II, 233.

Фраполи дѣвпца VI, 133; VII, 186.

Фреморъ I, 52.

Фридрихъ принцъ Виртембергскій I, 31, 32.

Фридрихъ I-й V, 85.

Фридрихъ Великій V, 30, 88, 91, 92, 94, 100.

Фрожеръ актсръ I, 156 III, 119.

Фуа VI, 6.

Фундуклей VI, 93.

Фурманъ Ал. Оедор. VII, 68.

Фурманъ г-жа VII, 188.

Фурманъ Ром. Оедор. VII, 68.

Фуше III, 111; VI, 10.

Фюалдесъ V, 112.

*

Хамаритѣ VII, 160, 172, 180, 182.

Ханджери княг. VI, 180.

Ханджери Телемакъ VI, 152.

Хартулярій VII, 157, 209.

Хвостова А-а. Петр. II, 225, 227; III, 6, 7, 59, 155, 158; IV, 131, 135, 136; VII, 41.

Хвостовъ А-ъ Сем. II, 112, 157.

Хвостовъ Вас. Сем. II, 156, 193, 196.

Хвостовъ графъ Д. И. III, 129, 143—146, 149, 154, 161; IV, 50, 131, 166, 168.

Хвостовъ Дм. Сем. II, 225, 226.

Хвостовы II, 139, 140, 156, 158, 171, 173, 174.

Хераснова II, 225.

Херасновъ М. М, I, 114; III, 133, 135, 143.

Хереснуловъ II, 225.

Херубини III, 122, 130.

Херхеулидзевъ князь Зах. С. VI, 122; VII, 187.

Хилкова княжна Анна Мих. III, 32, 36.

Хилкова княгиня Елисавет. Петр. III, 32.

Хитровъ сенат. VII, 4.

Хлюстинъ VII, 235.

Хмельницкій Богд. I, 57; IV, 30; К, 19.

Хмельницкій Никол. Ив. V, 154; VI, 55.

Хованская кн. I, 51, 54, 55, 68.

Хованская княжна Аппа Александр. V, 79, 80.

Хованская княжна Нат. I, 53, 184, 185.

Хованскія княжны I, 184.

Хованскій князь Вас. А. I, 51—53, 55, 57; II, 65, 204.

Ховрина Ал-дра Степ. IV, 12.

Ховринъ Левъ Вас. IV, 12.

- Холоневская IV, 49.
 Хомяковъ А. Ст. III, 148.
 Хорватъ О. И. VI, 101.
 Хотяевъ VII, 35.
 Храповицкая IV, 67.
 Храповицкій Ив. Сем. VII, 243.
 Хребтовичъ графъ VI, 37, 176.
 Христина королева III, 65.
 Христианъ принцъ Датскій, V, 49.
 Христіернъ III, 65.
 Хрущова Агафья Ив. IV, 78.
 Хрущовъ Александръ Павл. V, 157,
 200, 201.
 Хрущовъ Ал-дръ Петр. IV, 78, 79.
 Хрущовъ Петръ Петр. IV, 78, 79.
 Хрущовы II, 94; V, 189; VI, 39, 45.
 *
 Цвиллингъ Ив. Ив. V, 166.
 Цейеръ II, 25.
 Цирлейнъ Эд. Карл. II, 112, 113.
 Читень V, 90.
 Циціановъ кн. II, 105.
 *
 Чаадаевъ П. Я. VI, 18, 20.
 Чарторижскіе IV, 30, 181.
 Чарторыжскій кн. Ад. II, 5, 11, 105,
 206; III, 9, 16, 84, 117; V, 10.
 Чацкій гр. I, 84.
 Чегодаевы I, 206.
 Чемесова Марѳа Андр. VI, 58, 76.
 Чемесова Марѳа Ефим. IV, 106, 108.
 Чемесовъ Е. П. I, 26, 213; II, 81, 83,
 84, 125; IV, 106; VI, 58.
 Чемесовы II, 83, 86; VI, 58.
 Чепъга атаманъ К, 26.
 Чернасская княгиня Над. Александр.
 V, 182.
 Чернецкій музык. I, 42.
 Черникова III, 131.
 Чернина гр. VI, 181,
 Чернины IV, 30.
 Чернышова графиня Анна Ив. V, 44.
 Чернышова граф. Д. П. I, 138.
 Чернышовъ граф. А. И. VII, 214.
 Чернышовъ графъ З. Гр. I, 122.
 Чернышовъ графъ Ив. Григ. V, 44, 99.
 Чернышовъ гр. П. Г. I, 99.
 Чернышovy гр. II, 226; IV, 87, 162, 163.
 Четвериковъ I, 198.
 Четвертинская княжна Жанета IV, 68,
 138.
 Четвертинская княгиня Над. Федор. IV,
 67, 68, 70, 113.
 Четвертинскій князь Ант. IV, 68.
 Четвертинскій князь Борисъ Ант. III,
 102; IV, 59, 68, 69, 99, 137.
 Четвертинскій князь Густавъ Антон.
 IV, 68.
 Четвертинскій кн. Конст. Ант. IV, 68.
 Чингисъ-ханъ К, 15.
 Чичаговъ П. В. II, 12; III, 16, 87; IV,
 39, 43, 81; V, 125, 126; VI, 68; VII, 61.
 Чоблоковъ III, 55; V, 21.
 Чороковъ Григ. Петр. II, 234.
 Чудаковской I, 209.
 Чудовской V, 90.
 Чулковъ Вас. Ив. I, 14, 15, III, 173,
 174.
 Шабó баронъ VI, 23.
 Шаликовъ III, 138—140, 143.
 Шапошниковъ III, 129, 148.
 Шардонъ г-жа I, 48, 49, 51, 53, 84,
 200.
 Шардонъ инженер. I, 46, 48, 49, 141;
 II, 43.
 Шаренбергъ III, 164.
 Шатобріанъ V, 111; VI, 182.
 Шатровъ III, 133.
 Шауфусъ Елис. О. VII, 158.
 Шаховская княжна IV, 67.
 Шаховской кн. А. А. II, 51, 56; III,
 38, 125, 126, 128—130, 144, 147, 150,
 151; IV, 164, 166, 168, 171—173, 175,
 177; V, 33, 36; VII, 187.
 Шаховской князь Бор. Гр. V, 185.
 Шаховской кн. Вал. М. VI, 51, 55, 121.
 Шаховской князь Никол. Григ. V, 185,
 186.
 Шварценбергъ князь III, 57; IV, 81;
 V, 98.
 Шварцъ И. И. II, 127, 128; III, 114;
 VI, 16, 20, 54; VII, 159.
 Шварцъ тракт. II, 139.
 Шевалье актриса I, 155; II, 48; V, 24.
 Шевалье-дю-Брюнъ К, 53.

- Шевалье-де-Карро VI, 181.
 Шевалье-де-Сиво VI, 181.
 Шеваревъ II, 129.
 Шевелева I, 124.
 Шевыревъ V, 44.
 Шемаевъ V, 35.
 Шёнфогель докторъ I, 60.
 Шепелевъ Дм. Дм. V, 189.
 Шепингъ III, 123.
 Шервудъ VII, 91.
 Шереметева Варв. Петр. IV, 67.
 Шереметева Ек. Вас. IV, 67.
 Шереметевъ гр. Дм. Никол. IV, 67;
 VII, 27.
 Шереметевъ графъ Н. П. I, 146, 193.
 Шереметевъ Серг. Вас. IV, 67.
 Шетарди II, 7.
 Шиллеръ V, 99.
 Шиль III, 58.
 Ширковъ Семенъ Ерм. I, 58.
 Ширковы I, 58.
 Шишкинъ VI, 45.
 Шишкова жена министра I, 12.
 Шишковъ Ал. Сем. II, 55, 56; III, 144,
 148, 150; IV, 35, 52, 80, 141, 143, 165;
 V, 41, 111; VI, 65; VII, 40, 100, 125,
 214, 245—247.
 Шишковъ в. губ. II, 164.
 Шкляренко VII, 196, 207, 211, 212.
 Шкоттъ баронесса III, 160.
 Шлыковъ III, 175.
 Шоазель-Гуфье гр-я VI, 114, 125.
 Шовелень VI, 7.
 Шпигель К, 22.
 Шредеръ Андр. Андр. V, 127.
 Штакеншнейдеръ V, 31.
 Штейнбергъ II, 51.
 Штейнгель III, 80.
 Штейнгель Ив. Ѳеодор. II, 195, 196;
 Штейнсбергъ III, 124.
 Штейнъ баронъ IV, 80; V, 6, 8, 46,
 51, 93; VI, 35.
 Штиглиць III, 12.
 Штокманъ К, 22.
 Штось ф.-егерь II, 112, 116, 177.
 Штофельнъ К, 22.
 Штуттергеймъ V, 83.
 Шубертъ А-й Петр. II, 117, 118, 128,
 129, 157, 167, 182, 189.
 Шуберты II, 179; 207.
 Шувалова гр. Е. П. II, 10.
 Шуваловъ графъ Андр. Петр. III, 51,
 53.
 Шуваловъ графъ Пав. Андр. III, 50,
 51, 53, 60, 61, 75.
 Шуйская княг. I, 84; II, 35.
 Шуйскій царь I, 83; III, 65; IV, 22.
 Шульженко VI, 112.
 Щедринъ V, 31.
 Щениковъ V, 34.
 Щербатова княжна I, 202; IV, 24.
 Щербатова княжна Анна Андр. III,
 90; IV, 136
 Щербатова княжна А. М. VI, 18.
 Щербатова княж. Марья Анд. IV, 149.
 Щербатова княг. Анна Мих. III, 32, 36.
 Щербатовъ князь Андр. Ник. III, 32,
 90; IV, 25.
 Щиржецкій Ив. Дан. VII, 157, 179,
 207, 211, 212.
 Щученковы I, 163.
 *
 Эвеніусъ VI, 43.
 Эгмонтъ V, 8.
 Эдлингъ графиня Рокс. Скарл. V, 64;
 VII, 192.
 Эделингъ графъ Альб. VI, 128, 129.
 Эйбень баронъ I, 126.
 Эйтнеръ VI, 146, 184.
 Эйхфельдъ VI, 116, 184.
 Экартъ V, 98.
 Элимъ князь V, 99.
 Эллизенъ Ег. Ег. V, 56, 72; VII, 97.
 Эльсонъ архит. VII, 73.
 Эмме И. Ѳ. VI, 75.
 Энгельгартъ гр. А. В. I, 43.
 Энгельгартъ В. В. VI, 86; VII, 178.
 Энгельгартъ Ив. Мих. II, 146, 147.
 Энгельгартъ III, 86; IV, 58.
 Энгельсонъ IV, 40.
 Эртель I, 168, 169, 177, 180; III, 114.
 Эспехо Каролина VI, 67.
 Эспехо V, 180; VI, 22, 42.

Эссенъ Петръ Кирил. II, 201; VII, 55.
Эстенвиль (д^т) маркиза V, 126.

Юматова Ал-дра Фил. V, 69.
Юматова Анна Дм. V, 69.
Юматовъ Дм. Ив. V, 69.
Юматовъ Петръ Ив. V, 69.
Юматовъ Ст. Ив. V, 69.
Юматовы VI, 75.
Юнгъ-Штиллингъ V, 176.
Юни Францъ Александр. II, 111, 112, 120.
Юргенсъ IV, 146--148.
Юсупова княгиня Т. В. I, 131, 143, III, 103.
Юсуповъ князь V, 113.
Юсуповы IV, 32.
Юшкова Анна Петр. II, 202; VII, 216.
Юшковы II, 140—142.

Яблоновская княг. I, 83,
Яблоновскій князь I, 12.
Ягелло V, 84.
Ягницкій V, 140; VII, 86.
Языковъ Дм. Ив. III, 153.
Якоби ген.-г. II, 164.
Яковлевъ авт. I, 159; II, 51—53; V, 34; VI, 47, 48.
Яковлевы I, 13.
Якубовичъ декабр. I, 59.
Яновская Гуд. Ос. VI, 82.
Яновскій Евст. Яковл. I, 35.
Яновской шт.-лек. I, 41.
Янь Казимиръ I, 86.
Ярославъ Владимировичъ кн. К, 12, 13.
Яхонтовъ I, 41.
 *
Федоровъ Пав. Ив. II, 51; VII, 83, 198, 199, 215.
Феодоръ Иоанновичъ царь IV, 21.
Феофилактъ III, 73.
 *